UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01167314 2

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

124 (self-int. r.u.)

СОЧИНЕНІЯ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

РОМАНЪ

ЧТО ДѢЛАТЬ?

ИЗДАНІЕ М. Н. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, 27.
1905.

СОЧИНЕНІЯ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

РОМАНЪ

ЧТО ДѢЛАТЬ?

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

М. Н. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая № 27.
1905.

LIBRARY
APR 15 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3321
C6C4
1905

ЧТО ДѢЛАТЬ?

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О НОВЫХЪ ЛЮДЯХЪ.

(Посвящается моему другу О. С. Ч.).

I.

Дуракъ.

По утру 11 іюля 1856 года, прислуга одной изъ большихъ петербургскихъ гостинницъ у станціи московской желѣзной дороги была въ недоумѣніи, отчасти даже въ тревогѣ. Наканунѣ, въ 9-мъ часу вечера, пріѣхалъ господинъ съ чемоданомъ, занялъ нумеръ, отдалъ для прописки свой паспортъ, спросилъ себѣ чаю и котлетку, сказалъ, чтобъ его не тревожили вечеромъ, потому что онъ усталъ и хочетъ спать, но чтобы завтра непремѣнно разбудили въ 8 часовъ, потому что у него есть спѣшныя дѣла, заперъ дверь нумера, и, пошумѣвъ ножемъ и вилкою, пошумѣвъ чайнымъ приборомъ, скоро притихъ,—видно, заснулъ. Пришло утро; въ 8 часовъ слуга постучался къ вчерашнему пріѣзжему—пріѣзжій не подаетъ голоса; слуга постучался сильнѣе, очень сильно — пріѣзжій все не откликается. Видно, крѣпко усталъ. Слуга подождалъ четверть часа, опять сталъ будить, опять не добудился. Сталъ совѣтоваться съ другими слугами, съ буфетчикомъ.—„Ужь не случилось ли съ нимъ чего?“ — „Надо выломать двери“.—„Нѣтъ, такъ не годится: дверь ломать надо съ полиціею“. Рѣшили: попытаться будить еще разъ, посильнѣе; если и тутъ не проснется, послать за полиціею.—Сдѣлали по-

слѣднюю пробу; не добудились; послали за полиціею, и теперь ждутъ, что увидятъ съ нею.

Часамъ къ 10 утра пришелъ полицейскій чиновникъ, постучался самъ, велѣлъ слугамъ постучаться, — успѣхъ тотъ же, какъ и прежде.—„Нечего дѣлать, ломай дверь, ребята“.

Дверь выломали. Комната пуста.—„Загляните-ко подъ кровать“—и подъ кроватью нѣтъ проѣзжаго. Полицейскій чиновникъ подошелъ къ столу,—на столѣ лежалъ листъ бумаги, а на немъ крупными буквами было написано:

„Ухожу въ 11 часовъ вечера, и не возвращусь.—Меня услышатъ на Литейномъ мосту, между 2 и 3 часами ночи. Подозрѣній ни на кого не имѣть“.

— Такъ вотъ оно, штука-то теперь и понятна, а то никакъ не могли сообразить, сказалъ полицейскій чиновникъ.

— Что же такое, Иванъ Аѳанасьевичъ? спросилъ буфетчикъ.

— Давайте чаю, разскажу.

Разсказъ полицейскаго чиновника долго служилъ предметомъ одушевленныхъ пересказовъ и разсужденій въ гостинницѣ. Исторія была вотъ какого рода.

Въ половинѣ 3-го часа ночи, — а ночь была облачная, темная,—на срединѣ Литейнаго моста сверкнулъ огонь и послышался пистолетный выстрѣлъ. Бросились на выстрѣлъ караульные служители, сбѣжались малочисленные прохожіе, — никого и ничего не было на томъ мѣстѣ, гдѣ раздался выстрѣлъ. Значитъ, не застрѣлилъ, а застрѣлился. Нашлись охотники нырять, притащили черезъ нѣсколько времени багры, притащили даже какую-то рыбацкую сѣть, ныряли, нащупывали, ловили, поймали полсотни большихъ щепъ, но тѣла не нашли и не поймали. Да и какъ найти? — ночь темная. Оно въ эти два часа ужь на взморьѣ,—поди, ищи тамъ. — Поэтому возникли прогрессисты, отвергнувшіе прежнее предположеніе:—„А можетъ быть, и не было никакого тѣла? можетъ быть, пьяный, или просто озорникъ, подурачился,—выстрѣлилъ, да и убѣжалъ,—а то, пожалуй, тутъ же стоитъ въ хлопочущей толпѣ, да подсмѣивается надъ тревогою, какую надѣлалъ“.

Но большинство, какъ всегда, когда разсуждаетъ благоразумно, оказалось консервативно и защищало старое: „какое, подурачился—пустилъ себѣ пулю въ лобъ, да и все тутъ“. Про-

грессисты были побѣждены. Но побѣдившая партія, какъ всегда, раздѣлилась тотчасъ послѣ побѣды. Застрѣлился, такъ; но отчего?—„Пьяный“, было мнѣніе однихъ консерваторовъ; „промотался“, утверждали другіе консерваторы. — „Просто, дуракъ“, сказалъ кто-то. На этомъ „просто, дуракъ“ сошлись всѣ, даже и тѣ, которые отвергали, что онъ застрѣлился. Дѣйствительно, пьяный ли, промотавшійся ли застрѣлился, или озорникъ, вовсе не застрѣлился, а только выкинулъ штуку,—все равно, глупая, дурацкая штука.

На этомъ остановилось дѣло на мосту ночью.—По утру, въ гостинницѣ у московской желѣзной дороги, обнаружилось, что дуракъ не подурачился, а застрѣлился. Но остался въ результатѣ исторіи элементъ, съ которымъ были согласны и побѣжденные, именно, что если и не пошалилъ, а застрѣлился, то все-таки дуракъ. Этотъ удовлетворительный для всѣхъ результатъ особенно проченъ былъ именно потому, что восторжествовали консерваторы: въ самомъ дѣлѣ, если-бы только пошалилъ выстрѣломъ на мосту, то вѣдь въ сущности было бы еще сомнительно, дуракъ ли, или только озорникъ. Но застрѣлился на мосту,—кто же стрѣляется на мосту? какъ же это, на мосту? зачѣмъ, на мосту? глупо, на мосту! — и потому, несомнѣнно дуракъ.

Опять явилось у нѣкоторыхъ сомнѣніе: застрѣлился на мосту; — на мосту не стрѣляются, — слѣдовательно, не застрѣлился. — Но къ вечеру прислуга гостинницы была позвана въ часть смотрѣть вытащенную изъ воды прострѣленную фуражку,— всѣ признали, что фуражка та самая, которая была на проѣзжемъ. — Итакъ, несомнѣнно, застрѣлился, и духъ отрицанія и прогресса побѣжденъ окончательно.

Всѣ были согласны, что „дуракъ“,—и вдругъ, всѣ заговорили: на мосту—ловкая штука! это, чтобы, значитъ, не мучиться долго, коли не удастся хорошо выстрѣлить, — умно разсудилъ! отъ всякой раны свалится въ воду и захлебнется прежде чѣмъ опомнится,—да, на мосту... умно!

Теперь ужь ровно ничего нельзя было разобрать,—и дуракъ, и умно.

II.

Первое слѣдствіе дурацкаго дѣла.

Въ то же самое утро, часу въ 12-мъ, молодая дама сидѣла въ одной изъ трехъ комнатъ маленькой дачи на Каменномъ острову, шила и въ полголоса напѣвала французскую пѣсенку, бойкую, смѣлую. — „Мы бѣдны, говорила пѣсенка, но мы рабочіе люди, у насъ здоровыя руки. Мы темны, но мы не глупы, и хотимъ свѣта. Будемъ учиться—знаніе освободитъ насъ; будемъ трудиться, трудъ обогатитъ насъ,—это дѣло пойдетъ,—поживемъ, доживемъ—

Ça ira,
Qui vivra, verra.

„Мы грубы, но отъ нашей грубости терпимъ мы же сами. Мы исполнены предразсудковъ, но вѣдь мы же сами страдаемъ отъ нихъ, это чувствуется нами. Будемъ искать счастья, и найдемъ гуманность, и станемъ добры,—это дѣло пойдетъ,—поживемъ, доживемъ.

„Трудъ безъ знанія безплоденъ, наше счастье невозможно безъ счастья другихъ. Просвѣтимся — и обогатимся; будемъ счастливы — и будемъ братья и сестры, — это дѣло пойдетъ, — поживемъ, доживемъ.

„Будемъ учиться и трудиться, будемъ пѣть и любить, будетъ рай на землѣ. Будемъ же веселы жизнью,—это дѣло пойдетъ, оно скоро придетъ, всѣ дождемся его,—

Donc, vivons,
Ça bien vite ira,
Ça viendra,
Nous tous le verrons“.

Смѣлая, бойкая была пѣсенка, и ея мелодія была веселая,—было въ ней двѣ-три грустныя ноты, но онѣ покрывались общимъ свѣтлымъ характеромъ мотива, исчезали въ рефренѣ, исчезали во всемъ заключительномъ куплетѣ,—по крайней мѣрѣ, должны были покрываться, исчезать, — и исчезали бы, если-бы дама

была въ другомъ расположеніи духа; но теперь, у ней эти немногія грустныя ноты звучали слышнѣе другихъ, она какъ будто встрепенется, замѣтивъ это, понизитъ на нихъ голосъ и сильнѣе начнетъ пѣть веселые звуки, ихъ смѣняющіе, но вотъ, она опять унесется мыслями отъ пѣсни къ своей думѣ, и опять грустные звуки берутъ верхъ. Видно, что молодая дама любитъ поддаваться грусти, только видно, что грусть не хочетъ отстать отъ нея, какъ ни отталкиваетъ она ее отъ себя. Но грустна ли веселая пѣсня, становится ли опять весела, какъ ей слѣдуетъ быть, дама шьетъ очень усердно. Она хорошая швея.

Въ комнату вошла служанка, молоденькая дѣвушка.

— Посмотрите, Маша, каково я шью? я ужь почти кончила рукавчики, которые готовлю себѣ къ вашей свадьбѣ.

— Ахъ, да на нихъ меньше узора, чѣмъ на тѣхъ, которые вы мнѣ вышили!

— Еще бы! Еще бы невѣста не была нарядѣе всѣхъ на свадьбѣ!

— А я принесла вамъ письмо, Вѣра Павловна.

По лицу Вѣры Павловны пробѣжало недоумѣніе, когда она стала распечатывать письмо: на конвертѣ былъ штемпель городской почты. „Какъ же это? вѣдь онъ въ Москвѣ?“ Она торопливо развернула письмо, и поблѣднѣла; рука ея съ письмомъ опустилась. „Нѣтъ, это не такъ, я не успѣла прочесть, въ письмѣ вовсе нѣтъ этого!“ И она опять подняла руку съ письмомъ. Все было дѣломъ двухъ секундъ. Но въ этотъ второй разъ, ея глаза долго, неподвижно смотрѣли на немногія строки письма, и эти свѣтлые глаза тускнѣли, тускнѣли, письмо выпало изъ ослабѣвшихъ рукъ на швейный столикъ, она закрыла лицо руками, зарыдала.—„Что я надѣлала! Что я надѣлала!“—и опять рыданье.

— Вѣрочка, что съ тобой? развѣ ты охотница плакать? когда жь это съ тобою бываетъ? что жь это съ тобой? Молодой человѣкъ быстрыми, но легкими, осторожными шагами вошелъ въ комнату.

— Прочти... оно на столѣ... Она уже не рыдала, но сидѣла неподвижно, едва дыша.

Молодой человѣкъ взялъ письмо; и онъ поблѣднѣлъ, и у него

задрожали руки, и онъ долго смотрѣлъ на письмо, хотя оно было не велико, всего-то словъ десятка два:

„Я смущалъ ваше спокойствіе. Я схожу со сцены. Не жалѣйте; я такъ люблю васъ обоихъ, что очень счастливъ своею рѣшимостью. Прощайте".

Молодой человѣкъ долго стоялъ, потирая лобъ, потомъ сталъ крутить усы, потомъ посмотрѣлъ на рукавъ своего пальто; наконецъ, онъ собрался съ мыслями. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ къ молодой женщинѣ, которая сидѣла по прежнему неподвижно, едва дыша, будто въ летаргіи. Онъ взялъ ея руку.—„Вѣрочка!"

Но лишь коснулась его рука ея руки, она вскочила съ крикомъ ужаса, какъ поднятая электрическимъ ударомъ, стремительно отшатнулась отъ молодаго человѣка, судорожно оттолкнула его.—„Прочь! Не прикасайся ко мнѣ! Ты въ крови! На тебѣ его кровь! Я не могу видѣть тебя! я уйду отъ тебя! Я уйду! отойди отъ меня!" И она отталкивала, все отталкивала пустой воздухъ, и вдругъ, пошатнулась, упала въ кресло, закрыла лицо руками.—„И на мнѣ его кровь! На мнѣ! Ты не виноватъ— я одна... я одна! Что я надѣлала! Что я надѣлала!" Она задыхалась отъ рыданія.

— Вѣрочка, тихо и робко сказалъ онъ:—другъ мой!...

Она тяжело перевела духъ, и спокойнымъ, и все еще дрожащимъ голосомъ проговорила, едва могла проговорить:

— Милый мой, оставь теперь меня! Черезъ часъ войди опять,—я буду уже спокойна. Дай мнѣ воды, и уйди!

Онъ повиновался молча. Вошелъ въ свою комнату, сѣлъ опять за свой письменный столъ, у котораго сидѣлъ такой спокойный, такой довольный, за четверть часа передъ тѣмъ, взялъ опять перо... „Въ такія-то минуты и надобно умѣть владѣть собою; у меня есть воля,—и все пройдетъ... пройдетъ..." А перо, безъ его вѣдома, писало среди какой-то статьи: „перенесетъ ли?— ужасно—счастье погибло..."

— Милый мой! я готова, поговоримъ! послышалось изъ сосѣдней комнаты... Голосъ молодой женщины былъ глухъ, но твердъ.

— Милый мой, мы должны разстаться. Я рѣшилась. Это тяжело. Но еще тяжелѣе было бы намъ видѣть другъ друга. Я его убійца. Я убила его для тебя.

— Вѣрочка, чѣмъ же ты виновата?

— Не говори ничего, не оправдывай меня, или я возненавижу тебя. Я, я во всемъ виновата. Прости меня, мой милый, что я принимаю рѣшеніе, очень мучительное для тебя,—и для меня, мой милый, тоже! Но я не могу поступить иначе, ты самъ черезъ нѣсколько времени увидишь, что такъ слѣдовало сдѣлать. Это неизмѣнно, мой другъ. Слушай же. Я уѣзжаю изъ Петербурга. Легче будетъ вдали отъ мѣстъ, которыя напоминали бы прошлое. Я продаю свои вещи; на эти деньги я могу прожить нѣсколько времени,—гдѣ? въ Твери, въ Нижнемъ, я не знаю, все равно. Я буду искать уроковъ пѣнія; вѣроятно, найду, потому что поселюсь гдѣ нибудь въ большомъ городѣ. Если не найду, пойду въ гувернантки. Я думаю, что не буду нуждаться; но если буду, обращусь къ тебѣ; позаботься же, чтобъ у тебя на всякій случай было готово нѣсколько денегъ для меня; вѣдь ты знаешь, у меня много надобностей, расходовъ, хоть я и скупа: я не могу обойтись безъ этого. Слышишь? я не отказываюсь отъ твоей помощи! пусть, мой другъ, это доказываетъ тебѣ, что ты остаешься милъ мнѣ... А теперь, простимся навсегда! Отправляйся въ городъ... сейчасъ, сейчасъ! мнѣ будетъ легче, когда я останусь одна. Завтра, меня уже не будетъ здѣсь — тогда возвращайся. Я ѣду въ Москву, тамъ осмотрюсь, узнаю, въ какомъ изъ провинціальныхъ городовъ вѣрнѣе можно разсчитывать на уроки. Запрещаю тебѣ быть на станціи, чтобы провожать меня. Прощай же, мой милый, дай руку на прощанье, въ послѣдній разъ пожму ее.

Онъ хотѣлъ обнять ее,—она предупредила его движеніе.

— Нѣтъ, не нужно, нельзя! Это было бы оскорбленіемъ ему. Дай руку. Жму ее—видишь, какъ крѣпко! Но прости!

Онъ не выпускалъ ея руки изъ своей.

— Довольно, иди. Она отняла руку, онъ не смѣлъ противиться.—Прости же! Она взглянула на него такъ нѣжно, но твердыми шагами ушла въ свою комнату, и ни разу не оглянулась на него, уходя.

Онъ долго не могъ отыскать свою шляпу; хоть разъ пять бралъ ее въ руки, но не видѣлъ, что беретъ ее. Онъ былъ какъ пьяный; наконецъ понялъ, что это подъ рукою у него именно шляпа, которую онъ ищетъ, вышелъ въ переднюю, надѣлъ пальто; вотъ онъ уже подходилъ къ воротамъ: „кто это бѣжитъ за

мною? вѣрно, Маша... вѣрно, съ нею дурно!“ Онъ обернулся— Вѣра Павловна бросилась ему на шею, обняла, крѣпко поцаловала.

— Нѣтъ, не утерпѣла мой милый! Теперь, прости навсегда!

Она убѣжала, бросилась въ постель и залилась слезами, которыя такъ долго сдерживала.

III.

Предисловіе.

— „Содержаніе повѣсти—любовь, главное лицо—женщина,— это хорошо, хотя бы сама повѣсть и была плоха“, говоритъ читательница.—Это правда, говорю я.

Читатель не ограничивается такими легкими заключеніями,— вѣдь у мужчины мыслительная способность и отъ природы сильнѣе, да и развита гораздо больше, чѣмъ у женщины; онъ говоритъ, — читательница тоже вѣроятно думаетъ это, но не считаетъ нужнымъ говорить, и потому я не имѣю основанія спорить съ нею, — читатель говоритъ: „я знаю, что этотъ застрѣлившійся господинъ не застрѣлился“. Я хватаюсь за слово „знаю“ и говорю: ты этого не знаешь, потому что этого тебѣ еще не сказано, а ты знаешь только то, что тебѣ скажутъ; самъ ты ничего не знаешь, не знаешь даже того, что тѣмъ, какъ я началъ повѣсть, я оскорбилъ, унизилъ тебя. Вѣдь ты не зналъ этого,—правда?—ну, такъ знай же.

Да, первыя страницы разсказа обнаруживаютъ, что я очень плохо думаю о публикѣ. Я употребилъ обыкновенную хитрость романистовъ: началъ повѣсть эффектными сценами, вырванными изъ середины или конца ея, прикрылъ ихъ туманомъ. Ты, публика, добра, очень добра, а потому ты неразборчива и недогадлива. На тебя нельзя положиться, что ты съ первыхъ страницъ можешь различить, будетъ ли содержаніе повѣсти стоить того, чтобы прочесть ее, у тебя плохое чутье, оно нуждается въ пособіи, а пособій этихъ два: или имя автора, или эффектность манеры. Я разсказываю тебѣ еще первую свою повѣсть, ты еще не пріобрѣла себѣ сужденія, одаренъ ли авторъ художественнымъ

талантомъ (вѣдь у тебя такъ много писателей, которымъ ты присвоила художественный талантъ!), моя подпись еще не заманила бы тебя, и я долженъ былъ забросить тебѣ удочку съ приманкою эффектности. Не осуждай меня за то, — ты сама виновата; твоя простодушная наивность принудила меня унизиться до этой пошлости. Но теперь ты уже попалась въ мои руки, и я могу продолжать разсказъ, какъ по моему сдѣдуетъ, безъ всякихъ уловокъ. Дальше не будетъ таинственности, ты всегда будешь за двадцать страницъ впередъ видѣть развязку каждаго положенія, а на первый случай я скажу тебѣ и развязку всей повѣсти: дѣло кончится весело, съ бокалами, пѣснью; не будетъ ни эффектности, никакихъ прикрасъ. Автору не до прикрасъ, добрая публика, потому что онъ все думаетъ о томъ, какой сумбуръ у тебя въ головѣ, сколько лишнихъ, лишнихъ страданій дѣлаетъ каждому человѣку дикая путаница твоихъ понятій. Мнѣ жалко и смѣшно смотрѣть на тебя: ты такъ немощна и такъ зла отъ чрезмѣрнаго количества чепухи въ твоей головѣ.

Я сердитъ на тебя за то, что ты такъ зла къ людямъ, а вѣдь люди—это ты: что же ты такъ зла къ самой себѣ? Потому я и браню тебя. Но ты зла отъ умственной немощности, и потому, браня тебя, я обязанъ помогать тебѣ. Съ чего начать оказываніе помощи? да хоть съ того, о чемъ ты теперь думаешь: что это за писатель, такъ нагло говорящій со мною? — я скажу тебѣ какой я писатель.

У меня нѣтъ ни тѣни художественнаго таланта. Я даже и языкомъ-то владѣю плохо. Но это все-таки ничего: читай, добрѣйшая публика! прочтешь не безъ пользы. Истина — хорошая вещь: она вознаграждаетъ недостатки писателя, который служитъ ей. Поэтому я скажу тебѣ: если-бъ я не предупредилъ тебя, тебѣ, пожалуй, показалось бы, что повѣсть написана художественно, что у автора много поэтическаго таланта. Но я предупредилъ тебя, что таланта у меня нѣтъ, — ты и будешь знать теперь, что всѣ достоинства повѣсти даны ей только ея истинностью.

Впрочемъ, моя добрѣйшая публика, толкуя съ тобою, надобно договаривать все до конца; вѣдь ты хоть и охотница, но не мастерица отгадывать недосказанное. Когда я говорю, что у меня нѣтъ ни тѣни художественнаго таланта, и что моя повѣсть

очень слаба по исполненію, ты не вздумай заключить, будто я объясняю тебѣ, что я хуже тѣхъ твоихъ повѣствователей, которыхъ ты считаешь великими, а мой романъ хуже ихъ сочиненій. Я говорю не то. Я говорю, мой разсказъ очень слабъ по исполненію сравнительно съ произведеніями людей, дѣйствительно одаренныхъ талантомъ; съ прославленными же сочиненіями твоихъ знаменитыхъ писателей, ты смѣло ставь на ряду мой разсказъ по достоинству исполненія, ставь даже выше ихъ—не ошибешься! въ немъ все-таки больше художественности, чѣмъ въ нихъ; можешь быть спокойна на этотъ счетъ.

Поблагодари же меня; вѣдь ты охотница кланяться тѣмъ, которые пренебрегаютъ тобою,—поклонись же и мнѣ.

Но есть въ тебѣ, публика, нѣкоторая доля людей, — теперь уже довольно значительная доля,—которыхъ я уважаю. Съ тобою, съ огромнымъ большинствомъ, я наглъ, — но только съ нимъ, и только съ нимъ я говорилъ до сихъ поръ. Съ людьми, о которыхъ я теперь упомянулъ, я говорилъ бы скромно, даже робко. Но съ ними мнѣ не нужно было объясняться. Ихъ мнѣніями я дорожу, но я впередъ знаю, что оно за меня. Добрые и сильные, честные и умѣющіе, недавно вы начали возникать между нами, но васъ уже не мало, и быстро становится все больше. Если-бы вы были публика, мнѣ уже не нужно было бы писать; если-бы васъ еще не было, мнѣ еще не было бы можно писать. Но вы еще не публика, а уже вы есть между публикою,— потому, мнѣ еще нужно и уже можно писать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Жизнь Вѣры Павловны въ родительскомъ семействѣ.

I.

Воспитаніе Вѣры Павловны было очень обыкновенное. Жизнь ея до знакомства съ медицинскимъ студентомъ Лопуховымъ представляла кое-что замѣчательное, но не особенное. А въ поступкахъ ея уже и тогда было кое-что особенное.

Вѣра Павловна выросла въ многоэтажномъ домѣ на Гороховой, между Садовой и Семеновскимъ мостомъ. Теперь этотъ домъ

отмѣченъ какимъ ему слѣдуетъ нумеромъ, а въ 1852 году, когда еще не было такихъ нумеровъ, на немъ была надпись: „домъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Захаровича Сторешникова". Такъ говорила надпись: но Иванъ Захарычъ Сторешниковъ умеръ еще въ 1837 году, и съ той поры хозяинъ дома былъ сынъ его, Михаилъ Ивановичъ, — такъ говорили документы. Но жильцы дома знали, что Михаилъ Ивановичъ — хозяйкинъ сынъ, а хозяйка дому—Анна Петровна.

Домъ и тогда былъ, какъ теперь, большой, съ двумя воротами и четырьмя подъѣздами по улицѣ, съ тремя дворами въ глубину. На самой парадной изъ лѣстницъ на улицу, въ бельэтажѣ, жила въ 1852 году, какъ и теперь живетъ, хозяйка съ сыномъ. Анна Петровна и теперь осталась, какъ тогда была, дама видная. Михаилъ Ивановичъ теперь видный офицеръ, и тогда былъ видный и красивый офицеръ.

Кто теперь живетъ на самой грязной изъ безчисленныхъ черныхъ лѣстницъ перваго двора, въ 4-мъ этажѣ, въ квартирѣ направо, я не знаю; а въ 1852 году жилъ тутъ управляющій домомъ, Павелъ Константинычъ Розальскій, плотный, тоже видный мужчина, съ женою Марьею Алексѣвною, худощавою, крѣпкою, высокаго роста дамою, съ дочерью, взрослою дѣвицею,—она-то и есть Вѣра Павловна,—и съ 9-ти лѣтнимъ сыномъ, Ѳедею.

Павелъ Константинычъ, кромѣ того, что управлялъ домомъ, служилъ помощникомъ столоначальника въ какомъ-то департаментѣ. По должности, онъ не имѣлъ доходовъ; по дому—имѣлъ, но умѣренные: другой получалъ бы гораздо больше, а Павелъ Константинычъ, какъ самъ говорилъ, зналъ совѣсть; за то, хозяйка была очень довольна имъ, и въ четырнадцать лѣтъ управленія онъ скопилъ тысячъ до десяти капиталу. Но изъ хозяйкина кармана было тутъ тысячи три, не больше; остальныя наросли къ нимъ отъ оборотовъ не въ ущербъ хозяйкѣ: Павелъ Константинычъ давалъ деньги подъ ручной залогъ.

У Марьи Алексѣвны тоже былъ капиталецъ, — тысячъ пять, какъ она говорила кумушкамъ, — на самомъ дѣлѣ, побольше. Основаніе капиталу было положено лѣтъ 15 тому назадъ продажею енотовой шубы, платьишка и мебелишки, доставшихся Марьѣ Алексѣвнѣ послѣ брата-чиновника. Выручивъ рублей

полтораста, она тоже пустила ихъ въ оборотъ подъ залоги, дѣйствовала гораздо рискованнѣе мужа, и нѣсколько разъ попадалась на удочку; какой-то плутъ взялъ у нея 5 руб. подъ залогъ паспорта, — паспортъ вышелъ краденый, и Марьѣ Алексѣвнѣ пришлось приложить еще рублей 15, чтобы выпутаться изъ дѣла; другой мошенникъ заложилъ за 20 рублей золотые часы,—часы оказались снятыми съ убитаго, и Марьѣ Алексѣвнѣ пришлось поплатиться порядкомъ, чтобы выпутаться изъ дѣла. Но если она терпѣла потери, которыхъ избѣгалъ мужъ, разборчивый въ пріемѣ залоговъ, за то и прибыль у нея шла быстрѣе. Подъискивались и особенные случаи получать деньги. Однажды, — Вѣра Павловна была еще тогда маленькая: при взрослой дочери Марья Алексѣвна не стала бы дѣлать этого, а тогда почему бы не сдѣлать? ребенокъ вѣдь не понимаетъ! и точно, сама Вѣрочка не поняла бы, да, спасибо, кухарка растолковала очень вразумительно; да и кухарка не стала бы толковать, потому что дитяти этого знать не слѣдуетъ, но такъ уже случилось, что душа не стерпѣла послѣ одной изъ сильныхъ потасовокъ отъ Марьи Алексѣвны за гульбу съ любовникомъ (впрочемъ, глазъ у Матрены былъ всегда подбитъ не отъ Марьи Алексѣвны, а отъ любовника, — а это и хорошо, потому что кухарка съ подбитымъ глазомъ дешевле!). Такъ вотъ, однажды пріѣхала къ Марьѣ Алексѣвнѣ невиданная знакомая дама, нарядная, пышная, красивая, пріѣхала и осталась погостить. Недѣлю гостила смирно, только все ѣздилъ къ ней какой-то статскій, тоже красивый, и дарилъ Вѣрочкѣ конфекты, и надарилъ ей хорошихъ куколъ, и подарилъ двѣ книжки, обѣ съ картинками; въ одной книжкѣ были хорошія картинки,—звѣри, города; а другую книжку Марья Алексѣвна отняла у Вѣрочки, какъ уѣхалъ гость, такъ что только разъ она и видѣла эти картинки, при немъ: онъ самъ показывалъ. Такъ съ недѣлю гостила знакомая, и все было тихо въ домѣ: Марья Алексѣвна всю недѣлю не подходила къ шкапчику (гдѣ стоялъ графинъ съ водкой), ключъ отъ котораго никому не давала, и не била Матрену, и не била Вѣрочку, и не ругалась громко. Потомъ, одну ночь, Вѣрочку безпрестанно будили страшныя вскрикиванья гостьи, и ходьба и суетня въ домѣ. Утромъ, Марья Алексѣвна подошла къ шкапчику и дольше обыкновеннаго стояла у него, и все

говорила: „слава Богу, счастливо было, слава Богу!“ даже подозвала къ шкапчику Матрену и сказала: „на здоровье, Матренушка, вѣдь и ты много потрудилась“, и послѣ не то, чтобы драться да ругаться, какъ бывало въ другія времена послѣ шкапчика, а легла спать, поцаловавши Вѣрочку. Потомъ опять недѣлю было смирно въ домѣ, и гостья не кричала, а только не выходила изъ комнаты, а потомъ уѣхала. А черезъ два дня послѣ того, какъ она уѣхала, приходилъ статскій, только уже другой статскій, и приводилъ съ собою полицію, и много ругалъ Марью Алексѣвну; но Марья Алексѣвна сама ни въ одномъ словѣ не уступала ему и все твердила: „я никакихъ вашихъ дѣловъ не знаю. Справьтесь по домовымъ книгамъ кто у меня гостилъ! псковская купчиха Савастьянова, моя знакомая, вотъ вамъ и весь сказъ!“ Наконецъ, поругавшись, поругавшись, статскій ушелъ, и больше не показывался. Это видѣла Вѣрочка, когда ей было восемь лѣтъ, а когда ей было девять лѣтъ, Матрена ей растолковала, какой это былъ случай. Впрочемъ, такой случай только одинъ и былъ: а другіе бывали разные, но не такъ много.

Когда Вѣрочкѣ было десять лѣтъ, дѣвочка, шедшая съ матерью на Толкучій рынокъ, получила при поворотѣ изъ Гороховой въ Садовую неожиданный подзатыльникъ, съ замѣчаніемъ: „глазѣешь на церковь, дура, а лба-то что не перекрестишь? Чать, видишь, всѣ добрые люди крестятся!“

Когда Вѣрочкѣ было двѣнадцать лѣтъ, она стала ходить въ пансіонъ, а къ ней сталъ ходить фортепьянный учитель,—пьяный, но очень добрый нѣмецъ, и очень хорошій учитель, но, по своему пьянству, очень дешевый.

Когда ей былъ четырнадцатый годъ, она обшивала всю семью, впрочемъ, вѣдь и семья-то была не велика.

Когда Вѣрочкѣ подошелъ шестнадцатый годъ, мать стала кричать на нее такъ: „отмывай рожу-то, что она у тебя, какъ у цыганки! Да не отмоешь, такая чучела уродилась, не знаю въ кого“. Много доставалось Вѣрочкѣ за смуглый цвѣтъ лица, и она привыкла считать себя дурнушкой. Прежде, мать водила ее чуть не въ лохмотьяхъ, а теперь стала наряжать. А Вѣрочка, наряженная, идетъ съ матерью въ церковь, да думаетъ: „къ другой шли бы эти наряды, а на меня что ни надѣнь, все цыганка—чу-

чело, какъ въ ситцевомъ платьѣ, такъ и въ шелковомъ. А хорошо быть хорошенькою. Какъ бы мнѣ хотѣлось быть хорошенькою!“

Когда Вѣрочкѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, она перестала учиться у фортепьяннаго учителя и въ пансіонѣ, а сама стала давать уроки въ томъ же пансіонѣ; потомъ мать нашла ей и другіе уроки.

Черезъ полгода, мать перестала называть Вѣрочку цыганкою и чучелою, а стала наряжать лучше прежняго, а Матрена,—это ужь была третья Матрена, послѣ той: у той, былъ всегда подбитъ лѣвый глазъ, а у этой разбита лѣвая скула, но не всегда,—сказала Вѣрочкѣ, что собирается сватать ее начальникъ Павла Константиныча, и какой-то важный начальникъ, съ орденомъ на шеѣ. Дѣйствительно, мелкіе чиновники въ департаментѣ говорили, что начальникъ отдѣленія, у котораго служитъ Павелъ Константинычъ, сталъ благосклоненъ къ нему, а начальникъ отдѣленія между своими ровными сталъ выражать такое мнѣніе, что ему нужно жену хоть безприданницу, но красавицу, и еще такое мнѣніе, что Павелъ Константинычъ хорошій чиновникъ.

Чѣмъ бы это кончилось, неизвѣстно; но начальникъ отдѣленія собирался долго, благоразумно, а тутъ подвернулся другой случай.

Хозяйкинъ сынъ зашелъ къ управляющему сказать, что матушка проситъ Павла Константиныча взять образцы разныхъ обоевъ, потому что матушка хочетъ за-ново отдѣлывать квартиру, въ которой живетъ. А прежде, подобныя приказанія отдавались черезъ дворецкаго. Конечно, дѣло понятное и не для такихъ бывалыхъ людей, какъ Марья Алексѣвна съ мужемъ. Хозяйкинъ сынъ, зашедши, просидѣлъ больше полчаса, и удостоилъ выкушать чаю (цвѣточнаго). Марья Алексѣвна на другой же день подарила дочери фермуаръ, оставшійся невыкупленнымъ въ закладѣ, и заказала дочери два новыхъ платья, очень хорошихъ—одна матерія стоила: на одно платье 40 руб., на другое 52 р., а съ оборками, да лентами, да фасономъ, оба платья обошлись 174 руб.; по крайней мѣрѣ такъ сказала Марья Алексѣвна мужу, а Вѣрочка знала, что всѣхъ денегъ вышло на нихъ меньше 100 р.,—вѣдь покупки тоже дѣлались при ней,—но вѣдь и на 100 руб. можно сдѣлать два очень хорошія платья. Вѣрочка радовалась

платьямъ, радовалась фермуару, но больше всего радовалась тому, что мать наконецъ согласилась покупать ботинки ей у Королева: вѣдь на Толкучемъ рынкѣ ботинки такіе безобразные, а Королевскіе такъ удивительно сидятъ на ногѣ.

Платья не пропали даромъ: хозяйкинъ сынъ повадился ходить къ управляющему и, разумѣется, больше говорилъ съ дочерью, чѣмъ съ управляющимъ и управляющихой, которые тоже, разумѣется, носили его на рукахъ. Ну, и мать дѣлала наставленія дочери, все какъ слѣдуетъ, — этого нечего и описывать, дѣло извѣстное.

Однажды, послѣ обѣда, мать сказала: „Вѣрочка, одѣвайся, да получше. Я тебѣ приготовила супризъ—поѣдемъ въ оперу, я во второмъ ярусѣ взяла билетъ, гдѣ все генеральши бываютъ. Все для тебя, дурочка. Послѣднихъ денегъ не жалѣю. У отца-то, отъ расходовъ на тебя, ужь всѣ животы подвело. Въ одинъ пансіонъ мадамѣ сколько переплатили, а фортопьянщику-то сколько! Ты этого ничего не чувствуешь, неблагодарная, нѣтъ видно, души-то въ тебѣ, безчувственная ты этакая!“ Только и сказала Марья Алексѣвна, больше не бранила дочь, а это какая же брань? Марья Алексѣвна только вотъ ужь такъ и говорила съ Вѣрочкою, а браниться на нее давно перестала, и бить ни разу не била съ той поры, какъ прошелъ слухъ про начальника отдѣленія.

Поѣхали въ оперу. Послѣ перваго акта вошелъ въ ложу хозяйкинъ сынъ, и съ нимъ двое пріятелей,—одинъ статскій, сухощавый и очень изящный, другой военный, полный, и попроще. Сѣли и усѣлись, и много шептались между собою, все больше хозяйкинъ сынъ со статскимъ, а военный говорилъ мало. Марья Алексѣвна вслушивалась, разбирала почти каждое слово, да мало могла понять, потому что они говорили все по-французски. Словъ пятокъ изъ ихъ разговора она знала: belle, charmante, amour, bonheur, — да что толку въ этихъ словахъ? Belle, charmante— Марья Алексѣвна и такъ уже давно слышитъ, что ея цыганка belle charmante; amour—Марья Алексѣвна и сама видитъ, что онъ по уши врюхался въ amour; а коли amour, то ужь разумѣется, и bonheur,—что толку отъ этихъ словъ? Но только что же, сватать-то скоро ли будетъ?—Вѣрочка, ты неблагодарная, какъ есть неблагодарная, шепчетъ Марья Алексѣвна дочери:—

что рыло-то воротишь отъ нихъ? Обидѣли они тебя, что вошли? Честь тебѣ, дурѣ, дѣлаютъ. А свадьба-то по-французски—марьяжъ что ли Вѣрочка? А какъ женихъ съ невѣстою, а вѣнчаться какъ по-французски?"—Вѣрочка сказала.—Нѣтъ, такихъ словъ что-то не слышно... Вѣра, да ты мнѣ, видно, слова-то не такъ сказала? Смотри у меня!—„Нѣтъ, такъ; только этихъ словъ вы отъ нихъ не услышите. Поѣдемте, я не могу оставаться здѣсь дольше".

— Что? что ты сказала, мерзавка? глаза у Марьи Алексѣвны налились кровью.

— Поѣдемте. Дѣлайте потомъ со мною, что хотите, а я не останусь. Я вамъ скажу послѣ, почему. — Маменька, — это ужь было сказано вслухъ:—у меня очень разболѣлась голова. Я не могу сидѣть здѣсь. Прошу васъ! Вѣрочка встала.

Кавалеры засуетились.

— Это пройдетъ, Вѣрочка,—строго, но чинно сказала Марья Алексѣвна:—походи по корридору съ Михайломъ Иванычемъ, и пройдетъ голова.

— Нѣтъ, не пройдетъ; я чувствую себя очень дурно. Скорѣе, маменька.

Кавалеры отворили дверь, хотѣли вести Вѣрочку подъ руки,—отказалась мерзкая дѣвчонка! сами подали салопы, сами пошли сажать въ карету. Марья Алексѣвна гордо посматривала на лакеевъ: „глядите, хамы, каковы кавалеры,—а вотъ этотъ моимъ зятемъ будетъ! Сама такихъ хамовъ заведу. А ты у меня ломайся, ломайся, мерзавка — я те поломаю!" — Но стой, стой, — что-то говоритъ зятекъ ея скверной дѣвчонкѣ, сажая мерзкую гордячку въ карету? Santé — это, кажется, здоровье, savoir — узнаю, visite—и по нашему тоже, permettez—прошу позволенія. Не уменьшилась злоба Марьи Алексѣвны отъ этихъ словъ; но надо принять ихъ въ соображеніе. Карета двинулась.

— Что онъ тебѣ сказалъ, когда сажалъ?

— Онъ сказалъ, что завтра поутру зайдетъ узнать о моемъ здоровьѣ?

— Не врешь, что завтра?

Вѣрочка молчала.

— Счастливъ твой Богъ!—Однако не утерпѣла Марья Алексѣвна, рванула дочь за волосы,—только разъ, и то слегка.

— Ну, пальцемъ не трону, только завтра чтобъ была ве-

села! Ночь спи, дура! Не вздумай плакать. Смотри, если увижу завтра, что блѣдна, или глаза заплаканы! Спущала до сихъ поръ... не спущу. Не пожалѣю смазливой-то рожи, ужь за одно пропадать будетъ, такъ хоть дамъ себя знать!

— Я ужь давно перестала плакать, вы знаете.

— То-то же, да будь съ нимъ поразговорчивѣе.

— Да, я завтра буду съ нимъ говорить.

— То-то, пора за умъ взяться. Побойся Бога, да пожалѣй мать, страмница!

Прошло минутъ десять.

— Вѣрочка, ты на меня не сердись. Я изъ любви къ тебѣ бранюсь, тебѣ же добра хочу. Ты не знаешь, каковы дѣти милы матерямъ. Девять мѣсяцевъ тебя въ утробѣ носила! Вѣрочка, отблагодари, будь послушна, сама увидишь, что къ твоей пользѣ. Веди себя, какъ я учу,—завтра же предложенье сдѣлаетъ!

— Маменька, вы ошибаетесь. Онъ вовсе не думаетъ дѣлать предложенія. Маменька! что они говорили!

— Знаю: коли не о свадьбѣ, такъ извѣстно, о чемъ. Да не на таковскихъ напалъ. Мы его въ бараній рогъ согнемъ. Въ мѣшкѣ въ церковь привезу, за виски вокругъ налоя обведу, да еще радъ будетъ. Ну, да нечего съ тобой много говорить, и такъ лишнее наговорила: дѣвушкамъ не слѣдуетъ этого знать, это материно дѣло. А дѣвушка должна слушаться, она еще ничего не понимаетъ. Такъ будешь съ нимъ говорить, какъ я тебѣ велю?

— Да, буду съ нимъ говорить.

— А вы, Павелъ Константиновичъ, что сидите, какъ пень? Скажите и вы отъ себя, что и вы, какъ отецъ, ей приказываете слушаться матери, что мать не станетъ учить ее дурному.

— Марья Алексѣвна, ты умная женщина, только дѣло-то опасное; не слишкомъ ли круто хочешь вести!

— Дуракъ! вотъ брякнулъ, — при Вѣрочкѣ-то! Не рада, что и расшевелила! правду пословица говоритъ: не тронь дерма, не воняетъ! Эко бухнулъ! Ты не разсуждай, а скажи: должна дочь слушаться матери?

— Конечно, должна; что говорить, Марья Алексѣвна!

— Ну, такъ и приказывай, какъ отецъ.

— Вѣрочка, слушайся во всемъ матери. Твоя мать умная

женщина, опытная женщина. Она не станетъ тебя учить дурному. Я тебѣ какъ отецъ приказываю.

Карета остановилась у воротъ.

— Довольно, маменька. Я вамъ сказала, что буду говорить съ нимъ. Я очень устала. Мнѣ надобно отдохнуть.

— Ложись, спи. Не потревожу. Это нужно къ завтрему. Хорошенько выспись.

Дѣйствительно, все время, какъ они всходили по лѣстницѣ, Марья Алексѣвна молчала,—а чего ей это стоило! и опять, чего ей стоило, когда Вѣрочка пошла прямо въ свою комнату, сказавши, что не хочетъ пить чаю, — чего стоило Марьѣ Алексѣвнѣ ласковымъ голосомъ сказать: „Вѣрочка, подойди ко мнѣ!“ — Дочь подошла. — „Хочу тебя благословить на сонъ грядущій, Вѣрочка. Нагни головку!“ — Дочь нагнулась — „Богъ тебя благословитъ, Вѣрочка, какъ я тебя благословляю“. — Она три раза благословила дочь и подала ей поцѣловать свою руку.

— Нѣтъ, маменька. Я ужь давно сказала вамъ, что не буду цаловать вашей руки. А теперь, отпустите меня. Я, въ самомъ дѣлѣ, чувствую себя дурно.

Ахъ, какъ было опять вспыхнули глаза Марьи Алексѣвны. Но пересилила себя, и кротко сказала: „ступай, отдохни“.

Едва Вѣрочка раздѣлась и убрала платье, — впрочемъ, на это ушло много времени, потому что она все задумывалась: сняла браслетъ, и долго сидѣла съ нимъ въ рукѣ, вынула серьгу— и опять забылась, и много времени прошло, пока она вспомнила, что вѣдь она страшно устала, что вѣдь она даже не могла стоять передъ зеркаломъ, а опустилась въ изнеможеніи на стулъ, какъ добрела до своей комнаты. что надобно же поскорѣе раздѣться и лечь, — едва Вѣрочка легла въ постель, въ комнату вошла Марья Алексѣвна съ подносомъ, на которомъ была большая отцовская чашка и лежала цѣлая груда сухарей.

— Кушай, Вѣрочка! вотъ, кушай на здоровье! Сама тебѣ принесла: видишь, мать помнитъ о тебѣ! Сижу, да и думаю: какъ же это Вѣрочка легла спать безъ чаю? сама пью, а сама все думаю. Вотъ и принесла. Кушай, моя дочка милая!

Страненъ показался Вѣрочкѣ голосъ матери: онъ въ самомъ дѣлѣ былъ мягокъ и добръ,—этого никогда не бывало. Она съ

недоумѣніемъ посмотрѣла на мать. Щеки Марьи Алексѣвны пылали и глаза нѣсколько блуждали.

— Кушай, я посижу, посмотрю на тебя. Выкушаешь, принесу другую чашку.

Чай, на половину налитый густыми, вкусными сливками, разбудилъ аппетитъ. Вѣрочка приподнялась на локоть, и стала пить. — „Какъ вкусенъ чай, когда онъ свѣжій, густой, и когда въ немъ много сахару и сливокъ! Чрезвычайно вкусенъ! Вовсе не похожъ на тотъ спитой, съ однимъ кусочкомъ сахару, который даже противенъ. Когда у меня будутъ свои деньги, я всегда буду пить такой чай, какъ этотъ". — Благодарю васъ, маменька.

— Не спи, принесу другую.—Она вернулась съ другой чашкой такого же прекраснаго чаю.—Кушай, а я опять посижу. Съ минуту, она молчала, потомъ вдругъ заговорила какъ-то особенно, то самою быстрою скороговоркою, то растягивая слова.

— Вотъ, Вѣрочка, ты меня поблагодарила. Давно я не слышала отъ тебя благодарности. Ты думаешь, я злая. Да, я злая, только нельзя не быть злой! А слаба я стала, Вѣрочка! отъ трехъ пуншей ослабѣла, а какія еще мои лѣта! Да и ты меня разстроила, Вѣрочка,—очень огорчила! Я и ослабѣла. А тяжелая моя жизнь, Вѣрочка. Я не хочу, чтобы ты такъ жила. Богато живи. Я сколько мученья приняла, Вѣрочка, и-и-и, и-и-и, сколько! Ты не помнишь, какъ мы съ твоимъ отцомъ жили, когда онъ еще не былъ управляющимъ! Бѣдно, и-и-и, какъ бѣдно жили,—а я тогда была честная, Вѣрочка! Теперь, я не честная,—нѣтъ, не возьму грѣха на душу, не солгу передъ тобою, не скажу, что я теперь честная! Гдѣ ужь,—то время давно прошло. Ты Вѣрочка, ученая, а я неученая, да я знаю все, что у васъ въ книгахъ написано; тамъ и то написано, что не надо такъ дѣлать, какъ со мною сдѣлали. „Ты, говорятъ, не честная!" вотъ и отецъ твой,—тебѣ-то онъ отецъ, это Надинькѣ не онъ былъ отецъ, — голый дуракъ, а тоже колетъ мнѣ глаза, надругается! Ну, меня и взяла злость: а когда, говорю, по вашему я не честная, такъ я и буду такая! Наденька родилась. Ну, такъ что́-жь, что родилась? Меня этому кто научилъ? Кто должность-то получилъ? Тутъ моего грѣха меньше было, чѣмъ его. А они у меня ее отняли, въ воспитательный домъ отдали, — и узнать-то было нельзя, гдѣ

она,—такъ и не видала ее, и не знаю, жива ли она... чать, ужь гдѣ быть въ живыхъ! ну, въ теперешнюю пору мнѣ бы мало горя, а тогда не такъ легко было,—меня пуще злость взяла! Ну, и стала злая. Тогда и пошло все хорошо. Твоему отцу, дураку, должность доставилъ кто?—я доставила. А въ управляющіе кто его произвелъ?—я произвела. Вотъ, и стали жить хорошо. А почему?—потому, что я стала нечестная, да злая. Это, я знаю, у васъ въ книгахъ написано, Вѣрочка что только нечестнымъ, да злымъ и хорошо жить на свѣтѣ. А это правда, Вѣрочка! Вотъ, теперь и у отца твоего деньги есть,—я предоставила; и у меня есть, можетъ и побольше, чѣмъ у него,—все сама достала, на старость кусокъ хлѣба приготовила. И отецъ твой, дуракъ, меня уважать сталъ, по струнке сталъ у меня ходить, я его вышколила! А то гналъ меня, надругался надо мною. А за что? Тогда было не за что,—а за то, Вѣрочка, что не была злая. А у васъ въ книгахъ, Вѣрочка, написано, что не годится такъ жить,—а ты думаешь, я этого не знаю? Да въ книгахъ-то у васъ написано, что коли не такъ жить, такъ надо все по новому завести, а по нынѣшнему заведенью нельзя такъ жить, какъ они велятъ,—такъ что-жь они по новому-то порядку не заводятъ? Эхъ, Вѣрочка, ты думаешь, я не знаю, какіе у васъ въ книгахъ новые порядки расписаны?—знаю: хорошіе. Только мы съ тобой до нихъ не доживемъ, больно глупъ народъ—гдѣ съ такимъ народомъ хорошіе-то порядки завести! Такъ станемъ жить по старымъ. И ты по нимъ живи. А старый порядокъ какой? У васъ въ книгахъ написано: старый порядокъ тотъ, чтобы обирать, да обманывать. А это правда, Вѣрочка. Значитъ, когда новаго-то порядку нѣтъ, по старому и живи: обирай, да обманывай: по любви тебѣ говор—хрр....

Марья Алексѣвна захрапѣла и повалилась.

II.

Марья Алексѣвна знала, что говорилось въ театрѣ, но еще не знала, что выходило изъ этого разговора.

Въ то время, какъ она, разстроенная огорченіемъ отъ дочери, и въ разстройствѣ налившая много рому въ свой пуншъ, уже давно храпѣла, Михаилъ Ивановичъ Сторешниковъ ужиналъ въ какомъ-то моднѣйшемъ ресторанѣ съ другими кавалерами, при-

ходившими въ ложу. Въ компаніи было еще четвертое лицо.— француженка, пріѣхавшая съ офицеромъ. Ужинъ приближался къ концу.

— Мсьё Сторешникъ!—Сторешниковъ возликовалъ: француженка обращалась къ нему въ третій разъ во время ужина:— мсьё Сторешникъ! — вы позвольте мнѣ такъ называть васъ, это пріятнѣе звучитъ и легче выговаривается,—я не думала, что я буду одна дама въ вашемъ обществѣ; я надѣялась увидѣть здѣсь Адель,—это было бы пріятно, я ее такъ рѣдко вижу.

— Адель поссорилась со мною, къ несчастью.

Офицеръ хотѣлъ сказать что-то но помолчалъ.

— Не вѣрьте ему, m-lle Жюли сказалъ статскій: — онъ боится открыть вамъ истину, думаетъ, что вы разсердитесь, когда узнаете, что онъ бросилъ француженку для русской.

— Я не знаю, зачѣмъ и мы-то сюда поѣхали! сказалъ офицеръ.

— Нѣтъ, Сержъ, отчего же, когда Жанъ просилъ! и мнѣ было очень пріятно познакомиться съ мсьё Сторешникомъ. Но, мсьё Сторешникъ, фи, какой у васъ дурной вкусъ! Я бы ничего не имѣла возразить, если-бы вы покинули Адель для этой грузинки, въ ложѣ которой были съ ними обоими; но промѣнять француженку на русскую... воображаю! безцвѣтные глаза, безцвѣтные жиденькіе волосы, безсмысленное безцвѣтное лицо... виновата, не безцвѣтное, а, какъ вы говорите, кровь со сливками, то есть, кушанье, которое могутъ брать въ ротъ только ваши эскимосы! Жанъ, подайте пепельницу грѣшнику противъ грацій, пусть онъ посыплетъ пепломъ свою преступную голову!

— Ты наговорила столько вздора, Жюли, что не ему, а тебѣ надобно посыпать пепломъ голову, сказалъ офицеръ: — вѣдь та, которую ты назвала грузинкою,—это она и есть русская-то.

— Ты смѣешься надо мною.

— Чистѣйшая русская, сказалъ офицеръ.

— Невозможно!

— Ты напрасно думаешь, милая Жюли, что въ нашей націи одинъ типъ красоты, какъ въ вашей. Да и у васъ много блондинокъ. А мы, Жюли, смѣсь племенъ, отъ бѣловолосыхъ, какъ финны („да, да, финны“, замѣтила для себя француженка) до черныхъ, гораздо чернѣе итальянцевъ, — это татары, монголы

(„да, монголы, знаю“, замѣтила для себя француженка), — они всѣ дали много своей крови въ нашу! У насъ блондинки, которыхъ ты ненавидишь, только одинъ изъ мѣстныхъ типовъ,—самый распространенный, но не господствующій.

— Это удивительно! но она великолѣпна! Почему она не поступитъ на сцену?—Впрочемъ, господа, я говорю только о томъ, что я видѣла. Остается вопросъ, очень важный: ея нога?—Вашъ великій поэтъ Карасенъ, говорили мнѣ, сказалъ, что въ цѣлой Россіи нѣтъ пяти паръ маленькихъ и стройныхъ ногъ.

— Жюли, это сказалъ не Карасенъ,—и лучше, зови его: Карамзинъ,—Карамзинъ былъ историкъ, да и то не русскій, а татарскій, — вотъ тебѣ новое доказательство разнообразія нашихъ типовъ. О ножкахъ сказалъ Пушкинъ,—его стихи были хороши для своего времени, но теперь потеряли большую часть своей цѣны. Кстати, эскимосы живутъ въ Америкѣ, а наши дикари, которые пьютъ оленью кровь, называются самоѣды.

— Благодарю, Сержъ. Карамзинъ — историкъ; Пушкинъ— знаю; эскимосы въ Америкѣ; русскіе—самоѣды; да, самоѣды,— но это звучитъ очень мило: са-мо-ѣ-ды! Теперь буду помнить. Я, господа, велю Сержу все это говорить мнѣ, когда мы одни, или не въ нашемъ обществѣ. Это очень полезно для разговора. Притомъ, науки — моя страсть; я родилась быть m-me Сталь, господа. Но это посторонній эпизодъ. Возвращаемся къ вопросу: ея нога?

— Если вы позволите мнѣ завтра явиться къ вамъ, m-lle Жюли, я буду имѣть честь привезти къ вамъ ея башмакъ.

— Привозите, я примѣрю. Это затрогиваетъ мое любопытство.

Сторешниковъ былъ въ восторгѣ: какъ же? — онъ едва цѣплялся за хвостъ Жана, Жанъ едва цѣплялся за хвостъ Сержа, Жюли — одна изъ первыхъ француженокъ между француженками общества Сержа,—честь, великая честь!

— Нога удовлетворительна, подтвердилъ Жанъ:—но я, какъ человѣкъ положительный, интересуюсь болѣе существеннымъ. Я разсматривалъ ея бюстъ.

— Бюстъ очень хорошъ, сказалъ Сторешниковъ, ободрявшійся выгодными отзывами о предметѣ его вкуса, и уже замыслившій, что можетъ говорить комплименты Жюли, чего до сихъ

поръ не смѣлъ: — ея бюстъ очарователенъ, хотя, конечно, хвалить бюстъ другой женщины здѣсь—святотатство.

— Ха, ха, ха! Этотъ господинъ хочетъ сказать комплиментъ моему бюсту! Я не ипокритка и не обманщица, мсьё Сторешникъ: я не хвалюсь и не терплю, чтобы другіе хвалили меня за то, что у меня плохо. Слава Богу, у меня еще довольно осталось, чѣмъ я могу хвалиться по правдѣ. Но мой бюстъ — ха, ха, ха! Жанъ, вы видѣли мой бюстъ—скажите ему! Вы молчите, Жанъ? Вашу руку, мсьё Сторешникъ,—она схватила его за руку,—чувствуете, что это не тѣло?—Попробуйте еще здѣсь,—и здѣсь,—теперь знаете? — Я ношу накладной бюстъ, какъ ношу платье, юбку, рубашку, не потому, чтобъ мнѣ это нравилось, — по моему, было бы лучше безъ этихъ ипокритствъ, — а потому, что это такъ принято въ обществѣ. Но женщина, которая столько жила, какъ я,—и какъ жила, мсьё Сторешникъ! я теперь святая, схимница передъ тѣмъ, что была, — такая женщина не можетъ сохранить бюста! И вдругъ, она заплакала:—мой бюстъ!—мой бюстъ!—моя чистота!—о, Боже, за тѣмъ ли я родилась?

— Вы лжете, господа, закричала она, вскочила и ударила кулакомъ по столу: — вы клевещете! Вы низкіе люди! она не любовница его! онъ хочетъ купить ее! Я видѣла, какъ она отворачивалась отъ него, горѣла негодованьемъ и ненавистью. Это гнусно!

— Да, сказалъ статскій, лѣниво потягиваясь:—ты прихвастнулъ, Сторешниковъ; у васъ дѣло еще не кончено, а ты ужь наговорилъ, что живешь съ нею, даже разошелся съ Аделью для лучшаго завѣренія насъ. Да, ты описывалъ намъ очень хорошо, но описывалъ то, чего еще не видалъ; впрочемъ, это ничего: не за недѣлю до нынѣшняго дня, такъ черезъ недѣлю послѣ нынѣшняго дня,—это все равно. И ты не разочаруешься въ описаніяхъ, которыя дѣлалъ по воображенію; найдешь даже лучше, чѣмъ думаешь. Я разсматривалъ: останешься доволенъ.

Сторешниковъ былъ внѣ себя отъ ярости:—нѣтъ, m-lle Жюли, вы обманулись, смѣю васъ увѣрить, въ вашемъ заключеніи; простите, что осмѣливаюсь противорѣчить вамъ, но она — моя любовница. Это была обыкновенная любовная ссора отъ ревности; она видѣла, что я первый актъ сидѣлъ въ ложѣ m-lle Матильды,—только и всего!

— Врешь, мой милый, врешь, сказалъ Жанъ и зѣвнулъ.

— А не вру, не вру.

— Докажи. Я человѣкъ положительный, и безъ доказательствъ не вѣрю.

— Какія же доказательства я могу тебѣ представить?

— Ну, вотъ, и пятишься, и уличаешь себя, что врешь. Какія доказательства? Будто трудно найти? Да вотъ тебѣ: завтра мы собираемся ужинать опять здѣсь. М-ше Жюли будетъ такъ добра, что привезетъ Сержа, я привезу свою миленькую Берту, ты привезешь ее. Если привезешь—я проигралъ, ужинъ на мой счетъ; не привезешь — изгоняешься со стыдомъ изъ нашего круга! Жанъ дернулъ сонетку; вошелъ слуга. — Simon, будьте такъ добры: завтра ужинъ на шесть персонъ, точно такой, какъ былъ, когда я вѣнчался у васъ съ Бертою, — помните, предъ рождествомъ?—и въ той же комнатѣ.

— Какъ не помнить такого ужина, мсьё. Будетъ исполнено.—Слуга вышелъ.

— Гнусные люди! гадкіе люди! я была два года уличною женщиною въ Парижѣ, я полгода жила въ домѣ, гдѣ собирались воры, я и тамъ не встрѣчала троихъ такихъ низкихъ людей вмѣстѣ! Боже мой, съ кѣмъ я принуждена жить въ обществѣ! За что такой позоръ мнѣ, о Боже?—Она упала на колѣни. Боже! я слабая женщина! Голодъ я умѣла переносить, но въ Парижѣ такъ холодно зимой! Холодъ былъ такъ силенъ, обольщенія такъ хитры! Я хотѣла жить, я хотѣла любить, — Боже! вѣдь это не грѣхъ,—за что же ты такъ наказываешь меня? Вырви меня изъ этого круга, вырви меня изъ этой грязи! Дай мнѣ силу сдѣлаться опять уличною женщиною въ Парижѣ, я не прошу у тебя ничего другаго, я недостойна ничего другаго, но освободи меня отъ этихъ людей, отъ этихъ гнусныхъ людей!—Она вскочила и подбѣжала къ офицеру: — Сержъ и ты такой же? Нѣтъ, ты лучше ихъ! („лучше“, флегматически замѣтилъ офицеръ)— развѣ это не гнусно?

— Гнусно, Жюли.

— И ты молчишь? допускаешь? соглашаешься? участвуешь?

— Садись ко мнѣ на колѣни, моя милая Жюли.—Онъ сталъ ласкать ее, она успокоилась.—Какъ я люблю тебя въ такія минуты! Ты славная женщина. Ну, что ты не соглашаешься повѣнчать-

ся со мною? сколько разъ я просилъ тебя объ этомъ! Согласись.

— Бракъ? ярмо? предразсудокъ? Никогда! я запретила тебѣ говорить мнѣ такія глупости. Не серди меня. Но... Сержъ! милый Сержъ! запрети ему! онъ тебя боится,—спаси ее!

— Жюли, будь хладнокровнѣе. Это невозможно. Не онъ, такъ другой, все равно. Да вотъ, посмотри, Жанъ уже думаетъ отбить ее у него, а такихъ Жановъ тысячи, ты знаешь. Отъ всѣхъ не убережешь, когда мать хочетъ торговать дочерью. Лбомъ стѣну не прошибешь, говоримъ мы, русскіе. Мы умный народъ, Жюли. Видишь, какъ спокойно я живу, принявъ этотъ нашъ русскій принципъ.

— Никогда! Ты рабъ, француженка свободна. Француженка борется,—она падаетъ, но она борется! Я не допущу! Кто она? Гдѣ она живетъ? Ты знаешь?

— Знаю.

— Ѣдемъ къ ней. Я предупрежу ее.

— Въ первомъ-то часу ночи? Поѣдемъ-ко лучше спать. До свиданья, Жанъ. До свиданья, Сторешниковъ. Разумѣется, вы не будете ждать Жюли и меня на вашъ завтрашній ужинъ: вы видите, какъ она раздражена. Да и мнѣ, сказать по правдѣ, эта исторія не нравится. Конечно, вамъ нѣтъ дѣла до моего мнѣнія. До свиданья.

— Экая бѣшеная француженка, сказалъ статскій, потягиваясь и зѣвая, когда офицеръ и Жюли ушли.—Очень пикантная женщина, но это ужь черезчуръ. Очень пріятно видѣть, когда хорошенькая женщина будируетъ, но съ нею я не ужился бы четыре часа, не то что четыре года. Конечно, Сторешниковъ, нашъ ужинъ не разстраивается отъ ея каприза. Я привезу Поля съ Матильдою вмѣсто нихъ. А теперь, пора по домамъ. Мнѣ еще нужно заѣхать къ Бертѣ и потомъ къ маленькой Лотхенъ, которая очень мила.

III.

— Ну, Вѣра, хорошо. Глаза не заплаканы. Видно, поняла, что мать говоритъ правду, а то все на дыбы подымалась,—Вѣрочка сдѣлала нетерпѣливое движеніе, — ну, хорошо, не стану

говорить, не разстраивайся. А я вчера такъ и заснула у тебя въ комнатѣ, можетъ, наговорила чего лишняго. Я вчера не въ своемъ видѣ была. Ты не вѣрь тому, что я съ пьяныхъ-то глазъ наговорила,—слышишь? не вѣрь.

Вѣрочка опять видѣла прежнюю Марью Алексѣвну. Вчера ей казалось, что изъ подъ звѣрской оболочки проглядываютъ человѣческія черты, теперь опять звѣрь, и только. Вѣрочка усиливалась побѣдить въ себѣ отвращеніе, но не могла. Прежде, она только ненавидѣла мать, вчера думалось ей, что она перестаетъ ее ненавидѣть, будетъ только жалѣть, — теперь опять она чувствовала ненависть, но и жалость осталась въ ней.

— Одѣвайся, Вѣрочка, чать, скоро придетъ.—Она очень заботливо осмотрѣла нарядъ дочери.—Если ловко поведешь себя, подарю серьги съ большими-то изумрудами, — онѣ стараго фасона, но если передѣлать, выйдетъ хорошая брошка. Въ залогѣ остались за 150 р., съ процентами 250, а стоятъ больше 400. Слышишь, подарю.

Явился Сторешниковъ. Онъ вчера долго не зналъ, какъ ему справиться съ задачею, которую накликалъ на себя; онъ шелъ пѣшкомъ изъ ресторана домой, и все думалъ. Но пришелъ домой уже спокойный,—придумалъ, пока шелъ,—и теперь былъ доволенъ собой.

Онъ справился о здоровьи Вѣры Павловны — „я здорова“, онъ сказалъ, что очень радъ, и навелъ рѣчь на то, что здоровьемъ надо пользоваться, — „конечно, надобно, а по мнѣнію Марьи Алексѣвны, и молодостью также“; онъ совершенно съ этимъ согласенъ, и думаетъ, что хорошо было бы воспользоваться нынѣшнимъ вечеромъ для поѣздки за городъ: день морозный, дорога чудесная.—Съ кѣмъ же онъ думаетъ ѣхать? — Только втроемъ: вы, Марья Алексѣвна, Вѣра Павловна и я. — Въ такомъ случаѣ, Марья Алексѣвна совершенно согласна; но теперь она пойдетъ готовить кофе и закуску, а Вѣрочка споетъ что нибудь. „Вѣрочка, ты споешь что нибудь“? прибавляетъ она тономъ, недопускающимъ возраженій.—„Спою“.

Вѣрочка сѣла къ фортепьяно и запѣла „тройку“—тогда эта пѣсня была только-что положена на музыку — по мнѣнію, питаемому Марьей Алексѣвною за дверью, эта пѣсня очень хороша: дѣвушка засмотрѣлась на офицера, — Вѣрка-то, когда

захочетъ, вѣдь умная, шельма! — Скоро Вѣрочка остановилась: и это все такъ; Марья Алексѣвна такъ и велѣла: немножко пропой, а потомъ заговори. — Вотъ, Вѣрочка и говоритъ, только, къ досадѣ Марьи Алексѣвны, по французски, — „экая дура я какая, забыла сказать, чтобы по русски"; — но Вѣра говоритъ тихо... улыбнулась, — ну, значитъ, ничего, хорошо. Только, чтожь онъ-то выпучилъ глаза? впрочемъ, дуракъ, такъ дуракъ и есть, онъ только и умѣетъ хлопать глазами. А намъ такихъ-то и надо. Вотъ, подала ему руку — умна стала Вѣрка, хвалю.

— Мсьё Сторешниковъ, я должна говорить съ вами серьёзно. Вчера вы взяли ложу, чтобы выставить меня вашимъ пріятелямъ какъ вашу любовницу. Я не буду говорить вамъ, что это безчестно: если бы вы были способны понять это, вы не сдѣлали бы такъ. Но я предупреждаю васъ: если вы осмѣлитесь подойти ко мнѣ въ театрѣ, на улицѣ, гдѣ нибудь,—я даю вамъ пощечину. Мать замучитъ меня (вотъ тутъ-то Вѣрочка улыбнулась), но пусть будетъ со мною, что будетъ, все равно! Нынче вечеромъ вы получите отъ моей матери записку, что катанье наше разстроилось, потому что я больна.

Онъ стоялъ и хлопалъ глазами, какъ уже и замѣтила Марья Алексѣвна.

— Я говорю съ вами, какъ съ человѣкомъ, въ которомъ нѣтъ ни искры чести. Но, можетъ быть, вы еще не до конца испорчены. Если такъ, я прошу васъ: перестаньте бывать у насъ. Тогда я прощу вамъ вашу клевету. Если вы согласны, дайте вашу руку,—она протянула ему руку; онъ взялъ ее, самъ не понимая, что дѣлаетъ.

— Благодарю васъ. Уйдите же. Скажите, что вамъ надобно торопиться приготовить лошадей для поѣздки.

Онъ опять похлопалъ глазами. Она уже обернулась къ нотамъ и продолжала „тройку". Жаль, что не было знатоковъ; любопытно было послушать: вѣрно, не часто имъ случалось слушать пѣніе съ такимъ чувствомъ; даже ужъ слишкомъ много было чувства, не артистично.

Черезъ минуту, Марья Алексѣвна вошла, и кухарка втащила подносъ съ кофе и закускою. Михаилъ Иванычъ, вмѣсто того, чтобы сѣсть за кофе, пятился къ дверямъ.—„Куда же вы, Ми-

хаилъ Иванычъ"? — „Я тороплюсь, Марья Алексѣвна, распорядиться лошадьми". — „Да еще успѣете, Михаилъ Иванычъ";—но Михаилъ Иванычъ былъ уже за дверями.

Марья Алексѣвна бросилась изъ передней въ залъ, съ поднятыми кулаками. „Что ты сдѣлала, Вѣрка проклятая? А?" — но проклятой Вѣрки уже не было въ залѣ; мать бросилась къ ней въ комнату, но дверь Вѣрочкиной комнаты была заперта; мать надвинулась всемъ корпусомъ на дверь, чтобы выломать ее, но дверь не подавалась, а проклятая Вѣрка сказала: „Если вы будете выламывать дверь, я разобью окно, и стану звать на помощь. А вамъ не дамся въ руки живая". — Марья Алексѣвна долго бѣсновалась, но двери не ломала; наконецъ, устала кричать. Тогда Вѣрочка сказала: „маменька, прежде я только не любила васъ; а со вчерашняго вечера, мнѣ стало васъ и жалко. У васъ было много горя, и оттого вы стали такая. Я прежде не говорила съ вами, а теперь хочу говорить, только когда вы не будете сердиться. Поговоримъ тогда хорошенько, какъ прежде не говорили".

Конечно, не очень-то приняла къ сердцу эти слова Марья Алексѣвна; но утомленные нервы просятъ отдыха, и у Марьи Алексѣвны стало рождаться раздумье: не лучше ли вступить въ переговоры съ дочерью, когда она, мерзавка, ужь совсѣмъ отбивается отъ рукъ? Вѣдь безъ нея ничего нельзя сдѣлать, вѣдь не женишь же безъ нея на ней Мишку дурака! Да вѣдь еще и неизвѣстно, что она ему сказала,—вѣдь они руки пожали другъ другу,—чтожь это значитъ?

Такъ и сидѣла усталая Марья Алексѣвна, раздумывая между свирѣпствомъ и хитростью, когда раздался звонокъ. Это были Жюли съ Сержемъ.

IV.

— Сержъ, говоритъ по французски ея мать? было первое слово Жюли, когда она проснулась.

— Не знаю; а ты еще не выкинула изъ головы этой мысли?

Нѣтъ не выкинула; и когда, сообразивши всѣ примѣты въ театрѣ, рѣшили, что, должно быть, мать этой дѣвушки не говоритъ по французски, Жюли взяла съ собою Сержа переводчи-

комъ. Впрочемъ, ужь такая была его судьба, что пришлось бы ему ѣхать, хотя бы матерью Вѣрочки былъ кардиналъ Меццофанти; и онъ не роптalъ на судьбу, а ѣздилъ повсюду, при Жюли, въ родѣ наперсницы корнелевской героини. Жюли проснулась поздно, по дорогѣ заѣзжала къ Вихманъ, потомъ, ужь не по дорогѣ, а по надобности, еще въ четыре магазина. Такимъ образомъ, Михаилъ Ивановичъ успѣлъ объясниться, Марья Алексѣвна успѣла набѣситься и насидѣться, пока Жюли и Сержъ доѣхали съ Литейной на Гороховую.

— А подъ какимъ же предлогомъ мы пріѣхали? фи, какая гадкая лѣстница! Такихъ я и въ Парижѣ не знала.

— Все равно, что вздумается. Мать даетъ деньги въ залогъ, сними брошку. Или вотъ, еще лучше: она даетъ уроки на фортепьяно. Скажемъ, что у тебя есть племянница.

Матрена въ первый разъ въ жизни устыдилась своей разбитой скулы, узрѣвъ мундиръ Сержа и въ особенности великолѣпіе Жюли: такой важной дамы она еще никогда не видывала лицомъ къ лицу. Въ такое же благоговѣніе и неописанное изумленіе пришла Марья Алексѣвна, когда Матрена объявила, что изволили пожаловать полковникъ NN съ супругою. Особенно это: „съ супругой“! — Тотъ кругъ, сплетни о которомъ спускались до Марья Алексѣвны, возвышался лишь до дѣйствительно статскаго слоя общества, а сплетни объ настоящихъ аристократахъ уже замирали въ пространствѣ на половинѣ пути до Марьи Алексѣвны; потому она такъ и поняла въ полномъ законномъ смыслѣ „имена мужъ и жена“, которыя давали другъ другу Сержъ и Жюли по парижскому обычаю. Марья Алексѣвна оправилась наскоро и выбѣжала.

Сержъ сказалъ, что очень радъ вчерашнему случаю и проч., что у его жены есть племянница и проч., что его жена не говоритъ по русски, и потому онъ переводчикъ.

— Да, могу благодарить моего создателя, сказала Марья Алексѣва:—у Вѣрочки большой талантъ учить на фортепьянахъ, и я за счастье почту, что она вхожа будетъ въ такой домъ; только учительница-то моя не совсѣмъ здорова, — Марья Алексѣвна говорила особенно громко, чтобы Вѣрочка услышала и поняла появленіе перемирія, а сама, при всемъ благоговѣніи, такъ и впилась глазами въ гостей: — не знаю, въ силахъ ли

будетъ выйти и показать вамъ пробу свою на фортепьянахъ.— Вѣрочка, другъ мой, можешь ты выйти, или нѣтъ?

Какіе-то посторонніе люди,—сцены не будетъ, — почему ужь не выйти? — Вѣрочка отперла дверь, взглянула на Сержа и вспыхнула отъ стыда и гнѣва.

Этого не могли бы не замѣтить и плохіе глаза, а у Жюли были глаза чутьли не позорче, чѣмъ у самой Марьи Алексѣвны. Француженка начала прямо:

— Милое дитя мое, вы удивляетесь и смущаетесь, видя человѣка, при которомъ были вчера такъ оскорбляемы, который вѣроятно, и самъ участвовалъ въ оскорбленіяхъ. Мой мужъ легкомысленъ, но онъ все-таки лучше другихъ повѣсъ. Вы его извините для меня, я пріѣхала къ вамъ съ добрыми намѣреніями. Уроки моей племянницѣ—только предлогъ; но надобно поддержать его. Вы съиграете что нибудь, — покороче, — мы пойдемъ въ вашу комнату и переговоримъ. Слушайтесь меня, дитя мое.

Та ли это Жюли, которую знаетъ вся аристократическая молодежь Петербурга? Та ли эти Жюли, которая отпускаетъ штуки, заставляющія краснѣть иныхъ повѣсъ? Нѣтъ, это княгиня, до ушей которой никогда не доносилось ни одно грубоватое слово.

Вѣрочка сѣла дѣлать свою пробу на фортепьяно. Жюли стала подлѣ нея, Сержъ занимался разговоромъ съ Марьей Алексѣвною, чтобы вывѣдать, каковы именно ея дѣла съ Сторешниковымъ. Черезъ нѣсколько минутъ, Жюли остановила Вѣрочку, взяла ее за талью, прошлась съ нею по залу, потомъ увела ее въ ея комнату. Сержъ пояснилъ, что его жена довольна игрою Вѣрочки, но хочетъ потолковать съ нею, потому что нужно знать и характеръ учительницы, и т. д., и продолжалъ наводить разговоръ на Сторешникова. Все это было прекрасно, но Марья Алексѣвна смотрѣла все зорче и подозрительнѣе.

— Милое дитя мое, сказала Жюли, вошедши въ комнату Вѣрочки: — ваша мать очень дурная женщина. Но чтобы мнѣ знать, какъ говорить съ вами, прошу васъ, разскажите, какъ и зачѣмъ вы были вчера въ театрѣ? я уже знаю все это отъ мужа, но изъ вашего разсказа я узнаю вашъ характеръ. Не опасайтесь меня. — Выслушавши Вѣрочку, она сказала: „да съ вами можно говорить, вы имѣете характеръ“, — и въ самыхъ осто-

рожныхъ, деликатныхъ выраженіяхъ разсказала ей о вчерашнемъ пари; на это Вѣрочка отвѣчала разсказомъ о предложеніи кататься.

— Чтожь, онъ хотѣлъ обмануть вашу мать, или они оба были въ заговорѣ противъ васъ? Вѣрочка горячо стала говорить, что ея мать ужь не такая дурная женщина, чтобы быть въ заговорѣ. — Я сейчасъ это увижу, сказала Жюли. Вы оставайтесь здѣсь,—вы тамъ лишняя. Жюли вернулась въ залу.

— Сержъ, онъ уже звалъ эту женщину и ея дочь кататься нынѣ вечеромъ. Разскажи ей о вчерашнемъ ужинѣ.

— Ваша дочь нравится моей женѣ, теперь надобно только условиться въ цѣнѣ, и, вѣроятно, мы не разойдемся изъ-за этого. Но позвольте мнѣ докончить нашъ разговоръ о нашемъ общемъ знакомомъ. Вы его очень хвалите. А извѣстно ли вамъ, что онъ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ вашему семейству,—напримѣръ, съ какою цѣлью онъ приглашалъ насъ вчера въ вашу ложу?

Въ глазахъ Марьи Алексѣвны, вмѣсто выпытывающаго взгляда, блеснулъ смыслъ: „такъ и есть“.—Я не сплетница, отвѣчала она съ неудовольствіемъ:—сама не разношу вѣстей и мало ихъ слушаю! Это было сказано не безъ колкости, при всемъ ея благоговѣніи къ посѣтителю. — Мало ли что болтаютъ молодые люди между собою; этимъ нечего заниматься.

— Хорошо-съ; ну, а вотъ это вы назовете сплетнями?—Онъ сталъ разсказывать исторію ужина. Марья Алексѣвна не дала ему докончить: какъ только произнесъ онъ первое слово о пари, она вскочила и съ бѣшенствомъ закричала, совершенно забывши важность гостей:

— Такъ вотъ онѣ, штуки-то какія! Ахъ, онъ разбойникъ! Ахъ, онъ мерзавецъ! такъ вотъ зачѣмъ онъ кататься-то звалъ! онъ хотѣлъ меня за городомъ-то на тотъ свѣтъ отправить, чтобы беззащитную дѣвушку обезчестить! Ахъ, онъ сквернавецъ!—и такъ далѣе. Потомъ она стала благодарить гостя за спасеніе жизни ея и чести ея дочери. — То-то, батюшка, я ужь и сначала догадывалась, что вы что нибудь не съ-просту пріѣхали, что уроки-то уроками, а цѣль у васъ другая, да я не то полагала; я думала, у васъ ему другая невѣста приготовлена, вы его у насъ отбить хотите,—погрѣшила на васъ, окаянная, про-

стите великодушно. Вотъ, можно сказать, по гробъ жизни облагодѣтельствовали,—и т. д. Ругательства, благодарности, извиненія долго лились безпорядочнымъ потокомъ.

Жюли не долго слушала эту безконечную рѣчь, смыслъ которой былъ ясенъ для нея изъ тона голоса и жестовъ; съ первыхъ словъ Марьи Алексѣвны, француженка встала и вернулась въ комнату Вѣрочки.

— Да, ваша мать не была его сообщницею, и теперь очень раздражена противъ него. Но я хорошо знаю такихъ людей, какъ ваша мать. У нихъ никакія чувства не удержатся долго противъ денежныхъ разсчетовъ: она скоро опять примется ловить жениха, и чѣмъ это можетъ кончиться, Богъ знаетъ; во всякомъ случаѣ, вамъ будетъ очень тяжело. На первое время, она оставитъ васъ въ покоѣ; но я вамъ говорю, что это будетъ не на долго. Что вамъ теперь дѣлать? Есть у васъ родные въ Петербургѣ?

— Нѣтъ.

— Это жаль. У васъ есть любовникъ? — Вѣрочка не знала, какъ и отвѣчать на это, она только странно раскрыла глаза.— Простите, простите, это видно, но тѣмъ хуже. Значитъ, у васъ нѣтъ пріюта. Какъ же быть? Ну, слушайте. Я не то, чѣмъ вамъ показалась. Я не жена ему, я у него на содержаньи. Я извѣстна всему Петербургу, какъ самая дурная женщина. Но я честная женщина. Придти ко мнѣ—для васъ значитъ потерять репутацію; довольно опасно для васъ и то, что я уже одинъ разъ была въ этой квартирѣ, а пріѣхать къ вамъ во второй разъ, было бы навѣрное губить васъ. Между тѣмъ, надобно еще увидѣться съ вами, быть можетъ и не разъ,—то есть, если вы довѣряете мнѣ. Да?— Такъ когда вы завтра можете располагать собою?

— Часовъ въ двѣнадцать, сказала Вѣрочка. Это для Жюли немного рано, но все равно, она велитъ разбудить себя и встрѣтится съ Вѣрочкою въ той линіи Гостиннаго двора, которая противоположна Невскому; она короче всѣхъ, тамъ легко найти другъ друга, и тамъ никто не знаетъ Жюли.

— Да, вотъ еще счастливая мысль: дайте мнѣ бумаги, я напишу этому негодяю письмо, чтобы взять его въ руки.—Жюли написала: „Мсьё Сторешниковъ, вы теперь, вѣроятно, въ большомъ затрудненіи; если хотите избавиться отъ него, будьте у меня въ 7 часовъ. М. Ле-Телье“.—Теперь, прощайте!

Жюли протянула руку, но Вѣрочка бросилась къ ней на шею, и цаловала, и плакала, и опять цаловала. А Жюли и подавно не выдержала, — вѣдь она не была такъ воздержна на слезы, какъ Вѣрочка, да и очень ей трогательна была радость и гордость, что она дѣлаетъ благородное дѣло; она пришла въ экстазъ, говорила, говорила, все со слезами и поцалуями, заключила восклицаніемъ:

— Другъ мой, милое мое дитя! о, не дай тебѣ Богъ никогда узнать, что чувствую я теперь, когда послѣ многихъ лѣтъ въ первый разъ прикасаются къ моимъ губамъ чистыя губы. Умри, но не давай поцалуя безъ любви!

V.

Планъ Сторешникова былъ не такъ человѣкоубійственъ, какъ предположила Марья Алексѣвна: она, по своей манерѣ, дала дѣлу слишкомъ грубую форму, но сущность дѣла отгадала. Сторешниковъ думалъ попозже вечеромъ завезти своихъ дамъ въ ресторанъ, гдѣ собирался ужинъ; разумѣется, онѣ всѣ замерзли и проголодались, надобно погрѣться и выпить чаю; онъ всыплетъ опіуму въ чашку или рюмку Марьѣ Алексѣвнѣ; Вѣрочка растеряется, увидѣвъ мать безъ чувствъ; онъ заведетъ Вѣрочку въ комнату, гдѣ ужинъ,—вотъ уже пари и выиграно; что дальше— какъ случится. Можетъ быть, Вѣрочка въ своемъ смятеніи ничего не пойметъ и согласится посидѣть въ незнакомой компаніи, а если и сейчасъ уйдетъ,—ничего, это извинятъ, потому что она только вступила на поприще авантюристки и, натурально, совѣстится на первыхъ порахъ. Потомъ, онъ уладится деньгами съ Марьей Алексѣвною,— вѣдь ей ужь нечего будетъ дѣлать.

Но теперь какъ ему быть? онъ проклиналъ свою хвастливость передъ пріятелями, свою ненаходчивость при внезапномъ крутомъ сопротивленіи Вѣрочки, желалъ себѣ провалиться сквозь землю. И въ этакомъ-то разстройствѣ и сокрушеніи духа — письмо отъ Жюли, цѣлительный бальзамъ на рану, лучъ спасенія въ непроглядномъ мракѣ, столбовая дорога подъ ногою тонувшаго въ бездонномъ болотѣ. О, она поможетъ, она умнѣйшая женщина, она можетъ все придумать! благороднѣйшая жен-

щина!—Минутъ за десять до 7 часовъ, онъ былъ уже передъ ея дверью.—„Изволятъ ждать, и приказали принять“.

Какъ величественно сидитъ она, какъ строго смотритъ! Едва наклонила голову въ отвѣтъ на его поклонъ. „Очень рада васъ видѣть, прошу садиться“.—Ни одинъ мускулъ не пошевелился въ ея лицѣ. Будетъ сильная головомойка,—ничего, ругай, только спаси.

— Мсьё Сторешникъ, начала она холоднымъ, медленнымъ тономъ: — вамъ извѣстно мое мнѣніе о дѣлѣ, по которому мы видимся теперь и которое, стало быть, мнѣ не нужно вновь характеризовать. Я видѣла ту молодую особу, о которой былъ вчера разговоръ, слышала о вашемъ нынѣшнемъ визитѣ къ нимъ, слѣдовательно, знаю все, и очень рада, что это избавляетъ меня отъ тяжелой необходимости разспрашивать васъ о чемъ-либо. Ваше положеніе съ одинаковою опредѣленностью ясно и мнѣ и вамъ („Господи, лучше бы ругалась!“ думаетъ подсудимый). Мнѣ кажется, что вы не можете выйти изъ него безъ посторонней помощи, и не можете ждать успѣшной помощи ни отъ кого кромѣ меня. Если вы имѣете возразить что нибудь, я жду. — И такъ (послѣ паузы) вы подобно мнѣ полагаете, что никто другой не въ состояніи помочь вамъ,—выслушайте же, что я могу и хочу сдѣлать для васъ; если предлагаемое мною пособіе покажется вамъ достаточно, я выскажу условія, на которыхъ согласна оказать его.

И тѣмъ же длиннымъ, длиннымъ манеромъ оффиціальнаго изложенія, она сказала, что можетъ послать Жану письмо, въ которомъ скажетъ, что послѣ вчерашней вспышки передумала, хочетъ участвовать въ ужинѣ, но что нынѣшній вечеръ у нея уже занятъ, что поэтому она проситъ Жана уговорить Сторешникова отложить ужинъ, — о времени его она послѣ условится съ Жаномъ. Она прочла это письмо, — въ письмѣ слышалась увѣренность, что Сторешниковъ выиграетъ пари, что ему досадно будетъ отсрочивать свое торжество. Достаточно ли будетъ этого письма?—конечно. Въ такомъ случаѣ, продолжаетъ Жюли все тѣмъ же длиннымъ, длиннымъ тономъ оффиціальныхъ записокъ,—она отправитъ письмо на двухъ условіяхъ—„вы можете принять или не принять ихъ,—вы принимаете ихъ, я отправляю письмо; вы отвергаете ихъ — я жгу письмо“, и т. д., все въ

этой же безконечной манерѣ, вытягивающей душу изъ спасаемаго. Наконецъ, и условія. Ихъ два:—„Первое: вы прекращаете всякія преслѣдованія молодой особы, о которой мы говоримъ; второе: вы перестаете упоминать ея имя въ вашихъ разговорахъ“, — „Только-то! — думаетъ спасаемый:—я думалъ, ужь она чортъ знаетъ чего потребуетъ, и ужь чортъ знаетъ на что не былъ бы готовъ“. Онъ согласенъ, и на его лицѣ восторгъ отъ легкости условій, но Жюли не смягчается ничѣмъ, и все тянетъ, и все объясняетъ... „первое—нужно для нея, второе—также для нея, но еще болѣе для васъ: я отложу ужинъ на недѣлю, потомъ еще на недѣлю, и дѣло забудется; но вы поймете, что другіе забудутъ его только въ томъ случаѣ, когда вы не будете напоминать о немъ какимъ бы то ни было словомъ о молодой особѣ, о которой“ и т. д. И все объясняется, все доказывается, даже то, что письмо будетъ получено Жаномъ еще во время.—„Я справлялась, онъ обѣдаетъ у Берты“ и т. д.,—„онъ поѣдетъ къ вамъ, когда докуритъ свою сигару“ и т. д. и все въ такомъ родѣ, и напримѣръ, въ такомъ: „Итакъ, письмо отправляется, я очень рада. Потрудитесь перечесть его,—я не имѣю и не требую довѣрія. Вы прочли,—потрудитесь самъ запечатать его,—вотъ конвертъ.—Я звоню.—Полина, вы потрудитесь передать это письмо“, и т. д. — „Полина, я не видѣлась нынче съ мсьё Сторешникомъ, онъ не былъ здѣсь, — вы понимаете?“ — Около часа тянулось это мучительное спасаніе. Наконецъ письмо отправлено, и спасенный дышитъ свободнѣе, но потъ льетъ съ него градомъ, и Жюли продолжаетъ:

— Черезъ четверть часа, вы должны будете спѣшить домой, чтобы Жанъ засталъ васъ. Но четвертью часа вы еще можете располагать, и я воспользуюсь ею, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ; вы послѣдуете, или не послѣдуете совѣту, въ нихъ заключающемуся, но вы зрѣло обдумаете его. Я не буду говорить объ обязанностяхъ честнаго человѣка относительно дѣвушки, имя которой онъ компрометировалъ: я слишкомъ хорошо знаю нашу свѣтскую молодежь, чтобы ждать пользы отъ разсмотрѣнія этой стороны вопроса. Но я нахожу, что женитьба на молодой особѣ, о которой мы говоримъ, была бы выгодна для васъ. Какъ женщина прямая, я изложу вамъ основанія такого моего мнѣнія съ полною ясностью, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и щекотливы для

вашего слуха, — впрочемъ, малѣйшаго вашего слова будетъ достаточно, чтобы я остановилась. Вы человѣкъ слабаго характера, и рискуете попасться въ руки дурной женщины, которая будетъ мучить васъ и играть вами. Она добра и благородна, потому не стала бы обижать васъ. Женитьба на ней, не смотря на низкость ея происхожденія и, сравнительно съ вами, бѣдность, очень много двинула бы впередъ вашу каррьеру: она, будучи введена въ большой свѣтъ, при вашихъ денежныхъ средствахъ, при своей красотѣ, умѣ и силѣ характера, заняла бы въ немъ блестящее мѣсто; выгоды отъ этого для всякаго мужа понятны. Но, кромѣ тѣхъ выгодъ, которыя получилъ бы всякій другой мужъ отъ такой жены, вы, по особенностямъ вашей натуры, болѣе, чѣмъ кто либо, нуждаетесь въ содѣйствіи,—скажу прямѣе: въ руководствѣ. Каждое мое слово было взвѣшено; каждое — основано на наблюденіи надъ нею. Я не требую довѣрія, но рекомендую вамъ обдумать мой совѣтъ. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы она приняла вашу руку; но если бы она приняла ее это было бы очень выгодно для васъ. Я не удерживаю васъ болѣе, вамъ надобно спѣшить домой.

VI.

Марья Алексѣвна, конечно, уже не претендовала на отказъ Вѣрочки отъ катанья, когда увидѣла, что Мишка-дуракъ вовсе не такой дуракъ, а чуть было даже не поддѣлъ ее. Вѣрочка была оставлена въ покоѣ и на другое утро безъ всякой помѣхи отправилась въ Гостиный дворъ. „Здѣсь морозно, я не люблю холода“, сказала Жюли: — „надобно куда нибудь отправиться. Куда бы? погодите, я сейчасъ вернусь изъ этого магазина“. Она купила густой вуаль для Вѣрочки. „Надѣньте, тогда можете ѣхать ко мнѣ безопасно. Только не подымайте вуаля, пока мы не останемся однѣ. Полина очень скромна, но я не хочу, чтобъ и она васъ видѣла. Я слишкомъ берегу васъ, дитя мое!—дѣйствительно, она сама была въ салонѣ и шляпѣ своей горничной и подъ густымъ вуалемъ.—Когда Жюли отогрѣлась, выслушала все, что имѣла новаго Вѣрочка, она разсказала про свое свиданье съ Сторешниковымъ.

— Теперь, милое дитя мое, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ сдѣлаетъ вамъ предложеніе. Эти люди влюбляются по уши, когда ихъ волокитство отвергается. Знаете ли вы, дитя мое, что вы поступили съ нимъ, какъ опытная кокетка? Кокетство, — я говорю про настоящее кокетство, а не про глупыя, бездарныя подѣлки подъ него: онѣ отвратительны, какъ всякая плохая поддѣлка подъ хорошую вещь, — кокетство — это умъ и тактъ въ примѣненіи къ дѣламъ женщины съ мужчиною. Потому, совершенно наивныя дѣвушки безъ намѣренія дѣйствуютъ, какъ опытныя кокетки, если имѣютъ умъ и тактъ. Можетъ быть, и мои доводы отчасти подѣйствуютъ на него, но главное—ваша твердость.—Какъ бы то ни было, онъ сдѣлаетъ вамъ предложеніе, и я совѣтую вамъ принять его.

— Вы, которая вчера сказали мнѣ: лучше умереть, чѣмъ дать поцалуй безъ любви.

— Милое дитя мое, это было сказано въ увлеченіи; въ минуты увлеченія, оно вѣрно и хорошо. Но жизнь — проза и разсчетъ.

— Нѣтъ, никогда, никогда! онъ гадокъ, это отвратительно! я не унижусь, пусть меня съѣдятъ, я брошусь изъ окна, я пойду собирать милостыню... но отдать руку гадкому, низкому человѣку—нѣтъ, лучше умереть!

Жюли стала объяснять выгоды: вы избавитесь отъ преслѣдованій матери, вамъ грозитъ опасность быть проданной, онъ не золъ, а только недалекъ, недалекій и не злой мужъ лучше всякаго другаго для умной женщины съ характеромъ, вы будете госпожею въ домѣ. Она въ яркихъ краскахъ описывала положеніе актрисъ, танцовщицъ, которыя не подчиняются мужчинамъ въ любви, а господствуютъ надъ ними: „это самое лучшее положеніе въ свѣтѣ для женщины, кромѣ того положенія, когда къ такой же независимости и власти еще присоединяется со стороны общества формальное признаніе законности такого положенія, то есть, когда мужъ относится къ женѣ, какъ поклонникъ актрисы къ актрисѣ". Она говорила много, Вѣрочка говорила много, обѣ разгорячились, Вѣрочка наконецъ дошла до пафоса.

— Вы называете меня фантазеркою, спрашиваете, чего же я хочу отъ жизни? Я не хочу ни властвовать, ни подчиняться, я не хочу ни обманывать, ни притворяться, я не хочу смотрѣть

на мнѣніе другихъ, добиваться того, что рекомендуютъ мнѣ другіе, когда мнѣ самой этого не нужно. Я не привыкла къ богатству—мнѣ самой оно не нужно—зачѣмъ же я стану искать его только потому, что другіе думаютъ, что оно всякому пріятно и, стало быть, должно быть пріятно мнѣ? Я не была въ обществѣ, не испытывала, что значитъ блистать, и у меня еще нѣтъ влеченія къ этому, — зачѣмъ же я стану жертвовать чѣмъ нибудь для блестящаго положенія только потому, что, по мнѣнію другихъ, оно пріятно? Для того, что не нужно мнѣ самой, — я не пожертвую ничемъ, не только собой, даже малѣйшимъ капризомъ не пожертвую. Я хочу быть независима и жить по своему; что нужно мнѣ самой, на то я готова, чего мнѣ не нужно, того не хочу и не хочу. Что нужно мнѣ будетъ, я не знаю; вы говорите: я молода, неопытна, со временемъ перемѣнюсь,—ну, чтожь, когда перемѣнюсь, тогда и перемѣнюсь, а теперь не хочу, не хочу, не хочу, ничего, чего не хочу! А чего я хочу теперь? вы спрашиваете,—ну да, я этого не знаю. Хочу ли я любить мужчину? — Я не знаю, — вѣдь я вчера поутру, когда вставала, не знала, что мнѣ захочется полюбить васъ; за нѣсколько часовъ до того, какъ полюбила васъ, не знала, что полюблю, и не знала, какъ это я буду чувствовать, когда полюблю васъ. Такъ теперь я не знаю, что я буду чувствовать, если я полюблю мужчину, я знаю только то, что не хочу никому поддаваться, хочу быть свободна, не хочу никому быть обязана ничѣмъ, чтобы никто не смѣлъ сказать мнѣ: ты обязана дѣлать для меня что нибудь! Я хочу дѣлать только то, чего буду хотѣть, и пусть другіе дѣлаютъ также; я не хочу ни отъ кого требовать ничего, я хочу не стѣснять ничьей свободы и сама хочу быть свободна.

Жюли слушала и задумывалась, задумывалась и краснѣла, и—вѣдь она не могла не вспыхивать, когда подлѣ былъ огонь, — вскочила и прерывающимся голосомъ заговорила:

— Такъ, дитя мое, такъ! Я и сама бы такъ чувствовала, еслибъ не была развращена. Не тѣмъ я развращена, за что называютъ женщину погибшей, не тѣмъ, что было со мною, что я терпѣла, отъ чего страдала, не тѣмъ я развращена, что тѣло мое было предано поруганью, а тѣмъ, что я привыкла къ праздности, къ роскоши, не въ силахъ жить сама собою, нуждаюсь въ другихъ. Угождаю, дѣлаю то, чего не хочу — вотъ это раз-

вратъ! не слушай того, что я тебѣ говорила, дитя мое: я развращала тебя—вотъ мученье! я не могу прикасаться къ чистому, не оскверняя; бѣги меня, дитя мое, я гадкая женщина,—не думай о свѣтѣ! тамъ всѣ гадкіе, хуже меня; гдѣ праздность, тамъ гнусность, гдѣ роскошь, тамъ гнусность!—Бѣги, бѣги!

VII.

Сторешниковъ чаще и чаще началъ думать: а что, какъ я въ самомъ дѣлѣ возьму, да женюсь на ней? Съ нимъ произошелъ случай, очень обыкновенный въ жизни не только людей несамостоятельныхъ въ его родѣ, а даже и людей съ независимымъ характеромъ. Даже въ исторіи народовъ: этими случаями наполнены томы Юма и Гиббона, Ранке и Тьерри; люди толкаются въ одну сторону, только потому, что не слышатъ слова: „а попробуйте-ко, братцы, толкнуться въ другую“, — услышатъ, и начнутъ поворачиваться направо кругомъ, и пошли толкаться въ другую сторону. Сторешниковъ слышалъ и видѣлъ, что богатые молодые люди пріобрѣтаютъ себѣ хорошенькихъ небогатыхъ дѣвушекъ въ любовницы, — ну, онъ и добивался сдѣлать Вѣрочку своею любовницею: другаго слова не приходило ему въ голову; услышалъ онъ другое слово: „можно жениться“,— ну, и сталъ думать на тему „жена“, какъ прежде думалъ на тему „любовница“.

Это общая черта, по которой Сторешниковъ очень удовлетворительно изображалъ въ своей особѣ девять десятыхъ долей исторіи рода человѣческаго. Но историки и психологи говорятъ, что въ каждомъ частномъ фактѣ общая причина „индивидуализируется (по ихъ выраженію) мѣстными, временными, племенными и личными элементами, и будто бы они-то, особенные-то элементы, и важны,—то есть, что всѣ ложки, хотя и ложки, но каждый хлѣбаетъ супъ или щи тою ложкою, которая у него, именно вотъ у него въ рукѣ, и что именно вотъ эту-то ложку надобно разсматривать. Почему не разсмотрѣть.

Главное уже сказала Жюли (точно читала она русскіе романы, которые всѣ объ этомъ упоминаютъ!): сопротивленіе разжигаетъ охоту. Сторешниковъ привыкъ мечтать, какъ онъ бу-

детъ „обладать“ Вѣрочкою. Подобно Жюли, я люблю называть грубыя вещи прямыми именами грубаго и пошлаго языка, на которомъ почти всѣ мы почти постоянно думаемъ и говоримъ. Сторешниковъ уже нѣсколько недѣль занимался тѣмъ, что воображалъ себѣ Вѣрочку въ разныхъ позахъ, и хотѣлось ему, чтобы эти картины осуществились. Оказалось, что она не осуществитъ ихъ въ званіи любовницы,—ну, пусть осуществляетъ въ званіи жены; это все равно, главное дѣло не званіе, а позы, то есть обладаніе. О, грязь! о, грязь! — „обладать“ — кто смѣетъ обладать человѣкомъ? Обладаютъ халатомъ, туфлями.—Пустяки: почти каждый изъ насъ, мужчинъ, обладаетъ кѣмъ нибудь изъ васъ, наши сестры; опять, пустяки: какія вы намъ сестры?—вы наши лакейки! Иныя изъ васъ,—многія — господствуютъ надъ нами—это ничего: вѣдь и многіе лакеи властвуютъ надъ своими барами.

Мысли о позахъ разъигрались въ Сторешниковѣ послѣ театра съ такою силою, какъ еще никогда. Показавши пріятелямъ любовницу своей фантазіи, онъ увидѣлъ, что любовница гораздо лучше, чѣмъ онъ думалъ. Вѣдь красоту, все равно, что умъ, что всякое другое достоинство, большинство людей оцѣниваетъ съ точностью только по общему отзыву. Всякій видитъ, что красивое лицо красиво, а до какой именно степени оно красиво, какъ это разберешь, пока рангъ не опредѣленъ дипломомъ? Вѣрочку въ галлереѣ или въ послѣднихъ рядахъ креселъ, конечно, не замѣчали; но когда она явилась въ ложѣ 2-го яруса, на нее было наведено очень много биноклей; а сколько похвалъ ей слышалъ Сторешниковъ, когда, проводивъ ее, отправился въ фойе! а Сержъ? о, это человѣкъ съ самымъ тонкимъ вкусомъ!— а Жюли? — ну, нѣтъ, когда наклевывается такое счастье, тутъ нечего разбирать, подъ какимъ званіемъ „обладать“ имъ.

Самолюбіе было раздражено вмѣстѣ съ сладострастіемъ. Но оно было бы затронуто и съ другой стороны: „она едва-ли пойдетъ за васъ“—какъ? не пойдетъ за него, при такомъ мундирѣ и домѣ? нѣтъ, врешь, француженка, пойдетъ! вотъ пойдетъ же, пойдетъ!

Была и еще одна причина въ томъ же родѣ: мать Сторешникова, конечно, станетъ противиться женитьбѣ—мать въ этомъ случаѣ представительница свѣта,—а Сторешниковъ до сихъ поръ

трусилъ матери, и, конечно, тяготился своею зависимостью отъ нея. Для людей безхарактерныхъ очень завлекательна мысль: „я не боюсь; у меня есть характеръ".

Конечно, было и желаніе подвинуться въ своей свѣтской карьерѣ черезъ жену.

А ко всему этому прибавлялось, что вѣдь Сторешниковъ не смѣлъ показаться къ Вѣрочкѣ въ прежней роли, а между тѣмъ такъ и тянетъ посмотрѣть на нее.

Словомъ, Сторешниковъ съ каждымъ днемъ все тверже думалъ жениться, и черезъ недѣлю, когда Марья Алексѣевна, въ воскресенье, вернувшись отъ поздней обѣдни, сидѣла и обдумывала, какъ ловить его, онъ самъ явился съ предложеніемъ. Вѣрочка не выходила изъ своей комнаты, онъ могъ говорить только съ Марьею Алексѣвною. Марья Алексѣвна, конечно, сказала, что она съ своей стороны считаетъ себѣ за большую честь, но какъ любящая мать, должна узнать мнѣніе дочери и проситъ пожаловать за отвѣтомъ завтра по утру.

— Ну, молодецъ, — дѣвка моя Вѣра, говорила мужу Марья Алексѣвна, удивленная такимъ быстрымъ оборотомъ дѣла:— гляди-ко, какъ она забрала молодца-то въ руки! А я думала, думала, не знала, какъ и умъ приложить! думала, много хлопотъ мнѣ будетъ опять его заманить, думала, испорчено все дѣло, а она, моя голубушка, не портила, а къ доброму концу вела, — знала, какъ надо поступать. Ну, хитра, нечего сказать.

— Господь умудряетъ младенцы, произнесъ Павелъ Константинычъ.

Онъ рѣдко игралъ роль въ домашней жизни. Но Марья Алексѣвна была строгая хранительница добрыхъ преданій, и въ такомъ парадномъ случаѣ, какъ объявленіе дочери о предложеніи, она назначитъ мужу ту почетную роль, какая по праву принадлежитъ главѣ семейства и владыкѣ. Павелъ Константинычъ и Марья Алексѣвна усѣлись на диванѣ, какъ на торжественнѣйшемъ мѣстѣ, и послали Матрену просить барышню пожаловать къ нимъ.

— Вѣра, началъ Павелъ Константинычъ, — Михаилъ Иванычъ дѣлаетъ намъ честь, проситъ твоей руки. Мы отвѣчали, какъ любящіе тебя родители, что принуждать тебя не будемъ, но что съ одной стороны рады. Ты, какъ добрая и послушная

дочь, какою мы тебя всегда видѣли, положишься на нашу опытность, что мы не смѣли отъ Бога молить такого жениха. Согласна, Вѣра?

— Нѣтъ сказала Вѣрочка.

— Что ты говоришь, Вѣра? закричалъ Павелъ Константинычъ,—дѣло было такъ ясно, что и онъ могъ кричать, не освѣдомившись у жены, какъ ему поступать.

— Съ ума ты сошла, дура? Смѣй повторить, мерзавка-ослушница! закричала Марья Алексѣвна, подымаясь съ кулаками на дочь.

— Позвольте, маменька, сказала Вѣра, вставая: — если вы до меня дотронетесь, я уйду изъ дому, запрете, — брошусь изъ окна. Я знала какъ вы примете мой отказъ и обдумала, что мнѣ дѣлать. Сядьте и сидите, или я уйду.

Марья Алексѣвна опять усѣлась. — Экая глупость сдѣлана, передняя-то дверь не заперта на ключъ! задвижку-то въ одну секунду отодвинетъ—не поймаешь, уйдетъ! вѣдь бѣшеная!

— Я не пойду за него. Безъ моего согласія не станутъ вѣнчать.

— Вѣра, ты съ ума сошла, говорила Марья Алексѣвна задыхающимся голосомъ.

— Какъ же это можно? Что же мы ему скажемъ завтра? говорилъ отецъ.

— Вы невиноваты передъ нимъ, что я несогласна.

Часа два продолжалась сцена. Марья Алексѣвна бѣсилась, двадцать разъ начинала кричать и сжимала кулаки, но Вѣрочка говорила: „не вставайте, или я уйду“. Бились, бились, ничего не могли сдѣлать. Покончилось тѣмъ, что вошла Матрена и спросила, подавать ли обѣдъ—пирогъ уже перестоялся.

— Подумай до вечера, Вѣра, одумайся, дура! сказала Марья Алексѣвна и шепнула что-то Матренѣ.

— Маменька, вы что-то хотите сдѣлать надо мною, вынуть ключъ изъ двери моей комнаты, или что нибудь такое. Не дѣлайте ничего: хуже будетъ.

Марья Алексѣвна сказала кухаркѣ: „не надо“. — Экой звѣрь какой, Вѣрка-то! Какъ-бы не за рожу ея онъ ее бралъ, въ кровь бы ее всю избить, а теперь какъ тронуть? Изуродуетъ себя, проклятая!

Пошли обѣдать. Обѣдали молча. Послѣ обѣда Вѣрочка ушла въ свою комнату. Павелъ Константинычъ прилегъ, по обыкновенію, соснуть. Но это не удалось ему: только что сталъ онъ дремать, вошла Матрена и сказала, что хозяйскій человѣкъ пришелъ: хозяйка проситъ Павла Константиныча сейчасъ же пожаловать къ ней.—Матрена вся дрожала, какъ осиновый листъ; ей-то какое дѣло дрожать?

VIII.

А какъ же прикажете ей не дрожать, когда черезъ нее сочинилась вся эта бѣда? Какъ только она позвала Вѣрочку къ папенькѣ и маменькѣ, тотчасъ же побѣжала сказать женѣ хозяйкина повара, что „вашъ баринъ сосваталъ нашу барышню“; призвали младшую горничную хозяйки, стали упрекать, что она не по пріятельски себя ведетъ, ничего имъ до сихъ поръ не сказала; младшая горничная не могла взять въ толкъ, за какую скрытность порицаютъ ее—она никогда ничего не скрывала; ей сказали—„я сама ничего не слышала“,—передъ нею извинились, что напрасно ее поклепали въ скрытности; она побѣжала сообщить новость старшей горничной, старшая горничная сказала: „значитъ, это онъ сдѣлалъ потихоньку отъ матери, коли я ничего не слыхала, ужь я все то должна знать, что Анна Петровна знаетъ“, и пошла сообщить барынѣ. Вотъ какую исторію надѣлала Матрена! „Язычекъ мой проклятый, много онъ меня губилъ!“—думала она. Вѣдь дослѣдуетъ Марья Алексѣвна, черезъ кого вышло наружу. Но дѣло шло такъ, что Марья Алексѣвна забыла дослѣдовать, черезъ кого оно вышло.

Анна Петровна ахала, ахала, два раза упала въ обморокъ,—наединѣ со старшею горничною; значитъ, сильно была огорчена, и послала за сыномъ. Сынъ явился.

— Мишель, справедливо ли то, что я слышу? (тономъ гнѣвнаго страданія).

— Что вы слышали, maman?

— То, что ты сдѣлалъ предложеніе этой.... этой.... этой.... дочери нашего управляющаго?

— Сдѣлалъ, maman.

— Не спросивъ мнѣнія матери?

— Я хотѣлъ спросить вашего согласія, когда получу ея.

— Я полагаю, что въ ея согласіи ты могъ быть болѣе увѣренъ, чѣмъ въ моемъ.

— Maman, такъ нынче принято, что прежде узнаютъ о согласіи дѣвушки, потомъ уже говорятъ родственникамъ.

— Это по твоему принято? быть можетъ, по твоему также принято: сыновьямъ хорошихъ фамилій жениться Богъ знаетъ на комъ, а матерямъ соглашаться на это?

— Она, maman, не Богъ-знаетъ-кто; когда вы узнаете ее, вы одобрите мой выборъ.

— „Когда я узнаю ее“! — я никогда не узнаю ее! „одобрю твой выборъ!“ — я запрещаю тебѣ всякую мысль объ этомъ выборѣ! слышишь, запрещаю!

— Maman, это не принято нынче; я не маленькій мальчикъ, чтобъ вамъ нужно было водить меня за руку. Я самъ знаю, куда иду.

— Ахъ! Анна Петровна закрыла глаза.

Передъ Марьею Алексѣвною, Жюли, Вѣрочкою Михаилъ Иванычъ пасовалъ, но вѣдь онѣ были женщины съ умомъ и характеромъ; а тутъ, по части ума бой былъ ровный, и если по характеру былъ небольшой перевѣсъ на сторонѣ матери, то у сына была подъ ногами надежная почва; онъ до сихъ поръ боялся матери, по привычкѣ, но они оба твердо помнили, что вѣдь, по настоящему-то, хозяйка-то не хозяйка, а хозяинова мать, не больше, что хозяйкинъ сынъ не хозяйкинъ сынъ, а хозяинъ. Потому-то хозяйка и медлила рѣшительнымъ словомъ „запрещаю“, тянула разговоръ, надѣясь сбить и утомить сына прежде, чѣмъ дойдетъ до настоящей схватки. Но сынъ зашелъ уже такъ далеко, что нельзя было вернуться, и онъ по необходимости долженъ былъ держаться.

— Maman, увѣряю васъ, что лучшей дочери вы не могли бы имѣть.

— Извергъ! убійца матери!

— Maman, будемте разсуждать хладнокровно. Раньше или позже жениться надобно, а женатому человѣку нужно больше расходовъ, чѣмъ холостому. Я бы могъ, пожалуй, жениться на такой, что всѣ доходы съ дома понадобились бы на мое хозяй-

ство. А она будетъ почтительною дочерью, и мы могли бы жить съ вами, какъ до сихъ поръ.

— Извергъ! убійца мой! уйди съ моихъ глазъ!

— Maman, не сердитесь: я ничѣмъ не виноватъ.

— Женится на какой-то дряни, и не виноватъ.

— Ну, теперь, maman, я самъ уйду. Я не хочу, чтобы при мнѣ называли ее такими именами.

— Убійца мой!—Анна Петровна упала въ обморокъ, а Мишель ушелъ, довольный тѣмъ, что бодро выдержалъ первую сцену, которая важнѣе всего.

Видя, что сынъ ушелъ, Анна Петровна прекратила обморокъ. Сынъ рѣшительно отбивается отъ рукъ! Въ отвѣтъ на „запрещаю!“ онъ объясняетъ, что домъ принадлежитъ ему!— Анна Петровна подумала, подумала, излила свою скорбь старшей горничной, которая въ этомъ случаѣ совершенно раздѣляла чувства хозяйки по презрѣнію къ дочери управляющаго, посовѣтовалась съ нею и послала за управляющимъ.

— Я была до сихъ поръ очень довольна вами, Павелъ Константинычъ; но теперь, интриги, въ которыхъ вы, можетъ быть, и не участвовали, могутъ заставить меня поссориться съ вами.

— Ваше превосходительство, я ни въ чемъ тутъ не виноватъ, Богъ свидѣтель.

— Мнѣ давно было извѣстно, что Мишель волочится за вашей дочерью. Я не мѣшала этому, потому что молодому человѣку нельзя же жить безъ развлеченій. Я снисходительна къ шалостямъ молодыхъ людей. Но я не потерплю униженія своей фамиліи. Какъ ваша дочь осмѣлилась забрать себѣ въ голову такіе виды?

— Ваше превосходительство, она не осмѣливалась имѣть такихъ видовъ. Она почтительная дѣвушка, мы ее воспитали въ уваженіи.

— То есть, что это значитъ?

— Она, ваше превосходительство, противъ вашей воли никогда не посмѣетъ.

Анна Петровна ушамъ своимъ не вѣрила. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, такое благополучіе?

— Вамъ должна быть извѣстна моя воля... Я не могу согласиться на такой странный, можно сказать, неприличный бракъ.

— Мы это чувствуемъ, ваше превосходительство, и Вѣрочка чувствуетъ. Она такъ и сказала: я не смѣю, говоритъ, прогнѣвать ихъ превосходительство.

— Какъ же это было?

— Такъ было, ваше превосходительство, что Михаилъ Ивановичъ выразили свое намѣреніе моей женѣ, а жена сказала имъ, что я вамъ, Михаилъ Ивановичъ, ничего не скажу до завтрего утра, а мы съ женою были намѣрены, ваше превосходительство, явиться къ вамъ и доложить обо всемъ, потому что какъ въ теперешнее позднее время не осмѣливались тревожить ваше превосходительство. А когда Михаилъ Ивановичъ ушли, мы сказали Вѣрочкѣ, и она говоритъ: я съ вами, папенька и маменька, совершенно согласна, что намъ объ этомъ думать не слѣдуетъ.

— Такъ она благоразумная и честная дѣвушка?

— Какъ же, ваше превосходительство, почтительная дѣвушка!

— Ну, я этому очень рада, что мы можемъ остаться съ вами въ дружбѣ. Я награжу васъ за это. Теперь же готова наградить. По парадной лѣстницѣ, гдѣ живетъ портной, квартира во 2-мъ этажѣ вѣдь свободна?

— Черезъ три дня освободится, ваше превосходительство.

— Возьмите ее себѣ. Можете израсходовать до ста рублей на отдѣлку. Прибавляю вамъ и жалованья 240 р. въ годъ.

— Позвольте попросить ручку у вашего превосходительства!

— Хорошо, хорошо. Татьяна!—Вошла старшая горничная.— Найди мое синее бархатное пальто. Это я дарю вашей женѣ. Оно стоитъ 150 р., (85 р.) я его только 2 раза (гораздо болѣе 20) надѣвала! Это я дарю вашей дочери,—Анна Петровна подала управляющему очень маленькіе дамскіе часы,—я за нихъ заплатила 300 р. (120 р.). Я умѣю награждать, и впередъ не забуду. Я снисходительна къ шалостямъ молодыхъ людей.

Отпустивъ управляющаго, Анна Петровна опять кликнула Татьяну. — Попросить ко мнѣ Михаила Иваныча, — или нѣтъ, лучше я сама пойду къ нему.—Она побоялась, что посланница передастъ лакею сына, а лакей сыну содержаніе извѣстій, со-

общенныхъ управляющимъ, и букетъ выдохнется, не такъ шибнетъ сыну въ носъ отъ ея словъ.

Михаилъ Иванычъ лежалъ, и не безъ нѣкотораго довольства покручивалъ усы.—„Это еще зачѣмъ пожаловала сюда-то? Вѣдь у меня нѣтъ нюхательныхъ спиртовъ отъ обмороковъ", думалъ онъ, вставая при появленіи матери. Но онъ увидѣлъ на ея лицѣ презрительное торжество.

Она сѣла, сказала:—„Садитесь, Михаилъ Иванычъ, и мы поговоримъ",—и долго смотрѣла на него съ улыбкою; наконецъ, произнесла:—Я очень довольна, Михаилъ Иванычъ; отгадайте, чѣмъ я довольна?

— Я не знаю, что и подумать, maman; вы такъ странно...

— Вы увидите, что нисколько не странно; подумайте, можетъ быть, и отгадаете.

Опять долгое молчаніе. Онъ теряется въ недоумѣніяхъ, она наслаждается торжествомъ.

— Вы не можете отгадать,—я вамъ скажу. Это очень просто и натурально; если-бы въ васъ была искра благороднаго чувства, вы отгадали бы. Ваша любовница,—въ прежнемъ разговорѣ Анна Петровна лавировала, теперь ужь нечего было лавировать: у непріятеля отнято средство побѣдить ее,—ваша любовница,—не возражайте, Михаилъ Иванычъ, вы сами повсюду разглашали, что она ваша любовница,—это существо низкаго происхожденія, низкаго воспитанія, низкаго поведенія, — даже это презрѣнное существо...

— Maman, я не хочу слушать такихъ выраженій о дѣвушкѣ, которая будетъ моею женою.

— Я и не употребляла бъ ихъ, если-бы полагала, что она будетъ вашею женою. Но я и начала съ тою цѣлью, чтобы объяснить вамъ, что этого не будетъ, и почему не будетъ. Дайте же мнѣ докончить. Тогда вы можете свободно порицать меня за тѣ выраженія, которыя тогда останутся неумѣстны по вашему мнѣнію, но теперь дайте мнѣ докончить. Я хочу сказать, что ваша любовница, это существо безъ имени, безъ воспитанія, безъ поведенія, безъ чувства,—даже она пристыдила васъ, даже она поняла все неприличіе вашего намѣренія...

— Что? Что такое, maman? говорите же!

— Вы сами задерживаете меня. Я хотѣла сказать, что даже

она, — понимаете ли, даже она! — умѣла понять и оцѣнить мои чувства, даже она, узнавши отъ матери о вашемъ предложеніи, прислала своего отца сказать мнѣ, что не возстанетъ противъ моей воли и не обезчеститъ нашей фамиліи своимъ замараннымъ именемъ.

— Maman, вы обманываете?

— Къ моему и вашему счастью, нѣтъ. Она говоритъ, что...

Но Михаила Иваныча уже не было въ комнатѣ, онъ уже накидывалъ шинель.

— Держи его, Петръ, держи его! закричала Анна Петровна. Петръ разинулъ ротъ отъ такого чрезвычайнаго распоряженія, а Михаилъ Иванычъ уже сбѣгалъ по лѣстницѣ.

IX.

— Ну, что? спросила Марья Алексѣвна входящаго мужа.

— Отлично, матушка; она ужь узнала и говоритъ: какъ вы осмѣливаетесь? а я говорю: мы не осмѣливаемся, ваше превосходительство, и Вѣрочка ужь отказала.

— Что? что? Ты такъ съ дуру-то и бухнулъ, оселъ?

— Марья Алексѣвна...

— Оселъ! подлецъ! убилъ! зарѣзалъ! Вотъ же тебѣ!—мужъ получилъ пощочину.—Вотъ же тебѣ!—другая пощочина.—Вотъ какъ тебя надобно учить, дурака!—Она схватила его за волоса и начала таскать. Урокъ продолжался не мало времени, потому что Сторешниковъ, послѣ длинныхъ паузъ и назиданій матери, вбѣжавшій въ комнату, засталъ Марью Алексѣвну еще въ полномъ жару преподаванія.

— Оселъ, и дверь-то не заперъ,—въ какомъ видѣ чужіе люди застаютъ! стыдился бы, свинья ты этакая! только и нашлась сказать Марья Алексѣвна.

— Гдѣ Вѣра Павловна? Мнѣ нужно видѣть Вѣру Павловну, сейчасъ же! неужели она отказываетъ?

Обстоятельства были такъ трудны, что Марья Алексѣвна только махнула рукою. То же самое случилось и съ Наполеономъ послѣ Ватерлооской битвы, когда маршалъ Груши оказался глупъ, какъ Павелъ Константинычъ, а Лафайетъ сталъ буянить, какъ Вѣрочка: Наполеонъ тоже бился, бился, совершалъ чудеса искус-

ства, — и остался ни причемъ, и могъ только махнуть рукой и сказать: отрекаюсь отъ всего, дѣлай, кто хочетъ, что хочетъ, и съ собою, и со мною.

— Вѣра Павловна! Вы отказываете мнѣ?

— Судите сами, могу ли не отказать вамъ.

— Вѣра Павловна! я жестоко оскорбилъ васъ, я виноватъ, достоинъ казни, но не могу перенести вашего отказа — и такъ дальше, и такъ дальше.

Вѣрочка слушала его нѣсколько минутъ; наконецъ, пора же прекратить—это тяжело:

— Нѣтъ, Михаилъ Иванычъ, довольно; перестаньте. Я не могу согласиться.

— Но если такъ, я прошу у васъ одной пощады: вы теперь еще слишкомъ живо чувствуете, какъ я оскорбилъ васъ... не давайте мнѣ теперь отвѣта, оставьте мнѣ время заслужить ваше прощеніе! Я кажусь вамъ низокъ, подлъ, но посмотрите, быть можетъ, я исправлюсь, я употреблю всѣ силы на то, чтобъ исправиться! помогите мнѣ, не отталкивайте меня теперь, дайте мнѣ время, я буду во всемъ слушаться васъ! вы увидите, какъ я покоренъ; быть можетъ, вы увидите во мнѣ и что нибудь хорошее, дайте мнѣ время.

— Мнѣ жаль васъ, сказала Вѣрочка: — я вижу искренность вашей любви (Вѣрочка, это еще вовсе не любовь, это смѣсь разной гадости съ разной дрянью, — любовь не то; не всякій тотъ любитъ женщину, кому непріятно получить отъ нея отказъ,— любовь вовсе не то, — но Вѣрочка еще не знаетъ этого, и растрогана),—вы хотите, чтобъ я не давала вамъ отвѣта—извольте. Но предупреждаю васъ, что отсрочка ни къ чему не поведетъ: я никогда не дамъ вамъ другаго отвѣта, кромѣ того, какой дала нынче.

— Я заслужу, заслужу другой отвѣтъ, вы спасаете меня!— онъ схватилъ ея руку и сталъ цѣловать.

Марья Алексѣвна вошла въ комнату, и въ порывѣ чувства хотѣла благословить милыхъ дѣтей безъ формальности, то есть безъ Павла Константиныча, потомъ позвать его и благословить парадно. Сторешниковъ разбилъ половину ея радости, объяснивъ ей съ поцалуями, что Вѣра Павловна, хотя и не согласилась, но

и не отказала, а отложила отвѣтъ. Плохо, но все-таки хорошо сравнительно съ тѣмъ, что было.

Сторешниковъ возвратился домой съ побѣдою. Опять явился на сцену домъ, и опять Аннѣ Петровнѣ приходилось только падать въ обмороки.

Марья Алексѣвна рѣшительно не знала, что и думать о Вѣрочкѣ. Дочь и говорила, и какъ будто бы поступала рѣшительно противъ ея намѣреній. Но выходило, то, что дочь побѣдила всѣ трудности, съ которыми не могла сладить Марья Алексѣвна. Если судить по ходу дѣла, то оказывалось: Вѣрочка хочетъ того же, чего и она, Марья Алексѣвна, только, какъ ученая и тонкая штука, обработываетъ свою матерію другимъ манеромъ. Но если такъ, зачѣмъ же она не скажетъ Марьѣ Алексѣевнѣ: матушка, я хочу одного съ вами, будьте спокойны! или ужь она такъ озлоблена на мать, что и то самое дѣло, въ которомъ обѣ должны бы дѣйствовать за одно, она хочетъ вести безъ матери? Что она медлитъ отвѣтомъ, это понятно для Марьи Алексѣвны: она хочетъ совершенно вышколить жениха, такъ чтобы онъ безъ нея дохнуть не смѣлъ, и вынудить покорность у Анны Петровны. Очевидно, она хитрѣе самой Марьи Алексѣвны. Когда Марья Алексѣвна размышляла, размышленія приводили ее именно къ такому взгляду. Но глаза и уши постоянно свидѣтельствовали противъ него. А между тѣмъ, какъ же быть, если онъ и ошибоченъ, если дочь дѣйствительно не хочетъ идти за Сторешникова? Она такой звѣрь, что неизвѣстно, какъ ее укротить. По всей вѣроятности, негодная Вѣрка не хочетъ выходить замужъ,— это даже несомнѣнно,—здравый смыслъ былъ слишкомъ силенъ въ Марьѣ Алексѣвнѣ, чтобы обольститься хитрыми ея же собственными раздумьями о Вѣрочкѣ, какъ о тонкой интриганткѣ; но эта дѣвчонка устраиваетъ все такъ, что если выйдетъ (а чортъ ее знаетъ, что у ней на умѣ, можетъ быть и это!), то дѣйствительно уже будетъ полной госпожей и надъ мужемъ, и надъ его матерью, и надъ домомъ,—что-жь остается? Ждать и смотрѣть, больше ничего нельзя. Теперь Вѣрка еще не хочетъ, а попривыкнетъ, шутя и захочетъ, — ну, и припугнуть можно будетъ... только во время! а теперь, надо только ждать, когда придетъ это время. Марья Алексѣвна и ждала. Но соблазнительна была для нея мысль, осуждаемая ея здравымъ смысломъ, что

Вѣрка ведетъ дѣло къ свадьбѣ. Все, кромѣ словъ и поступковъ Вѣрочки, подтверждало эту мысль: женихъ былъ шелковый. Мать жениха боролась недѣли три, но сынъ побивалъ ее домомъ, и она стала смиряться. Выразила желаніе познакомиться съ Вѣрочкой,— Вѣрочка не отправилась къ ней. Въ первую минуту, Марья Алексѣвна подумала, что если бъ она была на мѣстѣ Вѣрочки, она поступила бы умнѣе, отправилась бы, но подумавъ, поняла, что не отправляться—гораздо умнѣе. О, это хитрая шутка! — и точно: недѣли черезъ двѣ, Анна Петровна зашла сама, подъ предлогомъ посмотрѣть новую отдѣлку новой квартиры, была холодна, язвительно любезна; Вѣрочка послѣ двухъ-трехъ ея колкихъ фразъ ушла въ свою комнату; пока она не ушла, Марья Алексѣвна не думала, что нужно уйти, думала, что нужно отвѣчать колкостями на колкости, но когда Вѣрочка ушла, Марья Алексѣвна сейчасъ поняла: да, уйти лучше всего,— пусть ее допекаетъ сынъ, это лучше! Недѣли черезъ двѣ, Анна Петровна опять зашла, и уже не выставляла предлоговъ для посѣщенія, сказала просто, что зашла навѣстить, и при Вѣрочкѣ не говорила колкостей.

Такъ шло время. Женихъ дѣлалъ подарки Вѣрочкѣ; они дѣлались черезъ Марью Алексѣвну и, конечно, оставались у ней, подобно часамъ Анны Петровны, впрочемъ, не всѣ; иные, которые подешевле, Марья Алексѣевна отдавала Вѣрочкѣ подъ именемъ вещей, оставшихся невыкупленными въ залогѣ: надобно же было, чтобы женихъ видѣлъ хоть нѣкоторыя изъ своихъ вещей на невѣстѣ. Онъ видѣлъ и убѣждался, что Вѣрочка рѣшилась согласиться—иначе не принимала бы его подарковъ; почему жь она медлитъ? онъ самъ понималъ, и Марья Алексѣвна указывала, почему: она ждетъ, пока совершенно объѣздится Анна Петровна... И онъ съ удвоеннымъ усердіемъ гонялъ на кордѣ свою родительницу, — занятіе, доставлявшее ему не мало удовольствія.

Такимъ образомъ, Вѣрочку оставляли въ покоѣ, смотрѣли ей въ глаза. Эта собачья угодливость была ей гадка, она старалась какъ можно меньше быть съ матерью. Мать перестала осмѣливаться входить въ ея комнату, и когда Вѣрочка сидѣла тамъ, то есть, почти круглый день, ее не тревожили. Михаилу Иванычу дозволяла она иногда заходить и въ ея комнату. Онъ былъ

съ нею послушенъ, какъ ребенокъ; она велѣла ему читать,—онъ читалъ усердно, будто готовился къ экзамену; толку изъ чтенія извлекалъ мало, но все-таки кое-какой толкъ извлекалъ; она старалась помогать ему разговорами,—разговоры были ему понятнѣе книгъ, и онъ дѣлалъ кое-какіе успѣхи, медленные, очень маленькіе, но все-таки дѣлалъ. Онъ ужь началъ нѣсколько приличнѣе прежняго обращаться съ матерью, сталъ предпочитать гоняньо на кордѣ простое держанье въ уздѣ.

Такъ прошло три-четыре мѣсяца. Было перемиріе, было спокойствіе, но съ каждымъ днемъ могла разразиться гроза, и у Вѣрочки замирало сердце отъ тяжелаго ожиданія — не нынче, такъ завтра, или Михаилъ Иванычъ, или Марья Алексѣвна приступятъ съ требованіемъ согласія,—вѣдь не вѣкъ же они будутъ терпѣть. Если-бы я хотѣлъ сочинять эффектныя столкновенія, я бъ и далъ этому положенію трескучую развязку; но ея не было на дѣлѣ; еслибъ я хотѣлъ заманивать неизвѣстностью, я бы не сталъ говорить теперь же, что ничего подобнаго не произошло; но я пишу безъ уловокъ, и потому впередъ говорю: трескучаго столкновенія не будетъ, положеніе развяжется безъ бурь, безъ громовъ и молній.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первая любовь и законный бракъ.

I.

Извѣстно, какъ въ прежнія времена оканчивались подобныя положенія: отличная дѣвушка въ гадкомъ семействѣ; насильно навязываемый женихъ пошлый человѣкъ, который ей не нравится, который самъ по себѣ былъ дрянноватымъ человѣкомъ, и становился бы чѣмъ дальше, тѣмъ дряннѣе, но, насильно держась подлѣ нея, подчиняется ей и по немногу становится похожъ на человѣка такъ-себѣ, не хорошаго, но и не дурнаго. Дѣвушка начинала тѣмъ, что не пойдетъ за него; но постепенно привыкала имѣть его подъ своею командою и, убѣждаясь, что изъ

двухъ золъ — такого мужа и такого семейства, какъ ея родное, мужъ зло меньшее, осчастливливала своего поклонника; сначала было ей гадко, когда она узнавала, что такое значитъ осчастливливать безъ любви; но мужъ былъ послушенъ; стерпится—слюбится, и она обращалась въ обыкновенную хорошую даму, то есть женщину, которая сама-то по себѣ и хороша, но примирилась съ пошлостью и, живя на землѣ, только коптитъ небо. — Такъ бывало прежде съ отличными дѣвушками, такъ бывало прежде и съ отличными юношами, которые всѣ обращались въ хорошихъ людей, живущихъ на землѣ тоже только затѣмъ, чтобы коптить небо. Такъ бывало прежде, потому что порядочныхъ людей было слишкомъ мало: такіе, видно, были урожаи на нихъ въ прежнія времена, что росъ „колосъ отъ колоса, не слыхать и голоса“. А вѣкъ не проживешь ни одинокою, ни одинокимъ, не зачахнувши, — вотъ, они и чахли, или примирялись съ пошлостью.

Но теперь, чаще и чаще стали другіе случаи: порядочные люди стали встрѣчаться между собою. Да и какъ же не случаться этому все чаще и чаще, когда число порядочныхъ людей ростетъ съ каждымъ новымъ годомъ? А со временемъ, это будетъ самымъ обыкновеннымъ случаемъ, а еще со временемъ, и не будетъ бывать другихъ случаевъ, потому что всѣ люди будутъ порядочные люди. Тогда будетъ очень хорошо.

Вѣрочкѣ и теперь хорошо. Я потому и разсказываю (съ ея согласія) ея жизнь, что, сколько я знаю, она одна изъ первыхъ женщинъ, жизнь которыхъ устроилась хорошо. Первые случаи имѣютъ историческій интересъ. Первая ласточка очень интересуетъ сѣверныхъ жителей.

Случай, съ котораго стала устраиваться ея жизнь хорошо, былъ такого рода. Надобно стало готовить въ гимназію маленькаго брата Вѣрочки. Отецъ сталъ спрашивать у сослуживцевъ дешеваго учителя. Одинъ изъ сослуживцевъ рекомендовалъ ему медицинскаго студента Лопухова.

Разъ пять или шесть Лопуховъ былъ на своемъ новомъ урокѣ, прежде чѣмъ Вѣрочка и онъ увидѣли другъ друга. Онъ сидѣлъ съ Ѳедею въ одномъ концѣ квартиры, она въ другомъ концѣ, въ своей комнатѣ. Но дѣло подходило къ экзаменамъ въ академіи; онъ перенесъ уроки съ утра на вечеръ, потому что по утрамъ

ему нужно заниматься, и когда пришелъ вечеромъ, то засталъ все семейство за чаемъ.

На диванѣ сидѣли лица знакомыя: отецъ, мать ученика, подлѣ матери, на стулѣ, ученикъ, а нѣсколько поодаль лицо незнакомое — высокая стройная дѣвушка, довольно смуглая, съ черными волосами — „густые, хорошіе волоса“ — съ черными глазами — „глаза хорошіе, даже очень хорошіе“ — съ южнымъ типомъ лица, — „какъ будто изъ Малороссіи; пожалуй, скорѣе даже кавказскій типъ; ничего, очень красивое лицо, только очень холодное, это ужь не по южному; здоровье хорошее: насъ, медиковъ, поубавилось бы, если-бы такой былъ народъ! да, румянецъ здоровый, и грудь широкая, — не познакомится со стетоскопомъ. Когда войдетъ въ свѣтъ, будетъ производить эффектъ. А впрочемъ, не интересуюсь“.

И она посмотрѣла на вошедшаго учителя. Студентъ былъ уже не юноша, человѣкъ средняго роста, или нѣсколько повыше средняго, съ темными каштановыми волосами, съ правильными, даже красивыми чертами лица, съ гордымъ и смѣлымъ видомъ— „не дуренъ и, должно быть, добръ, только слишкомъ серьезенъ“.

Она не прибавила въ мысляхъ: „а впрочемъ не интересуюсь“, потому что и вопроса не было, станетъ ли она имъ интересоваться. Развѣ Ѳедя не говорилъ ей столько, что скучно стало и слушать? — „Онъ, сестрица, добрый, только не разговорчивый. А я ему, сестрица, сказалъ, что вы у насъ красавица, а онъ, сестрица, сказалъ: „ну такъ что же?“ а я, сестрица, сказалъ: да вѣдь красавицъ всѣ любятъ, а онъ сказалъ: „всѣ глупые любятъ“, а я сказалъ: а развѣ вы ихъ не любите? а онъ сказалъ: „мнѣ некогда“. — А я ему, сестрица, сказалъ: такъ вы съ Вѣрочкою не хотите познакомиться? а онъ сказалъ: „у меня и безъ нея много знакомыхъ“.—Это все наболталъ Ѳедя вскорѣ послѣ перваго же урока, и потомъ болталъ все въ томъ же родѣ, съ разными такими прибавленіями: „а я ему, сестрица, нынче сказалъ, что на васъ всѣ смотрятъ, когда вы гдѣ бываете, а онъ, сестрица, сказалъ: „ну и прекрасно“; а я ему сказалъ: а вы на нее не хотите посмотрѣть? а онъ сказалъ: „еще увижу“.—Или, потомъ: а я ему, сестрица, сказалъ, какія у васъ ручки маленькія, а онъ, сестрица, сказалъ: „вамъ болтать хочется, такъ развѣ не о чемъ другомъ, полюбопытнѣе“.

И учитель узналъ отъ Ѳеди все, что требовалось узнать о сестрицѣ; онъ останавливалъ Ѳедю отъ болтовни о семейныхъ дѣлахъ, да какъ вы помѣшаете девятилѣтнему ребенку выболтать вамъ все, если не запугаете его? на пятомъ словѣ вы успѣваете перервать его, но ужь поздно,—вѣдь дѣти начинаютъ безъ приступа, прямо съ сущности дѣла; и въ перемежку съ другими объясненіями всякихъ другихъ семейныхъ дѣлъ, учитель слышалъ такія начала рѣчей: „А у сестрицы женихъ-то богатый! А маменька говоритъ: женихъ-то глупый!“ „А ужь маменька какъ за женихомъ-то ухаживаетъ!“ „А маменька говоритъ: сестрица ловко жениха поймала!“ „А маменька говоритъ: я хитра, а Вѣрочка хитрѣе меня!“ „А маменька говоритъ: мы женихову-то мать изъ дому выгонимъ“, и такъ дальше.

Натурально, что, при такихъ свѣдѣніяхъ другъ о другѣ, молодые люди имѣли мало охоты знакомиться. Впрочемъ, мы знаемъ пока только, что это было натурально со стороны Вѣрочки: она не стояла на той степени развитія, чтобы стараться „побѣждать дикарей“ и „сдѣлать этого медвѣдя ручнымъ“,—да и не до того ей было: она рада была, что ее оставляютъ въ покоѣ; она была разбитый, измученный человѣкъ, которому какъ-то посчастливилось прилечь такъ, что сломанная рука затихла, и боль въ боку не слышна, и который боится пошевельнуться, чтобъ не возобновилась прежняя ломота во всѣхъ составахъ. Куда ужь ей пускаться въ новыя знакомства, да еще съ молодыми людьми?

Да, Вѣрочка такъ, ну, а онъ? Дикарь онъ, судя по словамъ Ѳеди, и голова его набита книгами, да анатомическими препаратами, составляющими самую милую пріятность, самую сладостнѣйшую пищу души для хорошаго медицинскаго студента. Или Ѳедя навралъ на него?

II.

Нѣтъ, Ѳедя не навралъ на него; Лопуховъ, точно, былъ такой студентъ, у котораго голова набита книгами, — какими, это мы увидимъ изъ библіографическихъ изслѣдованій Марьи Алексѣвны, и анатомическими препаратами: не набивши голову препаратами, нельзя быть профессоромъ, а Лопуховъ разсчиты-

валъ на это. Но такъ какъ мы видимъ, что изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Ѳедею о Вѣрочкѣ, Лопуховъ не слишкомъ-то хорошо узналъ ее, слѣдовательно и свѣдѣнія, которыя сообщены Ѳедею объ учителѣ, надобно пополнить, чтобы хорошо узнать Лопухова.

По денежнымъ своимъ дѣламъ, Лопуховъ принадлежалъ къ тому очень малому меньшинству медицинскихъ вольнослушающихъ, то есть, не живущихъ на казенномъ содержаніи, студентовъ, которое не голодаетъ и не холодаетъ. Какъ и чѣмъ живетъ огромное большинство ихъ — это Богу, конечно, извѣстно, а людямъ непостижимо. Но нашъ разсказъ не хочетъ заниматься людьми, нуждающимися въ съѣстномъ продовольствіи; потому онъ упомянетъ лишь въ двухъ-трехъ словахъ о времени, когда Лопуховъ находился въ такомъ неприличномъ состояніи.

Да и находился-то онъ въ немъ недолго, — года три, даже меньше. До медицинской академіи питался онъ въ изобиліи. Отецъ его, рязанскій мѣщанинъ, жилъ, по мѣщанскому званію, достаточно, то есть его семейство имѣло щи съ мясомъ не по однимъ воскресеньямъ, и даже пило чай каждый день. Содержать сына въ гимназіи онъ кое-какъ могъ: впрочемъ, съ 15 лѣтъ, сынъ самъ облегчалъ это кое-какими уроками. Для содержанія сына въ Петербургѣ, рессурсы отца были неудовлетворительны; впрочемъ, въ первые два года, Лопуховъ получалъ изъ дому рублей по 35 въ годъ, да еще почти столько же доставалъ перепискою бумагъ по вольному найму въ одномъ изъ кварталовъ выборгской части, — только вотъ въ это-то время, онъ и нуждался. Да и то былъ самъ виноватъ: его было приняли на казенное содержаніе, но онъ завелъ какую-то ссору, и долженъ былъ удалиться на подножный кормъ. Когда онъ былъ въ третьемъ курсѣ, дѣла его стали поправляться: помощникъ квартальнаго надзирателя предложилъ ему уроки, потомъ стали находиться другіе уроки, и вотъ уже два года пересталъ нуждаться и больше года жилъ на одной квартирѣ, но не въ одной, а въ двухъ разныхъ комнатахъ, — значитъ, не бѣдно, — съ другимъ такимъ же счастливцемъ, Кирсановымъ. Они были величайшіе друзья. Оба рано привыкли пробивать себѣ дорогу своей грудью, не имѣя никакой поддержки; да и вообще, между ними было

много сходства, такъ что, если-бы ихъ встрѣчать только порознь, то оба они казались бы людьми одного характера. А когда вы видѣли ихъ вмѣстѣ, то замѣчали, что хоть оба они люди очень солидные и очень открытые, но Лопуховъ нѣсколько сдержаннѣе, его товарищъ—нѣсколько экспансивнѣе. Мы теперь видимъ только Лопухова, Кирсановъ явится гораздо позднѣе, а врозь отъ Кирсанова о Лопуховѣ можно замѣтить только то, что надобно было бы повторять и о Кирсановѣ. Напримѣръ, Лопуховъ больше всего былъ теперь занятъ тѣмъ, какъ устроить свою жизнь по окончаніи курса, до котораго осталось ему лишь нѣсколько мѣсяцевъ, какъ и Кирсанову, а планъ будущности былъ у нихъ обоихъ одинаковый.

Лопуховъ положительно зналъ, что будетъ ординаторомъ (врачомъ) въ одномъ изъ петербургскихъ военныхъ госпиталей— это считается большимъ счастьемъ,— и скоро получитъ каѳедру въ Академіи. Практикой онъ не хотѣлъ заниматься. Это черта любопытная; въ послѣднія лѣтъ десять стала являться между нѣкоторыми лучшими изъ медицинскихъ студентовъ рѣшимость не заниматься, по окончаніи курса, практикою, которая одна даетъ медику средства для достаточной жизни, и при первой возможности бросить медицину для какой нибудь изъ ея вспомогательныхъ наукъ — для физіологіи, химіи, чего нибудь подобнаго. А вѣдь каждый изъ этихъ людей знаетъ, что, занявшись практикою, онъ имѣлъ бы въ 30 лѣтъ громкую репутацію, въ 35 лѣтъ обезпеченіе на всю жизнь, въ 45 — богатство. Но они разсуждаютъ иначе: видите ли, медицина находится теперь въ такомъ младенчествующемъ состояніи, что нужно еще не лечить, а только подготовлять будущимъ врачамъ матеріалы для умѣнья лечить. И вотъ они, для пользы любимой науки,— они ужасные охотники бранить медицину, только посвящаютъ всѣ свои силы ея пользѣ,— они отказываются отъ богатства, даже отъ довольства, и сидятъ въ гошпиталяхъ, дѣлая, видите ли, интересныя для науки наблюденія, рѣжутъ лягушекъ, вскрываютъ сотни труповъ ежегодно, и при первой возможности обзаводятся химическими лабораторіями. Съ какою степенью строгости исполняютъ они эту высокую рѣшимость, зависитъ, конечно, отъ того, какъ устраивается ихъ домашняя жизнь: если не нужно для близкихъ имъ, они такъ и не начинаютъ заниматься практикою, то есть,

оставляютъ себя почти въ нищетѣ; но если заставляетъ семейная необходимость, то обзаводятся практикою на столько, на сколько нужно для семейства, то есть въ очень небольшомъ размѣрѣ, и лечатъ лишь людей, которые дѣйствительно больны и которыхъ дѣйствительно можно лечить при нынѣшнемъ еще жалкомъ положеніи науки, то есть, больныхъ вовсе невыгодныхъ. Вотъ къ этимъ-то людямъ принадлежали Лопуховъ и Кирсановъ. Они должны были въ томъ году кончить курсъ и объявили, что будутъ держать (или, какъ говорится въ Академіи: сдавать) экзаменъ прямо на степень доктора медицины; теперь они оба работали для докторскихъ диссертацій и уничтожали громадное количество лягушекъ; оба они выбрали своею спеціальностью нервную систему, и, собственно говоря, работали вмѣстѣ; но для диссертаціонной формы, работа была раздѣлена: одинъ вписывалъ въ матеріалы для своей диссертаціи факты, замѣчаемыя обоими по одному вопросу, другой по другому.

Однако, пора же наконецъ говорить объ одномъ Лопуховѣ. Было время, онъ порядкомъ кутилъ; это было, когда онъ сидѣлъ безъ чаю, иной разъ безъ сапогъ. Такое время очень благопріятно для кутежа не только со стороны готовности, но и со стороны возможности: пить дешевле, чѣмъ ѣсть и одѣваться. Но кутежъ былъ слѣдствіемъ тоски отъ невыносимой нищеты, не больше. Теперь давно ужь не было человѣка, который велъ бы болѣе строгую жизнь,—и не въ отношеніи къ одному вину. Въ старину, у Лопухова было довольно много любовныхъ приключеній. Однажды, напримѣръ, произошла такая исторія, что онъ влюбился въ заѣзжую танцовщицу. Какъ тутъ быть? онъ подумалъ, подумалъ, да и отправился къ ней на квартиру.—„Что вамъ угодно?“ — „Присланъ отъ графа такого-то съ письмомъ“.—Студенческій мундиръ былъ безъ затрудненія принятъ слугою за писарскій или какой нибудь особенный деньщицкій—„Давайте письмо. Отвѣта будете ждать?“—Графъ приказалъ ждать“. Слуга возвратился въ удивленіи.—„Велѣла васъ позвать къ себѣ“—Такъ вотъ онъ, вотъ онъ! Кричитъ мнѣ всегда такъ, что даже изъ уборной различаю его голосъ. „Много разъ отводили васъ въ полицію за неистовства въ мою честь?“ —„Два раза“.—„Мало. Ну, зачѣмъ вы здѣсь?“—„Видѣть васъ“.—„Прекрасно. А что дальше?“—„Не знаю. Что хотите“.—„Ну, я знаю, что

хочу. Я хочу завтракать. Видите, приборъ на столѣ. Садитесь и вы". — Подали другой приборъ. Она смѣялась надъ нимъ, онъ смѣялся надъ собою. Онъ молодъ, недуренъ собою, неглупъ,— да и оригинально, — почему не подурачиться съ нимъ? Дурачилась съ нимъ недѣли двѣ, потомъ сказала: „убирайтесь!" — „Да я ужь и самъ хотѣлъ, да неловко было!"—„Значитъ разстаемся друзьями?"—Обнялись еще разъ, и отлично.—Но это было давно, года три назадъ, а теперь, года два ужь, онъ бросилъ всякія шалости.

Кромѣ товарищей, да двухъ — трехъ профессоровъ, предвидѣвшихъ въ немъ хорошаго дѣятеля науки, онъ видѣлся только съ семействами, въ которыхъ давалъ уроки. Но съ этими семействами онъ только видѣлся: онъ какъ огня боялся фамильярности, и держалъ себя очень сухо, холодно со всѣми лицами въ нихъ, кромѣ своихъ маленькихъ учениковъ и ученицъ.

III.

Итакъ, Лопуховъ вошелъ въ комнату, увидѣлъ общество, сидѣвшее за чайнымъ столомъ, въ томъ числѣ и Вѣрочку; ну, конечно, и общество увидѣло, въ томъ числѣ и Вѣрочка увидѣла, что въ комнату вошелъ учитель.

— Прошу садиться, сказала Марья Алексѣвна: — Матрена, дай еще стаканъ.

— Если это для меня, то благодарю васъ: я не буду пить.

— Матрена, не нужно стакана. (Благовоспитанный молодой человѣкъ!). Почему же не будете? Выкушали бы.

Онъ смотрѣлъ на Марью Алексѣвну, но тутъ, какъ нарочно, взглянулъ на Вѣрочку,—а можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ нарочно? Можетъ быть, онъ замѣтилъ, что она слегка пожала плечами? „А вѣдь онъ увидѣлъ, что я покраснѣла".

— Благодарю васъ; я пью чай только дома.

„Однако-же онъ вовсе не такой дикарь, онъ вошелъ и поклонился легко, свободно",—замѣчается про себя на одной сторонѣ стола.—„Однакожь, если она и испорченная дѣвушка, то, по крайней мѣрѣ, стыдится пошлостей матери", замѣчается на другой сторонѣ стола.

Но Ѳедя скоро кончилъ чай и отправился учиться. Такимъ

образомъ, важнѣйшій результатъ вечера былъ только тотъ, что Марья Алексѣвна составила себѣ выгодное мнѣніе объ учителѣ, видя, что ея сахарница, вѣроятно, не будетъ терпѣть большаго ущерба отъ перенесенія уроковъ съ утра на вечеръ.

Черезъ два дня, учитель опять нашелъ семейство за чаемъ, и опять отказался отъ чаю и тѣмъ окончательно успокоилъ Марью Алексѣвну. Но въ этотъ разъ онъ увидѣлъ за столомъ еще новое лицо — офицера, передъ которымъ лебезила Марья Алексѣвна. „А! женихъ!“

А женихъ, сообразно своему мундиру и дому, почелъ нужнымъ не просто увидѣть учителя, а увидѣвъ, смѣрять его съ головы до ногъ небрежнымъ, медленнымъ взглядомъ, принятымъ въ хорошемъ обществѣ. Но едва онъ началъ снимать мѣрку, какъ почувствовалъ, что учитель—не то, чтобы снимаетъ тоже съ него самого мѣрку, и даже хуже: смотритъ ему прямо въ глаза, да такъ прилежно, что, вмѣсто продолженія мѣрки, женихъ сказалъ: „А трудная ваша часть, мсьё Лопуховъ, — я говорю, докторская часть“.

— Да, трудная. — И все продолжаетъ смотрѣть прямо въ глаза.

Женихъ почувствовалъ, что лѣвою рукою, неизвѣстно зачѣмъ, перебираетъ вторую и третью сверху пуговицы своего вицъ-мундира; ну, если дѣло дошло до пуговицъ, значитъ, уже нѣтъ инаго спасенія, какъ поскорѣе допивать стаканъ, чтобы спросить у Марьи Алексѣвны другой.

— На васъ, если не ошибаюсь, мундиръ такого-то полка?

— Да, я служу въ такомъ-то полку, отвѣчаетъ Михаилъ Иванычъ.

— И давно служите?

— Девять лѣтъ.

— Прямо поступили на службу въ этотъ полкъ?

— Прямо.

— Имѣете роту, или еще нѣтъ?

— Нѣтъ, еще не имѣю.—(Да онъ меня допрашиваетъ, точно я къ нему ординарцемъ явился).

— Скоро надѣетесь получить?

— Нѣтъ еще.

— Гм. — Учитель почелъ достаточнымъ и прекратилъ до-

просъ, еще разъ пристально посмотрѣвши въ глаза воображаемому ординарцу.

„Однако-же — однако-же — думаетъ Вѣрочка, — что такое „однако-же?“ — Наконецъ нашла, что такое это „однако-же“— „однако-же, онъ держитъ себя такъ, какъ держалъ бы Сержъ, который тогда пріѣзжалъ съ доброю Жюли. Какой же онъ дикарь? Но почему же онъ такъ странно говоритъ о дѣвушкахъ, о томъ, что красавицъ любятъ глупые и—и—что такое „и“— нашла что такое „и“—и почему же онъ не хотѣлъ ничего слушать обо мнѣ, сказалъ, что это не любопытно?

— Вѣрочка, ты съиграла бы что нибудь на фортопьянахъ, мы съ Михаиломъ Иванычемъ послушали бы! говоритъ Марья Алексѣевна, когда Вѣрочка ставитъ на столъ вторую чашку.

— Пожалуй.

— И если бы вы спѣли что нибудь, Вѣра Павловна, прибавляетъ заискивающимъ тономъ Михаилъ Иванычъ.

— Пожалуй.

Однакожъ, это „пожалуй“ звучитъ похоже на то, что „я готова, чтобы только отвязаться“,—думаетъ учитель. И вѣдь вотъ уже минутъ пять, онъ сидитъ тутъ, и хоть на нее не смотрѣлъ, но знаетъ, что она ни разу не взглянула на жениха, кромѣ того, когда теперь вотъ отвѣчала ему. А тутъ посмотрѣла на него точно такъ, какъ смотрѣла на мать и на отца,—холодно, и вовсе не любезно. Тутъ что-то не такъ, какъ разсказывалъ Ѳедя. Впрочемъ, скорѣе всего, дѣйствительно, дѣвушка гордая, холодная, которая хочетъ войти въ большой свѣтъ, чтобы господствовать и блистать; ей непріятно, что не нашелся для этого женихъ получше; но презирая жениха, она принимаетъ его руку, потому что нѣтъ другой руки, которая ввела бы ее туда, куда хочется войти. А впрочемъ, это нѣсколько интересно.

— Ѳедя, а ты допивай поскорѣе, замѣтила мать.

— Не торопите его, Марья Алексѣвна, я хочу послушать, если Вѣра Павловна позволитъ.

Вѣрочка взяла первыя ноты, какія попались, даже не посмотрѣвъ, что это такое, раскрыла тетрадь опять, гдѣ попалось, и стала играть машинально, — все равно, чтобы ни съиграть, лишь бы поскорѣе отдѣлаться. Но пьеса попалась со смысломъ,

что-то изъ какой-то порядочной оперы, и скоро игра дѣвушки одушевилась. Кончивъ, она хотѣла встать.

— Но вы обѣщались спѣть, Вѣра Павловна; если-бы я смѣлъ, я попросилъ бы васъ пропѣть изъ Риголетто (въ ту зиму, la donna é mobile была модною аріею).

— Извольте.—Вѣрочка пропѣла la donna é mobile, встала и ушла въ свою комнату.

„Нѣтъ, она не холодная дѣвушка безъ души. Это интересно".

— Не правда ли, хорошо? сказалъ Михаилъ Иванычъ учителю уже простымъ голосомъ, и безъ сниманія мѣрки; — вѣдь ненужно быть въ дурныхъ отношеніяхъ съ такими людьми, которые допрашиваютъ ординарцевъ, — почему жь не заговорить безъ претензій съ учителемъ, чтобы онъ не разсердился?

— Да, хорошо.

— А вы знатокъ въ музыкѣ.

— Такъ себѣ.

— И сами музыкантъ?

— Нѣсколько.

У Марьи Алексѣвны, слушавшей разговоръ, блеснула счастливая мысль.

— А на чемъ вы играете, Дмитрій Сергѣичъ? спросила она.

— На фортепьяно.

— Можно ли попросить васъ доставить намъ удовольствіе?

— Очень радъ. Онъ съигралъ какую-то пьесу. Игралъ онъ не Богъ знаетъ какъ, но такъ себѣ, пожалуй и недурно.

Когда онъ оканчивалъ урокъ, Марья Алексѣвна подошла къ нему и сказала, что завтра у нихъ маленькій вечеръ—день рожденья дочери, и что она проситъ его пожаловать.

Понятно, въ кавалерахъ недостатокъ, по обычаю всѣхъ такихъ вечеровъ; но ничего, онъ посмотритъ поближе на эту дѣвушку,—въ ней или съ ней есть что-то интересное. — „Очень благодаренъ, буду".—Но учитель ошибся: Марья Алексѣвна имѣла цѣль гораздо болѣе важную для нея, чѣмъ для танцующихъ дѣвицъ.

Читатель, ты, конечно, знаешь впередъ, что на этомъ вечерѣ будетъ объясненіе, что Вѣрочка и Лопуховъ полюбятъ другъ друга?—Разумѣется, такъ.

IV.

Марья Алексѣвна хотѣла сдѣлать большой вечеръ въ день рожденія Вѣрочки, а Вѣрочка упрашивала, чтобы не звали никакихъ гостей; одной хотѣлось устроить выставку жениха, другой выставка была тяжела. Поладили на томъ, чтобъ сдѣлать самый маленькій вечеръ, пригласить лишь нѣсколько человѣкъ близкихъ знакомыхъ. Позвали сослуживцевъ (конечно, постарше чинами и повыше должностями) Павла Константиныча, двухъ пріятельницъ Марьи Алексѣвны, трехъ дѣвушекъ, которыя были короче другихъ съ Вѣрочкой.

Осматривая собравшихся гостей, Лопуховъ увидѣлъ, что въ кавалерахъ нѣтъ недостатка: при каждой изъ дѣвицъ находился молодой человѣкъ, кандидатъ въ женихи или и вовсе женихъ. Стало быть, Лопухова пригласили не въ качествѣ кавалера; зачѣмъ же? Подумавши, онъ вспомнилъ, что приглашенію предшествовало испытаніе его игры на фортепьяно. Стало быть, онъ позванъ для сокращенія расходовъ, чтобы не брать тапера. „Хорошо, подумалъ онъ:—извините Марья Алексѣвна“, и подошелъ къ Павлу Константинычу.

— А что, Павелъ Константинычъ, пора бы устроить вистъ: видите, старички-то скучаютъ!

— А вы по какой играете?

— По всякой.

Тотчасъ же составилась партія, и Лопуховъ усѣлся играть. Академія на выборгской сторонѣ — классическое учрежденіе по части картъ. Тамъ не рѣдкость, что въ какомъ нибудь нумерѣ (т. е. комнатѣ казенныхъ студентовъ) играютъ полтора сутокъ съ ряду. Надобно признаться, что суммы, находящіяся въ оборотѣ на карточныхъ столахъ, тамъ гораздо меньше, чѣмъ въ англійскомъ клубѣ, но уровень искусства игроковъ выше. Сильно игрывалъ въ свое—то есть въ безденежное—время и Лопуховъ.

— Mesdames, какъ же быть? — играть поочередно, это такъ; но вѣдь насъ остается только семь; будетъ недоставать кавалера или дамы для кадрили.

Первый робберъ оканчивался, когда одна изъ дѣвицъ, самая бойкая, подлетѣла къ Лопухову.

— Мсьё Лопуховъ, вы должны танцовать.

— Съ однимъ условіемъ, сказалъ онъ, вставая и кланяясь.

— Какимъ?

— Я прошу у васъ первую кадриль.

— Ахъ, Боже мой, я на первую ангажирована; вторую — извольте.

Лопуховъ снова сдѣлалъ глубокій поклонъ. Двое изъ кавалеровъ поочередно играли. На третью кадриль Лопуховъ просилъ Вѣрочку, — первую она танцовала съ Михаиломъ Иванычемъ, вторую—онъ съ бойкой дѣвицею.

Лопуховъ наблюдалъ Вѣрочку и окончательно убѣдился въ ошибочности своего прежняго понятія о ней, какъ о бездушной дѣвушкѣ, холодно выходящей по разсчету за человѣка, котораго презираетъ: онъ видѣлъ передъ собою обыкновенную молоденькую дѣвушку, которая отъ души танцуетъ, хохочетъ; да, къ стыду Вѣрочки надобно сказать, что она была обыкновенная дѣвушка, любившая танцовать. Она настаивала, чтобы вечера вовсе не было, но вечеръ устроился, маленькій, безъ выставки, стало быть, неотяготительный для нея, и она,—чего никакъ не ожидала,—забыла свое горе: въ эти годы горевать такъ не хочется, бѣгать, хохотать и веселиться такъ хочется, что малѣйшая возможность забыть заставляетъ забыть на время горе. Лопуховъ былъ расположенъ теперь въ ея пользу, но ему все еще было не понятно многое.

Онъ былъ заинтересованъ странностью положенія Вѣрочки.

— Мсьё Лопуховъ, я никакъ не ожидала видѣть васъ танцующимъ, начала она.

— Почему же? развѣ это такъ трудно, танцовать?

— Вообще—конечно, нѣтъ; для васъ—разумѣется, да.

— Почему жъ для меня?

— Потому что я знаю вашу тайну,—вашу и Ѳедину: вы пренебрегаете женщинами.

— Ѳедя не совсѣмъ вѣрно понялъ мою тайну: я не пренебрегаю женщинами, но избѣгаю ихъ,—и знаете, почему? у меня есть невѣста, очень ревнивая, которая, чтобъ заставить меня избѣгать ихъ, разсказала мнѣ ихъ тайну.

— У васъ есть невѣста?

— Да.

— Вотъ неожиданность! студентъ — и ужь обрученъ! Она хороша собою, вы влюблены въ нее?

— Да, она красавица и я очень люблю ее.

— Она брюнетка или блондинка?

— Этого я не могу вамъ сказать. Это тайна.

— Ну, Богъ съ нею, когда тайна. Но какую же тайну женщинъ она открыла вамъ, чтобы заставить васъ избѣгать ихъ общества?

— Она замѣтила, что я не люблю быть въ дурномъ расположеніи духа, и шепнула мнѣ такую ихъ тайну, что я не могу видѣть женщину безъ того, чтобы не придти въ дурное расположеніе духа,—и потому я избѣгаю женщинъ.

— Вы не можете видѣть женщину безъ того, чтобы не придти въ дурное расположеніе духа? Однако, вы не мастеръ говорить комплименты.

— Какъ же сказать иначе? Жалѣть — значитъ быть въ дурномъ расположеніи духа.

— Развѣ мы такъ жалки?

— Да развѣ вы не женщина? Мнѣ стоитъ только сказать вамъ самое задушевное ваше желаніе—и вы согласитесь со мною Это общее желаніе всѣхъ женщинъ.

— Скажите, скажите.

— Вотъ оно: „ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось быть мужчиною!“ Я не встрѣчалъ женщины, у которой бы нельзя было найти эту задушевную тайну. А большею частью, нечего и доискиваться ее — она прямо высказывается, даже безъ всякаго вызова, какъ только женщина чѣмъ нибудь разстроена,—тотчасъ же слышишь что нибудь такое: „Бѣдныя мы существа, женщины!“ или: „мужчина совсѣмъ не то, что женщина“, или даже и такъ, прямыми словами: „Ахъ, зачѣмъ я не мужчина“!

Вѣрочка улыбнулась: — правда, это можно слышать отъ всякой женщины.

— Вотъ видите, какъ жалки женщины, что если бы исполнилось задушевное желаніе каждой изъ нихъ, то на свѣтѣ не осталось бы ни одной женщины.

— Да, кажется такъ, сказала Вѣрочка.

— Все равно, какъ не осталось бы на свѣтѣ ни одного бѣднаго, еслибъ исполнилось задушевное желаніе каждаго бѣднаго.

Видите, какъ же не жалки женщины! Столько же жалки, какъ и бѣдные. Кому пріятно видѣть бѣдныхъ? Вотъ точно также непріятно мнѣ видѣть женщинъ, съ той поры, какъ я узналъ ихъ тайну. А она была мнѣ открыта моею ревнивою невѣстою въ самый день обрученія. До той поры, я очень любилъ бывать въ обществѣ женщинъ; послѣ того,—какъ рукою сняло. Невѣста вылечила.

— Добрая и умная дѣвушка ваша невѣста; да, мы, женщины—жалкія существа, бѣдныя мы! сказала Вѣрочка:—только, кто же ваша невѣста? вы говорите такъ загадочно.

— Это моя тайна, которой Ѳедя не разскажетъ вамъ. Я совершенно раздѣляю желаніе бѣдныхъ, чтобъ ихъ не было, и когда-нибудь, это желаніе исполнится: вѣдь раньше или позже но... мы съумѣемъ же устроить жизнь такъ, что не будетъ бѣдныхъ.

— Не будетъ? перебила Вѣрочка: — я сама думала, что ихъ не будетъ; но какъ ихъ не будетъ, этого я не умѣла придумать,—скажите, какъ?

— Этого я одинъ не умѣю сказать, это умѣетъ разсказывать только моя невѣста; я здѣсь одинъ, безъ нея, могу сказать только: она заботится объ этомъ, а она очень сильная, она сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Но мы говоримъ не объ ней, а объ женщинахъ. Я совершенно согласенъ съ желаніемъ бѣдныхъ, чтобъ ихъ не было на свѣтѣ, потому что это и сдѣлаетъ моя невѣста. Но я не согласенъ съ желаніемъ женщинъ, чтобы женщинъ не было на свѣтѣ, потому что этому желанію нельзя исполниться: съ тѣмъ, чему быть нельзя, я не соглашаюсь. Но у меня есть другое желаніе: мнѣ хотѣлось бы, чтобы женщины подружились съ моею невѣстою,—она и о нихъ заботится, какъ заботится о многомъ, обо всемъ. Если бы они подружились съ нею, у меня не было бы причины жалѣть ихъ, и у нихъ исчезло бы желаніе: „Ахъ зачѣмъ, я не родилась мужчиною!“ При знакомствѣ съ нею, и женщинамъ было бы не хуже, чѣмъ мужчинамъ.

— Мсьё Лопуховъ! еще одну кадриль! непремѣнно!

— Похвалю васъ за это! Онъ пожалъ ея руку, да такъ спокойно и серьёзно, какъ будто онъ ея подруга или она его товарищъ.—Которую же?

— Послѣднюю.

— Хорошо

Марья Алексѣвна нѣсколько разъ шмыгала мимо нихъ во время этой кадрили.

Что подумала Марья Алексѣвна о такомъ разговорѣ, если подслушала его? Мы, слышавшіе его весь, съ начала до конца, всѣ скажемъ, что такой разговоръ во время кадрили — очень страненъ.

Пришла послѣдняя кадриль.

— Мы все говорили обо мнѣ, началъ Лопуховъ:—а вѣдь это очень нелюбезно съ моей стороны, что я все говорилъ о себѣ. Теперь, я хочу быть любезнымъ, — говорить о васъ, Вѣра Павловна. Знаете, я былъ о васъ еще гораздо худшаго мнѣнія, чѣмъ вы обо мнѣ. А теперь... ну, да это послѣ. Но все-таки, я неумѣю отвѣчать себѣ на одно. Отвѣчайте вы мнѣ. Скоро будетъ ваша свадьба?

— Никогда.

— Я такъ и думалъ,—въ послѣдніе три часа, съ той поры, какъ вышелъ сюда изъ-за карточнаго стола. Но зачѣмъ же онъ считается женихомъ?

— Зачѣмъ онъ считается женихомъ? — зачѣмъ! — одного я не могу сказать вамъ, мнѣ тяжело. А другое могу сказать: мнѣ жаль его. Онъ такъ любитъ меня. Вы скажете: надобно высказать ему прямо, что я думаю о нашей свадьбѣ—я говорила; онъ отвѣчаетъ: не говорите, это убиваетъ меня, молчите.

— Это вторая причина, а первую, которую вы не можете сказать мнѣ, я могу сказать вамъ: ваше положеніе въ семействѣ ужасно.

— Теперь, оно сносно. Теперь, меня никто не мучитъ,— ждутъ, и оставляютъ или почти оставляютъ одну.

— Но вѣдь это не можетъ такъ продолжаться много времени. Къ вамъ начнутъ приставать. Что тогда?

— Ничего. Я думала объ этомъ, и рѣшилась. Я тогда не останусь здѣсь. Я могу быть актрисою. Какая это завидная жизнь! Независимость! Независимость!

— И апплодисменты.

— Да, и это пріятно. Но главное — независимость! Дѣлать, что хочу,—жить, какъ хочу, никого не спрашиваясь, ничего ни

отъ кого не требовать, ни въ комъ, ни въ комъ не нуждаться! Я такъ хочу жить!

— Это такъ, это хорошо! Теперь, у меня къ вамъ просьба: я узнаю, какъ это сдѣлать, къ кому надобно обратиться,—да?

— Благодарю. Вѣрочка пожала ему руку. — Дѣлайте это скорѣе: мнѣ такъ хочется поскорѣе вырваться изъ этого гадкаго, несноснаго, унизительнаго положенія! Я говорю: „я спокойна, мнѣ сносно"—развѣ это въ самомъ дѣлѣ такъ? Развѣ я не вижу, что дѣлается моимъ именемъ? Развѣ я не знаю, какъ думаютъ обо мнѣ всѣ, кто здѣсь есть? Интригантка, хитритъ, хочетъ быть богата, хочетъ войти въ свѣтское общество, блистать, будетъ держать мужа подъ башмакомъ, вертѣть имъ, обманывать его, — развѣ я не знаю, что всѣ обо мнѣ такъ думаютъ? Не хочу такъ жить, не хочу!—Вдругъ, она задумалась. — Не смѣйтесь тому, что я скажу: вѣдь мнѣ жаль его, — онъ такъ меня любитъ!

— Онъ васъ любитъ? Такъ онъ на васъ смотритъ, какъ вотъ я, или нѣтъ? Такой у него взглядъ?

— Вы смотрите прямо, просто. Нѣтъ, вашъ взглядъ меня не обижаетъ.

— Видите, Вѣра Павловна, это оттого... Но все равно. А онъ такъ смотритъ?

Вѣрочка покраснѣла и молчала.

— Значитъ, онъ васъ не любитъ. Это не любовь, Вѣра Павловна.

— Но... Вѣрочка не договорила и остановилась.

— Вы хотѣли сказать: но что жъ это, если не любовь? Это пусть будетъ все равно. Но что это не любовь, вы сами скажете. Кого вы больше всѣхъ любите?—я говорю не про эту любовь,— но изъ родныхъ, изъ подругъ?

— Кажется, никого особенно. Изъ нихъ, никого сильно. Но нѣтъ, недавно, мнѣ встрѣтилась одна очень странная женщина. Она очень дурно говорила мнѣ о себѣ, запретила мнѣ продолжать знакомство съ нею, — мы видѣлись по совершенно особенному случаю, — сказала, что когда мнѣ будетъ крайность, но такая, что оставалось бы только умереть, чтобы тогда я обралась къ ней, но иначе—никакъ. Ее я очень полюбила.

— Вы желаете, чтобъ она сдѣлала для васъ что нибудь такое, что ей непріятно или вредно?

Вѣрочка улыбнулась.—Какъ же это можно?

— Но нѣтъ, представьте, что вамъ очень, очень нужно было бы, чтобъ она сдѣлала для васъ что нибудь, и она сказала бы вамъ: „если я это сдѣлаю, это будетъ мучить меня“, — повторили бы вы ваше требованіе, стали бы настаивать?

— Скорѣе умерла бы.

— Вотъ, вы сами говорите, что это — любовь. Только эта любовь—просто чувство, а не страсть. А что же такое любовь—страсть? Чѣмъ отличается страсть отъ простаго чувства? Силою. Значитъ, если при простомъ чувствѣ, слабомъ, слишкомъ слабомъ передъ страстью, любовь ставитъ васъ въ такое отношеніе къ человѣку, что вы говорите: „лучше умереть, чѣмъ быть причиною мученья для него“, если простое чувство такъ говоритъ, что же скажетъ страсть, которая въ тысячу разъ сильнѣе? Она скажетъ: „скорѣе умру, чѣмъ — не то что потребую, не то что попрошу,—а скорѣе, чѣмъ допущу, чтобы этотъ человѣкъ сдѣлалъ для меня что нибудь, кромѣ того, что ему самому пріятно; умру скорѣе, чѣмъ допущу, чтобы онъ для меня сталъ къ чему нибудь принуждать себя, въ чемъ нибудь стѣснять себя“.—Вотъ такая страсть, которая говоритъ такъ, это — любовь. А если страсть не такая, то она страсть, но вовсе не любовь. Я сейчасъ ухожу отсюда. Я все сказалъ, Вѣра Павловна.

Вѣрочка пожала ему руку. — До свиданья. — Что жь вы не поздравите меня? Вѣдь нынче день моего рожденья.

Лопуховъ посмотрѣлъ на нее.—Можетъ быть... можетъ быть! Если вы не ошиблись, хорошо для меня.

V.

„Какъ это такъ скоро, какъ это такъ неожиданно“—думаетъ Вѣрочка, одна въ своей комнатѣ, по окончаніи вечера: — „въ первый разъ говорили, и стали такъ близки! за полчаса, вовсе не знать другъ друга, и черезъ часъ видѣть, что стали такъ близки! какъ это странно!“

Нѣтъ, это вовсе не странно, Вѣрочка. У этихъ людей, какъ

Лопуховъ, есть магическія слова, привлекающія къ нимъ всякое огорченное, обижаемое существо. Это ихъ невѣста подсказываетъ имъ такія слова. А вотъ что въ самомъ дѣлѣ странно, Вѣрочка—только не намъ съ тобою, — что ты такъ спокойна. Вѣдь думаютъ, что любовь — тревожное чувство. А ты заснешь такъ тихо, какъ ребенокъ, и не будутъ ни смущать, ни волновать тебя никакіе сны, — развѣ приснятся веселыя дѣтскія игры, фанты, горѣлки, или можетъ быть, танцы, только тоже веселые, беззаботные. Это другимъ странно, а ты не знаешь, что это странно, а я знаю, что это не странно. Тревога въ любви—не самая любовь,—тревога въ ней что нибудь не такъ, какъ слѣдуетъ быть, а сама она весела и беззаботна.

„Какъ это странно“, думаетъ Вѣрочка: — „вѣдь я сама все это передумала, перечувствовала, что онъ говоритъ и о бѣдныхъ, и о женщинахъ, и о томъ, какъ надобно любить,—откуда я это взяла? Или это было въ книгахъ, которыя я читала? — Нѣтъ, тамъ не то: тамъ все это или съ сомнѣніями, или съ такими оговорками, и все это какъ будто что-то необыкновенное, невѣроятное. Какъ будто мечты, которыя хороши, да только не сбудутся! а мнѣ казалось, что это просто, проще всего, что это самое обыкновенное, безъ чего нельзя быть, что это вѣрно все такъ будетъ, что это вѣрнѣе всего! а вѣдь я думала, что это самыя лучшія книги. Вѣдь вотъ Жоржъ Зандъ — такая добрая, благонравная,—а у ней все это только мечты! или наши—нѣтъ, у нашихъ ужь вовсе ничего этого нѣтъ. Или у Диккенса—у него это есть, только онъ какъ будто этого не надѣется; только желаетъ, потому что добрый, а самъ знаетъ, что этому нельзя быть. Какъ же они не знаютъ, что безъ этого нельзя, что это въ самомъ дѣлѣ надобно такъ сдѣлать, и что это непремѣнно сдѣлается, чтобы вовсе никто не былъ ни бѣденъ, ни несчастенъ. Да развѣ они этого не говорятъ? Нѣтъ, имъ только жалко, а они думаютъ, что въ самомъ дѣлѣ такъ и останется, какъ теперь, — немного получше будетъ, а все такъ же. А того они не говорятъ, что я думала. Если бы они *это* говорили, я бы знала, что умные и добрые люди такъ думаютъ; а то вѣдь мнѣ все казалось, что это только я такъ думаю; потому что я глупенькая дѣвочка, что кромѣ меня, глупенькой, никто такъ не думаетъ, никто этого въ самомъ дѣлѣ не ждетъ. А вотъ онъ говоритъ, что его невѣста

растолковала всѣмъ, кто ее любитъ, что это именно все такъ будетъ, какъ мнѣ казалось, и растолковала такъ понятно, что всѣ они стали заботиться, чтобъ это поскорѣе такъ было. Какая была невѣста умная! Только, кто жь это она? Я узнаю, непремѣнно узнаю. Да, вотъ хорошо будетъ, когда бѣдныхъ не будетъ, никто никого принуждать не будетъ, всѣ будутъ веселые, добрые, счастливые"...

И съ этимъ Вѣрочка заснула, и спала крѣпко, и ничего не видѣла во снѣ.

Нѣтъ, Вѣрочка, это не странно, что передумала и приняла къ сердцу все это ты, простенькая дѣвочка, не слышавшая и фамиліи-то тѣхъ людей, которые стали этому учить и доказали, что этому такъ надо быть, что это непремѣнно такъ будетъ, что этого не можетъ не быть; не странно, что ты поняла и приняла къ сердцу эти мысли, которыхъ не могли тебѣ ясно представить твои книги: твои книги писаны людьми, которые учились этимъ мыслямъ, когда онѣ были еще мыслями; эти мысли казались удивительны, восхитительны, — и только. Теперь, Вѣрочка, эти мысли ужь ясно видны въ жизни, и написаны другія книги, другими людьми, которые находятъ, что эти мысли хороши, но удивительнаго нѣтъ въ нихъ ничего, и теперь, Вѣрочка, эти мысли носятся въ воздухѣ какъ ароматъ въ поляхъ, когда приходитъ пора цвѣтовъ; онѣ повсюду проникаютъ, ты ихъ слышала даже отъ твоей пьяной матери, говорившей тебѣ, что надобно жить и почему надобно жить обманомъ и обираніемъ; она хотѣла говорить противъ твоихъ мыслей, а сама развивала твои же мысли; ты ихъ слышала отъ наглой, испорченной француженки, которая таскаетъ за собою своего любовника, будто горничную, дѣлаетъ изъ него, все что хочетъ, и все таки, лишь опомнится, находитъ, что она не имѣетъ своей воли, должна угождать, принуждать себя, что это очень тяжело, — ужь ей ли, кажется, не житье съ ея Сергѣемъ, и добрымъ, и деликатнымъ, и мягкимъ,— а она говоритъ все таки: „и даже мнѣ, такой дурной, такія отношенія дурны". Теперь, Вѣрочка, не трудно набраться такихъ мыслей какія у тебя. Но другіе не принимаютъ ихъ къ сердцу, а ты приняла—это хорошо, но тоже не странно: что-жь страннаго, что тебѣ хочется быть вольнымъ и счастливымъ человѣ-

комъ! вѣдь это желаніе — не Богъ знаетъ какое головоломное открытіе, не Богъ знаетъ какой подвигъ геройства.

А вотъ что странно, Вѣрочка, что есть такіе же люди, у которыхъ нѣтъ этого желанія, у которыхъ совсѣмъ другія желанія, и имъ, пожалуй, покажется странно, съ какими мыслями ты, мой другъ, засыпаешь въ первый вечеръ твоей любви, что отъ мысли о себѣ, о своемъ миломъ, о своей любви, ты перешла къ мыслямъ, что всѣмъ людямъ надобно быть счастливыми, и что надобно помогать этому скорѣе придти. А ты не знаешь, что это странно, а я знаю, что это не странно, что это одно и натурально, одно и по-человѣчески; просто по-человѣчески;—„я чувствую радость и счастье“—значитъ „мнѣ хочется, чтобы всѣ люди стали радостны и счастливы“—по-человѣчески, Вѣрочка, эти обѣ мысли одно. Ты добрая дѣвушка; ты неглупая дѣвушка; но ты меня извини, я ничего удивительнаго не нахожу въ тебѣ; можетъ быть, половина дѣвушекъ, которыхъ я зналъ и знаю, а можетъ быть и больше, чѣмъ половина, — я не считалъ, да и много ихъ, что считать-то,—не хуже тебя, а иныя и лучше, ты меня прости.

Лопухову кажется, что ты удивительная дѣвушка, это такъ; но это не удивительно, что это ему кажется, — вѣдь онъ полюбилъ тебя! и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, что полюбилъ: тебя можно полюбить; а если полюбилъ, такъ ему такъ и должно казаться.

VI.

Марья Алексѣвна шмыгала мимо дочери и учителя во время первой ихъ кадрили; но во время второй она не показывалась подлѣ нихъ, и вся была погружена въ хлопоты хозяйки по приготовленію закуски въ родѣ ужина. Кончивъ эти заботы, она справилась объ учителѣ—учителя уже не было.

Черезъ два дня учитель пришелъ на урокъ. Подали самоваръ,—это всегда приходилось во время урока. Марья Алексѣвна вышла въ комнату, гдѣ учитель занимался съ Ѳедею; прежде, звала Ѳедю Матрена; учитель хотѣлъ остаться на своемъ мѣстѣ, потому что вѣдь онъ не пьетъ чаю, и просмотритъ въ это время Ѳедину тетрадь, но Марья Алексѣвна просила его пожаловать

посидѣть съ ними, ей нужно поговорить съ нимъ. Онъ пошелъ, сѣлъ за чайный столъ.

Марья Алексѣвна начала распрашивать его о способностяхъ Ѳеди, о томъ, какая гимназія лучше, не лучше ли будетъ помѣстить мальчика въ гимназическій пансіонъ,—разспросы очень натуральные, только не рано ли немножко дѣлаются? Во время этого разговора, она такъ усердно и любезно просила учителя выкушать чаю, что Лопуховъ согласился отступить отъ своего правила, взялъ стаканъ. Вѣрочка долго не выходила, — вышла; она и учитель обмѣнялись поклонами, будто ничего между ними не было, а Марья Алексѣвна все еще продолжала бесѣдовать о Ѳедѣ. Потомъ, вдругъ, круто поворотила разговоръ на самого учителя и стала разспрашивать, кто онъ, что онъ, какіе у него родственники, имѣютъ ли состояніе, какъ онъ живетъ, какъ думаетъ жить; учитель отвѣчалъ коротко и неопредѣленно, что родственники есть, живутъ въ провинціи, люди небогатые, онъ самъ живетъ уроками, останется медикомъ въ Петербургѣ; словомъ сказать, изъ всего этого не выходило ничего. Видя такое упорство, Марья Алесѣвна приступила къ дѣлу прямѣе:

— Вотъ вы говорите, что останетесь здѣсь докторомъ; а здѣшнимъ докторамъ, слава Богу, можно жить: еще не думаете о семейной жизни, или имѣете дѣвушку на примѣтѣ?

Что это? учитель ужь и позабылъ было про свою фантастическую невѣсту, хотѣлъ было сказать „не имѣю на примѣтѣ“, но вспомнилъ: „ахъ, да вѣдь она подслушивала!“ Ему стало смѣшно,—вѣдь какую глупость тогда придумалъ! какъ это я сочинилъ такую аллегорію, да и вовсе не нужно было! ну вотъ, подите же, говорятъ, пропаганда вредна — вонъ, какъ на нее подѣйствовала пропаганда, когда у ней сердце чисто и нерасположено къ вредному; ну, подслушала и поняла, такъ мнѣ какое дѣло?—Какъ же, имѣю, сказалъ Лопуховъ.

— Помолвлены, или нѣтъ еще.—Помолвленъ.—И формально помолвлены, или только такъ, между собою говорили? — Формально помолвленъ.

Бѣдная Марья Алексѣвна! — Она слышала слова „моя невѣста“,—„ваша невѣста“—„я ее очень люблю“—„она красавица“, — и успокоилась на счетъ волокитства со стороны учителя; и вторую кадриль уже могла вполнѣ отдать хлопотамъ о

закускѣ въ родѣ ужина. Но ей хотѣлось пообстоятельнѣе и поосновательнѣе узнать эту успокоительную усторію. Она продолжала разспросы; вѣдь каждому пріятны успокоительные разговоры, да и во всякомъ случаѣ, любопытно,—вѣдь все любопытно. Учитель отвѣчалъ основательно, хотя, по своему правилу, кратко. — Хороша ли его невѣста? — Необыкновенно. — Есть ли приданое? — Теперь нѣтъ, но получаетъ большое наслѣдство.— Большое? — Очень большое. — Какъ велико? — Очень велико.— Тысячъ до ста?—Гораздо больше.—А сколько же?—Да что объ этомъ говорить, довольно того, что очень много. — Въ деньгахъ?—Есть и въ деньгахъ. — Можетъ быть и въ помѣстьяхъ!— Да, есть и въ помѣстьяхъ.—Скоро?—Скоро.—А свадьба скоро ли? — Скоро. — Такъ и слѣдуетъ, Дмитрій Сергѣичъ, покуда еще не получила наслѣдства, а то вѣдь отъ жениховъ отбою не будетъ.—Совершенная правда.—Да какъ это Богъ послалъ ему такое счастье, да какъ это не перехватили другіе? — Да такъ; почти еще никто не знаетъ, что она должна получить наслѣдство.—А онъ провѣдалъ?—Провѣдалъ.—Да какъ же?—Да онъ, признаться сказать, давно провѣдывалъ, ну, нашелъ.—И вѣрно разузналъ? — Еще бы, документы самъ провѣрялъ. — Самъ?— Самъ. Съ того и началъ.—Съ того и началъ?—Разумѣется, кто въ своемъ умѣ, безъ документовъ шагу не дѣлаетъ.—Правда, Дмитрій Сергѣичъ, не дѣлаетъ. Какое счастье-то. Вѣрно за молитвы родительскія? — Вѣроятно.

Учитель и прежде понравился Марьѣ Алексѣвнѣ тѣмъ, что не пьетъ чаю; по всему было видно, что онъ человѣкъ солидный, основательный; говорилъ онъ мало—тѣмъ лучше, не вертопрахъ; но что говорилъ, то говорилъ хорошо—особенно о деньгахъ; но съ вечера третьяго дня она увидѣла, что учитель даже очень хорошая находка, по совершенному препятствію къ волокитству за дѣвушками въ семействахъ, гдѣ даетъ уроки: такое полное препятствіе рѣдко бываетъ у такихъ молодыхъ людей. А теперь, она была въ полномъ удовольствіи отъ него. Въ самомъ дѣлѣ, какой солидный человѣкъ! и вѣдь не хвастался, что у него богатая невѣста: каждое слово изъ него надобно было клещами вытягивать. И какъ пронюхивалъ-то,—видно, давно ужь думалъ подъискать богатую невѣсту,—и, поди, чать, какъ примазывался-то къ ней! Ну, этотъ, можно сказать, умѣетъ свои дѣла вести

И съ документовъ прямо такъ и началъ, да и говоритъ-то какъ! „безъ этого, говоритъ, нельзя, кто въ своемъ умѣ“ — рѣдкой основательности молодой человѣкъ!

Вѣрочка сначала едва удерживалась отъ слишкомъ замѣтной улыбки, но постепенно ей стало казаться, — какъ это ей стало казаться? — нѣтъ, это не такъ, нѣтъ, это такъ! что Лопуховъ, хоть отвѣчалъ Марьѣ Алексѣвнѣ, но говоритъ не съ Марьей Алексѣвною, а съ нею, Вѣрочкою, что надъ Марьей Алексѣвною онъ подшучиваетъ, серьёзно же и правду, и только правду говоритъ одной ей, Вѣрочкѣ.

Казалось ли только такъ Вѣрочкѣ, или въ самомъ дѣлѣ такъ было, кто знаетъ? Онъ зналъ, и она узнала; а намъ, пожалуй, и не нужно знать; намъ нужны только факты. А фактъ былъ тотъ, что Вѣрочка, слушавшая Лопухова сначала улыбаясь, потомъ серьёзно, думала, что онъ говоритъ не съ Марьей Алексѣвною, а съ нею, и не шутя, а правду, а Марья Алексѣвна, съ самаго начала слушавшая Лопухова серьёзно, обратилась къ Вѣрочкѣ и сказала: „другъ мой, Вѣрочка, что ты все такой букой сидишь? ты теперь съ Дмитріемъ Сергѣичемъ знакома, попросила бы его сыграть тебѣ въ аккомпаниментъ, а сама бы спѣла!“ и смыслъ этихъ словъ былъ: „мы васъ очень уважаемъ, Дмитрій Сергѣичъ, и желаемъ, чтобы вы были близкимъ знакомымъ нашего семейства; а ты Вѣрочка, не дичись Дмитрія Сергѣича, я скажу Михаилу Иванычу, что ужь у него есть невѣста и Михаилъ Иванычъ тебя къ нему не будетъ ревновать“.—Это было для Вѣрочки и для Дмитрія Сергѣича, — онъ теперь ужь и въ мысляхъ Марьи Алексѣвны былъ не „учитель“, а „Дмитрій Сергѣичъ“; — а для самой Марьи Алексѣвны слова ея имѣли третій, самый натуральный и настоящій смыслъ: „надо его приласкать; знакомство можетъ впослѣдствіи пригодиться, когда будетъ богатъ, шельма“; это былъ общій смыслъ словъ Марьи Алексѣвны для Марьи Алексѣвны, а кромѣ общаго, былъ въ нихъ для нея и частный смыслъ: „приласкавши, стану ему говорить, что мы люди небогатые, что намъ тяжело платить по цѣлковому за урокъ“. Вотъ сколько смысловъ имѣли слова Марьи Алексѣвны. Дмитрій Сергѣичъ сказалъ, что теперь онъ кончитъ урокъ, а потомъ съ удовольствіемъ поиграетъ на фортепьяно.

VII.

Много смысловъ имѣли слова Марьи Алексѣвны, и не меньше того имѣли онѣ результатовъ. Со стороны частнаго смысла ихъ для нея самой, то есть сбереженія платы за уроки, Марья Алексѣвна достигла большаго успѣха, чѣмъ сама разсчитывала: когда черезъ два урока она повела дѣло о томъ, что они люди небогатые, Дмитрій Сергѣичъ сталъ торговаться, сильно торговался, долго не уступалъ, долго держался на трехъ-рублевомъ (тогда еще были трехъ-рублевые, т. е., если помните, монета въ 75 к.); Марья Алексѣвна и сама не надѣялась спустить ниже, но, сверхъ чаянія, успѣла сбить на 60 к. за урокъ. Повидимому, частный смыслъ ея словъ,—надежда сбить плату, — противорѣчилъ ея же мнѣнію о Дмитріѣ Сергѣичѣ (не о Лопуховѣ, а о Дмитріѣ Сергѣичѣ), какъ объ алчномъ пройдохѣ: съ какой стати корыстолюбецъ будетъ поступаться въ деньгахъ для нашей бѣдности? а если Дмитрій Сергѣичъ поступился, то, по настоящему, слѣдовало бы ей разочароваться въ немъ, увидѣть въ немъ человѣка легкомысленнаго и слѣдовательно вреднаго. Конечно, этакъ она и разсудила бы въ чужомъ дѣлѣ. Но ужь такъ устроенъ человѣкъ, что трудно ему судить о своихъ дѣлахъ по общему правилу: охотникъ онъ дѣлать исключенія въ свою пользу. Когда коллежскій секретарь Ивановъ увѣряетъ коллежскаго совѣтника Ивана Иваныча, что преданъ ему душою и тѣломъ, Иванъ Иванычъ знаетъ по себѣ, что преданности душою и тѣломъ нельзя ждать ни отъ кого, а тѣмъ больше знаетъ, что въ частности Ивановъ пять разъ продалъ отца роднаго за весьма сходную цѣну, и тѣмъ даже превзошелъ его самого, Ивана Иваныча, который успѣлъ продать своего отца только три раза, а все-таки Иванъ Иванычъ вѣритъ, что Ивановъ преданъ ему, то есть, и не вѣритъ ему, а благоволитъ къ нему за это, и хоть не вѣритъ, а даетъ ему дурачить себя, — значитъ, все-таки вѣритъ, хоть и не вѣритъ. Что прикажете дѣлать съ этимъ свойствомъ человѣческаго сердца? Оно дурно, оно вредно; но Марья Алексѣвна не была, къ сожалѣнію, изъята отъ этого недостатка, которымъ страдаютъ почти всѣ корыстолюбцы, хитрецы и дрян-

ные люди. Отъ него есть избавленье только въ двухъ крайнихъ сортахъ нравственнаго достоинства: или въ томъ, когда человѣкъ уже трансцендентальный негодяй, восьмое чудо свѣта плутовской виртуозности, въ родѣ Али-Паши Янинскаго, Джеззаръ-паши Сирійскаго, Мегеметъ-Али Египетскаго, которые проводили европейскихъ дипломатовъ и (Джеззаръ) самого Наполеона Великаго такъ легко, какъ дѣтей, когда мошенничество наросло на человѣкѣ такою абсолютно — прочною бронею, сквозь которую нельзя пробраться ни до какой человѣческой слабости: ни до амбиціи, ни до честолюбія, ни до властолюбія, ни до самолюбія, ни до чего; но такихъ героевъ мошенничества чрезвычайно мало, почти что не попадается въ европейскихъ земляхъ, гдѣ виртуозность негодяйства уже портится многими человѣческими слабостями. Потому, если вамъ укажутъ хитреца и скажутъ: „вотъ этого человѣка никто не проведетъ“,—смѣло ставьте 10 р. противъ 1 р., что вы, хоть вы человѣкъ и не хитрый, проведете этого хитреца, если только захотите, а еще смѣлѣе ставьте 100 р. противъ 1 р., что онъ самъ себя на чемъ нибудь водитъ за носъ, ибо это обыкновеннѣйшая, всеобщая черта въ характерѣ у хитрецовъ, на чемъ нибудь водить себя за носъ. Ужь на что, кажется, искусники были Луи-Филиппъ и Меттернихъ, а вѣдь какъ отлично вывели сами себя за носъ изъ Парижа и Вѣны въ мѣста злачныя и спокойныя буколически наслаждаться картиною того, какъ тамъ, въ этихъ мѣстахъ, Макаръ телятъ гоняетъ. А Наполеонъ I какъ былъ хитеръ,—гораздо хитрѣе ихъ обоихъ, да еще при этакой-то хитрости имѣлъ, говорятъ, геніальный умъ,—а какъ мастерски провелъ себя за носъ на Эльбу, да еще мало показалось, захотѣлъ по дальше, и удалось, удалось такъ, что дотащилъ себя за носъ до Св. Елены! а вѣдь какъ трудно-то было,—почти невозможно, — а съумѣлъ преодолѣть всѣ препятствія къ достиженію острова Св. Елены! прочтите-ко „Исторію кампаніи 1815 г.“ Шарра — даже умилительно то усердіе и. искусство, съ какимъ онъ танцилъ тутъ себя за носъ! Увы, и Марья Алексѣвна не была изъята отъ этой вредной наклонности.

Мало людей, которымъ бронею противъ обольщенія служитъ законченная доскональность въ обманываніи другихъ. Но зато многочисленны люди, которымъ надежно въ этомъ отношеніи служитъ простая честность сердца. По свидѣтельству всѣхъ Ви-

доковъ и Ванекъ Каиновъ, нѣтъ ничего труднѣе, какъ надуть честнаго, безхитростнаго человѣка, если онъ имѣетъ хоть нѣсколько разсудка и житейскаго опыта. Неглупые честные люди въ одиночку не обольщаются. Но у нихъ есть другой, такой же вредный видъ этой слабости: они подвержены повальному обольщенію. Плутъ не можетъ взять ни одного изъ нихъ за носъ; но носы всѣхъ ихъ, какь одной компаніи, постоянно готовы къ услугамъ. А плуты, въ одиночку слабые на счетъ независимости своихъ носовъ, компаніонально не проводятся за носъ. Въ этомъ вся тайна всемірной исторіи.

Но забираться намъ во всемірную исторію будетъ ужь лишнее: занимаешься разсказомъ, такъ занимайся разсказомъ.

Первымъ результатамъ словъ Марьи Алексѣвны было удешевленіе уроковъ. Другимъ результатомъ—то, что отъ удешевленія учителя (то есть, уже не учителя, а Дмитрія Сергѣича) Марья Алексѣвна еще больше утвердилась въ хорошемъ мнѣніи о немъ, какъ о человѣкѣ основательномъ, дошла даже до убѣжденія, что разговоры съ нимъ будутъ полезны для Вѣрочки, склонять Вѣрочку на вѣнчанье съ Михаиломъ Ивановичемъ — этотъ выводъ былъ уже очень блистателенъ, Марья Алексѣвна своимъ умомъ не дошла бы до него, но встрѣтилось ей такое ясное доказательство, что нельзя было не замѣтить этой пользы для Вѣрочки отъ вліянія Дмитрія Сергѣича. Какъ встрѣтилось это доказательство, мы сейчасъ увидимъ.

Третій результатъ словъ Марьи Алексѣвны былъ, разумѣется, тотъ, что Вѣрочка и Дмитрій Сергѣичъ стали, съ ея разрѣшенія и поощренія, проводить вмѣстѣ довольно много времени. Кончивъ урокъ въ часовъ восемь, Лопуховъ оставался у Розальскихъ еще часа два-три: игрывалъ въ карты съ матерью семейства, отцомъ семейства и женихомъ; говорилъ съ ними; игралъ на фортепьяно, а Вѣрочка пѣла, или Вѣрочка играла, а онъ слушалъ; иногда и разговаривалъ съ Вѣрочкою, и Марья Алексѣвна не мѣшала, не косилась, хотя, конечно, не оставляла безъ надзора.

О, разумѣется, не оставляла, потому что, хотя Дмитрій Сергѣичъ и очень хорошій молодой человѣкъ, но все же не даромъ говорится пословица: не клади плохо, не вводи вора въ грѣхъ. А что Дмитрій Сергѣичъ воръ, — не въ порицательномъ, а въ

похвальномъ смыслѣ,—нѣтъ никакого сомнѣнія: иначе, за что-жь бы его и уважать и дѣлать хорошимъ знакомымъ? Неужели съ дураками знакомиться? Конечно, слѣдуетъ и съ дураками, когда отъ нихъ можно пользоваться. Но у Дмитрія Сергѣича пока еще нѣтъ ничего; стало быть, съ нимъ можно водить дружбу только за его достоинства, то есть за умъ, то есть за основательность, разсчетливость, умѣнье вести свои дѣла. А если у всякаго человѣка чортъ знаетъ, что на умѣ, то у такого умнаго человѣка и подавно. Стало быть, за Дмитріемъ Сергѣичемъ надобно смотрѣть, да смотрѣть. Марья Алексѣвна и смотрѣла очень прилежно. Но всѣ наблюденія только подтверждали основательность и благонамѣренность Дмитрія Сергѣича. Напримѣръ, почему сейчасъ можно замѣтить амурныя шашни? — По загляды-ванью за корсетъ. Вотъ Вѣрочка играетъ, Дмитрій Сергѣичъ стоитъ и слушаетъ, а Марья Алексѣвна смотритъ, не запускаетъ ли онъ глазъ за корсетъ,—нѣтъ, и не думаетъ запускать! или иной разъ вовсе не глядитъ на Вѣрочку, а такъ куда нибудь глядитъ, куда случится, или иной разъ глядитъ на нее, такъ просто въ лицо ей глядитъ, да такъ безчувственно, что сейчасъ видно: смотритъ на нее только изъ учтивости, а самъ думаетъ о невѣстиномъ приданомъ,—глаза у него не разгараются, какъ у Михаила Иваныча. Опять, въ чемъ еще замѣчаются амурныя дѣла?—въ любовныхъ словахъ;—никакихъ любовныхъ словъ не слышно; да и говорятъ-то они между собою мало,—онъ больше говоритъ съ Марьей Алексѣвной. Или вотъ: сталъ онъ приносить книги Вѣрочкѣ. Разъ Вѣрочка ушла къ подругѣ, и Михаилъ Иванычъ тутъ сидѣлъ. Вотъ Марья Алексѣвна взяла книги, принесла Михаилу Иванычу.

— Посмотрите-ко, Михаилъ Иванычъ, французскую-то я сама почти что разобрала: „Гостиная“ — значитъ, самоучитель свѣтскаго обращенія, а нѣмецкую-то не пойму.

— Нѣтъ, Марья Алексѣвна, это не „Гостиная“, это Destinée— судьба.

— Какая жь это судьба? романъ, что ли, такъ называется, али оракулъ, толкованіе сновъ?

— А вотъ сейчасъ увидимъ, Марья Алексѣвна, изъ самой книги. Михаилъ Иванычъ перевернулъ нѣсколько листовъ. —

Тутъ все о серіяхъ больше говорится, Марья Алексѣвна,—ученая книга.

— О серіяхъ? Это хорошо; значитъ, какъ денежные обороты вести.

— Да, все объ этомъ, Марья Алексѣвна.

— Ну, а нѣмецкая-то?

Михаилъ Иванычъ медленно прочелъ: „О религіи, сочиненіе Людвига"—Людовика-четырнадцатаго, Марья Алексѣвна, сочиненіе Людовика XIV; это былъ, Марья Алексѣвна, французскій король, отецъ тому королю, на мѣсто котораго нынѣшній Наполеонъ сѣлъ.

— Значитъ о божественномъ?

— О божественномъ, Марья Алексѣвна.

— Это хорошо, Михаилъ Иванычъ; то-то, я и знаю, что Дмитрій Сергѣичъ солидный молодой человѣкъ, а все-таки нуженъ глазъ-да-глазъ за всякимъ человѣкомъ!

— Конечно, у него не то на умѣ, Марья Алексѣвна, а я все-таки очень вамъ благодаренъ, Марья Алексѣвна, за ваше наблюденіе.

— Нельзя, наблюдаю, Михаилъ Иванычъ; такая ужь обязанность матери, чтобы дочь въ чистотѣ сохранить, и могу вамъ поручиться на счетъ Вѣрочки. Только вотъ что я думаю, Михаилъ Иванычъ: король-то французскій какой былъ вѣры?

— Католикъ, натурально.

— Такъ онъ тамъ не въ папскую ли вѣру обращаетъ?

— Не думаю, Марья Алексѣвна. Если-бы католическій архіерей писалъ; онъ, точно, сталъ бы обращать въ папскую вѣру. А король не станетъ этимъ заниматься: онъ, какъ мудрый правитель и политикъ, просто будетъ внушать благочестіе.

Кажется, чего еще? Марья Алексѣвна не могла не видѣть, что Михаилъ Иванычъ, при всемъ своемъ ограниченномъ умѣ, разсудилъ очень основательно; но все-таки вывела дѣло уже совершенно на чистоту. Дня черезъ два, черезъ три, она вдругъ сказала Лопухову, играя съ нимъ и Михаиломъ Иванычемъ въ преферансъ.

— А что, Дмитрій Сергѣичъ, я хочу у васъ спросить: прошлаго французскаго короля отецъ, того короля, на мѣсто кото-

раго нынѣшній Наполеонъ сѣлъ, велѣлъ въ папскую вѣру креститься?

— Нѣтъ, не велѣлъ, Марья Алексѣвна.

— А хороша папская вѣра, Дмитрій Сергѣичъ?

— Нѣтъ, Марья Алексѣвна, не хороша. А я семь въ бубнахъ съиграю.

— Это я такъ по любопытству спросила, Дмитрій Сергѣичъ, какъ я женщина неученая, а знать интересно. А много вы ремизовъ-то списали, Дмитрій Сергѣичъ!

— Нельзя, Марья Алексѣвна, тому насъ въ Академіи учатъ. Медику нельзя не умѣть играть.

Для Лопухова до сихъ поръ остается загадкою, зачѣмъ Марьѣ Алексѣвнѣ понадобилось знать, велѣлъ ли Филиппъ Эгалите креститься въ папскую вѣру.

Ну, какъ послѣ всего этого не было бы извинительно Марьѣ Алексѣвнѣ перестать утомлять себя неослабнымъ надзоромъ? и глазъ не запускаетъ за корсетъ, и лицо безчувственное, и божественныя книги даетъ читать, — кажется, довольно бы. Но нѣтъ, Марья Алексѣвна не удовлетворилась надзоромъ, а устроила даже пробу, будто учила „логику“, которую и я училъ наизустъ, говорящую: „наблюденіе явленій, каковыя происходятъ сами собою, должно быть повѣряемо опытами, производимыми по обдуманному плану, для глубочайшаго проникновенія въ тайны таковыхъ отношеній“, — и устроила она эту пробу такъ, будто читала Саксона Грамматика, разсказывающаго, какъ испытывали Гамлета въ лѣсу дѣвицею.

VIII.

Гамлетовское испытаніе.

Однажды, Марья Алексѣвна сказала за чаемъ, что у нея разболѣлась голова; разливъ чай и заперевъ сахарницу, ушла и улеглась. Вѣра и Лопуховъ остались сидѣть въ чайной комнатѣ, подлѣ спальной, куда ушла Марья Алексѣвна. Черезъ нѣсколько минутъ, больная кликнула Ѳедю. „Скажи сестрѣ, что ихъ разговоръ не даетъ мнѣ уснуть; пусть уйдутъ куда подальше, чтобъ

не мѣшали. Да скажи хорошенько, чтобы не обидѣть Дмитрія Сергѣича: видишь, онъ какой заботливый о тебѣ". Ѳедя пошелъ и сказалъ, что маменька проситъ вотъ о чемъ. — „Пойдемте въ мою комнату, Дмитрій Сергѣичъ, — она далеко отъ спальной, тамъ не будемъ мѣшать". Этого, разумѣется, и ждала Марья Алексѣвна. Черезъ четверть часа, она въ однихъ чулкахъ, безъ башмаковъ, подкралась къ двери Вѣрочкиной комнаты. Дверь была полуотворена; между дверью и косякомъ была такая славная щель,—Марья Алексѣвна приложила къ ней глазъ и навострила уши.

Увидѣла она слѣдующее:

Въ Вѣрочкиной комнатѣ было два окна, между оконъ стоялъ письменный столъ. У одного окна, съ одного конца стола сидѣла Вѣрочка и вязала шерстяной нагрудникъ отцу, свято исполняя заказъ Марьи Алексѣвны; у другаго окна, съ другаго конца стола, сидѣлъ Лопуховъ: локтемъ одной руки оперся на столъ, и въ этой рукѣ была сигара, а другая рука у него была засунута въ карманъ; разстоянія между ними и Вѣрочкою было аршина два, если не больше. Вѣрочка больше смотрѣла на свое вязанье; Лопуховъ больше смотрѣлъ на сигару. Диспозиція успокоительная.

Услышала она слѣдующее:

— ...Надобно такъ смотрѣть на жизнь?—съ этихъ словъ начала слушать Марья Алексѣвна.

— Да, Вѣра Павловна, такъ надобно.

— Стало быть, правду говорятъ холодные практическіе люди, что человѣкомъ управляетъ только разсчетъ выгоды?

— Они говорятъ правду. То, что называютъ возвышенными чувствами, идеальными стремленіями—все это въ общемъ ходѣ жизни совершенно ничтожно передъ стремленіемъ каждаго къ своей пользѣ, и въ корнѣ само состоитъ изъ того же стремленія къ пользѣ.

— Да вы, напримѣръ, развѣ вы таковъ?

— А каковъ же, Вѣра Павловна? Вы послушайте, въ чемъ существенная пружина всей моей жизни. Сущность моей жизни состояла до сихъ поръ въ томъ, что я учился, я готовился быть медикомъ. Прекрасно. Зачѣмъ отдалъ меня отецъ въ гимназію? Онъ твердилъ мнѣ: „учись, Митя; выучишься — чиновникъ бу-

дешь, насъ съ матерью кормить будешь, да и самому будетъ хорошо". Вотъ почему я учился; безъ этого разсчета отецъ не отдалъ бы меня учиться; вѣдь семейству нуженъ былъ работникъ. Да и я самъ, хотя полюбилъ ученье, сталъ ли бы тратить время на него, если-бы не думалъ, что трата вознаградится съ процентами? Я сталъ оканчивать курсъ въ гимназіи; убѣдилъ отца отпустить меня въ медицинскую академію, вмѣсто того, чтобы опредѣлять въ чиновники. Какъ это произошло? Мы съ отцомъ видѣли, что медики живутъ гораздо лучше канцелярскихъ чиновниковъ и столоначальниковъ, выше которыхъ не подняться бы мнѣ. Вотъ вамъ причина, по которой я очутился и оставался въ Академіи—хорошій кусокъ хлѣба. Безъ этого разсчета я не поступилъ бы въ Академію и не оставался бы въ ней.

— Но вѣдь вы любили учиться въ гимназіи, вѣдь вы полюбили потомъ медицинскіе науки?

— Да. Это украшеніе; оно и полезно для успѣха дѣла; но дѣло обыкновенно бываетъ и безъ этого украшенія, а безъ разсчета не бываетъ. Любовь къ наукѣ была только результатомъ, возникшимъ изъ дѣла, а не причиною его; причина была одна—выгода.

— Положимъ, вы правы, — да, вы правы. Всѣ поступки, которыя я могу разобрать, объясняются выгодою. Но вѣдь эта теорія холодна.

— Теорія должна быть сама по себѣ холодна. Умъ долженъ судить о вещахъ холодно.

— Но она безпощадна.

— Къ фантазіямъ, которыя пусты и вредны.

— Но она прозаична.

— Для науки не годится стихотворная форма.

— Итакъ, эта теорія, которой я не могу не допустить, обрекаетъ людей на жизнь холодную, безжалостную, прозаичную?...

— Нѣтъ, Вѣра Павловна: эта теорія холодна, но учитъ человѣка добывать тепло. Спичка холодна, стѣна коробочки, о которую трется она—холодна, дрова—холодны, но отъ нихъ огонь, который готовитъ теплую пищу человѣку и грѣетъ его самого. Эта теорія безжалостна, но, слѣдуя ей, люди не будутъ жалкимъ предметомъ празднаго состраданія. Ланцетъ не долженъ гнуться—иначе, надобно будетъ жалѣть о паціэнтѣ, которому не бу-

детъ легче отъ нашего сожалѣнія. Эта теорія прозаична, но она раскрываетъ истинные мотивы жизни, а поэзія въ правдѣ жизни. Почему Шекспиръ величайшій поэтъ? потому что въ немъ больше правды жизни, меньше обольщенія, чѣмъ у другихъ поэтовъ.

— Такъ буду и я безпощадна, Дмитрій Сергѣичъ, сказала Вѣрочка, улыбаясь:—вы не обольщайтесь мыслью, что имѣли во мнѣ упорную противницу вашей теоріи разсчета выгодъ и пріобрѣли ей новую послѣдовательницу. Я сама давно думала въ томъ родѣ, какъ прочла въ вашей книгѣ и услышала отъ васъ. Но я думала, что это мои личныя мысли, что умные и ученые люди думаютъ иначе, оттого и было колебанье. Все, что читаешь, бывало, — все написано въ противоположномъ духѣ, наполнено порицаніями, сарказмами противъ того, что замѣчаешь въ себѣ и другихъ. Природа, жизнь, разсудокъ ведутъ въ одну сторону, книги тянутъ въ другую, говорятъ: это дурно, низко. Знаете, мнѣ самой были отчасти смѣшны тѣ возраженія, которыя я вамъ дѣлала!

— Да, они смѣшны, Вѣра Павловна.

— Однако, сказала она смѣясь: — мы дѣлаемъ другъ другу удивительные комплименты. Я вамъ: вы, Дмитрій Сергѣичъ, пожалуйста, не слишкомъ-то поднимайте носъ; вы мнѣ: вы смѣшны съ вашими сомнѣніями, Вѣра Павловна!

— Что-жь, сказалъ онъ, тоже улыбнувшись:—намъ нѣтъ разсчета любезничать, потому мы не любезничаемъ.

— Хорошо, Дмитрій Сергѣичъ; люди — эгоисты, такъ вѣдь? Вотъ вы говорили о себѣ,—и я хочу поговорить о себѣ.

— Такъ и слѣдуетъ; каждый думаетъ всего больше о себѣ.

— Хорошо. Посмотримъ, не поймаю ли я васъ на вопросахъ о себѣ.

— Посмотримъ.

— У меня есть богатый женихъ. Онъ мнѣ не нравится. Должна ли я принять его предложеніе?

— Разсчитывайте, что для васъ полезнѣе.

— Что для меня полезнѣе! Вы знаете, я очень небогата. Съ одной стороны — нерасположеніе къ человѣку; съ другой — господство надъ нимъ, завидное положеніе въ обществѣ, деньги, толпа поклонниковъ.

— Взвѣсьте все; что полезнѣе для васъ, то и выбирайте.

— И если я выберу — богатство мужа и толпу поклонниковъ?

— Я скажу, что выбрали то, что вамъ казалось сообразнѣе съ вашимъ интересомъ.

— И что надобно будетъ сказать обо мнѣ?

— Если вы поступили хладнокровно, разсудительно обдумавъ, то надобно будетъ сказать, что вы поступили обдуманно и, вѣроятно, не будете жалѣть о томъ.

— Но будетъ мой выборъ заслуживать порицанія?

— Люди, говорящіе разные пустяки, могутъ говорить о немъ, какъ имъ угодно; люди, имѣющіе правильный взглядъ на жизнь, скажутъ, что вы поступили такъ, какъ слѣдовало вамъ поступить; если вы такъ сдѣлали, значитъ, такова была ваша личность, что нельзя вамъ было поступить иначе при такихъ обстоятельствахъ, они скажутъ, что вы поступили по необходимости вещей, что собственно говоря, вамъ и не было другаго выбора.

— И никакого порицанія моему поступку?

— Кто имѣетъ право порицать выводы изъ факта, когда существуетъ фактъ? Ваша личность въ данной обстановкѣ—фактъ; ваши поступки — необходимые выводы изъ этого факта, дѣлаемые природою вещей. Вы за нихъ не отвѣчаете, а порицать ихъ—глупо.

— Однако, вы не отступаете отъ своей теоріи. Такъ я не заслужу ваше порицаніе, если приму предложеніе моего жениха?

— Я былъ бы глупъ, если-бы сталъ порицать.

— Итакъ, разрѣшеніе, — быть можетъ, даже одобреніе,— быть можетъ, даже прямой совѣтъ поступить такъ, какъ я говорю?

— Совѣтъ всегда одинъ: разсчитывайте, что для васъ полезно; какъ скоро вы слѣдуете этому совѣту—одобреніе.

— Благодарю васъ. Теперь мое личное дѣло разрѣшено. Вернемся къ первому, общему вопросу. Мы начинали съ того, что человѣкъ дѣйствуетъ по необходимости, его дѣйствія опредѣляются вліяніями, подъ которыми происходятъ; болѣе сильныя вліянія берутъ верхъ надъ другими; тутъ мы и оставили разсужденіе, что когда поступокъ имѣетъ житейскую важность, эти побужденія называются выгодами, игра ихъ въ человѣкѣ—соображеніемъ

выгодъ, что поэтому человѣкъ всегда дѣйствуетъ по разсчету выгодъ. Такъ я передаю связь мыслей?

— Такъ.

— Видите, какая я хорошая ученица. Теперь этотъ частный вопросъ о поступкахъ, имѣющихъ житейскую важность, конченъ. Но въ общемъ вопросѣ остаются затрудненія. Ваша книга говоритъ: человѣкъ дѣйствуетъ по необходимости. Но вѣдь есть случаи, когда кажется, что отъ моего произвола зависитъ поступить такъ или иначе. Напримѣръ: я играю и перевертываю страницы нотъ; я перевертываю ихъ иногда лѣвою рукою, иногда правою. Положимъ, теперь я перевернула правою: развѣ я не могла перевернуть лѣвою? не зависитъ ли это отъ моего произвола?

— Нѣтъ, Вѣра Павловна; если вы перевертываете, не думая ничего о томъ, какою рукою перевернуть, вы перевертываете тою рукою, которою удобнѣе, произвола нѣтъ; если вы подумали: „дай переверну правою рукою"—вы перевернете подъ вліяніемъ этой мысли, но эта мысль явилась не отъ вашего произвола; она необходимо родилась отъ другихъ...

Но на этомъ словѣ Марья Алексѣвна уже прекратила свое слушаніе: „ну, теперь занялись ученостью, — не по моей части, да и ненужно. Какой умный, основательный, можно сказать, благородный молодой человѣкъ! Какія благоразумныя правила внушаетъ Вѣрочкѣ. И что значитъ, ученый человѣкъ: вѣдь вотъ я то же самое стану говорить ей—не слушаетъ, обижается: не могу на нее потрафить, потому что не умѣю по ученому говорить. А вотъ какъ онъ по ученому-то говоритъ, она и слушаетъ, и видитъ, что правда, и соглашается. Да, не даромъ говорится: ученье свѣтъ, неученье тьма. Какъ бы я-то воспитанная женщина была, развѣ бы то было, что теперь? Мужа бы въ генералы произвела, по провіантской бы части мѣсто ему достала, или по другой по какой по такой же. Ну, конечно, дѣла бы за него сама вела съ подрядчиками-то: ему гдѣ—плохъ! Домъ-то бы не такой состроила, какъ этотъ. Не одну бы тысячу душъ купила. А теперь не могу. Тутъ надо прежде въ генеральскомъ обществѣ себя зарекомендовать,—а я какъ зарекомендую? — ни по-французски, ни по каковски по ихнему не умѣю. Скажутъ: манеръ не имѣетъ, только на Сѣнной ругаться годится. Вотъ и

не гожусь. Неученье—тьма. Подлинно: ученье свѣтъ, неученье—тьма".

Вотъ именно этотъ подслушанный разговоръ и привелъ Марью Алексѣвну къ убѣжденію, что бесѣды съ Дмитріемъ Сергѣичемъ не только не опасны для Вѣрочки,—это она и прежде думала,—а даже принесутъ ей пользу, помогутъ ея заботамъ, чтобы Вѣрочка бросила глупыя неопытныя дѣвическія мысли и поскорѣе покончила вѣнчаньемъ дѣло съ Михаиломъ Иванычемъ.

IX.

Отношенія Марьи Алексѣвны къ Лопухову походятъ на фарсъ, сама Марья Алексѣвна выставляется черезъ нихъ въ смѣшномъ видѣ. То и другое рѣшительно противъ моей воли. Если-бы я хотѣлъ заботиться о томъ, что называется у насъ художественностью, я скрылъ бы отношенія Марьи Алексѣвны къ Лопухову, разсказъ о которыхъ придаетъ этой части романа водевильный характеръ. Скрыть ихъ было бы легко. Существенный ходъ дѣла могъ быть объясненъ и безъ нихъ. Что удивительнаго было бы, что учитель и безъ дружбы съ Марьею Алексѣвною имѣлъ бы случаи говорить иногда, хоть изрѣдка, по нѣскольку словъ съ дѣвушкою, въ семействѣ которой даетъ уроки? Развѣ много нужно словъ, чтобъ росла любовь? Въ содѣйствіи Марьи Алексѣвны вовсе не было нужды для той развязки, какую получила встрѣча Вѣрочки съ Лопуховымъ. Но я разсказываю дѣло не такъ, какъ нужно для доставленія мнѣ художнической репутаціи, а какъ оно было. Я, какъ романистъ очень огорченъ тѣмъ, что написалъ нѣсколько страницъ, унижающихся до водевильности.

Мое намѣреніе выставлять дѣло, какъ оно было, а не такъ, какъ мнѣ удобнѣе было бы разсказывать его, дѣлаетъ мнѣ и другую непріятность: я очень недоволенъ тѣмъ, что Марья Алексѣвна представляется въ смѣшномъ видѣ съ размышленіями своими о невѣстѣ, которую сочинила Лопухову, съ такими же фантастическими отгадываніями содержанія книгъ, которыя давалъ Лопуховъ Вѣрочкѣ, съ разсужденіями о томъ, не обращалъ ли людей въ папскую вѣру Филиппъ Эгалите и какія со-

чиненія писалъ Людовикъ XIV. Ошибаться можетъ каждый, ошибки могутъ быть нелѣпы, если человѣкъ судитъ о вещахъ, чуждыхъ его понятіямъ; но было бы несправедливо выводить изъ нелѣпыхъ промаховъ Марьи Алексѣвны, что ея расположеніе къ Лопухову основывалось лишь на этихъ вздорахъ: нѣтъ, никакія фантазіи о богатой невѣстѣ и благочестіи Филиппа Эгалите ни на минуту не затмили бы ея здраваго смысла, если-бы въ дѣйствительныхъ поступкахъ и словахъ Лопухова было замѣтно для нея хотя что нибудь подозрительное. Но онъ дѣйствительно держалъ себя такъ, какъ, по мнѣнію Марьи Алексѣвны, могъ держать себя только человѣкъ въ ея собственномъ родѣ; вѣдь онъ молодой, бойкій человѣкъ, не запускалъ глазъ за корсетъ очень хорошенькой дѣвушки, не таскался за нею по слѣдамъ, игралъ съ Марьею Алексѣвною въ карты безъ отговорокъ, не отзывался, что „лучше я посижу съ Вѣрою Павловною“, разсуждалъ о вещахъ въ духѣ, который казался Марьѣ Алексѣвнѣ ея собственнымъ духомъ; подобно ей, онъ говорилъ, что все на свѣтѣ дѣлается для выгоды, что когда плутъ плутуетъ, нечего тутъ приходить въ азартъ и вопіять о принципахъ чести, которые слѣдовало бы соблюдать этому плуту, что и самъ плутъ вовсе не напрасно плутъ, а такимъ ему и надобно быть по его обстоятельствамъ, что не быть ему плутомъ,—не говоря ужь о томъ, что это невозможно,—было бы нелѣпо, просто сказать глупо съ его стороны. Да, Марья Алексѣвна была права, находя много родственнаго себѣ въ Лопуховѣ.

Я понимаю, какъ сильно компрометируется Лопуховъ въ глазахъ просвѣщенной публики сочувствіемъ Марьи Алексѣвны къ его образу мыслей. Но я не хочу давать потачки никому и не прячу этого обстоятельства, столь вреднаго для репутаціи Лопухова, хоть и доказалъ, что могъ утаить такую дурную сторону отношеній Лопухова въ семействѣ Розальскихъ; я дѣлаю даже больше: я самъ принимаюсь объяснять, что онъ именно заслуживалъ благосклонность Марьи Алексѣвны.

Дѣйствительно, изъ разговора Лопухова съ Вѣрочкою обнаруживается, что образъ его мыслей гораздо легче могъ показаться хорошъ людямъ въ родѣ Марьи Алексѣвны, чѣмъ краснорѣчивымъ партизанамъ разныхъ прекрасныхъ идей. Лопуховъ видѣлъ вещи въ тѣхъ самыхъ чертахъ, въ какихъ представ-

ляются онѣ всей массѣ рода человѣческаго, кромѣ партизановъ прекрасныхъ идей. Если Марья Алексѣвна могла повторить съ удовольствіемъ отъ своего лица его внушенія Вѣрочкѣ по вопросу о предложеніи Сторешникова, то и онъ могъ бы съ удовольствіемъ подписать „правда“ подъ ея пьяною исповѣдью Вѣрочкѣ. Сходство ихъ понятій было такъ велико, что просвѣщенные и благородные романисты, журналисты и другіе поучатели нашей публики давно провозгласили: „эти люди въ родѣ Лопухова ничѣмъ не разнятся отъ людей въ родѣ Марьи Алексѣвны“. Если столь просвѣщенные и благородные писатели такъ поняли людей въ родѣ Лопухова, то неужели мы будемъ осуждать Марью Алексѣвну за то, что она не разсмотрѣла въ Лопуховѣ ничего, кромѣ того, что поняли въ людяхъ его разряда лучшіе наши писатели, мыслители и назидатели?

Конечно, если-бы Марья Алексѣвна знала хотя половину того, что знаютъ эти писатели, у ней достало бы ума сообразить, что Лопуховъ плохая компанія для нея. Но кромѣ того, что она была женщина не ученая, она имѣетъ и другое извиненіе своей ошибкѣ: Лопуховъ не договаривался съ нею до конца. Онъ былъ пропагандистъ, но не такой, какъ любители прекрасныхъ идей, которые постоянно хлопочатъ о внушеніи Марьямъ Алексѣвнамъ благородныхъ понятій, какими восхищены сами въ себѣ. Онъ имѣлъ столько разсудительности, чтобы не выпрямлять 50-ти лѣтняго дерева. Онъ и она понимали факты одинаково, и толковали о нихъ. Какъ человѣкъ, теоретически образованный, онъ могъ дѣлать изъ фактовъ выводы, которыхъ не умѣли дѣлать люди подобные Марьѣ Алексѣвнѣ, не знающіе ничего, кромѣ обыденныхъ личныхъ заботъ да ходячихъ афоризмовъ простонародной общечеловѣческой мудрости: пословицъ, поговорокъ и тому подобныхъ старыхъ и старинныхъ, древнихъ и ветхихъ изреченій. Но до выводовъ у нихъ дѣло не доходило. Если-бы, напримѣръ, онъ сталъ объяснять, что такое „выгода“, о которой онъ толкуетъ съ Вѣрочкою, быть можетъ, Марья Алексѣвна поморщилась бы, увидѣвъ, что выгода этой выгоды не совсѣмъ сходна съ ея выгодою, но Лопуховъ не объяснялъ этого Марьѣ Алексѣвнѣ, а въ разговорѣ съ Вѣрочкою также не было такого объясненія, потому что Вѣрочка знала, каковъ смыслъ этого слова въ тѣхъ книгахъ, по поводу которыхъ они

вели свой разговоръ. Конечно, и то правда, что, подписывая на пьяной исповѣди Марьи Алексѣвны „правда“, Лопуховъ прибавилъ бы: „а такъ какъ по вашему собственному признанію, Марья Алексѣвна, новые порядки лучше прежнихъ, то я и не запрещаю хлопотать о ихъ заведеніи тѣмъ людямъ, которые находятъ себѣ въ томъ удовольствіе; что же касается до глупости народа, которую вы считаете помѣхою заведенію новыхъ порядковъ, то дѣйствительно, она помѣха дѣлу; но вы сами не будете спорить, Марья Алексѣвна, что люди довольно скоро умнѣютъ, когда замѣчаютъ, что имъ выгодно стало поумнѣть, въ чемъ прежде не замѣчалась ими надобность; вы согласитесь также, что прежде и не было имъ возможности научиться уму разуму, а доставьте имъ эту возможность, то, пожалуй, вѣдь они и воспользуются ею“. Но до этого онъ не договаривался съ Марьею Алексѣвною, и даже не по осторожности, хотя былъ остороженъ, а просто по тому же внушенію здраваго смысла и приличія, по которому не говорилъ съ нею на латинскомъ языкѣ и не утруждалъ ея слуха очень интересными для него самого разсужденіями о новѣйшихъ успѣхахъ медицины: онъ имѣлъ настолько разсудка и деликатности, чтобы не мучить человѣка декламаціями, непонятными для этого человѣка.

Но все это я говорю только въ оправданіе недосмотра Марьи Алексѣвны, не успѣвшей во время раскусить, что за человѣкъ Лопуховъ, а никакъ не въ оправданіе самому Лопухову. Лопухова оправдывать было бы не хорошо, а почему не хорошо, узришь ниже. Люди, которые, не оправдывая его, захотѣли бы, по человѣколюбію своему, извинить его, не могли бы извинить. Напримѣръ, они сказали бы въ извиненіе его, что онъ былъ медикъ и занимался естественными науками, а это располагаетъ къ матеріалистическому взгляду. Но такое извиненіе очень плохо. Мало ли какія науки располагаютъ къ такому-же взгляду? — и математическія, и историческія, и общественныя, да и всякія другія. Но развѣ всѣ геометры, астрономы, всѣ историки, политико-экономы, юристы, публицисты, и всякіе другіе ученые такъ ужь и матеріалисты? Далеко нѣтъ. Стало быть, Лопуховъ не избавляется отъ своей вины. Сострадательные люди, не оправдывающіе его, могли бы также сказать ему въ извиненіе, что онъ не совершенно лишенъ нѣкоторыхъ похвальныхъ при-

знаковъ: сознательно и твердо рѣшился отказаться отъ всякихъ житейскихъ выгодъ и почетовъ для работы на пользу другимъ, находя, что наслажденіе такою работою — лучшая выгода для него; на дѣвушку, которая была такъ хороша, что онъ влюбился въ нее, онъ смотрѣлъ такимъ чистымъ взглядомъ, какимъ не всякій братъ глядитъ на сестру; но противъ этого извиненія его матеріализму надобно сказать, что вѣдь и вообще нѣтъ ни одного человѣка, который былъ бы совершенно безъ всякихъ признаковъ чего нибудь хорошаго, и что матеріалисты, каковы бы тамъ они ни были, все-таки матеріалисты, а этимъ самымъ уже рѣшено и доказано, что они люди низкіе и безнравственные, которыхъ извинять нельзя, потому что извинять ихъ значило бы потворствовать матеріализму. Итакъ, не оправдывая Лопухова, извинить его нельзя. А оправдать его тоже не годится, потому что любители прекрасныхъ идей и защитники возвышенныхъ стремленій, объявившіе матеріалистовъ людьми низкими и безнравственными, въ послѣднее время такъ отлично зарекомендовали себя со стороны ума, да и со стороны характера, въ глазахъ всѣхъ порядочныхъ людей, матеріалистовъ ли, не матеріалистовъ, что защищать кого нибудь отъ ихъ порицаній стало дѣломъ излишнимъ, а обращать вниманіе на ихъ слова стало дѣломъ неприличнымъ.

X.

Разумѣется, главнымъ содержаніемъ разговоровъ Вѣрочки съ Лопуховымъ было не то, какой образъ мыслей надобно считать справедливымъ, но вообще, они говорили между собою довольно мало, и длинные разговоры у нихъ, бывавшіе рѣдко, шли только о предметахъ постороннихъ, въ родѣ образа мыслей и тому подобныхъ сюжетовъ. Вѣдь они знали, что за ними слѣдятъ два очень зоркія глаза. Потому о главномъ предметѣ, ихъ занимавшемъ, они обмѣнивались лишь нѣсколькими словами — обыкновенно, въ то время, какъ перебирали ноты, для игры и пѣнія. А этотъ главный предметъ, занимавшій такъ мало мѣста въ ихъ не слишкомъ частыхъ длинныхъ разговорахъ, и даже въ коротких разговорахъ занимавшій тоже лишь незамѣтное мѣсто,

этотъ предметъ былъ не ихъ чувство другъ къ другу, — нѣтъ, о чувствѣ они не говорили ни слова послѣ первыхъ неопредѣленныхъ словъ въ первомъ ихъ разговорѣ на праздничномъ вечерѣ; имъ некогда было объ этомъ толковать; въ двѣ—три минуты, которыя выбирались на обмѣнъ мыслями безъ боязни подслушиванія, едва успѣвали они переговорить о другомъ предметѣ, который не оставлялъ имъ ни времени, ни охоты для объясненій въ чувствахъ, — это были хлопоты и раздумья о томъ, когда и какъ удастся Вѣрочкѣ избавиться отъ ея страшнаго положенія.

На слѣдующее же утро послѣ перваго разговора съ нею, Лопуховъ уже разузнавалъ о томъ, какъ надобно приняться за дѣло о ея поступленіи въ актрисы. Онъ зналъ, что дѣвушкѣ представляется много непріятныхъ опасностей на пути къ сценѣ, но полагалъ, что при твердомъ характерѣ можетъ она пробиться прямою дорогою. Оказалось не такъ. Пришедши черезъ два дня на урокъ, онъ долженъ былъ сказать Вѣрочкѣ: „совѣтую вамъ оставить мысль о томъ, чтобы сдѣлаться актрисою". — „Почему?" — „Потому, что ужъ лучше было бы вамъ идти за вашего жениха". На томъ разговоръ и прекратился. Это было сказано, когда онъ и Вѣрочка брали ноты, онъ — чтобы играть, она — чтобы пѣть. Вѣрочка повѣсила было голову и нѣсколько разъ сбивалась съ такта, хотя пѣла пьесу очень знакомую. Когда пьеса кончилась, и они стали говорить о томъ, какую выбрать теперь другую, Вѣрочка уже сказала: „А это мнѣ казалось самое лучшее. Тяжело было услышать, что это невозможно. Но—труднѣе будетъ жить, а все-таки можно будетъ жить. Пойду въ гувернантки".

Когда онъ опять былъ, черезъ два дня, у нихъ, она сказала: „Я не могла найти, черезъ кого бы мнѣ искать мѣста гувернантки. Похлопочите, Дмитрій Сергѣичъ: кромѣ васъ некому". — „Жаль, у меня мало знакомыхъ, которые могли бы тутъ быть полезны. Семейства, въ которыхъ я даю или давалъ уроки, все люди не богатые, и ихъ знакомые почти все такіе же, но попробуемъ". — „Другъ мой, я отнимаю у васъ время, но какъ же быть". — „Вѣра Павловна, нечего говорить о моемъ времени, когда я вашъ другъ".

Вѣрочка и улыбнулась, и покраснѣла: она сама не замѣ-

тила, какъ имя „Дмитрій Сергѣичъ“ замѣнилось у ней именемъ „друга“.

Лопуховъ тоже улыбнулся. — Вы не хотѣли этого сказать, Вѣра Павловна, — отнимите у меня это имя, если жалѣете, что дали его.

Вѣрочка улыбнулась: — „поздно“ — и покраснѣла, — „и не жалѣю“—и покраснѣла еще больше.

— Если будетъ надобно, то увидите, что вѣрный другъ.

Они пожали другъ другу руки.

Вотъ вамъ и всѣ первые два разговора послѣ того вечера.

Черезъ два дня, въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“ было напечатано объявленіе, что благородная дѣвица, говорящая по французски и по нѣмецки и проч., ищетъ мѣста гувернантки, и что спросить о ней можно у чиновника такого-то, въ Коломнѣ, въ NN улицѣ, въ домѣ NN“.

Теперь Лопухову пришлось, дѣйствительно, тратить много времени по дѣлу Вѣрочки. Каждое утро онъ отправлялся, большею частью пѣшкомъ, съ Выборгской стороны въ Коломну къ своему знакомому, адресъ котораго былъ выставленъ въ объявленіи. Путешествіе было далекое; но другаго такого знакомаго, поближе къ Выборгской сторонѣ, не нашлось; вѣдь надобно было, чтобы въ знакомомъ соединилось много условій: порядочная квартира, хорошія семейныя обстоятельства, почтенный видъ. Бѣдная квартира поведетъ къ предложенію невыгодныхъ условій гувернанткѣ; безъ почтенности и видимой хорошей семейной жизни рекомендующаго лица не будутъ имѣть выгоднаго мнѣнія о рекомендуемой дѣвушкѣ. А своего адреса ужь конечно никакъ не могъ Лопуховъ выставить въ объявленіи: что думали-бы о дѣвушкѣ, о которой некому позаботиться, кромѣ какъ студенту! Такимъ образомъ Лопуховъ и дѣлалъ порядочный моціонъ. Забравъ у чиновника адресъ являющихся искать гувернантку, онъ пускался продолжать путешествіе: чиновникъ говорилъ, что онъ дальній родственникъ дѣвушки, и только посредникъ, а есть у ней племянникъ, который завтра самъ пріѣдетъ переговорить пообстоятельнѣе. Племянникъ, вмѣсто того чтобы пріѣзжать, приходилъ, всматривался въ людей, и разумѣется, большею частію оставался недоволенъ обстановкою: въ одномъ семействѣ слишкомъ надменны; въ другомъ — мать семейства хороша, отецъ

дуракъ, въ третьемъ наоборотъ, и т. д., въ иныхъ и можно бы жить, да условія невозможныя для Вѣрочки: или надобно говорить по англійски, — она не говоритъ; или хотятъ имѣть собственно не гувернантку, а няньку: или, люди всѣмъ хороши, кромѣ того что сами бѣдны, и въ квартирѣ нѣтъ помѣщенія для гувернантки, кромѣ дѣтской, съ двумя большими дѣтьми, двумя малютками, нянькою и кормилицею. Но объявленія продолжали являться въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ, продолжали являться и ищущіе гувернантки, и Лопуховъ не терялъ надежды.

Въ этихъ поискахъ прошло недѣлѣ двѣ. На пятый день поисковъ, когда Лопуховъ, возвратившись изъ хожденій по Петербургу, лежалъ на своей кушеткѣ, Кирсановъ сказалъ:

— Дмитрій, ты сталъ плохимъ товарищемъ мнѣ въ работѣ. Пропадаешь каждый день на цѣлое утро, и на половину дней пропадаешь по вечерамъ. Нахватался уроковъ, что ли? Такъ время ли теперь набирать ихъ? Я хочу бросить и тѣ, которые у меня есть. У меня есть рублей 40—достанетъ на три мѣсяца до окончанія курса. А у тебя было больше денегъ въ запасѣ, кажется, рублей до сотни?

— Больше, до полутораста. Да у меня не урокъ: я ихъ бросилъ всѣ, кромѣ одного. У меня дѣло. Кончу его—не будешь на меня жаловаться, что отстаю отъ тебя въ работѣ.

— Какое же?

— Видишь, на томъ урокѣ, котораго я не бросилъ, семейство дрянное, а въ немъ есть порядочная дѣвушка. Хочетъ быть гувернанткой, чтобъ уйти отъ семейства. Вотъ я ищу для нея мѣста.

— Хорошая дѣвушка?

— Хорошая.

— Ну, это хорошо. Ищи.—Тѣмъ разговоръ и кончился.

Эхъ, господа Кирсановъ и Лопуховъ, ученые вы люди, а не догадались, что особенно-то хорошо! Положимъ, и то хорошо, о чемъ вы говорили. Кирсановъ и не подумалъ спросить, хороша ли собою дѣвушка, Лопуховъ и не подумалъ упомянуть объ этомъ. Кирсановъ и не подумалъ сказать: „да ты, братъ, не влюбился ли, что больно усердно хлопочешь“, Лопуховъ и не подумалъ сказать: „а я, братъ, очень ею заинтересовался“, или

если не хотѣлъ говорить этого, то и не подумалъ замѣтить въ предотвращеніе такой догадки: „ты не подумай, Александръ, что я влюбился“. Имъ, видите ли, обоимъ думалось, что когда дѣло идетъ объ избавленіи человѣка отъ дурнаго положенія, то нимало не относится къ дѣлу, красиво ли лицо у этого человѣка, хотя бы онъ даже былъ и молодая дѣвушка, а о влюбленности или невлюбленности тутъ нѣтъ и рѣчи. Они даже и не подумали того, что думаютъ это; а вотъ это-то и есть самое лучшее, что они и не замѣчали, что думаютъ это.

А, впрочемъ, не показываетъ ли это проницательному сорту читателей (большинству записныхъ литературныхъ людей показываетъ — вѣдь оно состоитъ изъ проницательнѣйшихъ господъ), не показываетъ ли это, говорю, я, что Кирсановъ и Лопуховъ были люди сухіе, безъ эстетической жилки? Это было еще, недавно, модное выраженіе у эстетическихъ литераторовъ съ возвышенными стремленіями: „эстетическая жилка“, можетъ быть, и теперь остается моднымъ у нихъ движеніемъ—не знаю, я давно ихъ не видалъ. Натурально ли, чтобы молодые люди, если въ нихъ есть капля вкуса и хоть маленькій кусочекъ сердца, не поинтересовались вопросомъ о лицѣ, говоря про дѣвушку? Конечно, это люди безъ художественнаго чувства (эстетической жилки). А по мнѣнію другихъ, изучавшихъ натуру человѣка въ кругахъ, еще болѣе богатыхъ эстетическимъ чувствомъ, чѣмъ компанія нашихъ эстетическихъ литераторовъ, молодые люди въ такихъ случаяхъ непремѣнно потолкуютъ о женщинѣ даже съ самой пластической стороны. Оно такъ и было, да не теперь, господа; оно и теперь такъ бываетъ, да не въ той части молодежи, которая одна и называется нынѣшней молодежью. Это, господа, странная молодежь.

XI.

— Что, мой другъ, все еще нѣтъ мѣста?

— Нѣтъ еще, Вѣра Павловна, но не унывайте, найдется. Каждый день я бываю въ двухъ, въ трехъ семействахъ. Нельзя же, чтобы не нашлось, наконецъ, порядочное, въ которомъ можно жить.

— Ахъ, но если бы вы знали, мой другъ, какъ тяжело, тяжело мнѣ оставаться здѣсь. Когда мнѣ не представлялось близко возможности избавиться отъ этого униженія, этой гадости, я насильно держала себя въ какомъ-то мертвомъ безчувствіи. Но теперь, мой другъ, слишкомъ душно въ этомъ гниломъ, гадкомъ воздухѣ.

— Терпѣніе, терпѣніе, Вѣра Павловна, найдемъ.

Въ этомъ родѣ были разговоры съ недѣлю.—Вторникъ.

— Терпѣніе, терпѣніе, Вѣра Павловна, найдемъ!

— Другъ мой, сколько хлопотъ вамъ, сколько потери времени! Чѣмъ я вознагражу васъ?

— Вы вознаградите меня, мой другъ, если не разсердитесь.

— Лопуховъ сказалъ и смутился. Вѣрочка посмотрѣла на него—нѣтъ, онъ не то, что не договорилъ, онъ не думалъ продолжать, онъ ждетъ отъ нея отвѣта.—Да за что же, мой другъ, что вы сдѣлали?

Лопуховъ еще больше смутился и какъ будто опечалился.

— Что съ вами, мой другъ?

— Да, вы и не замѣтили,—онъ сказалъ это такъ грустно, и потомъ засмѣялся такъ весело. — Ахъ, Боже мой, какъ я глупъ, какъ я глупъ! простите меня, мой другъ!

— Ну, что такое?

— Ничего. Вы ужь наградили меня.

— Ахъ, вотъ что! Какой же вы чудакъ! — Ну, хорошо, зовите такъ.

Въ четвергъ было Гамлетовское испытаніе по Саксону Грамматику. Послѣ того, на нѣсколько дней, Марья Алексѣвна даетъ себѣ нѣкоторый (небольшой) отдыхъ въ надзорѣ.

Суббота. Послѣ чаю Марья Алексѣвна уходитъ считать бѣлье, принесенное прачкою.

— Мой другъ, дѣло, кажется, устроится.

— Да? — Если такъ... ахъ, Боже мой... ахъ, Боже мой скорѣе! Я, кажется, умру, если это продлится. Когда же и какъ?

— Рѣшится завтра. Почти, почти несомнѣнная надежда.

— Что же, какъ же?

— Держите себя смирно, мой другъ: замѣтятъ! вы чуть не

прыгаете отъ радости. Вѣдь Марья Алексѣвна можетъ сейчасъ войти зачѣмъ нибудь.

— А самъ хорошъ! Вошелъ, сіяетъ, такъ что маменька долго смотрѣла на васъ.

— Что жь, я ей сказалъ, отчего я веселъ, я замѣтилъ, что надобно было ей сказать, я такъ и сказалъ: „я нашелъ отличное мѣсто“.

— Несносный, несносный! Вы занимаетесь предостереженіями мнѣ и до сихъ поръ ничего не сказали. Что же, говорите наконецъ.

— Нынче поутру, Кирсановъ,—вы знаете, мой другъ, фамилія моего товарища Кирсановъ...

— Знаю, несносный, несносный, знаю! говорите же скорѣе, безъ этихъ глупостей.

— Сами мѣшаете, мой другъ!

— Ахъ, Боже мой! и все замѣчанія, вмѣсто того, чтобы говорить дѣло. Я не знаю, что я съ вами сдѣлала бы—я васъ на колѣни поставлю: здѣсь нельзя,—велю вамъ стать на колѣни въ вашей квартирѣ, когда вы вернетесь домой, и чтобы вашъ Кирсановъ смотрѣлъ и прислалъ мнѣ записку, что вы стояли на колѣняхъ,—слышите, что я съ вами сдѣлаю.

— Хорошо, я буду стоять на колѣняхъ. А теперь молчу. Когда исполню наказаніе, буду прощенъ, тогда буду и говорить.

— Прощаю, только говорите, несносный.

— Благодарю васъ. Вы прощаете, Вѣра Павловна, когда сами виноваты. Сами все перебивали.

— Вѣра Павловна? Это что? А вашъ другъ гдѣ же?

— Да, это былъ выговоръ, мой другъ. Я человѣкъ обидчивый и суровый.

— Выговоръ? Вы смѣете давать мнѣ выговоры? Я не хочу васъ слушать.

— Не хотите?

— Конечно, не хочу. Что мнѣ еще слушать? Вѣдь вы ужь все сказали; что дѣло почти кончено, что завтра оно рѣшится,—видите, мой другъ, вѣдь вы сами еще ничего не знаете нынче. Что же слушать? До свиданья, мой другъ!

— Да послушайте, мой другъ... Другъ мой, послушайте же!

— Не слушаю и ухожу.—Вернулась. Говорите скорѣе, не

буду перебивать. Ахъ, Боже мой, если бъ вы знали, какъ вы меня обрадовали! Дайте вашу руку. Видите, какъ крѣпко, крѣпко жму.

— А слезы на глазахъ зачѣмъ?

— Благодарю васъ, благодарю васъ.

— Нынче поутру Кирсановъ далъ мнѣ адресъ дамы, которая назначила мнѣ завтра быть у нея. Я лично незнакомъ съ нею, но очень много слышалъ о ней отъ нашего общаго знакомаго, который и былъ посредникомъ. Мужа ея знаю я самъ,— мы видѣлись у этого моего знакомаго, много разъ. Судя по всему этому, я увѣренъ, что въ ея семействѣ можно жить. А она, когда давала адресъ моему знакомому, для передачи мнѣ, сказала, что увѣрена, что сойдется со мною въ условіяхъ. Стало быть, мой другъ, дѣло можно считать почти совершенно конченнымъ.

— Ахъ какъ это будетъ хорошо! какая радость! твердила Вѣрочка.—Но я хочу знать это скорѣе, какъ можно скорѣе. Вы отъ нея проѣдете прямо къ намъ?

— Нѣтъ, мой другъ, это возбудитъ подозрѣнія. Вѣдь я бываю у васъ только для уроковъ. Мы сдѣлаемъ вотъ что. Я пришлю по городской почтѣ письмо къ Марьѣ Алексѣвнѣ, что не могу быть на урокѣ во вторникъ и переношу его на среду. Если будетъ написано: на среду утро—значитъ, дѣло состоялось; на среду вечеръ—неудача. Но почти несомнѣнно „на утро“. Марья Алексѣвна это разскажетъ и Ѳедѣ, и вамъ, и Павлу Константинычу,

— Когда же придетъ письмо?

— Вечеромъ.

— Такъ долго! нѣтъ, у меня не достанетъ терпѣнья. И что-жь я узнаю изъ письма? Только „да“—и потомъ ждать до среды! Это мученье! Если „да“, я какъ можно скорѣе уѣду къ этой дамѣ. Я хочу знать тотчасъ же. Какъ же это сдѣлать? Я сдѣлаю вотъ что: я буду ждать васъ на улицѣ, когда вы пойдете отъ этой дамы.

— Другъ мой, да это было бы еще неосторожнѣе, чѣмъ мнѣ пріѣхать къ вамъ. Нѣтъ ужь лучше я пріѣду.

— Нѣтъ, здѣсь, можетъ быть, нельзя было-бъ и говорить. И во всякомъ случаѣ, маменька стала бы подозрѣвать. Нѣтъ,

лучше такъ, какъ я вздумала. У меня есть такой густой вуаль, что никто не узнаетъ.

— А что же, и въ самомъ дѣлѣ, кажется, это можно. Дайте подумать.

— Некогда думать. Маменька можетъ войти каждую минуту. Гдѣ живетъ эта дама?

— Въ Галерной, подлѣ моста.

— Во сколько часовъ вы будете у нея?

— Она назначила въ двѣнадцать.

— Съ двѣнадцати, я буду сидѣть на Конно-Гвардейскомъ бульварѣ, на послѣдней скамьѣ того конца, который ближе къ мосту. Я сказала, что на мнѣ будетъ густой вуаль. Но вотъ вамъ примѣта: я буду держать въ рукѣ свертокъ нотъ. Если меня еще не будетъ, значитъ, меня задержали. Но вы садитесь на эту скамью и ждите. Я могу опоздать, но буду непремѣнно. Какъ я хорошо придумала! Какъ я вамъ благодарна! Какъ я буду счастлива! Что ваша невѣста, Дмитрій Сергѣичъ? Вы ужъ разжалованы изъ друзей въ Дмитрія Сергѣича. Какъ я рада, какъ я рада!—Вѣрочка побѣжала къ фортепьно и начала играть.

— Другъ мой, какое униженье искусства! Какая порча вашего вкуса! Оперы брошены для галоповъ!

— Брошены, брошены!

Черезъ нѣсколько минутъ вошла Марья Алексѣвна. Дмитрій Сергѣевичъ поигралъ съ нею въ преферансъ въ двоемъ, сначала выигралъ, потомъ далъ отъиграться, даже проигралъ 35 копѣекъ,—это въ первый разъ снабдилъ онъ ее торжествомъ, и уходя, оставилъ ее очень довольною,—не деньгами, а собственно торжествомъ: есть чисто идеальныя радости у самыхъ погрязшихъ въ матеріализмѣ сердецъ, чѣмъ и доказываются, что матеріалистическое объясненіе жизни неудовлетворительно.

XII.

Первый сонъ Вѣрочки.

И снится Вѣрочкѣ сонъ.

Снится ей, что она заперта въ сыромъ, темномъ подвалѣ. И вдругъ, дверь растворилась, и Вѣрочка очутилась въ полѣ,

бѣгаетъ, рѣзвится, и думаетъ: „какъ же это я могла не умереть въ подвалѣ?“—„это потому, что я не видала поля; если бы я видала его, я бы умерла въ подвалѣ“,—и опять бѣгаетъ, рѣзвится. Снится ей, что она разбита параличемъ, и она думаетъ: „какъ же это я разбита параличемъ? Это бываютъ разбиты старики, старухи, а молодыя дѣвушки не бываютъ“. — „Бываютъ, часто бываютъ, говоритъ чей-то незнакомый голосъ, а ты теперь будешь здорова, вотъ только я коснусь твоей руки,—видишь, ты ужь и здорова, вставай же“. — Кто-жь это говоритъ?—А какъ стало легко!—вся болѣзнь прошла, — и Вѣрочка встала, идетъ, бѣжитъ, и опять на полѣ, и опять рѣзвится, бѣгаетъ, и опять думаетъ: „Какъ же это я могла переносить параличъ?“ — „это потому, что я родилась въ параличѣ, не знала, какъ ходятъ и бѣгаютъ: а еслибъ знала не перенесла бы“, — и бѣгаетъ, рѣзвится. А вотъ идетъ по полю дѣвушка,—какъ странно!—и лицо, и походка, все мѣняется, безпрестанно мѣняется въ ней; вотъ она англичанка, француженка, вотъ она ужь нѣмка, полячка, вотъ стала и русская, опять англичанка, опять нѣмка, опять русская,—какъ же это у ней все одно лицо? Вѣдь англичанка не похожа на француженку, нѣмка на русскую, а у ней и мѣняется лицо, и все одно лицо,—какая странная! и выраженіе лица безпрестанно мѣняется: какая кроткая! какая сердитая! вотъ, печальная, вотъ, веселая,—все мѣняется! а все добрая,—какъ же это, и когда сердитая, все добрая? но только, какая же она красавица! какъ ни мѣняется лицо, съ каждою перемѣною все лучше, все лучше. Подходитъ къ Вѣрочкѣ.—„Ты кто?“ — „Онъ прежде звалъ меня: Вѣра Павловна, а теперь зоветъ: мой другъ“.—„А, такъ это ты та Вѣрочка, которая меня полюбила?“—„Да, я васъ очень люблю. Только, кто же вы? — „Я невѣста твоего жениха“.—„Какого жениха?“—„Я не знаю. Я не знаю своихъ женіховъ. Они меня знаютъ, а мнѣ нельзя ихъ знать: у меня ихъ много. Ты кого нибудь изъ нихъ выбери себя въ женихи, только изъ нихъ, изъ моихъ женіховъ“.—„Я выбрала...“—„Имени мнѣ не нужно, я ихъ не знаю. Но только выбирай изъ нихъ, изъ моихъ женіховъ. Я хочу, чтобъ мои сестры и женихи выбирали только другъ друга. Ты была заперта въ подвалѣ? Была разбита параличомъ?“—„Была“.—„Теперь избавилась?“—„Да“.—„Это я тебя выпустила, я тебя вылечила. Помни же, что еще много не-

выпущенныхъ, много невылеченныхъ. Выпускай, лечи. Будешь?"— „Буду. Только какъ же васъ зовутъ? мнѣ такъ хочется знать".— „У меня много именъ. У меня разныя имена. Кому какъ надобно меня звать, такое имя я ему и сказываю. Ты зови меня любовью къ людямъ. Это и есть мое настоящее имя. Меня немногіе такъ зовутъ. А ты зови такъ". — И Вѣрочка идетъ по городу: вотъ подвалъ,—въ подвалѣ заперты дѣвушки. Вѣрочка притронулась къ замку,—замокъ слетѣлъ: „идите"—онѣ выходятъ. Вотъ комната,—въ комнатѣ лежатъ дѣвушки, разбитыя параличемъ: „вставайте"—онѣ встаютъ, идутъ, и всѣ онѣ опять на полѣ, бѣгаютъ, рѣзвятся,—ахъ, какъ весело! съ ними вмѣстѣ гораздо веселѣе, чѣмъ одной! Ахъ, какъ весело!

XIII.

Въ послѣднее время, Лопухову некогда было видѣться съ своими академическими знакомыми. Кирсановъ, продолжавшій видѣться съ ними, на вопросы о Лопуховѣ отвѣчалъ, что у него, между прочимъ, вотъ какая забота, и одинъ изъ нихъ общихъ пріятелей, какъ мы знаемъ, далъ ему адресъ дамы, къ которой теперь отправлялся Лопуховъ.

„Какъ отлично устроится, если это будетъ такъ, думалъ Лопуховъ, по дорогѣ къ ней:—черезъ два, много черезъ два съ половиною года, я буду имѣть каѳедру. Тогда можно будетъ жить. А пока, она проживетъ спокойно у Б., — если только Б. дѣйствительно хорошая женщина,—да въ этомъ нельзя и сомнѣваться".

Дѣйствительно, Лопуховъ нашелъ въ г-жѣ Б. женщину умную, добрую, безъ претензій, хотя по службѣ мужа, по своему состоянію, родству она могла бы имѣть большія претензіи. Ея условія были хороши, семейная обстановка для Вѣрочки очень покойна, — все оказалось отлично, какъ и ждалъ Лопуховъ. Г-жа Б. также находила удовлетворительными отвѣты Лопухова о характерѣ Вѣрочки, дѣло быстро шло на ладъ, и потолковавъ полчаса, г-жа Б. сказала, что „если ваша молоденькая тетушка будетъ согласна на мои условія, прошу ее переселяться ко мнѣ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ пріятнѣе для меня".

— Она согласна; она уполномочила меня согласиться за нее. Но теперь, когда мы рѣшили, я долженъ сказать вамъ то, о чемъ напрасно было бы говорить прежде, чѣмъ сошлись мы. Эта дѣвушка мнѣ не родственница. Она дочь чиновника, у котораго я даю уроки. Кромѣ меня, она не имѣла человѣка, которому могла бы поручить хлопоты. Но я совершенно посторонній человѣкъ ей.

— Я это знала, мсьё Лопуховъ. Вы, профессоръ N (она назвала фамилію знакомаго, черезъ котораго полученъ былъ адресъ) и вашъ товарищъ, говорившій съ нимъ о вашемъ дѣлѣ, знаете другъ друга за людей достаточно чистыхъ, чтобы вамъ можно было говорить между собою о дружбѣ одного изъ васъ съ молодою дѣвушкою, не компрометируя эту дѣвушку во мнѣніи другихъ двухъ. А N. такого же мнѣнія обо мнѣ, и зная, что я ищу гувернантку, онъ почелъ себя въ правѣ сказать мнѣ, что эта дѣвушка не родственница вамъ. Не порицайте его за нескромность,— онъ очень хорошо знаетъ меня. Я тоже честный человѣкъ, мсьё Лопуховъ, и повѣрьте, я понимаю, кого можно уважать. Я вѣрю N. столько же, какъ сама себѣ, а N. вамъ столько же, какъ самъ себѣ. Но N. не зналъ ея имени, теперь, кажется, я могу уже спросить его, вѣдь мы кончили, и нынче-завтра она войдетъ въ наше семейство.

— Ее зовутъ Вѣра Павловна Розальская.

— Теперь, еще объясненіе съ моей стороны. Вамъ можетъ казаться страннымъ, что я, при своей заботливости о дѣтяхъ, рѣшилась кончить дѣло съ вами, не видѣвъ ту, которая будетъ имѣть такое близкое отношеніе къ моимъ дѣтямъ. Но я очень, очень хорошо знаю, изъ какихъ людей состоитъ вашъ кружокъ. Я знаю, что если одинъ изъ васъ принимаетъ такое дружеское участіе въ человѣкѣ, то этотъ человѣкъ долженъ быть рѣдкой находкой для матери, желающей видѣть свою дочь дѣйствительно хорошимъ человѣкомъ. Потому осмотръ мнѣ казался совершенно излишнею неделикатностью. Я говорю комплиментъ не вамъ, а себѣ.

— Я очень радъ теперь за m-lle Розальскую. Ея домашняя жизнь была такъ тяжела, что она чувствовала бы себя очень счастливою во всякомъ сносномъ семействѣ. Но я не мечталъ,

чтобы нашлась для нея такая дѣйствительно хорошая жизнь, какую она будетъ имѣть у васъ.

— Да, N. говорилъ мнѣ, что ей было дурно жить въ семействѣ.

— Очень дурно.—Лопуховъ сталъ разсказывать то, что нужно было знать г-жѣ Б., чтобы въ разговорахъ съ Вѣрою избѣгать предметовъ, которые напоминали бы дѣвушкѣ ея прошлыя непріятности. Г-жа Б. слушала съ участіемъ, наконецъ пожала руку Лопухову:—Нѣтъ, довольно, мсьё Лопуховъ, или я расчувствуюсь, а въ мои лѣта,—вѣдь мнѣ подъ 40,—было бы смѣшно показать, что я до сихъ поръ не могу равнодушно слушать о семейномъ тиранствѣ, отъ котораго сама терпѣла въ молодости.

— Позвольте же сказать еще только одно; это такъ неважно для васъ, что, можетъ быть, и не было бы надобности говорить. Но все-таки, лучше предупредить. Теперь она бѣжитъ отъ жениха, котораго ей навязываетъ мать.

Г-жа Б. задумалась. Лопуховъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на нее и тоже задумался.

— Если не ошибаюсь, это обстоятельство не кажется для васъ такимъ маловажнымъ, какимъ представлялось мнѣ?

Г-жа Б. казалась совершенно разстроенною.

— Простите меня,—продолжалъ онъ, видя, что она совершенно растерялась:—простите меня, но я вижу, что это васъ затрудняетъ.

— Да, это дѣло очень серьёзное, мсье Лопуховъ. Уѣхать изъ дома противъ воли родныхъ,—это, конечно, уже значитъ вызывать сильную ссору. Но это, какъ я вамъ говорила, было бы еще ничего. Если бы она бѣжала только отъ грубости и тиранства ихъ, съ ними было бы можно уладить такъ или иначе,—въ крайнемъ случаѣ, нѣсколько лишнихъ денегъ, и они удовлетворены. Это ничего. Но... такая мать навязываетъ ей жениха; значитъ, женихъ богатый, очень выгодный.

— Конечно,—сказалъ Лопуховъ совершенно унылымъ тономъ.

— Конечно, мсье Лопуховъ, конечно, богатый; вотъ это-то меня и смутило. Вѣдь въ такомъ случаѣ, мать не можетъ быть примирена ничѣмъ. А вы знаете права родителей! Въ этомъ случаѣ они воспользуются ими вполнѣ. Они начнутъ процессъ и поведутъ его до конца.

Лопуховъ всталъ.

— И такъ, мнѣ остается просить васъ, чтобы то, что было говорено мною, было забыто вами.

— Нѣтъ, останьтесь. Дайте же мнѣ хоть сколько нибудь оправдаться передъ вами. Боже мой, какъ дурна должна я казаться въ вашихъ глазахъ! То, что должно заставлять каждаго порядочнаго человѣка сочувствовать, защищать,—это самое останавливаетъ меня. О, какіе мы жалкіе люди!

На нее, въ самомъ дѣлѣ, было жалко смотрѣть: она не прикидывалась. Ей было, въ самомъ дѣлѣ, больно. Довольно долго ея слова были безсвязны,—такъ она была сконфужена за себя; потомъ, мысли ея пришли въ порядокъ, но и безсвязныя, и въ порядкѣ, онѣ уже не говорили Лопухову ничего новаго. Да и самъ онъ былъ тоже разстроенъ. Онъ былъ такъ занятъ открытіемъ, которое она сдѣлала ему, что не могъ заниматься ея объясненіями по случаю этого открытія. Давши ей наговориться въ волю, онъ сказалъ:

— Все, что вы говорили въ свое извиненіе, было напрасно. Я обязанъ былъ оставаться, чтобы не быть грубымъ, не заставить васъ подумать, что я виню или сержусь. Но, признаюсь вамъ, я не слушалъ васъ. О, если-бъ я не зналъ, что вы правы. Да, какъ это было бы хорошо, если-бъ вы не были правы. Я сказалъ бы ей, что мы не сошлись въ условіяхъ, или что вы не понравились мнѣ! — и только, и мы съ нею стали бы надѣяться встрѣтить другой случай избавленія. А теперь, что я ей скажу?

Г-жа Б. плакала.

— Что я ей скажу?—повторялъ Лопуховъ, сходя съ лѣстницы. — Какъ же это ей быть? Какъ же это ей быть?—думалъ онъ, выходя изъ Галерной въ улицу, которая ведетъ на Конно-Гвардейскій бульваръ.

Разумѣется, г-жа Б. не была права въ томъ безусловномъ смыслѣ, въ какомъ правы люди, доказывающіе ребятишкамъ, что мѣсяца нельзя достать рукою. При ея положеніи въ обществѣ, при довольно важныхъ должностныхъ связяхъ ея мужа, очень вѣроятно, даже несомнѣнно, что если бы она ужь непремѣнно захотѣла, чтобы Вѣрочка жила у нея, то Марья Алексѣвна не могла бы ни вырвать Вѣрочку изъ ея рукъ, ни сдѣлать серьёзныхъ непріятностей ни ей, ни ея мужу, который былъ бы оффи-

ціальнымъ отвѣтчикомъ по процессу, и за котораго она боялась. Но все-таки, г-жѣ Б. пришлось бы имѣть довольно хлопотъ, быть можетъ и нѣкоторые непріятные разговоры; надобно было бы одолжаться по чужому дѣлу людьми, услуги которыхъ лучше приберечь для своихъ дѣлъ. Кто обязанъ и какой благоразумный человѣкъ захочетъ поступать не такъ, какъ г-жа Б.? Мы нисколько не въ правѣ осуждать ее; да и Лопуховъ не былъ неправъ, отчаявшись за избавленіе Вѣрочки.

XIV.

А Вѣрочка давно, давно сидѣла на условленной скамьѣ, и сколько разъ начинало быстро, быстро биться ея сердце, когда изъ-за угла показывалась военная фуражка.—Наконецъ то! онъ! другъ!—Она вскочила, побѣжала навстрѣчу.

Быть можетъ, онъ и прибодрился бы, подходя къ скамьѣ, но застигнутый врасплохъ, раньше чѣмъ ждалъ показать ей свою фигуру, онъ былъ застигнутъ съ пасмурнымъ лицомъ.

— Неудача?

— Неудача, мой другъ.

— Да вѣдь это было такъ вѣрно? Какъ же неудача? Отчего же, мой другъ?

— Пойдемте домой, мой другъ, я васъ провожу. Поговоримъ. Я черезъ нѣсколько минутъ скажу, въ чемъ неудача. А теперь, дайте подуматъ. Я все еще не собрался съ мыслями. Надобно придумать что нибудь новое. Не будемъ унывать, придумаемъ. — Онъ уже прибодрился на послѣднихъ словахъ, но очень плохо.

— Скажите сейчасъ, вѣдь ждать невыносимо. Вы говорите: придумать что нибудь новое—значитъ, то, что мы прежде придумали, вовсе не годится? Мнѣ нельзя быть гувернанткою? Бѣдная я, несчастная я!

— Что васъ обманывать? Да, нельзя. Я это хотѣлъ сказать вамъ. Но — терпѣніе, терпѣніе, мой другъ! Будьте тверды! Кто твердъ, добьется удачи.

— Ахъ, мой другъ, я тверда, на какъ тяжело.

Они шли нѣсколько минутъ молча.—Что это? да, она что-то несетъ въ рукѣ подъ пальто.

— Другъ мой, вы несете что-то,—дайте, я возьму.

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно. Это не тяжело. Ничего.

Опять идутъ молча. Долго идутъ.

— А вѣдь я до двухъ часовъ не спала отъ радости, мой другъ. А когда я уснула, какой сонъ видѣла! Будто я освобождаюсь изъ душнаго подвала, будто я была въ параличѣ и выздоровѣла, и выбѣжала въ поле, и со мной выбѣжало много подругъ, тоже, какъ я, вырвавшихся изъ подваловъ, выздоровѣвшихъ отъ паралича, и намъ было такъ весело, такъ весело бѣгать по просторному полю! Не сбылся сонъ! А я думала, что ужь не ворочусь домой.

— Другъ мой, дайте же, я возьму вашъ узелокъ, вѣдь теперь онъ ужь не секретъ.

Опять идутъ молча. Долго идутъ и молчатъ.

— Другъ мой, видите, до чего мы договорились съ этою дамой: вамъ нельзя уйти изъ дому безъ воли Марьи Алексѣвны. Это нельзя — нѣтъ, нѣтъ, пойдемъ подъ руку, а то я боюсь за васъ.

— Нѣтъ, ничего, только мнѣ душно подъ этимъ вуалемъ.

Она отбросила вуаль.—Теперь ничего, хорошо.

— („Какъ блѣдна!“) Нѣтъ, мой другъ, вы не думайте того, что я сказалъ. Я не такъ сказалъ. Все устроимъ какъ нибудь.

— Какъ устроимъ, мой милый? это вы говорите, чтобы утѣшить меня. Ничего нельзя сдѣлать.

Онъ молчитъ. Опять идутъ молча.

— („Какъ блѣдна! какъ блѣдна!“) Мой другъ, есть одно средство.

— Какое, мой милый?

— Я вамъ скажу, мой другъ, но только когда вы нѣсколько успокоитесь. Объ этомъ надобно будетъ вамъ разсудить хладнокровно.

— Говорите сейчасъ! Я не успокоюсь, пока не услышу.

— Нѣтъ; теперь вы слишкомъ взволнованы, мой другъ. Теперь вы не можете принимать важныхъ рѣшеній. Черезъ нѣсколько времени. Скоро. Вотъ подъѣздъ. До свиданья, мой другъ

Какъ только увижу, что вы будете отвѣчать хладнокровно, я вамъ скажу.

— Когда же?

— Послѣ завтра на урокѣ.

— Слишкомъ долго!

— Нарочно буду завтра.

— Нѣтъ, скорѣе!

— Нынче вечеромъ.

— Нѣтъ, я васъ не отпущу. Идите со мною. Я не спокойна, вы говорите; я не могу судить, вы говорите,—хорошо, обѣдайте у насъ. Вы увидите, что я буду спокойна. Послѣ обѣда маменька спитъ, и мы можемъ говорить.

— Но какъ же я войду къ вамъ? Если мы войдемъ вмѣстѣ, ваша маменька будетъ опять подозрѣвать.

— Подозрѣвать!—Что мнѣ! Нѣтъ, мой другъ, и для этого вамъ лучше ужь войти. Вѣдь я шла съ поднятымъ вуалемъ, насъ могли видѣть.

— Ваша правда.

XV.

Марья Алексѣвна очень удивилась, увидѣвъ дочь и Лопухова входящими вмѣстѣ. Самыми пристальными глазами принялась она всматриваться въ нихъ.

— Я зашелъ къ вамъ, Марья Алексѣвна, сказать, что послѣ завтра вечеръ у меня занятъ, и я вмѣсто того приду на урокъ завтра. Позвольте мнѣ сѣсть. Я очень усталъ и разстроенъ. Мнѣ хочется отдохнуть.

— Въ самомъ дѣлѣ, что съ вами, Дмитрій Сергѣичъ! Вы ужасно пасмурны.

Съ амурныхъ дѣлъ они, или такъ встрѣтились? Какъ бы съ амурныхъ дѣлъ, онъ бы былъ веселый. А ежели бы въ амурныхъ дѣлахъ они поссорились, по ея несоотвѣтствію на его желаніе, тогда бы, точно, онъ былъ сердитый, только тогда они вѣдь поссорились бы,—не сталъ бы онъ ее провожать. И опять, она прошла прямо въ свою комнату, и на него не поглядѣла, а ссоры незамѣтно,—нѣтъ, видно, такъ встрѣтились. А чортъ ихъ знаетъ, надо глядѣть въ оба.

— Я-то ничего особеннаго, Марья Алексѣвна, а вотъ Вѣра Павловна какъ будто блѣдна, — или мнѣ такъ показалось?

— Вѣрочка-то? Съ ней бываетъ.

— А можетъ быть, мнѣ только такъ показалось. У меня, признаюсь вамъ, отъ всѣхъ мыслей голова кругомъ идетъ.

— Да что же такое, Дмитрій Сергѣичъ? Ужь не съ невѣстой ли какая размолвка?

— Нѣтъ, Марья Алексѣвна, невѣстой я доволенъ. А вотъ съ родными хочу ссориться.

— Что это вы, батюшка? Дмитрій Сергѣичъ, какъ это можно съ родными ссориться? Я объ васъ, батюшка, не такъ думала.

— Да нельзя, Марья Алексѣвна, такое семейство-то. Требуютъ отъ человѣка Богъ знаетъ чего, чего онъ не въ силахъ сдѣлать.

— Это другое дѣло, Дмитрій Сергѣичъ,—всѣхъ не наградишь, надо мѣру знать, это точно. Ежели такъ, то есть по деньгамъ ссора, не могу васъ осуждать.

— Позвольте мнѣ быть невѣждою, Марья Алексѣвна: я такъ разстроенъ, что надобно мнѣ отдохнуть въ пріятномъ и уважаемомъ мною обществѣ; а такого общества я нигдѣ не нахожу, кромѣ какъ въ вашемъ домѣ. Позвольте мнѣ напроситься обѣдать у васъ нынче и позвольте сдѣлать нѣкоторыя порученія вашей Матренѣ. Кажется, тутъ есть недалеко погребъ Денкера, у него вино не Богъ знаетъ какое, но хорошее.

Лицо Марьи Алексѣвны, сильно разъярившееся при первомъ словѣ про обѣдъ, сложило съ себя рѣшительный гнѣвъ при упоминаніи о Матренѣ и приняло выжидающій видъ:—„посмотримъ, голубчикъ, что-то приложишь отъ себя къ обѣду?—у Денкера,—видно, что нибудь хорошее!“ Но голубчикъ, вовсе не смотря на ея лицо, уже вынулъ портъ-сигаръ, оторвалъ клочекъ бумаги отъ завалявшагося въ немъ письма, вынулъ карандашъ, и писалъ.

— Если смѣю спросить, Марья Алексѣвна, вы какое вино кушаете?

— Я, батюшка Дмитрій Сергѣичъ, признаться вамъ сказать, мало знаю толку въ винѣ, почти что и не пью: не женское дѣло.

„Оно и по рожѣ съ перваго взгляда было видно, что не

пьешь".—Конечно, такъ, Марья Алексѣвна, но мараскинъ пьютъ даже дѣвицы. Мнѣ позвольте написать?

— Это, что такое, Дмитрій Сергѣичъ?

— Просто, не вино даже, можно сказать, а сиропъ. — Онъ вынулъ красненькую бумажку. — Кажется, будетъ довольно? — онъ повелъ глазами по запискѣ — на всякій случай, дамъ еще 5 рублей.

Доходъ за три недѣли, содержаніе на мѣсяцъ. Но нельзя иначе, надо хорошую взятку Марьѣ Алексѣвнѣ.

У Марьи Алексѣвны глаза покрылись влагою, и лицомъ неудержимо овладѣла сладостнѣйшая улыбка.

— У васъ есть и кондитерская недалеко? Не знаю, найдется ли готовый пирогъ изъ грецкихъ орѣховъ,—на мой вкусъ, это самый лучшій пирогъ, Марья Алексѣвна; но если нѣтъ такого,— какой есть, не взыщите.

Онъ отправился въ кухню и послалъ Матрену дѣлать покупки.

— Кутнемъ нынче, Марья Алексѣвна. Хочу пропить ссору съ родными. Почему не кутнуть, Марья Алексѣвна? Дѣло съ невѣстой на ладъ идетъ. Тогда не такъ заживемъ, — весело заживемъ,—правда, Марья Алексѣвна?

— Правда, батюшка, Дмитрій Сергѣичъ. То-то, я смотрю, что-то ужь вы деньгами-то больно сорите, чего я отъ васъ не ждала, какъ отъ человѣка основательнаго. Видно, отъ невѣсты задаточекъ получили?.

— Задаточка не получилъ, Марья Алексѣвна, а если деньги завелись, то кутнуть можно. Что задаточекъ? Тутъ не въ задаточкѣ дѣло. Что задаточками-то пробавляться? Дѣло надо на чистоту вести, а то еще подозрѣнье будетъ. Да и не благородно, Марья Алексѣвна.

— Не благородно, Дмитрій Сергѣичъ, точно, не благородно. По моему, надо во всемъ благородство соблюдать.

— Правда ваша, Марья Алексѣвна.

Съ полчаса, или съ три четверти часа, остававшіеся до обѣда, шелъ самый любезный разговоръ въ этомъ родѣ о всякихъ благородныхъ предметахъ. Тутъ Дмитрій Сергѣичъ, между прочимъ, высказалъ въ порывѣ откровенности, что его женитьба сильно приблизилась въ это время. — А какъ свадьба Вѣры

Павловны? — Марья Алексѣвна ничего не можетъ сказать, потому что не принуждаетъ дочь.—Конечно; но по его замѣчанію, Вѣра Павловна скоро рѣшится на замужество; она ему ничего не говорила, только вѣдь у него глаза-то есть. — Вѣдь мы съ вами, Марья Алексѣвна, старые воробьи, насъ на мякинѣ не проведешь. Мнѣ хоть лѣтъ не много, а я тоже старый воробей, тертый калачъ, такъ ли, Марья Алексѣвна? — Такъ, батюшка, тертый калачъ, тертый калачъ!—Словомъ сказать, пріятная бесѣда по душѣ съ Марьею Алексѣвною такъ оживила Дмитрія Сергѣича, что куда дѣвалась его грусть! онъ былъ такой веселый, какимъ его Марья Алексѣвна еще никогда не видывала.— Тонкая бестія, шельма этакій! схапалъ у невѣсты ужь не одну тысячу,—а родные-то провѣдали, что онъ карманъ-то понабилъ, да и приступили; а онъ имъ: нѣтъ, батюшка и матушка, какъ сынъ, я васъ готовъ уважать, а денегъ у меня для васъ нѣтъ. Экая шельма-то какая! — Пріятно бесѣдовать съ такимъ человѣкомъ, особенно, когда, услышавъ, что Матрена вернулась, сбѣгаешь на кухню, сказавъ, что идешь въ свою спальную за носовымъ платкомъ, и увидишь, что вина куплено на 12 р. 50 коп.,— вѣдь только третью долю выпьемъ за обѣдомъ, — и кондитерскій пирогъ въ 1 р. 50 коп., — ну, это можно сказать, брошенныя деньги, на пирогъ-то! но все же останется и пирогъ: можно будетъ кумамъ подать вмѣсто варенья, все же не въ убытокъ, а въ сбереженье.

XVI.

А Вѣрочка сидитъ въ своей комнатѣ.

„Хорошо ли я сдѣлала, что заставила его зайти? Маменька смотрѣла такъ пристально.

„И въ какое трудное положеніе поставила я его! Какъ остаться обѣдать?

„Боже мой, что со мной, бѣдной, будетъ?

„Есть одно средство, говоритъ онъ,—нѣтъ, мой милый, нѣтъ, никакого средства!

„Нѣтъ, есть средство, — вотъ оно: окно. Когда будетъ уже слишкомъ тяжело, брошусь изъ него.

„Какая я смѣшная: „когда будетъ слишкомъ тяжело“ — а теперь-то?

„А когда бросишься въ окно, какъ быстро, быстро полетишь, — будто не падаешь, а въ самомъ дѣлѣ летишь, — это должно быть очень пріятно. Только потомъ ударишься о тротуаръ—ахъ, какъ жостко! и больно? нѣтъ я думаю, боли не успѣешь почувствовать, — а только очень жостко! Да вѣдь это одинъ, самый коротенькій мигъ; а за то передъ этимъ—воздухъ будто самая мягкая перина, — разступается такъ легко, нѣжно... Нѣтъ, это хорошо...

„Да, а потомъ? Будутъ всѣ смотрѣть—голова разбитая, лицо разбитое, въ крови, въ грязи... Нѣтъ, если-бы можно было на это мѣсто посыпать чистаго песку,—здѣсь и песокъ-то все грязный... нѣтъ, самаго бѣлаго, самаго чистаго... вотъ бы хорошо было. И лицо бы осталось не разбитое, чистое, не пугало бы никого.

„А въ Парижѣ бѣдныя дѣвушки задушаются чадомъ. Вотъ это хорошо; это очень, очень хорошо. А бросаться изъ окна не хорошо. А это хорошо.

„Какъ они тамъ громко говорятъ. Что они говорятъ?—Нѣтъ, ничего не слышно.

„И я бы оставила ему записку, въ которой бы все написала. Вѣдь я ему тогда сказала: „нынче день моего рожденія“. Какая смѣлая тогда я была. Какъ это я была такая? Да вѣдь я тогда была глупенькая, вѣдь я тогда не понимала.

„Да, какія умныя въ Парижѣ бѣдныя дѣвушки! А что же, развѣ я не буду умной? Вотъ, какъ смѣшно будетъ: входятъ въ комнату — ничего не видно, только угарно, и воздухъ зеленый; испугались: что такое? гдѣ Вѣрочка? маменька кричитъ на папеньку: что ты стоишь, выбей окно! — выбили окно, и видятъ: я сижу у туалета, и опустила голову на туалетъ, а лицо закрыла руками. — „Вѣрочка, ты угорѣла?“ — а я молчу. — „Вѣрочка, что ты молчишь?“ — „Ахъ, да она удушилась!“—Начинаютъ кричать, плакать. Ахъ, какъ это будетъ смѣшно, что они будутъ плакать, и маменька станетъ разсказывать, какъ она меня любила.

„Да, а вѣдь онъ будетъ жалѣть. — Что-жь, я ему оставлю записку.

„Да, посмотрю, посмотрю, да и сдѣлаю, какъ бѣдныя парижскія дѣвушки. Вѣдь если я скажу, такъ сдѣлаю. Я не боюсь.

„Да и чего тутъ бояться? вѣдь это такъ хорошо! Только вотъ подожду, какое это средство, про которое онъ говоритъ. Да нѣтъ, никакого нѣтъ. Это только такъ, онъ успокоивалъ меня.

„Зачѣмъ это люди успокоиваютъ? Вовсе не нужно успокоивать. Развѣ можно успокоивать, когда нельзя помочь? Вѣдь вотъ онъ умный, а тоже такъ сдѣлалъ. Зачѣмъ это онъ сдѣлалъ? Это не нужно.

„Что-жь это онъ такъ говоритъ? Будто ему весело, такой веселый голосъ!

„Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ придумалъ средство?

„Да нѣтъ, средства никакого нѣтъ.

„А еслибъ онъ не придумалъ, развѣ бы онъ былъ веселый?

„Что-жь это онъ придумалъ?“

XVII.

— Вѣрочка, иди обѣдать! крикнула Марья Алексѣвна.

Въ самомъ дѣлѣ, Павелъ Константинычъ возвратился, пирогъ давно готовъ, — не кондитерскій, а у Матрены, съ начинкою изъ говядины отъ вчерашняго супа.

— Марья Алексѣвна, вы не пробовали никогда передъ обѣдомъ рюмку водки? Это очень полезно, особенно вотъ этой, горькой померанцовой. Я вамъ говорю, какъ медикъ. Пожалуйста, попробуйте. Нѣтъ, нѣтъ, непремѣнно попробуйте. Я какъ медикъ предписываю попробовать.

— Развѣ только медика надобно слушать, и то полъ-рюмочки.

— Нѣтъ, Марья Алексѣвна, полъ-рюмочки не принесетъ пользы.

— А сами-то что-же, Дмитрій Сергѣичъ?

— Старъ сталъ, остепенился, Марья Алексѣвна. Зарокъ далъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, согрѣваетъ какъ будто бы!

— Въ томъ и польза, Марья Алексѣвна, что согрѣваетъ.

(„Какой онъ веселый, въ самомъ дѣлѣ! Неужели въ самомъ дѣлѣ есть средство? И какъ это онъ съ нею такъ подружился?— А на меня и не смотритъ,—ахъ, какой хитрый!“).

Сѣли за столъ.

— А вотъ мы съ Павломъ Константинычемъ этого выпьемъ, такъ выпьемъ. Эль—это все равно, что пиво,—не больше, какъ пиво. Попробуйте, Марья Алексѣвна.

— Если вы говорите, что пиво, позвольте, — пива почему не выпить!

(„Господи, сколько бутылокъ! Ахъ, какая я глупенькая! Такъ вотъ она, дружба-то!“).

(„Экая шельма какой! Самъ-то не пьетъ. Только губы приложилъ къ своей ели-то. А славная эта ель, — и будто кваскомъ припахиваетъ, и сила есть, хорошая сила есть. Когда Мишку съ нею окручу, водку брошу, все эту ель стану пить. — Ну, этотъ ума не пропьетъ! Хоть бы приложился, каналья! Ну, да мнѣ же лучше. А поди, чай, ежели бы захотѣлъ пить, здоровъ пить“). Да вы бы сами выкушали хоть что-нибудь, Дмитрій Сергѣичъ.

— Э, на моемъ вѣку много выпито, Марья Алексѣвна,— въ запасъ выпито, надолго станетъ! Не было дѣла, не было денегъ — пилъ; есть дѣло, есть деньги — не нужно вина, и безъ него весело.

И такимъ образомъ идетъ весь обѣдъ. Подаютъ кондитерскій пирогъ.

— Милая Матрена Степановна, а что къ этому слѣдуетъ?

— Сейчасъ, Дмитрій Сергѣичъ, сейчасъ. — Матрена возвращается съ бутылкою шампанскаго.

— Вѣра Павловна, вы не пили, и я не пилъ. Теперь выпьемъ и мы. Здоровье моей невѣсты и вашего жениха!

„Что это?“—„Неужели это?“ думаетъ Вѣрочка.

— Дай Богъ вашей невѣстѣ и Вѣрочкину жениху счастья, говоритъ Марья Алексѣвна:—а намъ, старикамъ, дай Богъ поскорѣе Вѣрочкиной свадьбы дождаться.

— Ничего, скоро дождетесь Марья Алексѣвна. Да, Вѣра Павловна? Да!

„Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ это говоритъ?“ — думаетъ Вѣрочка.

— Да, Вѣра Павловна, разумѣется, да. Говорите же „да“.

— Да, говоритъ Вѣрочка.

— Такъ, Вѣра Павловна, что понапрасну маменьку вводить въ сомнѣніе. „Да“, и только. Такъ теперь надобно второй тостъ. За скорую свадьбу Вѣры Павловны! Пейте, Вѣра Павловна! ничего, хорошо будетъ. Чокнемтесь. За вашу скорую свадьбу!

Чокаются.

— Дай Богъ, дай Богъ! Благодарю тебя, Вѣрочка, утѣшаешь ты меня, Вѣрочка, на старости лѣтъ! говоритъ Марья Алексѣвна и утираетъ слезы. Англійская ель и мараскинъ привели ее въ чувствительное настроеніе духа.

— Дай Богъ, дай Богъ, повторяетъ Павелъ Константинычъ.

— Какъ мы довольны вами, Дмитрій Сергѣичъ, говоритъ Марья Алексѣвна по окончаніи обѣда: — ужь какъ довольны! у насъ же да насъ же угостили; — вотъ ужь можно сказать, праздникъ сдѣлали!—Глаза ея смотрятъ уже болѣе пріятно, нежели бодро.

Не все-то такъ хитро дѣлается, какъ хитро выходитъ. Лопуховъ не разсчитывалъ на этотъ результатъ, когда покупалъ вино: онъ хотѣлъ только дать взятку Марьѣ Алексѣвнѣ, чтобъ не потерять ея благосклонности, назвавшись на обѣдъ. Станетъ ли она напиваться при постороннемъ человѣкѣ, которому хоть и сочувствуетъ во всемъ, но не довѣряетъ, потому что кому же она можетъ довѣрять?—Да и сама она не ждала отъ себя такого быстраго образа дѣйствій: она располагала отложить основательное наслажденіе до послѣ-чаю. Но слабъ каждый человѣкъ. Противъ водки и другихъ знакомыхъ вкусовъ она устояла бы, но эль и тому подобныя прелести соблазнили ея неопытность.

Обѣдъ вышелъ совершенно парадный и барскій, и потому Марья Алексѣвна распорядилась, чтобы Матрена поставила самоваръ, какъ слѣдуетъ послѣ барскаго обѣда. Но этою деликатностью воспользовались только она, да Лопуховъ. Вѣрочка сказала, что не хочетъ чаю, и ушла въ свою комнату. Павелъ Константинычъ, человѣкъ необразованный, тотчасъ послѣ послѣдняго блюда пошелъ прилечь, какъ всегда. Дмитрій Сергѣичъ пилъ медленно; выпивъ чашку, спросилъ другую. Тутъ Марья Алексѣвна уже изнемогла, извинилась тѣмъ, что чувствуетъ себя нехорошо съ самаго утра,—гость просилъ не церемониться,

и остался одинъ. Выпилъ вторую чашку, выпилъ третью, и задремалъ въ креслахъ, должно быть, тоже нализался, какъ нашето золото, по разсужденію Матрены. А золото уже храпѣло; должно быть, этотъ храпъ и разбудилъ Дмитрія Сергѣича, когда Матрена окончательно ушла въ кухню, убравъ самоваръ и чашки.

XVIII.

— Простите меня, Вѣра Павловна, сказалъ Лопуховъ, входя въ ея комнату, — какъ тихо онъ говоритъ, и голосъ дрожитъ, а за обѣдомъ кричалъ, — и не „другъ мой", а „Вѣра Павловна":—простите меня, что я былъ дерзокъ. Вы знаете, что я говорилъ: да, жену и мужа не могутъ разлучить. Тогда вы свободны.

— Милый мой! ты видѣлъ, я плакала, когда ты вошелъ, — это отъ радости.

Онъ взялъ и поцаловалъ ея руку.

— Милый мой, ты видѣлъ, я плакала, когда ты вошелъ, — это отъ радости.

Лопуховъ поцаловалъ ея руку, и много разъ поцаловалъ ея руку.

— Вотъ, мой милый, ты меня выпускаешь на волю изъ подвала: какой ты умный и добрый. Какъ ты это вздумалъ?

— Да какъ танцовали мы съ тобою тогда, такъ и вздумалъ.

— Милый мой, и я тогда же подумала, что ты добрый. Выпускаешь меня на волю, мой милый. Теперь, я готова терпѣть; теперь, я знаю, что уйду изъ подвала, теперь, мнѣ будетъ не такъ душно въ немъ, теперь вѣдь я ужь знаю, что выйду изъ него. А какъ же я уйду изъ него, мой милый?

— А вотъ какъ, Вѣрочка. Теперь, ужь конецъ апрѣля. Въ началѣ іюля, кончатся мои работы по Академіи, — ихъ надо кончить, чтобы можно было намъ жить. Тогда ты и уйдешь изъ подвала. Только мѣсяца три потерпи еще, даже меньше. Ты уйдешь. Я получу должность врача. Жалованье небольшое; но такъ и быть, буду имѣть нѣсколько практики, — насколько будетъ необходимо,—и будемъ жить.

— Ахъ, мой милый, намъ будетъ очень, очень мало нужно.

Но только я не хочу такъ: я не хочу жить на твои деньги. Вѣдь я и теперь имѣю уроки. Я ихъ потеряю тогда — вѣдь маменька всѣмъ разскажетъ, что я злодѣйка. Но найдутся другіе уроки. Я стану жить. Да, вѣдь такъ надобно? Вѣдь мнѣ не должно жить на твои деньги?

— Кто это тебѣ сказалъ, мой милый другъ, Вѣрочка?

— Ахъ, еще спрашиваетъ, кто сказалъ. Да не ты ли самъ толковалъ все объ этомъ? А въ твоихъ книгахъ? въ нихъ цѣлая половина объ этомъ написана.

— Въ книгахъ? Я говорилъ тебѣ это? Да когда же, Вѣрочка?

— Ахъ, когда! А кто говорилъ, что все основано на деньгахъ? Кто это говорилъ, Дмитрій Сергѣичъ?

— Ну, такъ что же?

— А ты думаешь, я ужь такая глупенькая, что не могу, какъ выражаются ваши книги, вывесть заключеніе изъ посылокъ?

— Да какое же заключеніе? Ты, Богъ знаетъ, что говоришь, мой милый другъ, Вѣрочка.

— Ахъ, хитрецъ! онъ хочетъ быть деспотомъ, хочетъ, чтобъ я была его рабой! нѣтъ-съ, этого не будетъ, Дмитрій Сергѣичъ,— понимаете?

— Да ты скажи, я и пойму.

— Все основано на деньгахъ, говорите вы, Дмитрій Сергѣичъ; у кого деньги, у того власть и право, говорятъ ваши книги; значитъ, пока женщина живетъ на счетъ мужчины, она въ зависимости отъ него, — такъ-съ, Дмитрій Сергѣичъ? Вы полагали, что я этого не понимаю, что я буду вашей рабой,—нѣтъ, Дмитрій Сергѣичъ, я не дозволю вамъ быть деспотомъ надо мною; вы хотите быть добрымъ, благодѣтельнымъ деспотомъ, а я этого не хочу, Дмитрій Сергѣичъ! Ну, мой миленькій, а еще какъ мы будемъ жить? Ты будешь рѣзать руки и ноги людямъ, поить ихъ гадкими микстурами, а я буду давать уроки на фортепьяно. А еще какъ мы будемъ жить?

— Такъ, такъ, Вѣрочка. Всякій пусть охраняетъ свою независимость всѣми силами отъ всякаго, какъ бы ни любилъ его, какъ бы ни вѣрилъ ему. Удастся тебѣ то, что ты говоришь, или нѣтъ, не знаю, но это почти все равно: кто рѣшился на это, тотъ уже почти оградилъ себя; онъ уже чувствуетъ, что можетъ

обойтись самъ собою, отказаться отъ чужой опоры, если нужно, и этого чувства уже почти довольно. А вѣдь какіе мы смѣшные люди, Вѣрочка! ты говоришь „не хочу жить на твой счетъ", а я тебя хвалю за это. Кто же такъ говоритъ, Вѣрочка?

— Смѣшные, такъ смѣшные, мой миленькій, — что намъ за дѣло? Мы станемъ жить по своему, какъ намъ лучше. Какъ же мы будемъ жить еще, мой миленькій?

— Вѣра Павловна, я вамъ предложилъ свои мысли объ одной сторонѣ нашей жизни,—вы изволили совершенно ниспровергнуть ихъ вашимъ планомъ, назвали меня тиранномъ, поработителемъ,—извольте-же придумывать сами, какъ будутъ устроены другія стороны нашихъ отношеній! я считаю напраснымъ предлагать свои соображенія, чтобъ они были точно такъ же изломаны вами. Другъ мой, Вѣрчка, да ты сама скажи, какъ ты думаешь жить; навѣрное, мнѣ останется только сказать: моя милая! какъ она умно думаетъ обо всемъ!

— Это что? вы изволите говорить комплименты? Вы хотите быть любезнымъ? Но я слишкомъ хорошо знаю: льстятъ затѣмъ, чтобы господствовать подъ видомъ покорности. Прошу васъ впередъ говорить проще! Милый мой, ты захвалишь меня! мнѣ стыдно, мой милый,— нѣтъ, не хвали меня, чтобъ я не стала слишкомъ горда.

— Хорошо, Вѣра Павловна, я начну говорить вамъ грубости, если вамъ это пріятнѣе. Въ вашей натурѣ, Вѣра Павловна, такъ мало женственности, что, вѣрятно, вы выскажете совершенно мужскія мысли.

— Ахъ мой милый, скажи: что это значитъ эта „женственность?" я понимаю, что женщина говоритъ контръ-альтомъ, мужчина—баритономъ, такъ что-жъ изъ этого? Стоитъ ли толковать изъ-за того, чтобъ мы говорили контръ-альтомъ? стоитъ ли упрашивать насъ объ этомъ? Зачѣмъ же всѣ такъ толкуютъ намъ, чтобы мы оставались женственны? Вѣдь это глупость, мой милый?

— Глупость, Вѣрочка, и очень большая пошлость.

— Такъ я, мой милый, ужь и не буду заботиться о женственности: извольте, Дмитрій Сергѣичъ, я буду говорить вамъ совершенно мужскія мысли о томъ, какъ мы будемъ жить. Мы будемъ друзьями. Только я хочу быть первымъ твоимъ другомъ.

я ихъ вычиталъ. А вѣдь до вашихъ рукъ эти книги не доходятъ. Въ тѣхъ, которыя я тебѣ давалъ, такихъ частностей не было. Слышать?—не отъ кого было. Вѣдь едва ли не перваго меня ты встрѣтила изъ порядочныхъ людей.

— Ахъ, мой милый, да развѣ трудно до этого додуматься? Вѣдь я видала семейную жизнь,—я говорю не про свою семью: она такая особенная! но вѣдь у меня есть же подруги, я же бывала въ ихъ семействахъ; Боже мой, сколько непріятностей между мужьями и женами—ты не можешь себѣ вообразить, мой милый!

— Ну, я-то, Вѣрочка, воображаю.

— Знаешь ли, что мнѣ кажется, мой милый? Такъ не слѣдуетъ жить людямъ, какъ они живутъ: всѣ вмѣстѣ, все вмѣстѣ. Надобно видѣться между собою или только по дѣламъ, или когда собираются вмѣстѣ отдохнуть, повеселиться. Я всегда смотрю и думаю: отчего съ посторонними людьми каждый такъ деликатенъ? отчего при чужихъ людяхъ всѣ стараются казаться лучше, чѣмъ въ своемъ семействѣ? — и въ самомъ дѣлѣ, при посторонихъ людяхъ бываютъ лучше, — отчего это? Отчего съ своими хуже, хоть ихъ и больше любятъ, чѣмъ съ чужими? Знаешь, мой милый, объ чемъ бы я тебя просила: обращайся со мною всегда такъ, какъ обращался до сихъ поръ; вѣдь это не мѣшало же тебѣ любить меня, вѣдь все-таки мы съ тобою были другъ другу ближе всѣхъ. Какъ ты до сихъ поръ держалъ себя? Отвѣчалъ ли неутчиво, дѣлалъ ли выговоры?—нѣтъ! Говорятъ, какъ это можно быть неучтивымъ съ посторонней женщиною или дѣвушкой, какъ можно дѣлать ей выговоры? Хорошо, мой милый: вотъ я твоя невѣста, буду твоя жена, а ты все-таки обращайся со мною, какъ велятъ обращаться съ посторонней: это, мой другъ, мнѣ кажется, лучше для того, чтобы было прочное согласіе, чтобы поддерживалась любовь. Такъ, мой милый?

— Я не знаю, Вѣрочка, что мнѣ и думать о тебѣ. Да ты меня и прежде удивляла.

— Миленькій мой, ты хочешь захвалить меня! нѣтъ, мой другъ, это понять не такъ трудно, какъ тебѣ кажется. Такія мысли не у меня одной, мой милый: онѣ у многихъ дѣвушекъ и молоденькихъ женщинъ, такихъ же простенькихъ, какъ я. Только имъ нельзя сказать своимъ женихамъ или мужьямъ того, что онѣ

думаютъ, онѣ знаютъ, что за это про нихъ подумаютъ: ты безнравственная. Я за то тебя и полюбила, мой милый, что ты не такъ думаешь. Знаешь, когда я тебя полюбила, когда мы въ первый разъ разговаривали на мое рожденье? какъ ты сталъ говорить, что женщины бѣдныя, что ихъ жалко: вотъ я тебя и полюбила.

— А я когда тебя полюбилъ? въ тотъ же день, это ужь я говорилъ, только когда?

— Какой ты смѣшной, миленькій? такъ сказалъ, что нельзя не угадать; а угадаю, опять станешь хвалить.

— А ты все-таки угадай.

— Ну, конечно, когда: когда я спросила, правда ли, что можно сдѣлать, чтобы людямъ хорошо было жить.

— За это надобно опять поцаловать твою ручку Вѣрочка.

— Полно, мой милый, это мнѣ не нравится, когда у женщинъ цалуютъ руки.

— Почему же, Вѣрочка?

— Ахъ, мой милый, ты самъ знаешь, почему—зачѣмъ же у меня спрашиваешь? Не спрашивай такъ, мой миленькій.

— Да, мой другъ, это правда: не слѣдуетъ такъ спрашивать. Это дурно. Я стану спрашивать только тогда, когда въ самомъ дѣлѣ не знаю, что ты хочешь сказать. А ты хотѣла сказать, что ни у кого не слѣдуетъ цаловать руки.

Вѣрочка захохотала. — Вотъ теперь я тебя прощаю, потому что самой удалось надъ тобою посмѣяться. Видишь, хотѣлъ меня экзаменовать, а самъ не зналъ главной причины, почему это нехорошо. Ни у кого не слѣдуетъ цаловать руки, это правда, но вѣдь я не объ этомъ говорила, не вообще, а только о томъ, что не надобно мужчинамъ цаловать рукъ у женщинъ. Это, мой милый, должно бы быть очень обидно для женщинъ; это значитъ, что ихъ не считаютъ такими же людьми, думаютъ, что мужчина не можетъ унизить своего достоинства передъ женщиною, что она на столько ниже его, что сколько онъ ни унижайся передъ нею, онъ все не ровный ей, а гораздо выше ея. А вѣдь ты не такъ думаешь, мой миленькій, такъ зачѣмъ же тебѣ цаловать у меня руку? А послушай, что мнѣ показалось, мой миленькій; какъ будто мы съ тобою не женихъ съ невѣстой?

я ихъ вычиталъ. А вѣдь до вашихъ рукъ эти книги не доходятъ. Въ тѣхъ, которыя я тебѣ давалъ, такихъ частностей не было. Слышать?—не отъ кого было. Вѣдь едва ли не перваго меня ты встрѣтила изъ порядочныхъ людей.

— Ахъ, мой милый, да развѣ трудно до этого додуматься? Вѣдь я видала семейную жизнь,—я говорю не про свою семью: она такая особенная! но вѣдь у меня есть же подруги, я же бывала въ ихъ семействахъ; Боже мой, сколько непріятностей между мужьями и женами—ты не можешь себѣ вообразить, мой милый!

— Ну, я-то, Вѣрочка, воображаю.

— Знаешь ли, что мнѣ кажется, мой милый? Такъ не слѣдуетъ жить людямъ, какъ они живутъ: всѣ вмѣстѣ, все вмѣстѣ. Надобно видѣться между собою или только по дѣламъ, или когда собираются вмѣстѣ отдохнуть, повеселиться. Я всегда смотрю и думаю: отчего съ посторонними людьми каждый такъ деликатенъ? отчего при чужихъ людяхъ всѣ стараются казаться лучше, чѣмъ въ своемъ семействѣ? — и въ самомъ дѣлѣ, при посторонихъ людяхъ бываютъ лучше, — отчего это? Отчего съ своими хуже, хоть ихъ и больше любятъ, чѣмъ съ чужими? Знаешь, мой милый, объ чемъ бы я тебя просила: обращайся со мною всегда такъ, какъ обращался до сихъ поръ; вѣдь это не мѣшало же тебѣ любить меня, вѣдь все-таки мы съ тобою были другъ другу ближе всѣхъ. Какъ ты до сихъ поръ держалъ себя? Отвѣчалъ ли неутчиво, дѣлалъ ли выговоры?—нѣтъ! Говорятъ, какъ это можно быть неучтивымъ съ посторонней женщиною или дѣвушкой, какъ можно дѣлать ей выговоры? Хорошо, мой милый: вотъ я твоя невѣста, буду твоя жена, а ты все-таки обращайся со мною, какъ велятъ обращаться съ посторонней: это, мой другъ, мнѣ кажется, лучше для того, чтобы было прочное согласіе, чтобы поддерживалась любовь. Такъ, мой милый?

— Я не знаю, Вѣрочка, что мнѣ и думать о тебѣ. Да ты меня и прежде удивляла.

— Миленькій мой, ты хочешь захвалить меня! нѣтъ, мой другъ, это понять не такъ трудно, какъ тебѣ кажется. Такія мысли не у меня одной, мой милый: онѣ у многихъ дѣвушекъ и молоденькихъ женщинъ, такихъ же простенькихъ, какъ я. Только имъ нельзя сказать своимъ женихамъ или мужьямъ того, что онѣ

думаютъ, онѣ знаютъ, что за это про нихъ подумаютъ: ты безнравственная. Я за то тебя и полюбила, мой милый, что ты не такъ думаешь. Знаешь, когда я тебя полюбила, когда мы въ первый разъ разговаривали на мое рожденье? какъ ты сталъ говорить, что женщины бѣдныя, что ихъ жалко: вотъ я тебя и полюбила.

— А я когда тебя полюбилъ? въ тотъ же день, это ужь я говорилъ, только когда?

— Какой ты смѣшной, миленькій? такъ сказалъ, что нельзя не угадать; а угадаю, опять станешь хвалить.

— А ты все-таки угадай.

— Ну, конечно, когда: когда я спросила, правда ли, что можно сдѣлать, чтобы людямъ хорошо было жить.

— За это надобно опять поцаловать твою ручку Вѣрочка.

— Полно, мой милый, это мнѣ не нравится, когда у женщинъ цалуютъ руки.

— Почему же, Вѣрочка?

— Ахъ, мой милый, ты самъ знаешь, почему—зачѣмъ же у меня спрашиваешь? Не спрашивай такъ, мой миленькій.

— Да, мой другъ, это правда: не слѣдуетъ такъ спрашивать. Это дурно. Я стану спрашивать только тогда, когда въ самомъ дѣлѣ не знаю, что ты хочешь сказать. А ты хотѣла сказать, что ни у кого не слѣдуетъ цаловать руки.

Вѣрочка захохотала. — Вотъ теперь я тебя прощаю, потому что самой удалось надъ тобою посмѣяться. Видишь, хотѣлъ меня экзаменовать, а самъ не зналъ главной причины, почему это нехорошо. Ни у кого не слѣдуетъ цаловать руки, это правда, но вѣдь я не объ этомъ говорила, не вообще, а только о томъ, что не надобно мужчинамъ цаловать рукъ у женщинъ. Это, мой милый, должно бы быть очень обидно для женщинъ; это значитъ, что ихъ не считаютъ такими же людьми, думаютъ, что мужчина не можетъ унизить своего достоинства передъ женщиною, что она на столько ниже его, что сколько онъ ни унижайся передъ нею, онъ все не ровный ей, а гораздо выше ея. А вѣдь ты не такъ думаешь, мой миленькій, такъ зачѣмъ же тебѣ цаловать у меня руку? А послушай, что мнѣ показалось, мой миленькій; какъ будто мы съ тобою не женихъ съ невѣстой?

— Да, это правда, Вѣрочка, мало похожаго; только что же такое—мы съ тобою?

— Богъ знаетъ что, мой миленькій, — или вотъ что: будто мы давно, давно повѣнчаны.

— Да что же, мой другъ: вѣдь это и правда. Старые друзья, ничего не перемѣнилось.

— Только одно перемѣнилось, мой миленькій: что я теперь знаю, что изъ подвала на волю выхожу.

XIX.

Такъ они поговорили,—странноватый разговоръ для перваго разговора между женихомъ и невѣстой,—и пожали другъ другу руки, и пошелъ себѣ Лопуховъ домой, и Вѣрочка заперла за нимъ дверь сама, потому что Матрена засидѣлась въ полпивной, надѣясь на то, что ея золото еще долго прохрапитъ. И дѣйствительно, ея золото еще долго храпѣло.

Возвратившись домой часу въ седьмомъ, Лопуховъ хотѣлъ приняться за работу, но долго не могъ приняться. Голова была занята не тѣмъ, а все тѣмъ же, чѣмъ всю длинную дорогу отъ сосѣдства Семеновскаго моста до Выборгской. Конечно, любовными мечтами. Да, ими, только не совсѣмъ любовными, и не совсѣмъ мечтами. Жизнь человѣка необезпеченнаго имѣетъ свои прозаическіе интересы, о нихъ-то Лопуховъ и размышлялъ. Понятное дѣло: матеріалистъ, все только думаетъ о выгодахъ. Онъ и дѣйствительно думалъ все о выгодахъ, вмѣсто высокихъ поэтическихъ и пластическихъ мечтаній, онъ занимался такими любовными мечтами, которыя приличны грубому матеріалисту.

„Жертва — вѣдь этого почти никакъ нельзя будетъ выбить изъ ея головы. А это дурно. Когда думаешь, что чѣмъ нибудь особеннымъ обязанъ человѣку, отношенія къ нему уже нѣсколько натянуты. А вѣдь узнаетъ. Пріятели объяснятъ, что вотъ какая предстояла каррьера. Да хоть и не объясняли бы, сама сообразитъ: „ты, мой другъ, для меня вотъ отъ чего отказался, отъ каррьеры, на которой ждалъ“, — ну, положимъ, не денегъ, — этого не взведутъ на меня ни пріятели, ни она сама,—ну, хоть и то хорошо, что не будетъ думать, что „онъ для меня остался

въ бѣдности, когда безъ меня былъ бы богатъ". Этого не будетъ думать. Но узнаетъ, что я желалъ ученой извѣстности, и получилъ бы. Вотъ, и будетъ сокрушаться: ахъ, какую онъ для меня принесъ жертву!" И не думалъ жертвовать. Не былъ до сихъ поръ такъ глупъ, чтобы приносить жертвы, — надѣюсь, и никогда не буду. Какъ для меня лучше, такъ и сдѣлалъ. Не такой человѣкъ, чтобы приносить жертвы. Да ихъ и не бываетъ, никто и не приноситъ; это фальшивое понятіе: жертва — сапоги въ смятку. Какъ пріятнѣе, такъ и поступаешь. Такъ вотъ поди ты, растолкуй это. Въ теоріи-то оно понятно; а какъ видитъ передъ собою фактъ, человѣкъ-то и умиляется: вы, говоритъ, мой благодѣтель. И вѣдь ужь показался всходъ этой будущей жатвы: „ты, говоритъ, меня изъ подвала выпустилъ,—какой ты для меня добрый". Очень нужно было бы мнѣ выпускать тебя, если-бы самому это не нравилось. Это я тебя выпускаю, ты думаешь?—сталъ бы заботиться, какъ же, жди, какъ бы это не доставляло мнѣ самому удовольствія! Можетъ быть, я самого себя выпустилъ. Да, разумѣется, себя: самому жить хочется, любить хочется, — понимаешь? — самому, для себя все дѣлаю. Какъ бы это сдѣлать, чтобы не развилось въ ней это вредное чувство признательности, которое стало бы тяготить ее. Ну, да какъ нибудь сдѣлаемъ, — она же умная, пойметъ, что это пустяки. Конечно, я не такъ располагалъ сдѣлать. Думалъ, что если она успѣетъ уйти изъ семейства, то отложить дѣло года на два; въ это время успѣлъ бы стать профессоромъ, денежныя дѣла были бы удовлетворительны. Вышло, что отсрочить нельзя. Ну, такъ мнѣ-то какой убытокъ? Развѣ я о себѣ что ли думалъ, когда соображалъ, что прежде надобно устроить денежныя дѣла? Мужчинѣ что? Мужчинѣ ничего. Недостатокъ денегъ отзывается на женщинѣ. Сапоги есть, локти не продраны, щи есть, въ комнатѣ тепло—какого рожна горячаго мнѣ еще нужно? А это у меня будетъ. Стало быть, какой же мнѣ убытокъ? Но женщинѣ, молоденькой, хорошенькой, этого мало. Ей нужны удовольствія, нуженъ успѣхъ въ обществѣ. А на это у ней не будетъ денегъ. Конечно, она не будетъ думать, что этого не достаетъ ей; она умная, честная дѣвушка; будетъ думать себѣ: это пустяки, это дрянь, которую я презираю,—и будетъ презирать. Да развѣ помогаетъ то, что человѣкъ не знаетъ, чего ему

не достаетъ, или даже увѣренъ, что оно ему ненужно? Это иллюзія, фантазія. Натура заглушена разсудкомъ, обстоятельствами, гордостью, — и молчитъ, и не даетъ о себѣ голоса сознанію, а молча все-таки работаетъ и подтачиваетъ жизнь. Не такъ слѣдуетъ жить молоденькой, не такъ слѣдуетъ жить красавицѣ; это негодится, когда она и одѣта не такъ хорошо, какъ другія, и не блеститъ, по недостатку средствъ. Жаль тебя, бѣдненькая: я думалъ, что все-таки нѣсколько получше для тебя устроится. А мнѣ что? Я въ выигрышѣ, — еще неизвѣстно, пошла ли бы она за меня черезъ два года; а теперь идетъ...“

— Дмитрій, иди чай пить.

— Иду. — Лопуховъ отправился въ комнату Кирсанова, и на дорогѣ успѣлъ думать: „а вѣдь какъ вѣрно, что *Я* всегда на первомъ планѣ—и началъ съ себя, и кончилъ собою. И съ чего началъ: „жертва“ — какое плутовство; будто я отъ ученой извѣстности отказываюсь, и отъ каѳедры—какой вздоръ! не все ли равно, буду такъ же работать, и такъ же получу каѳедру, и такъ же послужу медицинѣ. Пріятно человѣку, какъ теоретику, замѣчать, какъ играетъ эгоизмъ его мыслями на практикѣ“.

Я обо всемъ предупреждаю читателя, потому скажу ему, чтобъ онъ не предполагалъ этотъ монологъ Лопухова заключающимъ въ себѣ таинственный намекъ автора на какой-нибудь важный мотивъ дальнѣйшаго хода отношеній между Лопуховымъ и Вѣрою Павловною; жизнь Вѣры Павловны не будетъ подтачиваться недостаткомъ возможности блистать въ обществѣ и богато наряжаться, и ея отношенія къ Лопухову не будутъ портиться „вреднымъ чувствомъ“ признательности. Я не изъ тѣхъ художниковъ, у которыхъ въ каждомъ словѣ скрывается какая нибудь пружина, я пересказываю то, что думали и дѣлали люди, и только; если какой нибудь поступокъ, разговоръ, монологъ въ мысляхъ нуженъ для характеристики лица или положенія, я разсказываю его, хотя бы онъ и не отозвался никакими послѣдствіями въ дальнѣйшемъ ходѣ моего романа.

— Теперь, Александръ, не будешь на меня жаловаться, что отстаю отъ тебя въ работѣ. Наверстаю.

— Что, кончилъ хлопоты по дѣлу этой дѣвушки?

— Кончилъ.

— Поступаетъ въ гувернантки къ Б.?

— Нѣтъ, въ гувернантки не поступаетъ. Уладилось иначе. Ей теперь можно будетъ вести пока сносную жизнь въ ея семействѣ.

— Что-жь, это хорошо. Въ гувернанткахъ вѣдь тяжело. А я, братъ, теперь съ зрительнымъ нервомъ покончилъ, и принимаюсь за слѣдующую пару. А ты на чемъ остановился?

— Да мнѣ еще надобно будетъ кончить работу надъ... И пошли анатомическіе и физіологическіе термины.

XX.

„Теперь 28 апрѣля. Онъ сказалъ, что его дѣла устроятся въ началѣ іюля, — положимъ 10-го: вѣдь это ужь не начало. 10-е число можно взять. Или, для вѣрности, возьму 15-ое; нѣтъ, лучше 10-ое,—сколько же остается дней? Нынѣшняго числа ужь нечего считать, — остается только пять часовъ его; въ апрѣлѣ остается 2 дня; май—31 да 2, 33; іюнь—30 да 33, 63; изъ іюля 10 дней,—всего только 73 дня,—много ли это, только 73 дня? и тогда, свободна! Выйду изъ этого подвала! Ахъ, какъ я счастлива! Миленькій мой, какъ онъ умно это вздумалъ! Какъ я счастлива!

Это было въ воскресенье, вечеромъ. Въ понедѣльникъ, урокъ, перенесенный со вторника.

— Другъ мой, миленькій мой, какъ я рада, что опять съ тобою, хоть на минуточку! Знаешь, сколько мнѣ осталось сидѣть въ этомъ подвалѣ? Твои дѣла когда кончатся? къ 10-му іюля кончатся?

— Кончатся, Вѣрочка.

— Такъ теперь мнѣ осталось сидѣть въ подвалѣ только 72 дня, да нынѣшній вечеръ. Я одинъ день ужь вычеркнула,—вѣдь я сдѣлала табличку, какъ дѣлаютъ пансіонерки и школьники, и вычеркиваю дни. Какъ весело вычеркивать!

— Миленькая моя Вѣрочка, миленькая моя! Да, ужь недолго тебѣ тосковать здѣсь, два съ половиною мѣсяца пройдутъ скоро, и будешь свободна.

— Ахъ, какъ весело будетъ! Только ты, мой миленькій, те-

перь вовсе не говори со мною, и не гляди на меня, и на фортепьяно не каждый разъ будемъ играть. И не каждый разъ буду выходить при тебѣ изъ своей комнаты. Нѣтъ, не утерплю, выйду всегда, только на одну минуточку, и такъ холодно буду смотрѣть на тебя, неласково. И теперь сейчасъ уйду въ свою комнату. До свиданья, мой милый. Когда?

— Въ четвергъ.

— Три дня! Какъ долго! А тогда ужь только 68 дней останется.

— Считай меньше: около 7-го числа тебѣ можно будетъ вырваться отсюда.

— 7-го? Такъ ужь теперь только 69 дней? Какъ ты меня обрадовалъ! До свиданья, мой миленькій!

Четвергъ.

— Мой миленькій, только 66 дней мнѣ здѣсь сидѣть.

— Да, Вѣрочка, время идетъ скоро.

— Скоро? Нѣтъ, мой милый. Ахъ, какіе долгіе стали дни! Въ другое время, кажется, успѣлъ бы цѣлый мѣсяцъ пройти, пока шли эти три дня. До свиданья, мой миленькій, намъ вѣдь не надобно долго говорить,—вѣдь мы хитрые,—да?—До свиданья. Ахъ, еще 66 дней мнѣ осталось сидѣть въ подвалѣ!

(„Гмъ, гмъ. Мнѣ, разумѣется, незамѣтно—за работою время летитъ. Да вѣдь и не я въ подвалѣ-то. Гмъ, гмъ! Да“).

Суббота.

— Ахъ, мой миленькій, еще 64 дня осталось! Ахъ какая тоска здѣсь! Эти два дня шли дольше тѣхъ трехъ дней. Ахъ, какая тоска! Гадость какая здѣсь, если-бы ты зналъ, мой миленькій. До свиданья, мой милый, голубчикъ мой,—до вторника; а эти три дня будутъ дольше всѣхъ пяти дней. До свиданья, мой милый.

(„Гмъ, гмъ! Да, Гмъ!—Глаза не хороши. Она плакать не любитъ. Это не хорошо. Гмъ! Да!“).

Вторникъ.

— Ахъ, мой миленькій, я ужь и дни считать перестала. Не проходятъ, вовсе не проходятъ.

— Вѣрочка, мой дружочекъ. у меня есть просьба къ тебѣ. Намъ надобно поговорить хорошенько. Ты очень тоскуешь по волѣ. Ну, дай себѣ немножко воли, вѣдь намъ надобно поговорить?

— Надобно, мой миленькій, надобно.

— Такъ вотъ о чемъ я тебя прошу. Завтра, когда тебѣ будетъ удобнѣе,— въ какое время, все равно, только скажи,— будь опять на той скамьѣ на Конно-Гвардейскомъ бульварѣ. Будешь?

— Буду, мой миленькій, непремѣнно буду. Въ 11 часовъ,— такъ?

— Хорошо. Благодарю тебя дружочекъ.

— До свиданья, мой миленькій. Ахъ, какъ я рада, что ты это вздумалъ! какъ это я сама, глупенькая, не вздумала. До свиданія. Поговоримъ; все-таки я вздохну вольнымъ воздухомъ. До свиданія, миленькій. Въ 11 часовъ непремѣнно.

— Пятница.

— Вѣрочка, ты куда это собираешься?

— Я, маменька? — Вѣрочка покраснѣла,— къ Невскому проспекту, маменька.

— Такъ я съ тобой пойду, Вѣрочка, мнѣ въ Гостинный Дворъ нужно. Да что это, Вѣрочка, говоришь, идешь на Невскій, а такое платье надѣла! Надобно получше, когда на Невскій,—тамъ люди.

— Мнѣ это платье нравится. Подождите одну секунду, маменька: я только возьму въ своей комнатѣ одну вещь.

— Отправляются. Идутъ. Дошли до Гостиннаго Двора, идутъ по той линіи, которая вдоль Садовой, ужь недалеко до угла Невскаго,—вотъ и лавка Рузанова.

— Маменька, я вамъ два слова скажу.

— Что съ тобой Вѣрочка?

— До свиданья, маменька; не знаю, скоро ли; если не будете сердиться, до завтра.

— Что, Вѣрочка? я что-то не разберу.

— До свиданья, маменька. Я теперь къ мужу. Мы съ Дмитріемъ Сергѣичемъ третьяго дня повѣнчались.—Поѣзжай въ Караванную, извозчикъ.

— Четвертачокъ, сударыня.

— Хорошо, поѣзжай поскорѣе. Онъ къ вамъ нынче вечеромъ зайдетъ, маменька. А вы не сердитесь на меня, маменька.

Эти слова ужь едва долетѣли до Марьи Алексѣвны.

— Да ты не въ Караванную, я только такъ сказала, чтобы ты не думалъ долго, чтобы мнѣ поскорѣе отъ этой дамы уѣхать. Налѣво, по Невскому. Мнѣ гораздо дальше Караванной—на Васильевскій Островъ, въ 5 линію, за Среднимъ проспектомъ. Поѣзжай хорошенько, прибавлю.

— Ахъ, сударыня, обмануть меня изволили! Надо ужь будетъ полтинничекъ положить.

— Если хорошо поѣдешь.

XXI.

Свадьба устроилась не очень многосложнымъ, хоть и не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ.

Дня два послѣ разговора о томъ, что они женихъ и невѣста, Вѣрочка радовалась близкому освобожденію; на третій день ужь вдвое несноснѣе прежняго сталъ казаться ей „подвалъ“, какъ она выражалась, на четвертый день, она ужь поплакала, чего очень не любила, но поплакала немножко, на пятый побольше, на шестой ужь не плакала, а только не могла заснуть отъ тоски.

Лопуховъ посмотрѣлъ,— когда произнесъ монологъ, „гмъ, гмъ“,—посмотрѣлъ въ другой разъ, и произнесъ монологъ „гмъ, гмъ! Да! гмъ!“ Первымъ монологомъ онъ предположилъ что-то, только что именно предположилъ, самъ не зналъ, а во второмъ монологѣ объяснилъ себѣ, какое именно въ первомъ сдѣлалъ предположеніе. „Не годится, показавши волю, оставлять человѣка въ неволѣ“, и послѣ этого думалъ два часа: полтора часа по дорогѣ отъ Семеновскаго моста на Выборгскую, и полчаса на своей кушеткѣ; первую четверть часа думалъ не нахмуривая лба, остальныя часъ и три четверти думалъ нахмуривъ лобъ; по прошествіи же двухъ часовъ ударилъ себя по лбу и, сказавши „хуже Гоголевскаго почтмейстера, телятина!“— посмотрѣлъ на часы,—„10, еще можно“—и пошелъ съ квартиры.

Первую четверть часа, не хмуря лба, онъ думалъ такъ: „все

это вздоръ, зачѣмъ нужно кончать курсъ? И безъ диплома не пропаду, да и не нужно его. Уроками, переводами достану не меньше, — пожалуй, больше, чѣмъ получалъ бы отъ своего докторства. Пустяки".

Стало быть, тутъ нечего было хмурить лба,—сказать правду; задача оказалась не головоломна отчасти и потому, что еще съ прошлаго урока предчувствовалось нѣчто въ родѣ такого размышленія. Это онъ понялъ теперь. А если бы ему напомнить размышленіе, начинавшееся на тему „жертва" и кончавшееся мыслями о нарядахъ, то можно бы его уличить, что предчувствовалось ужь и съ той самой поры нѣчто въ родѣ этого обстоятельства, потому что иначе не зачѣмъ было бы и являться тогда въ немъ мысли: „отказываюсь отъ ученой карьеры". Тогда ему представлялось, что не отказывается, а инстиктъ уже говорилъ: „откажешься, отсрочки не будетъ". И если бы уличить Лопухова, какъ практическаго мыслителя, въ тогдашней его неосновательности „не отказываюсь",—онъ восторжествовалъ бы, какъ теоретикъ, и сказалъ бы: „вотъ вамъ новый примѣръ, какъ эгоизмъ управляетъ нашими мыслями!—вѣдь я долженъ былъ бы видѣть, но не видѣлъ, потому что хотѣлось видѣть не то — и нашими поступками, потому что зачѣмъ же заставилъ дѣвушку сидѣть въ подвалѣ лишнюю недѣлю, когда слѣдовало предвидѣть и все устроить тогда же!"

Но ничего этого не вспомнилось и не подумалось ему, потому что надобно было нахмурить лобъ, и нахмуривъ его, думать часъ и три четверти надъ словами: „кто повѣнчаетъ?" — и все былъ одинъ отвѣтъ: „никто не повѣнчаетъ!" И вдругъ вмѣсто „никто не повѣнчаетъ" — явилась у него въ головѣ фамилія „Мерцаловъ"; тогда онъ ударилъ себя по лбу, и выбранилъ справедливо: какъ было съ самаго же начала не вспомнивь о Мерцаловѣ? А отчасти и справедливо: вѣдь не привычно было думать о Мерцаловѣ, какъ о человѣкѣ вѣнчающемъ.

Въ Медицинской Академіи есть много людей всякихъ сортовъ, есть, между прочимъ, и семинаристы; они имѣютъ знакомства въ Духовной Академіи, — черезъ нихъ, были въ ней знакомства и у Лопухова. Одинъ изъ знакомыхъ ему студентовъ Духовной Академіи,—не близкій, но хорошій знакомый, — кончилъ курсъ годъ тому назадъ, и былъ священникомъ, въ ка-

комъ-то зданіи съ безконечными корридорами на Васильевскомъ Островѣ. Вотъ, къ нему-то и отправился Лопуховъ, и по экстренности случая и позднему времени, даже на извозчикѣ.

Мерцаловъ, сидѣвшій дома одинъ, читалъ какое-то новое сочиненіе,—то ли Людовика XIV, то ли кого другаго изъ той-же династіи.

— Вотъ какое и вотъ какое дѣло, Алексѣй Петровичъ! знаю, что для васъ это очень серьёзный рискъ; хорошо, если мы помиримся съ родными, а если они начнутъ дѣло? вамъ можетъ быть бѣда, да и навѣрное будетъ; но... Никакого „но“ не могъ отыскать въ своей головѣ Лопуховъ: какъ, въ самомъ дѣлѣ убѣждать человѣка, чтобы онъ за насъ клалъ шею въ петлю!

Мерцаловъ долго думалъ, тоже искалъ „но“ для уполномоченія себя на такой рискъ, и тоже не могъ придумать никакого „но“.

— Какъ же съ этимъ быть? Вѣдь хотѣлось бы... то, что вы теперь дѣлаете, сдѣлалъ и я годъ назадъ, да сталъ не воленъ въ себѣ, какъ и вы будете. А совѣстно: надо бы помочь вамъ. Да, когда есть жена, оно и страшновато идти безъ оглядки.

— Здравствуй, Алеша. Мои всѣ тебѣ кланяются, здравствуйте, Лопуховъ; давно мы съ вами не видѣлись. Что вы тутъ говорите про жену? Все у васъ жены виноваты, сказала возвратившаяся отъ родныхъ дама лѣтъ 17, хорошенькая и бойкая блондинка.

Мерцаловъ пересказалъ женѣ дѣло. У молодой дамы засверкали глазки.

— Алеша, вѣдь не съѣдятъ же тебя!

— Есть рискъ, Наташа.

— Очень большой рискъ, подтвердилъ Лопуховъ.

— Ну, что дѣлать, рискни, Алеша,—я тебя прошу.

— Когда ты меня не станешь осуждать, Наташа, что я забылъ про тебя, идя на опасность, такъ разговоръ конченъ. Когда хотите вѣнчаться, Дмитрій Сергѣичъ?

Слѣдовательно, препятствій не оставалось.

Въ понедѣльникъ поутру, Лопуховъ сказалъ Кирсанову:

— Знаешь ли, что, Александръ? ужь вѣрно подарить тебѣ ту половину нашей работы, которая была моей долей. Бери мои бумаги и препараты, я бросаю. Выхожу изъ Академіи, вотъ

и просьба. Женюсь. — Лопуховъ разсказалъ исторію въ двухъ словахъ.

— Если бы ты былъ глупъ, или бы я былъ глупъ, сказалъ бы я тебѣ, Дмитрій, что этакъ дѣлаютъ сумасшедшіе. А теперь не скажу. Всѣ возраженія ты, вѣрно, постарательнѣе моего обдумалъ. А и не обдумывалъ, такъ вѣдь все равно. Глупо ли ты поступаешь, умно ли—не знаю; но, по крайней мѣрѣ, самъ не стану дѣлать той глупости, чтобы пытаться отговаривать, когда знаю, что не отговорить. Я тебѣ тутъ нуженъ на что нибудь, или нѣтъ.

— Нужно квартиру пріискать, гдѣ нибудь въ дешевой мѣстности, три комнаты. Мнѣ надобно хлопотать въ Академіи, чтобы поскорѣе выдали бумаги, чтобы завтра же. Такъ поищи квартиру ты.

Во вторникъ, Лопуховъ получилъ свои бумаги, отправился къ Мерцалову, сказалъ, что свадьба завтра, — въ какое время для васъ удобнѣе, Алексѣй Петровичъ? — Алексѣю Петровичу все равно, онъ завтра весь день дома. — „Думаю, впрочемъ, что успѣю прислать Кирсанова предупредить васъ“.

Въ среду въ 11 часовъ пришедши на бульваръ Лопуховъ довольно долго ждалъ Вѣрочку, и начиналъ уже тревожиться; но вотъ и она, такъ спѣшитъ.

— Вѣрочка, другъ мой, не случилось ли чего съ тобой?

— Нѣтъ, миленькій, ничего, я опоздала только оттого, что проспала.

— Это значитъ, ты во сколько же часовъ уснула?

— Миленькій, я не хотѣла тебѣ сказать; въ семь часовъ, миленькій, а то все думала; нѣтъ раньше, въ шесть.

— Вотъ о чемъ я хотѣлъ тебя просить, моя милая Вѣрочка: намъ надобно поскорѣе посовѣтоваться, чтобъ обоимъ быть спокойными.

— Да, миленькій, надобно. Поскорѣй надобно.

— Такъ дня черезъ четыре, черезъ три...

— Ахъ, если бы такъ, миленькій, вотъ бы ты былъ умникъ.

— Черезъ три вѣрно ужь найду квартиру, закуплю, что нужно по хозяйству, тогда намъ и можно будетъ поселиться съ тобою вмѣстѣ?

— Можно, мой голубчикъ, можно.

— Но вѣдь прежде, надобно повѣнчаться.

— Ахъ, я и забыла, миленькій, надо повѣнчаться прежде.

— Такъ вѣнчаться и нынче можно,—объ этомъ я и хотѣлъ просить тебя

— Пойдемъ, миленькій, повѣнчаемся; да какъ же ты все это устроилъ? какой ты умненькій, миленькій!

— А вотъ на дорогѣ все разскажу, поѣдемъ.

Пріѣхали, прошли по длиннымъ корридорамъ къ церкви, отыскали сторожа, послали къ Мерцалову; Мерцаловъ жилъ въ томъ же домѣ съ безконечными корридорами.

— Теперь, Вѣрочка, у меня къ тебѣ еще просьба. Вѣдь ты знаешь, въ церкви заставляютъ молодыхъ цаловаться?

— Да. мой миленькій; только какъ это стыдно!

— Такъ вотъ, чтобы не было тогда слишкомъ стыдно, поцалуемся теперь.

— Такъ и быть, мой миленькій, поцалуемся, да развѣ нельзя безъ этого?

— Да вѣдь въ церкви же нельзя безъ этого, такъ приготовимся,

Они поцаловались.

— Миленькій, хорошо, что успѣли приготовиться, вонъ ужь сторожъ идетъ, теперь въ церкви не такъ стыдно будетъ.

Но пришелъ не сторожъ,—сторожъ побѣжалъ за дьячкомъ,—вошелъ Кирсановъ, дожидавшійся ихъ у Мерцалова.

— Вѣрочка, вотъ это и есть Александръ Матвѣичъ Кирсановъ, котораго ты ненавидишь, и съ которымъ хочешь запретить мнѣ видѣться.

— Вѣра Павловна, за что же вы хотите разлучать наши нѣжныя сердца?

— За то, что они нѣжныя, сказала Вѣрочка, подавая руку Кирсанову, и, все еще продолжая улыбаться, задумалась:—а съумѣю ли я любить его, какъ вы? Вѣдь вы его очень любите?

— Я? я никого, кромѣ себя не люблю, Вѣра Павловна.

— И его не любите?

— Жили—не ссорились, и того довольно.

— И онъ васъ не любилъ?

— Не замѣчалъ что-то. Впрочемъ, спросимъ у него: ты любилъ, что ли, меня, Дмитрій?

— Особенной ненависти къ тебѣ не имѣлъ.

— Ну, когда такъ, Александръ Матвѣичъ, я не буду запрещать ему видѣться съ вами, и сама буду любить васъ.

— Вотъ это гораздо лучше, Вѣра Павловна.

— А вотъ и я готовъ, — подошелъ Алексѣй Петровичъ:— пойдемте въ церковь. — Алексѣй Петровичъ былъ веселъ, шутилъ; но когда началъ вѣнчанье, голосъ его нѣсколько задрожалъ — а если начнется дѣло? Наташа, ступай къ отцу, мужъ не кормилецъ, а плохое житье отъ живаго мужа на отцовскихъ хлѣбахъ! впрочемъ, послѣ нѣсколькихъ словъ, онъ опять совершенно овладѣлъ собою.

Въ половинѣ службы пришла Наталья Андревна, или Наташа, какъ звалъ ее Алексѣй Петровичъ; по окончаніи свадьбы попросила молодыхъ зайти къ ней; у ней былъ приготовленъ маленькій завтракъ; зашли, посмѣялись, даже протанцовали двѣ кадрили въ двѣ пары, даже вальсировали; Алексѣй Петровичъ, не умѣвшій танцовать, игралъ имъ на скрипкѣ; часа полтора пролетѣли легко и незамѣтно. Свадьба была веселая.

— Меня, я думаю, дома ждутъ ужь обѣдать, — сказала Вѣрочка: — пора. Теперь, мой миленькій, я и три и четыре дня проживу въ своемъ подвалѣ безъ тоски, пожалуй и больше проживу, — стану я теперь тосковать! вѣдь мнѣ теперь нечего бояться — нѣтъ, ты меня не провожай: я поѣду одна, чтобы не увидали какъ-нибудь.

— Ничего, не съѣдятъ меня, не совѣститесь, господа! говорилъ Алексѣй Петровичъ, провожая Лопухова и Кирсанова, которые оставались еще нѣсколько минутъ, чтобы дать отъѣхать Вѣрочкѣ:—я теперь очень радъ, что Наташа ободрила меня.

На другой день, послѣ четырехъ-дневныхъ поисковъ, нашлась хорошая квартира, въ дальнемъ концѣ 5 линіи Васильевскаго Острова. Имѣя всего рублей 160 въ запасѣ, Лопуховъ разсудилъ съ своимъ пріятелемъ, что невозможно ему съ Вѣрочкою думать теперь же обзаводиться своимъ хозяйствомъ, мебелью, посудою; потому и наняли три комнаты съ мебелью, посудой и столомъ отъ жильцовъ-мѣщанъ: старика, мирно проводившаго дни свои съ лоткомъ пуговицъ, лентъ, булавокъ и прочаго у забора на среднемъ проспектѣ между 1-ю и 2-ю линіею, а вчера въ разговорахъ со своею старухою, проводившею дни свои въ

штопаньѣ сотенъ и тысячъ всякаго старья, приносимаго къ ней охапками съ толкучаго рынка. Прислуга тоже была отъ хозяевъ, то есть сами хозяева. Все это стоило 30 рублей въ мѣсяцъ. Тогда, — лѣтъ десять тому назадъ, — были въ Петербургѣ времена, еще дешевыя по петербургскому масштабу. При такомъ устройствѣ, были въ готовности средства къ жизни на три, пожалуй даже на четыре мѣсяца; вѣдь на чай 10 рублей въ мѣсяцъ довольно? а въ четыре мѣсяца Лопуховъ надѣялся найти уроки, какую-нибудь литературную работу, занятія въ какой-нибудь купеческой конторѣ, — все равно. Въ тотъ же день, какъ была пріискана квартира,—и дѣйствительно, квартира отличная: для того-то и искали долго, за то и нашли, — Лопуховъ, бывши на урокѣ, въ четвергъ по обыкновенію сказалъ Вѣрочкѣ:

— Завтра переѣзжай, мой другъ; вотъ адресъ. Больше теперь говорить не стану, чтобъ не замѣтили.

— Миленькій мой, ты спасъ меня!

Теперь, какъ уйти изъ дому? сказать? Вѣрочка и подумала было, но мать бросится драться, можетъ запереть. Вѣрочка разсудила оставить письмо въ своей комнатѣ. Когда Марья Алексѣвна, услышавъ, что дочь отправляется по дорогѣ къ Невскому, сказала, что идетъ вмѣстѣ съ нею. Вѣрочка вернулась въ свою комнату и взяла письмо: ей показалось, что лучше, честнѣе будетъ, если она сама, въ лицо скажетъ матери — вѣдь драться на улицѣ мать не станетъ же? только надобно, когда будешь говорить, нѣсколько подальше отъ нея остановиться, поскорѣе садиться на извозчика и ѣхать, чтобъ она не успѣла схватить за рукавъ.

Такимъ-то манеромъ и произошла эффектная сцена у лавки Рузанова.

XXII.

Но мы видѣли только еще половину этой сцены.

Съ минуту, — нѣтъ, нѣсколько поменьше, Марья Алексѣвна, не подозрѣвавшая ничего подобнаго, стояла ошеломленная, стараясь понять, и все не понимая, что жь это говоритъ дочь, что жь это значитъ, и какъ же это? но только съ минуту, или поменьше... Она встрепенулась, вскрикнула какое-то ругатель-

ство, но дочь уже выѣзжала на Невскій; Марья Алексѣвна пробѣжала нѣсколько шаговъ въ ту сторону, — надобно извозчика, — бросилась на тротуаръ — „извозчикъ!“ — „куда прикажете, сударыня? — куда она прикажетъ? Послышалось, что дочь сказала „въ Караванную“, но повернула дочь налѣво по Невскому. Куда же прикажетъ она? „Догонять ту, мерзавку!“— „Догонять, сударыня? да вы скажите толкомъ куда; а то какъ же безъ ряды ѣхать, а какой конецъ, неизвѣстно“. — Марья Алексѣвна совершенно вышла изъ себя, ругнулась на извозчика,—пьяна ты, барыня, я вижу, вотъ что“, сказалъ извозчикъ, и отошелъ. Марья Алексѣвна и ругала его въ догонку, и кричала другихъ извозчиковъ, и бросалась въ разныя стороны на нѣсколько шаговъ, и махала руками, и окончательно установилась опять подъ колоннадой, и топала, и бѣсилась; а вокругъ нея уже стояло человѣкъ пять парней, продающихъ разную разность у колоннъ Гостиннаго Двора; парни любовались на нее, обмѣнивались между собою замѣчаніями болѣе или менѣе неуважительнаго свойства, обращались къ ней съ похвалами остроумнаго и совѣтами благонамѣреннаго свойства: „Ай, да барыня, въ кою пору успѣла нализаться, хватъ, барыня!“ — „барыня, а барыня, купи пятокъ лимоновъ-то у меня, ими хорошо закусывать, для тебя дешево отдамъ!“—„барыня, а барыня, не слушай его, лимонъ не поможетъ, а ты поди опохмѣлись!“—„барыня, а барыня, здорова ты ругаться; давай объ закладъ ругаться, кто кого переругаетъ!“— Марья Алексѣвна, сама не помня, что дѣлаетъ, хватила по уху ближайшаго изъ собесѣдниковъ—парня лѣтъ 17, не безъ граціи высовывавшаго ей языкъ: шапка слетѣла, а волосы тутъ какъ разъ подъ рукой; Марья Алексѣвна вцѣпилась въ нихъ. Это привело остальныхъ собесѣдниковъ въ неописанный энтузіазмъ:—„Ай, да барыня!—Валяй его, барыня!“—Нѣкоторые замѣчали:—„Ѳедька, а ты дай-ко ей сдачи“, но большинство собесѣдниковъ было рѣшительно на сторонѣ Марьи Алексѣвны: „Куда Ѳедькѣ противъ барыни!—Валяй, барыня, валяй Ѳедьку, такъ ему, подлецу, и надо“. Было уже много зрителей, кромѣ собесѣдниковъ: и извозчики, и сидѣльцы изъ лавокъ, и прохожіе. Марья Алексѣвна какъ будто опомнилась, и послѣднимъ машинальнымъ движеніемъ далеко отшатнувъ Ѳедькину голову, зашагала черезъ улицу. Восторженные похвалы собесѣдниковъ провожали ее.

Она увидѣла, что идетъ домой, когда прошла уже ворота Пажескаго корпуса, взяла извозчика, и пріѣхала счастливо, побила у двери отворившаго ей Ѳедю, бросилась къ шкапчику, побила высунувшуюся на шумъ Матрену, бросилась опять къ шкапчику, бросилась въ комнату Вѣрочки, черезъ минуту выбѣжала къ шкапчику, побѣжала опять въ комнату Вѣрочки, долго оставалась тамъ, потомъ пошла по комнатамъ ругаясь, но бить было уже некого: Ѳедя бѣжалъ на грязную лѣстницу, Матрена, подсматривая въ щель Вѣрочкиной комнаты, бѣжала опрометью, увидѣвъ, что Марья Алексѣвна поднимается, въ кухню не попала, а очутилась въ спальной подъ кроватью Марьи Алексѣвны, гдѣ и пробыла благополучно до мирнаго востребованія.

Долго ли, коротко ли Марья Алексѣевна ругалась и кричала, ходя по пустымъ комнатамъ, опредѣлить она не могла, но должно быть долго, потому что вотъ и Павелъ Константинычъ явился изъ должности,— досталось и ему, идеально и матеріально досталось. Но какъ всему бываетъ конецъ, то Марья Алексѣвна закричала: „Матрена, подавай обѣдать!“ Матрена увидѣла, что штурмъ кончился, вылѣзла изъ-подъ кровати и подала обѣдать.

За обѣдомъ, Марья Алексѣвна дѣйствительно уже не ругалась, а только рычала, и уже безъ всякихъ наступательныхъ намѣреній, а такъ только; для собственнаго употребленія; потомъ, лечь не легла, но сѣла и сидѣла одна, и молчала, а ворчала, потомъ и ворчать перестала, а все молчала, наконецъ крикнула:

— Матрена! разбуди барина, вели ко мнѣ придти.

Матрена, въ ожиданіи распоряженій не смѣвшая уйти ни въ полпивную, никуда, исполнила приказъ. Павелъ Константинычъ явился.

— Ступай къ хозяйкѣ, скажи, что дочь по твоей волѣ вышла за этого чорта. Скажи: я противъ жены былъ. Скажи: вамъ въ угоду сдѣлалъ, потому что видѣлъ, не было вашего желанія. Скажи: моя жена была одна виновата, я вашу волю исполнялъ. Скажи: я самъ ихъ и свелъ. Понялъ, что ли?

— Понялъ, Марья Алексѣвна; это ты очень умно разсуждаешь.

— Ну, ступай же! хоть обѣдаетъ, все равно вызови, подними отъ стола. Покуда не знаетъ.

Справедливость словъ Павла Константиныча была такъ осязательна, что хозяйка повѣрила бы имъ, если-бъ онъ и не обладалъ даромъ убѣдительной благоговѣйности изложенія. А убѣдительность этого дара была такъ велика, что хозяйка простила бы Павла Константиныча, если-бъ и не было осязательныхъ доказательствъ, что онъ постоянно дѣйствовалъ противъ жены и нарочно свелъ Вѣрочку съ Лопуховымъ, чтобы отвратить неблагородную женитьбу Михаила Иваныча. — Какъ же они повѣнчались? — Павелъ Константинычъ не пожалѣлъ приданаго; далъ 5.000 Лопухову деньгами, свадьбу и обзаведенье сдѣлалъ все на свой счетъ. Черезъ него они и записочками передавались; у его сослуживца на квартирѣ, у столоначальника Филантьева, — женатаго человѣка, ваше превосходительство, потому что хоть я о маленькій человѣкъ, но дѣвическая честь дочери, ваше превосходительство, мнѣ дорога, имѣли при мнѣ свиданья, и хоть наши деньги не такія, чтобы мальчишкѣ въ такихъ лѣтахъ учителей брать, но яко-бы предлогъ далъ, ваше превосходительство, и т. д. Неблагонамѣренность жены Павелъ Константинычъ изобличалъ въ самыхъ черныхъ порицаніяхъ.

Какъ было не убѣдиться и не помиловать Павла Константиныча? А главное—великая, неожиданная радость! Радость смягчаетъ сердце. Хозяйка начала свою отпустительную рѣчь очень длиннымъ поясненіемъ гнусности мыслей и поступковъ Марьи Алексѣвны, и сначала требовала, чтобы Павелъ Константинычъ прогналъ жену отъ себя; но онъ умолялъ, да и она сама сказала это больше для блезиру, чѣмъ для дѣла, наконецъ, резолюція вышла такая, что Павелъ Константинычъ остается управляющимъ, квартира на улицу отнимается, и переводится онъ на задній дворъ, съ тѣмъ, чтобы жена его не смѣла и показываться въ тѣхъ мѣстахъ перваго двора, на которыя можетъ упасть взглядъ хозяйки, и обязана выходить на улицу не иначе, какъ воротами дальними отъ хозяйкиныхъ оконъ. Изъ 20 р. въ мѣсяцъ прибавки къ жалованью, 15 р. отнимаются, а 5 р. оставляются въ вознагражденіе какъ усердія управляющаго къ волѣ хозяйки, такъ и его расходовъ по свадьбѣ дочери.

XX.

У Марьи Алексѣвны было въ мысляхъ нѣсколько проектовъ о томъ, какъ поступить съ Лопуховымъ, когда онъ явится вечеромъ. Самый чувствительный состоялъ въ томъ, чтобы спрятать на кухнѣ двухъ дворниковъ,— они бросятся на Лопухова по данному сигналу и исколотятъ его. Самый патетическій состоялъ въ томъ, чтобы торжественно провозгласить устами своими и Павла Константиныча родительское проклятіе ослушной дочери и ему разбойнику, съ объясненіемъ, что оно сильно,— даже земля, какъ извѣстно, не принимаетъ праха проклятыхъ родителями. Но это были точно такія же мечты, какъ у хозяйки мысль развести Павла Константиныча съ женою; такіе проекты, какъ всякая поэзія, служатъ собственно не для практики, а для отрады сердцу, ложась основаніемъ для безконечныхъ размышленій на единѣ и для иныхъ изъясненій въ бесѣдахъ будущности, что, дескать, я вотъ что могла (или, смотря по полу лица: могъ) сдѣлать, и хотѣла (хотѣлъ), да по своей добротѣ пожалѣла (пожалѣлъ).

Проекты побить Лопухова и проклясть дочь были идеальною стороною мыслей и чувствъ Марьи Алексѣвны. Реальная сторона ея ума и души имѣла направленіе не столь возвышенное и болѣе практическое — разница, неизбѣжная по слабости всякаго человѣческаго существа. Когда Марья Алексѣевна опомнилась у воротъ Пажескаго корпуса, постигла, что дочь дѣйствительно исчезла, вышла за мужъ и ушла отъ нея, этотъ фактъ явился ея сознанію въ формѣ слѣдующаго мысленнаго восклицанія: „обокрала!“ И всю дорогу она продолжала восклицать мысленно, а иногда и въ слухъ: „обокрала!“ Поэтому, задержавшись лишь на нѣсколько минутъ сообщеніемъ скорби своей Ѳедѣ и Матренѣ по человѣческой слабости,—всякій человѣкъ увлекается выраженіемъ чувствъ до того, что забываетъ въ порывѣ души житейскіе интересы минуты,—Марья Алексѣвна пробѣжала въ комнату Вѣрочки, бросилась въ ящики туалета, въ гардеробъ,— окинула все торопливымъ взглядомъ,—нѣтъ, кажется, все цѣло!—и потомъ принялась повѣрять это успокоительное впечатлѣніе по-

дробнымъ пересмотромъ. Оказалось, что дѣйствительно, всѣ вещи и платья остались у нея, кромѣ пары простенькихъ золотыхъ серегъ, да стараго кисейнаго платья, да стараго пальто, въ которыхъ Вѣрочка пошла изъ дому. По этому вопросу реальнаго направленія Марья Алексѣвна ждала, что Вѣрочка дастъ Лопухову списокъ своихъ вещей, чтобы требовать ихъ, и твердо рѣшилась изъ золотыхъ и другихъ такихъ вещей не давать ничего, изъ платьевъ дать четыре, которыя попроще, и дать нѣсколько бѣлья, которое побольше изношено: ничего не дать нельзя, благородное приличіе не дозволяетъ, а Марья Алексѣвна всегда строго соблюдала благородное приличіе.

Другой вопросъ реальной жизни былъ: отношеніе къ хозяйкѣ; мы уже видѣли, что Марьѣ Алексѣвнѣ удалось разрѣшить его удачно.

Теперь, третій вопросъ: что дѣлать съ мерзавкою и подлецомъ, съ дочерью и непрошеннымъ зятемъ? Проклясть?—это не трудно, но годится только, какъ дессертъ къ чему-нибудь существенному. Существенное возможно только одно: подать просьбу, начать дѣло, отдать подъ судъ. Сначала въ волненіи чувствъ, Марья Алексѣвна смотрѣла на это рѣшеніе вопроса идеально, и съ идеальной точки зрѣнія оно представлялось очень привлекательнымъ. Но по мѣрѣ того, какъ успокоивалась кровь, отъ утомленія бурею, дѣло стало обнаруживаться въ другомъ видѣ. Никто не зналъ лучше Марьи Алексѣвны, что дѣла ведутся деньгами и деньгами, а такія дѣла, какъ обольщавшее ее своею идеальною прелестью, ведутся большими и большими деньгами, и тянутся очень долго, и, вытянувъ много денегъ, кончаются совершенно ничѣмъ.

Что же дѣлать? Въ концѣ концовъ выходило, что предстоятъ только два занятія: поругаться съ Лопуховымъ до послѣдней степени удовольствія, и отстоять отъ его требованій Вѣрочкины вещи, а средствомъ тому употребить угрозу подачею жалобы. Но поругаться надобно очень сильно, въ полную сласть.

Не удалось и поругаться. Пришелъ Лопуховъ и началъ въ томъ слогѣ, что мы съ Вѣрочкою просимъ васъ, Марья Алексѣвна и Павелъ Константиныхъ, извинить насъ, что безъ вашего согласія...

Марья Алексѣвна на этомъ словѣ закричала: „Я прокляну ее, негодницу!“

Но вмѣсто слова „негодницу“, успѣло выговориться только „него...“, потому что Лопуховъ сказалъ очень громко: „вашей брани я слушать не стану, я пришелъ говорить о дѣлѣ. Вы сердитесь и не можете говорить спокойно, такъ мы поговоримъ одни, съ Павломъ Константинычемъ, а вы, Марья Алексѣвна, пришлите Ѳедю или Матрену позвать насъ, когда успокоитесь“— и говоря это, уже велъ Павла Константиныча изъ зала въ его кабинетъ, а говорилъ такъ громко, что перекричать его не было возможности, а потому и пришлось остановиться въ своей рѣчи.

Довелъ онъ Павла Константиныча до дверей зала, тутъ остановился, обернулся и сказалъ: „А то, Марья Алексѣвна, теперь же и съ вами буду говорить; только вѣдь о дѣлѣ надобно говорить спокойно“.

Она было опять готовилась закричать, но онъ опять перебилъ: „Ну, не можете говорить спокойно, такъ мы уходимъ“.

— Да ты зачѣмъ уходишь, дуракъ? прокричала Марья Алексѣвна.

— Да онъ меня ведетъ.

— А если Павлу Константинычу было бы тоже неугодно говорить хладнокровно, такъ и я уйду, пожалуй—мнѣ все равно. Только зачѣмъ же вы, Павелъ Константинычъ, позволяете называть себя такими именами? Марья Алексѣвна дѣлъ не знаетъ, она вѣрно думаетъ, что съ нами можно Богъ знаетъ что сдѣлать, а вы чиновникъ, вы дѣловой порядокъ должны знать. Вы скажите ей, что теперь она съ Вѣрочкой ничего не сдѣлаетъ, а со мной и того меньше.

Знаетъ, подлецъ, что съ нимъ ничего не сдѣлаешь, подумала Марья Алексѣвна и сказала Лопухову, что въ первую минуту она погорячилась, какъ мать, а теперь можетъ говорить хладнокровно.

Лопуховъ возвратился съ Павломъ Константинычемъ,—сѣли; Лопуховъ попросилъ ее слушать, пока онъ доскажетъ то, что начнетъ, а ея рѣчь будетъ впереди, и началъ говорить, сильно возвышая голосъ, когда она пробовала перебивать его, и благополучно довелъ до конца свою рѣчь, которая состояла въ томъ, что развѣнчать ихъ нельзя, потому дѣло со Сторешниковымъ—

дѣло пропащее, какъ вы сами знаете, стало быть и утруждать себя вамъ будетъ напрасно, а впрочемъ, какъ хотите: коли лишнія деньги есть, то даже совѣтую попробовать; да что, и огорчаться-то не изъ чего, потому что вѣдь Вѣрочка никогда не хотѣла идти за Сторешникова, стало быть, это дѣло всегда было несбыточное, какъ вы и сами видѣли, Марья Алексѣвна, а дѣвушку во всякомъ случаѣ надобно отдавать за мужъ, а это дѣло вообще убыточное для родителей: надобно приданое, да и свадьба, сама по себѣ, много денегъ стоитъ, а главное, приданое; стало быть, еще надобно вамъ, Марья Алексѣвна и Павелъ Константинычъ, благодарить дочь, что она вышла замужъ безъ всякихъ убытковъ для васъ! Вотъ онъ такъ говорилъ, и прочее, въ этомъ родѣ, и говорилъ онъ обстоятельно, битыхъ полчаса.

Когда онъ кончилъ, то Марья Алексѣвна видѣла, что съ такимъ разбойникомъ нечего говорить, и потому прямо стала говорить о чувствахъ, что она была огорчена собственно тѣмъ, что Вѣрочка вышла замужъ, не испросивши согласія родительскаго, потому что это для материнскаго сердца очень больно; ну, а когда дѣло пошло о материнскихъ чувствахъ и огорченіяхъ, то, натурально, разговоръ сталъ представлять для обѣихъ сторонъ болѣе только тотъ интересъ, что, дескать, нельзя же не говорить и объ этомъ, такъ приличіе требуетъ; удовлетворили приличію, поговорили, — Марья Алексѣвна, что она, какъ любящая мать, была огорчена,—Лопуховъ, что она, какъ любящая мать, можетъ и не огорчаться; когда же исполнили мѣру приличія надлежащею длиною разсужденій о чувствахъ, перешли къ другому пункту, требуемому приличіемъ, что мы всегда желали своей дочери счастья, — съ одной стороны, а съ другой стороны отвѣчалось, что это, конечно, вещь несомнѣнная; когда разговоръ былъ доведенъ до приличной длины и по этому пункту, стали прощаться, тоже съ объясненіями такой длины, какая требуется благороднымъ приличіемъ, и результатомъ всего оказалось, что Лопуховъ, понимая разстройство материнскаго сердца, не проситъ Марью Алексѣвну теперь же дать дочери позволеніе видѣться съ нею, потому что теперь это, быть можетъ, было бы еще тяжело для материнскаго сердца, а что вотъ Марья Алексѣвна будетъ слышать, что Вѣрочка живетъ счастливо, въ чемъ, конечно, всегда и состояло единственное желаніе Марьи Але-

ксѣвны, и тогда материнское сердце ея совершенно успокоится, стало быть, тогда она будетъ въ состояніи видѣться съ дочерью, не огорчаясь.

Такъ на томъ и порѣшили, и разстались миролюбиво.

— Ну, разбойникъ! сказала Марья Алексѣвна, проводивъ зятя.

Ночью даже приснился ей сонъ такого рода, что сидитъ она подъ окномъ, и видитъ: по улицѣ ѣдетъ карета, самая отличная, и останавливается эта карета, и выходитъ изъ кареты пышная дама, и мужчина съ дамой, и входятъ они къ ней въ комнату, и дама говоритъ: посмотрите, мамаша, какъ меня мужъ наряжаетъ! и дама эта—Вѣрочка. И смотритъ Марья Алексѣвна, матерія на платьѣ у Вѣрочки самая дорогая, и Вѣрочка говоритъ: одна матерія 500 цѣлковыхъ стоитъ, и это для насъ, мамаша, пустяки: у меня такихъ платьевъ цѣлая дюжина; а вотъ, мамаша, это дороже стоитъ, — вотъ, на пальцы посмотрите! Смотритъ Марья Алексѣвна на пальцы Вѣрочкѣ, а на пальцахъ перстни съ крупными брильянтами! — Этотъ перстень, мамаша, стоитъ 2.000 р., а этотъ, мамаша, дороже—4000 р., а вотъ на грудь посмотрите, мамаша, эта брошка еще дороже: она стоитъ 10.000 р.! А мужчина говоритъ, и этотъ мужчина Дмитрій Сергѣичъ: „это все для насъ еще пустяки, милая маменька, Марья Алексѣвна! а настоящая-то важность вотъ у меня въ карманѣ: вотъ, милая маменька, посмотрите бумажникъ, какой толстый, и набитъ все однѣми 100-рублевыми бумажками, и этотъ бумажникъ я вамъ, мамаша, дарю, потому что и это для насъ пустяки! а вотъ этого бумажника, который еще толще, милая маменька, я вамъ не подарю, потому что въ немъ бумажекъ нѣтъ, а въ немъ все банковые билеты да векселя, и каждый билетъ и вексель дороже стоитъ, чѣмъ весь бумажникъ, который я вамъ подарилъ, милая маменька, Марья Алексѣвна!“ — Умѣли вы, милый сынъ, Дмитрій Сергѣичъ, составить счастье моей дочери и всего нашего семейства; только откуда же, милый сынъ, вы такое богатство получили? — Я, милая мамаша, пошелъ по откупной части!

И проснувшись, Марья Алексѣвна думаетъ про себя: „истинно, ему бы по откупной части идти“.

XXIV.

Похвальное слово Марьѣ Алексѣвнѣ.

Вы перестаете быть важнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ жизни Вѣрочки, Марья Алексѣвна, и разставаясь съ вами, авторъ этого разсказа проситъ васъ не сѣтовать на то, что вы отпускаетесь со сцены съ развязкою, нѣсколько невыгодной для васъ. Не думаете, что вы черезъ то лишились уваженія. Вы остались одураченною, но это нисколько не роняетъ нашего мнѣнія о вашемъ умѣ, Марья Алексѣвна: ваша ошибка не свидѣтельствуетъ противъ васъ. Вы встрѣтились съ людьми, которыхъ не привыкли встрѣчать прежде, и не грѣхъ вамъ было обмануться въ нихъ, судя по прежнимъ вашимъ опытамъ. Вся ваша прежняя жизнь привела васъ къ заключенію, что люди дѣлятся на два разряда: дураковъ и плутовъ; „кто не дуракъ, тотъ плутъ, непремѣнно плутъ, думали вы, а не плутомъ можетъ быть только дуракъ“. Этотъ взглядъ былъ очень вѣренъ, Марья Алексѣвна, до недавняго времени былъ совершенно вѣренъ, Марья Алексѣвна. Вы встрѣчали, Марья Алексѣвна, людей, которые говорили очень хорошо, и вы видѣли, что всѣ эти люди, безъ исключенія,—или хитрецы, морочащіе людей хорошими словами, или взрослые глупые ребята, не знающіе жизни и не умѣющіе ни за что приняться. Потому вы, Марья Алексѣвна, не вѣрили хорошимъ словамъ, считали ихъ за глупость или обманъ, и вы были правы, Марья Алексѣвна. Вашъ взглядъ на людей уже совершенно сформировался, когда вы встрѣтили первую женщину, которая не была глупа и не была плутовка; вамъ простительно было смутиться, остановиться въ раздумьѣ, не знать, какъ думать о ней, какъ обращаться съ нею. Вашъ взглядъ на людей уже совершенно сформировался, когда вы встрѣтили перваго благороднаго человѣка, который не былъ простодушнымъ, жалкимъ ребенкомъ, зналъ жизнь не хуже васъ, судилъ о ней не менѣе вѣрно, чѣмъ вы, умѣлъ дѣлать дѣло не менѣе основательно, чѣмъ вы; вамъ простительно было ошибиться и принять его за такого же пройдоху, какъ вы. Эти ошибки, Марья Алексѣвна,

не уменьшаютъ моего уваженія къ вамъ, какъ женщинѣ умной и дѣльной. Вы вывели нашего мужа изъ ничтожества, пріобрѣли себѣ обезпеченіе на старость лѣтъ, — это вещи хорошія, и для васъ были вещами очень трудными. Ваши средства были дурны, но ваша обстановка не давала вамъ другихъ средствъ. Ваши средства принадлежатъ вашей обстановкѣ, а не вашей личности, за нихъ безчестье не вамъ, — но честь вашему уму и силѣ вашего характера.

Довольны ли вы, Марья Алексѣвна, признаніемъ этихъ вашихъ достоинствъ? Конечно, вы остались бы довольны и этимъ, потому что вы и не думали никогда претендовать на то, что вы мила или добра; въ минуту невольной откровенности, вы сами признавали, что вы человѣкъ злой и нечестный, и не считали злобы и нечестности своей безчестьемъ для себя, доказывая, что иною вы не могли быть при обстоятельствахъ вашей жизни. Стало быть, вы не станете много интересоваться тѣмъ, что къ похвалѣ вашему уму и силѣ вашего характера не прибавлено похвалы вашимъ добродѣтелямъ, вы и не считаете себя имѣющею ихъ, и не считаете достоинствомъ, а скорѣе считаете принадлежностью глупости имѣть ихъ. Стало быть, вы не стали бы требовать еще другой похвалы, кромѣ той, прежней. Но я могу сказать въ вашу честь еще одно: изъ всѣхъ людей, которыхъ я не люблю и съ которыми не желалъ бы имѣть дѣла, я все-таки охотнѣе буду имѣть дѣло съ вами, чѣмъ съ другими. Конечно, вы безпощадна тамъ, гдѣ это нужно для вашей выгоды. Но если вамъ нѣтъ выгоды дѣлать кому нибудь вредъ, вы не станете дѣлать его изъ какихъ нибудь глупыхъ страстишекъ, вы разсчитываете, что не стоитъ вамъ терять время, трудъ, деньги безъ пользы. Вы, разумѣется, рады были бы изжарить на медленномъ огнѣ вашу дочь и ея мужа, но вы умѣли обуздать мстительное влеченіе, чтобы холодно разсудить о дѣлѣ, и поняли, что изжарить ихъ не удалось бы вамъ; а вѣдь это великое достоинство, Марья Алексѣвна, умѣть понимать невозможность! Понявъ ее, вы и не стали начинать процесса, который не погубилъ бы людей, раздражившихъ васъ; вы разочли, что тѣ мелкія непріятности, которыя надѣлали ли бы имъ хлопотами по процессу, подвергали бы саму васъ гораздо большимъ хлопотамъ и убыткамъ, и потому вы не начали процесса. Если

нельзя побѣдить врага, если нанесеніемъ ему мелочнаго урона самъ дѣлаешь себѣ больше урона, то незачѣмъ начинать борьбы; понявъ это, вы имѣете здравый смыслъ и мужество покориться невозможности безъ напраснаго дѣланья вреда себѣ и другимъ,— это также великое достоинство, Марья Алексѣвна. Да, Марья Алексѣвна, съ вами еще можно имѣть дѣло, потому что вы не хотите зла для зла въ убытокъ себѣ самой — это очень рѣдкое, очень великое достоинство, Марья Алексѣвна! Милліоны людей, Марья Алексѣвна, вреднѣе васъ себѣ и другимъ, хотя не имѣютъ того ужаснаго вида, какой имѣете вы. Изъ тѣхъ, кто не хорошъ, вы еще лучше другихъ, именно потому что вы не безразсудны и не тупоумны. Я радъ былъ бы стереть васъ съ лица земли, но я уважаю васъ: вы не портите никакого дѣла; теперь, вы занимаетесь дурными дѣлами, потому что такъ требуетъ ваша обстановка, но дать вамъ другую обстановку, и вы съ удовольствіемъ станете безвредны, даже полезны, потому что безъ денежнаго разсчета вы не хотите дѣлать зла, а если вамъ выгодно, то можете дѣлать что угодно,—стало быть, даже и дѣйствовать честно и благородно, если такъ будетъ нужно. Вы способны къ этому, Марья Алексѣвна, не вы виноваты въ томъ, что эта способность бездѣйствуетъ въ васъ, что, вмѣсто нея, дѣйствуютъ противоположныя способности, но она есть въ васъ, а этого нельзя сказать о всѣхъ. Дрянные люди не способны ни къ чему; вы только дурной человѣкъ, а не дрянной человѣкъ. Вы выше многихъ и по нравственному масштабу.

Довольны ли вы, Марья Алексѣевна?

— Что, батюшка мой, мнѣ быть довольной-то? Обстоятельства-то мои плоховаты!

— Это и прекрасно, Марья Алексѣвна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Замужество и вторая любовь.

I.

Прошло три мѣсяца послѣ того, какъ Вѣрочка вырвалась изъ подвала. Дѣла Лопуховыхъ шли хорошо. Онъ уже имѣлъ порядочные уроки, досталъ работу у какого-то книгопродавца — переводъ учебника географіи. Вѣра Парловна также имѣла два урока, хотя незавидныхъ, но и не очень плохихъ. Вдвоемъ они получили уже рублей 80 въ мѣсяцъ; на эти деньги нельзя жить иначе, какъ очень небогато, но все-таки испытывать имъ нужды не досталось, средства ихъ понемногу увеличивались, и они разсчитывали, что мѣсяца еще черезъ четыре, или даже скорѣе, они могутъ уже обзавестись своимъ хозяйствомъ (оно такъ и было потомъ).

Порядокъ ихъ жизни устроился, конечно, не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ полу-шутя, полу-серьёзно устраивала его Вѣра Павловна въ день своей фантастической помолвки, но все-таки очень похоже на то. Старикъ и старуха, у которыхъ они поселились, много толковали между собою о томъ, какъ странно живутъ молодые,—будто вовсе и не молодые, — даже не мужъ и жена, а такъ, точно не знаю, кто.

— Значитъ, какъ самъ вижу, и ты, Петровна, разсказываешь, на то похоже, какъ бы сказать, она ему сестра была, али онъ ей братъ.

— Нашелъ, чему прировнять! между братомъ да сестрой никакой церемонности нѣтъ; а у нихъ какъ? онъ встанетъ, пальто надѣнетъ и сидитъ, ждетъ, покуда самоваръ принесешь. Сдѣлаетъ чай, крикнетъ ее, она тоже ужь одѣта выходитъ. Какіе тутъ братъ съ сестрой? А ты такъ скажи: вотъ бываетъ тоже, что не богатые люди, по бѣдности, живутъ, два семейства въ одной квартирѣ,—вотъ этому можно прировнять.

— И какъ это, Петровна, чтобы мужъ къ женѣ войти не могъ: значитъ, не одѣта, нельзя. Это на что похоже?

— А ты то лучше скажи, какъ они вечеромъ-то расходятся. Говоритъ: прощай, миленькій, спокойной ночи! Разойдутся, оба по своимъ комнатамъ сидятъ, книжки читаютъ, онъ тоже пишетъ. Ты слушай, что разъ было. Легла она спать, лежитъ, читаетъ книжку; только слышу черезъ перегородку-то, — на меня тоже что-то сна не было, — слышу, встаетъ. Только, что же ты думаешь? слышу, передъ зеркаломъ стала, значитъ, волоса пригладить. Ну, вотъ какъ есть, точно къ гостямъ выйти собирается. Слышу, пошла. Ну, и я въ корридоръ вышла, стала на стулъ, гляжу въ его-то комнату черезъ стекло. Слышу подошла. — „Можно войти, миленькій?“ А онъ: „сейчасъ, Вѣрочка, минутку погоди“. Лежалъ тоже. Платьишко натянулъ, пальто: ну, думаю, галстухъ подвязывать станетъ: нѣтъ, галстуха не повязалъ, оправился, говоритъ: „теперь можно, Вѣрочка“. „Я, говоритъ, вотъ въ этой книжкѣ не понимаю, ты растолкуй“. Онъ сказалъ:—„Ну, говоритъ, извини, миленькій, что я тебя побезпокоила“. А онъ говоритъ: „ничего, Вѣрочка, я такъ лежалъ, ты не помѣшала“. Ну, она и ушла.

— Такъ и ушла?

— Такъ и ушла.

— И онъ ничего?

— И онъ ничего. Да ты не тому дивись, что ушла, а ты тому дивись: одѣлась, пошла; онъ говоритъ: погоди; одѣлся, тогда говоритъ: войди. Ты про это говори: какое это заведенье?

— А вотъ что, Петровна: это секта такая, значитъ; потому что есть всякія секты.

— Оно похоже на то. Смотри, что вѣрно твое слово.

Другой разговоръ.

— Данилычъ, а вѣдь я ее спросила про ихнее заведенье. Вы говорю, не разсердитесь, что я васъ спрошу: вы какой вѣры будете? — „Обыкновенно какой, русской“, говоритъ. — А супружникъ вашъ?—Тоже, гаворитъ, русской. А секты никакой не изволите содержать?—Никакой, говоритъ, а вамъ почему такъ вздумалось?—Да вотъ почему, сударыня, барыней ли, барышней ли, не знаю, какъ васъ назвать: вы съ муженькомъ-то живете-ли?—засмѣялась: живемъ, говоритъ.

— Засмѣялась?

— Засмѣялась: живемъ, говоритъ. Такъ отчего же у васъ за-

веденье такое, что вы неодѣтая не видите его, точно вы съ нимъ не живете? — Да, это, говоритъ, для того, что зачѣмъ же растрепанной цоказываться? а секты тутъ никакой нѣтъ.—Такъ что же такое? говорю. А для того, говоритъ, что такъ-то любви больше, и размолвокъ нѣтъ.

— А это точно, Петровна, что на правду похоже. Значитъ, всегда въ своемъ видѣ.

— Да она еще какое слово сказала: ежели, говоритъ, я не хочу, чтобы другіе меня въ безобразіи видѣли, такъ мужа-то я больше люблю, значитъ, къ нему-то и вовсе не приходится не умывшись на глаза лѣзть.

— А и это на правду похоже, Петровна: отчего же на чужихъ-то женъ зарятся? Отъ того, что ихъ въ нарядѣ видятъ, а свою въ безобразіи. Такъ въ писаніи говорится, въ притчахъ Соломонихъ. Премудрѣйшій царь былъ.

II.

Хорошо шла жизнь Лопуховыхъ. Вѣра Павловна была всегда весела. Но однажды, — это было мѣсяцевъ черезъ пять послѣ свадьбы, — Дмитрій Сергѣичъ, возвратившись съ урока, нашелъ жену въ какомъ-то особенномъ настроеніи духа: въ ея глазахъ сіяла и гордость, и радость. Тутъ Дмитрій Сергѣичъ припомнилъ, что уже нѣсколько дней можно было замѣчать въ ней признаки пріятной тревоги, улыбающагося раздумья, нѣжной гордости.

— Другъ мой, у тебя есть какое-то веселье: что же ты не подѣлишься со мною?

— Кажется, есть, мой милый, но погоди еще немного: скажу тебѣ тогда, когда это будетъ вѣрно. Надобно подождать еще нѣсколько дней. А это мнѣ будетъ большая радость. Да и ты будешь радъ, я знаю; и Кирсанову, и Мерцаловымъ понравится.

— Но что же такое?

— А ты забылъ, мой миленькій, нашъ уговоръ: не разспрашивать? Скажу, когда будетъ вѣрно.

Прошло еще съ недѣлю.

— Мой миленькій, стану разсказывать тебѣ свою радость. Только ты мнѣ посовѣтуй, ты вѣдь все это знаешь. Видишь,

мнѣ ужь давно хотѣлось что-нибудь дѣлать. Я и придумала, что надо завести швейную; вѣдь это хорошо?

— Ну, мой другъ, у насъ былъ уговоръ, чтобъ я не цаловалъ твоихъ рукъ, да вѣдь то говорилось вообще, а на такой случай уговора не было. Давайте руку, Вѣра Павлова.

— Послѣ, мой миленькій, когда удастся сдѣлать.

— Когда удастся сдѣлать, тогда и не мнѣ дашь цаловать руку, тогда и Кирсановъ, и Алексѣй Петровичъ, и всѣ поцалуютъ. А теперь пока я одинъ. И намѣреніе стоитъ этого.

— Насиліе? я закричу.

— А кричи.

— Миленькій мой, я застыжусь и не скажу ничего. Будто ужь это такая важность!

— А вотъ какая важность, мой другъ: мы всѣ говоримъ и ничего не дѣлаемъ. А ты позже насъ всѣхъ стала думать объ этомъ, и раньше всѣхъ рѣшилась приняться за дѣло.

Вѣрочка припала головою къ груди мужа, спряталась:— Милый мой, ты захвалилъ меня.

Мужъ поцаловалъ ея голову:—Умная головка.

— Миленькій мой, перестань. Вотъ тебѣ и сказать нельзя; видишь, какой ты.

— Перестану: говори, моя добрая.

— Не смѣй такъ называть!

— Ну, злая.

— Ахъ, какой ты! все мѣшаешь. Ты слушай, сиди смирно. Вѣдь тутъ, мнѣ кажется, главное то, чтобы съ самаго начала, когда выбираешь немногихъ, дѣлать осмотрительно, чтобы это были, въ самомъ дѣлѣ люди честные, хорошіе, не легкомысленные, не шаткіе, настойчивые и вмѣстѣ мягкіе, чтобы отъ нихъ не выходило пустыхъ ссоръ, и чтобы они умѣли выбирать другихъ,—такъ?

— Такъ, мой другъ.

— Теперь я нашла трехъ такихъ дѣвушекъ. Ахъ, сколько я искала! вѣдь я, мой миленькій, ужь мѣсяца три заходила въ магазины, знакомилась, — и нашла. Такія славныя дѣвушки. Я съ ними хорошо познакомилась.

— И надобно, чтобъ онѣ были хорошія мастерицы своего

дѣла; вѣдь нужно, чтобы дѣло шло собственнымъ достоинствомъ, вѣдь все должно быть основано на торговомъ разсчетѣ.

— Ахъ, еще бы нѣтъ, это разумѣется.

— Такъ что-жь еще? о чемъ со мной совѣтоваться?

— Да подробности, мой миленькій.

— Разсказывай подробности; да, вѣрно, ты сама все обдумала и съумѣешь приспособиться къ обстоятельствамъ. Ты знаешь, тутъ важнѣе всего принципъ, да характеръ, да умѣнье. Подробности опредѣляются сами собою, по особеннымъ условіямъ каждой обстановки.

— Знаю, но все-таки, когда ты скажешь, что это такъ, я буду больше увѣрена.

Они толковали долго. Лопуховъ не нашелъ ничего поправить въ планѣ жены; но для нея самой планъ ея развился и прояснился отъ того, что она разсказывала его.

На другой день Лопуховъ отнесъ въ контору полицейскихъ вѣдомостей объявленіе, что „Вѣра Павловна Лопухова принимаетъ заказы на шитье дамскихъ платьевъ, бѣлья“ и т. д., „по сходнымъ цѣнамъ“ и проч.

Въ то же утро Вѣра Павловна отправилась къ Жюли. Нынѣшней моей фамиліи она не знаетъ, — скажите, что m-lle Розальская“.

— Дитя мое, вы безъ вуаля, открыто, ко мнѣ, и говорите свою фамилію слугѣ, но это безумство, вы губите себя, мое дитя.

— Да вѣдь я же теперь замужемъ, и могу быть вездѣ и дѣлать, что хочу.

— Но вашъ мужъ,—онъ узнаетъ.

— Онъ черезъ часъ будетъ здѣсь. Начались разспросы о томъ, какъ она вышла замужъ. Жюли была въ восторгѣ, обнимала ее, цаловала, плакала. Когда пароксизмъ прошелъ, Вѣра Павловна стала говорить о цѣли своего визита.

— Вы знаете, старыхъ друзей не вспоминаютъ иначе, какъ тогда, когда имѣютъ въ нихъ надобность. У меня къ вамъ большая просьба. Я завожу швейную мастерскую. Давайте мнѣ заказы и рекомендуйте меня вашимъ знакомымъ. Я сама хорошо шью, и помощницы у меня хорошія, — да вы знаете одну изъ нихъ. Дѣйствительно, Жюли знала одну изъ нихъ за отличную

швею. — Вотъ вамъ образцы моей работы. И это платье я дѣлала сама себѣ: вы видите, какъ хорошо сидитъ.

Жюли очень внимательно разсмотрѣла, какъ сидитъ платье, разсмотрѣла шитье платка, рукавчиковъ, и осталась довольна.

— Мое дитя, вы могли бы имѣть хорошій успѣхъ, у васъ есть мастерство и вкусъ. Но для этого надобно имѣть пышный магазинъ на Невскомъ.

— Да, я заведу современемъ; это будетъ моя цѣль. Теперь я принимаю заказы на дому. Кончили дѣло, начали опять толковать о замужествѣ Вѣрочки.

— А этотъ Сторешникъ, онъ двѣ недѣли кутилъ ужасно: но потомъ помирился съ Аделью. Я очень рада за Адель: онъ добрый малый; только жаль, что Адель не имѣетъ характера.

Выѣхавъ на свою дорогу, Жюли пустилась болтать о похожденіяхъ Адели и другихъ: теперь m-lle Розальская уже дама, слѣдовательно, Жюли не считала нужнымъ сдерживаться; сначала она говорила разсудительно, потомъ увлекалась, увлекалась, и стала описывать кутежи съ восторгомъ, и пошла, и пошла; Вѣра Павловна сконфузилась, Жюли ничего не замѣчала; Вѣра Павловна оправилась и слушала уже съ тѣмъ тяжелымъ интересомъ, съ какимъ разсматриваешь черты милаго лица, искаженныя болѣзнью. Но вошелъ Лопуховъ. Жюли мгновенно обратилась въ солидную свѣтскую даму, исполненную строжайшаго такта. Однако, и эту роль она выдержала не долго. Начавъ поздравлять Лопухова съ женою, такою красавицею, она опять разгорячилась: — „нѣтъ, мы должны праздновать вашу свадьбу“; велѣла подать завтракъ на скорую руку, подать шампанское, Вѣрочка была должна выпить полстакана за свою свадьбу, полстакана за свою мастерскую, полстакана за саму Жюли. У нея закружилась голова, подняли онѣ съ Жюли крикъ, шумъ, гамъ; Жюли ущипнула Вѣрочку, вскочила, побѣжала, Вѣрочка за нею: бѣготня по комнатамъ, прыганье по стульямъ; Лопуховъ сидѣлъ и смѣялся. Кончилось тѣмъ, что Жюли вздумала хвалиться силою: „я васъ подниму на воздухъ одною рукою“. — „Не поднимете“. Принялись бороться, упали обѣ на диванъ, и уже не захотѣли встать, а только продолжали кричать, хохотать, и обѣ заснули.

Съ давняго времени, это былъ первый случай, когда Лопу-

ховъ не зналъ, что ему дѣлать. Будить? жалко, испортишь все веселое свиданье неловкимъ концомъ. Онъ осторожно всталъ, пошелъ по комнатѣ, не попадется ли книга. Книга попалась — Chronique de l'Oeil de Boeuf,—вещь, передъ которою „Фоблазъ" вялъ; онъ усѣлся на диванъ въ другомъ концѣ комнаты, сталъ читать, и черезъ четверть часа самъ заснулъ отъ скуки.

Часа черезъ два, Полина разбудила Жюли: было время обѣдать. Сѣли одни, безъ Сержа, который былъ на какомъ-то парадномъ обѣдѣ; Жюли и Вѣрочка опять покричали, опять посолидничали, при прощаньи стали вовсе солидны, и Жюли вздумала спросить,—прежде не случилось вздумать,—зачѣмъ Вѣрочка заводитъ мастерскую? вѣдь если она думаетъ о деньгахъ, то гораздо легче ей сдѣлаться актрисою, даже пѣвицею: у нея такой сильный голосъ; по этому случаю опять усѣлись. Вѣрочка стала разсказывать свои мысли, и Жюли опять пришла въ энтузіазмъ, и посыпались благословенья, перемѣшанныя съ тѣмъ, что она, Жюли ле-Телье, погибшая женщина,—и слезы, но что она знаетъ, что такое „добродѣтель"—и опять слезы, и обниманья, и опять благосовленья.

Дня черезъ четыре, Жюли пріѣхала къ Вѣрѣ Павловнѣ и дала довольно много заказовъ отъ себя, дала адресы нѣсколькихъ своихъ пріятельницъ, отъ когорыхъ также можно получить заказы. Она привезла съ собою Сержа, сказавъ, что безъ этого нельзя: Лопуховъ былъ у меня, ты долженъ теперь сдѣлать ему визитъ. Жюли держала себя солидно, и выдержала солидность безъ малѣйшаго отступленія, хотя просидѣла у Лопуховыхъ долго; она видѣла, что тутъ не стѣны, а жиденькія перегородки, а она умѣла дорожить чужими именами. Въ азартъ она не приходила, а впадала больше въ буколическое настроеніе, съ восторгомъ вникая во всѣ подробности бѣдноватаго быта Лопуховыхъ и находя, что именно такъ слѣдуетъ жить, что иначе нельзя жить, что только въ скромной обстановкѣ возможно истинное счастье. и даже объявила Сержу, что они съ нимъ отправятся жить въ Швейцарію, поселятся въ маленькомъ домикѣ среди полей и горъ, на берегу озера, будутъ любить другъ друга, удить рыбу, ухаживать за своимъ огородомъ; Сержъ сказалъ, что онъ совершенно согласенъ, но посмотритъ, что она будетъ говорить часа черезъ три, четыре.

Громъ изящной кареты и топотъ удивительныхъ лошадей Жюли произвели потрясающее впечатлѣніе въ населеніи 5-й линіи между Среднимъ и Малымъ проспектами, гдѣ ничего подобнаго не было видано, по крайней мѣрѣ, со временъ Петра Великаго, если не раньше. Много глазъ смотрѣли, какъ дивный феноменъ остановился у запертыхъ воротъ одно-этажнаго деревяннаго домика въ 7 оконъ, какъ изъ удивительной кареты явился новый, еще удивительнѣйшій феноменъ, великолѣпная дама съ блестящимъ офицеромъ, важное достоинство котораго не подлежало сомнѣнію. Всеобщее огорченіе было произведено тѣмъ, что черезъ минуту ворота отперлись и карета въѣхала на дворъ: любознательность лишилась надежды видѣть величественнаго офицера и еще величественнѣйшую даму вторично при ихъ отъѣздѣ. Когда Данилычъ возвратился домой съ торговли, у Петровны съ нимъ произошелъ разговоръ.

— Петровичъ, а видно жильцы-то наши изъ важныхъ людей. Пріѣзжали къ нимъ генералъ съ генеральшею. Генеральша такъ одѣта, что и разсказать нельзя, а на генералѣ двѣ звѣзды.

Какимъ образомъ Петровна видѣла звѣзды на Сержѣ, который еще не имѣлъ ихъ, да еслибъ и имѣлъ, то вѣроятно не носилъ бы при проѣздкахъ на службѣ Жюли, это вещь изумительная; но что, дѣйствительно, она видѣла ихъ, что не ошибалась и не хвастала, это не она свидѣтельствуетъ, это я за нее также ручаюсь: она видѣла ихъ. Это мы знаемъ, что на немъ ихъ не было; но у него былъ такой видъ, что съ точки зрѣнія Петровны нельзя было не увидать на немъ двухъ звѣздъ,—она и увидѣла ихъ; не шутя я вамъ говорю: увидѣла.

— И на лакеѣ ливрея какая, Данилычъ: сукно англійское, по 5 рублей аршинъ; онъ суровый такой, важный, но учтивъ, отвѣчаетъ; давалъ и пробовать на рукавѣ, отличное сукно. Видно, что денегъ-то куры не клюютъ. И сидѣли они у нашихъ, Данилычъ, часа два, и наши съ ними говорятъ просто, вотъ какъ я съ тобою, и не кланяются имъ, и смѣются съ ними; и нашъ-то сидитъ съ генераломъ, оба развалившись, въ креслахъ-то, и курятъ, и нашъ куритъ при генералѣ, и развалился; да чего?— папироска погасла, такъ онъ взялъ у генерала-то, да и закурилъ свою-то. А ужь съ какимъ почтеніемъ генералъ ручку поцало-

валъ у нашей-то, и разсказать нельзя. Какъ же теперь это дѣло разсудить, Данилычъ?

— Все отъ Бога, я такъ разсуждаю; значитъ, и знакомство али родство какое, — отъ Бога.

— Такъ, Данилычъ, отъ Бога, слова нѣтъ; а я и такъ думаю, что либо нашъ, либо наша, приходятся, либо братомъ, либо сестрой, либо генералу, либо генеральшѣ. И признаться, я больше на нее думаю, что она генералу сестра.

— Какъ же это будетъ по твоему, Петровна? Не похоже что-то. Какъ бы такъ, у нихъ бы деньги были.

— А такъ, Данилычъ, что мать не въ бракѣ родила, либо отецъ не въ бракѣ родилъ. Потому лицо другое: подобія-то, точно, нѣтъ.

— Это можетъ статься, Петровна, что не въ бракѣ. Бываетъ.

Петровна на четыре цѣлые дня пріобрѣла большую важность въ своей мелочной лавочкѣ. Эта лавочка цѣлые три дня отвлекала часть публики изъ той, которая наискось. Петровна для интересовъ просвѣщенія даже нѣсколько пренебрегла въ эти дня своимъ штопаньемъ, утоляя жажду жаждущихъ знанія.

Слѣдствіемъ всего этого было, что черезъ недѣлю явился къ дочери и зятю Павелъ Константинычъ.

Марья Алексѣвна собирала свѣдѣнія о жизни дочери и разбойника,—не то, чтобы постоянно и заботливо, а такъ, вообще, тоже больше изъ чисто научнаго инстинкта любознательности. Одной изъ мелкихъ ея кумушекъ, жившей на Васильевскомъ, было поручено справляться о Вѣрѣ Павловнѣ, когда случится идти мимо, и кумушка доставляла ей свѣдѣнія, иногда разъ въ мѣсяцъ, иногда и чаще, какъ случится. Лопуховы живутъ между собою въ ладу. Дебоша никакого нѣтъ. Одно только: молодыхъ людей много бываетъ, да все мужнины пріятели и скромные. Живутъ небогато; но видно, что деньги есть. Не то что продавать, а покупаютъ. Сшила себѣ два шелковыхъ платья. Купили два дивана, столъ къ дивану, полъ-дюжины креселъ, по случаю; заплатили 40 руб., а мебель хорошая, рублей сто надо дать. Сказывали хозяевамъ, чтобъ искали новыхъ жильцовъ: мы говоритъ, черезъ мѣсяцъ на свою квартиру съѣдемъ, а вами, значитъ хозяевами-то, очень благодарны за расположеніе; ну, и хозяева: и мы, говорятъ, вами тоже.

Марья Алексѣвна утѣшалась этими слухами. Женщина очень грубая и очень дурная, она мучила дочь, готова была и убить, и погубить ее для своей выгоды, и проклинала ее, потерпѣвъ черезъ нее разстройство своего плана обогатиться—это такъ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что она не имѣла къ дочери никакой любви? Нисколько не слѣдуетъ. Когда дѣло было кончено, когда дочь безвозвратно вырвалась изъ ея рукъ, что-жъ было дѣлать? Что съ возу упало, то пропало. А все-таки дочь; и теперь, когда уже не представлялось никакого случая, чтобы какой нибудь вредъ Вѣры Павловны могъ служить для выгоды Марьѣ Алексѣвнѣ, мать искренно желала дочери добра. И опять не то, чтобы желала, ужь Богъ знаетъ, какъ, но это все равно: по крайней мѣрѣ она все-таки не Богъ знаетъ съ какою внимательностію шпіонила за нею. Мѣры для слѣженія за дочерью были приняты только такъ, между прочимъ, потому что, согласитесь, нельзя же не слѣдить; ну, и желанье добра было тоже между прочимъ, потому что, согласитесь, все-таки дочь. Почему жь и не помириться? тѣмъ больше, что разбойникъ-зять, изо всего видно, человѣкъ основательный, можетъ быть, и пригодится современемъ. Такимъ образомъ, Марья Алексѣевна шла по немногу къ мысли возобновить сношенія съ дочерью. Понадобилось бы еще съ полгода, пожалуй, съ годъ, чтобы доплестись до этого: не было нужды торопиться, время терпитъ. Но извѣстіе о генералѣ съ генеральшею разомъ двинуло исторію впередъ на всю остававшуюся половину пути. Разбойникъ, дѣйствительно, оказывался шельмецомъ. Отставной студентишка безъ чина, съ двумя грошами денегъ, вошелъ въ дружбу съ молодымъ, стало быть, ужъ очень важнымъ, богатымъ генераломъ и подружилъ свою жену съ его женою: такой человѣкъ далеко пойдетъ. Или это Вѣра подружилась съ генеральшею и мужа подружила съ генераломъ? все равно, значитъ Вѣра далеко пойдетъ.

Итакъ, немедленно по полученіи свѣдѣнія о визитѣ, отправленъ былъ отецъ объявить дочери, что мать простила ее и зоветъ къ себѣ. Вѣра Павловна и мужъ отправились съ Павломъ Константинычемъ и просидѣли начало вечера. Свиданіе было холодно и натянуто. Говорили больше всего о Ѳедѣ, потому что это предметъ не щекотливый. Онъ ходилъ въ гимназію; уговорили Марью Алексѣвну отдать его въ пансіонъ гимназіи, —

Дмитрій Сергѣичъ будетъ тамъ навѣщать его, а по праздникамъ Вѣра Павловна будетъ брать его къ себѣ. Кое-какъ дотянули время до чаю, потомъ спѣшили разстаться: Лопуховы сказали, что у нихъ нынѣче будутъ гости.

Полгода Вѣра Павловна дышала чистымъ воздухомъ, грудь ея уже совершенно отвыкла отъ тяжелой атмосферы хитрыхъ словъ, изъ которыхъ каждое произносится по корыстному разсчету, отъ слушанія мошенническихъ мыслей, низкихъ плановъ, и страшное впечатлѣніе произвелъ на нее ея подвалъ. Грязь, пошлость, цинизмъ всякаго рода—все это бросалось теперь въ глаза ей съ рѣзкостью новизны.

„Какъ у меня доставало силы жить въ такихъ гадкихъ стѣсненіяхъ? Какъ я могла дышать въ этомъ подвалѣ? И не только жила, даже осталась здорова. Это удивительно, непостижимо. Какъ я могла тутъ вырости съ любовью къ добру? Непонятно, невѣроятно“, думала Вѣра Павловна, возвращаясь домой, и чувствовала себя отдыхающею послѣ удушья.

Когда они пріѣхали домой, къ нимъ черезъ нѣсколько времени собрались гости, которыхъ они ждали, — обыкновенные тогдашніе гости: Алексѣй Петровичъ съ Натальей Андревной, Кирсановъ, — и вечеръ прошелъ, какъ обыкновенно проходилъ съ ними. Какъ вдвойнѣ отрадна показалась Вѣрѣ Павловнѣ ея новая жизнь съ чистыми мыслями, въ обществѣ чистыхъ людей! По обыкновенію, шелъ и веселый разговоръ со множествомъ воспоминаній, шелъ и серьёзный разговоръ обо всемъ на свѣтѣ: отъ тогдашнихъ историческихъ дѣлъ (междоусобная война въ Канзасѣ, предвѣстница нынѣшней великой войны сѣвера съ югомъ, предвѣстницы еще болѣе великихъ событій не въ одной Америкѣ, занимала этотъ маленькій кружокъ: теперь о политикѣ толкуютъ всѣ, тогда интересовались ею очень немногіе; въ числѣ немногихъ — Лопуховъ, Кирсановъ, ихъ пріятели) до тогдашняго спора о химическихъ основаніяхъ земледѣлія по теоріи Либиха; и о законахъ историческаго прогресса, безъ которыхъ не обходился тогда ни одинъ разговоръ въ подобныхъ кружкахъ, и о великой важности различенія реальныхъ желаній, которыя ищутъ и находятъ себѣ удовлетвореніе, отъ фантастическихъ, которымъ не находится, да которымъ и не нужно найти себѣ удовлетвореніе, какъ фальшивой жаждѣ во время горячки, которымъ, какъ

ей, одно удовлетвореніе: излеченіе организма, болѣзненнымъ состояніемъ котораго они порождаются черезъ искаженіе реальныхъ желаній, и о важности этого кореннаго различенія, выставленной тогда антропологическою философіею, и обо всемъ, тому подобномъ и неподобномъ, но родственномъ. Дамы по временамъ и вслушивались въ эти учености, говорившіяся такъ просто, будто и не учености, и вмѣшивались въ нихъ своими вопросами, а больше — больше, разумѣется, не слушали, даже обрызгали водою Лопухова и Алексѣя Петровича, когда они уже очень восхитились великою важностью минеральнаго удобренія; но Алексѣй Петровичъ и Лопуховъ толковали о своихъ ученостяхъ непоколебимо. Кирсановъ плохо помогалъ имъ, былъ больше, даже вовсе на сторонѣ дамъ, и они втроемъ играли, пѣли, хохотали до глубокой ночи, когда, уставши, развели наконецъ и непоколебимыхъ ревнителей серьёзнаго разговора.

III.

Второй сонъ Вѣры Павлоны.

И вотъ Вѣра Павлова засыпаетъ, и снится Вѣрѣ Павловнѣ сонъ.

Поле, и по полю ходятъ мужъ, то есть, миленькій, и Алексѣй Петровичъ, и миленькій говоритъ: „вы интересуетесь знать, Алексѣй Петровичъ, почему изъ одной грязи родится пшеница такая бѣлая, чистая и нѣжная, а изъ другой грязи не родится? Эту разницу вы сами сейчасъ увидите. Посмотрите корень этого прекраснаго колоса: около корня грязь, но эта грязь свѣжая, можно сказать, чистая грязь; слышите, запахъ сырой, непріятный, но не затхлый, не скиснувшійся. Вы знаете, что на языкѣ философіи, которой мы съ вами держимся, эта чистая грязь называется реальная грязь. Она грязна, это правда; но всмотритесь въ нее хорошенько, вы увидите, что всѣ элементы, изъ которыхъ она состоитъ, сами по себѣ здоровы. Они составляютъ грязь въ этомъ соединеніи, но пусть немного перемѣнится расположеніе атомовъ, и выйдетъ что-нибудь другое: и все другое, что выйдетъ, будетъ также здоровое, потому что основные

элементы здоровы. Откуда же здоровое свойство этой грязи? обратите вниманіе на положеніе этой поляны: вы видите, что вода здѣсь имѣетъ стокъ, и потому здѣсь не можетъ быть гнилости".

— Да, движеніе есть реальность, говоритъ Алексѣй Петровичъ, потому что движеніе — это жизнь, а реальность и жизнь одно и то же. Но жизнь имѣетъ главнымъ своимъ элементомъ трудъ, а потому главный элементъ реальности—трудъ, а самый вѣрный признакъ реальности — дѣльность.

— Такъ видите, Алексѣй Петровичъ, когда солнце станетъ согрѣвать эту грязь и теплота станетъ перемѣщать ея элементы въ болѣе сложныя химическія сочетанія, то есть въ сочетанія высшихъ формъ, колосъ, который выростаетъ изъ этой грязи отъ солнечнаго свѣта, будетъ здоровый колосъ.

— Да, потому что это грязь реальной жизни, говоритъ Алексѣй Петровичъ.

— Теперь перейдемъ на эту поляну. Беремъ и здѣсь растеніе, также разсматриваемъ его корень. Онъ также загрязненъ. Обратите вниманіе на характеръ этой грязи. Не трудно замѣтить, что эта грязь гнилая.

— То есть, фантастическая грязь, по научной терминологіи, говоритъ Алексѣй Петровичъ.

— Такъ; элементы этой грязи находятся въ нездоровомъ состояніи. Натурально, что какъ бы они ни перемѣщались, и какія бы другія вещи, не похожія на грязь, ни выходили изъ этихъ элементовъ, всѣ эти вещи будутъ нездоровыя, дрянныя.

— Да, потому что самые элементы нездоровы, говоритъ Алексѣй Петровичъ.

— Намъ не трудно будетъ открыть причину этого нездоровья...

— То есть, этой фантастической гнилости, говоритъ Алексѣй Петровичъ.

— Да, гнилости этихъ элементовъ, если мы обратимъ вниманіе на положеніе этой поляны. Вы видите, вода не имѣетъ стока изъ нея, потому застаивается, гніетъ.

— Да, отсутствіе движенія есть отсутствіе труда, говоритъ Алексѣй Петровичъ:—потому что трудъ представляется въ антропологическомъ анализѣ коренною формою движенія, дающею

основаніе и содержаніе всѣмъ другимъ формамъ: развлеченію, отдыху, забавѣ, веселью; онѣ безъ предшествующаго труда не имѣютъ реальности. А безъ движенія нѣтъ жизни, то есть реальности, потому это грязь фантастическая, то есть гнилая. До недавняго времени не знали, какъ возвращать здоровье такимъ полянамъ; но теперь открыто средство; это — дренажъ: лишняя вода сбѣгаетъ по канавамъ, остается воды сколько нужно, и она движется, и поляна получаетъ реальность. Но пока это средство не примѣнено, эта грязь остается фантастическою, то есть гнилою, а на ней не можетъ быть хорошей растительности; между тѣмъ какъ очень натурально, что на грязи реальной являются хорошія растенія, такъ какъ она грязь здоровая. Что и требовалось доказать: o-e-a-a-dum, какъ говорится по латинѣ.

Какъ говорится по латинѣ „что и требовалось доказать“, Вѣра Павловна не можетъ разслушать.

— А у васъ Алексѣй Петровичъ, есть охота забавляться кухонною латинью и силлогистикою, говоритъ миленькій, то есть мужъ.

Вѣра Павловна подходитъ къ нимъ и говоритъ: да полно-те вамъ толковать о своихъ анализахъ, тожествахъ и антропологизмахъ, пожалуйста, господа, что нибудь другое, чтобъ и я могла участвовать въ разговорѣ, или лучше давайте играть.

— Давайте играть, говоритъ Алексѣй Петровичъ:— давайте исповѣдываться.

— Давайте, давайте, это будетъ очень весело, говоритъ Вѣра Павловна:—но вы подали мысль, вы покажите и примѣръ исполненія.

— Съ удовольствіемъ, сестра моя, говоритъ Алексѣй Петровичъ:—но вамъ сколько лѣтъ, милая сестра моя, осьмнадцать?

— Скоро будетъ девятнадцать.

— Но еще нѣтъ; потому положимъ осьмнадцать, и будемъ всѣ исповѣдываться до осьмнадцати лѣтъ, потому что нужно равенство условій. Я буду исповѣдываться за себя и за жену. Мой отецъ былъ дьячокъ въ губернскомъ городѣ и занимался переплетнымъ мастерствомъ, а мать пускала на квартиру семинаристовъ. Съ утра до ночи, отецъ и мать все хлопотали и толковали о кускѣ хлѣба. Отецъ выпивалъ, но только когда приходилась нужда не въ терпежъ,—это реальное горе, или когда до-

ходъ бымъ порядочный: тутъ онъ отдавалъ матери всѣ деньги и говорилъ: „ну, матушка, теперь, слава Богу, на два мѣсяца нужды не увидишь; а я себѣ полтинничекъ оставилъ, на радости выпью“—это реальная радость. Моя мать часто сердилась, иногда бивала меня; но тогда, когда у нея, какъ она говорила, отнималась поясница отъ тасканья корчагъ и чугуновъ, отъ мытья бѣлья, на насъ пятерыхъ и на пять человѣкъ семинаристовъ, и мытья половъ, загрязненныхъ нашими двадцатью ногами, не носившими калошъ и ухода за коровой: это —реальное раздраженіе нервъ, чрезмѣрною работою безъ отдыха; и когда, при всемъ этомъ, „концы не сходились“, какъ она говорила, то есть не хватало денегъ на покупку сапогъ кому нибудь изъ насъ, братьевъ, или на башмаки сестрамъ,—тогда она бивала насъ. Она и ласкала насъ, когда мы, хоть глупенькія дѣти, сами вызывались помогать ей въ работѣ, или когда мы дѣлали что нибудь другое умное, или когда выдавалась ей рѣдкая минута отдохнуть, и ея „поясницу отпускало“, какъ она говорила,— это все реальныя радости...

— Ахъ, довольно вашихъ реальныхъ горестей и радостей, говоритъ Вѣра Павловна.

— Въ такомъ случаѣ, извольте слушать исповѣдь за Наташу.

— Не хочу слушать: въ ней такія же реальныя горести и радости, знаю.

— Совершенная правда.

— Но, быть можетъ, вамъ интересно будетъ выслушать мою исповѣдь, говорилъ Сержъ, неизвѣстно откуда взявшійся.

— Посмотримъ, говоритъ Вѣра Павловна.

— Мой отецъ и мать, хотя были люди богатые, тоже вѣчно хлопотали и толковали о деньгахъ; и богатые люди не свободны отъ такихъ же заботъ...

— Вы не умѣете исповѣдаться, Сержъ, любезно говоритъ Алексѣй Петровичъ:—вы скажите, почему они хлопотали о деньгахъ, какіе расходы ихъ безпокоили, какимъ потребностямъ затруднялись они удовлетворять?

— Да, конечно, я понимаю, къ чему вы спрашиваете, говоритъ Сержъ:—но оставимъ этотъ предметъ, обратимся къ другой сторонѣ ихъ мыслей. Они также заботились о дѣтяхъ.

— А кусокъ хлѣба былъ обезпеченъ ихъ дѣтямъ? спрашиваетъ Алексѣй Петровичъ.

— Конечно; но должно было позаботиться о томъ, чтобы...

— Не исповѣдуйтесь Сержъ! говоритъ Алексѣй Петровичъ:— мы знаемъ вашу исторію; заботы объ излишнемъ, мысли о ненужномъ,—вотъ почва, на которой вы выросли; это почва фантастическая. Потому, посмотрите вы на себя: вы отъ природы человѣкъ и не глупый, и очень хорошій, быть можетъ, не хуже и не глупѣе насъ, а къ чему же вы пригодны, на что вы полезны?

— Пригоденъ на то, чтобы провожать Жюли повсюду, куда она беретъ меня съ собою; полезенъ на то, чтобы Жюли могла кутить, отвѣчаетъ Сержъ.

— Изъ этого мы видимъ, говоритъ Алексѣй Петровичъ:— что фантастическая или нездоровая почва...

— Ахъ, какъ вы надоѣли съ вашею реальностью и фантастичностью! Давно понятно, а они продолжаютъ толковать! говоритъ Вѣра Павловна.

— Такъ не хочешь ли потолковать со мною? говоритъ Марья Алексѣвна, тоже неизвѣстно откуда взявшаяся: — вы, господа, удалитесь, потому что мать хочетъ говорить съ дочерью.

Всѣ исчезаютъ. Вѣрочка видитъ себя наединѣ съ Марьей Алексѣвною. Лицо Марьи Алексѣвны принимаетъ насмѣшливое выраженіе.

— Вѣра Павловна, вы образованная дама, вы такая чистая и благородная, говоритъ Марья Алексѣвна, и голосъ ея дрожитъ отъ злобы: — вы такая добрая... какъ же мнѣ, грубой и злой пьяницѣ, разговаривать съ вами? У васъ, Вѣра Павловна, злая и дурная мать; а позвольте васъ спросить, сударыня, о чемъ эта мать заботилась? о кускѣ хлѣба; это по вашему, по ученому, реальная, истинная, человѣческая забота, не правда ли? Вы слышали ругательства, вы видѣли дурныя дѣла и низости; а позвольте васъ спросить, какую цѣль они имѣли? пустую, вздорную? Нѣтъ, сударыня. Нѣтъ сударыня, какова бы ни была жизнь вашего семейства, но эта была не пустая, фантастическая жизнь. Видите, Вѣра Павловна, я выучилась говорить по вашему, по ученому. Но вамъ, Вѣра Павловна, прискорбно и стыдно, что ваша мать дурная и злая женщина? Вамъ угодно, Вѣра Павловна,

чтобъ я была доброю и честною женщиною? Я вѣдьма, Вѣра Павловна, я умѣю колдовать, я могу исполнить ваше желаніе. Извольте смотрѣть, Вѣра Павловна, ваше желаніе исполняется: я, злая, исчезаю; смотрите на добрую мать и ея дочь.

Комната. У порога храпитъ пьяный, небритый, гадкій мужчина. Кто это — нельзя узнать, лицо на половину закрыто рукою, на половину покрыто синяками. Кровать. На кровати женщина,—да, это Марья Алексѣвна только добрая! за то, какая она блѣдная, дряхлая въ свои 45 лѣтъ, какая изнуренная! У кровати дѣвушка лѣтъ 18, да это я сама, Вѣрочка; только какая же я образованная. Да что это? у меня и цвѣтъ лица какой-то желтый, да черты грубѣе, да и комната какая бѣдная! Мебели почти нѣтъ. — „Вѣрочка, другъ мой, ангелъ мой, говоритъ Марья Алексѣевна: — прилягъ, отдохни, сокровище, ну, что на меня смотрѣть, я и такъ полежу. Вѣдь ты третью ночь не спишь.

— Ничего, маменька, я не устала, говоритъ Вѣрочка.

— А мнѣ все нѣтъ лучше, Вѣрочка: какъ-то ты безъ меня останешься? У отца жалованьишко маленькое, и самъ-то онъ плохая тебѣ опора. Ты дѣвушка красивая; злыхъ людей на свѣтѣ много. Предостеречь тебя будетъ некому. Боюсь я за тебя. — Вѣрочка плачетъ.

— Милая моя, ты не огорчись, я тебѣ не въ укоръ это скажу, а въ предостереженье: ты зачѣмъ въ пятницу изъ дому уходила, за день передъ тѣмъ, какъ я разнемоглась?—Вѣрочка плачетъ.

— Онъ тебя обманетъ, Вѣрочка, брось ты его.

— Нѣтъ, маменька.

Два мѣсяца. Какъ это, въ одну минуту, прошли два мѣсяца?

Сидитъ офицеръ. На столѣ передъ офицеромъ бутылка. На колѣняхъ у офицера она, Вѣрочка.

Еще два мѣсяца прошли въ одну минуту.

Сидитъ барыня. Передъ барынею стоитъ она, Вѣрочка.

— А гладить умѣешь, милая?

— Умѣю.

— А изъ какихъ ты милая? крѣпостная или вольная?

— У меня отецъ чиновникъ.

— Такъ изъ благородныхъ, милая? Такъ я тебя нанять не могу. Какая ты будешь слуга? Ступай, моя милая, не могу.

Вѣрочка на улицѣ.

— Мамзель, а мамзель, говоритъ какой-то пьяноватый юноша:—вы куда идете? Я васъ провожу.—Вѣрочка бѣжитъ къ Невѣ.

— Что, моя милая, насмотрѣлась, какая ты у доброй-то матери была? говоритъ прежняя, настоящая Марья Алексѣвна: — хорошо я колдовать умѣю? Аль не угадала? Что молчишь? Языкъ-то есть? Да я изъ тебя слова-то выжму; вишь ты, нейдутъ съ языка-то! По магазинамъ ходила?

— Ходила, отвѣчаетъ Вѣрочка, а сама дрожитъ.

— Видала? Слыхала?

— Да.

— Хорошо имъ жить? Ученыя онѣ? Книжки читаютъ, объ новыхъ вашихъ порядкахъ думаютъ, какъ бы людямъ добро дѣлать? Думаютъ что-ли? — говори!

Вѣрочка молчитъ, а сама дрожитъ.

— Экъ изъ тебя и слова-то нейдутъ. Хорошо имъ жить? — спрашиваю.

Вѣрочка молчитъ, а сама холодѣетъ.

— Нейдутъ изъ тебя слова-то. Хорошо имъ жить? — спрашиваю; хороши онѣ? — спрашиваю; такой хотѣла бы быть, какъ онѣ? — Молчишь! рыло-то воротишь! — Слушай же ты, Вѣрка, что я скажу. Ты ученая — на мои воровскія деньги учена. Ты объ добромъ думаешь, а какъ бы я не злая была, такъ бы ты и не знала, что такое добромъ называется. Понимаешь? *Все* отъ меня, *моя* ты дочь, *Я* тебѣ мать.

Вѣрочка и плачетъ, и дрожитъ, и холодѣетъ — Маменька, чего вы отъ меня хотите? Я не могу любить васъ.

— А я развѣ прошу: полюби?

— Мнѣ хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, уважать васъ; но я и этого не могу.

— А я нуждаюсь въ твоемъ уваженіи?

— Что же вамъ нужно, маменька? Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ такъ страшно говорить со мною? Чего вы хотите отъ меня?

— Будь признательна, неблагодарная. Не люби, не уважай. Я злая: что меня любить? Я дурная: что меня уважать? Но ты

пойми, Вѣрка, что кабы я не такая была, и ты бы не такая была. Хорошая ты — отъ меня дурной; добрая ты — отъ меня злой. Пойми, Вѣрка, благодарна будь.

— Уйдите, Марья Алексѣвна, теперь я поговорю съ сестрицею.

Марья Алексѣвна исчезаетъ.

Невѣста своихъ жениховъ, сестра своихъ сестеръ беретъ Вѣрочку за руку. — Вѣрочка, я хотѣла всегда быть доброй съ тобою, вѣдь ты добрая, а я такова, каковъ самъ человѣкъ, съ которымъ я говорю. Но ты теперь грустная,—видишь, и я грустная; посмотри, хороша ли я грустная?

— Все-таки лучше всѣхъ на свѣтѣ.

— Поцалуй меня, Вѣрочка, мы вмѣстѣ огорчены. Вѣдь твоя мать говорила правду. Я не люблю твою мать, но она мнѣ нужна.

— Развѣ безъ нея нельзя вамъ?

— Послѣ будетъ можно, когда не нужно будетъ людямъ быть злыми. А теперь нельзя. Видишь, добрые не могутъ сами стать на ноги, злые сильны, злые хитры. Но видишь, Вѣрочка, злые бываютъ разные: однимъ нужно, чтобы на свѣтѣ становилось хуже, другимъ, тоже злымъ, чтобы становилось лучше: такъ нужно для ихъ пользы. Видишь, твоей матери было нужно, чтобы ты была образованная: вѣдь она брала у тебя деньги, которыя ты получала за уроки; вѣдь она хотѣла, чтобъ ея дочь поймала богатаго зятя ей, а для этого ей было нужно, чтобы ты была образованная. Видишь, у нея были дурныя мысли, но изъ нихъ выходила польза человѣку: вѣдь тебѣ вышла польза? А у другихъ злыхъ не такъ. Если бы твоя мать была Анна Петровна, развѣ ты училась бы такъ, чтобы ты стала образованная, узнала добро, полюбила его? Нѣтъ, тебя бы не допустили узнать что нибудь хорошее, тебя бы сдѣлали куклой, — такъ? Такой матери нужна дочь кукла, потому что она сама кукла, и все играетъ съ куклами въ куклы. А твоя мать человѣкъ дурной, но все-таки человѣкъ, ей было нужно, чтобы ты не была куклой. Видишь, какъ злые бываютъ разные? Одни мѣшаютъ мнѣ: вѣдь я хочу, чтобы люди стали людьми, а они хотятъ, чтобы люди были куклами. А другіе злые помогаютъ мнѣ, — они не хотятъ помогать мнѣ, но даютъ просторъ людямъ становиться людьми, они

собираютъ средства людямъ становиться людьми. А мнѣ только этого и нужно. Да, Вѣрочка, теперь мнѣ нельзя безъ такихъ злыхъ, которые были бы противъ другихъ злыхъ. Мои злые — злы, но подъ ихъ злою рукою растетъ добро. Да, Вѣрочка, будь признательна къ своей матери. Не люби ея, она злая, но ты ей всѣмъ обязана, знай это: безъ нея не было бы тебя.

— И всегда такъ будетъ? Нѣтъ, такъ не будетъ?

— Да, Вѣрочка, послѣ, такъ не будетъ. Когда добрые будутъ сильны, мнѣ не нужны будутъ злые. Это скоро будетъ Вѣрочка. Тогда злые увидятъ, что имъ нельзя быть злыми; и тѣ злые, которые были людьми, станутъ добрыми: вѣдь они были злыми только потому, что имъ вредно было быть добрыми, а можно будетъ любить его безъ вреда.

— А тѣ злые, которые были куклами, что съ ними будетъ? Мнѣ и ихъ жаль.

— Они будутъ играть въ другія куклы, только ужь въ безвредныя куклы. Но вѣдь у нихъ не будетъ такихъ дѣтей, какъ они: вѣдь у меня всѣ люди будутъ людьми; и ихъ дѣтей я выучу быть не куклами, а людьми.

— Ахъ, какъ это будетъ хорошо!

— Да, но и теперь хорошо, потому что готовится это хорошее; по крайней мѣрѣ, тѣмъ и теперь очень хорошо, кто готовитъ его. Когда ты, Вѣрочка, помогаешь кухаркѣ готовить обѣдъ, вѣдь въ кухнѣ душно, чадно, а вѣдь тебѣ хорошо, нужды нѣтъ, что душно и чадно? Всѣмъ хорошо сидѣть за обѣдомъ, но лучше всѣхъ тому, кто помогалъ готовить его: тому онъ вдвое вкуснѣе. А ты любишь сладко покушать, Вѣрочка,—правда?

— Правда, говоритъ Вѣрочка и улыбается, что уличена въ любви къ сладкимъ печеньямъ и въ хлопотахъ надъ ними въ кухнѣ.

— Такъ о чемъ же грустить? Да ты ужь не грустишь.

— Какая вы добрая!

— И веселая, Вѣрочка, я всегда веселая, и когда грустная, все-таки веселая.—Правда?

— Да, когда мнѣ грустно, вы придете тоже какъ будто грустная, а всегда сейчасъ прогоните грусть; съ вами весело, очень весело.

— А помнишь мою пѣсенку: donc vivons?

— Помню.

— Давай же пѣть.

— Давайте.

— Вѣрочка! Да я разбудилъ тебя? Впрочемъ, ужь чай готовъ. Я было испугался: слышу, ты стонешь, вошелъ, ты ужь поешь.

— Нѣтъ, мой миленькій, не разбудилъ, я сама бы проснулась. А какой я сонъ видѣла, миленькій, я тебѣ разскажу за чаемъ. Ступай, я одѣнусь. А какъ вы смѣли войти въ мою комнату безъ дозволенія, Дмитрій Сергѣичъ? Вы забываетесь. Испугался за меня, мой миленькій? подойди, я тебя поцалую за это. Поцаловался; ступай же, ступай, мнѣ надо одѣваться.

— Да ужь такъ и быть, давай, я тебѣ прислужу вмѣсто горничной.

— Ну, пожалуй, миленькій; только, какъ это стыдно!

IV.

Мастерская Вѣры Павловны устроилась. Основанія были просты въ началѣ даже такъ просты, что нечего о нихъ и говорить, Вѣра Павловна не сказала своимъ тремъ первымъ швеямъ ровно ничего, кромѣ того, что дастъ имъ плату нѣсколько, немного побольше той, какую швеи получаютъ въ магазинахъ; дѣло не представляло ничего особеннаго; швеи видѣли, что Вѣра Павловна женщина не пустая, не легкомысленная, потому безъ всякихъ недоумѣній приняли ея предложенія работать у ней: не надъ чѣмъ было недоумѣвать, что небогатая дама хочетъ завести швейную. Эти три дѣвушки нашли еще трехъ или четырехъ-выбрали ихъ съ тою осмотрительностью, о которой просил-Вѣра Павловна; въ этихъ условіяхъ выбора тоже не было ничего возбуждающаго подозрѣніе, то есть ничего особеннаго: молодая и скромная женщина желаетъ, чтобы работницы въ мастерской были дѣвушки прямодушнаго, добраго характера, разсудительныя, уживчивыя, что же тутъ особеннаго? не хочетъ ссоръ, и только; по этому умно, и больше ничего. Вѣра Павловна сама познакомилась и съ этими выбранными, хорошо по-

знакомилась прежде, чѣмъ сказала, что принимаетъ ихъ, это натурально; это тоже рекомендуетъ ее, какъ женщину основательную, и только. Думать тутъ не надъ чѣмъ, не довѣрять нечему.

Такимъ образомъ, проработали мѣсяцъ, получая въ свое время условленную плату. Вѣра Павловна постоянно была въ мастерской, и уже онѣ успѣли узнать ее очень близко, какъ женщину разсчетливую, осмотрительную, разсудительную, при всей ея добротѣ, такъ что она заслужила полное довѣріе. Особеннаго тутъ ничего не было и не предвидѣлось, а только то, что хозяйка—хорошая хозяйка, у которой дѣло пойдетъ: умѣетъ вести.

Но когда окончился мѣсяцъ, Вѣра Павловна пришла въ мастерскую съ какою-то счетною книгою, попросила своихъ швей прекратить работу и послушать, что она будетъ говорить.

Стала говорить она, самымъ простымъ языкомъ, вещи понятныя, очень понятныя, но какихъ отъ нея, да и ни отъ кого прежде не слышали ея швеи:

„Вотъ мы теперь хорошо знаемъ другъ друга,. начала она— я могу про васъ сказать, что вы и хорошія работницы, и хорошія дѣвушки. А вы про меня не скажете, чтобы я была какая нибудь дура. Значитъ, можно мнѣ теперь поговорить съ вами откровенно, какія у меня мысли. Если вамъ представится что нибудь странно въ нихъ, такъ вы теперь уже подумайте объ этомъ хорошенько, а не скажете съ перваго же раза, что у меня мысли пустыя, потому что знаете меня, какъ женщину не какую нибудь пустую. Вотъ какія мои мысли.

„Добрые люди говорятъ, что можно завести такія швейныя мастерскія, чтобы швеямъ было работать въ нихъ много выгоднѣе, чѣмъ въ тѣхъ мастерскихъ, которыя мы всѣ знаемъ. Мнѣ и захотѣлось попробовать. Судя по первому мѣсяцу, кажется, что точно можно. Вы получили плату исправно, а вотъ я вамъ скажу, сколько, кромѣ этой платы и всѣхъ другихъ расходовъ, осталось у меня денегъ въ прибыли“. — Вѣра Павловна прочла счетъ прихода и расхода за мѣсяцъ. Въ расходъ были поставлены, кромѣ выданной платы, всѣ другія издержки: на наемъ комнаты, на освѣщеніе, даже издержки Вѣры Павловны на извозчика по дѣламъ мастерской, около рубля.

„Вы видите, продолжала она: — у меня въ рукахъ остается

столько-то денегъ. Теперь: что дѣлать съ ними! Я завела мастерскую за тѣмъ, чтобъ эти прибыльныя деньги шли въ руки тѣмъ самымъ швеямъ, за работу которыхъ получены. Потому и раздаю ихъ вамъ; на первый разъ, всѣмъ по ровну, каждой особо. Послѣ посмотримъ, такъ ли лучше распоряжаться ими, или можно еще какъ нибудь другимъ манеромъ, еще выгоднѣе для васъ".—Она раздала деньги.

Швеи нѣсколько времени не могли опомниться отъ удивленія, потомъ начали благодарить. Вѣра Павловна дала имъ довольно поговорить о ихъ благодарности за полученныя деньги, чтобы не обидѣть отказомъ слушать, похожимъ на равнодушіе къ ихъ мнѣнію и расположенію; потомъ продолжала:

„Теперь надобно мнѣ разсказать вамъ самую трудную вещь изо всего, о чемъ придется намъ когда нибудь говорить, и не знаю, съумѣю ли разсказать ее хорошенько. А все-таки поговорить надобно. Зачѣмъ я эти деньги не оставила у себя, и какая охота была мнѣ заводить мастерскую, если не брать отъ нея дохода? Мы съ мужемъ живемъ, какъ вы знаете, безъ нужды; люди не богатые, но всего у насъ довольно. А если бы мнѣ чего было мало, мнѣ стоило бы мужу сказать, да и говорить бы не надобно, онъ бы самъ замѣтилъ, что мнѣ нужно больше денегъ, и было бы у меня больше денегъ. Онъ теперь занимается не такими дѣлами, которыя выгоднѣе, а такими, которыя ему больше нравятся. Но вѣдь мы съ нимъ другъ друга очень любимъ, и ему всего пріятнѣе дѣлать то, что для меня пріятно, все равно, какъ и мнѣ для него. Поэтому, если бы мнѣ недоставало денегъ, онъ занялся бы такими дѣлами, которыя выгоднѣе нынѣшнихъ его занятій, а онъ съумѣлъ бы найти, потому что онъ человѣкъ умный и оборотливый,—вѣдь вы его нѣсколько знаете. А если онъ этого не дѣлаетъ, значитъ, мнѣ довольно и тѣхъ денегъ, которыя у насъ съ нимъ есть. Это потому, что у меня нѣтъ большаго пристрастія къ деньгамъ; вѣдь вы знаете, что у разныхъ людей разныя пристрастія, не у всѣхъ же только къ деньгамъ; у иныхъ пристрастіе къ баламъ, у другихъ—къ нарядамъ, или картамъ, и всѣ такіе люди готовы даже разориться для своего пристрастія, и многіе разоряются, и никто этому не дивится, что ихъ пристрастіе имъ дороже денегъ. А у меня пристрастіе вотъ къ тому, чѣмъ заняться я съ вами попробую, и я

на свое пристрастіе не то что не раззоряюсь, а даже и вовсе не трачу никакихъ денегъ, только что рада имъ заниматься и безъ дохода отъ него себѣ. Что жь, по моему, тутъ нѣтъ ничего страннаго: кто же отъ своего пристрастія ищетъ дохода? Всякій еще деньги на него тратитъ. А я и того не дѣлаю, не трачу. Значитъ, мнѣ еще большая выгода передъ другими, если я своимъ пристрастіемъ занимаюсь, и нахожу себѣ удовольствіе безъ убытка себѣ, когда другимъ ихъ удовольствіе стоитъ денегъ. Почему жь у меня это пристрастіе?—Вотъ почему. Добрые и умные люди написали много книгъ о томъ, какъ надобно жить на свѣтѣ, чтобы всѣмъ было хорошо; и тутъ самое главное, говорятъ они, въ томъ, чтобы мастерскія завести по новому порядку. Вотъ мнѣ и хочется посмотрѣть, съумѣемъ ли мы съ вами завести такой порядокъ, какой нужно. Это все равно, какъ иному хочется выстроить хорошій домъ, другому — развести хорошій садъ или оранжерею, чтобы на нихъ любоваться; такъ вотъ мнѣ хочется завести хорошую швейную мастерскую, чтобы весело было любоваться на нее.

„Конечно, ужь и то было бы порядочно, если бы я стала только каждый мѣсяцъ раздавать вамъ прибыль, какъ теперь. Но умные люди говорятъ, что можно сдѣлать еще гораздо лучше, такъ что и прибыли будетъ больше, и можно ныгоднѣе дѣлать употребленіе изъ нея. Говорятъ, будто можно устроить очень хорошо. Вотъ мы посмотримъ. Я буду вамъ по немногу разсказывать, что еще можно сдѣлать по словамъ умныхъ людей, да вы и сами, будете присматриваться, такъ будете замѣчать, и какъ вамъ покажется, что можно сдѣлать что нибудь хорошее, мы и будемъ пробовать это дѣлать,—по немножечку, какъ можно будетъ. Но только надобно вамъ сказать, что я безъ васъ ничего новаго не стану заводить. Только то и будетъ новое, чего вы сами захотите. Умные люди говорятъ, что только то и выходитъ хорошо, что люди сами захотятъ дѣлать. И я такъ думаю. Стало быть, вамъ не для чего бояться новаго, все будетъ по старому, кромѣ того, что сами вы захотите перемѣнить. Безъ вашего желанія ничего не будетъ.

„А вотъ теперь мое послѣднее хозяйское распоряженіе безъ вашего совѣта. Вы видите, надобно вести счеты и смотрѣть за тѣмъ, чтобы не было лишнихъ расходовъ. Въ прошлый мѣсяцъ

я одна это дѣлала; а теперь одна дѣлать не хочу. Выберите двухъ изъ себя, чтобъ онѣ занимались этимъ вмѣстѣ со мною. Я безъ нихъ ничего не буду дѣлать. Вѣдь наши деньги, а не мои, стало быть, вамъ надобно и смотрѣть за ними. Теперь это дѣло еще новое; неизвѣстно, кто изъ васъ больше способенъ къ нему, такъ для пробы надобно сначала выбрать на короткое время, а черезъ недѣлю увидите, другихъ ли выбрать, или оставить прежнихъ въ должности".

Долгіе разговоры были возбуждены этими необыкновенными словами. Но довѣріе было уже пріобрѣтено Вѣрою Павловною; да и говорила она просто, не заходя далеко впередъ, не рисуя никакихъ особенно заманчивыхъ перспективъ, которыя послѣ минутнаго восторга рождаютъ недовѣріе. Потому дѣвушки не сочли ее помѣшанною, а только и было нужно, чтобы не сочли помѣшанною. Дѣло пошло по немногу.

Конечно, по немногу. Вотъ короткая исторія мастерской за цѣлые три года, въ которые эта мастерская составляла главную сторону исторіи самой Вѣры Павловны.

Дѣвушки, изъ которыхъ образовалась основа мастерской, были выбраны осмотрительно, были хорошія швеи, были прямо заинтересованы въ успѣхѣ работы; потому, натуральнымъ образомъ, работа шла очень успѣшно. Мастерская не теряла ни одной изъ тѣхъ дамъ, которыя разъ пробовали сдѣлать ей заказъ. Явилась нѣкоторая зависть со стороны нѣсколькихъ магазиновъ и швейныхъ, но это не произвело никакого вліянія, кромѣ того, что, для устраненія всякихъ придирокъ, Вѣрѣ Павловнѣ очень скоро понадобилось получить право имѣть на мастерской вывѣску. Скоро заказовъ стало получаться больше, нежели могли исполнять дѣвушки, съ самаго начала вошедшія въ мастерскую, и составъ ея постепенно увеличивался. Черезъ полтора года, въ ней было до двадцати дѣвушекъ, потомъ и больше.

Одно изъ первыхъ послѣдствій того, что окончательный голосъ по всему управленію данъ былъ самимъ швеямъ, состояло въ разрѣшеніи, котораго и слѣдовало ожидать: въ первый же мѣсяцъ управленія, дѣвушки опредѣлили, что не годится самой Вѣрѣ Павловнѣ работать безъ вознагражденія. Когда онѣ объявили ей объ этомъ, она сказала, что и дѣйствительно такъ слѣдуетъ. Хотѣли дать ей третью часть прибыли. Она откладывала

ее нѣсколько временн въ сторону, пока растолковала дѣвушкамъ, что это противно основной мысли ихъ порядка. Онѣ довольно долго не могли понять этого; но потомъ согласились, что Вѣра Павловна отказываэтся отъ особенной доли прибыли не изъ самолюбія, а потому что такъ нужно по сущности дѣла. Къ этому времени, мастерская приняла уже такой размѣръ, что Вѣра Павловна не успѣвала одна быть закройщицею, надобно было имѣть еще другую; Вѣрѣ Павловнѣ положили такое жалованье, какъ другой закройщицѣ. Деньги, которыя прежде откладывала она изъ прибыли, теперь были приняты назадъ въ кассу, по ея просьбѣ, кромѣ того, что слѣдовало ей, какъ закройщицѣ; остальныя пошли на устройство банка. Около года, Вѣра Павловна большую часть дня проводила въ мастерской и работала дѣйствительно не меньше всякой другой, по количеству времени. Когда она увидѣла возможность быть въ мастерской уже не цѣлый день, плата ей была уменьшаема, какъ уменьшалось время ея занятій.

Какъ дѣлить прибыль? Вѣрѣ Павловнѣ хотѣлось довести до того, чтобы прибыль дѣлилась поровну между всѣми. До этого дошли только въ половинѣ третьяго года, а прежде того перешли черезъ нѣсколько разныхъ ступеней, начиная съ раздѣла прибыли пропорціонально заработанной платѣ. Прежде всего увидѣли, что если дѣвушка пропускала безъ работы нѣсколько дней по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ, то не хорошо за это уменьшать ея долю изъ прибыли, которая вѣдь пріобрѣтена не собственно этими днями, а всѣмъ ходомъ работъ и общимъ состояніемъ мастерской. Потомъ согласились, что закройщицы и другія дѣвушки, получающія особую плату по развозу заказовъ и другимъ должностямъ, уже довольно вознаграждаются своимъ особеннымъ жалованьемъ, и что несправедливо имъ брать больше другихъ еще и изъ прибыли. Простыя швеи, не занимавшія должностей, были такъ деликатны, что не требовали этой перемѣны, когда замѣтили несправедливость прежняго порядка, ими же заведеннаго: сами должностныя лица почувствовали неловкость пользоваться лишнимъ и отказались отъ него, когда достаточно поняля духъ новаго порядка. Надобно впрочемъ сказать, что эта временная деликатность — терпѣнія однѣхъ, и отказа другихъ, не представляла особеннаго под-

вига, при постоянномъ улучшеніи дѣлъ тѣхъ и другихъ. Труднѣе всего было развить понятіе о томъ, что простыя швеи должны всѣ получать одинаковую долю изъ прибыли, хотя однѣ успѣваютъ заработывать больше жалованья, чѣмъ другія, что швеи, работающія успѣшнѣе другихъ, уже достаточно вознаграждаются за успѣшность своей работы тѣмъ, что успѣваютъ заработывать больше платы. Это и была послѣдняя перемѣна въ распредѣленіи прибыли, сдѣланная уже въ половинѣ третьяго года, когда мастерская поняла, что полученіе прибыли—не вознагражденіе за искусство той или другой личности, а результатъ общаго характера мастерской, результатъ ея устройства, ея цѣли, а цѣль эта — всевозможная одинаковость пользы отъ работы для всѣхъ участвующихъ въ работѣ, каковы бы ни были личныя особенности; что отъ этого характера мастерской зависитъ все участіе работающихъ въ прибыли; а характеръ мастерской, ея духъ, порядокъ составляется единодушіемъ всѣхъ, а для единодушія одинаково важна всякая участница: молчаливое согласіе самой застѣнчивой или наименѣе даровитой не менѣе полезно для сохраненія и развитія порядка, полезнаго для всѣхъ, для успѣха всего дѣла, чѣмъ дѣятельная хлопотливость самой бойкой и даровитой.

Я пропускаю множество подробностей, потому что не описываю мастерскую, а только говорю о ней лишь въ той степени, въ какой это нужно для обрисовки дѣятельности Вѣры Павловны. Если я упоминаю о нѣкоторыхъ частностяхъ, то единственно затѣмъ, чтобы видно было, какъ поступала Вѣра Павловна, какъ она вела дѣло шагъ за шагомъ, и терпѣливо, и неутомимо, и какъ твердо выдерживала свое правило: не распоряжаться ничѣмъ, а только совѣтовать, объяснять, предлагать свое содѣйствіе помогать исполненію рѣшеннаго ея компаніею.

Прибыль дѣлилась каждый мѣсяцъ. Сначала, каждая дѣвушка брала всю ее и расходовала отдѣльно отъ другихъ: у каждой были безотлагательныя надобности, и не было привычки дѣйствовать дружно. Когда, отъ постояннаго участія въ дѣлахъ, онѣ пріобрѣли навыкъ соображать весь ходъ работъ въ мастерской, Вѣра Павловна обратила ихъ вниманіе на то, что въ ихъ мастерствѣ количество заказовъ распредѣляется по мѣсяцамъ года очень неодинаково, и что въ мѣсяцы особенно выгодные, недурно

было бы отлагать часть прибыли для уравненія невыгодныхъ мѣсяцевъ. Счеты велись очень точные, дѣвушки знали, что если кто изъ нихъ покинетъ мастерскую, то безъ задержки получитъ свою долю, остающуюся въ кассѣ. Потому онѣ согласились на предложеніе. Образовался небольшой запасный капиталъ, онъ постепенно росъ; начали пріискивать разныя употребленія ему. Съ перваго же раза всѣ поняли, что изъ него можно дѣлать ссуды тѣмъ участницамъ, которымъ встрѣчается экстренная надобность въ деньгахъ, и никто не захотѣлъ присчитывать проценты на занятыя деньги: бѣдные люди имѣютъ понятіе, что хорошее денежное пособіе бываетъ безъ процентовъ. За учрежденіемъ этого банка, послѣдовало основаніе комиссіонерства для закупокъ: дѣвушки нашли выгоднымъ покупать чай, кофе, сахаръ, обувь, многія другія вещи черезъ посредство мастерской, которая брала товары не по мелочи, стало быть, дешевле. Отъ этого, черезъ нѣсколько времени, пошли дальше: сообразили, что выгодно будетъ такимъ порядкомъ устроить покупку хлѣба и другихъ припасовъ, которые берутся каждый день въ булочныхъ и мелочныхъ лавочкахъ; но тутъ же увидѣли, что для этого надобно всѣмъ жить по сосѣдству: стали собираться по нѣскольку на одну квартиру, выбирать квартиры подлѣ мастерской. Тогда явилось у мастерской свое агенство по дѣламъ съ булочною и мелочною лавочкою. А года черезъ полтора, почти всѣ дѣвушки уже жили на одной большой квартирѣ, имѣли общій столъ, запасались провизіею тѣмъ порядкомъ, какъ дѣлается въ большихъ хозяйствахъ.

Половина дѣвушекъ были существа одинокія. У нѣкоторыхъ были старухи родственницы, матери или тетки; двѣ содержали стариковъ отцовъ; у многихъ были маленькіе братья или сестры. По этимъ родственнымъ отношеніямъ, три дѣвушки не могли поселиться на общей квартирѣ: у одной мать была неуживчиваго характера; у другой мать была чиновница и не хотѣла жить вмѣстѣ съ мужичками, у третьей отецъ былъ пьяница. Онѣ пользовались только услугами агенства; точно также и швеи, которыя были не дѣвушки, а замужнія женщины. Но, кромѣ трехъ, всѣ остальныя дѣвушки, имѣвшія родственниковъ на своихъ рукахъ, жили на общей квартирѣ. Сами онѣ жили въ однѣхъ комнатахъ, по двѣ, по три въ одной; ихъ ростевники или род-

ственницы расположились по своимъ удобствамъ: у двухъ старухъ были особыя комнаты у каждой, остальныя старухи жили вмѣстѣ, Для маленькихъ мальчиковъ была своя комната, двѣ другія для дѣвочекъ. Положено было, что мальчики могутъ оставаться тутъ до 8 лѣтъ; тѣхъ, кому было больше, размѣщали по мастерствамъ.

Всему велся очень точный счетъ, чтобы вся компанія жила твердою мыслью, что никто ни у кого не въ обидѣ, никто никому не въ убытокъ. Разсчеты одинокихъ дѣвушекъ по квартирѣ и столу были просты. Послѣ нѣсколькихъ колебаній, опредѣлили считать за брата или сестру до 8 лѣтъ четвертую часть расходовъ взрослой дѣвицы, потомъ содержаніе дѣвочки до 12 лѣтъ считалось за третью долю, съ 12—за половину содержанія сестры ея, съ 13 лѣтъ дѣвочки поступали въ ученицы въ мастерскую, если не пристраивались иначе, и положено было, что съ 16 лѣтъ онѣ становятся полными участницами компаніи, если будутъ признаны выучившимися хорошо шить. За содержаніе взрослыхъ родныхъ считалось, разумѣется столько же, какъ за содержаніе швей. За отдѣльныя комнаты была особая плата. Почти всѣ старухи и всѣ три старика, жившіе въ мастерской квартирѣ, занимались дѣлами по кухнѣ и другимъ хозяйственнымъ вещамъ; за это, конечно, считалась имъ плата.

Все это очень скоро разсказывается на словахъ, да и на дѣлѣ показалось очень легко, просто, натурально,— когда устроилось. Но устраивалось медленно, и каждая новая мѣра стоила очень многихъ разсужденій, каждый переходъ былъ слѣдствіемъ цѣлаго ряда хлопотъ. Было бы слишкомъ длинно и сухо говорить о другихъ сторонахъ порядка мастерской такъ же подробно, какъ о раздѣлѣ и употребленіи прибыли; о многомъ придется вовсе не говорить, чтобы не наскучить, о другомъ лишь слегка упомянуть; напримѣръ, что мастерская завела свое агенство продажи готовыхъ вещей, работанныхъ во время, не занятое заказами,—отдѣльнаго магазина она еще не могла имѣть, но вошла въ сдѣлку съ одною изъ лавокъ Гостинаго двора, завела маленькую лавочку въ Толкучемъ рынкѣ,—двѣ изъ старухъ были приказчицами въ лавочкѣ. Но надобно нѣсколько подробнѣе сказать объ одной сторонѣ жизни мастерской.

Вѣра Павловна съ первыхъ же дней стала приносить книги

Сдѣлавъ свои распоряженія, она принималась читать вслухъ, читала полчаса, часъ, если раньше не прерывала ее надобность опять заняться распоряженіями. Потомъ дѣвушки отдыхали отъ слушанія: потомъ опять чтеніе, и опять отдыхъ. Нечего и говорить, что дѣвушки съ первыхъ же дней пристрастились къ чтенію, нѣкоторыя были охотницы до него и прежде. Черезъ двѣ, три недѣли, чтеніе во время работы приняло регулярный видъ. Черезъ три, четыре мѣсяца, явилось нѣсколько мастерицъ читать вслухъ; было положено, что онѣ будутъ смѣнять Вѣру Павловну, читать по получасу, и что этотъ получасъ зачитывается имъ за работу. Когда съ Вѣры Павловны была снята обязанность читать вслухъ, Вѣра Павловна, уже и прежде замѣнявшая иногда чтеніе разсказами, стала разсказывать чаще и больше; потомъ разсказы обратились во что-то похожее на легкіе курсы разныхъ знаній. Потомъ,—это было очень большимъ шагомъ,—Вѣра Павловна увидѣла возможность завесть и правильное преподаваніе: дѣвушки стали такъ любознательны, а работа ихъ шла такъ успѣшно, что онѣ рѣшили дѣлать среди рабочаго дня, передъ обѣдомъ, большой перерывъ для слушанія уроковъ.

— Алексѣй Петровичъ, сказала Вѣра Павловна, бывши однажды у Мерцаловыхъ:—у меня есть къ вамъ просьба. Наташа ужь на моей сторонѣ. Моя мастерская становится лицеемъ всевозможныхъ знаній. Будьте однимъ изъ профессоровъ.

— Что-жъ я стану имъ преподавать? развѣ латинскій и греческій, или логику и реторику? сказалъ смѣясь Алексѣй Петровичъ:—вѣдь моя спеціальность не очень интересна, по вашему мнѣнію, и еще по мнѣнію одного человѣка, про котораго я знаю, кто онъ.

— Нѣтъ, вы необходимы именно, какъ спеціалистъ: вы будете служить щитомъ благонравія и отличнаго направленія нашихъ наукъ.

— А вѣдь это правда. Вижу, безъ меня было бы неблагонравно. Назначайте каѳедру.

— Напримѣръ, русская исторія, очерки изъ всеобщей исторіи.

— Превосходно. Но это я буду читать, а будетъ предполагаться, что я спеціалистъ. Отлично. Двѣ должности: профессоръ и щитъ.

Наталья Андреевна, Лопуховъ, два, три студента, сама Вѣра Павловна были другими профессорами, какъ они въ шутку называли себя.

Вмѣстѣ съ преподаваніемъ, устраивались и развлеченія. Бывали вечера, бывали загородныя прогулки: сначала изрѣдка, потомъ, когда было уже побольше денегъ, то и чаще; брали ложи въ театрѣ. На третью зиму, было абонировано десять мѣстъ въ боковыхъ мѣстахъ итальянской оперы.

Сколько было радости, сколько счастья Вѣрѣ Павловнѣ; очень много трудовъ и хлопотъ, были и огорченія. Особенно сильно подѣйствовало не только на нее, но и на весь кружокъ несчастіе одной изъ лучшихъ дѣвушекъ мастерской. Сашенька Прибыткова, одна изъ тѣхъ трехъ швей, которыхъ нашла сама Вѣра Павловна, была очень недурна, была очень деликатна. У ней былъ женихъ, добрый, хорошій молодой человѣкъ, чиновникъ. Однажды она шла по улицѣ, довольно поздно. Къ ней присталъ какой-то господинъ. Она ускорила шагъ. Онъ за нею, схватилъ ее за руку. Она рванулась и вырвалась; но движеніемъ вырывавшейся руки задѣла его по груди, на тротуарѣ зазвенѣли оторвавшіеся часы любезнаго господина. Любезный господинъ схватилъ Прибыткову уже съ апломбомъ и чувствомъ законнаго права, и закричалъ: „Воровство! будочникъ!“ Прибѣжали два будочника и отвели Прибыткову на съѣзжую. Въ мастерской три дня ничего не знали о ея судьбѣ и не могли придумать, куда она пропала. На четвертый день, добрый солдатъ, одинъ изъ служителей при съѣзжей, принесъ Вѣрѣ Павловнѣ записку отъ Прибытковой. Тотчасъ же Лопуховъ отправился хлопотать. Ему наговорили грубостей, онъ наговорилъ ихъ вдвое, и отправился къ Сержу. Сержъ и Жюли были на какомъ-то далекомъ и большомъ пикникѣ и возвратились только на другой день. Черезъ два часа послѣ того, какъ возвратился Сержъ, частный приставъ извинился передъ Прибытковой, поѣхалъ извиняться передъ ея женихомъ. Но жениха не засталъ. Женихъ уже былъ наканунѣ у Прибытковой на съѣзжей, узналъ отъ задержавшихъ ее будочниковъ имя франта, пришелъ къ нему, вызвалъ его на дуэль; до вызова, франтъ извинился въ своей ошибкѣ довольно на-

смѣшливымъ тономъ, а услышавъ вызовъ, расхохотался. Чиновникъ сказалъ: „такъ вотъ отъ этого вызова не откажетесь“, и ударилъ его по лицу; франтъ схватилъ палку, чиновникъ толкнулъ его въ грудь; франтъ упалъ, на шумъ вбѣжала прислуга: баринъ лежалъ мертвый, онъ былъ уваренъ о землю сильно и попалъ вискомъ на острый выступъ рѣзной подножки стола. Чиновникъ очутился въ острогѣ, началось дѣло, и не предвидѣлось конца этому дѣлу. Что дальше? дальше ничего, только съ той поры жалко было смотрѣть на Прибыткову.

Было въ мастерской еще нѣсколько исторій, не такихъ уголовныхъ, но тоже не веселыхъ: исторіи обыкновенныя, тѣ, отъ которыхъ дѣвушкамъ бываютъ долгія слезы, а молодымъ, или пожилымъ людямъ не долгое, но пріятное развлеченіе. Вѣра Павловна знала, что, при нынѣшнихъ понятіяхъ и обстоятельствахъ, эти исторіи неизбѣжны, что не можетъ всегда предохранить отъ нихъ никакая заботливость другихъ о дѣвушкахъ, никакая осторожность самихъ дѣвушекъ. Это то же, что въ старину была оспа, пока не выучились предотвращать ее. Теперь, кто пострадаетъ отъ оспы, такъ уже виноватъ самъ, а гораздо больше его близкіе; а прежде было не то: некого было винить, кромѣ гадкаго повѣтрія, или гадкаго города, села, да развѣ еще того человѣка, который, страдая оспою, прикоснулся къ другому, а не заперся въ карантинъ, пока выздоровѣетъ. Такъ теперь съ этими исторіями: когда нибудь и отъ этой оспы люди избавятъ себя, даже и средство извѣстно, только еще не хотятъ принимать его, все равно, какъ долго, очень долго не хотѣли принимать и средства противъ оспы. Знала Вѣра Павловна, что это гадкое повѣтріе еще неотразимо носится по городамъ и селамъ и хватаетъ жертвы даже изъ самыхъ заботливыхъ рукъ; — но вѣдь это еще плохое утѣшеніе, когда знаешь только, что „я въ твоей бѣдѣ не виновата, и ты, мой другъ, въ ней не виновата“: все-таки каждая изъ этихъ обыкновенныхъ исторій приносила Вѣрѣ Павловнѣ много огорченія, а еще гораздо больше дѣла: иногда нужно бывало искать, чтобы помочь; чаще искать не было нужды, надобно было только помогать: успокоить, возстановлять бодрость, возстановлять гордость, вразумлять, что „перестань плакать, — какъ перестанешь, такъ и не о чемъ будетъ плакать“.

Но гораздо больше,—о, гороздо больше! — было радости. Да

все было радость, кромѣ огорченій; а вѣдь огорченія были только отдѣльными, да и рѣдкими случаями: нынѣ, черезъ полгода, огорчишься за одну, а въ то же время радуешься за всѣхъ другихъ; а пройдетъ двѣ, три недѣли, и за эту одну тоже ужь можно опять радоваться. Свѣтелъ и веселъ былъ весь обыденный ходъ дѣла, постоянно радовалъ Вѣру Павловну. А если и бывали иногда въ немъ тяжелыя нарушенія отъ огорченій, за нихъ вознаграждали и особенные радостные случаи, которые встрѣчались чаще огорченій: вотъ удалось очень хорошо пристроить маленькихъ сестру или брата той, другой дѣвушки; на третій годъ, двѣ дѣвушки выдержали экзаменъ на домашнихъ учительницъ,—вѣдь это было какое счастье для нихъ! Было нѣсколько разныхъ такихъ хорошихъ случаевъ. А чаще всего, причиною веселья для всей мастерской и радости для Вѣры Павловны бывали свадьбы. Ихъ бывало довольно много, и всѣ были удачны. Свадьба устраивалась очень весело: много бывало вечеровъ и передъ нею и послѣ нея, много сюрпризовъ невѣстѣ отъ подругъ по мастерской; изъ резервнаго фонда дѣлалось ей приданое; но опять, сколько и хлопотъ бывало тутъ Вѣрѣ Павловнѣ,—полныя руки, разумѣется! Одно только сначала казалось мастерской неделикатно со стороны Вѣры Павловны: первая невѣста просила ее быть посаженною матерью и не упросила; вторая тоже просила и не упросила. Чаще всего посаженною матерью бывала Мерцалова, или ея мать, тоже очень хорошая дама, а Вѣра Павловна никогда: она и одѣвала, и провожала невѣсту въ церковь, но только какъ одна изъ подругъ. Въ первый разъ подумали, что отказъ былъ отъ недовольства чѣмъ нибудь, но нѣтъ: Вѣра Павловна была очень рада приглашенію, только не приняла его; во второй разъ поняли, что это, просто, скромность: Вѣрѣ Павловнѣ не хотѣлось оффиціально являться патроншею невѣсты. Да и вообще, она всячески избѣгала всякаго вида вліянія, старалась выводить впередъ другихъ и успѣвала въ этомъ, такъ что многія изъ дамъ, пріѣзжавшихъ въ мастерскую для заказовъ, не различали ея отъ двухъ другихъ закройщицъ. А Вѣра Павловна чувствовала едва ли не самую пріятную изъ всѣхъ своихъ радостей отъ мастерской, когда объясняла кому нибудь, что весь этотъ порядокъ устроенъ и держится самими дѣвушками; этими объясненіями она старалась убѣдить саму

себя въ томъ, что ей хотѣлось думать: что мастерская могла бы идти безъ нея, что могутъ явиться совершенно самостоятельно другія такія же мастерскія, и даже почему же нѣтъ? вотъ было бы хорошо!—это было бы лучше всего!—даже безъ всякаго руководства со стороны кого-нибудь не изъ разряда швей, а исключительно мыслью и умѣньемъ самихъ швей: это была самая любимая мечта Вѣры Павловны.

V.

И вотъ такимъ образомъ прошло почти три года со времени основанія мастерской, болѣе трехъ лѣтъ со времени замужества Вѣры Павловны. Какъ тихо и дѣятельно прошли эти годы, какъ полны были они и спокойствія, и радости, и всего добраго.

Вѣра Павловна, проснувшись, долго нѣжится въ постели; она любитъ нѣжиться, и немножко будто дремлетъ, и не дремлетъ, а думаетъ, что надобно сдѣлать; и такъ полежитъ, не дремлетъ и не думаетъ — нѣтъ думаетъ: „какъ тепло, мягко, хорошо, славно нѣжиться поутру“; такъ и нѣжится, пока изъ нейтральной комнаты,—нѣтъ, надобно сказать: одной изъ нейтральныхъ комнатъ, теперь уже двѣ ихъ, вѣдь это ужь четвертый годъ замужества,—мужъ, то есть „миленькій“, говоритъ: „Вѣрочка, проснулась?“—„да, миленькій“. Это значитъ, что мужъ можетъ начинать дѣлать чай: поутру онъ дѣлаетъ чай, и что Вѣра Павловна,—нѣтъ, въ своей комнатѣ она не Вѣра Павловна, а Вѣрочка,—начинаетъ одѣваться. Какъ же долго она одѣвается! — нѣтъ, она одѣвается скоро, въ одну минуту, но она долго плещется въ водѣ, она любитъ плескаться, и потомъ долго причесываетъ волосы,—нѣтъ, не причесываетъ долго, это она дѣлаетъ въ одну минуту, а долго такъ шалитъ ими, потому что она любитъ свои волосы; впрочемъ, иногда долго занимается она и одною изъ настоящихъ статей туалета, надѣваніемъ ботинокъ: у ней отличныя ботинки; она одѣвается очень скромно, но ботинки ея страсть.

Вотъ она и выходитъ къ чаю, обнимаетъ мужа: — „каково почивалъ, миленькій?“ толкуетъ ему за чаемъ о разныхъ пустякахъ и непустякахъ; впрочемъ, Вѣра Павловна—нѣтъ, Вѣрочка:

она и за утреннимъ чаемъ еще Вѣрочка,—пьетъ не столько чай, сколько сливки: чай только предлогъ для сливокъ, ихъ больше половины чашки; сливки—это тоже ея страсть. Трудно имѣть хорошія сливки въ Петербургѣ, но Вѣрочка отъискала дѣйствительно отличныя, безъ всякой подмѣси. У ней есть мечта имѣть свою корову; что-жь, если дѣла пойдутъ, какъ шли, это можно будетъ сдѣлать черезъ годъ. Но вотъ десять часовъ. „Миленькій уходитъ на уроки, или на занятіе: онъ служитъ въ конторѣ одного фабриканта. Вѣра Павловна, — теперь она уже окончательно Вѣра Павловна до слѣдующаго утра,—хлопочетъ по хозяйству: вѣдь у ней одна служанка, молоденькая дѣвочка, которую надобно учить всему; а только выучишь, надобно пріучать новую къ порядку: служанки не держатся у Вѣры Павловны, все выходятъ замужъ — полгода, немного больше, смотришь, Вѣра Павловна ужь и пьетъ себѣ какую нибудь пелеринку или рукавчики, готовясь быть посаженною матерью; тутъ ужь нельзя отказаться, — „какъ же, Вѣра Павловна, вѣдь вы сами все устроили, некому быть, кромѣ васъ“. Да, много хлопотъ по хозяйству. Потомъ надобно отправляться на уроки, ихъ довольно много, часовъ 10 въ недѣлю: больше было бы тяжело, да и некогда. Передъ уроками, надобно довольно надолго зайти въ мастерскую, возвращаясь съ уроковъ, тоже надобно заглянуть въ нее. А вотъ и обѣдъ съ „миленькимъ“. За обѣдомъ довольно часто бываетъ кто-нибудь: одинъ, много двое, — больше двоихъ нельзя; когда и двое обѣдаютъ, ужь надобно нѣсколько хлопотать, готовить новое блюдо, чтобы достало кушанья. Если Вѣра Павловна возвращается усталая, обѣдъ бываетъ проще; она передъ обѣдомъ сидитъ въ своей комнатѣ, отдыхая, и обѣдъ остается, какой былъ начатъ при ея помощи, а доконченъ безъ нея. Если же она возвращается не усталая, въ кухнѣ начинаетъ кипѣть дѣло, и къ обѣду является прибавка, какое-нибудь печенье, чаще всего что-нибудь такое, что ѣдятъ со сливками, то есть, что можетъ служить предлогомъ для сливокъ. За обѣдомъ Вѣра Павловна опять разсказываетъ и распрашиваетъ, но больше разсказываетъ; да и какъ же не разсказывать? Сколько новаго надобно сообщить объ одной мастерской. Послѣ обѣда, сидитъ еще съ четверть часа съ миленькимъ, „до свиданья“ и расходятся по

своимъ комнатамъ, и Вѣра Павловна опять на свою кроватку, и читаетъ, и нѣжится; частенько даже спитъ, даже очень часто, даже чуть ли не на половину дней спитъ часъ, полтора,— это слабость, и чуть ли даже не слабость дурнаго тона, но Вѣра Павловна спитъ послѣ обѣда, когда заснется, и даже любитъ, чтобы заснулось, и не чувствуетъ ни стыда, ни раскаянія въ этой слабости дурнаго тона. Встаетъ, вздремнувши или такъ понѣжившись часа полтора, два, одѣвается, опять въ мастерскую, остается тамъ до чаю. Если вечеромъ нѣтъ никого, то за чаемъ опять разсказъ миленькому, и съ полчаса сидятъ въ нейтральной комнатѣ; потомъ „до свиданья, миленькій", цалуются и расходятся до завтрашняго чаю. Теперь Вѣра Павловна, иногда довольно долго, часовъ до двухъ, работаетъ, читаетъ, отдыхаетъ, отъ чтенія за фортепьяно,—рояль стоитъ въ ея комнатѣ; рояль недавно купленъ, прежде былъ абонированный; это было тоже довольно порядочное веселье, когда былъ купленъ свой рояль,— вѣдь это и дешевле. Онъ купленъ по случаю, за 100 р., маленькій Эраровскій, старый, поправка стоила около 70 рублей; но за то рояль дѣйствительно очень хорошаго тона. Изрѣдка миленькій приходитъ послушать пѣніе, но только изрѣдка: у него очень много работы. Такъ проходитъ вечеръ: работа, чтеніе, игра, пѣніе, больше всего чтеніе и пѣніе. Это когда никого нѣтъ. Но очень часто по вечерамъ бываютъ гости, — большею частью молодые люди, моложе „миленькаго", моложе самой Вѣры Павловны, — изъ числа ихъ и преподаватели мастерской. Они очень уважаютъ Лопухова, считаютъ его одною изъ лучшихъ головъ въ Петербургѣ, можетъ быть, они и не ошибаются, и настоящая связь ихъ съ Лопуховыми заключается въ этомъ: они находятъ полезными для себя разговоры съ Дмитріемъ Сергѣичемъ. Къ Вѣрѣ Павловнѣ онѣ питаютъ безпредѣльное благоговѣніе, она даже даетъ имъ цаловать свою руку, не чувствуя себѣ униженія, и держитъ себя съ ними, какъ будто пятнадцатью годами старше ихъ, то есть, держитъ себя такъ, когда не дурачится, но, по правдѣ сказать, большею частью дурачится, бѣгаетъ, шалитъ съ ними, и они въ восторгѣ, и тутъ бываетъ довольно много галопированья и вальсированья, довольно много простой бѣготни, много игры на фортепьяно, много болтовни и хохотни, и чуть ли не больше всего пѣнія; но бѣготня, хохотня

и все нисколько не мѣшаетъ этой молодежи совершенно, безусловно и безгранично благоговѣть передъ Вѣрою Павловною, уважать ее такъ, какъ дай Богъ уважать старшую сестру, какъ не всегда уважается мать, даже хорошая. Впрочемъ, пѣніе уже не дурачество, хоть иногда не обходится безъ дурачествъ; но большею частью Вѣра Павловна поетъ серьезно, иногда и безъ пѣнія играетъ серьезно, и слушатели тогда сидятъ въ нѣмой тишинѣ. Не очень рѣдко бываютъ гости и постарше, ровня Лопуховымъ: большею частью бывшіе товарищи Лопухова, знакомые его бывшихъ товарищей, человѣка два, три молодыхъ профессоровъ, почти всѣ люди безсемейные; изъ семейныхъ людей почти только Мерцаловы. Лопуховы бываютъ въ гостяхъ не такъ часто, почти только у Мерцаловыхъ, да у матери и отца Мерцаловой: у этихъ добрыхъ и простыхъ стариковъ есть множество сыновей, занимающихъ порядочныя должности по всевозможнымъ вѣдомствамъ, и потому въ домѣ стариковъ, живущихъ съ нѣкоторымъ изобиліемъ, Вѣра Павловна видитъ многоразличное и разнокалиберное общество.

Вольная, просторная, дѣятельная жизнь, и не безъ нѣкотораго сибаритства: лежанья нѣжась въ своей теплой, мягкой постелькѣ, сливокъ и печеній со сливками, — она очень нравится Вѣрѣ Павловнѣ.

Бываетъ ли лучше жизнь на свѣтѣ? Вѣрѣ Павловнѣ еще кажется: нѣтъ.

Да, въ началѣ молодости едва ли бываетъ.

Но годы идутъ, и съ годами становится лучше, если жизнь идетъ, какъ должна идти, какъ теперь идетъ у немногихъ, какъ будетъ когда-нибудь идти у всѣхъ.

VI.

Однажды, — это было уже подъ конецъ лѣта,—дѣвушки собрались, по обыкновенію, въ воскресенье на загородную прогулку. Лѣтомъ онѣ почти каждый праздникъ ѣздили на лодкахъ, на острова. Вѣра Павловна обыкновенно ѣздила съ ними, въ этотъ разъ поѣхалъ и Дмитрій Сергѣичъ, вотъ почему прогулка и была замѣчательна: его спутничество было рѣдкостью, и въ

то лѣто онъ ѣхалъ еще только во второй разъ. Мастерская, узнавъ объ этомъ, осталась очень довольна: Вѣра Павловна будетъ еще веселѣе обыкновеннаго, и надобно ждать, что прогулка будетъ особенно, особенно одушевлена. Нѣкоторыя, располагавшія провести воскресенье иначе, измѣнили свой планъ и присоединились къ собиравшимся ѣхать. Понадобилось взять, вмѣсто четырехъ большихъ яликовъ, пять, и того оказалось мало, взяли шестой. Компанія имѣла человѣкъ пятьдесятъ или больше народа: болѣе двадцати швей,— только шесть не участвовали въ прогулкѣ,— три пожилыя женщины, съ десятокъ дѣтей, матери, сестры и братья швей, три молодые человѣка, женихи: одинъ былъ подмастерье часовщика, другой — мелкій торговецъ, и оба эти мало уступали манерами третьему, учителю уѣзднаго училища, человѣкъ пять другихъ молодыхъ людей, разношерстныхъ званій, между ними даже двое офицеровъ, человѣкъ восемь университетскихъ и медицинскихъ студентовъ. Взяли съ собою четыре большихъ самовара, цѣлыя груды всякихъ булочныхъ издѣлій, громадные запасы холодной телятины и тому подобнаго: народъ молодой, движенья будетъ много, да еще на воздухѣ,—на аппетитъ можно разсчитывать; было и съ полдюжины бутылокъ вина: на 50 человѣкъ, въ томъ числѣ болѣе 15 молодыхъ людей, кажется, немного.

И дѣйствительно, прогулка удалась какъ нельзя лучше. Тутъ всего было: танцовали въ 16 паръ, и только въ 12 паръ, за то и въ 18, одну кадриль даже въ 20 паръ; играли въ горѣлки, чуть ли не въ 22 пары, импровизировали трое качелей между деревьями; въ промежуткахъ всего этого пили чай, закусывали: съ полчаса,—нѣтъ меньше, гораздо меньше, чуть ли не половина компаніи даже слушала споръ Дмитрія Сергѣича съ двумя студентами, самыми коренными его пріятелями изъ всѣхъ младшихъ его пріятелей; они отъискивали другъ въ другѣ неконсеквентности, модерантизмъ, буржуазность,— это были взаимныя опорочиванья; но въ частности, у каждаго отъискивался и особенный грѣхъ. У одного студента—романтизмъ, у Дмитрія Сергѣича— схематистика, у другаго студента — ригоризмъ; разумѣется, постороннему человѣку трудно выдержать такія разъисканья дольше пяти минутъ, даже одинъ изъ спорившихъ, романтикъ, не выдержалъ больше полутора часовъ, убѣжалъ къ танцующимъ,

но убѣжалъ не безъ славы. Онъ вознегодовалъ на какого-то модерантиста, чуть ли не на меня даже, хоть меня тутъ и не было, и зная, что предмету его гнѣва ужь не мало лѣтъ, онъ воскликнулъ: „да что вы о немъ говорите? я приведу вамъ слова, сказанныя мнѣ на дняхъ однимъ порядочнымъ человѣкомъ, очень умной женщиной: только до 25 лѣтъ человѣкъ можетъ сохранять честный образъ мыслей“.— Да вѣдь я знаю, кто эта дама, сказалъ офицеръ, на бѣду романтика подошедшій къ спорившимъ:—это г-жа N.; она при мнѣ это и сказала; и она дѣйствительно отличная женщина, только ее тутъ же уличили, что за полчаса передъ тѣмъ она хвалилась, что ей 26 лѣтъ, и помнишь, сколько она хохотала вмѣстѣ со всѣми? И теперь всѣ четверо захохотали, и романтикъ съ хохотомъ бѣжалъ. Но офицеръ замѣстилъ его въ спорѣ, и пошла потѣха пуще прежней, до самаго чаю. И офицеръ, жесточе чѣмъ романтикъ обличая ригориста и схематиста, самъ былъ сильно уличаемъ въ огюстъ-контизмѣ. Послѣ чаю офицеръ объявилъ, что пока онъ еще имѣетъ лѣта честнаго образа мыслей, онъ не прочь присоединиться къ другимъ людямъ тѣхъ же лѣтъ; Дмитрій Сергѣичъ, а тогда ужь поневолѣ и ригористъ, послѣдовали его примѣру: танцовать не танцовали, но въ горѣлки играли. А когда мужчины вздумали бѣгать въ запуски, прыгать черезъ канаву, то три мыслителя отличились самыми усердными состязателями мужественныхъ упражненій: офицеръ получилъ первенство въ прыганьѣ черезъ канаву, Дмитрій Сергѣичъ, человѣкъ очень сильный, вошелъ въ большой азартъ, когда офицеръ поборолъ его: онъ надѣялся быть первымъ на этомъ поприщѣ послѣ ригориста, который очень удобно поднималъ на воздухъ и клалъ на землю офицера и Дмитрія Сергѣича вмѣстѣ; это не вводило въ амбицію ни Дмитрія Сергѣича, ни офицера; ригористъ былъ признанный атлетъ, но Дмитрію Сергѣичу никакъ не хотѣлось оставить на себѣ того аффронта, что не можетъ побороть офицера; пять разъ онъ схватывался съ нимъ, и всѣ пять разъ офицеръ низлагалъ его, хотя не безъ труда. Послѣ шестой схватки Дмитрій Сергѣичъ призналъ себя несомнѣнно слабѣйшимъ: оба они выбились изъ силъ. Три мыслителя прилегли на траву, продолжали споръ; теперь огюстъ-контистомъ оказывался уже

Дмитрій Сергѣичъ, а схематистомъ офицеръ, но ригористъ такъ и остался ригористомъ

Отправились домой въ 11 часовъ. Старухи и дѣти такъ и заснули въ лодкахъ; хорошо, что запасено было много теплой одежды, за то остальные говорили безъ умолку, и на всѣхъ шести яликахъ не было перерыва шуткамъ и смѣху.

VII.

Черезъ два дня, за утреннимъ чаемъ, Вѣра Павловна замѣтила мужу, что цвѣтъ его лица ей не нравится. Онъ сказалъ, что дѣйствительно эту ночь спалъ не совсѣмъ хорошо, и вчера съ вечера чувствовалъ себя дурно, но что это ничего, немного простудился на прогулкѣ, конечно въ то время, когда долго лежалъ на землѣ послѣ бѣганья и борьбы; побранилъ себя за неосторожность, но увѣрилъ Вѣру Павловну, что это пустяки. Онъ отправился на свои обыкновенныя занятія; за вечернимъ чаемъ говорилъ, что, кажется, совершенно все прошло, но поутру на другой день сказалъ, что ему надобно будетъ нѣсколько времени посидѣть дома. Вѣра Павловна, сильно встревожившаяся и вчера, теперь серьезно испугалась и потребовала, чтобы Дмитрій Сергѣичъ пригласилъ медика.—„Да вѣдь я самъ медикъ, и самъ съумѣю лечиться, если понадобится; а теперь пока еще не нужно“, отговаривался Дмитрій Сергѣичъ. Но Вѣра Павловна была неотступна, и онъ написалъ записку Кирсанову, говорилъ въ ней, что болѣзнь пустая, и что онъ проситъ его только въ угожденіе женѣ.

Поэтому Кирсановъ не поторопился: пробылъ въ госпиталѣ до самаго обѣда, и пріѣхалъ къ Лопуховымъ уже часу въ 6-мъ вечера.

— Нѣтъ, Александръ, я хорошо сдѣлалъ, что позвалъ тебя, сказалъ Лопуховъ: — опасности нѣтъ, и вѣроятно не будетъ; но у меня воспаленіе въ легкихъ. Конечно, я и безъ тебя вылечился бы, но все-таки навѣщай. Нельзя, нужно для очищенія совѣсти: вѣдь я не бобыль, какъ ты.

Долго они щупали бока одному изъ себя, Кирсановъ слушалъ грудь, и нашли оба, что Лопуховъ не ошибся: опасности нѣтъ,

и, вѣроятно, не будетъ, но воспаленіе въ легкихъ сильно. Придется пролежать недѣли полторы. Немного запустилъ Лопуховъ свою болѣзнь, но все-таки еще ничего.

Кирсанову пришлось долго толковать съ Вѣрою Павловною, успокоивать ее. Наконецъ, она повѣрила вполнѣ, что ее не обманываютъ, что по всей вѣроятности, болѣзнь не только не опасна, но и не тяжела; но вѣдь только „по всей вѣроятности", а мало ли что бываетъ и противъ всякой вѣроятности?

Кирсановъ сталъ бывать по два раза въ день у больнаго: они съ нимъ оба видѣли, что болѣзнь проста и не опасна. На четвертый день поутру, Кирсановъ сказалъ Вѣрѣ Павловнѣ:

— Дмитрій ничего, хорошъ: еще дня три, четыре будетъ тяжеловато, но не тяжеле вчерашняго, а потомъ станетъ ужь и поправляться. Но о васъ, Вѣра Павловна, я хочу поговорить съ вами серьезно. Вы дурно дѣлаете: зачѣмъ не спать по ночамъ? Ему совершенно не нужна сидѣлка, да и я не нуженъ. А себѣ вы можете повредить, и совершенно безъ надобности. Вѣдь у васъ и теперь нервы ужь довольно разстроены.

Долго онъ урезонивалъ Вѣру Павловну, но безъ всякаго толку. „Никакъ", и „ни за что", и „я сама рада бы, да не могу"—т. е. спать по ночамъ и оставлять мужа безъ караула. Наконецъ, она сказала: — „да вѣдь все, что вы мнѣ говорите, онъ мнѣ ужь говорилъ, и много разъ, вѣдь вы знаете. Конечно, я скорѣе бы послушалась его, чѣмъ васъ, — значитъ, не могу".

Противъ такого аргумента нечего было спорить. Кирсановъ покачалъ головой и ушелъ.

Пріѣхалъ къ больному въ десятомъ часу вечера, онъ просидѣлъ подлѣ него вмѣстѣ съ Вѣрою Павловною съ полчаса, потомъ сказалъ: — „теперь вы, Вѣра Павловна, идите отдохнуть. Мы оба просимъ васъ. Я останусь здѣсь ночевать".

Вѣрѣ Павловнѣ было совѣстно: она сама наполовину, больше, чѣмъ наполовину, знала, что какъ будто и нѣтъ необходимости сидѣть всю ночь подлѣ больнаго, и вотъ заставляетъ же Кирсанова, человѣка занятаго, терять время. Что-жь это, въ самомъ дѣлѣ? да, „какъ будто не нужно..." „какъ будто", а кто знаетъ? нѣтъ, нельзя оставить „миленькаго" одного, мало ли что можетъ случиться? да наконецъ, пить захочетъ, можетъ быть, чаю захочетъ, вѣдь онъ деликатный, будить не станетъ, значитъ, и нельзя

не сидѣть подлѣ него. Но Кирсанову сидѣть не нужно, она не дозволитъ. Она сказала, что не уйдетъ, потому что не очень устала, что она много отдыхаетъ днемъ.

— Въ такомъ случаѣ, простите меня, но я прошу васъ уйти, рѣшительно прошу. Кирсановъ взялъ ее за руку и почти силою отвелъ въ ея комнату.

— Мнѣ, право, совѣстно передъ тобою, Александръ, проговорилъ больной:—какую смѣшную роль ты играешь, сидя ночь у больнаго, болѣзнь котораго вовсе не требуетъ этого. Но я тебѣ очень благодаренъ. Вѣдь я не могъ уговорить ее взять хоть сидѣлку, если боится оставить одного, — никому не могла довѣрить.

— Еслибъ я этого не видѣлъ, что она не можетъ быть спокойна, довѣривъ тебя кому нибудь другому, разумѣется, не сталъ бы я нарушать своего комфорта. Но теперь, надѣюсь, уснетъ: вѣдь я медикъ и твой пріятель.

Въ самомъ дѣлѣ, Вѣра Павловна, какъ дошла до своей кровати, такъ и повалилась и заснула. Три безсонныя ночи сами по себѣ не были бы важны. И тревога сама не была бы важна. Но тревога вмѣстѣ съ безсонными ночами, да безъ всякаго отдыха днемъ, точно была опасна; еще двое, трое сусокъ безъ сна, она бы сдѣлалась больна по серьезнѣе мужа.

Кирсановъ провелъ еще три ночи съ больнымъ; его-то это мало утомляло, конечно, потому что онъ преспокойно спалъ, только изъ предосторожности запиралъ дверь, чтобы Вѣра Павловна не могла увидѣть такой безпечности. Она и подозрѣвала, что онъ спитъ на своемъ дежурствѣ, но все-таки была спокойна: вѣдь онъ медикъ, такъ чего же опасаться? онъ знаетъ, когда можно ему спать, когда нѣтъ. Ей было совѣстно, что она не могла прежде успокоиться, чтобы не тревожить его, но теперь ужь онъ не обращалъ вниманія на ея увѣренія, что будетъ спать, хотя бы его тутъ и не было:—„вы виноваты, Вѣра Павловна, и за то должны быть наказываемы. Я вамъ не довѣряю“.

Но черезъ четыре дня, было ужь очевидно для нея, что больной почти пересталъ быть больнымъ, улики ея скептицизму были слишкомъ ясны: въ тотъ вечеръ, они втроемъ играли въ карты, Лопуховъ уже полу-лежалъ, а не лежалъ, и говорилъ очень хо-

рошимъ голосомъ. Кирсановъ могъ прекратить свои сонныя дежурства, и объявилъ объ этомъ.

— Александръ Матвѣичъ, почему вы совершенно забыли меня, именно меня? Съ Дмитріемъ вы все-таки хороши, онъ бываетъ у васъ довольно часто; но вы у насъ передъ его болѣзнію не были, кажется, съ полгода; да и давно такъ. А помните, въ началѣ вѣдь мы съ вами были дружны.

— Люди перемѣняются, Вѣра Павловна. Да вѣдь и я страшно работаю, могу похвалиться. Я почти ни у кого не бываю: некогда, лѣнь. Такъ устаешь съ 9 часовъ до 5 въ гошпиталѣ и въ академіи, что потомъ чувствуешь невозможность никакого другаго перехода, кромѣ какъ изъ мундира прямо въ халатъ. Дружба хороша, но не сердитесь, сигара на диванѣ, въ халатѣ — еще лучше.

Въ самомъ дѣлѣ, Кирсановъ уже больше двухъ лѣтъ почти вовсе не бывалъ у Лопуховыхъ. Читатель не замѣчалъ его имени между ихъ обыкновенным гостями, да и между рѣдкими посѣтителями онъ давно сталъ самымъ рѣдкимъ.

VIII.

Проницательный читатель, — я объясняюсь только съ читателемъ: читательница слишкомъ умна, чтобы надоѣдать своей догадливостью, потому я съ нею не объясняюсь, говорю это разъ навсегда; есть и между читателями не мало людей не глупыхъ: съ этими читателями я тоже не объясняюсь; но большинство читателей, въ томъ числѣ почти всѣ литераторы и литературщики, люди проницательные, съ которыми мнѣ всегда пріятно бесѣдовать,—и такъ, проницательный читатель говоритъ: я понимаю, къ чему идетъ дѣло; въ жизни Вѣры Павловны начинается новый романъ; въ немъ будетъ играть роль Кирсановъ; я понимаю даже больше: Кирсановъ уже давно влюбленъ въ Вѣру Павловну, потому-то онъ и пересталъ бывать у Лопуховыхъ. О, какъ ты понятливъ, проницательный читатель: какъ только тебѣ скажешь что-нибудь, ты сейчасъ же замѣчаешь: „я понялъ это“, и восхищаешься своею проницательностью. Благоговѣю передъ тобою, проницательный читатель.

Итакъ, въ исторіи Вѣры Павловны является новое лицо, и надобно было бы описать его, если-бы оно уже не было описано. Когда я разсказывалъ о Лопуховѣ, то затруднялся обособить его отъ его задушевнаго пріятеля и не умѣлъ сказать о немъ почти ничего такого, чего не надобно было бы повторить и о Кирсановѣ. И дѣйствительно, все, что можетъ (проницательный) читатель узнать изъ слѣдующей описи примѣтъ Кирсанова, будетъ повтореніемъ примѣтъ Лопухова. Лопуховъ былъ сынъ мѣщанина, зажиточнаго по своему сословію, то есть, довольно часто имѣющаго мясо во щахъ; Кирсановъ былъ сынъ писца уѣзднаго суда, то есть, человѣка, часто не имѣющаго мяса во щахъ,—значитъ, и наоборотъ, часто имѣющаго мясо во щахъ. Лопуховъ съ очень ранней молодости, почти съ дѣтства, добывалъ деньги на свое содержаніе; Кирсановъ съ 12 лѣтъ помогалъ отцу въ переписываніи бумагъ, съ IV класса гимназіи тоже давалъ уже уроки. Оба грудью, безъ связей, безъ знакомствъ пролагали себѣ дорогу. Лопуховъ былъ какой человѣкъ? въ гимназіи по-французски не выучивались, а по-нѣмецки выучивались склонять der, die, das, съ небольшими ошибками; а поступивши въ академію, Лопуховъ скоро увидѣлъ, что на русскомъ языкѣ далеко не уѣдешь въ наукѣ: онъ взялъ французскій словарь, да какія случились французскія книжонки, а случились: Телемакъ, да повѣсти г-жи Жанлисъ, да нѣсколько ливрезоновъ нашего умнаго журнала Revue Étrangère, — книги, все не очень заманчивыя, — взялъ ихъ, а самъ, разумѣется, былъ страшный охотникъ читать, да и сказалъ себѣ: не раскрою ни одной русской книги, пока не стану свободно читать по-французски; ну, и сталъ свободно читать. А съ нѣмецкимъ языкомъ обошелся иначе: нанялъ уголъ въ квартирѣ, гдѣ было много нѣмцевъ мастеровыхъ; уголъ былъ мерзкій, нѣмцы скучны, ходить въ академію было далеко, а онъ все-таки выжилъ тутъ, сколько ему было нужно. У Кирсанова было иначе: онъ нѣмецкому языку учился по разнымъ книгамъ съ лексикономъ, какъ Лопуховъ французскому, а по-французски выучился другимъ манеромъ, по одной книгѣ, безъ лексикона: евангеліе — книга очень знакомая; вотъ онъ досталъ Новый Завѣтъ въ женевскомъ переводѣ, да и прочелъ его восемь разъ; на девятый, уже все понималъ, — значитъ, готово. Какой человѣкъ былъ

Лопуховъ?—Вотъ какой: шелъ онъ въ оборванномъ мундирѣ по Каменно-Островскому проспекту (съ урока, по 50 коп. урокъ, верстахъ въ трехъ за лицеемъ). Идетъ ему навстрѣчу нѣкто осанистый, моціонъ дѣлаетъ, да, какъ осанистый, прямо на него, не сторонится; а у Лопухова было въ то время правило: кромѣ женщинъ, ни передъ кѣмъ первый не сторонюсь; задѣли другъ друга плечами; нѣкто, сдѣлавъ полуоборотъ, сказалъ: „что ты за свинья, скотина“, готовясь продолжать назиданіе, а Лопуховъ сдѣлалъ полный оборотъ къ нѣкоему, взялъ нѣкоего въ охапку и положилъ въ канаву, очень осторожно, и стоитъ надъ нимъ, и говоритъ: ты не шевелись, а то дальше протащу, гдѣ грязь глубже. Проходили два мужика, заглянули, похвалили; проходилъ чиновникъ, заглянулъ, не похвалилъ, но сладко улыбнулся; проѣзжали экипажи,—изъ нихъ не заглядывали: не было видно, что лежитъ въ канавѣ; постоялъ Лопуховъ, опять взялъ нѣкоего, не въ охапку, а за руку, поднялъ, вывелъ на шоссе и говоритъ: „Ахъ, милостивый государь, какъ это вы изволили оступиться? Не повредились, надѣюсь? Позвольте васъ обтереть? Проходилъ мужикъ, сталъ помогать обтирать, проходили два мѣщанина, стали помогать обтирать, обтерли нѣкоего и разошлись. Съ Кирсановымъ не было такого случая, а былъ другой случай. Нѣкая дама, у которой нѣкіе бывали на посылкахъ, вздумала, что надобно составить каталогъ библіотеки, оставшейся послѣ мужа-вольтеріанца, который умеръ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Зачѣмъ именно черезъ двадцать лѣтъ понадобился каталогъ, неизвѣстно. Составлять каталогъ подвернулся Кирсановъ, взялся за 80 р.; работалъ полтора мѣсяца. Вдругъ дама вздумала, что каталогъ не нуженъ, вошла въ библіотеку, и говоритъ: „не трудитесь больше, я передумала; а вотъ вамъ за ваши труды“, и подала Кирсанову 10 р.—„Я, ваше ***, даму назвалъ по титулу, сдѣлалъ уже больше половины работы: изъ 17 шкаповъ переписалъ 10“.—„Вы находите, что я васъ обидѣла, въ деньгахъ? Nicolas, поди сюда, переговори съ этимъ господиномъ“. Влетѣлъ Nicolas.—„Ты какъ смѣешь грубить maman?“—„Да ты, молокососъ“, — выраженіе неосновательное со стороны Кирсанова: Nicolas былъ старше его годами пятью,—„выслушалъ бы прежде“.—„Люди!“ крикнулъ Nicolas.—„Ахъ, люди? Вотъ я тебѣ покажу людей!“ Во мгновеніе ока дама взвизгнула и упала

въ обморокъ, а Nicolas постигъ, что не можетъ пошевельнуть руками, которыя притиснуты къ его бокамъ, какъ желѣзнымъ поясомъ, и что притиснуты онѣ правою рукою Кирсанова, и постигъ, что лѣвая рука Кирсанова, дернувши его за вихоръ, уже держитъ его за горло, и что Кирсановъ говоритъ: „посмотри, какъ легко мнѣ тебя задушить“ — и давнулъ горло; и Nicolas постигъ, что задушить точно легко, и рука уже опустила горло, можно дышать, только все держится за горло. А Кирсановъ говоритъ, обращаясь къ появившимся у дверей голіафамъ: — „стой! а то его задушу. Разступитесь, а то его задушу“. Все это постигъ Nicolas въ одно мгновеніе ока и сдѣлалъ помаваніе носомъ, что, дескать, онъ основательно разсуждаетъ. — „Теперь проводи-ко, братъ, меня до лѣстницы“, сказалъ Кирсановъ, опять обратясь къ Nicolas и продолжая по прежнему обнимать Nicolas, вышелъ въ переднюю и сошелъ съ лѣстницы, издали напутствуемый умиленными взорами голіафовъ и на послѣдней ступенькѣ отпустилъ горло Nicolas, отпихнулъ самаго Nicolas и пошелъ въ лавку покупать фуражку вмѣсто той, которая осталась добычею Nicolas.

Ну, что же различнаго скажете вы о такихъ людяхъ? Всѣ рѣзко выдающіяся черты ихъ — черты не индивидуумовъ, а типа, типа до того разнящагося отъ привычныхъ тебѣ, проницательный читатель, что его общими особенностями закрываются личныя разности въ немъ. Эти люди среди другихъ, будто среди китайцевъ нѣсколько человѣкъ европейцевъ, которыхъ не могутъ различить одного отъ другого китайцы: во всѣхъ видятъ одно, что они „красноволосые варвары, не знающіе церемоній“; на ихъ глаза, вѣдь и французы такіе же „красноволосые“, какъ англичане. Да китайцы и правы: въ отношеніяхъ съ ними, всѣ европейцы, какъ одинъ европеецъ, не индивидуумы, а представители типа, больше ничего; одинаково не ѣдятъ таракановъ и мокрицъ, одинаково не рѣжутъ людей въ мелкіе кусочки, одинаково пьютъ водку и виноградное вино, а не рисовое, и даже единственную вещь, которую видятъ свою родную въ нихъ китайцы, — питье чаю, дѣлаютъ вовсе не такъ, какъ китайцы: съ сахаромъ, а не безъ сахару. Такъ и люди того типа, къ которому принадлежали Лопуховъ и Кирсановъ, кажутся одинаковы людямъ не того типа. Каждый изъ нихъ — человѣкъ отважный,

не колеблющійся, не отступающій, умѣющій взяться за дѣло, и если возьмется, то уже крѣпко хватающійся за него, такъ что оно не выскользнетъ изъ рукъ: это одна сторона ихъ свойствъ; съ другой стороны, каждый изъ нихъ человѣкъ безукоризненной честности, такой, что даже и не приходитъ въ голову вопросъ: „можно ли положиться на этого человѣка во всемъ безусловно?“ Это ясно, какъ то, что онъ дышетъ грудью; пока дышитъ эта грудь, она торяча и неизмѣнна,—смѣло кладите на нее свою голову, на ней можно отдохнуть. Эти общія черты такъ рѣзки, что за ними сглаживаются всѣ личныя особенности.

Недавно зародился у насъ этотъ типъ. Прежде были только отдѣльныя личности, предвѣщавшія его; онѣ были исключеніями, и, какъ исключенія, чувствовали себя одинокими, безсильными, и отъ этого бездѣйствовали, или унывали, или экзальтировались, романтизировали, фантазировали, то есть, не могли имѣть главной черты этого типа, не могли имѣть хладнокровной практичности, ровной и разсчетливой дѣятельности, дѣятельной разсудительности. То были люди, хоть и той же натуры, но еще не развившейся до этого типа, а онъ, этотъ типъ, зародился недавно; въ мое время его еще не было, хоть я не очень старый, даже вовсе не старый человѣкъ. Я и самъ не могъ вырости такимъ, — росъ не въ такую эпоху; потому-то, что я самъ не таковъ, я и могу не совѣстясь выражать свое уваженіе къ нему; къ сожалѣнію, я не себя прославляю, когда говорю про этихъ людей: славные люди.

Недавно родился этотъ типъ и быстро распложается. Онъ рожденъ временемъ, онъ знаменіе времени, и, сказать ли?—онъ исчезнетъ вмѣстѣ съ своимъ временемъ, недолгимъ временемъ. Его недавняя жизнь обречена быть и недолгою жизнью. Шесть лѣтъ тому назадъ этихъ людей не видѣли; три года тому назадъ, презирали; теперь... но все равно, что думаютъ о нихъ теперь; черезъ нѣсколько лѣтъ, очень немного лѣтъ, къ нимъ будутъ взывать „спасите насъ!“ и что будутъ они говорить, будетъ исполняться всѣми; еще немного лѣтъ, быть можетъ и не лѣтъ, а мѣсяцевъ, и станутъ ихъ проклинать, и они будутъ согнаны со сцены, ошиканные, срамимые. Такъ что же, шикайте и срамите, гоните и проклинайте, вы получили отъ нихъ пользу, этого для нихъ довольно, и подъ шумомъ шиканья, подъ гро-

момъ проклятій, они сойдутъ со сцены, гордые и скромные, суровые и добрые, какъ были. И не останется ихъ на сценѣ? — Нѣтъ. Какъ же будетъ безъ нихъ?—Плохо. Но послѣ нихъ все-таки будетъ лучше, чѣмъ до нихъ. И пройдутъ года, и скажутъ люди: „послѣ нихъ стало лучше; но все-таки осталось плохо". И когда скажутъ это, значитъ, пришло время возродиться этому типу, и онъ возродится въ болѣе многочисленныхъ людяхъ, въ лучшихъ формахъ, потому что тогда всего хорошаго будетъ больше, и все хорошее будетъ лучше; и опять та же исторія въ новомъ видѣ. И такъ пойдетъ до тѣхъ поръ, пока люди скажутъ: „ну, теперь намъ хорошо", тогда ужь не будетъ этого отдѣльнаго типа, потому что люди всѣ будутъ этого типа, и съ трудомъ будутъ понимать, какъ же это было время, когда онъ считался особеннымъ типомъ, а не общею натурою всѣхъ людей.

IX.

Но какъ европейцы между китайцами всѣ на одно лицо и на одинъ манеръ только по отношенію къ китайцамъ, а на самомъ дѣлѣ между европейцами несравненно больше разнообразія, чѣмъ между китайцами, такъ и въ этомъ, повидимому одномъ типѣ разнообразіе личностей развивается на разности болѣе многочисленныя и болѣе отличающіяся другъ отъ друга, чѣмъ всѣ разности всѣхъ остальныхъ типовъ разнятся между собою. Тутъ есть всякіе люди: и сибариты, и аскеты, и суровые, и нѣжные, и всякіе, всякіе. Только, какъ самый жестокій европеецъ очень кротокъ, самый трусливый очень храбръ, самый сладострастный очень нравственъ передъ китайцемъ, такъ и они: самые аскетичные изъ нихъ считаютъ нужнымъ для человѣка больше комфорта, чѣмъ воображаютъ люди не ихъ типа, самые чувственные строже въ нравственныхъ правилахъ, чѣмъ морализаторы не ихъ типа. Но все это они представляютъ себѣ какъ-то по своему: и нравственность и комфортъ, и чувственность и добро понимаютъ они на особый ладъ, и всѣ они на одинъ ладъ, и не только всѣ на одинъ ладъ, но и все это какъ-то на одинъ ладъ, такъ что и нравственность и комфортъ, и добро и чувственность, все это выходитъ у нихъ какъ будто одно и то же. Но

все это опять только по отношенію къ понятіямъ китайцевъ, а сами между собою они находятъ очень большія разности пониманія, но разности натуръ. Но какъ теперь уволить эти разности натуръ и понятій между ними?

Въ развговорахъ о дѣлахъ между собою, но только между собою, а не съ китайцами, высказываютъ свою разницу европейскія натуры. Такъ и у людей этого типа видно бываетъ очень большое разнообразіе, когда дѣла ведутся между ними, но только между ними, а не съ посторонними. Мы видѣли передъ собою двухъ людей этого типа: Вѣру Павловну и Лопухова, и видѣли, какъ устроились отношенія между ними. Теперь входитъ третій человѣкъ. Посмотримъ, какія разности обнаружатся отъ возможности одному изъ нихъ сравнивать двухъ другихъ. Вѣра Павловна видитъ передъ собою Лопухова и Кирсанова. Прежде ей не было выбора; теперь есть.

X.

Но надобно же сказать два, три слова о внѣшнихъ примѣтахъ Кирсанова.

У него, какъ и у Лопухова, были правильныя, красивыя черты лица. Одни находили, что красивѣе тотъ, другіе—этотъ. У Лопухова, болѣе смуглаго, были темно-каштановые волосы, сверкающіе каріе глаза, казавшіееся почти черными, орлиный носъ, толстыя губы, лицо нѣсколько овальное. У Кирсанова были русые волосы довольно темнаго оттѣнка, темно-голубые глаза, прямой греческій носъ, маленькій ротъ, лицо продолговатое, замѣчательной бѣлизны. Оба они были люди довольно высокаго роста, стройные, Лопуховъ нѣсколько шире костью, Кирсановъ нѣсколько выше.

Внѣшняя обстановка Кирсанова была довольно хороша. Онъ уже имѣлъ каѳедру. Огромное большинство избиравшихъ было противъ него: ему бы не только не дали каѳедры, его бы не выпустили докторомъ, да нельзя было. Два, три молодые человѣка, да одинъ не молодой изъ его бывшихъ профессоровъ, его пріятели, давно наговорили остальнымъ, будто бы есть на свѣтѣ какой-то Фирховъ, и живетъ въ Берлинѣ, и какой-то Клодъ Бер-

наръ, и живетъ въ Парижѣ, и еще какіе-то такіе же, которыхъ не упомнишь, которые тоже живутъ въ разныхъ городахъ, и что будто бы эти Фирховъ, Клодъ Бернаръ и еще кто-то—будто бы они свѣтила медицинской науки. Все это было до крайности неправдоподобно, потому что свѣтила науки намъ извѣстны: Бургавъ, Гуфеландъ; Гавье тоже былъ великій ученый, открылъ обращеніе крови, тоже Дженнеръ, выучилъ оспопрививанію; такъ вѣдь мы знаемъ ихъ, а этихъ Фирхововъ да Клодовъ Бернаровъ мы не знаемъ, какія же они свѣтила? А впрочемъ, чортъ ихъ знаетъ. Такъ вотъ этотъ самый Клодъ Бернаръ отзывался съ уваженіемъ о работахъ Кирсанова, когда Кирсановъ еще оканчивалъ курсъ,—ну, и нельзя: дали Кирсанову докторство, дали года черезъ полтора каѳедру. Студенты говорили, что, съ его поступленіемъ, партія хорошихъ профессоровъ замѣтно усилилась. Практики онъ не имѣлъ и говорилъ, что бросилъ практическую медицину; но въ госпиталѣ бывалъ очень подолгу: выпадали дни, что онъ тамъ и обѣдалъ, а иной разъ и ночевалъ. Что-жъ онъ тамъ дѣлалъ? онъ говорилъ, что работаетъ для науки, а не для больныхъ: „я не лечу, а только наблюдаю и дѣлаю опыты“. Студенты подтверждали это, прибавляя, что нынѣ лечатъ только дураки, потому что нынѣ лечить еще нельзя. Служители судили иначе: „ну, этого Кирсановъ беретъ въ свою палату,—значитъ труденъ“, говорили они между собою, а потомъ больному: „будь благонадеженъ: противъ этого лекаря рѣдкая болѣзнь можетъ устоять, мастеръ; и какъ есть отецъ“.

XI.

Въ первое время замужества Вѣры Павловны, Кирсановъ бывалъ у Лопуховыхъ очень часто, почти что черезъ день, а ближе сказать, почти что каждый день, и скоро, да почти что съ перваго же дня, сталъ чрезвычайно друженъ съ Вѣрою Павловною, столько же, какъ съ самимъ Лопуховымъ. Такъ продолжалось съ полгода. Однажды, они сидѣли втроемъ: онъ, мужъ и она. Разговоръ шелъ, какъ обыкновенно, безъ всякихъ церемоній; Кирсановъ болталъ больше всѣхъ, но вдругъ замолчалъ.— „Что

съ тобою, Александръ?"—„Что вы пріутихли, Александръ Матвѣичъ?"—„Такъ что-то, нашла хандра".

— Это съ вами рѣдко случается, Александръ Матвѣичъ, сказала Вѣра Павловня.

— Безъ причины даже никогда, сказалъ Кирсановъ какимъ-то натянутымъ тономъ.

Черезъ нѣсколько времени, раньше обыкновеннаго, онъ всталъ и ушелъ, простившись, какъ всегда, просто.

Дня черезъ два, Лопуховъ сказалъ Вѣрѣ Павловнѣ, что заходилъ къ Кирсанову и, какъ ему показалось, встрѣченъ былъ довольно странно. Кирсановъ какъ будто хотѣлъ быть съ нимъ любезенъ, что было вовсе лишнее между ними. Лопуховъ, посмотрѣвши на него, сказалъ прямо: „Ты, Александръ, что-то дуешься; на кого, на меня что ли?"—„Нѣтъ".—„На Вѣрочку?"—„Нѣтъ".—„Такъ что же съ тобою сдѣлалось?"—„Нѣтъ, ничего; что это тебѣ показалось?"—„Да ты не хорошъ со мною нынѣ: натянутъ, любезенъ, и видно, что дуешься". Кирсановъ началъ расточать увѣренія, что нисколько, и тѣмъ окончательно выказалъ, что дуется. Потомъ, ему, должно быть, стало стыдно, онъ сдѣлался простъ, хорошъ, какъ слѣдуетъ. Лопуховъ, воспользовавшись тѣмъ, что человѣкъ пришелъ въ разсудокъ, спросилъ опять:—„Ну, Александръ, скажи, за что же ты дулся?„—„Я не думалъ дуться"; и опять сталъ приторенъ и противенъ.

Что за чудо? Лопуховъ не умѣлъ вспомнить ничего, чѣмъ бы могъ оскорбить его, да это и не было возможно, при ихъ уваженіи другъ къ другу, при горячей дружбѣ. Вѣра Павловна тоже очень усердно вспоминала, не она ли чѣмъ оскорбила его, и тоже не могла ничего отыскать, и тоже знала, по той же причинѣ, какъ у мужа, что это невозможно съ ея стороны.

Прошло еще два дня; не зайти къ Лопуховымъ четыре дня сряду было дѣломъ необыкновеннымъ для Кирсанова. Вѣра Павловна даже вздумала: здоровъ ли онъ? Лопуховъ зашелъ посмотрѣть, не боленъ ли въ самомъ дѣлѣ. Какое, нездоровъ! продолжаетъ дуться. Лопуховъ приступилъ къ нему настойчиво. Онъ, послѣ долгихъ отнѣкиваній, началъ говорить какой-то нелѣпый вздоръ о своихъ чувствахъ къ Лопухову и къ Вѣрѣ Павловнѣ, что онъ очень любитъ и уважаетъ ихъ; но изъ всего

этого слѣдовало, что они къ нему невнимательны, о чемъ, — что хуже всего, — не было, впрочемъ, никакого намека въ его высокопарности. Ясно было, что господинъ вломился въ амбицію. Все это такъ дико было видѣть въ человѣкѣ, за какого Лопуховъ считалъ Кирсанова, что гость сказалъ хозяину: — „послушай, вѣдь мы съ тобою пріятели; вѣдь это, наконецъ, должно быть совѣстно тебѣ“. Кирсановъ съ изысканною переносливостью отвѣчалъ, что дѣйствительно это съ его стороны, можетъ быть, мелочность, но что-жь дѣлать, если онъ многимъ обижался. — „Ну, чѣмъ же?“ Онъ началъ высчитывать множество случаевъ, которыми оскорблялся въ послѣднее время, все въ такомъ родѣ: „ты сказалъ, что чѣмъ свѣтлѣе у человѣка волосы, тѣмъ ближе онъ къ безцвѣтности. Вѣра Павловна сказала, что нынѣ чай вздорожалъ. Это колкость на мой цвѣтъ волосъ. Это намекъ, что я васъ объѣдаю“. У Лопухова опустились руки: помѣшался чечеловѣкъ на амбиціонности, или, вѣрнѣе сказать, просто сталъ дуракомъ и пошлякомъ.

Лопуховъ возвратился домой даже опечаленный: горько было увидѣть такую сторону въ человѣкѣ, котораго онъ такъ любилъ. На разспросы Вѣры Павловны, что онъ узналъ, онъ отвѣчалъ грустно, что лучше объ этомъ не говорить, что Кирсановъ говорилъ непріятный вздоръ, что онъ, вѣроятно, боленъ.

Черезъ три, четыре дня, Кирсановъ, должно быть, опомнился, увидѣлъ дикую пошлость своихъ выходокъ; пришелъ къ Лопуховымъ, былъ какъ слѣдуетъ, потомъ сталъ говорить, что онъ былъ пошлъ; изъ словъ Вѣры Павловны онъ замѣтилъ, что она не слышала отъ мужа его глупостей, истинно благодарилъ Лопухова за эту скромность, сталъ самъ, въ наказаніе себѣ, разсказывать все Вѣрѣ Павловнѣ, разчуствовался, извинялся, говорилъ, что былъ боленъ, и опять выходило какъ-то дрянно. Вѣра Павловна попробовала сказать, чтобъ онъ бросилъ толковать объ этомъ, что это пустяки, онъ привязался къ слову „пустяки“ и началъ нести такую же пошлую чепуху, какъ въ разговорѣ съ Лопуховымъ: очень деликатно и тонко сталъ развивать ту тему, что, конечно, это „пустяки“, потому что онъ понимаетъ свою маловажность для Лопуховыхъ, но что онъ большаго и не заслуживаетъ, и т. д., и все это говорилось темнѣйшими, тончайшими намеками въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ уваженія,

преданности. Вѣра Павловна, слушая это, точно также опустила руки, какъ прежде мужъ. Когда онъ ушелъ, они припомнили, что ужь нѣсколько дней до своего явнаго опошленія онъ былъ страненъ; тогда они не замѣтили и не поняли, теперь эти прежнія выходки объяснились: онѣ были въ томъ же вкусѣ, только слабы.

Послѣ этого, Кирсановъ сталъ было заходить довольно часто; но продолженіе прежнихъ простыхъ отношеній было уже невозможно: изъ-подъ маски порядочнаго человѣка высовывалось нѣсколько дней такое длинное ослиное ухо, что Лопуховы потеряли бы слишкотъ значительную долю уваженія къ бывшему другу, еслибъ это ухо и спряталось навсегда; но оно по временамъ продолжало выказываться: выставлялось не такъ длинно и торопливо пряталось, но было жалко, дрянно, пошло.

Скоро къ Кирсанову въ самомъ дѣлѣ стали холодны, онъ дѣйствительно имѣлъ уже причину не находилъ себѣ удовольствія у Лопуховыхъ, и пересталъ бывать.

Но онъ встрѣчался съ Лопуховымъ у однихъ знакомыхъ. Черезъ нѣсколько времени, омерзеніе Лопухова къ нему ослабѣло: онъ былъ ничего, какъ слѣдуетъ. Лопуховъ сталъ заходить къ нему. Черезъ годъ, онъ даже возобновилъ посѣщенія къ Лопуховымъ и былъ прежнимъ отличнымъ Кирсановымъ, простымъ и честнымъ. Но бывалъ рѣдко: видно было, что ему неловко вспоминать о глупой исторіи, которую онъ разъигралъ. Лопуховъ почти забылъ ее, Вѣра Павловна тоже. Но разъ порванныя отношенія не возобновлялись. По нарушности онъ и Лопуховъ были опять друзья, да и на дѣлѣ, Лопуховъ сталъ почти по прежнему уважать его и бывалъ у него нерѣдко; Вѣра Павловна также возвратила ему часть прежняго расположенія, но она очень рѣдко видѣла его.

XII.

Теперь болѣзнь Лопухова, лучше сказать, чрезвычайная привязанность Вѣры Павловны къ мужу, принудила Кирсанова быть болѣе недѣли въ короткихъ ежедневныхъ отношеніяхъ съ Лопуховыми. Онъ понималъ, что ступаетъ на опасную для себя дорогу, рѣшаясь просиживать вечера съ ними, чтобы отбивать у

Вѣры Павловны дежурство; вѣдь онъ былъ такъ радъ и гордъ, что тогда, около трехъ лѣтъ назадъ, замѣтивъ въ себѣ признаки страсти, умѣлъ такъ твердо сдѣлать все, что было нужно для остановки ея развитія. Вѣдь ему было такъ хорошо отъ этого. Двѣ, три недѣли, его тянуло тогда къ Лопуховымъ, но и въ это время было больше удовольствія отъ сознанія своей твердости въ борьбѣ, чѣмъ были отъ лишенія, а черезъ мѣсяцъ, боль вовсе прошла, и осталась одно довольство своей честностью. Такъ спокойно, такъ мило было у него на душѣ.

А теперь опасность была больше, чѣмъ тогда: въ эти три года Вѣра Павловна, конечно, много развилась нравственно; тогда она была наполовину еще ребенокъ, теперь уже не то; чувство, ею внушаемое, уже не могло походить на шутливую привязанность къ дѣвочкѣ, которую любишь и надъ которой улыбаешься въ одно и то же время. И не только нравственно развилась она: если красота женщины—настоящая красота, то у насъ на сѣверѣ женщина долго хорошѣетъ съ каждымъ годомъ. Да, три года жизни въ эту пору развиваютъ много хорошаго и въ душѣ, и въ глазахъ, и въ чертахъ лица, и во всемъ человѣкѣ, если человѣкъ хорошъ и жизнь хороша.

Опасность была большая, но только для него, Кирсанова; Вѣрѣ Павловнѣ какая же опасность? Она любитъ мужа. Кирсановъ не такъ пустъ и глупъ, чтобы считать себя опаснымъ соперникомъ Лопухову. Не изъ фальшивой скромности онъ думаетъ это: всѣ порядочные люди, которые знаютъ его и Лопухова, ставятъ ихъ равно. А на сторонѣ Лопухова то неизмѣримое преимущество, что онъ уже заслужилъ любовь, да, заслужилъ ее, что онъ уже вполнѣ пріобрѣлъ сердце. Выборъ сдѣланъ, она очень довольна и счастлива выборомъ, у ней не можетъ явиться и мысли искать лучшаго: развѣ ей не хорошо? Объ этомъ смѣшно и думать, это опасеніе за нее и за Лопухова было бы нелѣпымъ тщеславіемъ со стороны его, Кирсанова.

Такъ неужели же изъ-за вздора, изъ-за того, что Кирсанову придется потосковать мѣсяцъ, много два, неужели изъ-за этого вздора давать женщинѣ разстраивать нервы, рисковать серьезною болѣзнію отъ сидѣнья по ночамъ у кровати больного? Неужели, для того, чтобы избѣжать неважнаго и недолгаго нарушенія тишины собственной жизни, допускать серьезный вредъ другому, не

менѣе достойному человѣку? Вѣдь это было бы нечестно. А нечестный поступокъ гораздо пріятнѣе той, въ сущности и не тяжелой, борьбы съ собою, которую придется ему выдержать, и въ развязкѣ которой—въ гордомъ довольствѣ собою за твердость—нѣтъ сомнѣнія.

Такъ разсуждалъ Кирсановъ, рѣшаясь прогнать Вѣру Павловну съ напраснаго дежурства.

Надобность въ дежурствѣ прошла. Для соблюденія благовидности, чтобы не дѣлать крутого перерыва, возбуждающаго вниманіе, Кирсанову нужно было еще два, три раза навѣстить Лопуховыхъ на дняхъ, потомъ черезъ недѣлю, потомъ черезъ мѣсяцъ, потомъ черезъ полгода. Затѣмъ, удаленіе будетъ достаточно объясняться занятіями.

XIII.

Все шло у Кирсанова хорошо, какъ онъ и думалъ. Привязанность возобновилась, и сильнѣе прежняго; но борьба съ нею не представляла никакого серьезнаго мученія, была легка. Вотъ Кирсановъ былъ уже во второй разъ у Лопуховыхъ, черезъ недѣлю по окончаніи леченья Дмитрія Сергѣича, вотъ онъ посидитъ часовъ до 9-ти: довольно, благовидность соблюдена; въ слѣдующій разъ, онъ будетъ у нихъ черезъ двѣ недѣли: удаленіе почти исполнилось. А теперь надобно посидѣть еще съ часъ. А въ эту недѣлю, ужь на половину заглушено развитіе страсти; черезъ мѣсяцъ все пройдетъ. Онъ очень доволенъ. Онъ участвуетъ въ разговорѣ такъ непринужденно, что самъ радуется своимъ успѣхамъ, и отъ этого довольства непринужденность его еще увеличивается.

Лопуховъ собирался завтра выйти въ первый разъ изъ дому. Вѣра Павловна была отъ этого въ особенно хорошемъ расположеніи духа, радовалась чуть ли не больше, да и навѣрное больше, чѣмъ самъ бывшій больной. Разговоръ коснулся болѣзни, смѣялись надъ нею, восхваляли шутливымъ тономъ супружескую самоотверженность Вѣры Павловны, чуть чуть не разстроившей своего здоровья тревогою изъ-за того, чѣмъ не стоило тревожиться. „Смѣйтесь, смѣйтесь, говорила она: — но вѣдь я знаю,

у васъ самихъ не было бы силы поступить иначе на моемъ мѣстѣ".

— А какое вліяніе имѣетъ на человѣка заботливость другихъ, сказалъ Лопуховъ:—вѣдь онъ и самъ отчасти подвергается обольщенію, что ему нужна, Богъ знаетъ, какая осторожность, когда видитъ, что изъ-за него тревожатся. Вѣдь вотъ я могъ бы выходить изъ дому уже дня три, а все продолжалъ сидѣть. Нынѣ поутру хотѣлъ выйти, и еще отложилъ на день для большой безопасности.

— Да, тебѣ давно можно выходить подтвердилъ Кирсановъ.

— Вотъ это я называю геройствомъ, и правду сказать, страшно надоѣло оно: сейчасъ бы такъ и убѣжалъ.

— Милый мой, вѣдь это ты для моего успокоенія геройствовалъ. А убѣжимъ сейчасъ же, въ самомъ дѣлѣ, если тебѣ такъ хочется поскорѣе кончить карантинъ. Я скоро пойду на полчаса въ мастерскую. Отправимтесь всѣ вмѣстѣ: это будетъ съ твоей стороны очень мило, что ты первый визитъ послѣ болѣзни сдѣлаешь нашей компаніи. Она замѣтитъ это и будетъ очень рада такой внимательности.

— Хорошо, отправимся вмѣстѣ, сказалъ Лопуховъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ, что подышитъ свѣжимъ воздухомъ нынѣ же.

— Вотъ хозяйка съ тактомъ, сказала Вѣра Павловна:—и не подумала, что у васъ, Александръ Матвѣичъ, можетъ вовсе не быть желанія идти съ нами.

— Нѣтъ, это очень любопытно, я давно собирался. Ваша мысль счастлива.

Точно, мысль Вѣры Павловны была удачна. Дѣвушки дѣйствительно были очень довольны, что Лопуховъ сдѣлалъ имъ первый визитъ послѣ болѣзни. Кирсановъ дѣйствительно очень интересовался мастерскою: да и нельзя было не интересоваться ею человѣку съ его образомъ мыслей. Еслибъ особенная причина не удерживала его, онъ съ самого начала былъ бы однимъ изъ усердныхъ преподавателей въ ней. Полчаса, можетъ быть, часъ, пролетѣло не замѣтно. Вѣра Павловна водила его по разнымъ комнатамъ, показывала все. Они возвращались изъ столовой въ рабочія комнаты, когда къ Вѣрѣ Павловнѣ подошла дѣвушка, которой не было въ рабочихъ комнатахъ. Дѣвушка и

Кирсановъ взглянули другъ на друга:—„Настенька!“—„Саша!“—и обнялись.

— Сашенька, другъ мой, какъ я рада, что встрѣтила тебя!—дѣвушка все цаловала его, и смѣялась, и плакала. Опомнившись отъ радости, она сказала:—нѣтъ, Вѣра Павловна, о дѣлахъ ужь не буду говорить теперь. Не могу разстаться съ нимъ. Пойдемъ Сашенька, въ мою комнату.

Кирсановъ былъ не меньше ея радъ. Но Вѣра Павловна замѣтила и много печали въ первомъ же взглядѣ его, какъ онъ узналъ ее. Да это было и немудрено: у дѣвушки была чахотка въ послѣдней степени развитія.

Крюкова поступила въ мастерскую съ годъ тому назадъ, уже очень больная. Еслибъ она оставалась въ магазинѣ, гдѣ была до той поры, она ужь давно умерла бы отъ швейной работы. Но въ мастерской нашлась для нея возможность прожить нѣсколько подольше. Дѣвушки совершенно освободили ее отъ шитья: можно было найти довольно другого, не вреднаго занятія для нея; она замѣнила половину дежурствъ по мелкимъ надобностямъ швейной, участвовала въ завѣдываніи разными кладовыми, принимала заказы, и никто не могъ сказать, что Крюкова менѣе другихъ полезна въ мастерской.

Лопуховы ушли, не дождавшись конца свиданія Крюковой съ Кирсановымъ.

XIV.

Разсказъ Крюковой.

На другой день рано поутру, Крюкова пришла къ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Я хочу поговорить съ вами о томъ, что вы вчера видѣли, Вѣра Павловна, сказала она,—она нѣсколько времени затруднялась, какъ ей продолжать:—мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы дурно подумали о немъ, Вѣра Павловна.

— Что это, какъ вы сами дурно думаете обо мнѣ, Настасья Борисовна.

— Нѣтъ, еслибъ это была не я, а другая, я бы не подумала этого. А вѣдь я не такая, какъ другія.

— Нѣтъ, Настасья Борисовна, вы не имѣете права такъ говорить о себѣ. Мы знаемъ васъ годъ; да и прежде васъ знали многія изъ нашего общества.

— Такъ, я вижу, вы ничего объ мнѣ не знаете?

— Нѣтъ, какъ же, я знаю очень много. Вы были служавкою,—въ послѣднее время у актрисы N.; когда она вышла замужъ, вы отошли отъ нея, чтобъ уйти отъ отца ея мужа, поступили въ магазинъ N., изъ котораго перешли къ намъ; я знаю это со всѣми подробностями.

— Конечно, за Максимову и Шеину, которыя знали, что со мною было прежде, я была увѣрена, что онѣ не станутъ разсказывать. А все-таки, я думала, что могло какъ-нибудь со стороны дойти до васъ или до другихъ. Ахъ, какъ я рада, что онѣ ничего не знаютъ! А вамъ я все-таки скажу, чтобы вы знали, какой онъ добрый. Я была очень дурная дѣвушка, Вѣра Павловна.

— Вы, Настасья Борисовна?

— Да, Вѣра Павловна, была. И я была очень дерзкая, у меня не было никакого стыда, и я была всегда пьяная—у меня отъ того и болѣзнь, Вѣра Павловна, что, при своей слабой груди, я слишкомъ много пила.

Вѣрѣ Павловнѣ уже три раза случалось видѣть такіе примѣры. Дѣвушки, которыя держали себя безукоризненно съ тѣхъ поръ, какъ начиналось ея знакомство съ ними, говорили ей, что прежде когда-то вели дурную жизнь. На первый разъ, она была изумлена такой исповѣдью; но, подумавъ надъ нею нѣсколько дней, она разсудила: „а моя жизнь?—грязь, въ которой я выросла, вѣдь тоже была очень дурна; однако-же не пристала она ко мнѣ, и остаются же чисты отъ нея тысячи женщинъ, выросшихъ въ семействахъ не лучше моего. Что-жь особеннаго, если изъ этого униженія также могутъ выходить неиспорченными тѣ, которымъ поможетъ счастливый случай избавиться отъ него?“ Вторую исповѣдь она слушала, уже не изумляясь тому, что дѣвушка, ее дѣлавшая, сохранила всѣ благородныя свойства человѣка: и безкорыстіе, и способность къ вѣрной дружбѣ, и мягкость души,—сохранила даже довольно много наивности.

— Настасья Борисовна, я имѣла такіе разговоры, какой вы хотите начать. И той, которая говоритъ, и той, которая слушаетъ,—обѣимъ тяжело. Я васъ буду уважать не меньше, скорѣе

больше прежняго, когда знаю теперь, что вы много перенесли, но я понимаю все, и не слышавъ. Не будемъ говорить объ этомъ: передо мною не нужно объясняться. У меня самой много лѣтъ прошло тоже въ большихъ огорченіяхъ; я стараюсь не думать о нихъ и не люблю говорить о нихъ,—это тяжело.

— Нѣтъ, Вѣра Павловна, у меня другое чувство. Я вамъ хочу сказать, какой онъ добрый; мнѣ хочется, чтобы кто-нибудь зналъ, какъ я ему обязана, а кому сказать, кромѣ васъ? Мнѣ это будетъ облегченіе. Какую жизнь я вела, объ этомъ, разумѣется, нечего говорить,— она у всѣхъ такихъ бѣдныхъ одинакая. Я хочу сказать только о томъ, какъ я съ нимъ познакомилась. Объ немъ такъ пріятно говорить мнѣ; и вѣдь я переѣзжаю къ нему жить,—надобно же вамъ знать, почему я бросаю мастерскую.

— Если для васъ этотъ разсказъ будетъ пріятенъ, Настасья Борисовна, я рада слушать. Позвольте же, я возьму работу.

— Да, вотъ мнѣ и работать нельзя. Какія добрыя эти дѣвушки, находили мнѣ занятіе по моему здоровью. Я ихъ всѣхъ буду благодарить, каждую. Скажите и вы имъ, Вѣра Павловна, что я васъ просила благодарить ихъ за меня.

„Я ходила по Невскому, Вѣра Павловна; только еще вышла, было еще рано; идетъ студентъ, я привязалась къ нему. Онъ ничего не сказалъ, а перешелъ на другую сторону улицы. Смотритъ, я опять подбѣгаю къ нему, схватила, его за руку. —„Нѣтъ, я говорю, я не отстану отъ васъ, вы такой хорошенькій“.— А я васъ прошу объ этомъ, оставьте меня“, онъ говоритъ. —„Нѣтъ, пойдемте со мной“.—„Незачѣмъ“.—„Ну, такъ я съ вами пойду. Вы куда идете? Я ужь отъ васъ ни за что не отстану“.—Вѣдь я была такая безстыдная, хуже другихъ.

— Отъ того, Настасья Борисовна, что, можетъ быть, на самомъ-то дѣлѣ были застѣнчивы, совѣстились.

— Да, это можетъ быть. По крайней мѣрѣ, на другихъ я это видѣла,—не тогда, разумѣется, а послѣ поняла. Такъ когда я ему сказала, что непремѣнно пойду съ нимъ, онъ засмѣялся и сказалъ: „когда хотите, идите; только напрасно будетъ“,— хотѣлъ проучить меня, какъ послѣ сказалъ: ему было досадно, что я пристаю. Я и пошла, и говорила ему всякій вздоръ; онъ все молчалъ. Вотъ мы пришли. По студенческому, онъ ужь и

тогда жилъ хорошо, получалъ отъ уроковъ рублей 20 въ мѣсяцъ, и жилъ тогда одинъ. Я развалилась на диванъ и говорю: „ну, давай вина“. „Нѣтъ, говоритъ, вина я вамъ не дамъ, а чай пить, пожалуй, давайте“. „Съ пуншемъ“, я говорю. „Нѣтъ, безъ пунша“. Я стала дѣлать глупости, безстыдничать. Онъ сидитъ, смотритъ, но не обращаетъ никакого вниманія: такъ обидно. Теперь встрѣчаются такіе молодые люди, Вѣра Павловна, — молодые люди много лучше стали съ того времени, а тогда это было диковиной. Мнѣ стало даже обидно, я начала ругать его: „когда ты такой деревянный,—и выругала его,—такъ я уйду“.— „Теперь что-жь уходить, онъ говоритъ, ужь напейтесь чаю: хозяйка сейчасъ принесетъ самоваръ. Только не ругайтесь“. И все говоритъ мнѣ „вы“.—„Вы лучше разскажите-ка мнѣ, кто вы, и какъ это съ вами случилось“. — Я ему стала разсказывать, что про себя выдумала: вѣдь мы сочиняемъ себѣ разныя исторіи, и отъ этого никому изъ насъ не вѣрятъ; а въ самомъ дѣлѣ есть такія, у которыхъ эти исторіи не выдуманныя: вѣдь между нами бываютъ и благородныя, и образованныя. Онъ послушалъ и говоритъ: „нѣтъ, у васъ плохо придумано; я бы вотъ и хотѣлъ вѣрить, да нельзя“. А мы ужь пили чай. Вотъ онъ и говоритъ: „а знаете, что я по вашему сложенію вижу: что вамъ вредно пить; у васъ отъ этого чуть ли грудь - то ужь неразстроена. Дайте-ка, я васъ осмотрю“. Что же, Вѣра Павловна, вы не повѣрите, вѣдь мнѣ стыдно стало,—а въ чемъ моя жизнь была, да передъ этимъ какъ я безстыдничала! И онъ это замѣтилъ,—„да нѣтъ, говоритъ, вѣдь только грудь послушать“. Онъ тогда еще во 2-мъ курсѣ былъ, а ужь много зналъ по медицинѣ, онъ впередъ заходилъ въ наукахъ. Сталъ слушать грудь. „Да, говоритъ, вамъ вовсе не годится пить, у васъ грудь плоха“.—„А какъ же намъ не пить? говорю:—намъ безъ этого нельзя“. И точно, нельзя, Вѣра Павловна.—„Такъ вы бросьте такую жизнь“. — „Стану я бросать! Вѣдь она веселая!“ — „Ну, говоритъ, мало веселья.— Ну, говоритъ, я теперь дѣломъ займусь, а вы идите“.—И ушла я, разсерженная, что вечеръ пропалъ даромъ; да и обидно мнѣ было, что онъ такой безчувственный: вѣдь тоже своя амбиція у насъ въ этомъ. Вотъ, черезъ мѣсяцъ, случилось мнѣ быть въ тѣхъ мѣстахъ: дай, думаю, зайду къ этому деревянному, потѣшусь надъ нимъ. А это было передъ обѣдомъ; я съ ночи-то

выспалась и не была пьяная. Онъ сидѣлъ съ книгою.—„Здравствуй, деревянный“.—„Здравствуйте, что скажете?“ Я опять стала дѣлать глупости. — „Я, говоритъ, васъ прогоню, перестаньте, я вамъ говорилъ, что не люблю этого. Теперь вы не пьяная, можете понимать. А вы лучше вотъ что подумайте: лицо-то у васъ больнѣе прежняго, вамъ надо бросить вино. Поправьте одежду-то, да поговоримъ хорошенько!“ А у меня, точно, грудь ужь начинала болѣть. Онъ опять слушалъ, сказалъ, что разстроена больше прежняго, много говорилъ; да и грудь-то у меня болѣла, — я и расчувствовалась, заплакала: вѣдь умирать-то не хотѣлось, а онъ все чахоткой пугалъ. Я и говорю: „какъ же я такую жизнь брошу? Меня хозяйка не выпуститъ—я ей 17 цѣлковыхъ должна“. Вѣдь насъ всегда въ долгу держатъ, чтобы мы были безотвѣтны.—„Ну, говоритъ, у меня 17 цѣлковыхъ не наберется, а послѣ завтра приходите“. Такъ это странно мнѣ показалось, вѣдь я вовсе не къ тому сказала; да и какъ же этого ждать было? да я и ушамъ своимъ не вѣрила, расплакалась еще больше, думала, что это онъ надо мною насмѣхается: „грѣшно вамъ обижать бѣдную дѣвушку, когда видите, что я плачу“; и долго ему не вѣрила, когда онъ сталъ увѣрять, что говоритъ не въ шутку. И что вы думаете?—вѣдь набралъ денегъ и отдалъ мнѣ черезъ два дни. Мнѣ и тутъ все еще какъ будто не вѣрилось. „Да какъ же, говорю, да за что же, когда вы не хотите имѣть со мною дѣла?“ Выкупилась отъ хозяйки, наняла особую комнату. Но дѣлать мнѣ было нечего: вѣдь у насъ особые билеты,—куда я съ такимъ билетомъ покажусь? А денегъ нѣтъ. Я и жила по прежнему, — то есть не по прежнему: какое сравненіе, Вѣра Павловна! Вѣдь я къ себѣ ужь принимала только своихъ знакомыхъ, хорошихъ, такихъ, которые не обижали. И вина у меня не было. Потому какое же сравненіе. И, знаете, мнѣ ужь это легко было передъ прежнимъ. Только нѣтъ, все-таки тяжело; и что я вамъ скажу: вы подумаете, потому тяжело, что у меня было много пріятелей, человѣкъ пять, — нѣтъ, вѣдь я къ нимъ ко всѣмъ имѣла расположеніе, такъ это мнѣ было ничего. Вы меня простите, что я такъ говорю, только я съ вами откровенна: я и теперь такъ думаю. Вы меня знаете, не скромная ли я теперь; кто теперь слышалъ отъ меня что-нибудь, кромѣ самаго хорошаго? Вѣдь я въ мастерской сколько вожусь съ дѣтьми, и

всѣ меня любятъ, и старухи не скажутъ, чтобы я не учила ихъ самому хорошему. Только я съ вами откровенна, Вѣра Павловна, я и теперь такъ думаю: если расположеніе имѣешь, это все равно, когда нѣтъ тутъ обману; другое дѣло, если-бы обманъ былъ.

„Вотъ я такъ и жила. Прошло мѣсяца три, и много ужь отдохнула я въ это время, потому что жизнь моя уже была спокойная, и хоть совѣстилась по причинѣ денегъ, но дурной дѣвушкою себя не считала.

„Только, Вѣра Павловна, Сашенька бывалъ у меня въ это время, и я его навѣщала. Вотъ я и опять къ тому подошла, о чемъ объ одномъ надобно было говорить. Только онъ не затѣмъ меня навѣщалъ, какъ другіе, а такъ наблюдалъ за мною, чтобы я опять не возвратилась къ своей прежней слабости, не пила бы вина. И точно, въ первые дни онъ меня поддержалъ, потому что меня тянуло къ вину. А я его совѣстилась: ну, какъ онъ зайдетъ, да увидитъ. И должно быть, что я безъ того не устояла бы, потому что мои пріятели, хорошіе люди, говорили: „я пошлю за виномъ“. А какъ я его совѣстилась, я говорила: — нѣтъ, никакъ нельзя. А то соблазнилась бы: одной этой мысли, что вино мнѣ вредно, не было бы довольно. Потомъ, недѣли черезъ три, я и сама укрѣпилась: позывъ къ вину прошелъ, и ужь я отвыкла отъ пьянаго обращенія. И я все собирала деньги, чтобъ ему отдать мѣсяца черезъ два и отдала всѣ. Онъ былъ такъ радъ, что я ему отдала. На другой день онъ принесъ мнѣ кисеи на платье, другихъ вещей мнѣ на эти деньги купилъ. Вотъ онъ бывалъ и послѣ этого, все такъ же, будто докторъ за больнымъ смотритъ. А потомъ, съ мѣсяцъ послѣ того, какъ я съ нимъ расплатилась, онъ тоже сидѣлъ у меня, и сказалъ: „вотъ теперь, Настенька, вы мнѣ стали нравиться“. И точно: отъ вина лицо портится, и это не могло вдругъ пройти, а тогда ужъ прошло, и цвѣтъ лица у меня сталъ нѣжный, и глаза стали яснѣе; и опять то, что я отъ прежняго обращенія отвыкла, стала говорить скромно, знаете, мысли у меня скоро стали скромныя, когда я перестала пить, а въ словахъ я еще путалась и держала себя иногда въ забывчивости, по прежнему неряшеству; а къ этому времени я ужь попривыкла и держать себя, и говорить скромнѣе. Какъ онъ это сказалъ, что я стала ему нравиться, я такъ обра-

довалась, что хотѣла къ нему на шею броситься, да не посмѣла, остановилась. А онъ сказалъ: — „вотъ видите, Настенька, я не безчувственный". И говорилъ, что я стала хорошенькая и скромная и сталъ ласкать меня, — и какъ же ласкать? взялъ руку и положилъ на свою, и сталъ гладить другою рукою: и смотритъ на мою руку; а точно, руки у меня въ это время ужь были бѣлыя, нѣжныя... Такъ вотъ, какъ онъ взялъ мою руку,— вы не повѣрите, я такъ и покраснѣла: послѣ моей-то жизни, Вѣра Павловна, будто невинная барышня — вѣдь это странно, а такъ было. Но при всемъ моемъ стыдѣ, — смѣшно сказать, Вѣра Павловна: при моемъ стыдѣ, а вѣдь это правда, — я все-таки сказала: „какъ это вы захотѣли приласкать меня, Александръ Матвѣичъ?" А онъ сказалъ: „потому, Настенька, что вы теперь честная дѣвушка". И эти слова, что онъ назвалъ меня честною дѣвушкою, такъ меня обрадовали, что я залилась слезами. А онъ сталъ говорить: „что это съ вами, Настенька?" и поцаловалъ меня; что же вы думаете? Отъ этого поцалуя у меня голова закружилась, я память потеряла; можно ли этому повѣрить, Вѣра Павловна, чтобы это могло быть послѣ такой моей жизни?

„Вотъ, на другое утро, сижу я и плачу: что мнѣ теперь дѣлать бѣдной, какъ я жить стану? Только мнѣ и остается, что въ Неву броситься. Чувствую: не могу я дѣлать того, чѣмъ жила; зарѣжьте меня, съ голоду буду умирать, не стану дѣлать. Видите, значитъ, у меня давно была къ нему любовь, но какъ онъ не показывалъ ко мнѣ никакого чувства, и надежды у меня не было, чтобы я могла ему понравиться, что эта любовь и замирала во мнѣ, и я сама не понимала, что она во мнѣ есть. А теперь это все и обнаружилось. А это разумѣется, что когда такую любовь чувствуешь, какъ же можно на кого-нибудь и смотрѣть, кромѣ того, кого любишь. Это вы по себѣ чувствуете, что нельзя. Тутъ ужь все пропадаетъ, кромѣ одного человѣка. Вотъ сижу и плачу: что я теперь буду дѣлать, нечѣмъ мнѣ жить. Ужь я и въ самомъ дѣлѣ думала: пойду къ нему, увижусь еще разъ съ нимъ, да пойду послѣ того и утоплюсь. Такъ все утро проплакала. Только вдругъ вижу, онъ вошелъ, и бросился меня цаловать, и говоритъ: „Настенька, хочешь со мною жить?" И я сказала, что я думала. И стали мы съ нимъ жить.

„Вотъ было счастливое время, Вѣра Павловна; я думаю, мало кто такимъ счастьемъ пользовался. И все-то онъ на меня любовался! Сколько разъ случалось: проснусь, а онъ сидитъ за книгой, потомъ и подойдетъ посмотрѣть на меня, да такъ и забудется, все сидитъ да смотритъ. Но только, какой онъ былъ скромный, Вѣра Павловна; вѣдь ужь я послѣ могла понимать, вѣдь я стала читать, узнала, какъ въ романахъ любовь описываютъ, могла судить. Но только, при всей скромности, ужь какъ онъ любовался на меня! И какое въ это время чувство, когда любимый человѣкъ на тебя любуется: это такая радость, о какой и понятія нельзя имѣть. Ужь на что, когда онъ меня въ первый разъ поцаловалъ: у меня даже голова закружилась, я такъ и опустилась къ нему на руки, кажется, сладкое должно быть чувство, но не то, все не то. То, знаете, кровь кипитъ, тревожно что-то, и въ сладкомъ чувствѣ есть какъ будто какое-то мученье, такъ что даже тяжело это, хотя нечего и говорить, какое это блаженство, что за такую минуту можно, кажется, жизнью пожертвовать,—да и жертвуютъ, Вѣра Павловна; значитъ, большое блаженство, а все не то, совсѣмъ не то. Это все равно, какъ если когда замечтаешься, сидя одна, просто думаешь: „ахъ, какъ я его люблю“, такъ вѣдь тутъ ужь ни тревоги, ни боли никакой нѣтъ въ этой пріятности, а такъ ровно, тихо чувствуешь, такъ вотъ то же самое, только въ тысячу разъ сильнѣе, когда этотъ любимый человѣкъ на тебя любуется; и какъ это спокойно чувствуешь, а не то что сердце стучитъ, нѣтъ, это, ужь тревога была бы, этого не чувствуешь, а только оно какъ-то ровнѣе, и съ пріятностью, и такъ мягко бьется, и грудь шире становится, дышится легче, вотъ такъ, это самое вѣрное: дышать очень легко. Ахъ, какъ легко. Ахъ, какъ легко! такъ что и часъ, и два пролетятъ, будто одна минута, нѣтъ, ни минуты, ни секунды нѣтъ, вовсе времени нѣтъ, все равно, какъ уснешь, и проснешься: — знаешь, что много времени прошло съ той поры, какъ уснулъ; а какъ это время прошло? — и ни одного мига не составило; и тоже опять все равно, какъ послѣ сна: не то что утомленье, а напротивъ, свѣжесть, бодрость, будто отдохнулъ; да такъ и есть, что отдохнулъ: я сказала „очень легко дышать“, это и есть самое настоящее. Какая сила во взглядѣ, Вѣра Павловна: никакія другія

ласки такъ не ласкаютъ и не даютъ такой нѣги, какъ взглядъ. Все остальное, что есть въ любви, все не такъ нѣжно, какъ эта нѣга.

„И все, бывало, любуется, все, бывало, любуется. Ахъ, что это за наслажденіе такое! Этого никто не можетъ представить, кто не испытывалъ. Да вы это знаете, Вѣра Павловна.

„И какъ это не устанетъ онъ цаловать глаза, руки, потомъ станетъ цаловать грудь, ноги, всю, и вѣдь мнѣ не стыдно: а вѣдь я и тогда была потомъ ужь такая же, какъ теперь. Вы знаете, Вѣра Павловна, вѣдь я и женскаго взгляда стыжусь, право; наши дѣвушки скажутъ вамъ, какая я застѣнчивая, вѣдь я потому и живу въ особой комнатѣ. А какъ же это странно, вы не повѣрите, что когда онъ на меня любуется и цалуетъ, мнѣ вовсе не было стыдно, а только такъ пріятно, и такъ легко дышится; отчего-жь это, Вѣра Павловна, что я своихъ дѣвушекъ стыжусь, а его взгляда мнѣ не стыдно? Это, я думаю, не отъ того ли, что вѣдь онъ мнѣ ужь и не казался другимъ человѣкомъ, а какъ будто мы оба одинъ человѣкъ; это какъ будто не онъ на меня смотритъ, а я сама на себя смотрю, это не онъ меня цалуетъ, а я сама себя цалую, — право, такъ мнѣ представлялось; оттого мнѣ и не стыдно. Да вы это знаете, вамъ не нужно этого разсказывать. А только, какъ подумаешь объ этомъ, то не можешь оторваться отъ этой мысли. Нѣтъ, я ужь уйду, Вѣра Павловна, больше и говорить ни о чемъ нельзя. Я только хотѣла сказать, какой Сашенька добрый“.

XV.

Крюкова досказала Вѣрѣ Павловнѣ свою исторію уже въ другіе дни. Они съ Кирсановымъ прожили около двухъ лѣтъ. Признаки начинавшейся болѣзни какъ будто исчезли. Но въ концѣ втораго года, когда пришла весна, чахотка вдругъ обнаружилась уже въ сильномъ развитіи. Жить съ Кирсановымъ значило бы Крюковой обрекать себя на скорую смерть. Отказавшись отъ этой связи, она могла еще разсчитывать, что болѣзнь опять заглохнетъ надолго. Они рѣшились разстаться. Заниматься какою-нибудь усидчивою работою также значило бы губить себя.

Надобно было искать должности экономки, горничной, няньки, — что-нибудь такое, — и у такой госпожи, при которой не было бы утомительныхъ обязанностей, да не было бы—это главное,— и непріятностей: условія довольно рѣдкія. Но нашлось такое мѣсто. У Кирсанова были знакомства между начинающими артистами; черезъ нихъ Крюкова опредѣлилась въ горничныя къ одной изъ актрисъ русскаго театра, отличной женщинѣ. Долго разставались они съ Кирсановымъ, и не могли разстаться: „завтра отправляюсь на свою должность", и одно завтра проходило за другимъ: плакали, плакали, и все сидѣли обнявшись, пока уже сама актриса, знавшая, по какому случаю поступаетъ къ ней горничная, пріѣхала за нею сама: догадалась, почему горничная долго не является, и увезла ее отъ продленія разлуки, вреднаго для нея

Пока актриса оставалась на сценѣ, Крюковой было очень хорошо жить у ней: актриса была женшина деликатная, Крюкова дорожила своимъ мѣстомъ — другое такое трудно было бы найти,—за то, что не имѣетъ непріятностей отъ госпожи, Крюкова привязадась и къ ней, актриса, увидѣвъ это, стала еще добрѣе. Крюковой было очень спокойно, и болѣзнь ея не развивалась или почти не развивалась. Но актриса вышла замужъ, покинула сцену, поселилась въ семействѣ мужа. Тутъ, какъ уже и прежде слышала Вѣра Павловна, отецъ мужа актрисы сталъ привязываться къ горничной; добродѣтель Крюковой, положимъ, и не подвергалась искушенію, но началась домашняя ссора: бывшая актриса стала стыдить старика, старикъ сталъ сердиться. Крюкова не хотѣла быть причиною семейнаго раздора, да еслибъ и хотѣла, ужь не имѣла спокойной жизни на прежней должности, и бросила ее.

Это было года черезъ два съ половиною послѣ разлуки съ Кирсановымъ. Она уже вовсе не видѣлась съ нимъ въ это время. Сначала онъ навѣщалъ ее; но радость свиданья такъ вредно дѣйствовала на нее, что онъ вытребовалъ у нея позволеніе не бывать у ней, для ея же пользы. Крюкова пробовала жить горничною еще въ двухъ, трехъ семействахъ; но вездѣ было столько тревогъ и непріятностей, что ужь лучше было поступить въ швеи, хоть это и было прямымъ обреченіемъ себя на быстрое развитіе болѣзни: вѣдь болѣзнь все равно развивалась бы и отъ

непріятностей,—лучше же подвергаться той же судьбѣ безъ огорченій, только отъ одной работы. Годъ швейной работы окончательно подрѣзалъ Крюкову.—Когда она поступила въ мастерскую Вѣры Павловны, Лопуховъ, бывшій тамъ домашнимъ врачемъ, дѣлалъ все возможное, чтобы задержать ходъ чахотки, сдѣлалъ много, то есть, много по трудности того небольшаго успѣха, который получилъ; но развязка приближалась.

Крюкова до послѣдняго времени находилась въ обыкновенномъ заблужденіи чахоточныхъ, воображая, что ея болѣзнь еще не слишкомъ развилась, потому и не отыскивала Кирсанова, чтобы не вредить себѣ. Но уже мѣсяца два она очень настойчиво допрашивала Лопухова, долго ли ей остается жить. Зачѣмъ это нужно знать ей, она не сказывала, и Лопуховъ не почелъ себя въ правѣ прямо говорить єй о близости кризиса, не видя въ ея вопросахъ, ничего, кромѣ обыкновенной привязанности къ жизни. Онъ успокаивалъ ее. Но она, какъ чаще всего случается, не успокаивалась, а только удерживалась отъ исполненія того, что могло доставить отраду ея концу; сама она видѣла, что ей не долго жить, и чувства ея опредѣлялись этою мыслью, но медикъ увѣрялъ ее, что она еще должна беречь себя; она знала, что должна вѣрить ему больше, чѣмъ себѣ, потому слушалась и не отыскивала Кирсанова.

Конечно, это недоразумѣніе не могло бы быть продолжительно; по мѣрѣ приближенія развязки, разспросы Крюковой дѣлались бы настойчивѣе; она или высказала бы, что у ней есть особенная причина знать истину, или Лопуховъ или Вѣра Павловна догадались бы, что есть какая-то особенная надобность въ ея разспросахъ, и двумя, тремя недѣлями, быть можетъ, нѣсколькими днями позже, дѣло все-таки пришло бы къ тому же, къ чему пришло нѣсколько раньше, благодаря неожиданному для Крюковой появленію Кирсанова въ мастерской. Но теперь недоразумѣніе было прекращено не дальнѣйшимъ ходомъ разспросовъ, а этимъ случайнымъ обстоятельствомъ.

— Какъ я рада, какъ я рада! вѣдь я все собиралась къ тебѣ, Сашенька! съ восторгомъ сказала Крюкова, когда ввела его въ свою комнату.

— Да, Настенька, и я не меньше тебя радъ: теперь не разстанемся: переѣзжай жить ко мнѣ, сказалъ Кирсановъ, увлечен-

ный чувствомъ сострадательной любви, и, сказавши, тотчасъ же вспомнилъ: какъ же я сказалъ ей это? вѣдь она, вѣроятно, еще не догадывается о близости кризиса?

Но она или не поняла въ первую минуту того смысла, который выходилъ изъ его словъ, или поняла, но не до того ей было, чтобы обращать вниманіе на этотъ смыслъ, и радость о возобновленіи любви заглушила въ ней скорбь о близкомъ концѣ,—какъ бы то ни было, но она только радовалась и говорила: какой ты добрый, ты все по прежнему любишь меня.

Но когда онъ ушелъ, она поплакала; только теперь она или поняла, или могла замѣтить, что поняла смыслъ возобновленія любви, что „мнѣ теперь ужь нечего беречь тебя, не сбережешь; по крайней мѣрѣ, пусть ты порадуешься".

И дѣйствительно, она порадовалась; онъ не отходилъ отъ нея и на минуту, кромѣ тѣхъ часовъ, которые долженъ былъ проводить въ госпиталѣ и академіи; такъ прожила она около мѣсяца, и все время были они вмѣстѣ, и сколько было разсказовъ, разсказовъ обо всемъ, что было съ каждымъ во время разлуки, и еще больше было воспоминаній о прежней жизни вмѣстѣ, и сколько было удовольствій: они гуляли вмѣстѣ, онъ нанялъ коляску, и они каждый день цѣлый вечеръ ѣздили по окрестностямъ Петербурга, и восхищались ими; человѣку такъ мила природа, что даже этою жалкою, презрѣнною, хоть и стоившею милліоны и десятки милліоновъ, природою петербургскихъ окрестностей радуются люди: они читали, они играли въ дурачки, они играли въ лото, она даже стала учиться играть въ шахматы, какъ будто имѣла время выучиться.

Вѣра Павловна нѣсколько разъ просиживала у нихъ поздніе вечера, по ихъ возвращеніи съ гулянья, а еще чаще заходила по утрамъ, чтобы развлечь ее, когда она оставалась одна; и когда онѣ были вдвоемъ, у Крюковой только одно и было содержаніе длинныхъ, страстныхъ разсказовъ, — какой Сашенька добрый, и какой нѣжный, и какъ онъ любитъ ее!

XVI.

Прошло мѣсяца четыре. Заботы о Крюковой, потомъ воспоминанія о ней обманули Кирсанова: ему казалось, что теперь онъ безопасенъ отъ мыслей о Вѣрѣ Павловнѣ; онъ не избѣгалъ

ея, когда она, навѣщая Крюкову, встрѣчалась и говорила съ нимъ, и потомъ, когда она старалась развлечь его. Пока онъ грустилъ, оно и точно, въ его сознательныхъ чувствахъ къ Вѣрѣ Павловнѣ не было ничего, кромѣ дружеской признательности за ея участіе.

Но,—читатель уже знаетъ впередъ смыслъ этого „но", какъ и всегда будетъ впередъ знать, о чемъ будетъ разсказываться послѣ страницъ, имъ прочтенныхъ, — но, разумѣется, чувство Кирсанова къ Крюковой при ихъ второй встрѣчѣ было вовсе не то, какъ у Крюковой къ нему: любовь къ ней давнымъ давно прошла въ Кирсановѣ; онъ только остался расположенъ къ ней, какъ женщинѣ, которую когда-то любилъ. Прежняя любовь его къ ней была только жаждой юноши полюбить кого-нибудь, хоть кого-нибудь. Разумѣется, Крюкова была ему не пара, потому что они не были пара между собою по развитію. Когда онъ пересталъ быть юношею, онъ могъ только жалѣть Крюкову, не больше; могъ быть нѣженъ къ ней по воспоминанію, по состраданію, и только. Грусть его по ней въ сущности очень скоро сгладилась; но когда грусть разсѣялась въ самомъ дѣлѣ, ему все еще помнилось, что онъ занятъ этою грустью, а когда онъ замѣтилъ, что уже не имѣетъ грусти, а только вспоминаетъ о ней, онъ увидѣлъ себя въ такихъ отношеніяхъ къ Вѣрѣ Павловнѣ, что нашелъ, что попалъ въ большую бѣду.

Вѣра Павлова старалась развлекать его, и онъ поддавался этому, считая себя безопаснымъ, или, лучше сказать, и не вспоминая, что вѣдь онъ любитъ Вѣру Павловну, не вспоминая, что, поддаваясь ея заботливости, онъ идетъ на бѣду. Да и что же было теперь, черезъ два, три мѣсяца послѣ того, какъ Вѣра Павловна стала развлекать его отъ грусти по Крюковой? Ничего больше, кромѣ того, что онъ все это время почти каждый вечеръ или проводилъ у Лопуховыхъ, или провожалъ куда-нибудь Вѣру Павловну, провожалъ часто вмѣстѣ съ мужемъ, чаще — одинъ. Только и было. Но этого было слишкомъ довольно и для нея, не только для него.

Какой былъ теперь характеръ дня Вѣры Павловны? До вечера тотъ же самый, какъ и прежде. Но вотъ 6 часовъ. Бывало, она въ это время идетъ одна въ свою мастерскую, или сидитъ въ своей комнатѣ и работаетъ одна. А теперь, если ей нужно

быть въ мастерской вечеромъ, объ этомъ же наканунѣ сказано Кирсанову, и онъ является провожать ее. По дорогѣ туда и оттуда, впрочемъ, очень не дальней, они толкуютъ о чемъ-нибудь, обыкновенно о мастерской: Кирсановъ самый дѣятельный ея помощникъ по мастерской. Тамъ она занята распоряженіями, и у него тоже много дѣла: развѣ мало набирается у тридцати дѣвушекъ справокъ и порученій, которыя удобнѣе всего исполнить ему? А между этихъ дѣлъ, онъ сидитъ, болтаетъ съ дѣтьми; тутъ же нѣсколько дѣвушекъ участвуютъ въ этомъ разговорѣ обо всемъ на свѣтѣ, — и о томъ, какъ хороши арабскія сказки „Тысяча и одна ночь“, изъ которыхъ онъ много уже разсказалъ, и о бѣлыхъ слонахъ, которыхъ такъ уважаютъ въ Индіи, какъ у насъ многіе любятъ бѣлыхъ кошекъ; половина компаніи находятъ, что это безвкусіе,—бѣлые слоны, кошки, лошади—все это альбиносы, болѣзненная порода, по глазамъ у нихъ видно, что они не имѣютъ такого отличнаго здоровья, какъ цвѣтныя; другая половина компаніи отстаиваетъ бѣлыхъ кошекъ. А не знаете ли вы чего-нибудь поподробнѣе о жизни самой г-жи Бичеръ-Стоу, романъ который мы всѣ знаемъ по вашимъ разсказамъ? говоритъ одна изъ взрослыхъ собесѣдницъ; нѣтъ, Кирсановъ теперь не знаетъ, но узнаетъ, это ему самому любопытно, а теперь онъ можетъ пока разсказать кое-что о Говардѣ, который былъ почти такой же человѣкъ, какъ г-жа Бичеръ-Стоу. Такъ идутъ то разсказы Кирсанова, то споры Кирсанова съ компаніею, дѣтская половина которой постоянно одна и та же, а взрослая половина безпрестанно перемѣняется. Но вотъ Вѣра Павловна кончила свои дѣла, она возвращается съ нимъ домой къ чаю, и они долго сидятъ втроемъ послѣ чаю; теперь Вѣра Павловна и Дмитрій Сергѣичъ просидятъ вмѣстѣ гораздо больше времени, чѣмъ когда не было тутъ же Кирсанова. Почти каждый изъ вечеровъ, которые они проводятъ только втроемъ, устраивается на часъ, и даже часа на два, музыка: Дмитрій Сергѣичъ играетъ, Вѣра Павловна поетъ, Кирсановъ сидитъ и слушаетъ; иногда Кирсановъ играетъ, тогда Дмитрій Сергѣичъ поетъ вмѣстѣ съ женою. Но теперь часто случается, что Вѣра Павловна спѣшитъ изъ мастерской, чтобы успѣть одѣться въ оперу: теперь они очень часто бываютъ въ оперѣ, на половину втроемъ, на половину одинъ Кирсановъ съ Вѣрою Павловною. И кромѣ того, у Лопуховыхъ

чаще прежняго стали бывать гости; прежде, не считая молодежи—какіе-жь это гости, молодежь? это племянники только,—бывали почти только Мерцаловы; теперь Лопуховы сблизились еще съ двумя, тремя такими же милыми семействами. Мерцаловы и еще два семейства положили каждую недѣлю поочередно имѣть маленькіе вечера съ танцами, въ своемъ кругу,—бываетъ по 6 паръ, даже по 8 паръ танцующихъ. Лопуховъ безъ Кирсанова не бываетъ почти никогда ни въ оперѣ, ни въ знакомыхъ семействахъ, но Кирсановъ часто одинъ провожаетъ Вѣру Павловну въ этихъ выѣздахъ. Лопуховъ говоритъ, что хочетъ остаться въ своемъ пальто, на своемъ диванѣ. Поэтому только половину вечеровъ проводятъ они втроемъ, но эти вечера уже почти безъ перерыва втроемъ; правда когда у Лопуховыхъ нѣтъ никого, кромѣ Кирсанова, диванъ часто оттягиваетъ Лопухова изъ зала, гдѣ рояль; рояль теперь передвинутъ изъ комнаты Вѣры Павловны въ залъ, но это мало спасаетъ Дмитрія Сергѣича: черезъ четверть часа, много черезъ полчаса, Кирсановъ и Вѣра Павловна тоже бросили рояль и сидятъ подлѣ его дивана; впрочемъ, Вѣра Павловна не долго сидитъ подлѣ дивана: она скоро устраивается полуприлечь на диванѣ, такъ однако, что мужу все-таки просторно сидѣть: вѣдь диванъ широкій; то есть, не совсѣмъ ужь просторно, но она обняла мужа одною рукою, поэтому сидѣть ему все-таки ловко.

Вотъ такимъ-то образомъ прошло мѣсяца три, и побольше.

Идиллія нынче не въ модѣ, и я самъ вовсе не люблю ея, то есть, лично я не люблю, какъ не люблю гуляній, не люблю спаржи, — мало ли, до чего я не охотникъ!—вѣдь нельзя же одному человѣку любить всѣ блюда, всѣ способы развлеченій; но я знаю, что эти вещи, которыя не по моему личному вкусу, очень хорошія вещи, что онѣ по вкусу, или были бы по вкусу гораздо большему числу людей, чѣмъ тѣ, которые, подобно мнѣ, предпочитаютъ гулянью—шахматную игру, спаржѣ—кислую капусту съ конопляннымъ масломъ; я знаю даже, что у большинства, которое не раздѣляетъ моего вкуса къ шахматной игрѣ и радо было бы не раздѣлять моего вкуса къ кислой капустѣ съ конопляннымъ масломъ, что у него вкусы не хуже моихъ, и потому я говорю: пусть будетъ на свѣтѣ какъ можно больше гуляній, и пусть почти совершенно исчезнетъ изъ свѣта, оста-

нется только античною рѣдкостью для немногихъ, подобныхъ мнѣ чудаковъ, кислая капуста съ конопляннымъ масломъ!

Точно такъ я знаю, что для огромнаго большинства людей, которые ничуть не хуже меня, счастье должно имѣть идиллическій характеръ, и я восклицаю: пусть станетъ господствовать въ жизни надъ всѣми другими характерами жизни идиллія! Для немногихъ чудаковъ, которые не охотники до нея, будутъ другіе характеры счастья, а большинству нужна идиллія. А что идиллія не въ модѣ, и потому люди чуждаются ея, такъ вѣдь это не возраженіе: они чуждаются ея, какъ лисица въ баснѣ чуждалась винограда. Имъ кажется, что идиллія недоступна, потому они и придумали: „пусть она будетъ не въ модѣ“.

Но чистѣйшій вздоръ, что идиллія недоступна: она не только хорошая вещь почти для всѣхъ людей, но и возможная, очень возможная: ничего труднаго не было бы устроить ее, но только не для одного человѣка, или не для десяти человѣкъ, а для всѣхъ. Вѣдь и итальянская опера — вещь невозможная для пяти человѣкъ, а для цѣлаго Петербурга — очень возможная, какъ всѣмъ видно и слышно; вѣдь и „Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя, Москва, 1861 г.“ вещь невозможная для десяти человѣкъ, а для всей публики очень возможная и недорогая, какъ всѣмъ извѣстно. Но пока итальянской оперы для всего города нѣтъ, можно лишь нѣкоторымъ, особенно усерднымъ меломанамъ пробавляться кое-какими концертами, и пока 2-я часть „Мертвыхъ Душъ“ не была напечатана для всей публики, только немногіе, особенно усердные любители Гоголя изготовляли, не жалѣя труда, каждый для себя, рукописные экземпляры ея. Рукопись не въ примѣръ хуже печатной книги, кое-какой концертъ очень плохъ передъ итальянской оперой, а все-таки хороша, все-таки хорошъ.

XVII.

Если-бы кто посторонній пришелъ посовѣтоваться съ Кирсановымъ о такомъ положеніи, въ какомъ Кирсановъ увидѣлъ себя, когда очнулся, и если-бы Кирсановъ былъ совершенно

чуждъ всѣмъ лицамъ, которыхъ касается дѣло, онъ сказалъ бы пришедшему совѣтоваться: „поправлять дѣло бѣгствомъ—поздно; не знаю, какъ оно разъиграется, но для васъ, бѣжать или оставаться—одинаково опасно; а для тѣхъ, о спокойствіи которыхъ вы заботитесь, ваше бѣгство едва ли не опаснѣе, чѣмъ то, чтобы вы оставались".

Разумѣется, Кирсановъ сказалъ бы это только такому человѣку, какъ онъ самъ, или какъ Лопуховъ, человѣку твердаго характера и неизмѣнной честности. Съ другими людьми безполезно разсуждать о подобныхъ положеніяхъ, потому что эти другіе люди непремѣнно поступаютъ въ такихъ случаяхъ дрянно и мерзко: осрамятъ женщину, обезчестятся сами, и потомъ идутъ по всей своей компаніи хныкать или хвастаться, услаждаться своею геройскою добродѣтелью или амурною привлекательностью. Съ такими людьми ни Лопуховъ, ни Кирсановъ, не любили толковать о томъ, какъ слѣдуетъ поступать людямъ благороднымъ. Не говоря человѣку своего закона, что бѣжать теперь чуть ли уже не хуже, чѣмъ оставаться, Кирсановъ былъ бы правъ. При этомъ подразумѣвалось бы: „ я знаю, какъ сталъ бы ты держать себя, оставаясь: вѣдь такъ, чтобы ничѣмъ не обнаружить своего чувства, потому что только въ этомъ случаѣ ты и не будешь негодяемъ, оставаясь. Задача въ томъ, чтобы какъ можно болѣе не нарушать спокойствія женщины, жизнь которой идетъ хорошо. Чтобы оно не нарушалось, этого, кажется, уже невозможно сдѣлать. Чувство, не согласное съ ея нынѣшними отношеніями, уже, вѣроятно,—да чего тутъ, вѣроятно, проще говоря: безъ всякаго сомнѣнія,—возникло въ ней, только она еще не замѣчаетъ его. Скоро или нѣтъ оно обнаружится въ ней для нея самой безъ всякаго вызова съ твоей стороны, неизвѣстно Но твое удаленіе будетъ вызовомъ ему обнаружиться. Стало быть, твое удаленіе только ускоритъ дѣло, котораго ты хочешь избѣжать".

Но Кирсановъ разсуждалъ о дѣлѣ не какъ посторонній человѣкъ, а какъ участникъ. Ему представлялось, что удалиться труднѣе, чѣмъ оставаться; чувство влечетъ его остаться, слѣдовательно, остаться не будетъ ли значить — поддаться чувству, обольститься его внушеніями? Какое право онъ имѣетъ такъ безусловно вѣрить, что ни словомъ, ни взглядомъ не обнаружитъ своего чувства, не сдѣлаетъ вызова? Потому вѣрнѣе бу-

детъ удалиться. Въ своемъ дѣлѣ мудрено различить, насколько разсудокъ обольщается софизмами влеченія, потому что честность говоритъ: поступай наперекоръ влеченію, тогда у тебя больше шансовъ, что ты поступишь благородно. Это въ переводѣ съ теоретическаго языка на обыкновенный; а теорія, которой держался Кирсановъ, считаетъ такія пышныя слова, какъ благородство, двусмысленными, темными, и Кирсановъ по своей терминологіи выразился бы такъ: „всякій человѣкъ эгоистъ, я тоже; теперь спрашивается: что для меня выгоднѣе: удалиться или оставаться? Удаляясь, я подавляю въ себѣ одно частное чувство; оставаясь, я рискую возмутить чувство своего человѣческаго достоинства глупостью какого-нибудь слова или взгляда, внушеннаго этимъ отдѣльнымъ чувствомъ. Отдѣльное чувство можетъ быть подавлено, и черезъ нѣсколько времени мое спокойствіе возстановится, я опять буду доволенъ соею жизнью. А если я разъ поступлю противъ всей своей человѣческой натуры, я навсегда утрачу возможность спокойствія, возможность довольства собою, отравлю всю свою жизнь. Мое положеніе вотъ какое: я люблю вино, и передо мною стоитъ кубокъ съ очень хорошимъ виномъ; но есть у меня подозрѣніе, что это вино отравлено. Узнать, основательно или нѣтъ мое подозрѣніе, я не могу. Долженъ ли я пить этотъ кубокъ, или опрокинуть его, чтобы онъ не соблазнялъ его? Я не долженъ называть своего рѣшенія ни благороднымъ, ни даже честнымъ,—это слишкомъ громкія слова, я долженъ назвать его только разсчетливымъ, благоразумнымъ: я опрокидываю кубокъ. Черезъ это я отнимаю у себя нѣкоторую пріятность, дѣлаю себѣ нѣкоторую непріятность, но за то обезпечиваю себѣ здоровье, то есть возможность долго и много пить такое вино, о которомъ я навѣрное знаю, что оно не отравлено. Я поступаю неглупо, вотъ и вся похвала мнѣ“.

XVIII.

Какимъ же манеромъ удалиться? Прежняя штука, притвориться обиженнымъ, выставить какую-нибудь пошлую сторону характера, чтобы опереться на нее, не годится: два раза на одномъ и томъ же не проведешь; вторая такая исторія лишь рас-

крыла бы смыслъ первой, показала бы его героемъ не только новыхъ, но и прежнихъ временъ. Да и вообще, отъ всякаго быстраго перерыва отношеній надобно отказаться; такое удаленіе было бы легче, но оно было бы эффектно, возбудило бы вниманіе, то есть было бы теперь пошлостью и низостью (по Кирсановской теоріи эгоизма: — глупостью, неразсчетомъ). Потому остается только одинъ, самый мудреный и мучительный способъ: тихое отступленіе медленнымъ, незамѣтнымъ образомъ, такъ чтобъ и не замѣтили, что онъ удаляется. Тяжеловато и очень хитро это дѣло: уйти изъ виду такъ, чтобы не замѣтили твоего движенія, когда смотрятъ на тебя во всѣ глаза, а нечего дѣлать, надобно дѣйствовать такъ. А впрочемъ, по Кирсановской теоріи, это и не мучительно, а даже пріятно; вѣдь чѣмъ труднѣе дѣло, тѣмъ больше радуешься (по самолюбію) своей силѣ и ловкости, исполняя его удачно.

И дѣйствительно, онъ исполнялъ его удачно: не выдалъ своего намѣренія ни однимъ недомолвленнымъ или перемолвленнымъ словомъ, ни однимъ взглядомъ; по прежнему, онъ былъ свободенъ и шутливъ съ Вѣрою Павловною, по прежнему, было видно, что ему пріятно въ ея обществѣ; только стали встрѣчаться разныя помѣхи ему бывать у Лопуховыхъ такъ часто, какъ прежде, оставаться у нихъ цѣлый вечеръ, какъ прежде, да какъ-то выходило, что чаще прежняго Лопуховъ хваталъ его за руку, а то и за лацканъ сюртука, со словами: „нѣтъ, дружище, ты отъ этого спора не уйдешь, такъ вотъ, сейчасъ“ — такъ что все большую и большую долю времени, проводимаго у Лопуховыхъ, Кирсанову приводилось просиживать у дивана пріятеля. И всё это устроивалось такъ постепенно, что вовсе и незамѣтно было, какъ развивалась перемѣна. Помѣхи являлись, и Кирсановъ не только не выставлялъ ихъ, а напротивъ, жалѣлъ (да и то лишь иногда, жалѣть часто негодилось бы), что встрѣтилась такая помѣха; помѣхи являлись все такія натуральныя, неизбѣжныя, что частенько сами Лопуховы гнали его отъ себя, напоминая, что онъ забылъ обѣщаніе нынѣ быть дома, потому что у него хотѣли быть такой-то и такой-то изъ знакомыхъ, отъ которыхъ ему неудалось отвязаться... Или онъ забылъ, что если нынѣ онъ не будетъ у такого-то, этотъ такой-то оскорбится; или онъ забылъ, что у него къ завтрешнему утру остается работы

часа на четыре, по крайней мѣрѣ: что-жъ онъ, хочетъ не спать нынѣшнюю ночь? — вѣдь ужь 10 часовъ, нечего ему балагурить, пора ему отправляться за работу. Кирсановъ даже не всегда слушался этихъ напоминаній: не поѣдетъ онъ къ этому знакомому, пусть сердится этотъ господинъ, или: работа не уйдетъ, время еще есть, а онъ досидитъ вечеръ здѣсь. А помѣхи все накоплялись: и ученыя занятія все неотступнѣе отнимали у Кирсанова вечеръ за вечеромъ — провалились бы они, по его мнѣнію (изрѣдка выражаемому вскользь), эти ученыя занятія, — и знакомые тоже навязывались на него все больше, и какъ только они навязываются (это выражается тоже изрѣдка, вскользь) — удивительно, какъ они навязываются! Это ему такъ кажется, а Лопуховымъ очень видно, почему такъ: онъ входитъ въ извѣстность, вотъ и является все больше и больше людей, которымъ онъ нуженъ: и работою нельзя ему пренебрегать, напрасно онъ начинаетъ полѣниваться,—да чего, онъ вовсе излѣнился въ предъидущіе мѣсяцы, вотъ ему и скучно приниматься за нее; — „а надобно, братъ Александръ“,—„пора, Александръ Матвѣичъ!“

Труденъ былъ маневръ, на цѣлыя недѣли надобно было растянуть этотъ поворотъ налѣво кругомъ и повертываться такъ медленно, такъ ровно, какъ часовая стрѣлка: смотрите на нее какъ хотите внимательно, не увидите, что она поворачивается, а она себѣ изподтишка дѣлаетъ свое дѣло, идетъ въ сторону отъ прежняго своего положенія. За то и какое же наслажденіе было Кирсанову, какъ теоретику, любоваться своею ловкостью на практикѣ! Эгоисты и матеріалисты, вѣдь они все дѣлаютъ собственно только въ удовольствіе себѣ. Да и Кирсановъ могъ, положа руку на сердце, сказать, что онъ дѣлаетъ свою штуку въ удовольствіе себѣ: онъ радовался на свое искусство и молодечество.

Такъ прошелъ мѣсяцъ, можетъ быть, нѣсколько и побольше, и если-бы кто сосчиталъ, тотъ нашелъ бы, что въ этотъ мѣсяцъ ни на волосъ не уменьшилась его короткость съ Лопуховыми, но вчетверо уменьшилось время, которое проводитъ онъ у нихъ, а въ этомъ времени на половину уменьшилась пропорція времени, которое проводитъ онъ съ Вѣрою Павловною. Еще какой-нибудь мѣсяцъ, и при всей неизмѣнности дружбы, друзья будутъ мало видѣться,—и дѣло будетъ въ шляпѣ.

Зорки глаза у Лопухова — неужели онъ ничего не замѣчаетъ?—Нѣтъ, ничего.

А Вѣра Павловна? и Вѣра Павловна ничего не замѣчаетъ. И въ себѣ ничего не замѣчаетъ? и въ себѣ ничего не замѣчаетъ Вѣра Павловна; только, снится Вѣрѣ Павловнѣ сонъ.

XIX.

Третій сонъ Вѣры Павловны.

И снится Вѣрѣ Павловнѣ сонъ:

Послѣ чаю, поболтавши съ „миленькимъ“, пришла она въ свою комнату и прилегла,—не спать, спать еще рано, куда же, только еще половина девятаго, нѣтъ, она еще не раздѣвалась,—а только такъ, легла читать. Вотъ она и читаетъ на своей кроваткѣ, только книга опускается отъ глазъ, и думается Вѣрѣ Павловнѣ: „что это, въ послѣднее время стало мнѣ нѣсколько скучно иногда? или это не скучно, а такъ? да, это не скучно, а только я вспомнила, что нынѣ я хотѣла ѣхать въ оперу, да этотъ Кирсановъ, такой невнимательный, поздно поѣхалъ за билетомъ: будто не знаетъ, что, когда поетъ Бозіо, то нельзя въ 11 часовъ достать билетовъ въ 2 рубля. Конечно, его нельзя винить: вѣдь онъ до 5 часовъ работалъ, навѣрное до 5, хоть и не признался... а все-таки онъ виноватъ. Нѣтъ, впередъ лучше буду просить „миленькаго“ брать билеты, и въ оперу ѣздить буду съ миленькимъ: миленькій никогда этого не сдѣлаетъ, чтобъ я осталась безъ билета, а ѣздить со мною онъ всегда будетъ радъ, вѣдь онъ у меня такой милый, мой миленькій. А черезъ этого Кирсанова пропустила „Травіату“ — это ужасно! я бы каждый вечеръ была въ оперѣ, если-бы каждый вечеръ была опера — какая-нибудь, хоть бы сама по себѣ плохая, съ главною ролью Бозіо. Если-бъ у меня былъ такой голосъ, какъ у Бозіо, я, кажется, цѣлый день пѣла бы. А если-бы познакомиться съ нею? Какъ бы это сдѣлать? Этотъ артиллеристъ хорошъ съ Тамберликомъ, нельзя ли черезъ него? Нѣтъ, нельзя. Да и какая смѣшная мысль! Зачѣмъ знакомиться съ Бозіо? развѣ она станетъ пѣть для меня? Вѣдь она должна беречь свой голосъ.

„А когда жь это Бозіо успѣла выучиться по-русски? И какъ чисто она произноситъ. Но какія же смѣшныя слова, и откуда она выкопала такіе пошлые стишки? да, она, должно быть, училась по той же грамматикѣ, по которой я: тамъ они приведены въ примѣръ для разстановки знаковъ препинанія; какъ это глупо, приводить въ грамматикѣ такіе стихи, и хоть бы стихи-то были не такъ пошлы; но нечего думать о стихахъ, надобно слушать, какъ она поетъ: —

Часъ наслажденья
Лови, лови;
Младыя лѣта
Отдай любви.

какія смѣшныя слова: и „младыя“ и „лѣта“ съ невѣрнымъ удареньемъ! Но какой голосъ, и какое чувство у ней! Да, у ней голосъ сталъ гораздо лучше прежняго, несравненно лучше, удивительно! какъ же это онъ могъ стать такъ много лучше? Да, вотъ я не знала, какъ съ нею познакомиться, а она сама пріѣхала ко мнѣ съ визитомъ. Какъ это она узнала мое желанье?

— Да вѣдь ты давно зовешь меня, говоритъ Бозіо, и говоритъ по-русски.

— Я тебя звала, Бозіо? Да какъ же я могла звать тебя, когда я съ тобою незнакома? Но я очень, очень рада видѣть тебя.

Вѣра Павловна раскрываетъ пологъ, чтобы подать руку Бозіо, но пѣвица хохочетъ, да вѣдь это не Бозіо, а скорѣе де-Мерикъ въ роли цыганки въ „Риголетто“, но только веселость хохота де-Мерикъ, а голосъ Бозіо, и отбѣгаетъ, и прячется за пологомъ; какъ досадно, этотъ пологъ прячетъ ее, и вѣдь прежде его не было, откуда онъ взялся?

— Знаешь, зачѣмъ я къ тебѣ пріѣхала? и хохочетъ, будто де-Мерикъ, но только Бозіо.

— Да кто жь ты? Вѣдь ты не де-Мерикъ?

— Нѣтъ.

— Вѣдь ты Бозіо?

Пѣвица хохочетъ:—узнаешь, скоро; а теперь намъ надобно заняться тѣмъ, зачѣмъ я къ тебѣ пришла. Я хочу читать съ тобою твой дневникъ.

— У меня нѣтъ никакого дневника, я никогда не вела его.

— А посмотри, что-жь это лежитъ на столикѣ?

Вѣра Павловна смотритъ: на столикѣ у кровати лежитъ тетрадь съ надписью: „Дневникъ В. Л.“. Откуда взялась эта тетрадь? Вѣра Павловна беретъ ее, раскрываетъ — тетрадь писана ея рукою; когда же?

— Читай послѣднюю страницу, говоритъ Бозіо.

Вѣра Павловна читаетъ: „Опять мнѣ часто приходится сидѣть одной по цѣлымъ вечерамъ. Но это ничего: я такъ привыкла“.

— Только? говоритъ Бозіо.

— Только.

— Нѣтъ, ты не все читаешь.

— Здѣсь больше ничего не написано.

— Меня не обманешь, говоритъ гостья:—а это что? изъ-за полога протягивается рука—какъ хороша эта рука! нѣтъ, эта дивная рука не Бозіо, и какъ же эта рука протягивается сквозь пологъ, не раскрывая полога?

Рука новой гостьи дотрогивается до страницы; подъ рукою выступаютъ новыя строки, которыхъ не было прежде. „Читай“, говоритъ гостья. У Вѣры Павловны сжимается сердце, она еще не смотрѣла на эти строки, не знаетъ, что тутъ написано; но у ней сжимается сердце. Она не хочетъ читать новыхъ строкъ. „Читай“, повторяетъ гостья.

Вѣра Павловна читаетъ: „нѣтъ, одной теперь скучно. Это прежде не было скучно. Отчего же это прежде не было скучно одной, и отчего теперь скучно?“

— Переверни страницу назадъ, говоритъ гостья.

Вѣра Павловна перевертываетъ страницу. „Лѣто нынѣшняго года“, кто жъ такъ пишетъ дневники? думается Вѣрѣ Павловнѣ: надобно было написать: 1855, іюнь или іюль, и выставить число, а тутъ: лѣто нынѣшняго года; кто же такъ пишетъ въ дневникахъ? „Лѣто нынѣшняго года. Мы ѣдемъ, по обыкновенію, за городъ, на острова; а въ нынѣшній разъ, съ нами ѣдетъ миленькій: какъ это пріятно мнѣ“. Ахъ, такъ это августъ,—какое число? 15 или 12? да, да, около 15-го, это про ту поѣздку, послѣ которой мой бѣдный миленькій сдѣлался боленъ, думаетъ Вѣра Павловна.

— Только?

— Только.

— Нѣтъ, ты не все читаешь. А это что? говоритъ гостья, и опять сквозь нераскрывающійся пологъ является дивная рука, опять касается страницы, и опять выступаютъ на страницѣ новыя слова, и опять противъ воли читаетъ Вѣра Павловна новыя слова: „зачѣмъ мой миленькій не провожаетъ насъ чаще?“

— Переверни еще страницу, говоритъ гостья.

„У моего миленькаго такъ много занятій, и все для меня, для меня онъ работаетъ, мой миленькій“. Вотъ и отвѣтъ, съ радостью думаетъ Вѣра Павловна.

— Переверни опять страницу.

„Какіе честные, благородные люди эти студенты, и какъ они уважаютъ моего миленькаго. И мнѣ съ ними весело: я съ ними, какъ съ братьями, безъ всякой церемоніи.

— Только?

— Только.

— Нѣтъ, читай дальше. И опять является рука, касается страницы, опять выступаютъ новыя строки, опять противъ воли читаетъ Вѣра Павловна новыя строки:

„16 августа“, то есть, на другой день послѣ прогулки на острова, вѣдь она была именно 15-го, думаетъ Вѣра Павловна: „миленькій все время гулянья говорилъ съ этимъ Рахметовымъ, или, какъ они въ шутку зовутъ его, ригористомъ, и съ другими его товарищами. Подлѣ меня едва ли провелъ онъ четверть часа“, неправда, больше полчаса, я думаю, да, больше полчаса, я увѣрена, думаетъ Вѣра Павловна: „кромѣ того времени, которое мы сидѣли рядомъ въ лодкѣ. 17 августа. Вчера весь вечеръ просидѣли у насъ студенты“; да, это наканунѣ того дня, какъ миленькій занемогъ, „миленькій весь вечеръ говорилъ съ ними. Зачѣмъ онъ отдаетъ имъ такъ много времени, такъ мало мнѣ? Вѣдь не все же время онъ работаетъ, онъ и самъ говоритъ, что далеко не все время, что безъ отдыха невозможно работать, что онъ много отдыхаетъ, думаетъ о чемъ нибудь только для отдыха, зачѣмъ же онъ думаетъ одинъ, зачѣмъ не со мною?“

— Переверни еще листъ.

„Іюль нынѣшняго года, и всякій мѣсяцъ нынѣшняго года до болѣзни миленькаго, да и въ прошломъ году то же, и прежде то же. Пять дней тому назадъ были у насъ студенты; вчера

то же. Я съ ними много шалила, такъ весело было. Завтра или послѣ завтра будутъ опять, опять будетъ очень весело".

— Только?

— Только.

— Нѣтъ, читай дальше. Опять является рука, касается страницы, опять выступаютъ подъ рукою новыя строки, опять противъ воли читаетъ ихъ Вѣра Павловна:

„Съ самаго нынѣшняго года, особенно съ конца весны. Да, это прежде было мнѣ весело съ этими студентами, весело, и только. А теперь часто думается: это ребяческія игры, мнѣ долго будутъ онѣ забавны, вѣроятно, когда я буду и старуха, когда самой будетъ уже не по лѣтамъ играть, я буду любоваться на игры молодежи, напоминающія дѣтство. Но вѣдь я и теперь смотрю на этихъ студентовъ, какъ на младшихъ братьевъ, и я не всегда бы хотѣла превращаться непремѣнно въ Вѣрочку, когда хочу отдыха отъ серьёзныхъ мыслей и труда. Вѣдь я ужь Вѣра Павловна; веселиться, какъ Вѣрочка, пріятно по временамъ, но не всегда же. Вѣра Павловна иногда хочетъ такого веселья, при которомъ бы оставаться Вѣрою Павловною. Это веселье съ ровными по жизни".

— Переверни еще нѣсколько страницъ назадъ.

„Я на дняхъ открываю швейную, и отправилась къ Жюли просить заказовъ. Миленькій заѣхалъ къ ней за мной. Она оставила насъ завтракать, велѣла подать шампанскаго, заставила меня выпить два стакана. Мы съ нею начали пѣть, бѣгать, кричать, бороться. Такъ было весело. Миленькій смотрѣлъ и смѣялся".

— Будто только? говоритъ гостья, и опять подъ рукою гостьи выступаютъ новыя слова, и опять противъ воли читаетъ ихъ Вѣра Павловна:

„Миленькій только смотрѣлъ и смѣялся. Почему жь бы ему не пошалить съ нами? Вѣдь это было бы еще веселѣе. Развѣ это было неловко, или развѣ онъ этого не съумѣлъ бы — принять участіе въ нашей игрѣ? Нѣтъ, нисколько не неловко, и онъ съумѣлъ бы. Но у него такой характеръ. Онъ только не мѣшаетъ, онъ одобряетъ, радуется,—и только".

— Переверни одну страницу впередъ.

„Нынче мы съ миленькимъ были въ первый разъ послѣ моего замужества у моихъ родныхъ. Мнѣ было такъ тяжело видѣть ту жизнь, которая давила, душила меня до замужества. Миленькій мой! отъ какой отвратительной жизни онъ меня избавилъ! Ночью мнѣ приснился страшный сонъ: будто маменька упрекаетъ меня въ неблагодарности и говоритъ правду, но такую ужасную правду, что я начала стонать. Миленькій услышалъ этотъ стонъ и вошелъ въ мою комнату, а я ужь пѣла (все во снѣ), потому что пришла моя любимая красавица и утѣшила меня. Миленькій былъ моею горничною. Такъ было стыдно. Но онъ такой скромный, только поцаловалъ мое плечо".

— Будто только написано? меня не обманешь, читай... Опять подъ рукою гостьи выступаютъ новыя слова, и Вѣра Павловна противъ воли читаетъ ихъ:

„А вѣдь это даже какъ будто обидно".

— Переверни нѣсколько страницъ назадъ.

„Нынѣ я ждала своего друга, Д., на бульварѣ, подлѣ Новаго моста: тамъ живетъ дама, у которой я думала быть гувернанткою. Но она не согласилась. Мы съ Д. вернулись домой очень унылые. Я въ своей комнатѣ передъ обѣдомъ все думала, что лучше умереть, чѣмъ жить, какъ я живу теперь, и вдругъ, за обѣдомъ, Д. говоритъ: „Вѣра Павловна, пьемъ здоровье моей невѣсты и вашего жениха". Я едва могла удержаться, чтобы не заплакать тутъ же при всѣхъ, отъ радости такого неожиданнаго избавленія. Послѣ обѣда, мы долго говорили съ Д. о томъ, какъ мы будемъ жить. Какъ я его люблю: онъ .выводитъ меня изъ подвала".

— Читай же все.

— Больше ничего нѣтъ.

— Смотри. Опять подъ рукою гостьи выступаютъ новыя строки.

— Я не хочу читать, въ страхѣ говоритъ Вѣра Павловна; она еще не разобрала, что написано на этихъ новыхъ строкахъ, но ей уже страшно.

— Не можешь не читать, когда я велю: читай!

Вѣра Павловна читаетъ:

„Такъ неужели же я люблю его за то, что онъ выводитъ меня изъ подвала? не самого его, а свое избавленіе изъ подвала?"

— Переверни еще назадъ, читай самую первую страницу.

„Въ день моего рожденія, сегодня, я въ первый разъ говорила съ Д. и полюбила его. Я еще ни отъ кого не слышала такихъ благородныхъ, утѣшительныхъ словъ. Какъ онъ сочувствуетъ всему, что требуетъ сочувствія, хочетъ помогать всему, что требуетъ помощи; какъ онъ увѣренъ, что счастье для людей возможно, что оно должно быть, что злоба и горе не вѣчно, что быстро идетъ къ намъ новая, свѣтлая жизнь. Какъ у меня радостно расширялось сердце, когда я слышала эти увѣренія отъ человѣка ученаго, серьёзнаго: вѣдь ими подтверждались мои мысли... Какъ добръ онъ былъ, когда говорилъ о насъ, бѣдныхъ женщинахъ. Каждая женщина полюбитъ такого человѣка. Какъ онъ уменъ, какъ онъ благороденъ, какъ онъ добръ!

— Хорошо. Переверни опять на послѣднюю страницу.

— Но эту страницу я ужь прочла.

— Нѣтъ, это еще не послѣдняя. Переверни еще листъ.

— Но на этомъ листѣ ничего нѣтъ.

— Читай же! видишь, какъ много на немъ написано. — И опять отъ прикосновенія руки гостьи выступили строки, которыхъ не было.

Сердце Вѣры Павловны холодѣетъ:—я не хочу читать, я не могу читать.

— Я велю. Должна.

— Я не могу и не хочу.

— Такъ я тебѣ прочту, что у тебя написано,—слушай:

„Онъ человѣкъ благородный, онъ мой избавитель. Но благородствомъ внушается уваженіе, довѣріе, готовность дѣйствовать за одно, дружба; избавитель награждается признательностію, преданностію. Только. У него натура, быть можетъ, болѣе пылкая, чѣмъ у меня. Когда кипитъ кровь, ласки его жгучи. Но есть другая потребность, потребность тихой, долгой ласки, потребность сладко дремать въ нѣжномъ чувствѣ. Знаетъ ли онъ ее? Сходны ли наши натуры, наши потребности? Онъ готовъ умереть для меня,—и я для него. Но довольно ли этого? Мыслями ли обо мнѣ живетъ онъ? Мыслями ли о немъ живу я? Люблю ли я его такою любовью, какая нужна мнѣ? Прежде я не знала этой потребности тихаго, нѣжнаго чувства—нѣтъ, мое чувство къ нему не...“

— Я не хочу слышать больше! Вѣра Павловна съ негодованіемъ отбрасываетъ дневникъ.—Гадкая! злая! зачѣмъ ты здѣсь? Я не звала тебя, уйди!

Гостья смѣется тихимъ, добрымъ смѣхомъ. — Да, ты не любишь его; эти слова написаны твоею рукою.

— Проклинаю тебя!

Вѣра Павловна просыпается съ этимъ восклицаніемъ, и быстрѣе, чѣмъ сознала она, что видѣла только сонъ, и что она проснулась, она уже вскочила, она бѣжитъ.

— Мой милый, обними меня, защити меня! Мнѣ снился страшный сонъ! Она жмется къ мужу: — мой милый, ласкай меня, будь нѣженъ со мною, защити меня!

— Вѣрочка, что съ тобой? мужъ обнимаетъ ее.—Ты вся дрожишь. Мужъ цалуетъ ее.—У тебя на щекахъ слезы, у тебя холодный потъ на лбу. Ты босая бѣжала по холодному полу, моя милая; я цалую твои ножки, чтобы согрѣть ихъ.

— Да, ласкай меня, спаси меня! мнѣ снился гадкій сонъ, мнѣ снилось, что я не люблю тебя.

— Милая моя, кого же ты любишь, какъ не меня? Нѣтъ, это пустой, смѣшной сонъ!

— Да, я люблю тебя, только ласкай меня, цалуй меня, — я тебя люблю, я тебя хочу любить.

Она крѣпко обнимаетъ мужа, вся жмется къ нему и, успокоенная его ласками, тихо засыпаетъ, цалуя его.

XX.

Въ это утро, Дмитрій Сергѣичъ не идетъ звать жену пить чай: она здѣсь, прижавшись къ нему; она еще спитъ; онъ смотритъ на нее и думаетъ: „что это такое съ ней, чѣмъ она была испугана, откуда этотъ сонъ?“

— Оставайся здѣсь, Вѣрочка, я внесу сюда чай; не вставай, мой дружочекъ, я подамъ тебѣ, ты умоешься, не вставая.

— Да, я не буду вставать, я полежу, мнѣ такъ хорошо здѣсь: какой ты умный за это, миленькій, какъ я тебя полюбила. Вотъ я и умылась, теперь неси сюда чай; нѣтъ, прежде обними меня!

И Вѣра Павловна долго не выпускала мужа, обнявши. — Ахъ, мой миленькій, какая я смѣшная! какъ я къ тебѣ прибѣжала! что теперь подумаетъ Маша? нѣтъ, мы это скроемъ отъ нея, что я проснулась у тебя. Принеси мнѣ сюда одѣваться. Ласкай меня, мой миленькій, ласкай меня, я хочу любить тебя, мнѣ нужно любить! я буду любить тебя, какъ еще не любила!

Комната Вѣры Павловны стоитъ пустая. Вѣра Павловна, ужъ не скрываясь отъ Маши, поселилась въ комнатѣ мужа. „Какой онъ нѣжный, какой онъ ласковый, мой милый, и я могла вздумать, что не люблю тебя? Какая я смѣшная!“

— Вѣрочка, теперь ты успокоилась, моя милая; скажи же мнѣ, что тебѣ приснилось третьяго дня?

— Ахъ, пустяки! мнѣ только и приснилось, что я тебѣ сказала, что ты мало ласкаешь меня. А теперь мнѣ хорошо. Зачѣмъ мы не жили съ тобою всегда такъ? Тогда мнѣ не приснился бы этотъ гадкій сонъ, страшный, гадкій, я не хочу помнить его!

— Да вѣдь мы безъ него не жили бы, какъ теперь.

— Правда; я ей очень благодарна, этой гадкой: она не гадкая, хорошая.

— Кто „она?“ У тебя, кромѣ прежней красавицы, еще новая подруга.

— Да, еще новая. Ко мнѣ приходила какая-то женщина, съ такимъ очаровательнымъ голосомъ, гораздо лучше Бозіо, а какія руки у нея! Ахъ, какая дивная красота! Только руку я и видѣла: сама она пряталась за пологомъ, мнѣ снилось, что у моей постели,—за то же я ее и бросила, что на ней это приснилось,— что у ней есть пологъ и что гостья прячется за нимъ; но какая дивная рука, мой милый! и она пѣла про любовь, и подсказывала мнѣ, что такое любовь. Теперь я поняла, мой милый. Какая была я глупенькая, я не понимала, вѣдь была дѣвочка, глупенькая дѣвочка?

— Моя милая, ангелъ мой, всему своя пора. И то, какъ мы прежде жили съ тобою — любовь; и то, какъ теперь живемъ — любовь; однимъ нужна одна, другимъ — другая любовь; тебѣ прежде было довольно одной, теперь нужна другая. Да, ты теперь стала женщиной, мой другъ, и что прежде было не нужно тебѣ, стало нужно теперь.

Проходитъ недѣля, двѣ. Вѣра Павловна нѣжится; въ своей комнатѣ бываетъ она теперь только когда мужа нѣтъ дома, или когда онъ работаетъ, — да нѣтъ, и когда работаетъ, она часто сидитъ у него въ кабинетѣ; когда замѣтитъ, что мѣшаетъ, что работа требуетъ полнаго вниманія, тогда зачѣмъ же мѣшать? Но вѣдь такихъ работъ у каждаго мало, большая часть и ученой работы — чисто механическая; поэтому три четверти времени онъ видитъ подлѣ себя жену, и порою они приласкаютъ другъ друга. Только одно изобрѣтеніе было нужно: купить другой диванъ, поменьше мужнина. И вотъ Вѣра Павловна послѣ обѣда нѣжится на своемъ диванчикѣ; у диванчика сидитъ мужъ и любуется на нее.

— Милый мой, зачѣмъ ты цалуешь мои руки? вѣдь я этого не люблю.

— Да? я и забылъ, что обижаю тебя, ну, и буду обижать.

— Миленькій мой, ты во второй разъ избавляешь меня: спасъ меня отъ злыхъ людей, спасъ меня отъ себя самой! Ласкай меня, мой милый, ласкай меня!

Проходитъ мѣсяцъ. Вѣра Павловна нѣжится послѣ обѣда на своемъ широкомъ, маленькомъ, мягкомъ диванчикѣ въ комнатѣ своей и мужа, то есть въ кабинетѣ мужа. Онъ присѣлъ на диванчикъ, а она обняла его, прилегла головой къ его груди, но она задумывается; онъ цалуетъ ее, но не проходитъ задумчивость ея, и на глазахъ чуть ли не готовы навернуться слезы.

— Вѣрочка, милая моя, что ты задумчива?

Вѣра Павловна плачетъ и молчитъ. Нѣтъ, она утерла слезы:— нѣтъ, не ласкай, мой милый! Довольно. Благодарю тебя! и она такъ кротко и искренно смотритъ на него:—благодарю тебя, ты такъ добръ ко мнѣ.

— Добръ, Вѣрочка? Что это, какъ это?

— Добръ, мой милый; ты добрый.

Проходитъ два дня. Вѣра Павловна опять нѣжится послѣ обѣда, нѣтъ, не нѣжится, а только лежитъ и думаетъ, и лежитъ она въ своей комнатѣ, на своей кроваткѣ. Мужъ сидитъ подлѣ нея, обнявъ ее, тоже думаетъ.

„Да, это не то. Во мнѣ нѣтъ того“, думаетъ Лопуховъ.

„Какой онъ добрый, какая я неблагодарная!“ думаетъ Вѣра Павловна.

Вотъ что они думаютъ.

Она говоритъ: — Мой милый, иди къ себѣ, занимайся, или отдохни, и хочетъ сказать, и умѣетъ сказать эти слова простымъ, не унылымъ тономъ.

— Зачѣмъ же, Вѣрочка, ты гонишь меня? мнѣ и здѣсь хорошо, и хочетъ, и умѣетъ сказать эти слова простымъ, веселымъ тономъ.

— Нѣтъ, иди, мой милый. Ты довольно дѣлаешь для меня. Иди, отдохни.

Онъ цалуетъ ее, и она забываетъ свои мысли, и ей опять такъ сладко и легко дышать.

— Благодарю тебя, мой милый, говоритъ она.

А Кирсановъ совершенно счастливъ. Трудновата была борьба на этотъ разъ, но за то и сколько внутренняго удовольствія доставляла она ему, и это удовольствіе не пройдетъ вмѣстѣ съ нею, а будетъ грѣть его грудь долго, до конца жизни. Онъ честенъ. Да. Онъ сблизилъ ихъ. Да, въ самомъ дѣлѣ сблизилъ. Кирсановъ лежитъ на диванѣ, куритъ и думаетъ: „Будь честенъ, то есть разсчетливъ, не просчитывайся въ разсчетѣ, помни сумму, помни, что она больше своей части, то есть, что твоя человѣческая натура сильнѣе, важнѣе для тебя, чѣмъ каждое отдѣльное твое стремленіе, предпочитай же ея выгоды выгодамъ каждаго отдѣльнаго твоего стремленія, если онѣ какъ нибудь разнорѣчатъ,—вотъ только и всего, это и называется по просту: будь честенъ, и все будетъ отлично. Одно правило, и какое немудрое, вотъ и весь результатъ науки, вотъ и весь сводъ законовъ счастливой жизни. Да, счастливы тѣ, которые родились съ наклонностью понять это простое правило. И я довольно счастливъ въ этомъ отношеніи. Конечно, я много, вѣроятно, больше, чѣмъ натурѣ, обязанъ развитію. А постепенно это будетъ развиваться въ обычное правило, внушаемое всѣмъ воспитаніемъ, всею обстановкою жизни. Да, тогда будетъ всѣмъ легко жить на свѣтѣ, вотъ какъ теперь мнѣ. Да, я доволенъ. Надобно однако зайти къ нимъ: я не былъ ужь недѣли три. Пора, хоть это ужь и непріятно мнѣ. Меня ужь не тянетъ къ нимъ. Но пора.

Заѣду на дняхъ на полчаса. Или не отложить ли на мѣсяцъ? Кажется, можно. Да, отступленіе сдѣлано вполнѣ, маневры кончены; скрылся изъ виду, и теперь не замѣтятъ, три недѣли или три мѣсяца не былъ я у нихъ. А пріятно издали думать о людяхъ, съ которыми поступилъ честно. Отдыхаю на лаврахъ".

А Лопуховъ, еще черезъ два, три дня, тоже послѣ обѣда, входитъ въ комнату жены, беретъ на руки свою Вѣрочку, несетъ ее на ея оттоманку къ себѣ: „отдыхай здѣсь, мой другъ", и любуется на нее. Она задремала, улыбаясь; онъ сидитъ и читаетъ. А она ужь опять открыла глаза и думаетъ:

„Какъ у него убрана комната: кромѣ необходимаго, ничего нѣтъ. Нѣтъ, есть и у него свои прихоти: вотъ огромный ящикъ сигаръ, который я ему подарила въ прошломъ году, онъ еще стоитъ цѣлъ, ждетъ своего срока. Да, это его единственная прихоть, одна роскошь—сигары. Нѣтъ, вотъ и еще роскошь: фотографія этого старика; какое благородное лицо у старика, какая смѣсь незлобія и проницательности въ его глазахъ, во всемъ выраженіи лица! Сколько хлопотъ было Дмитрію достать эту фотографію. Вѣдь портретовъ Овэна нѣтъ нигдѣ, ни у кого. Писалъ три письма, двое изъ бравшихъ письма не отыскали старика, третій нашелъ, и сколько мучилъ его, пока удалась дѣйствительно превосходная фотографія, и какъ Дмитрій былъ счастливъ, когда получилъ ее, и письмо отъ „святаго старика", какъ онъ зоветъ его, письмо, въ которомъ Овэнъ хвалитъ меня, со словъ его. А вотъ и другая роскошь: мой портретъ; полгода онъ копилъ деньги, чтобы просить хорошаго живописца, и сколько они съ этимъ молодымъ живописцемъ мучили меня. Два портрета, и только. Неужели дорого стоило бы купить гравюръ и фотографій, какъ у меня? У него нѣтъ и цвѣтовъ, которыхъ такъ много въ моей комнатѣ; отчего жь ему не нужны цвѣты, а мнѣ нужны? Неужели отъ того, что я женщина? Что за пустяки! Или это отъ того, что онъ серьезный, ученый человѣкъ? Но вѣдь у Кирсанова и гравюры, и цвѣты, а онъ также серьезный и ученый человѣкъ.

„И почему ему скучно отдавать мнѣ много времени? Вѣдь я знаю, что это ему стоитъ усилія. Неужели отъ того, что онъ

серьезный и ученый человѣкъ? Но вѣдь Кирсановъ... нѣтъ, нѣтъ, онъ добрый добрый, онъ все для меня сдѣлалъ, все готовъ съ радостью для меня сдѣлать! Кто можетъ такъ любить меня, какъ онъ? И я его люблю, и я готова на все для него..."

— Вѣрочка, а ты ужь не дремлешь, мой милый другъ?

— Миленькій мой, отчего у тебя въ комнатѣ нѣтъ цвѣтовъ?

— Изволь, мой другъ, я заведу. Завтра же. Мнѣ просто не случилось подумать объ этомъ, что это хорошо. А это очень хорошо.

— И о чемъ еще просила бы я тебя: купи себѣ фотографій, или лучше, я тебѣ куплю на свои деньги и цвѣтовъ, и фотографій.

— Тогда дѣйствительно они будутъ мнѣ пріятны. Я и такъ люблю ихъ, но тогда мнѣ пріятнѣе будетъ имѣть ихъ. Но, Вѣрочка, ты была задумчива, ты думала о своемъ снѣ. Позволишь ли ты мнѣ просить тебя, чтобъ ты побольше разсказала мнѣ объ этомъ снѣ, который такъ напугалъ тебя?

— Мой милый, теперь я не думала о немъ. И мнѣ такъ тяжело вспоминать его.

— Но, Вѣрочка, быть можетъ, мнѣ полезно будетъ знать его.

— Изволь, мой милый. Мнѣ снилось, что я скучаю отъ того, что не поѣхала въ оперу, что я думаю о ней, о Бозіо; ко мнѣ пришла какая-то женщина, которую я сначала приняла за Бозіо и которая все пряталась отъ меня; она заставила меня читать мой дневникъ; тамъ было написано все только о томъ, какъ мы съ тобою любимъ другъ друга, а когда она дотрогивалась рукою до страницъ на нихъ показывались новыя слова, говорившія, что я не люблю тебя.

— Прости меня, мой другъ, что я еще спрошу тебя: ты только видѣла во снѣ?

— Милый мой, еслибъ не только, развѣ я не сказала бы тебѣ? Вѣдь я это тогда же тебѣ сказала.

Это было сказано такъ нѣжно, такъ искренно, такъ просто, что Лопуховъ почувствовалъ въ груди волненіе теплоты и сладости, котораго всю жизнь не забудетъ тотъ, кому счастье дало испытать его. О, какъ жаль, что немногіе, очень немногіе мужья могутъ знать это чувство! Всѣ радости счастливой любви ничто передъ нимъ: оно навсегда наполняетъ чистѣйшимъ до-

вольствомъ, самою святою гордостью сердце человѣка. Въ словахъ Вѣры Павловны, сказанныхъ съ нѣкоторой грустью, слышался упрекъ; но вѣдь смыслъ упрека былъ: „другъ мой, неужели ты не знаешь, что ты заслужилъ полное мое довѣріе? Жена должна скрывать отъ мужа тайныя движенія своего сердца: таковы уже тѣ отношенія, въ которыхъ они стоятъ другъ къ другу. Но ты, мой милый, держалъ себя такъ, что отъ тебя не нужно утаивать ничего, что мое сердце открыто передъ тобою, какъ передо мною самой". Это великая заслуга въ мужѣ; эта великая награда покупается только высокимъ нравственнымъ достоинствомъ; и кто заслужилъ ее, тотъ въ правѣ считать себя человѣкомъ безукоризненнаго благородства, тотъ смѣло можетъ надѣяться, что совѣсть его чиста и всегда будетъ чиста, что мужество никогда ни въ чемъ не измѣнитъ ему, что во всѣхъ испытаніяхъ, всякихъ, какихъ бы то ни было, онъ останется спокоенъ и твердъ, что судьба почти не властна надъ миромъ его души, что съ той поры, какъ онъ заслужилъ эту великую честь, до послѣдней минуты жизни, какимъ бы ударамъ ни подвергался онъ, онъ будетъ счастливъ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства. Мы теперь довольно знаемъ Лопухова, чтобы видѣть, что онъ былъ человѣкъ не сантиментальный, но онъ былъ такъ тронутъ этими словами жены, что лицо его вспыхнуло.

— Вѣрочка, другъ мой, ты упрекнула меня, — его голосъ дрожалъ, во второй разъ въ жизни и въ послѣдній разъ; въ первый разъ голосъ его дрожалъ отъ сомнѣнія въ своемъ предположеніи, что онъ отгадалъ, теперь дрожалъ отъ радости: — ты упрекнула меня, но этотъ упрекъ мнѣ дороже всѣхъ словъ любви. Я оскорбилъ тебя своимъ вопросомъ; но какъ я счастливъ, что мой дурной вопросъ далъ мнѣ такой упрекъ! Посмотри, слезы на моихъ глазахъ, съ дѣтства первыя слезы въ моей жизни!

Онъ цѣлый вечеръ не сводилъ съ нея глазъ, и ей ни разу не подумалось въ этотъ вечеръ, что онъ дѣлаетъ надъ собой усиліе, чтобы быть нѣжнымъ, и этотъ вечеръ былъ однимъ изъ самыхъ радостныхъ въ ея жизни, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ; черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ я разсказываю вамъ о ней, у ней будетъ много такихъ цѣлыхъ дней, мѣсяцевъ, годовъ: это будетъ, когда подрастутъ ея дѣти, и она будетъ видѣть

ихъ людьми достойными счастья и счастливыми. Эта радость выше всѣхъ другихъ личныхъ радостей; что во всякой другой личной радости рѣдкая, мимолетная высокость, то въ ней обыкновенный уровень каждаго обыкновеннаго дня. Но это еще въ будущемъ для нея.

XXI.

Но когда жена заснула, сидя у него на колѣняхъ, когда онъ положилъ ее на ея диванчикъ, Лопуховъ крѣпко задумался о ея снѣ. Для него дѣло было не въ томъ, любитъ ли она его; это ужь ея дѣло, въ которомъ и она не властна, и онъ, какъ онъ видитъ, не властенъ; это само собою разъяснится, объ этомъ нечего думать иначе, какъ на досугѣ, а теперь недосугъ, теперь его дѣло разобрать, изъ какого отношенія явилось въ ней предчувствіе, что она не любитъ его.

Не первый разъ онъ долго сидѣлъ въ этомъ раздумьѣ; ужь нѣсколько дней онъ видѣлъ, что не удержитъ за собою ея любви. Потеря тяжелая, но что-жь дѣлать? Еслибъ онъ могъ измѣнить свой характеръ, пріобрѣсти то влеченіе къ тихой нѣжности, какого требовала ея натура, о, тогда, конечно, было бы другое. Но онъ видѣлъ, что эта попытка напрасна. Если наклонность не дана природою или не развита жизнію независимо отъ намѣреній самаго человѣка, этотъ человѣкъ не можетъ создать ее въ себѣ усиліемъ воли, а безъ влеченія ничто не дѣлается такъ, какъ надобно. Стало быть, вопросъ о немъ рѣшенъ. На это и были потрачены прежнія раздумья. А теперь, покончивъ свое (какъ эгоистъ, всегда прежде всего думающій о себѣ, и о другихъ лишь тогда, когда уже нечего думать о себѣ), онъ могъ приняться и за чужое, то есть, за ея раздумье. Что онъ можетъ сдѣлать для нея? Она еще не понимаетъ, что въ ней происходитъ, она еще не такъ много пережила сердцемъ, какъ онъ; что-жь, вѣдь это натурально: она четырьмя годами моложе его, а въ началѣ молодости четыре года много значатъ. Не можетъ ли онъ, болѣе опытный, разобрать то, чего не умѣетъ разобрать она? Какъ же разгадать ея сонъ?

Скоро у Лопухова явилось предположеніе: причина ея мыслей должна заключаться въ томъ обстоятельствѣ, изъ котораго произошелъ ея сонъ. Въ поводѣ ко сну должна находиться какая нибудь связь съ его содержаніемъ. Она говоритъ, что скучала оттого, что не поѣхала въ оперу. Лопуховъ сталъ пересматривать свой и ея образъ жизни, и постепенно все для него прояснялось. Большую часть времени, остававшагося у нея свободнымъ, она проводила, такъ же, какъ онъ, въ одиночествѣ. Потомъ началась перемѣна: она была постоянно развлечена. Теперь опять возобновляется прежнее. Этого возобновленія она уже не можетъ принять равнодушно: оно не по ея натурѣ, оно было бы не по натурѣ и огромному большинству людей. Особенно загадочнаго тутъ нѣтъ ничего. Отъ этого было уже очень недалеко до предположенія, что разгадка всего—ея сближеніе съ Кирсановымъ, и потомъ удаленіе Кирсанова. Отчего-жь Кирсановъ удалился? Причина выставлялась сама собою: недостатокъ времени, множество занятій. Но человѣка честнаго и развитаго, опытнаго въ жизни, и въ особенности, умѣющаго пользоваться теоріею, которой держался Лопуховъ, нельзя обмануть никакими выдумками и хитростями. Онъ можетъ самъ обманываться отъ невнимательности, можетъ не обращать вниманія на фактъ: такъ и Лопуховъ ошибся, когда Кирсановъ отошелъ въ первый разъ; тогда, говоря чистую правду, ему не было выгоды, стало быть и охоты, усердно доискиваться причины, по которой удалился Кирсановъ; ему важно было только разсмотрѣть, не онъ ли виноватъ въ разрывѣ дружбы, ясно было—нѣтъ, такъ не о чемъ больше и думать; вѣдь онъ не дядька Кирсанову, не педагогъ, обязанный направлять на путь истинный стопы человѣка, который самъ понимаетъ вещи не хуже его. Да и какая ему надобность, въ сущности? Развѣ въ отношеніяхъ его съ Кирсановымъ было что-нибудь, особенно важное для него? Пока ты хорошъ и хочешь, чтобы я любилъ тебя, мнѣ очень пріятно; нѣтъ, — мнѣ очень жаль, и ступай, куда хочешь, не все ли равно мнѣ? Что однимъ глупцомъ на свѣтѣ больше или меньше, это составляетъ мало разницы. Я принималъ глупца за хорошаго человѣка, это мнѣ очень обидно, только и всего. Если наши интересы не связаны съ поступками человѣка, его поступки въ сущности очень мало занимаютъ насъ, когда мы люди серьёзные, исключая двухъ

случаевъ, которые, впрочемъ, кажутся исключеніями изъ правила только людямъ, привыкшимъ понимать слово „интересъ“ въ слишкомъ узкомъ смыслѣ обыденнаго разсчета. Первый случай—если поступки эти занимательны для насъ съ теоретической стороны, какъ психологическія явленія, объясняющія натуру человѣка, то есть, если мы имѣемъ въ нихъ умственный интересъ; другой случай — если судьба человѣка зависитъ отъ насъ, тутъ мы были бы виноваты передъ собою, при невнимательности къ его поступкамъ, то есть, если мы имѣемъ въ нихъ интересъ совѣсти. Но въ тогдашнихъ глупыхъ выходкахъ Кирсанова не было ничего такого, что не было бы извѣстно Лопухову за очень обыкновенную принадлежность нынѣшнихъ нравовъ; не рѣдкость было и то, что человѣкъ, имѣющій порядочныя убѣжденія, поддается пошлости, происходящей отъ нынѣшнихъ нравовъ. А чтобы Лопуховъ могъ играть важную роль въ судьбѣ Кирсанова, этого не могло и воображаться Лопухову; съ какой стати Кирсановъ нуждается въ его заботливости? Слѣдовательно: ступай, мой другъ, отъ меня, куда тебѣ лучше, какая мнѣ надобность думать о тебѣ? Но теперь не то: дѣйствія Кирсанова представлялись имѣющими важное отношеніе къ интересамъ женщины, которую Лопуховъ любилъ. Онъ не могъ не подумать о нихъ внимательно. А подумать внимательно о фактѣ и понять его причины, это почти одно и то же для человѣка съ тѣмъ образомъ мыслей, какой былъ у Лопухова. Лопуховъ находилъ, что его теорія даетъ безошибочныя средства къ анализу движеній человѣческаго сердца, и я, признаюсь, согласенъ съ нимъ въ этомъ; въ тѣ долгіе годы, какъ я считаю ее за истину, она ни разу не ввела меня въ ошибку, и ни разу не отказалась легко открыть мнѣ правду, какъ бы глубоко ни была затаена правда какого нибудь человѣческаго дѣла. Правда и то, что теорія эта сама-то дается не очень легко: нужно и пожить, и подумать, чтобъ умѣть понять ее.

Черезъ какіе-нибудь полчаса раздумья, для Лопухова было ясно все въ отношеніяхъ Кирсанова къ Вѣрѣ Павловнѣ. Но онъ долго все сидѣлъ и думалъ все о томъ же: разъяснять-то предметъ было уже нечего, но занимателенъ былъ онъ; открытіе было сдѣлано въ полной законченности всѣхъ подробностей, но было такъ любопытно, что довольно долго не дало уснуть.

Однако, что-жь въ самомъ дѣлѣ разстраивать свои нервы безсонницею? вѣдь ужь три часа. Если не спится, надобно принять морфія, онъ принялъ двѣ пилюли, „вотъ только взгляну на Вѣрочку“. Но вмѣсто того, чтобы подойти и взглянуть, онъ пододвинулъ свои кресла къ ея диванчику и усѣлся въ нихъ, взялъ ея руку и поцаловалъ. „Миленькій мой, ты заработался, все для меня; какой ты добрый, какъ я люблю тебя“, проговорила она сквозь сонъ. Противъ морфія въ достаточномъ количествѣ не устоитъ никакое крушеніе духа; на этотъ разъ двухъ пилюль оказалось достаточно, вотъ ужь одолѣваетъ дремота. Слѣдовательно, крушеніе души своею силою приблизительно равнялось, по матеріалистическому взгляду Лопухова, четыремъ стаканамъ крѣпкаго кофе, противъ которыхъ Лопухову также было мало одной пилюли, а трехъ пилюль много. Онъ заснулъ, смѣясь надъ этимъ сравненіемъ.

XXII.

Теоретическій разговоръ.

На другой день, Кирсановъ только что разлегся было сибаритски съ сигарою читать для отдыха послѣ своего поздняго обѣда по возвращеніи изъ госпиталя, какъ вошелъ Лопуховъ.

— Не во время гость — хуже татарина, сказалъ Лопуховъ шутливымъ тономъ, но тонъ выходилъ не совсѣмъ удачно шутливъ.—Я тревожу тебя, Александръ; но ужь такъ и быть, потревожься. Мнѣ надобно поговорить съ тобою серьезно. Хотѣлось поскорѣе, утромъ проспалъ, не засталъ бы. Лопуховъ говорилъ уже безъ шутки. „Что это значитъ? Неужели догадался?“ подумалъ Кирсановъ.—Поговоримъ-ко, продолжалъ Лопуховъ, усаживаясь. Погляди мнѣ въ глаза.

„Да, онъ говоритъ объ *этомъ*, нѣтъ никакого сомнѣнія“.—Слушай, Дмитрій, сказалъ Кирсановъ еще болѣе серьезнымъ тономъ:—мы съ тобою друзья. Но есть вещи, которыхъ не должны дозволять себѣ и друзья. Я прошу тебя прекратить этотъ разговоръ. Я не расположенъ теперь къ серьезнымъ разговорамъ. И никогда не бываю расположенъ. Глаза Кирсанова смотрѣли при-

стально и враждебно, какъ будто передъ нимъ человѣкъ, котораго онъ подозрѣваетъ въ намѣреніи совершить злодѣйство.

— Нельзя не говорить, Александръ, продолжалъ Лопуховъ спокойнымъ, но нѣсколько, чуть, чуть глухимъ голосомъ: — я понялъ твои маневры.

— Молчи. Я запрещаю тебѣ говорить, если не хочешь имѣть меня вѣчнымъ своимъ врагомъ, если не хочешь потерять мое уваженіе.

— Ты когда-то не боялся терять мое уваженіе, — помнишь? Теперь вѣдь ясно все. Я тогда не обратилъ вниманія.

— Дмитрій, я прошу тебя уйти, или я ухожу.

— Не можешь уйти. Ты какъ полагаешь, твоими интересами я занятъ?

Кирсановъ молчалъ.

— Мое положеніе выгодно. Твое въ разговорѣ со мною — нѣтъ. Я представляюсь совершающимъ подвигъ благородства. Но это все вздоръ. Мнѣ нельзя иначе поступать, по здравому смыслу. Я прошу тебя, Александръ, прекратить твои манёвры. Они не ведутъ ни къ чему.

— Какъ? Неужели было ужь поздно? Прости меня, быстро проговорилъ Кирсановъ, и самъ не могъ отдать себѣ отчета, радость или огорченіе взволновало его отъ этихъ словъ „они не ведутъ ни къ чему“.

— Нѣтъ, ты не такъ меня понялъ. Не было поздно. До сихъ поръ еще нѣтъ ничего. Что будетъ, мы увидимъ. Но теперь еще нечего видѣть. Впрочемъ, Александръ, я не понимаю, о чемъ ты говоришь, и ты точно такъ же не знаешь, о чемъ я говорю; мы не понимаемъ другъ друга,—правда? Намъ и не за чѣмъ понимать другъ друга,—такъ? Тебѣ эти загадки, которыхъ ты не понимаешь, непріятны. Ихъ не было. Я ничего не говорилъ. Я не имѣю ничего сказать тебѣ. Давай сигару: я свои забылъ, въ разсѣянности. Закурю, и начнемъ разсуждать объ ученыхъ вопросахъ, я только за этимъ и пришелъ,—заняться, отъ нечего дѣлать, ученой болтовней. Какъ ты думаешь объ этихъ странныхъ опытахъ искусственнаго произведенія бѣлковины?—Лопуховъ пододвинулъ къ одному креслу другое, чтобы положить на него ноги, поспокойнѣе усѣлся, закуривая сигару и продолжая

свою рѣчь:—по моему, это великое открытіе, если оправдается. Ты повторялъ опыты?

— Нѣтъ, но надобно.

— Какъ ты счастливъ, что въ твоемъ распоряженіи порядочная лабораторія. Пожалуйста, повтори, повтори повнимательнѣе. Вѣдь полный переворотъ всего вопроса о пищѣ, всей жизни человѣчества,—фабричное производство главнаго питательнаго вещества прямо изъ неорганическихъ веществъ. Величайшее дѣло, стоитъ Ньютонова открытія. Ты согласенъ?

— Конечно. Только сильно сомнѣваюсь въ точности опытовъ. Раньше или позже, мы до этого дойдемъ, несомнѣнно; къ тому идетъ наука, это ясно. Но теперь едва ли еще дошли.

— Ты такъ думаешь? И я точно также. Значитъ, нашъ разговоръ конченъ. До свиданія, Александръ. Но, прощаясь, я прошу тебя бывать у насъ часто, по прежнему. До свиданія.

Глаза Кирсанова, все время враждебно и пристально смотрѣвшіе на Лопухова, засверкали негодованьемъ.—Ты, кажется, хочешь, Дмитрій, чтобъ я такъ и остался съ мнѣніемъ, что у тебя низкія мысли.

— Вовсе я не хочу этого. Но ты долженъ бывать у насъ. Что тутъ особеннаго? Вѣдь мы же съ тобою пріятели. Что особеннаго въ моей просьбѣ?

— Я не могу Ты затѣваешь дѣло безразсудное, поэтому гадкое.

— Я не понимаю, о какомъ ты дѣлѣ говоришь, и долженъ тебѣ сказать, что этотъ разговоръ мнѣ вовсе не нравится, какъ тебѣ не нравился за двѣ минуты.

— Я требую объясненія, Дмитрій.

— Не за чѣмъ. Ничего нѣтъ, и объяснять нечего, и понимать нечего. Вздоръ тебя горячитъ, только.

— Нѣтъ, я не могу такъ отпустить тебя. Кирсановъ взялъ за руку Лопухова, хотѣвшаго уходить.—Садись. Ты началъ говорить, когда не было нужно. Ты требуешь отъ меня Богъ знаетъ чего. Ты долженъ выслушать.

Лопуховъ сѣлъ.

— Какое право имѣешь ты, началъ Кирсановъ голосомъ еще сильнѣйшаго негодованія, чѣмъ прежде: — какое право имѣешь ты требовать отъ меня того, что для меня тяжело? Чѣмъ я

обязанъ передъ тобою? И къ чему это? Это нелѣпость. Постарайся выбить романическія бредни изъ твоей головы. То, что мы съ тобою признаемъ за нормальную жизнь, будетъ такъ, когда перемѣнятся понятія, обычаи общества. Оно должно перевоспитаться, это такъ. Оно и перевоспитывается развитіемъ жизни. Кто перевоспитался, помогаетъ другимъ, это такъ. Но пока оно еще не перевоспиталось, не перемѣнилось совершенно, ты не имѣешь права рисковать чужою судьбою. Вѣдь это страшная вещь, ты понимаешь ли, или сошелъ съ ума?

— Нѣтъ, я ничего не понимаю, Александръ. Я не знаю, о чемъ ты толкуешь. Тебѣ угодно видѣть какой-то удивительный смыслъ въ простой просьбѣ твоего пріятеля, чтобы ты не забывалъ его, потому что ему пріятно видѣть тебя у себя. Я не понимаю, отъ чего тутъ приходить въ азартъ.

— Нѣтъ, Дмитрій, въ такомъ разговорѣ ты не отдѣлаешься отъ меня шутя. Надобно показать тебѣ, что ты сумашедшій, задумавшій гадкое дѣло. Мало ли чего мы съ тобою не признаемъ? Мы не признаемъ, что пощочина имѣетъ въ себѣ что-нибудь безчестящее,— это глупый предразсудокъ, вредный предразсудокъ, больше ничего. Но имѣешь ли право теперь подвергать мужчину тому, чтобъ онъ получилъ пощочину? вѣдь это было бы съ твоей стороны низкимъ злодѣйствомъ, вѣдь ты отнялъ бы спокойствіе жизни у человѣка. Понимаешь ли ты это, глупецъ? Понимаешь ли ты, что если я люблю этого человѣка, а ты требуешь, чтобъ я далъ ему пощочину, которая и по моему, и по твоему вздоръ, пустяки,—понимаешь ли, что если ты требуешь этого, я считаю тебя дуракомъ и низкимъ человѣкомъ, а если ты заставляешь меня сдѣлать это, я убью тебя или себя, смотря по тому, чья жизнь менѣе нужна,—убью тебя или себя, а не сдѣлаю этого? Понимаешь ли это, глупецъ? Я говорю о мужчинѣ и пощечинѣ, которая глупость, но которая пока отнимаетъ спокойствіе жизни у мужчины. Кромѣ мужчинъ, есть на свѣтѣ женщины, которыя тоже люди; кромѣ пощечины, есть другіе вздоры, по нашему съ тобою и по правдѣ вздоры, но которые тоже отнимаютъ спокойствіе жизни у людей. Понимаешь ли ты, что подвергать какого-нибудь человѣка,—ну хоть женщину, какому-нибудь изъ этихъ по нашему съ тобою и по правдѣ вздоровъ,—ну, какому, нибудь, все равно, понимаешь ли ты, что подвергать этому гадко,

гнусно, безчестно? Слышишь, я говорю, что у тебя безчестныя мысли.

— Другъ мой, ты говоришь совершенную правду о томъ, что честно и безчестно. Но только я не знаю, къ чему ты говоришь ее, и не понимаю, какое отношеніе можетъ она имѣть ко мнѣ. Я ровно ничего тебѣ не говорилъ, ни о какомъ намѣреніи рисковать спокойствіемъ жизни, чьей бы то ни было, ни о чемъ подобномъ. Ты фантазируешь, и больше ничего. Я прошу тебя, своего пріятеля, не забывать меня, потому что мнѣ, какъ твоему пріятелю, пріятно проводить время съ тобою,—только. Исполнишь ты мою пріятельскую просьбу?

— Она безчестна, я сказалъ тебѣ. А я не дѣлаю безчестныхъ дѣлъ.

— Это похвально, что не дѣлаешь. Но ты разгорячился изъза какихъ-то фантазій и пустился въ теорію; тебѣ хочется, видно, теоретизировать попусту, безъ всякаго примѣненія къ дѣлу. Давай, и я стану также теоретизировать, тоже совершенно попусту, я предложу тебѣ вопросъ, нисколько не относящійся ни къ чему, кромѣ разъясненія отвлеченной истины, безъ всякаго примѣненія къ кому бы то ни было. Если кто-нибудь, безъ непріятности себѣ, можетъ доставить удовольствіе человѣку, то разсчетъ, по моему мнѣнію, требуетъ, чтобы онъ доставилъ его ему, потому что онъ самъ получитъ отъ этого удовольствіе. Такъ ли?

— Это вздоръ, Дмитрій, ты говоришь не то.

— Я ничего не говорю, Александръ; я только занимаюсь теоретическими вопросами. Вотъ еще одинъ. Если въ комъ нибудь пробуждается какая-нибудь потребность,—ведетъ къ чему-нибудь хорошему наше стараніе заглушить въ немъ эту потребность? Какъ по твоему? Не такъ ли вотъ: нѣтъ, такое стараніе не ведетъ ни къ чему хорошему. Оно приводитъ только къ тому, что потребность получаетъ утрированный размѣръ,—это вредное, или фальшивое направленіе, — это и вредно и гадко, или, заглушаясь, заглушаетъ съ тобою и жизнь,—это жаль.

— Дѣло не въ томъ, Дмитрій. Я поставлю этотъ теоретическій вопросъ въ другой формѣ: имѣетъ ли кто-нибудь право подвергать человѣка риску, если человѣку и безъ риска хорошо? Будетъ время, когда всѣ потребности натуры каждаго человѣка

будутъ удовлетворяться вполнѣ, это мы съ тобою знаемъ; но мы оба одинаково твердо знаемъ, что это время еще не пришло. Теперь благоразумный человѣкъ доволенъ тѣмъ, если ему привольно жить, хотя бы не всѣ стороны его натуры развивались тѣмъ положеніемъ, въ которомъ ему привольно жить. Я предположу, въ смыслѣ отвлеченной гипотезы, что существуетъ такой благоразумный человѣкъ. Предположу, что этотъ человѣкъ — женщина; предположу, опять-таки въ смыслѣ отвлеченной гипотезы, что это предположеніе, въ которомъ ему привольно жить— замужество; предположу, что онъ доволенъ этимъ положеніемъ, и говорю: при такихъ данныхъ по этой отвлеченной гипотезѣ, кто имѣетъ право подвергать этого человѣка риску потерять хорошее, которымъ онъ доволенъ, чтобы посмотрѣть, не удастся ли этому человѣку пріобрѣсти лучшее, безъ котораго ему легко обойтись? Золотой вѣкъ—онъ будетъ, Дмитрій, это мы знаемъ, но онъ еще впереди. Желѣзный проходитъ, почти прошелъ, но золотой еще не насталъ. Если бы, по моей отвлеченной гипотезѣ, какая-нибудь сильная потребность этого человѣка, — предположимъ, вѣдь это только для примѣра, потребность любви — совершенно не удовлетворилась, или удовлетворилась плохо, я ни, чего не говорилъ бы противъ риска, предпринимаемаго имъ самимъ, но только противъ такого риска, а никакъ не противъ риска, навлекаемаго на него кѣмъ-нибудь постороннимъ. А если этотъ человѣкъ находитъ все-таки хорошее удовлетвореніе своей потребности, то и самъ онъ не долженъ рисковать; я предположу, въ смыслѣ отвлеченномъ, что онъ не хочетъ рисковать, и говорю: онъ правъ и благоразуменъ, что не хочетъ рисковать, и говорю: дурно и безумно поступитъ тотъ, кто станетъ его, нежелающаго рисковать, подвергать риску. Что ты можешь возразить противъ этого гипотическаго вывода? Ничего. Пойми же, что ты не имѣешь права.

— Я на твоемъ мѣстѣ, Александръ, говорилъ бы то же, что ты; я, какъ ты, говорю только для примѣра, что у тебя есть какое-нибудь мѣсто въ этомъ вопросѣ; я знаю, что онъ никого изъ насъ не касается, мы говоримъ только, какъ ученые, о любопытныхъ сторонахъ общихъ научныхъ воззрѣній, кажущихся намъ справедливыми; по этимъ воззрѣніямъ, каждый судитъ о всякомъ дѣлѣ съ своей точки зрѣнія, опредѣляющейся его лич-

ными отношеніями къ дѣлу, я только въ этомъ смыслѣ и говорю, что на твоемъ мѣстѣ сталъ бы говорить точно такъ же, какъ ты. Ты на моемъ мѣстѣ говорилъ бы точно такъ же, какъ я. Съ общей научной точки зрѣнія вѣдь это безспорная истина. А на мѣстѣ В есть В; если бы на мѣстѣ В не было В, то оно еще не было бы на мѣстѣ В, ему еще не доставало бы чего-нибудь, чтобы быть на мѣстѣ В,—такъ вѣдь? Слѣдовательно, тебѣ противъ этого возразить нечего, какъ мнѣ нечего возразить противъ твоихъ словъ. Но я, по твоему примѣру, построю свою гипотезу, тоже отвлеченную, не имѣющую никакого примѣненія ни къ кому. Прежде положимъ, что существуютъ три человѣка, — предположеніе, не заключающее въ себѣ ничего невозможнаго, — предположимъ, что у одного изъ нихъ есть тайна, которую онъ желалъ бы скрыть и отъ второго, и въ особенности отъ третьяго; предположимъ, что второй угадываетъ эту тайну перваго, и говоритъ ему: дѣлай то, о чемъ я прошу тебя, или я открою твою тайну третьему. Какъ ты думаешь объ этомъ случаѣ?

Кирсановъ нѣсколько поблѣднѣлъ и долго крутилъ усы.— Дмитрій, ты поступаешь со мною дурно, произнесъ онъ наконецъ.

— А очень мнѣ нужно съ тобою-то поступать хорошо,—ты для меня интересенъ, что ли? И притомъ, я не понимаю, о чемъ ты говоришь. Мы говорили съ тобою, какъ ученый съ ученымъ, предлагали другъ другу разныя ученыя, отвлеченныя задачи; мнѣ наконецъ удалось предложить тебѣ такую, надъ которою ты задумался, и мое ученое самолюбіе удовлетворено. Потому я прекращаю этотъ теоретическій разговоръ. У меня много работы, не меньше, чѣмъ у тебя, и такъ, до свиданія. Кстати, чуть не забылъ: такъ ты, Александръ, исполнишь мою просьбу бывать у насъ, твоихъ добрыхъ пріятелей, которые всегда рады тебя видѣть, бывать такъ же часто, какъ въ прошлые мѣсяцы? Лопуховъ всталъ.

Кирсановъ сидѣлъ, разсматривая свои пальцы, будто каждый изъ нихъ — отвлеченная гипотеза. — Ты дурно поступаешь со мною, Дмитрій. Я не могу не исполнить твоей просьбы. Но въ свою очередь, я налагаю на тебя одно условіе. Я буду бывать у васъ; но если я отправлюсь изъ твоего дома не одинъ, ты

обязанъ сопровождать меня повсюду, и чтобъ я не имѣлъ надобности звать тебя, — слышишь? — самъ ты, безъ моего зова. Безъ тебя я никуда ни шагу, ни въ оперу, ни къ кому изъ знакомыхъ, никуда.

— Не обидно ли мнѣ это условіе, Александръ? Что ты, по моему мнѣнію, воръ, что ли?

— Не въ томъ смыслѣ я говорилъ. Я такой обиды не нанесу тебѣ, чтобъ думать, что ты можешь почесть меня за вора. Свою голову я отдалъ бы въ твои руки безъ раздумья. Надѣюсь, имѣю право ждать этого и отъ тебя. Но о чемъ я думаю, то мнѣ знать. А ты дѣлай, и только.

— Теперь знаю и я. Да, ты много сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ. Теперь хочешь еще заботливѣе хлопотать объ этомъ. Что жь, въ этомъ случаѣ, ты правъ. Да, меня надобно принуждать. Но, какъ я ни благодаренъ тебѣ, мой другъ, изъ этого ничего не выйдетъ. Я самъ пробовалъ принуждать себя. У меня тоже есть воля, какъ и у тебя, не хуже твоего маневрировалъ. Но то, что дѣлается по разсчету, по чувству долга, по усилію воли, а не по влеченію натуры, выходитъ безжизненно. Только убивать что-нибудь можно этимъ средствомъ, какъ ты и дѣлалъ надъ собою, а дѣлать живое — нельзя. Лопуховъ расчувствовался отъ словъ Кирсанова: „но о чемъ я думаю, то мнѣ знать“. — Благодарю тебя, мой другъ. А что, мы съ тобою никогда не цаловались, можетъ быть, теперь и есть у тебя охота?

Если бы Лопуховъ разсмотрѣлъ свои дѣйствія въ этомъ разговорѣ, какъ теоретикъ, онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ бы: „А какъ, однако же, вѣрна теорія: эгоизмъ играетъ человѣкомъ. Вѣдь самое-то главное и утаилъ, „предположимъ, что этотъ человѣкъ доволенъ своимъ положеніемъ“; вотъ тутъ-то вѣдь и надобно было бы сказать: „Александръ, предположеніе твое невѣрно“, а я промолчалъ, потому что мнѣ невыгодно сказать это. Пріятно человѣку, какъ теоретику, наблюдать, какія штуки выкидываетъ его эгоизмъ на практикѣ. Отступаешься отъ дѣла потому, что дѣло пропащее для тебя, а эгоизмъ повертываетъ твои жесты такъ, что ты корчишь человѣка, совершающаго благородный подвигъ.

Если бы Кирсановъ разсмотрѣлъ свои дѣйствія въ этомъ разговорѣ какъ теоретикъ, онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ бы: „А какъ, однако же, вѣрна теорія; самому хочется сохранить свое спокойствіе, возлежать на лаврахъ, а толкую о томъ, что, дескать, ты не имѣешь права рисковать спокойствіемъ женщины; а это (ты понимай ужь самъ) обозначаетъ, что, дескать, я дѣйствительно совершалъ надъ собою подвиги благородства, къ собственному сокрушенію, для спокойствія нѣкотораго лица и для твоего мой другъ; а потому и преклонись передъ величіемъ души моей. Пріятно человѣку, какъ теоретику, наблюдать, какія штуки выкидываетъ его эгоизмъ на практикѣ. Отступался отъ дѣла, чтобы не быть дуракомъ и подлецомъ, и возликовалъ отъ этого, будто совершилъ геройскій подвигъ великодушнаго благородства; не поддаешься съ перваго слова зову, чтобы опять не хлопотать надъ собою и чтобы не лишиться этого сладкаго ликованія своимъ благородствомъ, а эгоизмъ повертываетъ твои жесты такъ, что ты корчишь человѣка, упорствующаго въ благородномъ подвижничествѣ“.

Но ни Лопухову, ни Кирсанову недосугъ было стать теоретиками и дѣлать эти пріятныя наблюденія: практика-то приходилась для обоихъ довольно тяжеловатая.

XXIII.

Возобновленіе частыхъ посѣщеній Кирсанова объяснялось очень натурально: мѣсяцевъ пять, онъ былъ отвлеченъ отъ занятій и запустилъ много работы,—потому мѣсяца полтора приходилось ему сидѣть надъ нею, не разгибая спины. Теперь онъ справился съ запущенною работою и можетъ свободнѣе располагать своимъ временемъ. Это было такъ ясно, что почти не приходилось и объяснять.

Оно, дѣйствительно, было ясно и прекрасно, и не возбудило никакихъ мыслей въ Вѣрѣ Павловнѣ. И съ другой стороны, Кирсановъ выдерживалъ свою роль съ прежнею безукоризненною артистичностію. Онъ боялся, что когда придетъ къ Лопуховымъ послѣ ученаго разговора съ своимъ другомъ, то нѣсколько опростоволосится: или покраснѣетъ отъ волненія, когда въ первый

разъ взглянетъ на Вѣру Павловну, или слишкомъ замѣтно будетъ избѣгать смотрѣть на нее, или что-нибудь такое; нѣтъ, онъ остался, и имѣлъ полное право остаться доволенъ собою за минуту встрѣчи съ ней; пріятная дружеская улыбка человѣка, который радъ, что возвращается къ старымъ пріятелямъ, отъ которыхъ долженъ былъ оторваться на нѣсколько времени, спокойный взглядъ, бойкій и беззаботный разговоръ человѣка, не имѣющаго на душѣ никакихъ мыслей, кромѣ тѣхъ, которыя безпечно говоритъ онъ, — если бы вы были самая злая сплетница и смотрѣли на него съ величайшимъ желаніемъ найти что-нибудь не такъ, вы все-таки не увидѣли бы въ немъ ничего другаго, кромѣ какъ человѣка, который оченъ радъ, что можетъ, отъ нечего дѣлать, пріятно убить вечеръ въ обществѣ хорошихъ знакомыхъ.

А если первая минута была такъ хорошо выдержана, то что значило выдерживать себя хорошо въ остальной вечеръ? А если первый вечеръ онъ умѣлъ выдержать, то трудно ли было выдерживать себя во всѣ слѣдующіе вечера? Ни одного слова, которое не было бы совершенно свободно и беззаботно, ни одного взгляда, который не былъ бы хорошъ и простъ, прямъ и дружественъ, и только.

Но если онъ держалъ себя не хуже прежняго, то глаза, которые смотрѣли на него, были расположены замѣчать многое, чего и не могли бы видѣть никакіе другіе глаза, — да, никакіе другіе не могли бы замѣтить: самъ Лопуховъ, котораго Марья Алексѣвна признала рожденнымъ идти по откупной части, удивлялся непринужденности, которая ни на одинъ мигъ не измѣнила Кирсанову, и получалъ, какъ теоретикъ, большое удовольствіе отъ наблюденій, противъ воли заинтересовавшихъ его психологическою замѣчательностью этого явленія съ научной точки зрѣнія. Но гостья не даромъ пѣла и заставляла читать днев никъ. Слишкомъ зорки становятся глаза, когда гостья шепчетъ на ухо.

Даже и эти глаза не могли увидѣть ничего, но гостья шептала: нельзя ли увидѣть тутъ вотъ это, хотя тутъ этого вовсе нѣтъ, какъ я сама вижу, а все-таки попробуемъ посмотрѣть; и глаза всматривались, и хоть ничего не видѣли, но и того, что

всматривались глаза, уже было довольно, чтобы глаза замѣтили: тутъ что-то не такъ.

Вотъ, напримѣръ, Вѣра Павловна съ мужемъ и съ Кирсановымъ отправляются на маленькій очередной вечеръ къ Мерцаловымъ. Отчего Кирсановъ не вальсируетъ на этой безцеремонной вечеринкѣ, на которой самъ Лопуховъ вальсируетъ, потому что здѣсь общее правило: если ты семидесятилѣтній старикъ, но попался сюда, изволь дурачиться вмѣстѣ въ другими; вѣдь здѣсь никто ни на кого не смотритъ, у каждаго одна мысль—побольше шуму, побольше движенья, то есть побольше веселья каждому и всѣмъ, — отчего же Кирсановъ не вальсируетъ? Онъ началъ вальсировать; но отчего онъ нѣсколько минутъ не начиналъ? Неужели стоило нѣсколько минутъ думать о томъ, начинать или не начинать такое важное дѣло? Если бы онъ не сталъ вальсировать, дѣло было бы на половину открыто тутъ же. Если бы онъ сталъ вальсировать, и не вальсировалъ бы съ Вѣрою Павловною, дѣло вполнѣ раскрылось бы тутъ же. Но онъ былъ слишкомъ ловкій артистъ въ своей роли, ему не хотѣлось вальсировать съ Вѣрою Павловною, но онъ тотчасъ же понялъ, что это было бы замѣчено, потому отъ недолгаго колебанья, не имѣвшаго никакого видимаго отношенія ни къ Вѣрѣ Павловнѣ, ни къ кому на свѣтѣ, остался въ ея памяти только маленькій, самый легкій вопросъ, который самъ по себѣ остался бы незамѣтенъ даже для нея, несмотря на шепотъ гостьи-пѣвицы, если бы та же гостья не нашептывала безчисленное множество такихъ же самыхъ маленькихъ, самыхъ ничтожныхъ вопросовъ.

Почему, напримѣръ, когда они, возвращаясь отъ Мерцаловыхъ, условливались на другой день ѣхать въ оперу на „Пуританъ“, и когда Вѣра Павловна сказала мужу: „Миленькій мой, ты не любишь этой оперы, ты будешь скучать, я поѣду съ Александромъ Матвѣичемъ; вѣдь ему всякая опера наслажденье: кажется, если бы я или ты написали оперу, онъ и ту сталъ бы слушать“, почему Кирсановъ не поддержалъ мнѣнія Вѣры Павловны, не сказалъ, что „въ самомъ дѣлѣ, Дмитрій, я не возьму тебѣ билета“, почему это? То, что „миленькій“ все-таки ѣдетъ, это, конечно, не возбуждаетъ вопроса: вѣдь онъ повсюду провожаетъ жену съ той поры, какъ она разъ его попросила: „отдавай мнѣ больше времени“, съ той поры никогда не забывалъ

этого, стало быть, ничего, что онъ ѣдетъ, это значитъ все только одно и то же, что онъ добрый, и что его надобно любить, все такъ, но вѣдь Кирсановъ не знаетъ этой причины, почему жь онъ не поддержалъ мнѣнія Вѣры Павловны? конечно, это пустяки, почти не замѣченные, и Вѣра Павловна почти не помнитъ ихъ, но эти незамѣтныя песчинки все падаютъ и падаютъ на чашку вѣсовъ, хоть были незамѣтны. А напримѣръ, такой разговоръ уже не пе́счинка, а крупное зерно:

На другой день, когда ѣхали въ оперу въ извозчичьей каретѣ (это вѣдь дешевле, чѣмъ два извозчика), между другимъ разговоромъ сказали нѣсколько словъ и о Мерцаловыхъ, у которыхъ были наканунѣ, похвалили ихъ согласную жизнь, замѣтили, что это рѣдкость; это говорили всѣ, въ томъ числѣ Кирсановъ сказалъ: „да, въ Мерцаловѣ очень хорошо и то, что жена можетъ свободно раскрывать ему свою душу“, только и сказалъ Кирсановъ, и каждый изъ нихъ троихъ думалъ сказать то же самое, но случилось сказать Кирсанову; однако, зачѣмъ онъ сказалъ это? Что это такое значитъ? Вѣдь если понять это съ извѣстной стороны, это будетъ что такое? Это будетъ похвала Лопухову, это будетъ прославленіе счастья Вѣры Павловны съ Лопуховымъ; конечно, это можно было сказать, не думая ровно ни о комъ, кромѣ Мерцаловыхъ, а если предположить, что онъ думалъ и о Мерцаловыхъ, и вмѣстѣ о Лопуховыхъ, тогда это, значитъ, сказано прямо для Вѣры Павловны, съ какою же цѣлью это сказано?

Это всегда такъ бываетъ: если явилось въ человѣкѣ настроеніе искать чего-нибудь, онъ во всемъ находитъ то, чего ищетъ; пусть не будетъ никакого слѣда, а онъ такъ вотъ и видитъ ясный слѣдъ; пусть не будетъ и тѣни, а онъ все-таки видитъ не только тѣнь того, что ему нужно, но и все, что ему нужно, видитъ въ самыхъ несомнѣнныхъ чертахъ, и эти черты съ каждымъ новымъ взглядомъ, съ каждою новою мыслью его дѣлаются все яснѣе.

А тутъ, кромѣ того, дѣйствительно былъ очень осязательный фактъ, который таилъ въ себѣ очень полную разгадку дѣла: ясно, что Кирсановъ уважаетъ Лопуховыхъ; зачѣмъ же онъ слишкомъ на два года расходился съ ними? Ясно, что онъ человѣкъ вполнѣ порядочный; какимъ же образомъ произошло тогда, что

онъ выставился человѣкомъ пошлымъ? Пока Вѣрѣ Павловнѣ не было надобности думать объ этомъ, она и не думала, какъ не думалъ Лопуховъ, а теперь ее влекло думать.

XXIV.

Медленно, незамѣтно для нея самой зрѣло въ ней это открытіе. Все наконлялись мелкія, почти забывающіяся впечатлѣнія словъ и поступковъ Кирсанова, на которыя никто другой не обратилъ бы вниманія, которыя ею самою почти не были видимы, а только предполагались, подозрѣвались; медленно росла занимательность вопроса: почему онъ почти три года избѣгалъ ея? медленно укрѣплялась мысль: такой человѣкъ не могъ удалиться изъ-за мелочнаго самолюбія, котораго въ немъ рѣшительно нѣтъ; и за всѣмъ этимъ, неизвѣстно къ чему думающимся, еще смутнѣе и медленнѣе поднималась изъ нѣмой глубины жизни въ сознаніе мысль: почему жь я о немъ думаю? Что онъ такое для меня?

И вотъ, однажды послѣ обѣда, Вѣра Павловна сидѣла въ своей комнатѣ, шила и думала, и думала очень спокойно, и думала вовсе не о томъ, а такъ, объ разной разности и по хозяйству, и по мастерской, и по своимъ урокамъ, и постепенно, постепенно мысли склонялись къ тому, о чемъ, неизвѣстно почему, все чаще и чаще ей думалось; явились воспоминанія, вопросы мелкіе, немногіе росли, умножались, и вотъ они тысячами роятся въ ея мысляхъ, и все ростутъ, ростутъ, и все сливаются въ одинъ вопросъ, форма котораго все проясняется: что жь это такое со мною? о чемъ я думаю, что я чувствую? и пальцы Вѣры Павловны забываютъ шить, и шитье опустилось изъ опустившихся рукъ, и Вѣра Павловна немного поблѣднѣла, вспыхнула, поблѣднѣла больше, огонь коснулся ея запылавшихъ щекъ,—мигъ, и онѣ побѣлѣли, какъ снѣгъ, она съ блуждающими глазами уже бѣжала въ комнату мужа, бросилась на колѣни къ нему, судорожно обняла его, положила голову къ нему на плечо, чтобы поддержало оно ея голову, чтобы скрыло оно лицо ея, задыхающимся голосомъ проговорила: „Милый мой, я люблю его“, и зарыдала.

— Что жь такое, моя милая? Чѣмъ же тутъ огорчаться тебѣ?

— Я не хочу обижать тебя, мой милый, я хочу любить тебя.

— Постарайся, посмотри. Если можешь, прекрасно. Успокойся, дай идти времени и увидишь, что можешь и чего не можешь. Вѣдь ты ко мнѣ очень сильно расположена, какъ же ты можешь обидѣть меня? Онъ гладилъ ея волоса, цѣловалъ ея голову, пожималъ ея руку. Она долго не могла остановиться отъ судорожныхъ рыданій, но постепенно успокоивалась. А онъ уже давно былъ приготовленъ къ этому признанію, потому и принялъ его хладнокровно, а впрочемъ, вѣдь ей не видно было его лица.

— Я не хочу съ нимъ видѣться, я скажу ему, чтобы онъ пересталъ бывать у насъ, говорила Вѣра Павловна.

— Какъ сама разсудишь, мой другъ, какъ лучше для тебя, такъ и сдѣлаешь. А когда ты успокоишься, мы посовѣтуемся. Вѣдь мы съ тобою, что бы ни случилось, не можемъ не быть друзьями? Дай руку, пожми мою, видишь, какъ хорошо жмешь. Каждое изъ этихъ словъ говорилось послѣ долгаго промежутка, а промежутки были наполнены тѣмъ, что онъ гладилъ ея волоса, ласкалъ ее, какъ братъ огорченную сестру.—Помнишь, мой другъ, что ты мнѣ сказала, когда мы стали женихъ и невѣста? „ты выпускаешь меня на волю!“ Опять молчанье и ласки.—Помнишь, какъ мы съ тобою говорили въ первый разъ, что значитъ любить человѣка? Это значитъ радоваться тому, что хорошо для него, имѣть удовольствіе въ томъ, чтобы дѣлать все, что нужно, чтобы ему было лучше, такъ? Опять молчаніе и ласки.—Что тебѣ лучше, то и меня радуетъ. Но ты посмотришь, какъ тебѣ лучше. Зачѣмъ же огорчаться? Если съ тобою нѣтъ бѣды, какая бѣда можетъ быть со мною?

Въ этихъ отрывочныхъ словахъ, повторявшихся по многу разъ съ обыкновенными легкими варіаціями повтореній, прошло много времени, одинаково тяжелаго и для Лопухова и для Вѣры Павловны. Но, постепенно успокоиваясь, Вѣра Павловна стала наконецъ дышать легче. Она обнимала мужа крѣпко, крѣпко, и твердила: „Я хочу любить тебя, мой милый, тебя одного, не хочу любить никого, кромѣ тебя“.

Онъ не говорилъ ей, что это ужь не въ ея власти: надобно было дать пройти времени, чтобы силы ея возстановились успо-

коеніемъ на одной какой-нибудь мысли,—какой, все равно. Лопуховъ успѣлъ написать и отдать Машѣ записку къ Кирсанову, на случай, если онъ пріѣдетъ. „Александръ, не входи теперь, и не пріѣзжай до времени, особеннаго ничего нѣтъ, и не будетъ, только надобно отдохнуть". Надобно отдохнуть, и нѣтъ ничего особеннаго,—хорошо сочетаніе словъ. Кирсановъ былъ, прочиталъ записку, сказалъ Машѣ, что онъ за нею только и заѣзжалъ, а что теперь войти ему некогда, ему нужно въ другое мѣсто, а заѣдетъ онъ на возвратномъ пути, когда исполнитъ порученіе по этой запискѣ.

Вечеръ прошелъ спокойно, повидимому. Половину времени Вѣра Павловна тихо сидѣла въ своей комнатѣ одна, отсылая мужа, половину времени онъ сидѣлъ подлѣ нея и успокоивалъ ее все тѣми же немногими словами, конечно больше не словами, а тѣмъ, что голосъ его былъ ровенъ и спокоенъ, разумѣется, не Богъ знаетъ какъ веселъ, но и не грустенъ, развѣ нѣсколько выражалъ задумчивость, и лицо также. Вѣра Павловна, слушая такіе звуки, смотря на такое лицо, стала думать, не вовсе, а нѣсколько, нѣтъ, не нѣсколько, а почти вовсе думать, что важнаго ничего нѣтъ, что она приняла за сильную страсть просто мечту, которая разсѣется въ нѣсколько дней, не оставивъ слѣда, или она думала, что нѣтъ, не думаетъ этого, что чувствуетъ, что это не такъ? да, это не такъ, нѣтъ, такъ, какъ, все тверже она думала, что думаетъ это,—да вотъ ужь она и въ самомъ дѣлѣ вовсе думаетъ это,—да и какъ не думать, слушая этотъ тихій, ровный голосъ, все говорящій, что нѣтъ ничего важнаго? Спокойно она заснула подъ этотъ голосъ, спала крѣпко, и не видала гостьи, и проснулась поздно, и проснувшись чувствовала въ себѣ бодрость.

XXV.

„Лучшее развлеченіе отъ мыслей—работа, думала Вѣра Павловна, и думала совершенно справедливо:—буду проводить цѣлый день въ мастерской, пока вылечусь. Это мнѣ поможетъ".

Она стала проводить цѣлый день въ мастерской. Въ первый день дѣйствительно довольно развлекалась отъ мыслей; во второй

только устала, но ужь мало отвлеклась отъ нихъ, въ третій и вовсе не отвлеклась. Такъ прошло съ недѣлю.

Борьба была тяжела. Цвѣтъ лица Вѣры Павловны сталъ блѣденъ. Но, по наружности, она была совершенно спокойна, старалась даже казаться веселою, и это даже удавалось ей почти безъ перерывовъ. Но если никто не замѣчалъ ничего, а блѣдность приписывали какому-нибудь легкому нездоровью, то вѣдь не Лопухову же было это думать и не видѣть, да вѣдь онъ и такъ зналъ, ему и смотрѣть-то было нечего.

— Вѣрочка, началъ онъ черезъ недѣлю: — мы съ тобою живемъ, исполняя старое повѣрье, что сапожникъ всегда безъ сапогъ, платье на портномъ сидитъ дурно. Мы учимъ другихъ жить по нашимъ экономическимъ принципамъ, а сами не думаемъ устроить по нимъ свою жизнь. Вѣдь одно большое хозяйство выгоднѣе нѣсколькихъ мелкихъ? Я желалъ бы примѣнить это правило къ нашему хозяйству. Если бы мы стали жить съ кѣмъ-нибудь, мы и тѣ, кто сталъ бы съ нами жить, стали бы сберегать почти половину своихъ расходовъ. Я бы могъ вовсе бросить эти проклятые уроки, которые противны мнѣ,—было бы довольно одного жалованья отъ завода, и отдохнулъ бы, и занялся бы ученою работою, возстановилъ бы свою карьеру. Надобно только сходиться съ такими людьми, съ которыми можно ужиться. Какъ ты думаешь объ этомъ?

Вѣра Павловна ужь давно смотрѣла на мужа тѣми же самыми глазами, подозрительными, разгарающимися отъ гнѣва, какими смотрѣлъ на него Кирсановъ въ день теоретическаго разговора. Когда онъ кончилъ, ея лицо пылало.

— Я прошу тебя прекратить это разговоръ. Онъ неумѣстенъ.

— Почему же, Вѣрочка? Я говорю только о денежныхъ выгодахъ. Люди небогатые, какъ мы съ тобою, не могутъ пренебрегать ими. Моя работа тяжела, часть ея отвратительна для меня.

— Со мною нельзя такъ говорить. Вѣра Павловна встала:— я не позволю говорить съ собою темными словами. Осмѣлься сказать, что ты хотѣлъ сказать!

— Я хотѣлъ только сказать, Вѣрочка, что, принимая въ соображеніе наши выгоды, намъ было бы хорошо...

— Опять! Молчи! Кто далъ тебѣ право опекунствовать надо мною? Я возненавижу тебя!—Она быстро ушла въ свою комнату и заперлась.

Это была первая и послѣдняя ихъ ссора.

До поздняго вечера Вѣра Павловна просидѣла запершись. Потомъ пошла въ комнату мужа.

— Мой милый, я сказала тебѣ слишкомъ суровыя слова. Но не сердись на нихъ. Ты видишь, я борюсь. Вмѣсто того, чтобы поддержать меня, ты началъ помогать тому, противъ чего я борюсь, надѣясь,—да, надѣясь устоять.

— Прости меня, мой другъ, за то, что я началъ такъ грубо. Но вѣдь мы помирились? поговоримъ.

— О, да, помирились, мой милый. Только не дѣйствуй противъ меня. Мнѣ и противъ себя трудно бороться.

— И напрасно, Вѣрочка. Ты дала себѣ время разсмотрѣть свое чувство, ты видишь, что оно серьезнѣе, чѣмъ ты хотѣла думать въ началѣ. Зачѣмъ мучить себя?

— Нѣтъ, мой милый, я хочу любить тебя, и не хочу, не хочу обижать тебя.

— Другъ мой, ты хочешь добра мнѣ. Что жь, ты думаешь, мнѣ пріятно или нужно, чтобы ты продолжала мучить себя?

— Мой милый, но вѣдь ты такъ любишь меня!

— Конечно, Вѣрочка, очень; объ этомъ что говорить. Но вѣдь мы съ тобою понимаемъ, что такое любовь. Развѣ не въ томъ она, что радуешься радости, страдаешь отъ страданья того, кого любишь? Муча себя, ты будешь мучить меня.

— Такъ, мой милый, но вѣдь ты будешь страдать, если я уступлю этому чувству, которое — ахъ, я не понимаю, зачѣмъ оно родилось во мнѣ! я проклинаю его!

— Какъ оно родилось, зачѣмъ оно родилось,—это все равно, этого уже нельзя перемѣнить. Теперь остается только одинъ выборъ: или, чтобы ты страдала, и я страдалъ черезъ это; или, чтобы ты перестала страдать, и я также.

— Но, мой милый, я не буду страдать, — это пройдетъ. Ты увидишь, это пройдетъ.

— Благодарю тебя за твои усилія. Я цѣню ихъ, потому что они показываютъ въ тебѣ волю исполнять то, что тебѣ кажется нужно. Но знай, Вѣрочка: они нужны, кажется, только для тебя,

не для меня. Я смотрю со стороны, мнѣ яснѣе, чѣмъ тебѣ, твое положеніе. Я знаю, что это будетъ безполезно. Борись, пока достаетъ силы. Но обо мнѣ не думай, что ты обидишь меня. Вѣдь ты знаешь, какъ я смотрю на это; знаешь, что мое мнѣніе на это и непоколебимо во мнѣ, и справедливо на самомъ дѣлѣ— вѣдь ты все это знаешь. Развѣ ты обманешь меня? развѣ ты перестанешь уважать меня? Можно сказать больше: развѣ твое расположеніе ко мнѣ, измѣнивши характеръ, ослабѣетъ? Не напротивъ ли, — не усилится ли оно отъ того, что ты не нашла во мнѣ врага? Не жалѣй меня: моя судьба нисколько не будетъ жалка отъ того, что ты не лишишься черезъ меня счастья. Но довольно. Объ этомъ тяжело много говорить, а тебѣ слушать еще тяжелѣе. Только помни, Вѣрочка, что я теперь говорилъ. Прости, Вѣрочка. Иди къ себѣ думать, а лучше—почивать. Не думай обо мнѣ, а думай о себѣ. Только думая о себѣ, ты можешь не дѣлать и мнѣ напраснаго горя.

XXVI.

Черезъ двѣ недѣли, когда Лопуховъ сидѣлъ въ своей заводской конторѣ, Вѣра Павловна провела все утро въ чрезвычайномъ волненіи. Она бросалась въ постель, закрывала лицо руками, и черезъ четверть часа вскакивала, ходила по комнатѣ, падала въ кресла, и опять начинала ходить неровными, порывистыми шагами, и опять бросалась въ постель, и опять ходила, и нѣсколько разъ подходила къ письменному столу и стояла у него, и отбѣгала, и наконецъ сѣла, написала нѣсколько словъ, запечатала, и черезъ полчаса схватила письмо, изорвала, сожгла, опять долго металась, опять написала письмо, опять изорвала, сожгла, и опять металась, опять написала, и торопливо, едва запечатавъ, не давая себѣ времени надписать адресъ, быстро, быстро побѣжала съ нимъ въ комнату мужа, бросила его на столъ, и бросилась въ свою комнату, упала въ кресла, сидѣла неподвижно, закрывъ лицо руками; полчаса, можетъ быть часъ, и вотъ звонокъ — это онъ, она побѣжала въ кабинетъ схватить письмо, изорвать, сжечь—гдѣ-жъ оно? его нѣтъ, гдѣ жъ оно? она торопливо перебирала бумаги: гдѣ-жъ оно? Но Маша ужь отво-

ряетъ дверь, и Лопуховъ видѣлъ отъ порога, какъ Вѣра Павловна промелькнула изъ его кабинета въ свою комнату, разстроенная, блѣдная.

Онъ не пошелъ за ней, а прямо въ кабинетъ; холодно, медленно осмотрѣлъ столъ, мѣсто подлѣ стола; да, ужь онъ нѣсколько дней ждалъ чего-нибудь подобнаго, разговора, или письма, ну, вотъ оно, письмо, безъ адреса, но ея печать; ну, конечно, вѣдь она или искала его, чтобъ уничтожить, или только что бросила, нѣтъ, искала: бумаги въ безпорядкѣ, но гдѣ-жь ей было найти его, когда она, еще бросая его, была въ такой судорожной тревогѣ, что оно, порывисто брошенное, какъ уголь, жегшій руку, проскользнуло черезъ весь столъ и упало на окно за столомъ. Читать почти нѣтъ надобности: содержаніе извѣстно; однако, все нельзя не прочитать.

„Мой милый, никогда не была я такъ сильно привязана къ тебѣ, какъ теперь. Еслибъ я могла умереть за тебя! О, какъ бы я была рада умереть, если бы ты отъ этого сталъ счастливѣе! Но я не могу жить безъ него. Я обижаю тебя, мой милый, я убиваю тебя, мой другъ, я не хочу этого. Я дѣлаю противъ своей воли. Прости меня, прости меня“.

Съ четверть часа, а можетъ быть, и побольше, Лопуховъ стоялъ передъ столомъ, разсматривая, тамъ, внизу, ручку креселъ. Оно хоть ударъ былъ и предвидѣнный, а все-таки больно; хоть и обдумано, и рѣшено впередъ все, что и какъ надобно сдѣлать послѣ такого письма или восклицанія, а все-таки не вдругъ соберешься съ мыслями. Но собрался же наконецъ. Пошелъ въ кухню объясниться съ Машею:

— Маша, вы пожалуйста погодите подавать на столъ, пока я опять скажу. Мнѣ что-то нездоровится, надобно принять лекарство передъ обѣдомъ. А вы не ждите, обѣдайте себѣ, да не торопясь: успѣете, пока мнѣ будетъ можно. Я тогда скажу.

Изъ кухни онъ пошелъ къ женѣ. Она лежала, спрятавши лицо въ подушки, при его входѣ встрепенулась: — ты нашелъ его, прочиталъ его! Боже мой, какая я сумашедшая! это неправда, что я написала, это горячка!

— Конечно, мой другъ, этихъ словъ не надобно принимать серьёзно, потому что ты была слишкомъ взволнована. Эти вещи такъ не рѣшаются. Мы съ тобой успѣемъ много разъ подумать и поговорить объ этомъ спокойно, какъ о дѣлѣ важномъ для

насъ. А я, мой другъ, хочу покуда разсказать тебѣ о своихъ дѣлахъ. Я успѣлъ сдѣлать въ нихъ довольно много перемѣнъ,— всѣ, какія было нужно, и очень доволенъ. Да ты слушаешь? Разумѣется, она и сама не знала, слушаетъ она, или не слушаетъ: она могла бы только сказать, что какъ бы тамъ ни было, слушаетъ или не слушаетъ, но что-то слышитъ, только не до того ей, чтобы понимать, что это ей слышно; однако же, все-таки слышно, и все-таки разслушивается, что дѣло идетъ о чемъ-то другомъ, не имѣющемъ никакой связи съ письмомъ, и постепенно она стала слушать, потому что тянетъ къ этому: нервы хотятъ заняться чѣмъ-нибудь, не письмомъ, и хоть долго ничего не могла понять, но все-таки успокоивалась холоднымъ и довольнымъ тономъ голоса мужа; а потомъ стала даже и понимать.—Да ты слушай, потому что для меня это важныя вещи. Безостановочно продолжаетъ мужъ послѣ вопроса, „слушаешь ли“,—да, очень пріятныя для меня перемѣны, и онъ довольно подробно разсказываетъ; да вѣдь она три четверти этого знаетъ, нѣтъ, и все знаетъ, но все равно: пусть онъ разсказываетъ, какой онъ добрый! и онъ все разсказываетъ: что уроки ему давно надоѣли, и почему въ какомъ семействѣ или съ какими учениками надоѣли, и какъ занятіе въ заводской конторѣ ему не надоѣло, потому что оно важно, даетъ вліяніе на народъ цѣлаго завода, и какъ онъ кое что успѣваетъ тамъ дѣлать: развелъ охотниковъ учить грамотѣ, выучилъ ихъ, какъ учить грамотѣ, вытянулъ отъ фирмы плату этимъ учителямъ, доказавши, что работники отъ этого будутъ меньше портить машины и работу, потому что отъ этого пойдетъ уменьшеніе прогуловъ и пьяныхъ глазъ, плату самую пустую, конечно, и какъ онъ оттягиваетъ рабочихъ отъ пьянства, и для этого часто бываетъ въ ихъ харчевняхъ, — и мало ли что такое. А главное въ томъ, что онъ порядкомъ установился у фирмы, какъ человѣкъ дѣльный и оборотливый, и постепенно забралъ дѣла въ свои руки, такъ что заключеніе разсказа и главная вкусность въ немъ для Лопухова вышло вотъ что: онъ получаетъ мѣсто помощника управляющаго заводомъ, управляющій будетъ только почетное мѣсто, изъ товарищей фирмы, съ почетнымъ жалованьемъ; а управлять будетъ онъ; товарищъ фирмы только на этомъ условіи и взялъ мѣсто управляющаго, „я, говоритъ, не могу, куда мнѣ“, — „да вы только мѣсто занимайте, чтобы сидѣлъ на немъ честный чело-

вѣкъ, а въ дѣло нечего вамъ мѣшаться, я буду дѣлать", — „а если такъ, то можно, возьму мѣсто", но вѣдь и не въ этомъ важность, что власть, а въ томъ, что онъ получаетъ 3,500 руб. жалованья, почти на 1000 руб. больше, чѣмъ прежде получалъ всего, и отъ случайной черной литературной работы, и отъ уроковъ, и отъ прежняго мѣста на заводѣ, стало быть, теперь можно бросить все, кромѣ завода, — и превосходно. И разсказывается это больше полчаса, и при концѣ разсказыванія Вѣра Павловна ужь можетъ сказать, что, дѣйствительно, это хорошо, и ужь можетъ привести въ порядокъ волосы и идти обѣдать.

А послѣ обѣда, Машѣ дается 80 коп. сер. на извозчика, потому что она отправляется въ цѣлыхъ четыре мѣста, вездѣ показать записку отъ Лопухова, что, дескать, свободенъ я, господа, и радъ васъ видѣть; и черезъ нѣсколько времени является ужасный Рахметовъ, а за нимъ постепенно набирается цѣлая ватага молодежи, и начинается ожесточенная ученая бесѣда съ непомѣрными изобличеніями каждаго чуть не всѣми остальными во всѣхъ возможныхъ неконсеквентностяхъ, а нѣкоторые измѣнники возвышенному пренію помогаютъ Вѣрѣ Павловнѣ кое-какъ убить вечеръ, и въ половинѣ вечера она догадывается, куда пропадала Маша, какой онъ добрый! Да, въ этотъ разъ Вѣра Павловна была безусловно рада своимъ молодымъ друзьямъ, хоть и не дурачилась съ ними, а сидѣла смирно, и готова была расцаловать даже самого Рахметова.

Гости разошлись въ 3 часа ночи, и прекрасно сдѣлали, что такъ поздно. Вѣра Павловна, утомленная волненіемъ дня, только что улеглась, какъ вошелъ мужъ.

— Разсказывая про заводъ, другъ мой Вѣрочка, я забылъ сказать тебѣ одну вещь о новомъ своемъ мѣстѣ, это впрочемъ неважно, и говорить объ этомъ не стоило, а на случай скажу; но только у меня просьба: мнѣ хочется спать, тебѣ тоже; такъ если чего не договорю о заводѣ, поговоримъ завтра, а теперь скажу въ двухъ словахъ. Видишь, когда я принималъ мѣсто помощника управляющаго, я выговорилъ себѣ вотъ какое условіе: что я могу вступить въ должность когда хочу, хоть черезъ мѣсяцъ, хоть черезъ два. А теперь я хочу воспользоваться этимъ временемъ: пять лѣтъ не видалъ своихъ стариковъ въ Рязани,— съѣзжу къ нимъ. До свиданья, Вѣрочка. Не вставай. Завтра успѣешь. Спи.

XXVII.

Когда Вѣра Павловна на другой день вышла изъ своей комнаты, мужъ и Маша уже набивали вещами два чемодана. И все время Маша была тутъ безотлучно: Лопуховъ давалъ ей столько вещей завертывать, складывать, перекладывать, что куда управиться Машѣ, „Вѣрочка, помоги намъ и ты“. И чай пили тутъ всѣ трое, разбирая и укладывая вещи. Только что начала было опомниваться Вѣра Павловна, а ужь мужъ говоритъ: „половина 11-го; пора ѣхать на желѣзную дорогу“.

— Милый мой, я поѣду съ тобою.

— Другъ мой, Вѣрочка, я буду держать два чемодана, негдѣ сѣсть. Ты садись съ Машей.

— Я не то говорю. Въ Рязань.

— А, если такъ, то Маша поѣдетъ съ чемоданами, а мы сядемъ вмѣстѣ.

На улицѣ не слишкомъ расчувствуешься въ разговорѣ. И притомъ, такой стукъ отъ мостовой: Лопуховъ многаго не дослышитъ, на многое отвѣчаетъ такъ, что не разслышишь, а то и вовсе не отвѣчаетъ.

— Я ѣду съ тобою въ Рязань, твердитъ Вѣра Павловна.

— Да вѣдь у тебя не приготовлены вещи, какъ же ты поѣдешь? Собирайся, если хочешь: какъ увидишь, такъ и сдѣлаешь. Только я тебя просилъ бы вотъ о чемъ: подожди моего письма. Оно придетъ завтра же; я напишу и отдамъ его гдѣ нибудь на дорогѣ. Завтра же получишь, подожди, прошу тебя.

Какъ она его обнимаетъ на галлереѣ желѣзной дороги, съ какими слезами цалуетъ, отпуская въ вагонъ. А онъ все толкуетъ про свои заводскія дѣла, какъ они хороши, да о томъ, какъ будутъ радоваться ему его старики, да про то, что все на свѣтѣ вздоръ, кромѣ здоровья, и надобно ей беречь здоровье, и въ самую минуту прощанья, уже черезъ балюстраду, сказалъ:— ты вчера написала, что еще никогда не была такъ привязана ко мнѣ, какъ теперь—это правда, моя милая Вѣрочка. И я привязанъ къ тебѣ не меньше, чѣмъ ты ко мнѣ. А расположеніе къ человѣку—желаніе счастья ему, это мы съ тобою твердо знаемъ. А счастья нѣтъ безъ свободы. Ты не хотѣла бы стѣснять меня— и я тебя тоже. А если-бы ты стала стѣсняться мною, ты меня

огорчила бы. Такъ ты не дѣлай этого, а пусть будетъ съ тобою, что тебѣ лучше. А тамъ посмотримъ. Когда мнѣ воротиться, ты напиши. До свиданья, мой другъ, — второй звонокъ, слишкомъ пора. До свиданья.

XXVIII.

Это было въ концѣ апрѣля. Въ половинѣ іюня, Лопуховъ возвратился; пожилъ недѣли три въ Петербургѣ, потомъ поѣхалъ въ Москву, по заводскимъ дѣламъ, какъ сказалъ. 9-го іюля онъ уѣхалъ, 11 іюля поутру произошло недоумѣніе въ гостинницѣ у станціи московской желѣзной дороги, по случаю невставанья пріѣзжаго, а часа черезъ два потомъ сцена на Каменноостровской дачѣ. Теперь проницательный читатель уже не промахнется въ отгадкѣ того, кто-жь это застрѣлился. „Я ужь давно видѣлъ, что Лопуховъ“, говоритъ проницательный читатель въ восторгѣ отъ своей догадливости. Такъ куда-жь онъ дѣвался, и какъ фуражка его оказалась прострѣленною по околышу? „Нужды нѣтъ, это все штуки его, а онъ самъ себя ловилъ бреднемъ, шельма“, ломитъ себѣ проницательный читатель. Ну, Богъ съ тобою, какъ знаешь, вѣдь тебя ничѣмъ не урезонишь.

XXIX.

Особенный человѣкъ.

Часа черезъ три послѣ того, какъ ушелъ Кирсановъ, Вѣра Павловна опомнилась, и одною изъ первыхъ ея мыслей было: нельзя же такъ оставить мастерскую. Да, хоть Вѣра Павловна и любила доказывать, что мастерская идетъ сама собою, но въ сущности вѣдь знала, что только обольщаетъ себя этою мыслью, а на самомъ дѣлѣ мастерской необходима руководительница, иначе все развалится. Впрочемъ, теперь дѣло ужь очень установилось, и можно было имѣть мало хлопотъ по руководству имъ. У Мерцаловой было двое дѣтей; но часъ, полтора въ день, да и то не каждый день, она можетъ удѣлять. Она навѣрное не откажется, вѣдь она и теперь много занимается въ мастерской. Вѣра Павловна начала разбирать свои вещи для продажи, а сама послала Машу, сначала къ Мерцаловой, просить ее пріѣхать, потомъ къ торговкѣ старымъ платьемъ и всякими вещами подъстать, Рахели, одной изъ самыхъ оборотливыхъ евреекъ, но

доброй знакомой Вѣры Павловны, съ которой Рахель была безусловно честна, какъ почти всѣ еврейскіе мелкіе торговцы и торговки со всѣми порядочными людьми. Рахель и Маша должны были заѣхать на городскую квартиру, собрать оставшіяся тамъ платья и вещи, по дорогѣ заѣхать къ мѣховщику, которому сданы были на лѣто шубы Вѣры Павловны, потомъ со всѣмъ этимъ ворохомъ пріѣхать на дачу, чтобы Рахель хорошенько оцѣнила и купила все гуртомъ.

Когда Маша выходила изъ воротъ, ее встрѣтилъ Рахметовъ уже съ полчаса бродившій около дачи.

— Вы уходите, Маша? Надолго?

— Да, должно быть ворочусь ужь поздно вечеромъ. Много дѣла.

— Вѣра Павловна остается одна?

— Одна.

— Такъ я зайду, посижу вмѣсто васъ, можетъ быть, случится какая нибудь надобность.

— Пожалуйста; а то я боялась за нее. И я забыла, г. Рахметовъ: позовите кого-нибудь изъ сосѣдей, тамъ есть кухарка и нянька, мои пріятельницы, подать обѣдать, вѣдь она еще не обѣдала.

— Ничего; и я не обѣдалъ, пообѣдаемъ одни. Да вы-то обѣдали ли?

— Да, Вѣра Павловна такъ не отпустила.

— Хоть это хорошо. Я думалъ, ужь и это забудутъ изъ-за себя.

Кромѣ Маши и равнявшихся ей или превосходившихъ ее простотою души и платья, всѣ немного побаивались Рахметова: и Лопуховъ, и Кирсановъ, и всѣ не боявшіеся никого и ничего, чувствовали передъ нимъ, по временамъ, нѣкоторую трусоватость. Съ Вѣрою Павловною онъ былъ очень далекъ: она находила его очень скучнымъ, онъ никогда не присоединялся къ ея обществу. Но онъ былъ любимцемъ Маши, хотя меньше всѣхъ другихъ гостей былъ привѣтливъ и разговорчивъ съ нею.

— Я пришелъ безъ зову, Вѣра Павловна, началъ онъ:—но я видѣлъ Александра Матвѣича, и знаю все. Поэтому разсудилъ, что, можетъ быть, пригожусь вамъ для какихъ-нибудь услугъ и просижу у васъ вечеръ.

Услуги его могли бы пригодиться, пожалуй, хоть сейчасъ же: помогать Вѣрѣ Павловнѣ въ разборкѣ вещей. Всякій другой на

мѣстѣ Рахметова въ одну и ту же секунду и былъ бы приглашенъ, и самъ вызвался бы заняться этимъ. Но онъ не вызвался, и не былъ приглашенъ; Вѣра Павловна только пожала ему руку и съ искреннимъ чувствомъ сказала, что очень благодарна ему за внимательность.

— Я буду сидѣть въ кабинетѣ, отвѣчалъ онъ:—если что понадобится; вы позовете; и если кто придетъ, я отворю дверь, вы не безпокойтесь сама.

Съ этими словами онъ преспокойно ушелъ въ кабинетъ, вынулъ изъ кармана большой кусокъ ветчины, ломоть чернаго хлѣба,—въ суммѣ это составляло фунта четыре, усѣлся, съѣлъ все, стараясь хорошо пережевывать, выпилъ полграфина воды, потомъ подошелъ къ полкамъ съ книгами и началъ пересматривать, что выбрать для чтенія: „извѣстно“... „несамобытно“... „не самобытно“... „несамобытно“...„несамобытно“... это „несамобытно“ относилось къ такимъ книгамъ, какъ Маколей, Гизо, Тьеръ, Ранке, Гервинусъ. „А, вотъ это хорошо, что попалось“, — это сказалъ онъ, прочитавъ на корешкѣ нѣсколько дюжихъ томовъ „Полное собраніе сочиненій Ньютона“; торопливо сталъ онъ перебирать томы, наконецъ нашелъ и то, чего искалъ, и съ любовною улыбкою произнесъ: „вотъ оно, вотъ оно“, Observations on the Prophethies of Daniel, and the Apocalypse of St. Iohn, то есть „Замѣчанія о пророчествахъ Даніила и Апокалипсисѣ св. Іоанна“. „Да, эта сторона знанія до сихъ поръ оставалась у меня безъ капитальнаго основанія. Ньютонъ писалъ этотъ комментарій въ старости, когда былъ на половину въ здравомъ умѣ, на половину помѣшанъ. Классическій источникъ по вопросу о смѣшеніи безумія съ умомъ. Вѣдь вопросъ всемірно-историческій: это смѣшеніе во всѣхъ безъ исключенія событіяхъ, почти во всѣхъ книгахъ, почти во всѣхъ головахъ. Но здѣсь оно должно быть въ образцовой формѣ: во-первыхъ, геніальнѣйшій и нормальнѣйшій умъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ умовъ; во вторыхъ, и примѣшавшееся къ нему безуміе признанное, безспорное безуміе. Итакъ, книга капитальная по своей части. Тончайшія черты общаго явленія должны выказываться здѣсь осязательнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и никто не можетъ подвергнуть сомнѣнію, что это именно черты того явленія, которому принадлежатъ черты смѣшенія безумія съ умомъ. Книга, достойная изученія“. Онъ съ усерднымъ наслажденіемъ принялся читать книгу, кото-

рую въ послѣднія сто лѣтъ едва ли кто читалъ, кромѣ корректоровъ ея: читать ее для кого бы то ни было, кромѣ Рахметова, то же самое, что ѣсть песокъ или опилки. Но ему было вкусно.

Такихъ людей, какъ Рахметовъ, мало: я встрѣтилъ до сихъ поръ только восемь образцовъ этой породы (въ томъ числѣ двухъ женщинъ); они не имѣли сходства ни въ чемъ, кромѣ одной черты. Между ними были люди мягкіе и люди суровые, люди мрачные и люди веселые, люди хлопотливые и люди флегматическіе, люди слезливые (одинъ съ суровымъ лицомъ, насмѣшливый до наглости; другой съ деревяннымъ лицомъ, молчаливый и равнодушный ко всему; оба они при мнѣ рыдали нѣсколько разъ, какъ истерическія женщины, и не отъ своихъ дѣлъ, а среди разговоровъ о разной разности; наединѣ, я увѣренъ, плакали часто), и люди, ни отъ чего не переставшіе быть спокойными. Сходства не было ни въ чемъ, кромѣ одной черты, но она одна уже соединяла ихъ въ одну породу и отдѣляла отъ всѣхъ остальныхъ людей. Надъ тѣми изъ нихъ, съ которыми я былъ близокъ, я смѣялся, когда бывалъ съ ними наединѣ; они сердились или не сердились, но тоже смѣялись надъ собою. И дѣйствительно, въ нихъ было много забавнаго, все главное въ нихъ и было забавно, все то, почему они были людьми особой породы. Я люблю смѣяться надъ такими людьми.

Тотъ изъ нихъ, котораго я встрѣтилъ въ кругу Лопухова и Кирсанова и о которомъ разскажу здѣсь, служитъ живымъ доказательствомъ, что нужна оговорка къ разсужденіямъ Лопухова и Алексѣя Петровича о свойствахъ почвы, во второмъ снѣ Вѣры Павловны, оговорка нужна та, что какова бы ни была почва, а все-таки въ ней могутъ попадаться хоть крошечные клочечки, на которыхъ могутъ выростать здоровые колосья. Генеалогія главныхъ лицъ моего разсказа: Вѣры Павловны, Кирсанова и Лопухова, не восходитъ, по правдѣ говоря, дальше дѣдушекъ съ бабушками, и развѣ съ большими натяжками можно приставить сверху еще какую-нибудь прабабушку (прадѣдушка уже неизбѣжно покрытъ мракомъ забвенія, извѣстно только, что онъ былъ мужъ прабабушки, и что его звали Кириломъ, потому что дѣдушка былъ Герасимъ Кирилычъ). Рахметовъ былъ изъ фамиліи, извѣстной съ XIII вѣка, то есть одной изъ древнѣйшихъ не только у насъ, а и въ цѣлой Европѣ. Въ числѣ татарскихъ темниковъ, корпусныхъ начальниковъ, перерѣзанныхъ въ Твери

вмѣстѣ съ ихъ войскомъ, по словамъ лѣтописей, будто бы за намѣреніе обратить народъ въ магометанство (намѣреніе, котораго они, навѣрное, и не имѣли), а по самому дѣлу, просто за угнетеніе, находился Рахметъ. Маленькій сынъ этого Рахмета отъ жены русской, племянницы тверскаго дворскаго, то есть оберъ-гофмаршала и фельдмаршала, насильно взятой Рахметомъ, былъ пощаженъ для матери и перекрещенъ изъ Латыфа въ Михаила. Отъ этого Латыфа-Михаила Рахметовича пошли Рахметовы. Они въ Твери были боярами, въ Москвѣ стали только окольничими, въ Петербургѣ въ прошломъ вѣкѣ бывали генералъ-аншефами,— конечно, далеко не всѣ: фамилія развѣтвилась очень многочисленная, такъ что генералъ-аншефскихъ чиновъ не достало бы на всѣхъ. Прапрадѣдъ нашего Рахметова былъ пріятелемъ Ивана Ивановича Шувалова, который и возстановилъ его изъ опалы, постигнувшей было его за дружбу съ Минихомъ. Прадѣдъ былъ сослуживцемъ Румянцева, дослужился до генералъ аншефства и убитъ былъ при Нови. Дѣдъ сопровождалъ Александра въ Тильзитъ, и пошелъ бы дальше всѣхъ, но рано потерялъ карьеру за дружбу съ Сперанскимъ. Отецъ служилъ безъ удачи и безъ паденій, въ 40 лѣтъ вышелъ въ отставку генералъ-лейтенантомъ, и поселился въ одномъ изъ своихъ помѣстій, разбросанныхъ по верховью Медвѣдицы. Помѣстья были, однакожь, не очень велики, всего душъ тысячи двѣ съ половиною, а дѣтей на деревенскомъ досугѣ явилось много, человѣкъ 8; нашъ Рахметовъ былъ предпослѣдній, моложе его была одна сестра; потому нашъ Рахметовъ былъ уже человѣкъ не съ богатымъ наслѣдствомъ: онъ получилъ около 400 душъ да 7,000 десятинъ земли. Какъ онъ распорядился съ душами и съ 5,500 десятинъ земли, это не было извѣстно никому, не было извѣстно и то, что за собою оставилъ онъ 1,500 десятинъ, да не было извѣстно и вообще то, что онъ помѣщикъ и что, отдавая въ аренду оставленную за собою долю земли, онъ имѣетъ все-таки еще до 3,000 р. дохода, этого никто не зналъ, пока онъ жилъ между нами. Это мы узнали послѣ, а тогда полагали, конечно, что онъ одной фамиліи съ тѣми Рахметовыми, между которыми много богатыхъ помѣщиковъ, у которыхъ, у всѣхъ однофамильцевъ вмѣстѣ, до 75,000 душъ по верховьямъ Медвѣдицы, Хопра, Суры и Цны, которые безсмѣно бываютъ уѣздными предводителями тѣхъ мѣстъ, и не тотъ такъ другой постоянно бываютъ губерн-

скими предводителями то въ той, то въ другой изъ трехъ губерній, по которымъ текутъ ихъ крѣпостныя верховья рѣкъ. И знали мы, что нашъ знакомый Рахметовъ проживаетъ въ годъ рублей 400; для студента это было тогда очень не мало, но для помѣщика изъ Рахметовыхъ уже слишкомъ мало; потому каждый изъ насъ, мало заботившихся о подобныхъ справкахъ, положилъ про себя безъ справокъ, что нашъ Рахметовъ изъ какой-нибудь захирѣвшей и обезпомѣстившейся вѣтви Рахметовыхъ, сынъ какого-нибудь совѣтника казенной палаты, оставившаго дѣтямъ небольшой капиталецъ. Не интересоваться же въ самомъ дѣлѣ было намъ этими вещами.

Теперь ему было 22 года, а студентомъ онъ былъ съ 16 лѣтъ; но почти на 3 года онъ покидалъ университетъ. Вышелъ изъ 2-го курса, поѣхалъ въ помѣстье, распорядился, побѣдивъ сопротивленіе опекуна, заслуживъ анаѳему отъ братьевъ и, достигнувъ того, что мужья запретили его сестрамъ произносить его имя; потомъ скитался по Россіи разными манерами: и сухимъ путемъ, и водою, и тѣмъ, и другою по обыкновенному и по необыкновенному,—напримѣръ, и пѣшкомъ, и на расшивахъ, и на косныхъ лодкахъ, имѣлъ много приключеній, которыя все самъ устроивалъ себѣ; между прочимъ, отвезъ двухъ человѣкъ въ казанскій, пятерыхъ въ московскій университетъ, — это были его стипендіаты, а въ Петербургъ, гдѣ самъ хотѣлъ жить, не привезъ никого, и потому никто изъ насъ и не зналъ, что у него не 400, а 3,000 р. дохода. Это стало извѣстно только уже послѣ, а тогда мы видѣли, что онъ долго пропадалъ, а за два года до той поры, какъ сидѣлъ онъ въ кабинетѣ Кирсанова за толкованіемъ Ньютона на Апокалипсисъ, возвратился въ Петербургъ, поступилъ на филологическій факультетъ,—прежде былъ на естественномъ, и только.

Но если никому изъ петербургскихъ знакомыхъ Рахметова не были извѣстны его родственныя и денежныя отношенія, за то всѣ, кто его зналъ, знали его подъ двумя прозвищами; одно изъ нихъ уже попадалось въ этомъ разсказѣ—„ригористъ“; его онъ принималъ съ обыкновенною своею легкою улыбкою мрачноватаго удовольствія. Но когда его называли Никитушкою, или Ломовымъ, или по полному произвищу Никитушкою Ломовымъ, онъ улыбался широко и сладко, и имѣлъ на то справедливое основаніе, потому что не получилъ отъ природы, а пріобрѣлъ

твердостью воли право носить это славное между милліонами людей имя. Но оно гремитъ славою только на полосѣ въ 100 верстъ шириною, идушей по восьми губерніямъ; читателямъ остальной Россіи надобно объяснить, что это за имя. Никитушка Ломовъ, бурлакъ, ходившій по Волгѣ лѣтъ 20, 15 тому назадъ, былъ гигантъ геркулесовской силы; 15 вершковъ ростомъ, онъ былъ такъ широкъ въ груди и въ плечахъ, что вѣсилъ 15 пудовъ, хотя былъ человѣкъ только плотный, а не толстый. Какой онъ былъ силы, объ этомъ довольно сказать одно: онъ получалъ плату за 4 человѣка. Когда судно приставало къ городу, и онъ шелъ на рынокъ, по волжскому на базаръ, по дальнимъ переулкамъ раздавались крики парней: „Никитушка Ломовъ идетъ, Никитушка ломовъ идетъ!“ и всѣ бѣжали на улицу, ведущую съ пристани къ базару, и толпа народа валила вслѣдъ за своимъ богатыремъ.

Рахметовъ въ 16 лѣтъ, когда пріѣхалъ въ Петербургъ, былъ съ этой стороны обыкновеннымъ юношею довольно высокаго роста, довольно крѣпкимъ, но далеко незамѣчательнымъ по силѣ: изъ десяти встрѣчныхъ его сверстниковъ, навѣрное, двое сладили бы съ нимъ. Но на половинѣ 17-го года, онъ вздумалъ, что нужно пріобрѣсть физическое богатство и началъ работать надъ собою. Сталъ очень усердно заниматься гимнастикою; это хорошо, но вѣдь гимнастика только совершенствуетъ матеріалъ, надо запасаться матеріаломъ, и вотъ, на время, вдвое большее занятій гимнастикою, на нѣсколько часовъ въ день, онъ становился чернорабочимъ по работамъ, требующимъ силы: возилъ воду, таскалъ дрова, рубилъ дрова, пилилъ лѣсъ, тесалъ камни, копалъ землю, ковалъ желѣзо; много работъ онъ проходилъ, и часто мѣнялъ ихъ, потому что отъ каждой новой работы, съ каждой перемѣной, получаютъ новое развитіе какіе-нибудь мускулы. Онъ принялъ боксерскую діэту: сталъ кормить себя,— именно кормить себя,—исключительно вещами, имѣющими репутацію укрѣплять физическую силу, больше всего бифштексомъ, почти сырымъ, и съ тѣхъ поръ всегда жилъ такъ. Черезъ годъ послѣ начала этихъ занятій, онъ отправился въ свое странствованіе, и тутъ имѣлъ еще больше удобства заниматься развитіемъ физической силы: былъ пахаремъ, плотникомъ, перевозчикомъ и работникомъ всякихъ здоровыхъ промысловъ; разъ даже прошелъ бурлакомъ всю Волгу, отъ Дубовки до Рыбинска. Ска-

зать, что онъ хочетъ быть бурлакомъ, показалось бы хозяину судна и бурлакамъ верхомъ нелѣпости, и его не приняли бы; но онъ сѣлъ просто пассажиромъ; подружившись съ артелью, сталъ помогать тянуть лямку, и черезъ недѣлю запрягся въ нее какъ слѣдуетъ настоящему рабочему; скоро замѣтили, какъ онъ тянетъ, начали пробовать силу,—онъ перетягивалъ троихъ, даже четверыхъ самыхъ здоровыхъ изъ своихъ товарищей; тогда ему было 20 лѣтъ, и товарищи его по лямкѣ окрестили его Никитушкою Ломовымъ, по памяти героя, уже сошедшаго тогда со сцены. На слѣдующее лѣто онъ ѣхалъ на пароходѣ; одинъ изъ простонародья, толпившагося на палубѣ, оказался его прошлогоднимъ сослуживцемъ по лямкѣ, а такимъ-то образомъ его спутники студенты узнали, что его слѣдуетъ звать Никитушкою Ломовымъ. Дѣйствительно, онъ пріобрѣлъ и не щадя времени поддерживалъ въ себѣ непомѣрную силу. „Такъ нужно, говорилъ онъ: — это даетъ уваженіе и любовь простыхъ людей. Это полезно, можетъ пригодиться“.

Это ему засѣло въ голову съ половины 17-го года, потому что съ этого времени и вообще начала развиваться его особенность. 16 лѣтъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ обыкновеннымъ, хорошимъ, кончившимъ курсъ гимназистомъ, обыкновеннымъ добрымъ и честнымъ юношею, и провелъ мѣсяца три, четыре по обыкновенному, какъ проводятъ начинающіе студенты. Но сталъ онъ слышать, что есть между студентами особенно умныя головы, которыя думаютъ не такъ, какъ другія, и узналъ съ пятокъ именъ такихъ людей,—тогда ихъ было еще мало. Они заинтересовали его, онъ сталъ искать знакомства съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ; ему случилось сойтись съ Кирсановымъ, и началось его перерожденіе въ особеннаго человѣка въ будущаго Никитушку Ломова и ригориста. Жадно слушалъ онъ Кирсанова въ первый вечеръ, плакалъ, перерывалъ его слова восклицаніями проклятій тому, что должно погибнуть, благословеній тому, что должно жить.—„Съ какихъ же книгъ мнѣ начать читать?“ Кирсановъ указалъ. Онъ на другой день ужь съ 8 часовъ утра ходилъ по Невскому, отъ Адмиралтейской до Полицейскаго моста, выжидая, какой нѣмецкій или французскій книжный магазинъ первый откроется, взялъ, что нужно, и читалъ больше трехъ сутокъ сряду,—съ 11 часовъ утра четверга до 9 часовъ вечера воскресенья, 82 часа; первыя двѣ ночи не спалъ, такъ на третью

выпилъ восемь стакановъ крѣпчайшаго кофе, до четвертой ночи не хватило силы ни съ какимъ кофе, онъ и повалился и проспалъ на полу часовъ 15. Черезъ недѣлю онъ пришелъ къ Кирсанову, потребовалъ указаній на новыя книги, объясненій; подружился съ нимъ, потомъ черезъ него подружился съ Лопуховымъ. Черезъ полгода, хоть ему было только 17 лѣтъ, а имъ ужь по 21 году, они ужь не считали его молодымъ человѣкомъ сравнительно съ собою, и ужь онъ былъ особеннымъ человѣкомъ.

Какіе задатки для того лежали въ его прошлой жизни? Не очень большіе, но лежали. Отецъ его былъ человѣкъ деспотическаго характера, очень умный, образованный, и ультра-консерваторъ,—въ томъ же смыслѣ, какъ Марья Алексѣвна, ультраконсерваторъ, но честный. Ему, конечно, было тяжело. Это одно еще ничего бы. Но мать его, женщина довольно деликатная, страдала отъ тяжелаго характера мужа, да и видѣлъ онъ, что̀ въ деревнѣ. И это бы все еще ничего; было еще вотъ что: на 15-мъ году онъ влюбился въ одну изъ любовницъ отца. Произошла исторія, конечно, надъ нею особенно. Ему было жалко женщину, сильно пострадавшую черезъ него. Мысли стали бродить въ немъ, и Кирсановъ былъ для него тѣмъ, чѣмъ Лопуховъ для Вѣры Павловны. Задатки въ прошлой жизни были; но чтобы стать такимъ особеннымъ человѣкомъ, конечно, главное—натура. За нѣсколько времени передъ тѣмъ, какъ вышелъ онъ изъ университета и отправился въ свое помѣстье, потомъ въ странствованіе по Россіи, онъ уже принялъ оригинальные принципы и въ матеріальной, и въ нравственной, и въ умственной жизни, а когда онъ возвратился, они уже развились въ законченную систему, которой онъ держался неуклонно. Онъ сказалъ себѣ: „я не пью ни капли вина. Я не прикасаюсь къ женщинѣ“. А натура была кипучая. „Зачѣмъ это? Такая крайность вовсе не нужна“.—„Такъ нужно. Мы требуемъ для людей полнаго наслажденія жизнью,—мы должны своею жизнью свидѣтельствовать, что мы требуемъ этого не для удовлетворенія своимъ личнымъ страстямъ, не для себя лично, а для человѣка вообще, что мы говоримъ только по принципу, а не по пристрастію, по убѣжденію, а не по личной надобности“.

По этому же, онъ сталъ и вообще вести самый суровый образъ жизни. Чтобы сдѣлаться и продолжать быть Никитушкою Ломовымъ, ему нужно было ѣсть говядину, много говядины,—и

онъ ѣлъ ея много. Но онъ жалѣлъ каждой копѣйки на какую-нибудь пищу, кромѣ говядины; говядину онъ велѣлъ хозяйкѣ брать самую отличную, нарочно для него самые лучшіе куски' но остальное ѣлъ у себя дома все только самое дешевое. Отказался отъ бѣлаго хлѣба, ѣлъ только черный за своимъ столомъ. По цѣлымъ недѣлямъ у него не бывало во рту куска сахару, по цѣлымъ мѣсяцамъ никакого фрукта, ни куска телятины, или пулярдки. На свои деньги онъ не покупалъ ничего подобнаго: „не имѣю права тратить деньги на прихоть, безъ которой могу обойтись",—а вѣдь онъ воспитанъ былъ на роскошномъ столѣ и имѣлъ тонкій вкусъ, какъ видно было по его замѣчаніямъ о блюдахъ, когда онъ обѣдалъ у кого-нибудь за чужимъ столомъ, онъ ѣлъ съ удовольствіемъ многія изъ блюдъ, отъ которыхъ отказывалъ себѣ въ своемъ столѣ; другихъ не ѣлъ и за чужимъ столомъ. Причина различенія была основательная: „то, что ѣстъ хотя по временамъ, простой народъ, и я могу ѣсть при случаѣ. Того, что никогда недоступно простымъ людямъ, и я не долженъ ѣсть! это нужно мнѣ для того, чтобы хотя нѣсколько чувствовать, на сколько стѣснена ихъ жизнь сравнительно съ моею". Поэтому, если подавались фрукты, онъ абсолютно ѣлъ яблоки, абсолютно не ѣлъ абрикосовъ; апельсины ѣлъ въ Петербургѣ, не ѣлъ въ провинціи,—видите, въ Петербургѣ простой народъ ѣстъ ихъ, а въ провинціи не ѣстъ. Паштеты ѣлъ, потому что „хорошій пирогъ не хуже паштета, и слоеное тѣсто знакомо простому народу", но сардинокъ не ѣлъ. Одѣвался онъ очень бѣдно, хоть любилъ изящество, и во всемъ остальномъ велъ спартанскій образъ жизни; напримѣръ, не допускалъ тюфяка, и спалъ на войлокѣ, даже не разрѣшая себѣ свернуть его вдвое.

Было у него угрызеніе совѣсти, — онъ не бросилъ курить: „безъ сигары не могу думать; если дѣйствительно такъ, я правъ; но, быть можетъ, это слабость воли". А другихъ сигаръ онъ не могъ курить,—вѣдь онъ воспитанъ былъ въ аристократической обстановкѣ. Изъ 400 р. его расхода, до 150 выходило у него на сигары. „Гнусная слабость", какъ онъ выражался. Только она и давала нѣкоторую возможность отбиваться отъ него; если ужь начнетъ слишкомъ доѣзжать своими обличеніями, доѣзжаемый скажетъ ему: „да вѣдь совершенство невозможно — ты же куришь",—тогда Рахметовъ приходилъ въ двойную силу обличенія, но большую половину укоризнъ обращалъ уже на себя, обли-

чаемому все-таки доставалось меньше, хоть онъ не вовсе забывалъ его изъ-за себя.

Онъ успѣвалъ дѣлать страшно много, потому что и въ распоряженіи временемъ положилъ на себя точно такое же обузданіе прихотей, какъ въ матеріальныхъ вещахъ. Ни четверти часа въ мѣсяцъ не пропадало у него на развлеченіе, отдыха ему не было нужно. „У меня занятія разнообразны; перемѣна занятія есть отдыхъ“. Въ кругу пріятелей, сборные пункты которыхъ находились у Кирсанова и Лопухова, онъ бывалъ никакъ не чаще того, сколько нужно, чтобы остаться въ тѣсномъ отношеніи къ нему: „это нужно; ежедневные случаи доказываютъ пользу имѣть тѣсную связь съ какимъ-нибудь кругомъ людей,—надобно имѣть подъ руками всегда открытые источники для разныхъ справокъ“. Кромѣ какъ въ собраніяхъ этого кружка, онъ никогда ни у кого не бывалъ иначе, какъ по дѣлу, и ни пятью минутами больше, чѣмъ нужно по дѣлу; и у себя никого не принималъ и не допускалъ оставаться иначе, какъ на томъ же правилѣ; онъ безъ околичностей объявлялъ гостю: „мы переговорили о вашемъ дѣлѣ; теперь позвольте мнѣ заняться другими дѣлами, потому что я долженъ дорожить временемъ“.

Въ первые мѣсяцы своего перерожденія, онъ почти все время проводилъ въ чтеніи; но это продолжалось лишь немного болѣе полгода: когда онъ увидѣлъ, что пріобрѣлъ систематическій образъ мыслей въ томъ духѣ, принципы котораго нашелъ справедливыми, онъ тотчасъ же сказалъ себѣ: „теперь чтеніе стало дѣломъ второстепеннымъ; я съ этой стороны готовъ для жизни“, и сталъ отдавать книгамъ только время, свободное отъ другихъ дѣлъ, а такого времени оставалось у него мало. Но, несмотря на это, онъ расширялъ кругъ своего знанія съ изумительною быстротою: теперь, когда ему было 22 года, онъ былъ уже человѣкомъ очень замѣчательно основательной учености. Это потому, что онъ и тутъ поставилъ себѣ правиломъ: роскоши и прихоти—никакой; исключительно то, что нужно. А что нужно? Онъ говорилъ: „по каждому предмету капитальныхъ сочиненій очень немного; во всѣхъ остальныхъ только повторяется, разжижается, портится то, что все гораздо полнѣе и яснѣе заключено въ этихъ немногихъ сочиненіяхъ. Надобно читать только ихъ; всякое другое чтеніе — только напрасная трата времени.

Беремъ русскую беллетристику. Я говорю: прочитаю всего прежде Гоголя. Въ тысячахъ другихъ повѣстей я уже вижу по пяти строкамъ съ пяти разныхъ страницъ, что не найду ничего кромѣ испорченнаго Гоголя,—зачѣмъ я стану ихъ читать? Такъ и въ наукахъ,—въ наукахъ даже еще рѣзче эта граница. Если я прочелъ Адама Смита, Мальтуса, Рикардо и Милля, я знаю альфу и омегу этого направленія, и мнѣ не нужно читать ни одного изъ сотенъ политико-экономовъ, какъ бы ни были они знамениты; я по пяти строкамъ съ пяти страницъ вижу, что не найду у нихъ ни одной свѣжей мысли, имъ принадлежащей, все заимствованія и искаженія. Я читаю только самобытное, и лишь на столько, чтобы знать эту самобытность". Поэтому никакими силами нельзя было заставить его читать Маколея; посмотрѣвъ четверть часа на разныя страницы, онъ рѣшилъ: „я знаю всѣ матеріи, изъ которыхъ набраны эти лоскутья". Онъ прочиталъ „Ярмарку Суеты" Теккерея съ наслажденіемъ, а началъ читать „Пенденниса", закрылъ на 20-й страницѣ: „весь высказался въ „Ярмаркѣ Суеты"; видно, что больше ничего не будетъ, и читать не нужно". — Каждая прочтенная мною книга такова, что избавляетъ меня отъ надобности читать сотни книгъ" говорилъ онъ.

Гимнастика, работа для упражненія силы, чтеніе—были личными занятіями Рахметова, но, по его возвращеніи въ Петербургъ, они брали у него только четвертую долю его времени, остальное время онъ занимался чужими дѣлами, или ничьими въ особенности дѣлами, постоянно соблюдая то же правило, какъ въ чтеніи: не тратить времени надъ второстепенными дѣлами и съ второстепенными людьми, заниматься только капитальными, отъ которыхъ уже и безъ него измѣняются второстепенныя дѣла и руководимые люди. Напримѣръ, внѣ своего круга, онъ знакомился только съ людьми, имѣющими вліяніе на другихъ. Кто не былъ авторитетомъ для нѣсколькихъ другихъ людей, тотъ никакими способами не могъ даже войти въ разговоръ съ нимъ. Онъ говорилъ: „вы меня извините, мнѣ некогда", и отходилъ. Но точно такъ же, никакими средствами не могъ избѣжать знакомства съ нимъ тотъ, съ кѣмъ онъ хотѣлъ познакомиться. Онъ просто являлся къ вамъ и говорилъ, что ему было нужно, съ такимъ предисловіемъ: „я хочу быть знакомъ съ вами; это нужно. Если вамъ теперь не время, назначьте другое". На мелкія ваши дѣла

онъ не обращалъ никакого вниманія, хотя бы вы были ближайшимъ его знакомымъ и упрашивали его вникнуть въ ваше затрудненіе: „мнѣ некогда“, говорилъ онъ и отворачивался. Но въ важныя дѣла вступался, когда это было нужно по его мнѣнію, хотя бы никто этого не желалъ: „я долженъ“, говорилъ онъ. Какія вещи онъ говорилъ и дѣлалъ въ этихъ случаяхъ, уму непостижимо. Да вотъ, напримѣръ, мое знакомство съ нимъ. Я былъ тогда уже не молодъ, жилъ порядочно, потому ко мнѣ собиралось по временамъ человѣкъ пять, шесть молодежи изъ моей провинціи. Слѣдовательно, я уже былъ для него человѣкъ драгоцѣнный: эти молодые люди были расположены ко мнѣ, находя во мнѣ расположеніе къ себѣ; вотъ онъ и слышалъ по этому случаю мою фамилію. А я, когда въ первый разъ увидѣлъ его у Кирсанова, еще не слышалъ о немъ: это было вскорѣ по его возвращеніи изъ странствія. Онъ вошелъ послѣ меня; я былъ только одинъ незнакомый ему человѣкъ въ обществѣ. Онъ, какъ вошелъ, отвелъ Кирсанова въ сторону и, указавши глазами на меня, сказалъ нѣсколько словъ. Кирсановъ отвѣчалъ ему тоже немногими словами, и былъ отпущенъ. Черезъ минуту Рахметовъ сѣлъ прямо противъ меня, всего только черезъ небольшой столъ у дивана, и съ этого-то разстоянія какихъ-нибудь полутора аршинъ началъ смотрѣть мнѣ въ лицо изо всей силы. Я былъ раздосадованъ: онъ разсматривалъ меня безъ церемоніи, будто передъ нимъ не человѣкъ, а портретъ,—я нахмурился. Ему не было никакого дѣла. Посмотрѣвши минуты двѣ, три, онъ сказалъ мнѣ: „г. N., мнѣ нужно съ вами познакомиться. Я васъ знаю, вы меня—нѣтъ. Спросите обо мнѣ у хозяина и у другихъ, кому вы особенно вѣрите изъ этой компаніи“, всталъ и ушелъ въ другую комнату. „Что это за чудакъ?“—„Это Рахметовъ. Онъ хочетъ, чтобы вы спросили, заслуживаетъ ли онъ довѣрія,—безусловно, и заслуживаетъ ли онъ вниманія,—онъ поважнѣе всѣхъ насъ здѣсь, взятыхъ вмѣстѣ“, сказалъ Кирсановъ, другіе подтвердили. Чрезъ пять минутъ, онъ вернулся въ ту комнату, гдѣ всѣ сидѣли. Со мною не заговаривалъ, и съ другими говорилъ мало,—разговоръ былъ не ученый и не важный. „А, десять часовъ уже, произнесъ онъ черезъ нѣсколько времени: — въ 10 часовъ у меня есть дѣло въ другомъ мѣстѣ. Г. N.,—онъ обратился ко мнѣ: — я долженъ сказать вамъ нѣ-

сколько словъ. Когда я отвелъ хозяина въ сторону спросить его, кто вы, я указалъ на васъ глазами, потому что вѣдь вы все равно должны были замѣтить, что я спрашиваю о васъ, кто вы; слѣдовательно, напрасно было-бы не дѣлать жестовъ, натуральныхъ при такомъ вопросѣ. Когда вы будете дома, чтобъ я могъ зайти къ вамъ?" Я тогда не любилъ новыхъ знакомствъ, а эта навязчивость ужь вовсе не нравилась мнѣ. — Я только ночую дома; меня цѣлый день нѣтъ дома, сказалъ я.—„Но ночуете дома? Въ какое же время вы возвращаетесь ночевать?"—Очень поздно.—„Напримѣръ?" — Часа въ два, въ три. — „Это все равно, назначьте время".—Если вамъ непремѣнно угодно, утромъ послѣ завтра, въ половинѣ 4-го. — „Конечно, я долженъ принимать ваши слова за насмѣшку и грубость; а можетъ быть и то, что у васъ есть свои причины, можетъ быть, даже заслуживающія одобренія. Во всякомъ случаѣ, я буду у васъ послѣ завтра поутру въ половинѣ 4-го".—Нѣтъ, ужь если вы такъ рѣшительны, то лучше заходите попозднѣе: я все утро буду дома, до 12 часовъ.—„Хорошо, зайду часовъ въ 10. Вы будете одинъ?"—Да.—„Хорошо". Онъ пришелъ, и точно такъ же безъ околичностей приступилъ къ дѣлу, по которому нашелъ нужнымъ познакомиться. Мы потолковали съ полчаса; о чемъ толковали, это все равно; довольно того, что онъ говорилъ: „надобно", я говорилъ: „нѣтъ"; онъ говорилъ: „вы обязаны", я говорилъ: „нисколько". Черезъ полчаса, онъ сказалъ: „ясно, что продолжать безполезно. Вѣдь вы убѣждены, что я человѣкъ, заслуживающій безусловнаго довѣрія?"—Да, мнѣ сказали это всѣ, и я самъ теперь вижу. — „И все-таки остаетесь при своемъ?"—Остаюсь.—„Знаете вы, что изъ этого слѣдуетъ? То, что вы или лжецъ, или дрянь!" Какъ это понравится? Что надобно было бы сдѣлать съ другимъ человѣкомъ за такія слова? вызвать на дуэль? но онъ говоритъ такимъ тономъ, безъ всякаго личнаго чувства, будто историкъ, судящій холодно не для обиды, а для истины, и самъ былъ такъ страненъ, что смѣшно было бы обижаться, и я только могъ засмѣяться:—да вѣдь это одно и то же, сказалъ я.—„Въ настоящемъ случаѣ, не одно и то же".—Ну, такъ можетъ быть и то, и другое вмѣстѣ.—„Въ настоящемъ случаѣ, то и другое вмѣстѣ невозможно. Но одно изъ двухъ — непремѣнно: или вы думаете

и дѣлаете не то, что говорите: въ такомъ случаѣ вы лжецъ; или вы думаете и дѣлаете дѣйствительно то, что говорите: въ такомъ случаѣ вы дрянь. Одно изъ двухъ непремѣнно. Я полагаю, первое".—Какъ вамъ угодно, такъ и думайте, сказалъ я, продолжая смѣяться.—„Прощайте. Во всякомъ случаѣ, знайте, что я сохраняю довѣріе къ вамъ и готовъ возобновить нашъ разговоръ, какъ вамъ будетъ угодно".

При всей дикости этого случая, Рахметовъ былъ совершенно правъ: и въ томъ, что началъ такъ, потому что вѣдь онъ прежде хорошо узналъ обо мнѣ, и только тогда уже началъ дѣло, и въ томъ, что такъ кончилъ разговоръ; я дѣйствительно говорилъ ему не то, что думалъ, и онъ дѣйствительно имѣлъ право назвать меня лжецомъ, и это нисколько не могло быть обидно, даже щекотливо для меня „въ настоящемъ случаѣ", по его выраженію, потому что такой былъ случай, и онъ дѣйствительно, могъ сохранять ко мнѣ прежнее довѣріе и, пожалуй, уваженіе.

Да, при всей дикости его манеры, каждый оставался убѣжденъ, что Рахметовъ поступилъ именно такъ, какъ благоразумнѣе и проще всего было поступить, и свои страшныя рѣзкости, ужаснѣйшія укоризны онъ говорилъ такъ, что никакой разсудительный человѣкъ не могъ ими обижаться, и при всей своей феноменальной грубости, онъ былъ, въ сущности, очень деликатенъ. У него были и предисловія въ этомъ родѣ. Всякое щекотливое объясненіе онъ начиналъ такъ: „вамъ извѣстно, что я буду говорить безъ всякаго личнаго чувства. Если мои слова будутъ непріятны, прошу извинить ихъ. Но я нахожу, что не слѣдуетъ обижаться ничѣмъ, что говорится добросовѣстно, вовсе не съ цѣлью оскорбленія, а по надобности. Впрочемъ, какъ скоро вамъ покажется безполезно продолжать слышать мои слова, я остановлюсь; мое правило: предлагать мое мнѣніе, всегда когда я долженъ, и никогда не навязывать его". И дѣйствительно, онъ не навязывалъ; никакъ нельзя было спастись отъ того, чтобъ онъ, когда находилъ это нужнымъ, не высказалъ вамъ своего мнѣнія настолько, чтобы вы могли понять, о чемъ и въ какомъ смыслѣ онъ хочетъ говорить; но онъ дѣлалъ это въ двухъ, трехъ словахъ, и потомъ спрашивалъ: „теперь вы знаете, каково было бы содержаніе разговора; находите ли вы полезнымъ

имѣть такой разговоръ?“ Если вы сказали „нѣтъ“, онъ кланялся и отходилъ.

Вотъ какъ онъ говорилъ и велъ свои дѣла, а дѣлъ у него была бездна, и все дѣла, не касавшіяся лично до него; личныхъ дѣлъ у него не было, это всѣ знали; но какія дѣла у него, этого кружокъ не зналъ. Видно было только, что у него множество хлопотъ. Онъ мало бывалъ дома, все ходилъ и разъѣзжалъ, больше ходилъ. Но и у него безпрестанно бывали люди, то все одни и тѣ же, то все новые; для этого у него было положено: быть всегда дома отъ 2 до 3 часовъ; въ это время онъ говорилъ о дѣлахъ и обѣдалъ. Но часто по нѣсколько дней его не бывало дома. Тогда, вмѣсто него, сидѣлъ у него и принималъ посѣтителей одинъ изъ его пріятелей, преданный ему душою и тѣломъ и молчаливый, какъ могила.

Года черезъ два послѣ того, какъ мы видимъ его сидящимъ въ кабинетѣ Кирсанова за Ньютоновымъ толкованіемъ на Апокалипсисъ, онъ уѣхалъ изъ Петербурга, сказавши Кирсанову и еще двумъ, тремъ самымъ близкимъ друзьямъ, что ему здѣсь нечего дѣлать больше, что онъ сдѣлалъ все, что могъ, что больше дѣлать можно будетъ только года черезъ три, что эти три года теперь у него свободны, что онъ думаетъ воспользоваться ими, какъ ему кажется нужно для будущей дѣятельности. Мы узнали потомъ, что онъ проѣхалъ въ свое бывшее помѣстье, продалъ оставшуюся у него землю, получилъ тысячъ 35, заѣхалъ въ Казань и Москву, роздалъ около 5 тысячъ своимъ семи стипендіатамъ, чтобы они могли кончить курсъ, тѣмъ и кончалась его достовѣрная исторія. Куда онъ дѣвался изъ Москвы, неизвѣстно. Когда прошло нѣсколько мѣсяцевъ безъ всякихъ слуховъ о немъ, люди, знавшіе о немъ что-нибудь, кромѣ извѣстнаго всѣмъ, перестали скрывать вещь, о которыхъ по его просьбѣ молчали, пока онъ жилъ между нами. Тогда-то узналъ нашъ кружокъ и то, что у него были стипендіаты, узналъ большую часть изъ того о его личныхъ отношеніяхъ, что я разсказалъ, узналъ множество исторій, далеко впрочемъ не разъяснявшихъ всего, даже ничего не разъяснявшихъ, а только дѣлавшихъ Рахметова лицомъ еще болѣе загадочнымъ для всего кружка, исторій, изумлявшихъ своею странностью или совершенно противорѣчившихъ тому понятію, какое кружокъ имѣлъ

о немъ, какъ о человѣкѣ совершенно чорствомъ для личныхъ чувствъ, не имѣвшемъ, если можно такъ выразиться, личнаго сердца, которое билось бы ощущеніями личной жизни. Разсказывать всѣ эти исторіи было бы здѣсь неумѣстно. Приведу лишь двѣ изъ нихъ, по одной на каждый изъ двухъ родовъ: одну дикаго сорта, другую — сорта, противорѣчившаго прежнему понятію кружка о немъ. Выбираю изъ исторій, разсказанныхъ Кирсановымъ.

За годъ передъ тѣмъ, какъ во второй и, вѣроятно, окончательный разъ пропалъ изъ Петербурга, Рахметовъ сказалъ Кирсанову: „дайте мнѣ порядочное количество мази для заживленія ранъ отъ острыхъ орудій“. Кирсановъ далъ огромнѣйшую банку, думая, что Рахметовъ хочетъ отнести лекарство въ какую-нибудь артель плотниковъ или другихъ мастеровыхъ, которые часто подвергаются порѣзамъ. На другое утро, хозяйка Рахметова въ страшномъ испугѣ прибѣжала къ Кирсанову: „батюшка лекарь, не знаю, что съ моимъ жильцомъ сдѣлалось: не выходитъ долго изъ своей комнаты, дверь заперъ, я заглянула въ щель: онъ лежитъ весь въ крови; я какъ закричу, а онъ мнѣ говоритъ сквозь дверь: „ничего, Аграфена Антоновна“ — какое, ничего! Спаси, батюшка лекарь, боюсь смертнаго случаю. Вѣдь онъ такой до себя безжалостный“. Кирсановъ поскакалъ, Рахметовъ отперъ дверь, съ мрачною широкою улыбкою, и посѣтитель увидѣлъ вещь, отъ которой и не Аграфена Антоновна могла развести руками: спина и бока всего бѣлья Рахметова (онъ былъ въ одномъ бѣльѣ) были облиты кровью, подъ кроватью была кровь, войлокъ, на которомъ онъ спалъ, также въ крови; въ войлокѣ были натыканы сотни мелкихъ гвоздей шляпками съ-исподи, остріями вверхъ, они высовывались изъ войлока чуть не наполвершка; Рахметовъ лежалъ на нихъ ночь. „Что это такое, помилуйте, Рахметовъ“, съ ужасомъ проговорилъ Кирсановъ. — „Проба. Нужно. Неправдоподобно, конечно; однако же, на всякій случай нужно. Вижу могу“. Кромѣ того, что видѣлъ Кирсановъ, видно изъ этого также, что хозяйка, вѣроятно, могла бы разсказать много разнаго любопытнаго о Рахметовѣ; но, въ качествѣ простодушной и простоплатной, старуха была безъ ума отъ него, и ужь конечно, отъ нея нельзя было бы ничего добиться. Она и въ этотъ-то разъ побѣжала къ Кирсанову потому только, что

самъ Рахметовъ дозволилъ ей это для ея успокоенія: она слишкомъ плакала, думая, что онъ хочетъ убить себя.

Мѣсяца черезъ два послѣ этого, дѣло было въ концѣ мая, Рахметовъ пропадалъ на недѣлю или больше, но тогда никто этого не замѣтилъ, потому что пропадать на нѣсколько дней случалось ему нерѣдко. Теперь, Кирсановъ разсказалъ слѣдующую исторію о томъ, какъ Рахметовъ провелъ эти дни Они составляли эротическій эпизодъ въ жизни Рахметова. Любовь произошла изъ событія достойнаго Никитушки Ломова. Рахметовъ шелъ изъ перваго Парголова въ городъ, задумавшись и больше глядя въ землю, по своему обыкновенію, по сосѣдству лѣсного института. Онъ былъ пробужденъ отъ раздумья отчаяннымъ крикомъ женщины; взглянулъ: лошадь понесла даму, катавшуюся въ шарабанѣ, дама сама правила и не справилась, возжи волочились по землѣ—лошадь была уже въ двухъ шагахъ отъ Рахметова; онъ бросился на середину дороги, но лошадь ужь пронеслась мимо, онъ не успѣлъ поймать повода, успѣлъ только схватиться за заднюю ось шарабана — и остановилъ, но упалъ. Подбѣжалъ народъ, помогли дамѣ сойти съ шарабана, подняли Рахметова; у него была нѣсколько разбита грудь, но главное, колесомъ вырвало ему порядочный кусокъ мяса изъ ноги. Дама уже опомнилась и приказала отнести его къ себѣ на дачу, въ какой-нибудь полуверстѣ. Онъ согласился, потому что чувствовалъ слабость, но потребовалъ, чтобы послали непремѣнно за Кирсановымъ, ни за какимъ другимъ медикомъ. Кирсановъ нашелъ ушибъ груди не важнымъ, но самого Рахметова ужь очень ослабѣвшимъ отъ потери крови. Онъ пролежалъ дней десять. Спасенная дама, конечно, ухаживала за нимъ сама. Ему ничего другаго нельзя было дѣлать отъ слабости, а потому онъ говорилъ съ нею,—вѣдь все равно, время пропадало бы даромъ,—говорилъ и разговорился. Дама была вдова лѣтъ 19, женщина не бѣдная и вообще совершенно независимаго положенія, умная, порядочная женщина. Огненныя рѣчи Рахметова, конечно не о любви, очаровали ее: „я во снѣ вижу его, окруженнаго сіяніемъ“, говорила она Кирсанову. Онъ также полюбилъ ее. Она, по платью и по всему, считала его человѣкомъ, не имѣющимъ совершенно ничего, потому первая призналась и предложила ему вѣнчаться, когда онъ, на 11 день, всталъ и сказалъ, что можетъ ѣхать

домой. „Я былъ съ вами откровеннѣе, чѣмъ съ другими; вы видите, что такіе люди, какъ я, не имѣютъ права связывать чью-нибудь судьбу съ своею". — Да, это правда, сказала она: — вы не можете жениться. Но пока вамъ придется бросить меня, до тѣхъ поръ любите меня. — „Нѣтъ, и этого я не могу принять, сказалъ онъ:—я долженъ подавить въ себѣ любовь: любовь къ вамъ связывала бы мнѣ руки, онѣ и такъ не скоро развяжутся у меня, — ужь связаны. Но развяжу. Я не долженъ любить". Что было потомъ съ этою дамою? Въ ея жизни долженъ былъ произойти переломъ; по всей вѣроятности, она и сама сдѣлалась особеннымъ человѣкомъ. Мнѣ хотѣлось узнать. Но я этого не знаю, Кирсановъ не сказалъ мнѣ ея имени, а самъ тоже не зналъ, что съ нею: Рахметовъ просилъ его не видаться съ нею, не справляться о ней: „если я буду полагать, что вы будете что-нибудь знать о ней, я не удержусь, стану спрашивать, а это не годится". Узнавъ такую исторію, всѣ вспомнили, что въ то время, мѣсяца полтора или два, а можетъ быть и больше, Рахметовъ былъ мрачноватѣе обыкновеннаго, не приходилъ въ азартъ противъ себя, сколько бы ни кололи ему глаза его гнусною слабостью, то есть, сигарами, и не улыбался широко и сладко, когда ему льстили именемъ Никитушки Ломова. А я вспомнилъ и больше: въ то лѣто, три, четыре раза, въ разговорахъ со мною, онъ, черезъ нѣсколько времени послѣ перваго нашего разговора, полюбилъ меня за то, что я смѣялся (наединѣ съ нимъ) надъ нимъ, и въ отвѣтъ на мои насмѣшки вырывались у него такого рода слова: „да, жалѣйте меня, вы правы, жалѣйте: вѣдь и я тоже не отвлеченная идея, а человѣкъ, которому хотѣлось бы жить. Ну, да это ничего, пройдетъ", прибавлялъ онъ. И точно, прошло. Только однажды, когда я уже слишкомъ много расшевелилъ его насмѣшками, даже позднею осенью, все еще вызвалъ я изъ него эти слова.

Проницательный читатель, можетъ быть, догадывается изъ этого, что я знаю о Рахметовѣ больше, чѣмъ говорю. Можетъ быть. Я не смѣю противорѣчить ему, потому что онъ проницателенъ. Но если я знаю, то мало ли, чего я знаю такого, чего тебѣ, проницательный читатель, во вѣки вѣковъ не узнать. А вотъ чего я дѣйствительно не знаю, такъ не знаю: гдѣ теперь Рахметовъ, и что съ нимъ, и увижу ли я его когда-нибудь. Объ

этомъ я не имѣю никакихъ другихъ ни извѣстій, ни догадокъ, кромѣ тѣхъ, какія имѣютъ всѣ его знакомые. Когда прошло мѣсяца три, четыре послѣ того, какъ онъ пропалъ изъ Москвы, и не приходило никакихъ слуховъ о немъ, мы всѣ предположили, что онъ отправился путешествовать по Европѣ. Догадка эта, кажется, вѣрна. По крайней мѣрѣ, она подтверждается вотъ какимъ случаемъ. Черезъ годъ послѣ того, какъ пропалъ Рахметовъ, одинъ изъ знакомыхъ Кирсанова встрѣтилъ въ вагонѣ по дорогѣ изъ Вѣны въ Мюнхенъ молодаго человѣка, русскаго, который говорилъ, что объѣхалъ славянскія земли, вездѣ сближался со всѣми классами, въ каждой землѣ оставался по стольку, чтобы достаточно узнать понятія, нравы, образъ жизни, бытовыя учрежденія, степень благосостоянія всѣхъ главныхъ составныхъ частей населенія, жилъ для этого и въ городахъ, и въ селахъ, ходилъ пѣшкомъ изъ деревни въ деревню, потомъ точно такъ же познакомился съ румунами и венграми, объѣхалъ и обошелъ сѣверную Германію, оттуда пробрался опять къ югу въ нѣмецкія провинціи Австріи, теперь ѣдетъ въ Баварію, оттуда въ Швейцарію, черезъ Вюртембергъ и Баденъ во Францію, которую объѣдетъ и обойдетъ точно такъ же, оттуда за тѣмъ же проѣдетъ въ Англію и на это употребитъ еще годъ; если останется изъ этого года время, онъ посмотритъ и на испанцевъ, и на итальянцевъ, если же не останется времени, такъ и быть, потому что это не такъ „нужно“, а тѣ земли осмотрѣть „нужно“ — зачѣмъ же? — „для соображеній“; а что черезъ годъ во всякомъ случаѣ ему „нужно“ быть уже въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, изучить которые болѣе „нужно“ ему, чѣмъ какую-нибудь другую землю, и тамъ онъ останется долго, можетъ быть, болѣе года, а можетъ быть и навсегда, если онъ тамъ найдетъ себѣ дѣло, но вѣроятнѣе, что года черезъ три онъ возвратится въ Россію, потому что, кажется, въ Россіи, не теперь, а тогда, года черезъ три, четыре, „нужно“ будетъ ему быть.

Все это очень похоже на Рахметова, даже эти „нужно“, запавшія въ память разсказчика. Лѣтами, голосомъ, чертами лица, на сколько запомнилъ ихъ разказчикъ, проѣзжій тоже подходилъ къ Рахметову; но разсказчикъ тогда не обратилъ особеннаго вниманія на своего спутника, который къ тому же не долго и былъ его спутникомъ, всего часа два: сѣлъ въ вагонъ въ ка-

комъ-то городишкѣ, вышелъ въ какой-то деревнѣ; потому разсказчикъ могъ описать его наружность лишь слишкомъ общими выраженіями, и полной достовѣрности тутъ нѣтъ: по всей вѣроятности, это былъ Рахметовъ, а впрочемъ, кто жь его знаетъ? Можетъ быть, и не онъ.

Былъ еще слухъ, что молодой русскій, бывшій помѣщикъ, являлся къ величайшему изъ европейскихъ мыслителей XIX вѣка, отцу новой философіи, нѣмцу, и сказалъ ему такъ: „у меня 30,000 талеровъ; мнѣ нужно только 5,000; остальные я прошу васъ взять у меня“ (философъ живетъ очень бѣдно).—Зачѣмъ же?—„На изданіе вашихъ сочиненій.“ — Философъ, натурально, не взялъ; но русскій, будто бы, все-таки положилъ у банкира деньги на его имя и написалъ ему такъ: „Деньгами распоряжайтесь, какъ хотите, хоть бросьте въ воду, а мнѣ ихъ уже не можете возвратить, меня вы не отыщете“,—и будто бъ эти деньги такъ и теперь лежатъ у банкира. Если этотъ слухъ справедливъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что къ философу являлся именно Рахметовъ.

Такъ вотъ каковъ былъ господинъ, сидѣвшій теперь въ кабинетѣ у Кирсанова.

Да, особенный человѣкъ былъ этотъ господинъ, экземпляръ очень рѣдкой породы. И не за тѣмъ описывается мною такъ подробно одинъ экземпляръ этой рѣдкой породы, чтобы научить тебя, пронительный читатель, приличному (неизвѣстному тебѣ) обращенію съ людьми этой породы: тебѣ ни одного такого человѣка не видать; твои глаза, проницательный читатель, не такъ устроены, чтобы видѣть такихъ людей; для тебя они невидимы; ихъ видятъ только честные и смѣлые глаза; а для того тебѣ служитъ описаніе такого человѣка, чтобы ты хоть по наслышкѣ зналъ какіе люди есть на свѣтѣ. Къ чему оно служитъ для читательницъ и простыхъ читателей, это они сами знаютъ.

Да, смѣшные это люди, какъ Рахметовъ, очень забавны. Это я для нихъ самихъ говорю, что они смѣшны, говорю потому, что мнѣ жалко ихъ; это для тѣхъ благородныхъ людей говорю, которые очаровываются ими: не слѣдуйте за ними, благородные люди, говорю я, потому что скуденъ личными радостями путь, на который они зовутъ васъ; но благородные люди не слушаютъ меня и говорятъ: нѣтъ, не скуденъ, очень богатъ, а хоть бы и

былъ скуденъ въ иномъ мѣстѣ, такъ не длинно же оно, у насъ достанетъ силы пройти это мѣсто, выйти на богатыя радостью, безконечныя мѣста. Такъ видишь ли, проницательный читатель, это я не для тебя, а для другой части публики говорю, что такіе люди, какь Рахметовъ, смѣшны. А тебѣ, проницательный читатель, я скажу, что это недурные люди; а то вѣдь ты, пожалуй, и не поймешь самъ-то; да, недурные люди. Мало ихъ, но ими разцвѣтаетъ жизнь всѣхъ; безъ нихъ она заглохла бы, прокисла бы; мало ихъ, но они даютъ всѣмъ людямъ дышать, безъ нихъ люди задохнулись бы. Велика масса честныхъ и добрыхъ людей, а такихъ людей мало; но они въ ней — теинъ въ чаю, букетъ въ благородномъ винѣ; отъ нихъ ея сила и ароматъ; это цвѣтъ лучшихъ людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли.

XXX.

„Ну, думаетъ проницательный читатель, теперь главнымъ лицомъ будетъ Рахметовъ и заткнетъ за поясъ всѣхъ, и Вѣра Павловна въ него влюбится, и вотъ скоро начнется съ Кирсановымъ та же исторія, какая была съ Лопуховымъ“. Ничего этого не будетъ, проницательный читатель; Рахметовъ просидитъ вечеръ, поговоритъ съ Вѣрою Павловною, я не утаю отъ тебя ни слова изъ ихъ разговора, и ты скоро увидишь, что если бы я не хотѣлъ передать тебѣ этого разговора, то очень легко было бы и не передавать его, и ходъ событій въ моемъ разсказѣ нисколько не измѣнился бы отъ этого умолчанія, и впередъ тебѣ говорю, что когда Рахметовъ, поговоривъ съ Вѣрою Павловною, уйдетъ, то уже и совсѣмъ онъ уйдетъ изъ этого разсказа, и что не будетъ онъ ни главнымъ, ни неглавнымъ, вовсе никакимъ дѣйствующимъ лицомъ въ моемъ романѣ. Зачѣмъ же онъ введенъ въ романъ и такъ подробно описанъ? вотъ попробуй, проницательный читатель, угадаешь ли ты это. А это будетъ сказано тебѣ на слѣдующихъ страницахъ, тотчасъ же послѣ разговора Рахметова съ Вѣрою Павловною; какъ только онъ уйдетъ, такъ это я и скажу тебѣ, въ концѣ главы. Угадай-ко теперь, что тамъ будетъ сказано: угадать не трудно, если ты имѣешь хоть малѣйшее понятіе о художественности, о которой ты такъ любишь толко-

вать,—да куда тебѣ! Ну, я подскажу больше чѣмъ половину разгадки: Рахметовъ выведенъ для исполненія главнѣйшаго, самого кореннаго требованія художественности, исключительно только для удовлетворенія ему; ну, ну, угадай хоть теперь, хоть теперь-то угадай, какое это требованіе, и что нужно было сдѣлать для его удовлетворенія, и какимъ образомъ оно удовлетворено черезъ то, что показана тебѣ фигура Рахметова, остающаяся безъ всякаго вліянія и участія въ ходѣ разсказа;—ну-ко, угадай. Читательница и простой читатель, не толкующіе о художественности, они знаютъ это, а попробуй-ко угадать ты, мудрецъ. Для этого и дается тебѣ время, и ставится собственно для этого длинная и толстая черта между строкъ: видишь, какъ я пекусь о тебѣ. Остановись-ко на ней, да и подумай, не отгадаешь ли.

Пріѣхала Мерцалова, потужила, поутѣшила, сказала, что съ радостью станетъ заниматься мастерскою, не знаетъ, съумѣетъ ли, и опять стала тужить и утѣшать, помогая въ разборкѣ вещей. Рахметовъ, попросивъ сосѣдскую служанку сходить въ булочную, поставилъ самоваръ, подалъ, стали пить чай; Рахметовъ съ полчаса посидѣлъ съ дамами, выпилъ пять стакановъ чаю, съ ними опросталъ половину огромнаго сливочника и съѣлъ страшную массу печенья, кромѣ двухъ простыхъ булокъ, служившихъ фундаментомъ: „имѣю право на это наслажденіе, потому что жертвую цѣлою половиною сутокъ“. Наслаждался, послушалъ, какъ дамы убиваются, выразилъ три раза мнѣніе, что „это безуміе“—то есть, не то, что дамы убиваются, а убить себя, отъ чего бы то ни было, кромѣ слишкомъ мучительной и неизлечимой физической болѣзни или для предупрежденія какой-нибудь мучительной неизбѣжной смерти, напримѣръ колесованія; выразилъ это мнѣніе каждый разъ въ немногихъ, но сильныхъ словахъ, по своему обыкновенію, налилъ шестой стаканъ, вылилъ въ него остальныя сливки, взялъ остальное печенье,—дамы ужь давно отпили чай,—поклонился и ушелъ съ этими матеріалами для финала своего матеріальнаго наслажденія опять въ кабинетъ, уже вполнѣ посибаритствовать нѣсколько, улегшись на диванѣ, на какомъ спитъ каждый, но который для него нѣчто ужь въ родѣ капуанской роскоши. „Имѣю право на этотъ праздникъ, потому жертвую 12-ю или 14 часами времени“. Кончивъ

матеріальное наслажденіе, возобновилъ умственное—чтеніе комментарія на апокалипсисъ. Часу въ 9-мъ, пріѣхалъ полицейскій чиновникъ сообщить женѣ застрѣлившагося дѣло, которое теперь уже вполнѣ было разъяснено; Рахметовъ сказалъ, что жена ужь знаетъ, и толковать съ нею нечего; чиновникъ былъ очень радъ, что избавился отъ раздирательной сцены. Потомъ явилась Маша и Рахель, началась разборка платья и вещей: Рахель нашла, что за все, кромѣ хорошей шубы, которую она не совѣтуетъ продавать, потому что черезъ три мѣсяца все равно же понадобилось бы дѣлать новую,—Вѣра Павловна согласилась,—такъ за все остальное можно дать 450 р., дѣйствительно больше нельзя было и по внутреннему убѣжденію Марцаловой; такимъ образомъ, часамъ къ 10 торговая операція была кончена: Рахель отдала 200 р., больше у нея не было, остальныя она пришлетъ дня черезъ три, черезъ Мерцалову, забрала вещи и уѣхала. Мерцалова посидѣла еще съ часъ, но пора домой кормить грудью ребенка, и она уѣхала, сказавши, что пріѣдетъ завтра проводить на желѣзную дорогу.

Когда Мерцалова уѣхала, Рахметовъ сложилъ Ньютоново „Толкованіе на Апокалипсисъ", поставилъ аккуратно на мѣсто и послалъ Машу спросить Вѣру Павловну, можетъ ли онъ войти къ ней. Можетъ. Онъ вошелъ съ обыкновенною неторопливостью и холодностью.

— Вѣра Павловна, я могу теперь въ значительной степени утѣшить васъ. Теперь ужь можно, раньше не слѣдовало. Предупредивъ, что общій результатъ моего посѣщенія будетъ утѣшителенъ, вы знаете, я не говорю напрасныхъ словъ, и потому впередъ должны успокоиться,—я буду излагать дѣло въ порядкѣ. Я вамъ сказалъ, что встрѣтился съ Александромъ Матвѣичемъ и что знаю все. Это, дѣйствительно, правда. Я, точно, видѣлся съ Александромъ Матвѣичемъ и, точно, я знаю все. Но я не говорилъ того, что я знаю все отъ него, и я не могъ бы этого сказать, потому что, дѣйствительно, знаю все не отъ него, а отъ Дмитрія Сергѣича, который просидѣлъ у меня часа два; я былъ предувѣдомленъ, что онъ будетъ у меня, потому и находился дома, онъ сидѣлъ у меня часа два или болѣе послѣ того, какъ онъ написалъ записку, столько огорчившую васъ. Онъ-то и просилъ...

— Вы слышали, что онъ хочетъ сдѣлать, и не остановили его?

— Я просилъ васъ успокоиться, потому что результатъ моего посѣщенія будетъ утѣшителенъ. Да, я не остановилъ его, потому что рѣшеніе его было основательно, какъ вы сама увидите. Я началъ:—онъ-то и просилъ меня провести этотъ вечеръ у васъ, зная, что вы будете огорчены, и далъ мнѣ къ вамъ порученіе. Именно меня выбралъ онъ посредникомъ, потому что зналъ меня, какъ человѣка, который съ буквальною точностью исполняетъ порученіе, если берется за него, и который не можетъ быть отклоненъ отъ точнаго исполненія принятой обязанности никакимъ чувствомъ, никакими просьбами. Онъ предвидѣлъ, что вы стали бы умолять о нарушеніи его воли, и надѣялся, что я, не тронувшись вашими мольбами, исполню ее. И я исполню ее, потому впередъ прошу: не просите у меня никакой уступки въ томъ, что я скажу. Его порученіе состоитъ въ слѣдующемъ: онъ, уходя, чтобы „сойти со сцены...“

— Боже мой, что онъ сдѣлалъ! Какъ же вы могли не удержать его?

— Вникните въ это выраженіе: „сойти со сцены“ и не осуждайте меня преждевременно. Онъ употребилъ это выраженіе въ запискѣ, полученной вами, не такъ ли? и мы будемъ употреблять именно его, потому что оно очень вѣрно и удачно выбрано.

Въ глазахъ Вѣры Павловны стало выражаться недоумѣніе; ей все яснѣе думалось: „я не знаю, что это? что же мнѣ думать?“ О, Рахметовъ, при всей видимой нелѣпости своей обстоятельной манеры изложенія, былъ мастеръ, великій мастеръ вести дѣло! Онъ былъ великій психологъ, онъ зналъ и умѣлъ выполнять законы постепеннаго подготовленія.

— Итакъ, уходя, чтобы, по очень вѣрному его выраженію, „сойти со сцены“, онъ оставилъ мнѣ записку къ вамъ...

Вѣра Павловна вскочила: — Гдѣ жь она? Давайте ее! И вы могли сидѣть здѣсь цѣлый день, не отдавая мнѣ ея?

— Могъ, потому что видѣлъ надобность. Скоро вы оцѣните мои причины. Онѣ основательны. Но прежде всего, я долженъ объяснить вамъ выраженіе, употребленное мною въ самомъ началѣ: „результатъ будетъ утѣшителенъ“. Подъ утѣшительностью результата я не разумѣлъ полученіе вами этой записки, по двумъ причинамъ, изъ которыхъ первая, самое полученіе записки еще не было бы достаточнымъ успокоеніемъ, чтобы заслуживать имя

утѣшенія, не правда-ли? для утѣшенія требуется нѣчто больше. Итакъ, утѣшеніе должно заключаться въ самомъ содержаніи записки.

Вѣра Павловна опять вскочила.

— Успокойтесь, я не могу сказать, что вы ошибаетесь. Предупредивъ васъ о содержаніи записки, я прошу васъ выслушать вторую причину, по которой я не могъ разумѣть подъ „утѣшительностью результата“ самое полученіе вами записки, а долженъ былъ разумѣть ея содержаніе. Это содержаніе, характеръ котораго мы опредѣлили, такъ важно, что я могу только показать вамъ ее, но не могу отдать вамъ ея. Вы прочтете, но вы ея не получите.

— Какъ? Вы не отдадите мнѣ ея?

— Нѣтъ. Именно я потому и выбранъ, что всякій другой на моемъ мѣстѣ отдалъ бы. Она не можетъ остаться въ вашихъ рукахъ, потому что, по чрезвычайной важности ея содержанія, характеръ котораго мы опредѣлили, она не должна остаться ни въ чьихъ рукахъ. А вы захотѣли бы сохранить ее, еслибъ я отдалъ ее. Потому, чтобы не быть принуждену отнимать ее у васъ силою, я вамъ не отдамъ ее, а только покажу. Но я покажу ее только тогда, когда вы сядете, сложите на колѣна ваши руки и дадите слово не поднимать ихъ.

Если-бы тутъ былъ кто посторонній, онъ, какимъ бы чувствительнымъ сердцемъ ни былъ ударенъ, не могъ бы не засмѣяться надъ торжественностью всей этой процедуры и въ особенности надъ обрядными церемонностями этого ея финала. Смѣшно, это правда. Но какъ бы хорошо было для нашихъ нервъ, если-бы, при сообщеніи намъ сильныхъ извѣстій, умѣли соблюдать хоть десятую долю той выдержки подготовленія, какъ Рахметовъ.

Но Вѣра Павловна, какъ человѣкъ не посторонній, конечно, могла чувствовать только томительную сторону этой медленности и сама представила фигуру, которою не меньше могъ потѣшиться наблюдатель, когда, быстро сѣвши и торопливо, послушно сложивъ руки, самымъ забавнымъ голосомъ, то есть голосомъ мучительнаго нетерпѣнія воскликнула: „клянусь!“

Рахметовъ положилъ на столъ листъ почтовой бумаги, на которомъ было написано десять-двѣнадцать строкъ.

Едва Вѣра Павловна бросила на нихъ взглядъ, она въ тотъ же мигъ, вспыхнувъ, забывши всякія клятвы, вскочила; какъ молнія мелькнула ея рука, чтобы схватить записку, но записка была ужь далеко, въ поднятой рукѣ Рахметова.

— Я предвидѣлъ это, и потому, какъ вы замѣтили бы, если-бы могли замѣчать, не отпускалъ своей руки отъ записки. Точно также я буду продолжать держать этотъ листъ за уголъ все время, пока онъ будетъ лежать на столѣ. Потому всякія ваши попытки схватить его будутъ напрасны.

Вѣра Павловна опять сѣла и сложила руки. Рахметовъ опять положилъ передъ ея глазами записку. Она двадцать разъ съ волненіемъ перечитывала ее. Рахметовъ стоялъ подлѣ ея кресла очень терпѣливо, держа рукою уголъ листа. Такъ прошло съ четверть часа. Наконецъ, Вѣра Павловна подняла руку уже смирно, очевидно не съ похитительными намѣреніями, закрыла ею глаза: „какъ онъ добръ, какъ онъ добръ!“ проговорила она.

— Я не вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, и почему, мы объяснимся. Это уже не будетъ исполненіемъ его порученія, а выраженіемъ только моего мнѣнія, которое высказалъ я и ему въ послѣднее наше свиданіе. Его порученіе состояло только въ томъ, чтобы я показалъ вамъ эту записку и потомъ сжегъ ее. Вы довольно видѣли ее?

— Еще, еще.

Она опять сложила руки, онъ опять положилъ записку и съ прежнимъ терпѣніемъ опять стоялъ добрую четверть часа. Она опять закрыла лицо руками и твердила: „о, какъ онъ добръ, какъ онъ добръ!“

— Насколько вы могли изучить эту записку, вы изучили ее. Если-бы вы были въ спокойномъ состояніи духа, вы не только знали бы ее наизустъ, форма каждой буквы навѣки врѣзалась бы въ вашей памяти, такъ долго и внимательно вы смотрѣли на нее. Но въ такомъ волненіи, какъ вы теперь, законы запоминанія нарушаются, и память можетъ измѣнить вамъ. Предусматривая этотъ шансъ, я сдѣлалъ копію съ записки, и вы всегда, когда вамъ будетъ угодно, можете видѣть у меня эту копію. Черезъ нѣсколько времени, я, вѣроятно, даже найду возможнымъ отдать вамъ ее. А теперь, я полагаю, уже можно сжечь оригиналъ, и тогда мое порученіе будетъ кончено.

— Покажите еще.

Онъ опять положилъ записку. Вѣра Павловна на этотъ разъ безпрестанно поднимала глаза отъ бумаги: видно было, что она заучиваетъ записку наизустъ и повѣряетъ себя, твердо ли ее выучила. Черезъ нѣсколько минутъ, она вздохнула и перестала поднимать глаза отъ записки.

— Теперь, какъ я вижу, уже достаточно. Пора. Уже двѣнадцать часовъ, а я еще хочу изложить вамъ свои мысли объ этомъ дѣлѣ, потому что считаю полезнымъ для васъ узнать мое мнѣніе о немъ. Вы согласны?

— Да.

Записка въ то же мгновеніе запылала въ огнѣ свѣчи.

— Ахъ! вскрикнула Вѣра Павловна: — я не то сказала, зачѣмъ?

— Да, вы сказали только, что согласны слушать меня. Но уже все равно. Надобно же было когда-нибудь сжечь. Говоря эти слова, Рахметовъ сѣлъ. — И притомъ, осталась копія съ записки. Теперь, Вѣра Павловна, я вамъ выражу свое мнѣніе о дѣлѣ. Я начну съ васъ. Вы уѣзжаете. Почему?

— Мнѣ было бы очень тяжело оставаться здѣсь. Видъ мѣстъ, которыя напоминали бы прошлое, разстраивалъ бы меня.

— Да, это чувство непріятное. Но неужели много легче было бы вамъ во всякомъ другомъ мѣстѣ? Вѣдь очень не многимъ легче. И между тѣмъ, что вы дѣлали? Для полученія ничтожнаго облегченія себѣ, вы бросили на произволъ случая пятьдесятъ человѣкъ, судьба которыхъ отъ васъ зависѣла. Хорошо-ли это?

Куда дѣвалась скучная торжественность тона Рахметова! онъ говорилъ живо, легко, просто, коротко, одушевленно.

— Да, но вѣдь я хотѣла просить Мерцалову.

— Это не такъ. Вы не знаете, въ состояніи ли она замѣнить васъ въ мастерской: вѣдь ея способность къ этому еще не испытана. А тутъ требуется способность довольно рѣдкая. Десять шансовъ, противъ одного, что васъ некому было замѣнить и что вашъ отъѣздъ губилъ мастерскую. Хорошо ли это? Вы подвергали почти вѣрной, почти неизбѣжной гибели благосостояніе пятидесяти человѣкъ. Изъ-за чего? изъ-за маленькаго удобства себѣ. Хорошо ли это? Какая нѣжная заботливость къ ничтож-

нѣйшему облегченію для себя, и какое безчувствіе къ судьбѣ другихъ! Какъ вамъ нравится эта сторона вашего дѣла?

— Почему же вы не останавливали меня?

— Вы бы не послушались. Да вѣдь я же и зналъ, что вы скоро возвратитесь, стало быть, дѣло не будетъ имѣть ничего важнаго. Виновата вы?

— Кругомъ, сказала Вѣра Павловна, отчасти шутя, но отчасти, даже больше чѣмъ отчасти, и серьёзно.

— Нѣтъ, это еще только одна сторона вашей вины. Кругомъ, будетъ гораздо больше. Но за покаяніе награда: помощь въ исправленіи другой вины, которую еще можно исправить. Вы теперь спокойна, Вѣра Павловна?

— Да, почти.

— Хорошо. Какъ вы думаете, спитъ Маша? Нужна она вамъ теперь на что-нибудь?

— Конечно, нѣтъ.

— А вѣдь вы ужь успокоились; стало быть, вы уже могли бы вспомнить, что надобно сказать ей: спи, ужь первый часъ, а вѣдь она поутру встаетъ рано. Кто долженъ былъ вспомнить объ этомъ, вы или я? Я пойду скажу ей, чтобы спала. И тутъ же кстати — за новое покаяніе, вѣдь вы опять каетесь, — новая награда, я наберу, что тамъ есть вамъ поужинать. Вѣдь вы не обѣдали нынѣ; а теперь, я думаю, ужь есть аппетитъ?

— Да, есть; вижу, что есть, и очень даже, когда вы напомнили, сказала Вѣра Павловна, ужь вовсе смѣясь.

Рахметовъ принесъ холодное кушанье, оставшееся отъ обѣда, — Маша указала ему сыръ, баночку съ какими-то грибами, закуска составилась очень исправная, — принесъ два прибора, сдѣлалъ все самъ.

— Видите, Рахметовъ, съ какимъ усердіемъ я ѣмъ, значитъ, хотѣлось; а вѣдь не чувствовала, и про себя забыла, не про одну Машу; стало быть, я еще не такая злонамѣренная преступница.

— И я не такое чудо заботливости о другихъ, что вспомнилъ за васъ о вашемъ аппетитѣ: мнѣ самому хотѣлось ѣсть, я плохо пообѣдалъ; правда, съѣлъ столько, что другому было бы за глаза довольно на полтора обѣда, но вы знаете, какъ я ѣмъ—за двоихъ мужиковъ.

— Ахъ, Рахметовъ, вы были добрымъ ангеломъ не для одного моего аппетита. Но зачѣмъ же вы цѣлый день сидѣли, не показывая записки? зачѣмъ вы такъ долго мучили меня?

— Причина очень солидная. Надобно было, чтобы другіе видѣли, въ какомъ вы разстройствѣ, чтобъ извѣстіе о вашемъ ужасномъ разстройствѣ разнеслось для достовѣрности событія, васъ разстроившаго. Вѣдь вы не захотѣли бы притворяться. Да и невозможно вполнѣ замѣнить натуру ничѣмъ, натура все-таки дѣйствуетъ гораздо убѣдительнѣе. Теперь три источника достовѣрности событія: Маша, Мерцалова, Рахель. Мерцалова особенно важный источникъ,—вѣдь это ужь на всѣхъ вашихъ знакомыхъ. Я былъ очень радъ вашей мысли послать за нею.

— Какой же вы хитрый, Рахметовъ!

— Да, это не глупо придумано — ждать до ночи, только не мной; это придумалъ Дмитрій Сергѣичъ самъ.

— Какой онъ добрый! Вѣра Павловна вздохнула, только, по правдѣ сказать, вздохнула не съ печалью, а лишь съ признательностію.

— Э, Вѣра Павловна, мы его еще разберемъ. Въ послѣднее время, онъ, точно, обдумалъ все умно и поступалъ отлично. Но мы найдемъ за нимъ грѣшки, и очень крупненькіе.

— Не смѣйте, Рахметовъ, такъ говорить о немъ. Слышите, я разсержусь.

— Вы бунтовать? за это наказаніе. Продолжать казнить васъ? вѣдь списокъ вашихъ преступленій только еще начатъ.

— Казните, казните, Рахметовъ.

— За покорность награда. Покорность всегда награждается. У васъ, конечно, найдется бутылка вина. Вамъ не дурно выпить. Гдѣ найти? Въ буфетѣ, или гдѣ въ шкапѣ?

— Въ буфетѣ. Въ буфетѣ нашлась бутылка хересу. Рахметовъ заставилъ Вѣру Павловну выпить двѣ рюмки, а самъ закурилъ сигару.

— Какъ жаль, что не могу и я выпить три, четыре рюмки— хотѣлось бы.

— Неужели хотѣлось бы, Рахметовъ?

— Завидно, Вѣра Павловна, завидно, сказалъ онъ смѣясь.— Человѣкъ слабъ.

— Вы-то еще слабы, слава Богу! Но, Рахметовъ, вы уди-

вляете меня. Вы совсѣмъ не такой, какъ мнѣ казалось. Отчего вы всегда такое мрачное чудовище? А вѣдь вотъ теперь вы милый, веселый человѣкъ?

— Вѣра Павловна, я исполняю теперь веселую обязанность, отчего-жь мнѣ не быть веселымъ? Но вѣдь это случай, это рѣдкость. Вообще, видишь не веселыя вещи; какъ же тутъ не будешь мрачнымъ чудовищемъ? Только, Вѣра Павловна, если ужь случилось вамъ видѣть меня въ такомъ духѣ, въ какомъ я былъ бы радъ быть всегда, и дошло у насъ до такихъ откровенностей,—пусть это будетъ секретъ, что я не по своей охотѣ мрачное чудовище. Мнѣ легче исполнять мою обязанность, когда не замѣчаютъ, что мнѣ самому хотѣлось бы не только исполнять мою обязанность, но и радоваться жизнью; теперь меня ужь и не стараются развлекать, не отнимаютъ у меня времени на отнѣкиваніе отъ зазывовъ. А чтобы вамъ легче было представлять меня не иначе, какъ мрачнымъ чудовищемъ, надобно продолжать слѣдствіе о вашихъ преступленіяхъ.

— Да чего-жь вамъ больше?—вы ужь и такъ отыскали два: безчувственность къ Машѣ и безчувственность къ мастерской. Я каюсь.

— Безчувственность къ Машѣ—только проступокъ, а не преступленіе: Маша не погибала отъ того, что терла бы себѣ слипающіеся глаза лишній часъ, напротивъ, она дѣлала это съ пріятнымъ чувствомъ, что исполняетъ свой долгъ. Но за мастерскую я, дѣйствительно, хочу грызть васъ.

— Да вѣдь ужь изгрызли.

— Еще не всю, а я хочу изгрызть всю васъ. Какъ вы могли бросать ее на погибель?

— Да вѣдь ужь я раскаялась, и не бросала же: вѣдь Мерцалова согласилась замѣнить меня.

— Мы ужь говорили, что ваше намѣреніе замѣнить себя ею — недостаточное извиненіе. Но вы этою отговоркою только уличили себя въ новомъ преступленіи. Рахметовъ постепенно принималъ опять серьёзный, хотя и не мрачный тонъ. — Вы говорите, что она замѣняетъ васъ,—это рѣшено?

— Да, сказала Вѣра Павловна, безъ прежней шутливости уже предчувствуя, что изъ этого выходитъ дѣйствительно что-то нехорошее.

— Извольте же видѣть. Дѣло рѣшено, кѣмъ? вами и ею, рѣшено безъ всякой справки, согласны ли тѣ пятьдесятъ человѣкъ на такую перемѣну, не хотятъ ли они чего-нибудь другаго, не находятъ ли они чего-нибудь лучшаго. Вѣдь это деспотизмъ, Вѣра Павловна. Вотъ ужь за вами два великія преступленія: безжалостность и деспотизмъ. Но третье еще болѣе тяжелое. Учрежденіе, которое болѣе или менѣе хорошо соотвѣтствовало здравымъ идеямъ объ устроистве быта, которое служило болѣе или менѣе важнымъ подтвержденіемъ практичности ихъ, —а вѣдь практическихъ доказательствъ этого еще такъ мало, каждое изъ нихъ еще такъ драгоцѣнно, — это учрежденіе вы подвергали риску погибнуть, обратиться изъ доказательства практичности въ свидѣтельство непремѣнимости, нелѣпости вашихъ убѣжденій, средствомъ для опроверженія идей, благотворныхъ для человѣчества; вы подавали аргументъ противъ святыхъ вашихъ принциповъ защитникамъ мрака и зла. Теперь, я не говорю уже о томъ, что вы разрушали благосостояніе 50 человѣкъ, — что значитъ 50 человѣкъ! вы вредили дѣлу человѣчества, измѣняли дѣлу прогресса. Это, Вѣра Павловна, то, что на церковномъ языкѣ называется грѣхомъ противъ Духа Святаго.— грѣхомъ, о которомъ говорится, что всякій другой грѣхъ можетъ быть отпущенъ человѣку, но этотъ — никакъ, никогда. Правда ли? преступница? Но хорошо, что все это такъ кончилось, и что ваши грѣхи совершены только вашимъ воображеніемъ. А вѣдь, однакожь, вы въ самомъ дѣлѣ покраснѣли, Вѣра Павловна. Хорошо, я вамъ доставлю утѣшеніе. Если-бы вы не страдали очень сильно, вы не совершали бы такихъ преступныхъ вещей и въ воображеніи. Значитъ, настоящій преступникъ и по этимъ вещамъ — тотъ, кто такъ сильно разстроилъ васъ. А вы твердите: какъ онъ добръ, какъ онъ добръ!

— Какъ? по вашему, онъ былъ виноватъ, что я страдала?

— А то кто же? И все это дѣло — онъ велъ его хорошо, я не спорю,—но зачѣмъ оно было? зачѣмъ весь этотъ шумъ? ничему этому вовсе не слѣдовало быть.

— Да, я не должна была имѣть этого чувства. Но вѣдь я не знала его, я старалась подавить его.

— Ну, вотъ, не была должна. Въ чемъ вы виновата, того вы не замѣчали, а въ чемъ ничуть не виновата, за то корите

себя! этому чувству необходимо должно было возникнуть, какъ скоро даны характеры вашъ и Дмитрія Сергѣича: не такъ, то иначе, оно все-таки развилось бы; вѣдь здѣсь коренное чувство вовсе не то, что вы полюбили другого, это ужь послѣдствіе; коренное чувство—недовольство вашими прежними отношеніями. Въ какую форму должно было развиться это недовольство? Если-бы вы и онъ, оба, или хоть одинъ изъ васъ, были люди не развитые, не деликатные или дурные, оно развилось бы въ обыкновенную свою форму—вражда между мужемъ и женою, вы бы грызлись между собою, если-бы оба были дурны, или одинъ изъ васъ грызъ бы другаго, а другой былъ бы сгрызаемъ, — во всякомъ случаѣ, была бы семейная каторга, которою мы и любуемся въ большой части супружествъ; она, конечно не помѣшала бы развиться и любви къ другому, но главная штука была бы въ ней, въ каторгѣ, въ грызеніи другъ друга. У васъ такой формы не могло принять это недовольство, потому что оба вы люди порядочные, и развилось только въ легчайшую, мягчайшую, безобиднѣйшую свою форму, въ любовь къ другому. Значитъ, о любви къ другому тутъ и толковать нечего: вовсе не въ ней сущность дѣла. Сущность дѣла — недовольство прежнимъ положеніемъ; причина недовольства — несходство характеровъ. Оба вы хорошіе люди, но когда вашъ характеръ, Вѣра Павловна, созрѣлъ, потерялъ дѣтскую неопредѣленность, пріобрѣлъ опредѣленныя черты,—оказалось, что вы и Дмитрій Сергѣичъ не слишкомъ годитесь другъ для друга. Что тутъ предосудительнаго кому-нибудь изъ васъ? Вѣдь вотъ и я хорошій человѣкъ, а могли ли бы вы ужиться со мною? Вы повѣсились бы отъ тоски со мною,—черезъ сколько дней, какъ вы полагаете?

— Черезъ немного дней, сказала Вѣра Павловна смѣясь.

— Онъ не такое мрачное чудовище, какъ я, а все-таки вы и онъ слишкомъ не подъ-стать другъ другу. Кто долженъ былъ первый замѣтить это? Кто старѣе лѣтами, чей характеръ установился раньше, кто имѣлъ больше опытности въ жизни? онъ былъ долженъ предвидѣть и приготовить васъ, чтобы вы не пугались и не убивались. А онъ понялъ это лишь тогда, когда не только что вполнѣ развилось чувство, котораго онъ долженъ былъ ждать и не ждалъ, а когда ужь даже явилось послѣдствіе этого чувства, другое чувство. Отчего жь онъ не предвидѣлъ и

не замѣтилъ? Глупъ онъ, что ли? Достало бы ума. Нѣтъ, отъ невнимательности, небрежности, онъ пренебрегалъ своими отношеніями къ вамъ, Вѣра Павловна, — вотъ что! а вы твердите: добрый онъ, любилъ меня! Рахметовъ постепенно одушевляясь, говорилъ уже съ жаромъ. Но Вѣра Павловна остановила его.

— Я не должна слушать васъ, Рахметовъ, сказала она тономъ рѣзкаго неудовольствія:—вы осыпаете упреками человѣка, которому я безконечно обязана.

— Нѣтъ, Вѣра Павловна, если-бы вамъ не нужно было слушать этого, я бы не сталъ говорить. Что я, въ нынѣшній день что ли, замѣтилъ это? Что я, съ нынѣшняго дня что ли, могъ бы сказать это? Вѣдь вы знаете, что разговора со мною нельзя избѣжать, если мнѣ покажется, что нуженъ разговоръ. Значитъ, я бы могъ сказать вамъ это и прежде, но вѣдь молчалъ же. Значитъ, если теперь сталъ говорить, то нужно говорить. Я не говорю ничего раньше, чѣмъ нужно. Вы видѣли, какъ я выдержалъ записку цѣлыхъ девять часовъ въ карманѣ, хоть мнѣ и жалко было смотрѣть на васъ. Но было нужно молчать, я молчалъ. Слѣдовательно, если теперь заговорилъ, что я очень давно думалъ объ отношеніяхъ Дмитрія Сергѣича къ вамъ, стало быть, нужно говорить о нихъ.

— Нѣтъ, я не хочу слушать, съ чрезвычайною горячностью сказала Вѣра Павловна:—я васъ прошу молчать, Рахметовъ. Я васъ прошу уйдти. Я очень обязана вамъ за то, что вы потеряли для меня вечеръ. Но я прошу уйдти.

— Рѣшительно?

— Рѣшительно.

— Хорошо-съ, сказалъ онъ, смѣясь. — Нѣтъ-съ, Вѣра Павловна, отъ меня не отдѣлаетесь такъ легко. Я предвидѣлъ этотъ шансъ, и принялъ свои мѣры. Ту записку, которая сожжена, онъ написалъ самъ. А вотъ эту онъ написалъ по моей просьбѣ. Эту я могу оставить вамъ, потому что она не документъ. Извольте.— Рахметовъ подалъ Вѣрѣ Павловнѣ записку.

„11 іюля. 2 часа ночи. Милый другъ Вѣрочка, выслушай все, что тебѣ будетъ говорить Рахметовъ. Я не знаю, что хочетъ онъ говорить тебѣ, я ему не поручалъ говорить ничего, онъ не дѣлалъ мнѣ даже и намека о томъ, что онъ хочетъ тебѣ гово-

рить. Но я знаю, что онъ никогда не говоритъ ничего, кромѣ того, что нужно. Твой Д. Л.“.

Вѣра Павловна, Богъ знаетъ, сколько разъ цаловала эту записку.

— Зачѣмъ же вы не отдавали мнѣ ея? У васъ, можетъ быть, есть еще что-нибудь отъ него?

— Нѣтъ, ничего больше нѣтъ, потому что ничего больше не было нужно. Зачѣмъ не отдавалъ? — пока не было въ ней надобности, не нужно было отдавать.

— Боже мой, какъ же зачѣмъ? Да для доставленія мнѣ удовольствія имѣть отъ него нѣсколько строкъ послѣ нашей разлуки.

— Да, вотъ развѣ для этого, — ну, это не такъ важно; онъ улыбнулся.

— Ахъ, Рахметовъ, вы хотите бѣсить меня!

— Такъ эта записка служитъ причиною новой ссоры между нами? сказалъ онъ, опять смѣясь: — если такъ, я отниму ее у васъ и сожгу, вѣдь вы знаете, про такихъ людей, какъ мы съ вами, говорятъ, что для насъ нѣтъ ничего святаго. Вѣдь мы способны на всякія насилія и злодѣйства. Но что же, могу я продолжать? Оба они поостыли, она отъ полученія записки, онъ отъ того, что просидѣлъ нѣсколько минутъ молча, пока она цаловала ее.

— Да, я обязана слушать.

— Онъ не замѣчалъ того, что долженъ былъ замѣтить, началъ Рахметовъ спокойнымъ тономъ: — это произвело дурныя послѣдствія. Но если не винить его за то, что онъ замѣчалъ, это все-таки не извиняетъ его. Пусть онъ не зналъ, что это должно неизбѣжно возникнуть изъ сущности данныхъ отношеній между вашимъ и его характеромъ, онъ все-таки долженъ былъ на всякій случай приготовить васъ къ чему нибудь подобному, просто какъ къ дѣлу случайности, которой нельзя желать, которой не зачѣмъ ждать, но которая все-таки можетъ представиться: вѣдь за будущее никакъ нельзя ручаться, какія случайности можетъ привести оно. Эту-то аксіому, что бываютъ всякія случайности, ужъ навѣрное онъ зналъ. Какъ же онъ оставлялъ васъ въ такомъ состояніи мыслей, что когда произошло это, вы не были приготовлены? То, что онъ не предвидѣлъ этого, про-

изошло отъ пренебреженія, которое обидно для васъ, но само по себѣ вещь безразличная, ни дурная, ни хорошая; то, что онъ не подготовилъ васъ на всякій случай, произошло изъ побужденія положительно дурнаго. Конечно, онъ дѣйствовалъ безсознательно, но вѣдь натура и сказывается въ такикъ вещахъ, которыя дѣлаются безсознательно. Подготовлять васъ къ этому противорѣчило бы его выгодамъ, вѣдь подготовкою ослаблялось бы ваше сопротивленіе чувству, несогласному съ его интересами. Въ васъ возникло такое сильное чувство, что и самое сильное ваше сопротивленіе осталось напраснымъ; но вѣдь это опять случайность, что оно явилось съ такою силою. Будь оно внушено человѣкомъ менѣе заслуживающимъ его, хотя все-таки достойнымъ, оно было бы слабѣе. Такія сильныя чувства, противъ которыхъ всякая борьба безполезна, рѣдкое исключеніе. Гораздо больше шансовъ для появленіи такихъ чувствъ, которыя можно одолѣть, если сила сопротивленія совершенно не ослаблена. Вотъ для этихъ-то вѣроятнѣйшихъ шансовъ ему и не хотѣлось ослаблять ее. Вотъ мотивъ, по которому онъ оставилъ васъ неподготовленною и подвергъ столькимъ страданіямъ. Какъ вамъ это нравится?

— Это неправда, Рахметовъ. Онъ не скрывалъ отъ меня своего образа мыслей. Его убѣжденія были такъ же хорошо извѣстны мнѣ, какъ вамъ.

— Конечно, Вѣра Павловна. Скрывать это было бы уже слишкомъ. Мѣшать развитію въ васъ убѣжденій, которыя соотвѣтствовали бы его собственнымъ убѣжденіямъ, для этого притворяться думающимъ не то, что думаетъ, это было бы уже прямо безчестнымъ дѣломъ. Такого человѣка вы никогда бы и не полюбили. Развѣ я называлъ его дурнымъ человѣкомъ? Онъ человѣкъ очень хорошій, какъ же не хорошій?—я, сколько вамъ угодно, буду хвалить его. Я только говорю, что прежде, чѣмъ возникло это дѣло,—когда оно возникло, онъ поступалъ хорошо, но прежде, чѣмъ оно возникло, онъ поступалъ съ вами дурно. Изъ-за чего вы мучились? Онъ говорилъ,—да тутъ и говорить-то нечего, это видно само по себѣ,—изъ-за того, чтобъ не огорчить его. Какъ же могла оставаться въ васъ эта мысль, что это очень сильно огорчитъ его? Ей не слѣдовало оставаться въ васъ. Какое тутъ огорченіе? Это глупо. Что за ревности такія?

— Вы не признаете ревности, Рахметовъ?

— Въ развитомъ человѣкѣ не слѣдуетъ быть ей. Это искаженное чувство, это фальшивое чувство, это гнусное чувство, это явленіе того порядка вещей, по которому я никому не даю носить мое бѣлье, курить изъ моего мундштука; это слѣдствіе взгляда на человѣка, какъ на мою принадлежность, какъ на вещь.

— Но, Рахметовъ, если не признавать ревности, изъ этого выходятъ страшныя послѣдствія.

— Для того, кто имѣетъ ее, они страшны, а для того, кто не имѣетъ ея, въ нихъ нѣтъ ничего не только страшнаго, даже важнаго.

— Но вы проповѣдуете полную безнравственность, Рахметовъ!

— Вамъ такъ кажется послѣ четырехъ лѣтъ жизни съ нимъ? Вотъ въ этомъ-то онъ и виноватъ. Сколько разъ въ день вы обѣдаете? Одинъ. Былъ бы кто-нибудь въ претензіи на то, если-бы вы стали обѣдать два раза? Вѣроятно, нѣтъ. Почему жь вы этого не дѣлаете? Боитесь, что ли, огорчить кого-нибудь? Вѣроятно, просто потому, что это вамъ не нужно, что этого вамъ не хочется. А вѣдь обѣдъ вещь пріятная. Да вѣдь разсудокъ и, главное, самъ желудокъ говоритъ, что одинъ обѣдъ пріятенъ, а другой ужь былъ бы непріятенъ. Но если у васъ есть фантазія или болѣзненная охота обѣдать по два раза, удержало бы васъ отъ этого опасеніе огорчить кого нибудь? Нѣтъ, если-бы кто огорчался этимъ или запрещалъ это, вы только стали бы скрываться, стали бы кушать блюда въ плохомъ видѣ, пачкали бы ваши руки отъ торопливаго хватанья кушанья, пачкали бы ваше платье, отъ того, что прятали бы его въ карманы,—только. Вопросъ тутъ вовсе не о нравственности или безнравственности, а только о томъ, хорошая ли вещь контрабанда. Кого удерживаетъ понятіе о томъ, что ревность — чувство достойное уваженія и пощады, что „ахъ, если я сдѣлаю это, я огорчу“ — кого это заставляетъ попусту страдать въ борьбѣ? Только немногихъ, самыхъ благородныхъ, за которыхъ ужь никакъ нельзя опасаться, что натура ихъ повлекла бы къ безнравственности. Остальныхъ этотъ вздоръ нисколько не удерживаетъ, а только заставляетъ

хитрить, обманывать, то есть, дѣлаетъ дѣйствительно дурными. Вотъ вамъ и все. Развѣ вамъ неизвѣстно это?

— Конечно, извѣстно.

— Гдѣ жь вы послѣ этого отъищите нравственную пользу ревности?

— Да вѣдь мы съ нимъ сами всегда говорили въ этомъ духѣ.

— Вѣроятно, не совсѣмъ въ этомъ, или говорили слова, да не вѣрили другъ другу, слыша другъ отъ друга эти слова, а не вѣрили, конечно, потому, что безпрестанно слышали по всякимъ другимъ предметамъ, а можетъ быть, и по этому самому предмету, слова въ другомъ духѣ; иначе, какъ же вы мучились, Богъ знаетъ, сколько времени? и изъ-за чего? Изъ-за какихъ пустяковъ какой тяжелый шумъ! сколько разстройства для всѣхъ троихъ, особенно для васъ, Вѣра Павловна! Между тѣмъ, какъ очень спокойно могли бы вы всѣ трое жить по прежнему, какъ жили за годъ, или какъ нибудь перемѣститься всѣмъ на одну квартиру, или иначе перемѣститься, или какъ бы тамъ пришлось, только совершенно безъ всякаго разстройства, и по прежнему пить чай втроемъ, и по прежнему ѣздить въ оперу втроемъ. Къ чему эти мученья? Къ чему эти катастрофы? и все отъ того, что у васъ благодаря прежнему дурному способу его держать васъ неприготовленною къ этому, осталось понятіе: „я убиваю его этимъ“, чего тогда вовсе не было бы. Да, онъ надѣлалъ вамъ очень много лишняго горя.

— Нѣтъ, Рахметовъ, вы говорите ужасныя вещи.

— Опять „ужасныя вещи!“ Для меня ужасны: мученье изъ-за пустяковъ и катастрофы изъ-за вздора.

— Такъ по вашему, вся наша исторія — глупая мелодрама?

— Да, совершенно ненужная мелодрама съ совершенно ненужнымъ трагизмомъ. И въ томъ, что, вмѣсто простыхъ разговоровъ самаго спокойнаго содержанія, вышла раздирательная мелодрама, виноватъ Дмитрій Сергѣичъ. Его честный образъ дѣйствія въ ней едва-едва достаточенъ для покрытія его прежней вины, что онъ не предотвратилъ эту мелодраму подготовленіемъ васъ да и себя, вѣроятно, къ очень спокойному взгляду на все это, какъ на чистый вздоръ, изъ-за котораго не стоитъ выпить лишній стаканъ чаю или недопить одного стакана чаю. Онъ сильно виноватъ. Ну, да онъ довольно поплатился. Выпейте еще рюмку

хереса и ложитесь спать. Я достигъ теперь и послѣдней цѣли своего посѣщенія: вотъ уже три часа; если васъ не будить, вы проспите очень долго. А я сказалъ Машѣ, чтобъ она не будила васъ раньше половины одиннадцатаго, такъ что завтра едва успѣете вы напиться чаю, какъ ужь надобно будетъ вамъ спѣшить на желѣзную дорогу; вѣдь если и не успѣете уложить всѣхъ вещей, то скоро вернетесь, или вамъ привезутъ ихъ; какъ вы думаете сдѣлать, чтобы вслѣдъ за вами поѣхалъ Александръ Матвѣичъ, или сами вернетесь? а вамъ теперь было бы тяжело съ Машею, вѣдь не годилось бы, еслибъ она замѣтила, что вы совершенно спокойны. Да гдѣ ей будетъ замѣтить въ полчаса торопливыхъ сборовъ? Гораздо хуже была бы Мерцалова. Но я зайду къ ней рано поутру и скажу ей, чтобы не пріѣзжала сюда, потому что вы долго не спали, и не должно васъ будить, а ѣхала бы прямо на желѣзную дорогу.

— Какая заботливость обо мнѣ! сказала Вѣра Павловна.

— Ужь хоть этого-то не приписывайте ему, это ужь я самъ. Но, кромѣ того, что я его браню за прежнее,—въ глаза ему я, конечно, наговорилъ побольше и посильнѣе, — кромѣ того, что онъ кругомъ виноватъ въ возникновеніи всего этого пустаго мученія, въ самое время пустаго мученья онъ держалъ себя похвально.

XXXI.

Бесѣда съ проницательнымъ читателемъ и изгнаніе его.

Скажи же, о проницательный читатель, зачѣмъ выведенъ Рахметовъ, который вотъ теперь ушелъ и больше не явится въ моемъ разсказѣ? Ты ужь знаешь отъ меня, что эта фигура, не участвующая въ дѣйствіи...

— Неправда, перебиваетъ меня проницательный читатель:— Рахметовъ дѣйствующее лицо: вѣдь онъ принесъ записку отъ которой...

— Ужь очень плохъ ты, государь мой, въ эстетическихъ разсужденіяхъ, которыя такъ любишь, перебиваю я его:—послѣ этого, по твоему, и Маша дѣйствующее лицо? Вѣдь она, въ самомъ началѣ разсказа, тоже принесла письмо, отъ котораго пришла въ ужасъ Вѣра Павловна. И Рахель дѣйствующее лицо?

вѣдь она дала за вещи деньги, безъ которыхъ не могла бы Вѣра Павловна уѣхать. И профессоръ N. дѣйствующее лицо, потому что рекомендовалъ Вѣру Павловну въ гувернантки г-жѣ Б., безъ чего не вышло бы сцены возвращенія съ Конногвардейскаго бульвара? Можетъ быть, и Конногвардейскій бульваръ — дѣйствующее лицо? потому что вѣдь безъ него не было бы сцены свиданія на немъ и возвращенія съ него? А Гороховая улица этакъ выйдетъ ужь самое главное дѣйствующее лицо, потому что безъ нея не было-бъ и домовъ, стоящихъ на ней, значитъ, и дома Сторешникова, значитъ, не было бы и управляющаго этимъ домомъ, и дочери управляющаго этимъ домомъ не было бы, а тогда вѣдь и всего разсказа вовсе бы не было. Ну, однако, положимъ по твоему, что все это дѣйствующія лица: Конногвардейскій бульваръ и Маша, Рахель и Гороховая улица, такъ вѣдь о нихъ и сказано по пяти словъ, или того меньше, потому что дѣйствіе ихъ такое, которое больше пяти словъ не стоитъ, а посмотрите-ко, сколько страницъ отдано Рахметову.

— А, теперь знаю, говоритъ проницательный читатель:— Рахметовъ выведенъ за тѣмъ, чтобы произнесть приговоръ о Вѣрѣ Павловнѣ и Лопуховѣ, онъ нуженъ для разговора съ Вѣрою Павловною.

— О, да какъ же ты плохъ, государь мой! какъ разъ наоборотъ понимаешь дѣло. Развѣ нужно было выводить особаго человѣка за тѣмъ, чтобъ онъ высказалъ свое мнѣніе о другихъ лицахъ? По такимъ надобностямъ, можетъ быть, выводятъ и уводятъ людей въ своихъ произведеніяхъ твои великіе художники, а я, хоть и плохой писатель, а все-таки нѣсколько получше понимаю условія художественности. Нѣтъ, государь мой, Рахметовъ вовсе не былъ нуженъ для этого. Сколько разъ сама Вѣра Павловна, Лопуховъ, Кирсановъ, выражаютъ сами свое мнѣніе о своихъ поступкахъ и отношеніяхъ? Они люди не глупые, они сами могутъ разсудить, что хорошо, что дурно, на это имъ не нужно суффлера. Неужели ты думаешь, что сама Вѣра Павловна когда на досугѣ, черезъ нѣсколько дней, стала бы вспоминать прошлую сумятицу, не осудила бы свою забывчивость о мастерской точно такъ же, какъ осудилъ Рахметовъ? И неужели ты полагаешь, что Лопуховъ самъ не думалъ о своихъ отношеніяхъ къ Вѣрѣ Павловнѣ всего того, что сказалъ о немъ Вѣрѣ Павловнѣ Рахметовъ? Онъ

все это думалъ; порядочные люди сами думаютъ о себѣ все то, что можно сказать въ осужденіе имъ, потому-то, государь мой, они и порядочные люди, развѣ ты этого не зналъ? Очень же плохъ ты, государь мой, по части соображеній о томъ, что думаютъ порядочные люди. Я тебѣ скажу больше: неужели ты полагалъ, что Рахметовъ въ разговорѣ съ Вѣрою Павловною дѣйствовалъ независимо отъ Лопухова? Нѣтъ, государь мой: онъ былъ тутъ лишь орудіемъ Лопухова, и самъ тогда же очень хорошо понималъ, что онъ тутъ лишь орудіе Лопухова, и Вѣра Павловна догадалась объ этомъ черезъ день или черезъ два, и догадалась бы въ ту же самую минуту, какъ Рахметовъ раскрылъ ротъ, если-бы не была слишкомъ взволнована: вотъ какъ на самомъ-то дѣлѣ были вещи, неужели ты и этого не понималъ? Конечно, Лопуховъ во второй запискѣ говоритъ совершенно справедливо, что ни онъ Рахметову, ни Рахметовъ ему ни слова не сказалъ, каково будетъ содержаніе разговора Рахметова съ Вѣрою Павловною; да вѣдь Лопуховъ хорошо зналъ Рахметова, и что Рахметовъ думаетъ о какомъ дѣлѣ, и какъ Рахметовъ будетъ говорить въ какомъ случаѣ, вѣдь порядочные люди понимаютъ другъ друга, и не объяснявшись между собою; Лопуховъ могъ бы впередъ чуть не слово въ слово написать все, что будетъ говорить Рахметовъ Вѣрѣ Павловнѣ, именно потому-то онъ и просилъ Рахметова быть посредникомъ. Не посвятить ли тебя еще глубже въ психологическія тайны? Лопуховъ очень хорошо зналъ, что все, что думаетъ теперь про себя онъ, и думаетъ про него Рахметовъ (и думаетъ Мерцаловъ, и думаетъ Мерцалова, и думаетъ тотъ офицеръ, который боролся съ нимъ на островахъ), стала бы черезъ нѣсколько времени думать про него и Вѣра Павловна, хотя ей никто этого не скажетъ. Она сейчасъ же увидѣла бы это, какъ только прошла бы первая горячка благодарности; слѣдовательно, разсчитывалъ Лопуховъ, въ окончательномъ результатѣ я ничего не проигрываю отъ того, что посылаю къ ней Рахметова, который будетъ ругать меня, вѣдь она и сама скоро дошла бы до такого же мнѣнія; напротивъ, я выигрываю въ ея уваженіи: вѣдь она скоро сообразитъ, что я предвидѣлъ содержаніе разговора Рахметова съ нею и устроилъ этотъ разговоръ, и зачѣмъ устроилъ; вотъ она и подумаетъ: „какой онъ благородный человѣкъ, зналъ, что въ тѣ первые дни волненія, признательность

моя къ нему подавляла бы меня своею экзальтированностью, и позаботился, чтобы въ умѣ моемъ, какъ можно поскорѣе, явились мысли, которыми облегчилось бы это бремя; вѣдь хоть я и сердилась на Рахметова, что онъ бранитъ его, а вѣдь я тогда же поняла, что, въ сущности, Рахметовъ говоритъ правду; сама я додумалась бы до этого черезъ недѣлю, но тогда это было бы для меня ужь не важно, я и безъ того была бы спокойна; а черезъ то, что эти мысли были высказаны мнѣ въ первый же день, я избавилась отъ душевной тягости, которая иначе длилась бы цѣлую недѣлю. Въ тотъ день, эти мысли были для меня очень важны и полезны... да, онъ очень благородный человѣкъ". Вотъ какую штуку устроилъ Лопуховъ, а Рахметовъ былъ только его орудіемъ. Видишь-ли, государь мой, проницательный читатель, какіе хитрецы благородные-то люди, и какъ играетъ въ нихъ эгоизмъ-то: не такъ, какъ въ тебѣ, государь мой, потому что удовольствіе-то находятъ они не въ томъ, въ чемъ ты, государь мой; они, видишь ли, высшее свое наслажденіе находятъ въ томъ, чтобы люди, которыхъ они уважаютъ, думали о нихъ, какъ о благородныхъ людяхъ, и для этого, государь мой, они хлопочутъ и придумываютъ всякія штуки, не менѣе усердно, чѣмъ ты для своихъ цѣлей, только цѣли-то у васъ различныя, потому и штуки придумываются неодинаковыя тобою и ими: ты придумываешь дрянныя, вредныя для другихъ, а они придумываютъ честныя, полезныя для другихъ.

— Однако какъ ты смѣешь говорить мнѣ грубости? восклицаетъ проницательный читатель, обращаясь ко мнѣ: — я за это подамъ на тебя жалобу, разславлю тебя человѣкомъ неблагонамѣреннымъ!

— Пощадите, государь мой, отвѣчаю я:—смѣю ли я говорить вамъ грубости, когда вашъ характеръ я столько же уважаю, какъ и вашъ умъ. А я только осмѣливаюсь просвѣщать васъ по части художественности, которую вы такъ любите. Вы въ этомъ отношеніи заблуждались, государь мой, полагая, будто Рахметовъ выведенъ собственно для произнесенія приговора о Вѣрѣ Павловнѣ и Лопуховѣ. Не было такой надобности: въ мысляхъ, которыя онъ о нихъ высказываетъ, нѣтъ ничего такого, чего бы я не могъ сообщить тебѣ, государь мой, какъ мысли самого Лопухова о себѣ и какъ мысли, которыя и безъ Рахметова имѣла

бы черезъ нѣсколько времени Вѣра Павловна о себѣ и о Лопуховѣ. Теперь, государь мой, вопросъ тебѣ: зачѣмъ же я сообщаю тебѣ разговоръ Рахметова съ Вѣрою Павловною? Понимаешь ли ты теперь, что если я сообщаю тебѣ не мысли Лопухова и Вѣры Павловны, а разговоръ Рахметова съ Вѣрою Павловною, то нужно сообщить не тѣ только мысли, которыя составляли сущность разговора, но именно разговоръ? Зачѣмъ же нужно сообщать тебѣ именно этотъ разговоръ? Затѣмъ, что онъ разговоръ Рахметова съ Вѣрою Павловною; понимаешь ли хоть теперь? Все еще нѣтъ? Хорошъ же однако ты. Плохъ по части смысла-то, плохъ. Ну, вотъ тебѣ, раскушу: если разговариваютъ два человѣка, то изъ разговора бываетъ болѣе или менѣе виденъ характеръ этихъ людей,—понимаешь, къ чему идетъ дѣло? Характеръ Вѣры Павловны былъ ли тебѣ достаточно извѣстенъ до этого разговора? Былъ, ты не узналъ тутъ ничего новаго о ней; ты уже зналъ, что она и вспыхиваетъ и шутитъ, и не прочь покушать съ аппетитомъ, и пожалуй выпить рюмочку хересу, значитъ, разговоръ нуженъ для характеристики не Вѣры Павловны, а кого же? вѣдь разговаривающихъ-то двое: она да Рахметовъ, для характеристики не ея, а ну-тко, угадай?

— Рахметова! восклицаетъ проницательный читатель.

— Ну, вотъ, молодецъ, угадалъ, за это люблю. Такъ видишь ли, совершенно наоборотъ противъ того, какъ представлялось, было, тебѣ прежде. Не Рахметовъ выведенъ для того, чтобы вести разговоръ, а разговоръ сообщенъ тебѣ для того, и единственно только для того, чтобы еще побольше познакомить тебя съ Рахметовымъ. Изъ этого разговора ты увидѣлъ, что Рахметову хотѣлось бы выпить хересу, хоть онъ и не пьетъ, что Рахметовъ не безусловно „мрачное чудовище“, что, напротивъ, когда онъ за какимъ-нибудь пріятнымъ дѣломъ забываетъ свои тоскливыя думы, свою жгучую скорбь, то онъ и шутитъ, и весело болтаетъ, да только, говоритъ, рѣдко мнѣ это удается, и горько, говоритъ, мнѣ, что мнѣ такъ рѣдко это удается, я, говоритъ, и самъ не радъ, что я „мрачное чудовище“, да ужь обстоятельства-то такія, что человѣкъ съ моею пламенною любовью къ добру не можетъ не быть „мрачнымъ чудовищемъ“, а какъ бы не это, говоритъ, такъ я бы, можетъ быть, цѣлый день шутилъ да хохоталъ, да пѣлъ, да плясалъ.

Понялъ ли ты теперь, проницательный читатель, что хотя много страницъ употреблено на прямое описаніе того, какой человѣкъ былъ Рахметовъ, но что, въ сущности, еще гораздо больше страницъ посвящено все исключительно тому же, чтобы познакомить тебя все съ тѣмъ же лицомъ, которое вовсе не дѣйствующее лицо въ романѣ? Скажи же мнѣ теперь, зачѣмъ выставлена и такъ подробно описана эта фигура? Помнишь, я сказалъ тебѣ тогда: „единственно для удовлетворенія главному требованію художественности". Подумай-ка, какое оно, и какъ удовлетворяется черезъ постановленіе передъ тобою фигуры Рахметова. Додумался ли? Да нѣтъ, куда тебѣ. Ну, слушай же. Или нѣтъ, не слушай, ты не поймешь, отстань, довольно я потѣшался надъ тобою. Я теперь говорю ужь не съ тобою, я говорю съ публикою, и говорю серьёзно.

Первое требованіе художественности состоитъ вотъ въ чемъ: надобно изображать предметы такъ, чтобы читатель представлялъ себѣ ихъ въ истинномъ ихъ видѣ. Напримѣръ, если я хочу изобразить домъ, то надобно мнѣ достичь того, чтобы онъ представлялся читателю именно домомъ, а не лачужкою и не дворцомъ. Если я хочу изобразить обыкновеннаго человѣка, то надобно мнѣ достичь того, чтобы онъ не представлялся читателю ни карликомъ и ни гигантомъ.

Я хотѣлъ изобразить обыкновенныхъ порядочныхъ людей новаго поколѣнія, людей, которыхъ я встрѣчаю цѣлыя сотни. Я взялъ троихъ такихъ людей: Вѣру Павловну, Лопухова, Кирсанова. Такими обыкновенными людьми я ихъ считаю, сами они считаютъ себя, считаютъ ихъ всѣ ихъ знакомые, то есть, такіе же люди, какъ они. Гдѣ я говорилъ о нихъ не въ такомъ духѣ? Что я разсказывалъ о нихъ не такого? Я изображалъ ихъ съ любовью и уваженіемъ, потому что каждый порядочный человѣкъ стоитъ любви и уваженія. Но гдѣ я преклонялся передъ ними? Гдѣ проглядываетъ у меня хоть малѣйшая тѣнь мысли, что они ужь, Богъ знаетъ, какъ высоки и прекрасны, что я не могу представить себѣ ничего выше и лучше ихъ, что они— идеалы людей? Какъ я о нихъ думаю, такъ они и дѣйствуютъ у меня, — не больше какъ обыкновенные порядочные люди новаго поколѣнія. Что они дѣлаютъ превыспренняго? не дѣлаютъ подлостей, не трусятъ, имѣютъ обыкновенныя честныя убѣжде-

нія, стараются дѣйствовать по нимъ, и только — экое какое геройство, въ самомъ дѣлѣ! Да, мнѣ хотѣлось показать людей, дѣйствующихъ, какъ всѣ обыкновенные люди ихъ типа, и надѣюсь, мнѣ удалось достичь этого. Тѣ читатели, которые близко знаютъ живыхъ людей этого типа, надѣюсь, постоянно видѣли съ самаго начала, что главныя мои дѣйствующія лица — нисколько не идеалы, а люди вовсе не выше общаго уровня людей своего типа, что каждый изъ людей ихъ типа переживалъ не два, не три событія, въ которыхъ дѣйствовалъ нисколько не хуже того, какъ они у меня. Положимъ, что другіе порядочные люди переживали не точно такія событія, какъ разсказываемое мною; вѣдь въ этомъ нѣтъ рѣшительно никакой ни крайности, ни прелести, чтобы всѣ жены и мужья расходились, вѣдь вовсе не каждая порядочная женщина чувствуетъ страстную любовь къ пріятелю мужа; не каждый порядочный человѣкъ борется со страстью къ замужней женщинѣ, да еще цѣлые три года, и тоже не всякій бываетъ принужденъ застрѣлиться на мосту или (по словамъ проницательнаго читателя) такъ неизвѣстно куда пропасть изъ гостинницы. Но каждый порядочный человѣкъ вовсе не счелъ бы геройствомъ поступить на мѣстѣ этихъ изображенныхъ мною людей точно такъ же, какъ они, и совершенно готовъ къ этому, если-бы такъ случилось, и много разъ поступалъ не хуже въ случаяхъ не менѣе, или даже и болѣе трудныхъ, и все-таки не считаетъ себя удивительнымъ человѣкомъ, а только думаетъ о себѣ, что я дескать такъ-себѣ, ничего, довольно честный человѣкъ. И добрые знакомые такого человѣка (все такіе же люди, какъ онъ: съ другими не водится у него добраго знакомства), тоже такъ думаютъ про него, что дескать онъ хорошій человѣкъ, но на колѣна передъ нимъ и не воображаютъ становиться, а думаютъ себѣ: и мы такіе же, какъ онъ. Надѣюсь, я успѣлъ достичь этого, что каждый порядочный человѣкъ новаго поколѣнія узнаетъ обыкновенный типъ своихъ добрыхъ знакомыхъ въ моихъ трехъ дѣйствующихъ лицахъ.

Но эти люди, которые будутъ съ самаго начала разсказа думать про моихъ Вѣру Павловну, Кирсанова, Лопухова: „ну да, это наши добрые знакомые, простые обыкновенные люди, какъ мы“, люди, которые будутъ такъ думать о моихъ главныхъ дѣйствующихъ лицахъ, все-таки еще составляютъ меньшинство

публики. Большинство ея еще слишкомъ много ниже этого типа. Человѣкъ, который еще не видывалъ ничего, кромѣ лачужекъ, сочтетъ изображеніемъ дворца картинку, на которой нарисованъ такъ-себѣ, обыкновенный домъ. Какъ быть съ такимъ человѣкомъ, чтобы домъ показался ему именно домомъ, а не дворцомъ? Надобно на той же картинкѣ нарисовать хоть маленькій уголокъ дворца; онъ по этому уголку увидитъ, что дворецъ—это должно быть штука совсѣмъ ужь не того масштаба, какъ строеніе, изображенное на картинкѣ, и что это строеніе дѣйствительно, должно быть, не больше, какъ простой обыкновенный домъ, въ какихъ, или даже получше, всѣмъ слѣдовало бы жить. Не покажи я фигуру Рахметова, большинство читателей сбилось бы съ толку на счетъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ моего разсказа. Я держу пари, что до послѣднихъ отдѣловъ этой главы Вѣра Павловна, Кирсановъ, Лопуховъ, казались большинству публики героями, лицами высшей натуры, пожалуй даже лицами идеализированными, пожалуй даже лицами невозможными въ дѣйствительности по слишкомъ высокому благородству. Нѣтъ, друзья мои, злые, дурные, жалкіе друзья мои, это не такъ вамъ представлялось: не они стоятъ слишкомъ высоко, а вы стоите слишкомъ низко. Вы видите теперь, что они стоятъ просто на землѣ: это отъ того только казались они вамъ парящими на облакахъ, что вы сидите въ преисподней трущобѣ. На той высотѣ, на которой они стоятъ, должны стоять, могутъ стоять всѣ люди. Высшія натуры, за которыми не угнаться мнѣ и вамъ, жалкіе друзья мои, высшія натуры не таковы. Я вамъ показалъ легкій абрисъ профиля одной изъ нихъ: не тѣ черты, вы видите. А тѣмъ людямъ, которыхъ я изображаю вполнѣ, вы можете быть ровными, если захотите поработать надъ своимъ развитіемъ. Кто ниже ихъ, тотъ низокъ. Поднимайтесь изъ вашей трущобы, друзья мои, поднимайтесь, это не такъ трудно, выходите на вольный бѣлый свѣтъ, славно жить на немъ, и путь легокъ и заманчивъ, попробуйте: развитіе, развитіе. Наблюдайте, думайте, читайте тѣхъ, которые говорятъ вамъ о чистомъ наслажденіи жизнью, о томъ, что человѣку можно быть добрымъ и счастливымъ. Читайте ихъ—ихъ книги радуютъ сердце, наблюдайте жизнь—наблюдать ее интересно, думайте—думать завлекательно. Только и всего. Жертвъ не требуется, лишеній не спрашивается—

ихъ ненужно. Желайте быть счастливыми — только, только это желаніе нужно. Для этого, вы будете съ наслажденіемъ заботиться о своемъ развитіи: въ немъ счастье. О, сколько наслажденій развитому человѣку! Даже то, что другой чувствуетъ, какъ жертву, горе, онъ чувствуетъ, какъ удовлетвореніе себѣ, какъ наслажденіе, а для радостей какъ открыто его сердце, и какъ много ихъ у него! Попробуйте:—хорошо!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Второе замужество.

I.

Берлинъ, 20 іюня 1856.

Милостивѣйшая государыня,

Вѣра Павловна,

Близость моя къ погибшему Дмитрію Сергѣичу Лопухову даетъ мнѣ надежду, что вы благосклонно примете въ число вашихъ знакомыхъ человѣка, совершенно вамъ неизвѣстнаго, но глубоко уважающаго васъ. И во всякомъ случаѣ, смѣю думать, что вы не обвините меня въ навязчивости: вступая въ корреспонденцію съ вами, я только исполняю желаніе погибшаго Дмитрія Сергѣича; и тѣ свѣдѣнія, которыя я сообщаю о немъ, вы можете считать совершенно достовѣрными, потому что я буду передавать его мысли его собственными словами, какъ бы говорилъ онъ самъ. Вотъ его слова о дѣлѣ, объясненіе котораго составляетъ цѣль моего письма.

„Мысли, которыя произвели развязку, встревожившую людей мнѣ близкихъ (я передаю подлинныя слова Дмитрія Сергѣича, какъ уже сказалъ), созрѣвали во мнѣ постепенно, и мое намѣреніе мѣнялось нѣсколько разъ, прежде чѣмъ получило свою окончательную форму. Обстоятельство, которое было причиною этихъ мыслей, было замѣчено мною совершенно неожиданно, только въ ту минуту, когда она (Дмитрій Сергѣичъ разумѣетъ васъ) съ испугомъ сказала мнѣ о снѣ, ужаснувшемъ ее. Сонъ показался мнѣ очень важенъ; и, какъ человѣкъ, смотрѣвшій на состояніе чувствъ ея со стороны, я въ тотъ же мигъ понялъ,

что въ ея жизни начинается эпизодъ, который, на время болѣе или менѣе продолжительное, измѣнитъ прежнія наши отношенія съ нею. Но человѣкъ до послѣдней крайности старается сохранить положеніе, съ которымъ сжился; въ основной глубинѣ нашей природы лежитъ консервативный элементъ, отъ котораго мы отступаемъ только по необходимости. Въ этомъ, по моему мнѣнію, заключается объясненіе перваго моего предположенія: мнѣ хотѣлось думать, и думалось, что этотъ эпизодъ черезъ нѣсколько времени минуется, и тогда наши прежнія отношенія возстановятся. Она хотѣла избѣжать самаго эпизода черезъ тѣснѣйшее сближеніе со мною. Это увлекло меня, и нѣсколько дней я не считалъ невозможнымъ исполненіе ея надежды. Скоро я убѣдился однако же, что надѣяться этого — вещь напрасная. Причина тому заключалась въ моемъ характерѣ.

„Я вовсе не хочу порицать своего характера, говоря это. Я понимаю его такъ.

„У человѣка, проводящаго жизнь какъ должно, время раздѣляется на три части: трудъ, наслажденіе и отдыхъ или развлеченіе. Наслажденіе точно такъ же требуетъ отдыха, какъ и трудъ. Въ трудѣ и въ наслажденіи общій человѣческій элементъ беретъ верхъ надъ личными особенностями: въ трудѣ мы дѣйствуемъ подъ преобладающимъ опредѣленіемъ внѣшнихъ раціональныхъ надобностей; въ наслажденіи—подъ преобладающимъ опредѣленіемъ другихъ, также общихъ потребностей человѣческой природы. Отдыхъ, развлеченіе— элементъ, въ которомъ личность ищетъ возстановленія силъ отъ этого возбужденія, истощающаго запасъ жизненныхъ матеріаловъ, элементъ, вводимый въ жизнь уже самою личностью; тутъ личность хочетъ опредѣляться собственными своими особенностями, своими индивидуальными удобствами. Въ трудѣ и въ наслажденіи люди влекутся къ людямъ общею могущественною силою, которая выше ихъ личныхъ особенностей, — разсчетомъ выгоды въ трудѣ; въ наслажденіи,—одинаковыми потребностями организма. Въ отдыхѣ не то. Это не дѣло общей силы, сглаживающей личныя особенности: отдыхъ наиболѣе личное дѣло, тутъ натура проситъ себѣ наиболѣе простора, тутъ человѣкъ наиболѣе индивидуализируется, и характеръ человѣка всего больше выказывается въ томъ, какаго рода отдыхъ легче и пріятнѣе для него.

„Въ отномъ отношеніи люди распадаются на два главные отдѣла Для людей одного отдѣла отдыхъ или развлеченіе пріятнѣе въ обществѣ другихъ. Уединеніе нужно каждому. Но для нихъ нужно, чтобы оно было исключеніемъ; а правило для нихъ— жизнь съ другими. Этотъ классъ гораздо многочисленнѣе другаго, которому нужно наоборотъ: въ уединеніи имъ просторнѣе, чѣмъ въ обществѣ другихъ. Эта разница замѣчена и общимъ мнѣніемъ, которое обозначаетъ ее словами: человѣкъ общительный и человѣкъ замкнутый. Я принадлежу къ людямъ не общительнымъ, она — къ общительнымъ. Вотъ и вся тайна нашей исторіи. Кажется, ясно, что въ этой причинѣ нѣтъ ничего предосудительнаго ни для кого изъ насъ. Нисколько не предосудительно и то, что ни у одного изъ насъ не дастало силы отвратить эту причину: противъ своей натуры человѣкъ безсиленъ.

„Каждому довольно трудно понять особенности другихъ натуръ; всякій представляетъ себѣ всѣхъ людей по характеру своей индивидуальности. Чего не нужно мнѣ, то, по моему, не нужно и для другихъ,—такъ влечетъ насъ думать наша индивидуальность; надобны слишкомъ яркіе признаки, чтобы я вспомнилъ о противномъ. И наоборотъ: въ чемъ для меня облегченіе и просторъ, въ томъ и для другихъ. Натуральность этого расположенія мыслей — мое извиненіе въ томъ, что я слишкомъ поздно замѣтилъ разницу между натурою моею и ея. Ошибкѣ много помогло и то, что когда мы сошлись жить вмѣстѣ, она слишкомъ высоко ставила меня: между нами еще не было тогда равенства; съ ея стороны было слишкомъ много уваженія ко мнѣ; мой образъ жизни казался ей образцовымъ, она принимала за общую человѣческую черту то, что было моею личною особенностью, и на время она увлеклась ею. Была и другая причина еще болѣе сильная.

„Между неразвитыми людьми мало уважается неприкосновенность внутренней жизни. Каждый изъ семейства, особенно изъ старшихъ, безъ церемоніи суетъ лапу въ вашу интимную жизнь. Дѣло не въ томъ, что этимъ нарушаются наши тайны: тайны болѣе или менѣе крупныя драгоцѣнности, ихъ не забываешь прятать, стеречь; да и не у всякаго есть онѣ, многимъ и ровно нечего прятать отъ близкихъ. Но каждому хочется, чтобы

въ его внутренней жизни былъ уголокъ, куда никто не залѣзалъ бы, какъ всякому хочется имѣть свою особую комнату, для себя одного. Люди неразвитые не смотрятъ ни на то, ни на другое; если у васъ и есть особая комната, въ нее лѣзетъ каждый, не изъ желанія подсмотрѣть или быть навязчивымъ, нѣтъ, просто потому, что не имѣетъ предположенія, что это можетъ безпокоить васъ; онъ думаетъ, что лишь въ томъ случаѣ, когда бы онъ былъ вообще противенъ вамъ, вы могли бы не желать увидѣть его вдругъ ни съ того ни съ сего явившимся у васъ подъ носомъ; онъ не понимаетъ, что можетъ надоѣдать, можетъ мѣшать человѣку, хотя бы и расположенному къ нему. Святыня порога, черезъ который никто не имѣетъ права переступить безъ воли живущаго за нимъ, у насъ признается только въ одной комнатѣ, комнатѣ главы семейства, потому что глава семейства можетъ выгнать въ шею всякаго, выросшаго у него подъ носомъ безъ его спроса. У всѣхъ остальныхъ выростаетъ подъ носомъ, когда вздумаетъ, всякій, кто старше ихъ или равенъ имъ по семейному положенію. То же, что съ комнатою, и съ міромъ внутренней жизни. Въ него безъ всякой надобности, даже безъ всякой мысли залѣзаетъ всякій за всякимъ вздоромъ, и чаще всего не болѣе, какъ за тѣмъ, чтобы почесать языкъ о вашу душу. У дѣвушки есть два будничыя платья, бѣлое и розовое; она надѣла розовое, вотъ ужь и можно чесать языкъ о ея душу. „Ты надѣла розовое платье, Анюта, зачѣмъ ты его надѣла?“ Анюта сама не знаетъ, почему она надѣла его,—вѣдь нужно же было надѣть какое-нибудь; да притомъ, еслибъ она надѣла бѣлое, то вышло бы, то же самое. „Такъ, маменька“ (или „сестрица“). — „А ты бы лучше надѣла бѣлое“. Почему лучше, этого не знаетъ сама та, которая бесѣдуетъ съ Анютою: она просто чешетъ языкъ. „Что ты нынѣ, Анюта, какъ будто не весела?“ Анюта совершенно ни невесела, ни весела; но почему жъ не спросить, отчего то, чего и не видно, и нѣтъ. „Я не знаю; нѣтъ, кажется, я ничего“.—„Нѣтъ, ты что-то невесела“. Черезъ двѣ минуты: „А ты бы, Анюта, сѣла, поиграла на фортепьяно“, зачѣмъ, — неизвѣстно; и такъ далѣе, цѣлый день. Ваша душа будто улица, на которую поглядываетъ каждый, кто сидитъ подлѣ окна, не за тѣмъ, чтобы ему нужно было увидѣть тамъ что-нибудь, нѣтъ, онъ даже знаетъ, что и не увидитъ ничего ни нуж-

наго, ни любопытнаго, а такъ, отъ нечего дѣлать: вѣдь все равно, слѣдовательно, почему же не поглядывать? Улицѣ, точно, все равно; но человѣку вовсе нѣтъ удовольствія отъ того, что пристаютъ къ нему.

„Натурально, что это приставанье, безъ всякой цѣли и мысли, можетъ вызывать реакцію; и какъ только человѣкъ станетъ въ такое положеніе, что можетъ уединяться, онъ нѣкоторое время находитъ удовольствіе въ уединеніи, хотя бы по натурѣ былъ расположенъ къ общительности, а не къ уединенію.

„Она съ этой стороны находилась до замужества въ исключительно рѣзкомъ положеніи: къ ней приставали, къ ней лѣзли въ душу не просто отъ нечего дѣлать, случайно и только по неделикатности, а систематически, неотступно, ежеминутно, слишкомъ грубо, слишкомъ нагло, лѣзли злобно и злонамѣренно, лѣзли не просто безцеремонными руками, а руками очень жесткими и чрезвычайно грязными. Оттого и реакція къ ней была очень сильна.

„Поэтому, не должно строго осуждать мою ошибку. Нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть годъ, я и не ошибался: ей дѣйствительно нужно и пріятно было уединеніе. А въ это время у меня успѣло составиться мнѣніе о ея характерѣ. Сильная временная потребность ея сходилась съ моею постоянною потребностью, что-жъ удивительнаго, что я принялъ временное явленіе за постоянную черту ея характера? Каждый такъ расположенъ судить о другихъ по себѣ!

„Ошибка была, и очень большая. Я не виню себя въ ней, но мнѣ все хочется оправдываться; это значитъ: мнѣ чувствуется, что другіе не будутъ такъ снисходительны ко мнѣ, какъ я самъ Чтобы смягчить порицаніе, я долженъ нѣсколько поболѣе сказать о своемъ характерѣ съ этой стороны, которая ей и большей части другихъ людей довольно чужда, и потому безъ объясненій могла бы пониматься въ невѣрномъ видѣ.

„Я не понимаю отдыха иначе, какъ въ уединеніи. Быть съ другими, для меня значитъ уже чѣмъ-нибудь заниматься, или работать, или наслаждаться. Я чувствую себя совершенно на просторѣ только тогда, когда я одинъ. Какъ это назвать? Отчего это? У однихъ, отъ скрытности; у другихъ отъ застѣнчивости; у третьихъ, отъ расположенія хандрить, задумываться; у четвер-

тыхъ, отъ недостатка симпатіи къ людямъ. Во мнѣ, кажется, нѣтъ ничего этого: я прямодушенъ и откровененъ, я готовъ быть всегда веселъ и вовсе не хандрю. Смотрѣть на людей для меня пріятно; но это для меня ужь соединено съ работою или наслажденіемъ, это ужь нѣчто требующее послѣ себя отдыха, то есть, по моему, уединенія. Сколько я могу понять, во мнѣ это просто особенное развитіе влеченія къ независимости, свободѣ.

„И вотъ, сила реакціи противъ прежняго, слишкомъ тревожнаго положенія въ семействѣ заставила ее на время принять образъ жизни, несообразный съ ея постоянною наклонностью; уваженіе ко мнѣ поддерживало ее въ этомъ временномъ расположеніи дольше, чѣмъ было бы само собою; а я въ это долгое время составилъ себѣ мнѣніе о ея характерѣ, принялъ временную черту за постоянную и успокоился на томъ, вотъ и вся исторія. Съ моей стороны была ошибка, но и въ этой ошибкѣ было мало дурнаго; а ужь съ ея стороны не было совершенно ничего. А сколько страданія вышло изъ этого для нея, и какою катастрофою кончилось это для меня!

„Когда ея испугъ отъ страшнаго сна открылъ мнѣ положеніе ея чувствъ, поправлять мою ошибку было поздно. Но если-бы мы замѣтили это раньше, то можетъ быть, постоянными усиліями надъ собою мнѣ и ей удалось бы сдѣлать такъ, чтобы мы могли навсегда остаться довольны другъ другомъ? Не знаю; но думаю, что и въ случаѣ успѣха не вышло бы тутъ ничего особенно хорошаго. Положимъ, мы передѣлали бы свои характеры на столько, чтобы не осталось намъ причины тяготиться нашими отношеніями. Но передѣлки характеровъ хороши только тогда, когда направлены противъ какой-нибудь дурной стороны; а тѣ стороны, которыя пришлось бы передѣлывать въ себѣ ей и мнѣ, не имѣли ничего дурнаго. Чѣмъ общительность хуже или лучше наклонности къ уединенію, или наоборотъ? А вѣдь передѣлка характера во всякомъ случаѣ насилованье, ломка; а въ ломкѣ многое теряется, отъ насилованія многое замираетъ. Результатъ, котораго я и она, можетъ быть (но только можетъ быть, а не навѣрное), достигли бы, не стоилъ такой потери. Мы оба отчасти обезцвѣтили бы себя, болѣе или менѣе заморили бы въ себѣ свѣжесть жизни. Для чего же? для того только, чтобы сохра-

нить извѣстныя мѣста въ извѣстныхъ комнатахъ. Дѣло другое, еслибъ у насъ были дѣти; тогда надобно было бы много подумать о томъ, какъ измѣнится ихъ судьба отъ нашей разлуки: если къ худшему, то предотвращеніе этого стоитъ самыхъ великихъ усилій, и результатъ—радость, что сдѣлалъ нужное для сохраненія наилучшей судьбы тѣмъ, кого любишь—такой результатъ вознаградилъ бы за всякія усилія. А теперь, какую разумную цѣль имѣло бы это?

„Потому, при данномъ положеніи, моя ошибка, повидимому, повела даже къ лучшему: благодаря ей, намъ обоимъ пришлось меньше ломать себя. Она принесла много горя, но безъ нея, навѣрное, было бы его больше, да и результатъ не былъ бы такъ удовлетворителенъ“.

Таковы слова Дмитрія Сергѣича. Изъ настойчивости, съ которою онъ такъ много занимался этою стороною дѣла, вы легко можете видѣть, что онъ, какъ и самъ говорилъ, чувствовалъ въ ней что-то неловкое, невыгодное для себя. Онъ прямо прибавлялъ: „я чувствую, что все-таки останусь не совсѣмъ правъ во мнѣніи тѣхъ, кто сталъ бы разбирать это дѣло безъ сочувствія ко мнѣ. Но я увѣренъ въ ея сочувствіи. Она будетъ судить обо мнѣ даже лучше, чѣмъ я самъ. А самъ я считаю себя совершенно правымъ. Таково мое мнѣніе о времени, которое было до ея сна“. Теперь я передамъ вамъ чувства и намѣренія, бывшія въ немъ послѣ того, какъ вашъ сонъ раскрылъ ему неудовлетворительность отношеній между вами и имъ.

„Я сказалъ (слова Дмитрія Сергѣича), что съ первыхъ же ея словъ о страшномъ снѣ я понялъ неизбѣжность какого нибудь эпизода, различнаго отъ прежнихъ нашихъ отношеній. Я ждалъ, что онъ будетъ имѣть значительную силу, потому что иначе было невозможно при энергіи ея натуры и при тогдашнемъ состояніи ея недовольства, которое ужь имѣло очень большую силу отъ слишкомъ долгой затаенности. Но все-таки, ожиданіе представлялось мнѣ сначала въ самой легкой и выгодной для меня формѣ. Я разсуждалъ такъ: она увлечется на время страстною любовью къ кому-нибудь; пройдетъ годъ, два, и она возвратится ко мнѣ. Я очень хорошій человѣкъ. Шансы сойтись съ другимъ такимъ человѣкомъ очень рѣдки (я прямо говорю о себѣ, какъ думаю: у меня нѣтъ лицемѣрной уловки уменьшить

свое достоинство). Удовлетворенное чувство любви утратитъ часть своей стремительности; она увидитъ, что хотя одна сторона ея натуры и менѣе удовлетворяется жизнью со мною, но что, въ общей сложности жизни, ей легче, просторнѣе жизнь со мною, чѣмъ съ другимъ; и все возстановится по прежнему. Я, наученный опытомъ, буду внимательнѣе къ ней; она пріобрѣтетъ новое уваженіе ко мнѣ, будетъ имѣть еще больше привязанности ко мнѣ, чѣмъ прежде, и мы будемъ жить дружнѣе прежняго.

„Но (это вещь, объясненіе которой очень щекотливо для меня; однако-же, оно должно быть сдѣлано), но какъ представлялась мнѣ перспектива того, что наши отношенія съ нею возстановятся? Радовало ли это меня? Конечно. Но только ли радовало? Нѣтъ, это представлялось мнѣ и обремененіемъ, конечно, пріятнымъ, очень пріятнымъ, но все-таки обремененіемъ. Я очень сильно люблю ее и буду ломать себя, чтобы лучше приспособиться къ ней; это будетъ доставлять мнѣ удовольствіе, но все-таки моя жизнь будетъ стѣснена. Такъ представлялось мнѣ, когда я успокоился отъ перваго впечатлѣнія. И я увидѣлъ, что не обманывался. Она дала мнѣ испытать это, когда хотѣла, чтобы я постарался сохранить ея любовь. Мѣсяцъ угожденія этому желанію былъ самымъ тяжелымъ мѣсяцемъ моей жизни. Тутъ не было никакого страданія, это выраженіе нисколько не шло бы къ дѣлу, было бы тутъ нелѣпо; со стороны положительныхъ ощущеній, я не испытывалъ ничего кромѣ радости, угождая ей; но мнѣ было скучно. Вотъ тайна того, что ея попытка удержаться въ любви ко мнѣ осталась неудачна. Я скучалъ, угождая ей.

„На первый взглядъ, можетъ казаться странно, почему же я не скучалъ, отдавая безчисленные вечера студентамъ, для которыхъ, разумѣется, не сталъ бы много безпокоить себя и почему почувствовалъ очень сильное утомленіе, когда отдалъ всего лишь нѣсколько вечеровъ женщинѣ, которую любилъ больше, чѣмъ себя, на смерть для которой, и не только на смерть, на всякое мученіе для которой я былъ готовъ? Это можетъ казаться странно, но только для того, кто не вникнетъ въ сущность моихъ отношеній къ молодежи, которой я отдавалъ столько времени. Во первыхъ, у меня не было никакихъ личныхъ отношеній съ этими молодыми людьми; когда я сидѣлъ съ ними, я не чувствовалъ

передъ собою людей, а видѣлъ лишь нѣсколько отвлеченныхъ типовъ, которые обмѣниваются мыслями; разговоры мои съ ними мало отличались отъ раздумья наединѣ; тутъ была занята во мнѣ лишь одна сторона человѣка, та, которая всѣхъ менѣе требуетъ отдыха,—мысль. Все остальное спало. И при томъ, разговоръ имѣлъ практическую, полезную цѣль—содѣйствіе развитію умственной жизни, благородства и энергіи въ моихъ молодыхъ друзьяхъ. Это былъ трудъ; но трудъ такой легкій, что годился на возстановленіе силъ, израсходованныхъ другими трудами, не утомляющій, а освѣжающій, но все-таки трудъ; поэтому личность не имѣла тутъ требованій, которыя ставила для отдыха. Тутъ я искалъ пользы, а не успокоенія; тутъ я давалъ сонъ всѣмъ сторонамъ моего существа, кромѣ мысли; а мысль дѣйствовала безъ всякой примѣси личныхъ отношеній къ людямъ, съ которыми я говорилъ, поэтому чувствовала себѣ такой же просторъ, какъ наединѣ; эти разговоры, можно сказать, и не выводили меня изъ уединенія. Тутъ не было ничего сходнаго съ отношеніями, въ которыхъ участвуетъ весь человѣкъ.

„Я знаю, какъ щекотливо выговорить это слово „скука“; но добросовѣстность не позволяетъ мнѣ утаить его. Да, при всей моей любви къ ней, я почувствовалъ облегченіе себѣ, когда потомъ убѣдился, что между нею и мною не могутъ установиться отношенія, при которыхъ намъ было бы удобно жить по прежнему. Я началъ убѣждаться въ этомъ около того же времени, когда она стала замѣчать, что угожденіе ея желанію обременительно для меня. Тогда будущее представилось мнѣ въ новой формѣ, которая была пріятнѣе для меня; увидѣвъ, что намъ невозможно удержаться въ прежнихъ отношеніяхъ, я сталъ думать, какъ бы подумать, какъ бы поскорѣе отдѣлаться, отвязаться отъ положенія, которое было мнѣ скучно. Вотъ тайна того, что должно было казаться великодушіемъ человѣку, который захотѣлъ бы ослѣпляться признательностью къ внѣшности дѣла, или не былъ бы такъ близокъ, чтобы разсмотрѣть самую глубину побужденій. Да, мнѣ просто хотѣлось отдѣлаться отъ скучнаго положенія. Не лицемѣрствуя отрицаніемъ хорошаго въ себѣ, я не стану отрицать того, что однимъ изъ моихъ мотивовъ было желаніе добра ей. Но это былъ уже только второй мотивъ,—положимъ, очень сильный, но все-таки далеко уступавшій силою первому, главному,—желанію изба-

виться отъ скуки: настоящимъ двигателемъ было оно. Подъ вліяніемъ его, я сталъ внимательно разсматривать образъ ея жизни, и легко увидѣлъ, что въ перемѣнѣ ощущеній отъ перемѣны образа жизни главную роль играетъ появленіе и удаленіе Александра Матвѣича. Это заставило меня думать и о немъ: я понялъ причину его странныхъ дѣйствій, на которыя прежде не обращалъ вниманія, и послѣ того мои мысли получили новый видъ,—какъ я уже говорилъ, болѣе пріятный для меня. Когда я увидѣлъ, что въ ней ужь не только одно исканіе страстной любви, а уже и сама любовь, только еще не сознаваемая ею, что это чувство обратилось на человѣка вполнѣ достойнаго и вообще могущаго вполнѣ замѣнить меня ей, что этотъ человѣкъ самъ страстно любитъ ее,—я чрезвычайно обрадовался. Правда, впрочемъ, что первое впечатлѣніе было тяжело: всякая важная перемѣна соединена съ нѣкоторою скорбью. Я видѣлъ теперь, что не могу, по совѣсти, считать себя лицомъ, необходимымъ для нея; — а вѣдь я уже привыкъ къ этому и, надобно сказать правду, это было мнѣ пріятно; слѣдовательно, потеря этого отношенія необходимо должна была имѣть тяжелую сторону. Но она только на первое время, очень не долго, преобладала надъ другою стороною, которая радовала меня. Теперь я былъ увѣренъ въ ея счастьи и спокоенъ за ея судьбу. Это было источникомъ большой радости. Но напрасно было бы думать, что въ этомъ заключалась главная пріятность; нѣтъ, личное чувство опять было гораздо важнѣе: я видѣлъ, что становлюсь совершенно свободнымъ отъ принужденія. Мои слова не имѣютъ того смысла, будто для меня безсемейная жизнь кажется свободнѣе или легче семейной: нѣтъ, если мужу и женѣ нисколько не нужно стѣснять себя для угожденія другъ другу, если они довольны другъ другомъ безъ всякихъ усилій надъ собою, если они угождаютъ другъ другу, вовсе не думая угождать, то для нихъ, чѣмъ тѣснѣе отношенія между ними, тѣмъ легче и просторнѣе имъ обоимъ. Но отношеніе между нею и мною не было таково. Потому разойтись—значило для меня стать свободнымъ.

„Изъ этого видно, что я дѣйствовалъ въ собственномъ интересѣ, когда рѣшился не мѣшать ея счастью; благородная сторона была въ моемъ дѣлѣ, но движущею силою ему служило влеченіе собственной моей натуры къ лучшему для меня самого. Вотъ по

этому-то я имѣлъ силу дѣйствовать, могу сказать,—хорошо: не пошатываться туда и сюда, не дѣлать лишней суеты и непріятностей другимъ, не измѣнять своей обязанности. Это легко, когда обязанность—влеченіе собственной натуры.

„Я уѣхалъ въ Рязань. Черезъ нѣсколько времени она вызвала меня, говоря, что мое присутствіе уже не будетъ мѣшать ей. Я увидѣлъ, что оно все-таки мѣшаетъ. Сколько я могу понять, тутъ были двѣ причины. Ей было тяжело видѣть человѣка, которому она была слишкомъ много обязана, по ея мнѣнію. Она ошибалась въ этомъ, она не была нисколько обязана мнѣ, потому что я дѣйствовалъ гораздо больше для себя, нежели для нея. Но ей представлялось иначе, и она чувствовала чрезвычайно сильную признательность ко мнѣ. Это чувство тяжелое. Въ немъ есть пріятная сторона, но она имѣетъ верхъ только тогда, когда чувство не слишкомъ сильно. Когда оно сильно, оно дѣйствительно. Другая причина,—это опять нѣсколько щекотливое объясненіе, но надобно говорить то, что думаешь,—другую причину я нахожу въ томъ, что ей была непріятна ненормальность ея положенія въ смыслѣ общественныхъ условій; ей было тяжело то, что не доставало со стороны общества формальнаго признанія ея права занимать это положеніе. Итакъ, я увидѣлъ, что ей было тяжело мое существованіе подлѣ нея. Я не скрою, что въ этомъ новомъ открытіи была сторона, несравненно болѣе тяжелая для меня, чѣмъ всѣ чувства, которыя испытывалъ я въ прежнихъ періодахъ дѣла. Я сохранялъ къ ней очень сильное расположеніе: мнѣ хотѣлось оставаться человѣкомъ очень близкимъ къ ней. Я надѣялся, что это такъ будетъ. И когда я увидѣлъ, что этого не должно быть, мнѣ было очень, очень прискорбно. И тутъ ужь не было вознагражденія прискорбію ни въ какихъ личныхъ разсчетахъ; я могу сказать, что тутъ мое рѣшеніе, мое послѣднее рѣшеніе, было принято единственно по привязанности къ ней, только изъ желанія, чтобы ей было лучше, исключительно по побужденіямъ не своекорыстнымъ. За то, никогда мои отношенія къ ней, и въ самое лучшее свое время, не доставляли мнѣ такого внутренняго наслажденія, какъ эта рѣшимость. Тутъ я поступилъ уже подъ вліяніемъ того, что могу назвать благородствомъ, вѣрнѣе сказать, благороднымъ разсчетомъ, разсчетомъ, въ которомъ общій законъ человѣческой при-

роды дѣйствуетъ чисто одинъ, не заимствуя себѣ подкрѣпленія изъ индивидуальныхъ особенностей; и тутъ я узналъ, какое высокое наслажденіе—чувствовать себя поступающимъ, какъ благороднымъ человѣкомъ, то-есть такъ, какъ слѣдуетъ поступать вообще всякому человѣку, не Ивану, не Петру, а всякому, всякому безъ различія именъ: какое высокое наслажденіе чувствовать себя просто человѣкомъ,—не Иваномъ, не Петромъ, а человѣкомъ, чисто только человѣкомъ. Это чувство слишкомъ сильно; обыкновенныя натуры, какова моя, не могутъ выносить слишкомъ частаго возвышенія до этого чувства; но хорошо тому, кому случалось иногда испытывать его.

„Нѣтъ надобности объяснять ту сторону моего образа дѣйствій, которая была бы величайшимъ безразсудствомъ въ дѣлахъ съ другими людьми, но слишкомъ очевидно оправдывается характеромъ лица, которому уступалъ я. Въ то время, какъ я уѣзжалъ въ Рязань, не было ни слова сказано между ею и Александромъ Матвѣичемъ; въ то время, какъ я принималъ свое послѣднее рѣшеніе, не было ни слова сказано ни между мною и имъ, ни между мною и ею. Но я хорошо зналъ его; мнѣ не было надобности узнавать его мысли для того, чтобы узнать ихъ“.

Я передаю слова Дмитрія Сергѣича, съ буквальною точностью, какъ уже сказалъ.

Я человѣкъ совершенно чужой вамъ; но корресподенція, въ которую я вступаю съ вами, исполняя желаніе погибшаго Дмитрія Сергѣича, имѣетъ такой интимный характеръ, что вѣроятно интересно будетъ вамъ узнать, кто этотъ чуждый вамъ корреспондентъ, совершенно посвященный во внутреннюю жизнь погибшаго Дмитрія Сергѣича. Я отставной медицинскій студентъ—больше ничего не умѣю сказать вамъ о себѣ. Въ послѣдніе годы я жилъ въ Петербургѣ. Нѣсколько дней тому назадъ, я вздумалъ пуститься путешествовать и искать себѣ новой карьеры за границею. Я уѣхалъ изъ Петербурга на другой день послѣ того, какъ вы узнали о погибели Дмитрія Сергѣича. По особенному случаю, я не имѣлъ въ рукахъ документовъ, и мнѣ пришлось взять чужія бумаги, которыми обязательно снабдилъ меня одинъ изъ общихъ знакомыхъ вашихъ и моихъ. Онъ далъ мнѣ ихъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ я исполнилъ нѣкоторыя его порученія по дорогѣ. Когда вамъ случится видѣть г. Рахметова

потрудитесь сказать, что все порученное исполнено мною, какъ должно. Теперь, я буду пока бродить — вѣроятно, по Германіи, наблюдая нравы. У меня есть нѣсколько сотенъ рублей, и мнѣ хочется погулять. Когда праздность надоѣстъ, я буду искать себѣ дѣла, какого, все равно, — гдѣ? — гдѣ случится. Я воленъ, какъ птица, и могу быть беззаботенъ, какъ птица. Такое положеніе восхищаетъ меня.

Очень возможно, что вамъ угодно будетъ удостоить меня отвѣтомъ. Но я не знаю, гдѣ я буду черезъ недѣлю,— быть можетъ, въ Италіи, быть можетъ, въ Англіи, быть можетъ въ Прагѣ,—я могу теперь жить по своей фантазіи, а куда она унесетъ меня, не знаю. Поэтому, дѣлайте въ вашихъ письмахъ только слѣдующій адресъ: Berlin, Friedrichstrasse 20, Agentur von H. Schweigler; подъ этимъ конвертомъ будетъ ваше письмо въ другомъ конвертѣ, на которомъ вмѣсто всякаго адреса вы поставите только цифры 12345: онѣ будутъ означать для конторы агенства Швейглера, что письмо должно быть отправлено ко мнѣ.

Примите, милостивѣйшая государыня, увѣреніе въ глубокомъ уваженіи отъ человѣка, совершенно чуждаго вамъ, но безгранично преданнаго вамъ, который будетъ называть себя:

Отставнымъ медицинскимъ студентомъ.

Милостивѣйшій государь, Александръ Матвѣевичъ. По желанію погибшаго Дмитрія Сергѣича, я долженъ передать вамъ увѣреніе въ томъ, что наилучшимъ для него обстоятельствомъ казалось именно то, что свое мѣсто онъ долженъ былъ уступить вамъ. При тѣхъ отношеніяхъ, которыя привели къ этой перемѣнѣ, отношеніяхъ, постепенно образовавшихся въ теченіе трехъ лѣтъ, когда вы почти вовсе не бывали его гостемъ, слѣдовательно, возникшихъ безъ всякаго вашего участія, единственно изъ несоотвѣтствія характеровъ между двумя людьми, которыхъ вы потомъ напрасно старались сблизить, — при этихъ отношеніяхъ была неизбѣжна та развязка, какая произошла. Очевидно, что Дмитрій Сергѣичъ, нисколько не могъ приписывать ее вамъ. Конечно, это объясненіе излишне; однако же, болѣе только для формы, онъ поручилъ мнѣ сдѣлать его. Такъ или иначе, тотъ или другой долженъ былъ занять мѣсто, котораго не могъ занимать онъ, на которомъ только потому и могъ явиться другой,

что Дмитрій Сергѣевичъ не могъ занимать его. То, что на этомъ мѣстѣ явились именно вы, составляетъ, по мнѣнію погибшаго Дмитрія Сергѣевича, наилучшую для всѣхъ развязку. Жму вашу руку. Отставной медицинскій студентъ.

— А я знаю...

Что это? знакомый голосъ... Оглядываюсь,—такъ и есть! онъ! онъ, проницательный читатель, такъ недавно изгнанный съ позоромъ за незнаніе ни аза въ глаза по части художественности; онъ ужь опять тутъ, и опять съ своею прежнею проницательностью, онъ ужь опять что-то знаетъ!

— А! я знаю, кто это писалъ...

Но я торопливо хватаю первое, удобное для моей цѣли, что попалось подъ руку, — попалась салфетка, потому что я, переписавъ письмо отставного студента, сѣлъ завтракать—и такъ я схватываю салфетку и затыкаю ему ротъ: „Ну, знаешь, такъ и знай; что-жь орать на весь городъ?“

II.

Петербургъ, 25 августа 1856 г.

Милостивый государь,

Вы поймите, до какой степени я была обрадована вашимъ письмомъ. Отъ всей души благодарю васъ за него. Ваша близость къ погибшему Дмитрію Сергѣичу даетъ мнѣ право считать и васъ моимъ другомъ, — позвольте мнѣ употреблять это названіе. Характеръ Дмитрія Сергѣича виденъ въ каждомъ изъ его словъ, передаваемыхъ вами. Онъ постоянно отыскиваетъ самыя затаенныя причины своихъ дѣйствій, и ему приноситъ удовольствіе подводить ихъ подъ его теорію эгоизма. Впрочемъ, это общая привычка всей нашей компаніи. Мой Александръ также охотникъ разбирать себя въ этомъ духѣ. Если-бы вы послушали, какъ онъ объясняетъ свой образъ дѣйствій относительно меня и Дмитрія Сергѣича въ теченіе трехъ лѣтъ! по его словамъ, онъ все дѣлалъ изъ эгоистическаго разсчета, для собственнаго удовольствія. И я ужь давно пріобрѣла эту привычку. Только, это нѣсколько меньше занимаетъ меня и Александра, чѣмъ Дми-

трія Сергѣича, мы съ нимъ совершенно сходимся, но у него больше влеченія къ этому. Да если послушать насъ, мы всѣ трое такіе эгоисты, какихъ до сихъ поръ свѣтъ не производилъ. А можетъ быть, это и правда, можетъ быть, прежде не было такихъ эгоистовъ? Да, кажется.

Но кромѣ этой черты, общей всѣмъ намъ троимъ, въ словахъ Дмитрія Сергѣича есть другая, которая принадлежитъ ужь собственно его положенію: очевидна цѣль его объясненій—успокоить меня. Не то, чтобы его слова не были вполнѣ искренни,—нѣтъ, онъ никогда не скажетъ того, чего не думаетъ, — но онъ слишкомъ сильно выставляетъ только ту сторону правды, которая можетъ меня успокоивать. Мой другъ, я очень признательна за это, но вѣдь я эгоистка — я скажу, напрасно онъ только заботится о моемъ успокоеніи; мы сами оправдываемъ себя гораздо легче, чѣмъ оправдываютъ насъ другіе; и я, если сказать правду, не считаю себя ни въ чемъ виноватою передъ нимъ; скажу больше: я даже не считаю себя обязанною чувствовать признательность къ нему. Я цѣню его благородство, о, какъ цѣню! но вѣдь я знаю, что онъ былъ благодаренъ не для меня, а для себя. Вѣдь и я, если не обманывала его, то не обманывала не для него, а для себя, не потому, что обманывать было бы несправедливостью къ нему, а потому, что это было бы противно мнѣ самой.

Я сказала, что не виню себя,—такъ же, какъ и онъ. Но такъ же, какъ и онъ, я чувствую наклонность оправдываться; по его словамъ (очень вѣрнымъ) это значитъ: я имѣю предчувствіе, что другіе не такъ легко, какъ я сама, могутъ избавить меня отъ порицанія за нѣкоторыя стороны моихъ дѣйствій. Я вовсе не чувствую охоты оправдываться въ той части дѣла, въ которой оправдывается онъ, и наоборотъ, мнѣ хочется оправдываться въ той части, въ которой не нужно оправдываться ему. Въ томъ, что было до моего сна, никто не назоветъ меня сколько нибудь виноватою, это я знаю. Но потомъ, не я ли была причиною, что дѣло имѣло такой мелодраматическій видъ и привело къ такой эффектной катастрофѣ? Не должна ли я была гораздо проще смотрѣть на ту перемѣну отношеній, которая была ужь неизбѣжна, когда мой сонъ въ первый разъ открылъ мнѣ и Дмитрію Сергѣичу мое и его положеніе? Вечеромъ того дня, какъ

погибъ Дмитрій Сергѣичъ, я имѣла длинный разговоръ съ свирѣпымъ Рахметовымъ—какой это нѣжный и добрый человѣкъ! онъ говорилъ мнѣ Богъ знаетъ какія ужасныя вещи про Дмитрія Сергѣича. Но если пересказать ихъ дружескимъ тономъ къ Дмитрію Сергѣичу, вмѣсто жесткаго, будто враждебнаго ему тона, которымъ говорилъ Рахметовъ,— что-жь, пожалуй, онѣ справедливы. Я подозрѣваю, что Дмитрію Сергѣичу было очень понятно, какія вещи будетъ говорить мнѣ Рахметовъ, и что это входило въ его разсчетъ. Да, для меня тогда нужно было слышать это, это меня много успокоило, и кто бы не устроилъ этотъ разговоръ, я очень благодарна за него вамъ, мой другъ. Но и самъ свирѣпый Рахметовъ долженъ былъ признать, что въ послѣдней половинѣ дѣла Дмитрій Сергѣичъ поступалъ отлично. Рахметовъ винилъ его только за первую половину, въ которой онъ имѣетъ охоту оправдываться. Я буду оправдываться во второй половинѣ, хотя никто не говорилъ мнѣ, что я въ ней виновата. Но у каждаго изъ насъ,—я говорю про насъ и нашихъ друзей, про весь нашъ кружокъ, есть порицатель болѣе строгій, чѣмъ самъ Рахметовъ: это нашъ собственный умъ.

Да, я понимаю, мой другъ, что было бы гораздо легче для всѣхъ, если-бы я смотрѣла на дѣло проще и не придавала ему слишкомъ трагическаго значенія. По взгляду Дмитрія Сергѣича, должно сказать больше: тогда ему вовсе не было бы надобности прибѣгать къ эффектной и очень тяжелой для него развязкѣ, онъ былъ доведенъ до нея только излишнею пылкостью моей тревоги. Я понимаю, что ему должно такъ казаться, хоть онъ и не поручалъ вамъ передавать мнѣ это. Тѣмъ больше я цѣню его расположеніе ко мнѣ, что оно не ослабѣло даже и отъ такого мнѣнія. Но послушайте, мой другъ, оно не совсѣмъ справедливо, оно вовсе не справедливо: не отъ моей ошибки, не отъ излишней моей тревоги произошла для Дмитрія Сергѣича необходимость испытать то, что онъ самъ называетъ очень тяжелымъ. Правда, если-бы я не придавала чрезмѣрной важности перемѣнѣ отношеній, можно было бы обойтись безъ поѣздки въ Рязань; но онъ говоритъ, что она не была тяжела для него; итакъ, тутъ еще не было большой бѣды отъ моего экзальтированнаго взгляда. Тяжела была для Димитрія Сергѣича только необходимость погибнуть. Онъ объясняетъ неизбѣж-

ность этого своего рѣшенія двумя причинами: я страдала отъ чрезмѣрной признательности къ нему, я страдала отъ того, что не могла стать въ такія отношенія къ Александру, какія требуются общественными условіями. Дѣйствительно, я не была совершенно спокойна, я тяготилась своимъ положеніемъ, пока онъ не погибъ, но онъ не отгадываетъ настоящей причины. Онъ думаетъ, что видъ его тяготилъ меня чрезмѣрнымъ бременемъ признательности,—это не совсѣмъ такъ. Человѣкъ очень расположенъ отыскивать мысли, которыми можетъ облегчить себя; и въ то время, когда Дмитрій Сергѣичъ видѣлъ надобность погибели, эта причина уже давно не существовала: моя признательность къ нему давно получила ту умѣренность, при которой она составляетъ пріятное чувство. А вѣдь только эта причина и имѣла связь съ моимъ прежнимъ экзальтированнымъ взглядомъ на дѣло. Другая причина, которую приводитъ Дмитрій Сергѣичъ—желаніе придать моимъ отношеніямъ къ Александру характеръ, признаваемый обществомъ,—вѣдь она уже нисколько не зависѣла онъ моего взгляда на дѣло, она проистекала изъ понятій общества. Надъ нею я была бы безсильна. Но Дмитрій Сергѣичъ совершенно ошибается, думая, что его присутствіе было тяжело для меня по этой причинѣ. Нѣтъ. И безъ его погибели было бы легко устранить ее, если-бъ это было нужно и еслибъ этого было достаточно для меня. Если мужъ живетъ вмѣстѣ съ женою, этого довольно, чтобы общество не дѣлало скандала женѣ, въ какихъ бы отношеніяхъ ни была она къ другому. Это ужь большой успѣхъ. Мы видимъ много примѣровъ тому, что благодаря благородству мужа, дѣло устраивается такимъ образомъ; и во всѣхъ этихъ случаяхъ, общество оставляетъ жену въ покоѣ. Теперь я нахожу, что это самый лучшій и легкій для всѣхъ способъ устраивать дѣла, подобныя нашему. Дмитрій Сергѣичъ прежде предлагалъ мнѣ этотъ способъ. Я тогда отвергла его по своей экзальтированности. Не знаю, какъ было бы, если-бъ я тогда приняла его. Если-бъ я могла быть довольна тѣмъ, что общество оставило бы меня въ покоѣ, не дѣлало бы мнѣ скандала, не хотѣло бы видѣть моихъ отношеній къ Александру,—тогда, конечно, способъ, который предлагалъ мнѣ Дмитрій Сергѣичъ, былъ бы достаточенъ, и ему не нужно было бы рѣшаться на погибель. Тогда, конечно, у меня не было

бы никакой причины желать, чтобы мои отношенія къ Александру были опредѣлены формальнымъ образомъ. Но мнѣ кажется, что это устройство дѣла, удовлетворительное въ большей части случаевъ, подобныхъ нашему, не было бы удовлетворительно въ нашемъ. Наше положеніе имѣло ту рѣдкую случайность, что всѣ три лица, которыхъ оно касалось, были равносильны. Если-бы Дмитрій Сергѣичъ чувствовалъ превосходство Александра надъ собою по уму, развитію или характеру, если-бы, уступая свое мѣсто Александру, онъ уступалъ бы превосходству нравственной силы, если-бы его отказъ не былъ добровольнъ, былъ бы только отступленіемъ слабаго передъ сильнымъ, о, тогда, конечно, мнѣ нечѣмъ было бы тяготиться. Точно то же, если-бы я по уму или характеру была гораздо сильнѣе Дмитрія Сергѣича, если-бъ онъ до развитія моихъ отношеній къ Александру, былъ тѣмъ, что очень хорошо характеризуетъ анекдотъ, надъ которымъ, помните, мой другъ, мы много смѣялись, — анекдотъ, какъ встрѣтились въ фойе оперы два господина, разговорились, понравились другъ другу, захотѣли познакомиться: — „я поручикъ такой-то“, сказалъ одинъ, рекомендуясь, — „а я мужъ г-жи Тедеско“, отрекомендовался другой. Если-бы Дмитрій Сергѣичъ былъ „мужъ г-жи Тедеско“, о, тогда конечно не было бы никакой надобности въ его погибели, онъ покорялся бы, смирялся бы, и если бы былъ человѣкъ благородный, онъ не видѣлъ бы въ своемъ смиреніи ничего обиднаго для себя, и все было бы прекрасно. Но его отношеніе ко мнѣ и къ Александру было вовсе не таково. Онъ не былъ ни на волосъ слабѣе или ниже кого-нибудь изъ насъ,—и мы это знали, и онъ это зналъ. Его уступка не была слѣдствіемъ безсилія—о, вовсе нѣтъ! Она была чисто дѣломъ его доброй воли. Такъ ли, мой другъ? Вы не можете отрицать этого. Поэтому, въ какомъ же положеніи видѣла я себя? Вотъ въ этомъ, мой другъ, вся сущность дѣла. Я видѣла себя въ положеніи зависимости отъ его доброй воли, вотъ почему мое положеніе было тяжело мнѣ, вотъ почему онъ увидѣлъ надобность въ своемъ благородномъ рѣшеніи — погибнуть. Да, мой другъ, причина моего чувства, принудившаго его къ этому, скрывалась гораздо глубже, нежели объясняетъ онъ въ вашемъ письмѣ. Обременительный размѣръ признательности уже не существовалъ. Удовлетворить претензіямъ общества бы-

ло бы легко тѣмъ способомъ, какой предлагалъ мнѣ самъ Дмитрій Сергѣичъ; да претензіи общества и не доходили до меня, живущей въ своемъ маленькомъ кругу, который совершенно не имѣетъ ихъ. Но я оставалась въ зависимости отъ Дмитрія Сергѣича, мое положеніе имѣло своимъ основаніемъ только его добрую волю, оно не было самостоятельно — вотъ причина того, что оно было тяжело. Судите же теперь, могла ли эта причина быть предотвращена тѣмъ или другимъ взглядомъ моимъ на перемѣну нашихъ отношеній. Тутъ важность была не въ моемъ взглядѣ, а въ томъ, что Дмитрій Сергѣичъ человѣкъ самобытный, поступавшій такъ или иначе только по своей доброй волѣ, по доброй волѣ! Да, мой другъ, вы знаете и одобряете это мое чувство, я не хочу зависѣть отъ доброй воли чьей бы то ни было, хотя бы самаго преданнаго мнѣ человѣка, хотя бы самаго уважаемаго мною человѣка, въ которомъ я не менѣе увѣрена, чѣмъ въ самой себѣ, о которомъ я положительно знаю, что онъ всегда съ радостью будетъ дѣлать все, что мнѣ нужно, что онъ дорожитъ моимъ счастьемъ не меньше, нежели я сама. Да, мой другъ, не хочу, и знаю, что вы одобряете это.

И однако же, къ чему все это говорится, къ чему этотъ анализъ, раскрывающій самые тайные мотивы чувствъ, которыхъ никто не могъ бы доискаться? все-таки, у меня, какъ у Дмитрія Сергѣича, это саморазоблаченіе дѣлается въ свою же пользу, чтобы можно было сказать: я тутъ не виновата, дѣло зависѣло отъ такого факта, который не былъ въ моей власти. Дѣлаю эту замѣтку потому, что Дмитрій Сергѣичъ любилъ такія замѣчанія. Я хочу подольститься къ вамъ, мой другъ.

Но довольно объ этомъ. Вы имѣли столько симпатіи ко мнѣ, что не пожалѣли потратить нѣсколько часовъ времени на ваше длинное (и, о, какое драгоцѣнное для меня) письмо; изъ этого я вижу, какъ я дипломатически пишу точно такіе обороты, какъ у Дмитрія Сергѣича или у васъ, — да, *изъ этого*, только изъ этого я вижу, что вамъ интересно будетъ узнать, что было со мною послѣ того, какъ Дмитрій Сергѣичъ простился со мною, уѣзжая въ Москву, чтобы вернуться и погибнуть. Возвратившись изъ Рязани, онъ видѣлъ, что я стѣснена. Это сильно обнаружилось во мнѣ только, когда онъ возвратился. Пока онъ жилъ въ Рязани, я, скажу вамъ правду, не такъ много думала о немъ,

нѣтъ, не такъ много, какъ полагаете вы, судя потому, что онъ видѣлъ возвратившись. Но когда онъ уѣхалъ въ Москву, я видѣла, что онъ задумалъ что-то особенное. Замѣчалось, что онъ развязывается съ дѣлами въ Петербургѣ, видно было, что онъ съ недѣлю ужь только и ждалъ ихъ окончанія, чтобы уѣхать, и потомъ,—какъ же не было бы этого? я въ послѣдніе дни замѣчала иногда грусть на его лицѣ, этомъ лицѣ, которое довольно умѣетъ не выдавать тайнъ. Я предчувствовала, что готовится что-то рѣшительное, крутое. И когда онъ садился въ вагонъ, мнѣ было такъ грустно, такъ грустно. И слѣдующій день я грустила, и на третій день поутру встала еще грустнѣе, и вдругъ, Маша подаетъ мнѣ письмо, — какая это была мучительная минута, какой это мучительный часъ, мучительный день, — вы знаете. Поэтому, мой другъ, я теперь лучше, чѣмъ прежде, знаю силу моей привязанности къ Дмитрію Сергѣичу. Я сама не думала, что она такъ сильна. Да, мой другъ, я теперь знаю силу ея, знаете, и вы, потому что вы, конечно, знаете, что я рѣшилась тогда разстаться съ Александромъ; весь день я чувствовала, что моя жизнь разбита, отравлена навсегда, вы знаете и мой дѣтскій восторгъ, при видѣ записки моего добраго, добраго друга, записки, совершенно измѣнившей мои мысли (видите, какъ осторожны мои выраженія, вы должны быть довольны мною, мой другъ). Вы знаете все это, потому что Рахметовъ отправился провожать васъ, посадивши меня въ вагонъ; Дмитрій Сергѣичъ и онъ были правы, говоря, что все-таки надобно было уѣхать изъ Петербурга, для довершенія того эффекта, ради котораго Дмитрій Сергѣичъ не пожалѣлъ оставлять меня на страшныя мученія цѣлый день,—какъ я благодарна ему за эту безжалостность! Онъ и Рахметовъ также были правы, посовѣтовавъ Александру не являться ко мнѣ, не провожать меня. Но мнѣ уже не было надобности ѣхать до Москвы, нужно было только удалиться изъ Петербурга, и я остановилась въ Новгородѣ. Черезъ нѣсколько дней, туда пріѣхалъ Александръ, привезъ документы о погибели Дмитрія Сергѣича, мы повѣнчались черезъ недѣлю послѣ этой погибели и прожили съ мѣсяцъ на желѣзной дорогѣ, въ Чудовѣ, чтобы Александру удобно было ѣздить три, четыре раза въ недѣлю въ свой гошпиталь. Вчера мы возвратились въ Петербургъ,—вотъ причина, по которой я такъ долго не отвѣ-

чала на ваше письмо: оно лежало въ ящикѣ Маши, которая вовсе было и забыла о немъ. А вы, вѣроятно, Богъ знаетъ, чего не придумали, такъ долго не получая отвѣта.

Обнимаю васъ, милый другъ, ваша

Вѣра Кирсанова.

Жму твою руку, мой милый. Только, пожалуйста, ужь хоть мнѣ-то ты не пиши комплиментовъ; иначе, я изолью передъ тобою сердце мое цѣлымъ потокомъ превознесеній твоего благородства, тошнѣе чего, конечно, ничто не можетъ быть для тебя. А знаешь ли, что? не доказывается ли присутствіе порядочной дозы тупоумія, какъ во мнѣ, такъ и въ тебѣ, тѣмъ, что и ты мнѣ и я тебѣ пишемъ лишь по нѣскольку строкъ; кажется, доказывается, будто мы съ тобою нѣсколько стѣсняемся. Впрочемъ, мнѣ-то, положимъ, это еще извинительно; а ты съ какой стати? Но въ слѣдующій разъ уже надѣюсь разсуждать съ тобою свободно и напишу тебѣ груду здѣшнихъ новостей. Твой Александръ Кирсановъ.

III.

Письма эти, совершенно искреннія, дѣйствительно были нѣсколько односторонни, какъ замѣчала сама Вѣра Павловна. Оба корреспондента, конечно, старались уменьшить другъ передъ другомъ силу тяжелыхъ потрясеній, которые были ими испытаны,— о, эти люди очень хитры! Я часто слыхивалъ отъ нихъ, то есть отъ этихъ и отъ подобныхъ имъ такія вещи, что тутъ же хохоталъ среди ихъ патетическихъ увѣреній, что, дескать, это для меня было совершенно ничего, очень легко: разумѣется, хохоталъ, когда увѣренія дѣлались передо мною, человѣкомъ постороннимъ, и при разговорѣ только въ двоемъ. А когда то же самое говорилось человѣку, которому нужно это слушать, то я поддакивалъ, что это, дескать, точно, пустяки. Препотѣшное существо порядочный человѣкъ: я всегда смѣялся надъ каждымъ порядочнымъ человѣкомъ, съ которымъ знакомъ.

Препотѣшное существо, даже до нелѣпости. Вотъ, хоть бы эти письма. Я къ этимъ штукамъ отчасти ужь попривыкъ, водя дружбу съ такими госпожами и господами; ну, а на свѣжаго,

неиспорченнаго человѣка, какъ должны онѣ дѣйствовать, напримѣръ, на проницательнаго читателя?

Проницательный читатель ужь успѣлъ опростать свой ротъ отъ салфетки и изрекаетъ, качая головою:

— Безнравственно!

— Молодецъ! угадалъ! похваляю я его: — ну, порадуй еще словечкомъ.

— Да и авторъ-то безнравственный человѣкъ, изрекаетъ проницательный читатель:—вишь, какія вещи одобряетъ.

— Нѣтъ, мой милашка, ты ошибаешься. Я тутъ многое не одобряю. Пожалуй, даже все не одобряю, если тебѣ сказать по правдѣ. Все это слишкомъ еще мудрено, восторженно; жизнь гораздо проще.

— Такъ ты, значитъ, еще безнравственнѣе? спрашиваетъ меня проницательный читатель, вылупивъ глаза отъ удивленія тому, до какой непостижимой безнравственности упало человѣчество въ моемъ персонажѣ.

— Гораздо безнравственнѣе, говорю я, неизвѣстно, въ правду ли, на смѣхъ ли надъ проницательнымъ читателемъ.

Переписка продолжалась еще три, четыре мѣсяца, — дѣятельно со стороны Кирсановыхъ, небрежно и скудно со стороны ихъ корреспондента. Потомъ онъ и вовсе пересталъ отвѣчать на ихъ письма: по всему видно было, что онъ только хотѣлъ передать Вѣрѣ Павловнѣ и ея мужу тѣ мысли Лопухова, изъ которыхъ составилось такое длинное первое письмо его, а исполнивъ эту обязанность, почелъ дальнѣйшую переписку излишнею. Оставшись раза два, три безъ отвѣта; Кирсановы поняли это и перестали писать.

IV.

Вѣра Павловна отдыхала на своей мягкой кушеткѣ, дожидаясь мужа изъ его гошпиталя къ обѣду. Нынѣ она мало хлопотала въ кухнѣ надъ сладкими прибавками къ обѣду, ей хотѣлось поскорѣе прилечь, отдохнуть, потому что она до сыта наработалась въ это утро, и ужь давно такъ, и еще довольно долго будетъ такъ, что она будетъ имѣть до сыта работы по утрамъ: вѣдь она устраиваетъ другую швейную въ другомъ

концѣ города. Вѣра Павловна Лопухова жила на Васильевскомъ. Вѣра Павловна Кирсанова живетъ въ Сергіевской улицѣ, потому что мужу нужно имѣть квартиру ближе къ Выборгской сторонѣ. Мерцалова очень хорошо пришлась по той швейной, которая была устроена на Васильевскомъ,—да и натурально: вѣдь она и мастерская были ужь очень хорошо знакомы между собою. Вѣра Павловна возвратившись въ Петербургъ, увидѣла, что если и нужно ей бывать въ этой швейной, то развѣ изрѣдка, не на долго; что если она продолжаетъ бывать тамъ почти каждый день, то собственно потому только, что ее влечетъ туда ея привязанность, и что тамъ встрѣчаетъ ее привязанность; можетъ быть, на нѣсколько времени еще и не вовсе безполезны ея посѣщенія, все-таки Мерцалова еще находитъ иногда нужнымъ совѣтоваться съ нею; но это беретъ такъ мало времени, и бываетъ все рѣже; а скоро Мерцалова пріобрѣтетъ столько опытности, что вовсе перестанетъ нуждаться въ Вѣрѣ Павловнѣ. Да, ужь и въ первое время по возвращеніи въ Петербургъ, Вѣра Павловна бывала въ швейной на Васильевскомъ больше, какъ любимая гостья, чѣмъ какъ необходимое лицо. Чѣмъ же заняться?—ясно чѣмъ: надобно основать другую швейную, въ своемъ новомъ сосѣдствѣ, въ другомъ концѣ города.

И вотъ основывается новая мастерская, въ одномъ изъ переулковъ, идущихъ между Бассейною и Сергіевской. Съ нею гораздо меньше хлопотъ, чѣмъ съ прежнею: пять дѣвушекъ, составившія основный штатъ, перешли сюда изъ прежней мастерской, гдѣ мѣста ихъ были заняты новыми; остальной штатъ набрался изъ хорошихъ знакомыхъ тѣхъ швей, которыя работали въ прежней мастерской. А это значитъ, что все было уже приготовлено болѣе, чѣмъ на половину: цѣль и порядокъ швейной были хорошо извѣстны всѣмъ членамъ компаніи, новыя дѣвушки прямо и поступали съ тѣмъ желаніемъ, чтобы съ перваго же раза было введено то устройство, котораго такъ медленно достигала первая мастерская. О, теперь дѣло устройства идетъ въ десять разъ быстрѣе, чѣмъ тогда, и хлопотъ съ нимъ втрое меньше. Но все-таки много работы, и Вѣра Павловна устала нынѣ, какъ уставала и вчера, и третьяго дня, какъ уставала ужь мѣсяца два, только еще два мѣсяца, хотя уже больше полгода прошло со времени второго замужества; что-жь, надобно же было

сдѣлать себѣ свадебный праздникъ, и она праздновала долго. Но теперь она ужь принялась за работу.

Да, нынѣ она наработалась, и отдыхаетъ, и думаетъ о многомъ, о многомъ, все больше о настоящемъ: оно такъ хорошо и полно! оно такъ полно жизни, что рѣдко остается время воспоминаньямъ; воспоминанія будутъ послѣ, о, гораздо послѣ, и даже не черезъ десять лѣтъ, не черезъ двадцать лѣтъ, а послѣ; теперь еще не ихъ время, и очень еще долго будетъ не ихъ время. Но все-таки бываютъ они и теперь, изрѣдка, вотъ, напримѣръ, и нынѣ ей вспомнилось то, что чаще все вспоминается въ этихъ не частыхъ вспоминаніяхъ. Вотъ что ей вспоминается:

V.

„Миленькій! я ѣду съ тобою!“ — „Да вѣдь съ тобою нѣтъ твоихъ вещей“. — „Миленькій мой, завтра же поѣду вслѣдъ за тобою, когда ты не хотѣлъ взять меня съ собою нынѣ“.—„Подумай. Посмотри. Подожди моего письма. Оно будетъ завтра же“.

Вотъ она возвращается домой; что она чувствовала, когда ѣхала съ Машею домой, что чувствовалось и думалось ей во всю эту длинную дорогу съ Московской станціи за средній проспектъ? она сама не знаетъ, такъ она потрясена была быстрымъ оборотомъ дѣла: еще не прошло сутокъ, да, только черезъ два часа будутъ сутки послѣ того, какъ онъ нашелъ ея письмо у себя въ комнатѣ, и вотъ онъ ужь удалился, — какъ это скоро, какъ это внезапно! въ два часа ночи, она еще ничего не предвидѣла, онъ выждалъ, когда она, истомленная тревогою того утра, ужь не могла долго противиться сну, вошелъ, сказалъ нѣсколько словъ, и въ этихъ немногихъ словахъ почти все было только непонятное предисловіе къ тому, что онъ хотѣлъ сказать, а что онъ хотѣлъ сказать, въ какихъ короткихъ словахъ сказалъ онъ:—„я давно не видѣлъ своихъ стариковъ, съѣзжу къ нимъ; они будутъ рады“—только, и тотчасъ же ушелъ. Она бросилась вслѣдъ за нимъ, хоть онъ, вошедши, и бралъ съ нея слово не дѣлать этого, бросилась за нимъ—гдѣ жь онъ?—Маша, гдѣ жь онъ, гдѣ жь онъ? Маша, еще убирающая чайныя принадлежности послѣ недавнихъ, гостей, говоритъ:—Дмитрій Сергѣичъ ушелъ; сказалъ,

когда проходилъ: — я иду гулять". И она должна была лечь спать; и странно, какъ могла она уснуть? но вѣдь она не знала же что это будетъ въ то же утро, которое уже свѣтало; онъ говорилъ, что они еще успѣютъ переговорить обо всемъ. И едва она успѣла проснуться, ужь пора ѣхать на желѣзную дорогу. Да, все это только мелькнуло передъ ея глазами, какъ будто не было это съ нею, будто ей кто-то торопливо разсказывалъ, что это было съ кѣмъ-то. Только теперь возвратившись домой съ желѣзной дороги, она очнулась и стала думать: что же теперь съ нею, что же съ ней будетъ?

Да, она поѣдетъ въ Рязань. Поѣдетъ. Иначе нельзя ей. Но это письмо? что будетъ въ этомъ письмѣ? Нѣтъ, что же ждать этого письма для того, чтобы рѣшиться? Она знаетъ, что будетъ въ немъ. Но все-таки надобно отложить рѣшеніе до письма. Къ чему же отлагать? Она поѣдетъ. Да, она поѣдетъ. Это думается часъ, это думается два, это думается три, четыре часа. Но Маша проголодалась и ужь въ третій разъ зоветъ ее обѣдать, и въ этотъ разъ больше велитъ ей, чѣмъ зоветъ. Что-жь, и это разсѣяніе.—„Бѣдная Маша, какъ я заставила ее проголодаться".—„Да что же вы ждали меня, Маша, — вы бы давно обѣдали, не дожидаясь меня".—„Какъ это можно, Вѣра Павловна". И опять думается часъ, два: „я поѣду. Да, завтра же поѣду. Только дождусь письма, потому что онъ просилъ объ этомъ. Но, чтобы ни было написано въ немъ, — да вѣдь я и знаю, что будетъ въ немъ, все равно, чтобы ни было написано въ немъ, я поѣду". Это думается часъ, и два; — да, часъ думается это; но два, думается ли это? Нѣтъ, хоть и думается все это же, но думаются еще четыре слова, такіе маленькія четыре слова: „онъ не хочетъ этого" и все больше и больше думаются эти четыре маленькія слова, и вотъ уже солнце заходитъ, а все думается прежнее и эти четыре маленькія слова; и вдругъ передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ опять входитъ неотвязная Маша и требуетъ, чтобы Вѣра Павловна пила чай — передъ самымъ этимъ временемъ, изъ этихъ четырехъ маленькихъ словъ выростаютъ пять другихъ маленькихъ словъ: „и мнѣ не хочется этого". Какъ хорошо сдѣлала неотвязная Маша, что вошла! — она прогнала эти новыя пять маленькихъ словъ.

Но и благодѣтельная Маша не на долго прогнала эти пять

маленькихъ словъ. Сначала они сами не смѣли явиться, они вмѣсто себя прислали опроверженіе себѣ: „но я должна ѣхать“, и только затѣмъ прислали, чтобы самимъ вернуться, подъ прикрытіемъ этого опроверженія: — въ одинъ мигъ съ нимъ опять явились ихъ носители, четыре маленькія слова, „онъ не хочетъ этого“, и въ тотъ же мигъ эти четыре маленькія слова опять превратились въ пять маленькихъ словъ: „и мнѣ не хочется этого“. И думается это полчаса, а черезъ полчаса эти четыре маленькія слова, эти пять маленькихъ словъ уже начинаютъ передѣлывать по своей волѣ даже прежнія слова, самыя главныя прежнія слова, и изъ двухъ самыхъ главныхъ словъ „я поѣду“— выростаютъ три слова, ужь вовсе не такія, хоть и тѣ же самыя: „поѣду ли я?“ вотъ какъ ростутъ и превращаются слова! Но вотъ опять Маша: „я ему, Вѣра Павловна, ужь отдала цѣлковый, тутъ надписано: если до 9-ти часовъ принесетъ, такъ цѣлковый, позже, такъ полтинникъ. Это принесъ кондукторъ, Вѣра Павловна, пріѣхалъ съ вечернимъ поѣздомъ: говоритъ, какъ обѣщался, такъ и сдѣлалъ, для скорости взялъ извозчика“. Письмо отъ него!—да! Она знаетъ, что въ этомъ письмѣ: „не ѣзди“, но она все-таки поѣдетъ, она не хочетъ слушать этого письма, не послушаетъ его, она все-таки поѣдетъ, поѣдетъ. Нѣтъ, въ письмѣ не то, — вотъ что въ немъ, и чего нельзя не слушать: „я ѣду въ Рязань; но не прямо въ Рязань. У меня много заводскихъ дѣлъ по дорогѣ. Кромѣ Москвы, гдѣ, по множеству дѣлъ, мнѣ надобно прожить съ недѣлю, я долженъ побывать въ двухъ городахъ передъ Москвою, въ трехъ мѣстахъ за Москвою, прежде чѣмъ попаду въ Рязань. Сколько времени гдѣ я проживу, когда буду гдѣ,—этого нельзя опредѣлить, ужь и по одному тому, что въ числѣ другихъ дѣлъ, мнѣ надобно получать деньги съ нашихъ торговыхъ корреспондентовъ; а ты знаешь, милый другъ мой“— да, это было въ письмѣ: „милый мой другъ“, нѣсколько разъ было, чтобъ я видѣла, что онъ все по прежнему расположенъ ко мнѣ, что въ немъ нѣтъ никакого неудовольствія на меня, вспоминаетъ Вѣра Павловна: я тогда цаловала эти слова „милый мой другъ“,—да, было такъ:— „милый мой другъ, ты знаешь, что когда надобно получить деньги, часто приходится ждать нѣсколько дней тамъ, гдѣ разсчитывалъ пробыть лишь нѣсколько часовъ. Поэтому я рѣшительно не знаю, когда доберусь до Рязани; но только навѣрное,

не очень скоро". Она почти слово въ слово помнитъ это письмо. Что-жь это? Да, онъ совершенно отнялъ у нея возможность схватиться за него, чтобъ задержаться подлѣ него. Что-жь ей теперь дѣлать? и прежнія слова: „я должна ѣхать къ нему" превращаются въ слова: „все-таки, я не должна видѣться съ нимъ", и этотъ „онъ" ужь не тотъ, о которомъ думалось прежде. Эти слова замѣняютъ всѣ прежнія слова, и думается часъ, и думается два: „я не должна видѣться съ нимъ"; и какъ, когда они успѣли измѣниться, только уже измѣнились въ слова: „неужели я захочу увидѣться съ нимъ?—нѣтъ"; и когда она засыпаетъ, эти слова сдѣлались уже словами: „неужели же я увижусь съ нимъ?" только гдѣ жь отвѣтъ? когда онъ исчезъ? И едва ли ужь не выросли они, да, они выросли въ слова: „неужели жь я не увижусь съ нимъ?" И когда она засыпаетъ на зарѣ, она засыпаетъ ужь съ этими словами: „неужели жь я не увижусь съ нимъ?"

И когда она просыпается поздно по утру, ужь вмѣсто всѣхъ прежнихъ словъ все только борятся два слова съ однимъ словомъ: „не увижусь"—„увижусь",—и такъ идетъ все утро; забыто все, забыто все въ этой борьбѣ, и то слово, которое побольше, все хочетъ удержать при себѣ маленькое слово, такъ и хватается за него, такъ и держитъ его: „не увижусь"; а маленькое слово все отбѣгаетъ и пропадаетъ, все отбѣгаетъ и пропадаетъ: „увижусь"; забыто все, забыто все, въ усиліяхъ большаго слова удержать при себѣ маленькое, да, и оно удерживаетъ его, и зоветъ на помощь себѣ другое маленькое слово, чтобы некуда было отбѣжать этому прежнему маленькому слову: „нѣтъ, не увижусь... нѣтъ, не увижусь", — да, теперь два слова крѣпко держатъ между собою измѣнчивое самое маленькое слово, некуда уйти ему отъ нихъ, сжали они его между собою: „нѣтъ, не увижусь"—„нѣтъ, не увижусь"..... „Нѣтъ, не увижусь", — только что-жь это дѣлаетъ она? шляпа ужь надѣта, и это она инстинктивно взглянула въ зеркало; приглажены ли волоса, да, въ зеркалѣ она увидѣла, что на ней шляпа, и изъ этихъ трехъ словъ, которыя срослись было такъ твердо, осталось одно, и къ нему прибавилось новое: „нѣтъ возврата". Нѣтъ возврата, нѣтъ возврата. „Маша, вы не ждите меня обѣдать; я не буду нынѣ обѣдать дома".

— Александръ Матвѣичъ еще не изволили возвращаться изъ

гошпиталя, спокойно говоритъ Степанъ, да и какъ же не говорить ему спокойно, съ флегмою? въ ея появленіи нѣтъ ничего особеннаго: прежде, еще недавно, она часто бывала здѣсь. „Я и думала такъ; все равно я посижу. Вы не говорите ему, что я здѣсь“. Она беретъ какой-то журналъ — да, она можетъ читать, она видитъ, что можетъ читать; да, какъ только „нѣтъ возврата“, какъ только принято рѣшеніе, она чувствуетъ себя очень спокойною. Конечно, она мало читала, она вовсе не читала; она осмотрѣла комнату, она стала прибирать ее, будто хозяйка; конечно, мало прибирала, вовсе не прибирала, но какъ она спокойна: и можетъ читать, и можетъ заниматься дѣломъ, замѣтила, что изъ пепельницы не выброшенъ пепелъ, да и суконную скатерть на столѣ надобно поправить, и этотъ стулъ остался сдвинутъ съ мѣста. Она сидитъ, и думаетъ: „нѣтъ возврата, нѣтъ выбора; начинается новая жизнь“—думаетъ часъ, думаетъ два: „начинается новая жизнь. Какъ онъ удивится, какъ онъ будетъ счастливъ. Начинается новая жизнь. Какъ мы счастливы“. Звонокъ; она немного покраснѣла и улыбнулась; шаги, дверь отворяется. — „Вѣра Павловна!“ — онъ пошатнулся, да, онъ пошатнулся, онъ схватился за ручку двери; но она ужь побѣжала къ нему, обняла его: „милый мой, милый мой! Какъ *онъ* благороденъ! какъ я люблю тебя! я не могла жить безъ тебя!“ и потомъ—что было потомъ? какъ они перешли черезъ комнату? Она не помнитъ, она помнитъ только, что подбѣжала къ нему, поцаловала его, но какъ они перешли черезъ комнату, она не помнитъ, и онъ не помнитъ; они только помнятъ, когда они уже обходили мимо креселъ, около стола, а какъ они отошли отъ двери... Да, на нѣсколько секундъ у обоихъ закружилась голова, потемнѣло въ глазахъ отъ этого поцалуя... — „Вѣрочка, ангелъ мой!“ — „Другъ мой, я не могла жить безъ тебя. Какъ долго ты любилъ меня, и молчалъ! Какъ ты благороденъ! Какъ онъ благороденъ, Саша!“ — „Разскажи же, Вѣрочка, какъ это было?—„Я сказала ему, что не могу жить безъ тебя; на другой день, вчера, онъ ужь уѣхалъ, я хотѣла ѣхать за нимъ, весь день вчера думала, что поѣду за нимъ, а теперь, видишь, я ужь давно сидѣла здѣсь.“ — „Но какъ ты похудѣла въ эти двѣ недѣли, Вѣрочка, какъ блѣдны твои руки!“ Онъ цалуетъ ея руки — „да, мой милый, это была тяжелая борьба! Теперь я могу цѣнить,

какъ много страдалъ ты, чтобы не нарушать моего покоя! какъ могъ ты такъ владѣть собою, что я ничего не видѣла? Какъ много ты долженъ былъ страдать!"—„Да, Вѣрочка, это было не легко", онъ все цалуетъ ея руки, все смотритъ на нихъ, и вдругъ, она хохочетъ: — „ахъ, какая-жъ я невнимательная къ тебѣ! Вѣдь ты усталъ, Саша, вѣдь ты голоденъ!" Она вырывается отъ него и бѣжитъ. „Куда ты, Вѣрочка?" Но она ничего не отвѣчаетъ, она ужь въ кухнѣ и торопливо, весело говоритъ Степану:—„скорѣе давайте обѣдъ, на два прибора,—скорѣе! гдѣ тарелки, и все, давайте, я сама возьму и накрою столъ, а вы несите кушанье. Александръ такъ усталъ въ своемъ гошпиталѣ, надобно скорѣе дать ему обѣдать". Она идетъ съ тарелками, на тарелкахъ звенятъ ножи, вилки, ложки.—„Ха, ха, ха, мой милый! первая забота влюбленныхъ при первомъ свиданьи — поскорѣе пообѣдать! ха, ха, ха!" И онъ смѣется, помогаетъ ей накрывать столъ, много помогаетъ, но больше мѣшаетъ, потому что все цалуетъ ея руки. „Ахъ, Вѣрочка, какъ блѣдны эти руки!" и все цалуетъ ихъ. Они цалуются и смѣются.—„Но, Саша, за столомъ сидѣть смирно!" Степанъ подаетъ супъ. За обѣдомъ она разсказываетъ, какъ все это было. „Ха, ха, мой милый, какъ мы ѣдимъ, влюбленные! Правда, я вчера ничего не ѣла". Входитъ Степанъ съ послѣднимъ блюдомъ. „Степанъ! кажется, вы останетесь безъ обѣда отъ меня?" — „Да, Вѣра Павловна, придется прикупить для себя что-нибудь въ лавочкѣ". — „Ничего, Степанъ; впередъ вы ужь будете знать, что надобно готовить, кромѣ самихъ васъ, на двоихъ. Саша, гдѣ-жъ твоя сигарочница? Дай мнѣ". Она сама обрѣзываетъ для него сигару, сама закуриваетъ ее. „Кури, мой милый, а я пока пойду готовить кофе, или ты хочешь чаю? Нѣтъ, мой милый, нашъ обѣдъ долженъ быть лучше, вы съ Степаномъ слишкомъ мало заботились объ этомъ". Она возвращается черезъ пять минутъ, Степанъ несетъ за нею чайный приборъ, и возвратившись, она видитъ, что сигара Александра погасла — „ха, ха, мой милый, какъ ты замечтался безъ меня!" и онъ смѣется— „кури же"—она опять закуриваетъ ему сигару.

И, припоминая все это, Вѣра Павловна смѣется и теперь: „какъ же прозаиченъ нашъ романъ! Первое свиданье — и супъ, головы закружились отъ перваго поцалуя—и хорошій аппетитъ,

вотъ такъ сцена любви! Это презабавно! Да, какъ сіяли его глаза! Что-жь, впрочемъ, они и теперь такъ же сіяютъ. И сколько его слезъ упало на мои руки, которыя были тогда такъ блѣдны,— вотъ этого теперь ужь, конечно, нѣтъ; въ самомъ дѣлѣ, руки у меня хороши, онъ говоритъ правду". И Вѣра Павловна, взглянувъ на свои руки, опускаетъ ихъ на колѣно, такъ что оно обрисовывается подъ легкимъ пеньюаромъ, и она думаетъ опять: „онъ говоритъ правду", и улыбается, ея рука медленно скользитъ на грудь и плотно прилегаетъ къ груди, и Вѣра Павловна думаетъ: „правда".

„Ахъ, что-жь это я вспоминаю, продолжаетъ думать Вѣра Павловна и смѣется,—что-жь это я дѣлаю? будто это соединено съ этими воспоминаніями! о, нѣтъ, это первое свиданіе, состоявшее изъ обѣданья, цалованья рукъ, моего и его смѣха, слезъ о моихъ блѣдныхъ рукахъ, оно было совершенно оригинальное. Я сажусь разливать чай: „Степанъ, у васъ нѣтъ сливокъ? можно гдѣ-нибудь достать хорошихъ? Да нѣтъ, некогда, и навѣрное нельзя достать. Такъ и быть; но завтра мы устроимъ это. Кури же, мой милый: ты все забываешь курить".

Еще не допитъ чай, раздается страшный звонъ колокольчика, и въ комнату влетаютъ два студента, и въ своей торопливости, даже не видятъ ея.—„Александръ Матвѣичъ, интересный субъектъ! говорятъ они, запыхавшись: — сейчасъ привезли, чрезвычайно рѣдкое осложненіе", Богъ знаетъ, какой латинскій терминъ, обозначающій болѣзнь интереснаго субъекта. „Очень любопытно, Александръ Матвѣичъ, и нужна немедленная помощь, каждые полчаса дороги, мы даже ѣхали на извозчикѣ".—„Скорѣе же, мой милый, спѣши", говоритъ она. Только тутъ студенты замѣчаютъ ее, и раскланиваются, и въ тотъ же мигъ уводятъ съ собою своего профессора; его сборы были слишкомъ не долги, онъ все еще оставался въ своемъ военномъ сюртукѣ, и она гонитъ его,—„оттуда ты ко мнѣ?" говоритъ она, прощаясь.—„Да". Долго ждетъ она вечеромъ: вотъ и десять часовъ, его все нѣтъ, вотъ и одиннадцать,—теперь ужь нечего и ждать. Однако, что это такое? Она, конечно, нисколько не безпокоится, не могло же ничего случиться съ нимъ; но значитъ, какъ же онъ долго былъ задержанъ интереснымъ субъектомъ! и что этотъ бѣдный интересный субъектъ, живъ ли онъ теперь, удалось ли Сашѣ

спасти его? Да, Саша былъ очень долго задержанъ. Онъ пріѣхалъ на другое утро въ девять часовъ, онъ до четырехъ часовъ оставался въ гошпиталѣ: „случай былъ очень трудный и интересный, Вѣрочка". —„Спасенъ?" — „Да". — „Какъ же ты всталъ такъ рано?"—„Я не ложился". — „Не ложился? Чтобы не опоздать сюда, не спалъ ночь! Безбожникъ! Изволь отправиться домой и спи до самаго обѣда, непремѣнно, чтобы я застала тебя еще не проснувшимся". Въ двѣ минуты онъ былъ уже выпровоженъ.

Вотъ какія были два первыя свиданья. Но этотъ второй обѣдъ идетъ уже какъ слѣдуетъ; они теперь уже съ толкомъ разсказываютъ другъ другу свои исторіи, а вчера, Богъ знаетъ, что они говорили; они и смѣются, и задумываются, и жалѣютъ другъ друга; каждому изъ нихъ кажется, что другой страдалъ еще больше... Черезъ полторы недѣли нанята маленькая дача на Каменномъ островѣ, и они поселяются на ней.

VI.

Не очень часто вспоминаетъ Вѣра Павловна прошлое своей нынѣшней любви; да, въ настоящемъ такъ много жизни, что остается мало времени для воспоминаній. Но когда вспоминаетъ она прошлое, то иногда,—сначала точно, только иногда, а потомъ все постояннѣе,—при каждомъ воспоминаніи она чувствуетъ недовольство, сначала слабое, мимолетное, неопредѣленное, — кѣмъ? чѣмъ?—вотъ, ужь ей становится видно, кѣмъ: она недовольна собою, за что же? Вотъ она уже видитъ, изъ какой черты ея характера выходитъ недовольство,—да, она очень горда. Но въ одномъ ли прошедшемъ она недовольна собою?—сначала, да; но вотъ она ужь замѣчаетъ, что недовольство собою относится къ ней и къ настоящему. И какой странный характеръ сталъ замѣтенъ въ этомъ чувствѣ, когда сталъ выясняться его характеръ: будто это не она. Вѣра Павловна Кирсанова лично чувствуетъ недовольство, а будто въ ней отражается недовольство тысячъ и милліоновъ; и будто не лично собою она недовольна, а будто недовольны въ ней собою эти тысячи и милліоны. Кто-жъ эти тысячи и милліоны? за что они недовольны собою? Если-бы она, по прежнему, жила больше одна, думала одна,

вѣроятно, не такъ скоро прояснилось бы это; но вѣдь теперь она постоянно съ мужемъ, они все думаютъ вмѣстѣ, и мысль о немъ примѣшана ко всѣмъ ея мыслямъ. Это много помогло ей разгадать свое чувство. Прямо онъ самъ нисколько не могъ разъяснить эту загадку: пока чувство было темно для нея, для него оно было еще темнѣе; ему трудно было даже понять, какъ это возможно имѣть недовольство, нисколько не омрачающее личнаго довольства, нисколько но относящееся ни къ чему личному. Это было для него странностью, во сто разъ болѣе темною, чѣмъ для нея. Но все-таки ей очень помогло то, что она постоянно думала о мужѣ, постоянно была съ нимъ, смотрѣла на него, думала съ нимъ. Она стала замѣчать, что когда приходитъ ей недовольство, оно всегда сопровождается сравниваніемъ, оно въ томъ и состоитъ, что она сравниваетъ себя и мужа,—и вотъ блеснуло передъ ея мыслью настоящее слово: „разница, обидная разница“. Теперь ей понятно.

VII.

— Саша, какой милый этотъ NN (Вѣра Павловна назвала фамилію того офицера, черезъ котораго хотѣла познакомиться съ Тамберликомъ, въ своемъ страшномъ снѣ),—онъ мнѣ привезъ одну новую поэму, которая еще не скоро будетъ напечатана, говорила Вѣра Павловна за обѣдомъ. — Мы сейчасъ же послѣ обѣда примемся читать,—да? Я ждала тебя,—все съ тобою вмѣстѣ, Саша. А очень хотѣлось прочесть.

— Что-жь это за поэма?

— А вотъ услышишь. Посмотримъ, удалась ли ему эта вещь, NN говоритъ, что самъ онъ—я говорю про автора,—отчасти доволенъ ею. Вотъ они располагаются въ ея комнатѣ, и она начинаетъ читать:

Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалѣй, моя зазнобушка,
Молодецкаго плеча...

— Теперь я вижу, сказалъ Кирсановъ, прослушавъ нѣсколько десятковъ стиховъ:—это у него въ новомъ родѣ. Но видно, что

это его. Некрасова, да? Очень благодаренъ тебѣ, что ты подождала меня.

— Еще бы! сказала Вѣра Павловна. Они прочли два раза маленькую поэму, которая, благодаря ихъ знакомству съ однимъ изъ знакомыхъ автора, попала имъ въ руки года за три раньше, чѣмъ была напечатана.

— Но знаешь, какіе стихи всего больше подѣйствовали на меня? сказала Вѣра Павловна, когда они съ мужемъ перечитали еще по нѣскольку разъ иныя мѣста поэмы:—эти стихи не изъ главныхъ мѣстъ въ самой поэмѣ, но они чрезвычайно влекутъ къ себѣ мои мысли. Когда Катя ждала возвращенія жениха, она очень тосковала:

Извелась бы, неутѣшная,
Кабы время горевать;
Да пора страдная, спѣшная—
Надо десять дѣлъ кончать.
Какъ ни часто приходилося
Молодицѣ не-въ-терпежъ,
Подъ косой трава валилася,
Подъ серпомъ горѣла рожь.
Изо всей-то силы—моченьки
Молотила по утрамъ,
Ленъ стлала до темной ноченьки
По росистымъ по лугамъ...

эти стихи не главные въ своемъ эпизодѣ, они только предисловіе къ тому, какъ эта славная Катя мечтаетъ о своей жизни съ Ваней; но мои мысли привязались именно къ нимъ.

— Да, вся эта картина—одна изъ самыхъ хорошихъ въ поэмѣ, но они занимаютъ въ ней не самое видное мѣсто. Значитъ, они слишкомъ подошли къ мыслямъ, которыя тебя занимали. Какія жь это мысли?

— Вотъ какія, Саша. Мы съ тобою часто говорили, что организація женщины едва ли не выше, чѣмъ мужчины, что по этому женщина едва ли не оттѣснитъ мужчину на второй планъ въ умственной жизни, когда пройдетъ господство грубаго насилія, мы оба съ тобою выводили эту вѣроятность изъ наблюденія надъ жизнью; въ жизни больше встрѣчается женщинъ,

чѣмъ мужчинъ, умныхъ отъ природы; такъ намъ обоимъ кажется. Ты подтверждалъ это разными подробностями изъ анатоміи, физіологіи.

— Какія оскорбительныя вещи для мужчинъ ты говоришь, и вѣдь это больше ты говоришь, Вѣрочка, чѣмъ я: мнѣ это обидно. Хорошо, что время, которое мы съ тобою предсказываемъ, еще такъ далеко. А то бы я совершенно отказался отъ своего мнѣнія, чтобы не отходить на второй планъ. Впрочемъ, Вѣрочка, вѣдь это только вѣроятность, наука еще не собрала столько свѣдѣній, чтобы рѣшить вопросъ положительнымъ образомъ.

— Конечно, мой милый. Мы говорили, отчего до сихъ поръ факты исторіи такъ противорѣчатъ выводу, который слишкомъ вѣроятенъ по наблюденіямъ надъ частною жизнью и надъ устройствомъ организма. Женщина играла до сихъ поръ такую ничтожную роль въ умственной жизни потому, что господство насилія отнимало у ней и средство къ развитію, и мотивы стремиться къ развитію. Это объясненіе достаточное. Но вотъ другой такой случай. По размѣру физической силы, организмъ женщины гораздо слабѣе; но вѣдь организмъ ея крѣпче,—да?

— Это уже гораздо несомнѣннѣе, чѣмъ вопросъ о природномъ размѣрѣ умственныхъ силъ. Да, организмъ женщины крѣпче противится матеріальнымъ разрушительнымъ силамъ,—климату, погодѣ, неудовлетворительной пищѣ. Медицина и физіологія еще мало занимались подробнымъ разборомъ этого; но статистика уже дала безспорный общій отвѣтъ: средняя продолжительность жизни женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ. Изъ этого видно, что женскій организмъ крѣпче.

— Это тѣмъ рѣзче видно, что образъ жизни женщинъ вообще еще гораздо менѣе здоровъ, чѣмъ у мужчинъ.

— Есть еще усиливающее соображеніе, которымъ увеличивается ясность вывода,—его даетъ физіологія. Полное совершеннолѣтіе достигается женщиною нѣсколько раньше чѣмъ мужчиною. Положимъ, возрастаніе женщины оканчивается въ 20 лѣтъ, мужчины въ 25,—приблизительно, въ нашемъ климатѣ, въ нашемъ племени. Положимъ, тоже приблизительно, что до 70 лѣтъ доживаетъ такая же пропорція женщинъ, какая изъ мужчинъ доживаетъ до 65; если мы сообразимъ разность сроковъ развитія,

перевѣсъ крѣпости организма женщины выставится гораздо сильнѣе, чѣмъ предполагаетъ статистикъ, небравшій въ разсчетъ разности лѣтъ совершеннолѣтія. 70 лѣтъ—это 3 съ половиною раза 20 лѣтъ. 65 лѣтъ надобно дѣлить на 25 лѣтъ, сколько это будетъ?—да, въ частномъ немного больше 2 съ половиною—такъ, 2 цѣлыхъ и шесть десятыхъ. Значитъ, женщина проживаетъ три съ половиною срока своего полнаго развитія такъ же легко, какъ мужчина почти только два съ половиною срока. А этою пропорціею измѣряется крѣпость организма.

— Въ самомъ дѣлѣ, разница выходитъ больше, чѣмъ я читала о ней.

— Да, но вѣдь я говорилъ только для примѣра, я бралъ круглыя цифры, на память. Однако же, характеръ заключенія тотъ самый, какъ я говорю. Статистика уже показала, что женскій организмъ крѣпче,—ты читала выводы только изъ таблицъ продолжительности жизни. Но если къ статистическимъ фактамъ прибавить физіологическіе, разница выйдетъ еще гораздо больше.

— Такъ, Саша; смотри же, что я думала, а теперь это обнаруживается для меня еще рѣзче. Я думала: если женскій организмъ крѣпче выдерживаетъ разрушительныя матеріальныя впечатлѣнія, то слишкомъ вѣроятно, что женщина должна была бы легче, тверже выносить и нравственныя потрясенія. А на дѣлѣ мы видимъ не то.

— Да, это очень вѣроятно. Конечно, это будетъ пока только предположеніе, этимъ еще не занимались, спеціальныхъ фактовъ не собирали. Но точно, заключеніе твое такъ близко выходитъ изъ факта уже безспорнаго, что сомнѣваться трудно. Крѣпость организма слишкомъ тѣсно связана съ крѣпостью нервъ. Вѣроятно, у женщины нервы эластичнѣе, имѣютъ болѣе прочную структуру, а если такъ, они должны легче и тверже выдерживать потрясенія и тяжелыя чувства. На дѣлѣ мы видимъ слишкомъ много примѣровъ противнаго. Женщина слишкомъ часто мучится тѣмъ, что мужчина выноситъ легко. Еще не занимались хорошенько разборомъ причинъ, по которымъ, при данномъ нашемъ историческомъ положеніи, мы видимъ такія явленія, противорѣчащія тому, чего слѣдуетъ ожидать отъ самаго устройства организма. Но одна изъ этихъ причинъ очевидна, она проходитъ черезъ всѣ историческія явленія и черезъ всѣ стороны нашего

нынѣшняго быта. Это—сила предубѣжденія, дурная привычка, фальшивое ожиданіе, фальшивая боязнь. Если человѣкъ думаетъ „не могу",—то и дѣйствительно не можетъ. Женщинамъ натолковано: „вы слабы", вотъ онѣ и чувствуютъ себя слабыми, и дѣйствительно оказываются слабы. Ты знаешь примѣры, что люди, совершенно здоровые, разслабѣвали до смерти и дѣйствительно умирали отъ одной мысли, что должны ослабѣвать и умереть. Но есть примѣры, касающіеся цѣлыхъ массъ, народовъ, всего человѣчества. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представляетъ военная исторія. Въ средніе вѣка, пѣхота воображала себѣ, что не можетъ устоять противъ конницы, — и дѣйствительно, никакъ не могла устоять. Цѣлая армія пѣхоты разгонялась, какъ стада овецъ, нѣсколькими сотнями всадниковъ; дотой поры, когда явились на континентъ англійскіе пѣхотинцы изъ гордыхъ, самостоятельныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ, у которыхъ не было этой боязни, которые привыкли никому не уступать безъ боя; какъ только пришли во Францію эти люди, у которыхъ не было предубѣжденія, что они должны бѣжать передъ конницею, конница, даже далеко превосходившая ихъ числомъ, была разбиваема ими при каждой встрѣчѣ; знаешь, знаменитыя пораженія французскихъ конныхъ армій малочисленными англійскими пѣхотинцами и при Кресси, и при Пуатье, и при Азенкурѣ. Та же самая исторія повторилась, когда швейцарцы-пѣхотинцы вздумали, что вовсе не для чего имъ считать себя слабѣе феодальной конницы. Астрійская, потомъ Бургундская конница, болѣе многочисленная, стала терпѣть отъ нихъ пораженія при каждой встрѣчѣ; потомъ перепробовали биться съ ними всѣ другія конницы, и всѣ были постоянно разбиваемы. Тогда всѣ увидѣли: „а вѣдь пѣхота крѣпче конницы", — разумѣется крѣпче; но шли цѣлые вѣка, когда пѣхота была очень слаба сравнительно съ конницею только потому, что считала себя слабою.

— Да, Саша, это такъ. Мы слабы потому, что считаемъ себя слабыми. Но мнѣ кажется, что есть еще другая причина. Я хочу говорить о себѣ и о тебѣ. Скажи, мой милый: я очень много ер емѣнилась тогда въ двѣ недѣли, которыя ты меня не видѣлъ? Ты тогда былъ слишкомъ взволнованъ. Тебѣ могло показаться

больше, нежели было или, въ самомъ дѣлѣ, перемѣна была сильна,—какъ ты теперь вспоминаешь?

— Да, ты въ самомъ дѣлѣ тогда очень похудѣла и стала блѣдна.

— Вотъ видишь, мой милый, я теперь поняла, что именно это возмущаетъ мою гордость. Вѣдь ты любилъ же меня очень сильно. Отчего же борьба не отразилась на тебѣ такими явными признаками? Вѣдь никто не видѣлъ, чтобы ты блѣднѣлъ, худѣлъ въ тѣ мѣсяцы, когда расходился со мною. Отчего же ты выносилъ это такъ легко?

— Вотъ почему тебя такъ заняли стихи о томъ, что Катя избавлялась отъ тоски работою. Ты хочешь знать, испыталъ ли я вѣрность этого замѣчанія на себѣ? Да, оно совершенно справедливо. Я довольно легко выдерживалъ борьбу потому, что мнѣ некогда было много заниматься ею. Все время, когда я обращалъ вниманіе на нее, я страдалъ очень сильно; но ежедневная необходимость заставляла меня на большую часть времени забывать объ этомъ. Надобно было заниматься больными, готовиться къ лекціямъ. Въ это время я по неволѣ отдыхалъ отъ своихъ мыслей. Въ тѣ рѣдкіе дни, когда у меня оставалось много свободныхъ часовъ, я чувствовалъ, что силы измѣняютъ мнѣ. Мнѣ кажется, что если-бы я недѣлю остался на волю своихъ мыслей, я сошелъ бы съ ума.

— Такъ, мой милый; и я въ полѣднеее время поняла, что въ этомъ былъ весь секретъ разницы между мною и тобою. Нужно имѣть такое дѣло, отъ котораго нельзя отказаться, котораго нельзя отложить,—тогда человѣкъ несравненно тверже.

— Но вѣдь у тебя было тогда много дѣла, и теперь точно такъ же.

— Ахъ, Саша, развѣ это неотступныя дѣла? Я занимаюсь ими когда хочу, сколько хочу. Когда мнѣ вздумается, я могу или очень сократить, или вовсе отложить ихъ Чтобы заниматься ими въ такое время, когда мысли разстроены, нужно особое усиліе воли, только оно заставитъ заниматься ими. Нѣтъ опоры въ необходимости. Напримѣръ, я занимаюсь хозяйствомъ, трачу на это очень много времени; но девять десятыхъ частей этого времени я употребляю на него лишь по своей охотѣ. При порядочной прислугѣ, развѣ не пошло бы все почти такъ же, хотя бы

я гораздо меньше занималась сама? И кому это нужно, чтобы съ большою тратою времени шло нѣсколько, немножко получше того, чѣмъ шло бы при гораздо меньшей тратѣ моего времени? Тоже, надобность этого только въ моей охотѣ. Когда мысли спокойны, занимаешься этими вещами; когда мысли разстроены, бросаешь ихъ, потому что безъ нихъ можно обойтись. Для важнаго всегда бросаешь менѣе важное. Лишь только чувства сильно разъигрываются, они вытѣсняютъ мысли о такихъ дѣлахъ. У меня есть уроки; это ужь нѣсколько важнѣе: ихъ я не могу отбрасывать по произволу; но это все не то. Я внимательна къ нимъ только когда хочу; если я во время урока и мало буду думать о немъ, онъ пойдетъ лишь немного хуже, потому что это преподаваніе слишкомъ легко, оно не имѣетъ силы поглощать мысль. И потомъ: развѣ я въ самомъ дѣлѣ живу уроками? Развѣ отъ нихъ зависитъ мое положеніе, развѣ они доставляютъ мнѣ главныя средства къ образу жизни, какой я веду? Нѣтъ, эти средства доставляла мнѣ работа Дмитрія, теперь — твоя. Уроки пріятны моему чувству независимости, и на самомъ дѣлѣ небезполезны. Но все-таки, въ нихъ нѣтъ для меня жизненной необходимости. Я пробовала тогда прогонять мучившія меня мысли, занявшись мастерскою гораздо болѣе обыкновеннаго. Но опять я дѣлала это только по условію своей воли. Вѣдь я понимала, что мое присутствіе въ мастерской нужно только на часъ, на полтора, что если я остаюсь въ ней дольше, я ужь беру на себя искусственное занятіе, что оно полезно, но вовсе не необходимо для дѣла. И потомъ, самое дѣло это — развѣ оно можетъ служить важною опорою для обыкновенныхъ людей, какъ я? Рахметовы— что другая порода; они сливаются съ общимъ дѣломъ такъ, что оно для нихъ необходимость, наполняющая ихъ жизнь; для нихъ оно даже замѣняетъ личную жизнь. А намъ, Саша, недоступно это. Мы не орлы, какъ онъ. Намъ необходима только личная жизнь. Мастерская—развѣ это моя личная жизнь? Это дѣло—не мое дѣло, чужое. Я занимаюсь имъ не для себя, а для другихъ; пожалуй, и для моихъ убѣжденій. Но развѣ человѣку,—такому, какъ мы, не орлу,—развѣ ему до другихъ, когда ему самому очень тяжело? Развѣ его занимаютъ его убѣжденія, когда его мучатъ его чувства? Нѣтъ, нужно личное дѣло, необходимое дѣло, отъ котораго зависѣла бы собственная жизнь, такое дѣло,

которое лично для меня, для моего образа жизни, для моихъ средствъ къ жизни, для моего всего положенія въ жизни, для всей моей судьбы, было бы важнѣе всѣхъ моихъ увлеченій страстью; только такое дѣло можетъ служить опорою въ борьбѣ со страстью, только оно не вытѣсняется изъ жизни страстью, а само заглушаетъ страсть, только оно даетъ силу и отдыхъ. Я хочу такого дѣла.

— Такъ, мой другъ, такъ, горячо говорилъ Кирсановъ, цалуя жену, у которой горѣли глаза отъ одушевленія. — Такъ, и до сихъ поръ я не думалъ объ этомъ, когда это такъ просто; я не замѣчалъ этого! Да, Вѣрочка, никто другой не можетъ думать за самого человѣка. Кто хочетъ, чтобъ ему было хорошо, думай самъ за себя, заботься самъ о себѣ, — другой никто не замѣнитъ. Такъ любить, какъ я, и не понимать, пока ты сама не растолковала! Но, продолжалъ онъ, уже смѣясь и все цалуя жену:—почему-жь ты видишь въ этомъ надобность теперь? собираешься влюбиться въ кого, Вѣрочка,—да?

Вѣра Павловна расхохоталась, и долго они оба не могли сказать ни слова отъ смѣха.

— Да, теперь мы оба можемъ это чувствовать, заговорила наконецъ она:—я теперь могу, также какъ и ты, навѣрное знать, что ни съ тобою, ни со мною не можетъ случиться ничего подобнаго. Но, серьезно, знаешь ли, что мнѣ кажется теперь, мой милый: если моя любовь къ Дмитрію не была любовью женщины, уже развившейся, то и онъ не любилъ меня въ томъ смыслѣ, какъ мы съ тобою понимаемъ это. Его чувство ко мнѣ было соединеніе очень сильной привязанности ко мнѣ, какъ другу, съ минутными порывами страсти ко мнѣ, какъ женщинѣ; дружбу онъ имѣлъ лично ко мнѣ, собственно ко мнѣ; а эти порывы искали только женщины: ко мнѣ, лично ко мнѣ они имѣли мало отношенія. Нѣтъ, это не была любовь. Развѣ онъ много занимался мыслями обо мнѣ? Нѣтъ, онѣ не были для него занимательны. Да, и съ его стороны, какъ съ моей, не было настоящей любви.

— Ты несправедлива къ нему, Вѣрочка.

— Нѣтъ, Саша, это такъ. Въ разговорѣ между мною и тобою напрасно хвалить его. Мы оба знаемъ, какъ высоко мы думаемъ о немъ; знаемъ также, что сколько бы онъ ни говорилъ, будто

ему было легко, на самомъ дѣлѣ, было не легко; вѣдь и ты, пожалуй, говоришь, что тебѣ было легко бороться съ твоею страстью,—все это прекрасно, и не притворство; но вѣдь не въ буквальномъ же смыслѣ надобно понимать такія рѣзкія увѣренія,—о, мой другъ, я понимаю, сколько ты страдалъ.... Вотъ какъ сильно понимаю это....

— Вѣрочка, ты меня задушишь; и согласись, что кромѣ силы чувства, тебѣ хотѣлось показать и просто силу? Да, ты очень сильна; да и какъ не быть сильною съ такой грудью...

— Милый мой Саша!

VIII.

— Саша, а вѣдь ты не далъ мнѣ договорить о дѣлѣ, начала Вѣра Павловна, когда они часа черезъ два сидѣли за чаемъ.

— Я тебѣ не далъ договорить? Я виноватъ?

— Конечно, ты.

— Кто началъ дурачиться?

— И не совѣстно тебѣ это?

— Что?

— Что я начала дурачиться. Фи, такъ компрометировать скромную женщину своею флегматичностью!

— Будто? А я вѣрилъ тому, что ты толкуешь о равенствѣ; если равенство, то и равенство иниціативы.

— Ха, ха, ха! какое ученое слово! Но неужели ты меня обвинишь въ непослѣдовательности? Развѣ я не стараюсь имѣть равенства въ иниціативѣ? Но, Саша, я теперь беру иниціативу продолжать серьезный разговоръ, о которомъ мы забыли.

— Бери, но я отказываюсь слѣдовать за тобою. Я теперь возьму иниціативу продолжать забывать. Дай руку.

— Саша, но надобно же договорить.

— Завтра успѣемъ. Теперь меня, ты видишь, слишкомъ заинтересовало изслѣдованіе этой руки.

IX.

— Саша, договоримъ же то, о чемъ не догорили вчера. Это надобно, потому что я собираюсь ѣхать съ тобою: надобно же тебѣ знать, зачѣмъ, говорила Вѣра Павловна поутру.

— Со мною? Ты ѣдешь со мною?

— Конечно. Ты спрашивалъ меня, Саша, зачѣмъ мнѣ нужно дѣло, отъ котораго серьезно зависѣла бы моя жизнь, которымъ бы я такъ же дорожила, какъ ты своимъ, которое было бы такъ же неотступно, которое такъ же требовало бы отъ меня всего вниманія, какъ твое отъ тебя. Мой милый, мнѣ надобно такое дѣло потому, что я очень горда. Меня давно тяготитъ и стыдитъ воспоминаніе, что борьба съ чувствомъ тогда отразилась на мнѣ такъ замѣтно, была такъ невыносима для меня. Ты знаешь, я говорю не о томъ, что она была тяжела,—вѣдь и твоя была для тебя также не легка,—это зависитъ отъ силы чувства, и не мнѣ теперь жалѣть, что она была тяжела, это значило бы жалѣть, что чувство было сильно,—нѣтъ! но зачѣмъ у меня противъ этой силы не было такой же твердой опоры, какъ у тебя? Я хочу имѣть такую же опору. Но это только навело меня на мою мысль, а настоящая потребность, конечно, въ настоящемъ. Вотъ она: я хочу быть равна тебѣ во всемъ,—это главное. Я нашла себѣ дѣло. Какъ мы съ тобою простились вчера, я долго думала объ этомъ, я вздумала это вчера поутру, безъ тебя, вчера я хотѣла посовѣтоваться съ тобою, какъ съ добрымъ человѣкомъ, а ты измѣнилъ моей надеждѣ на твою солидность. Теперь ужъ поздно совѣтоваться: я рѣшилась. Да, Саша, тебѣ придется много хлопотать со мною; милый мой, какъ мы будемъ рады, если я увижу себя способной къ этому!

Да, теперь Вѣра Павловна нашла себѣ дѣло, о которомъ не могла бы она думать прежде: рука ея Александра была постоянно въ ея рукѣ, и потому идти было легко. Лопуховъ ни въ чемъ не стѣснялъ ее, какъ и она его, и только. Нѣтъ, было и больше, конечно, гораздо больше. Она всегда была увѣрена, что въ какомъ бы случаѣ ни понадобилось ей опереться на его руку, его рука, вмѣстѣ съ его головою, въ ея распоряженіи. Но только вмѣстѣ съ головою, своей головы онъ не пожалѣлъ бы для нея, точно такъ же не полѣнился бы и протянуть руку; т. е., въ важныхъ случаяхъ, въ критическіе моменты, его рука такъ же готова и такъ же надежна, какъ рука Кирсанова,—и онъ слишкомъ хорошо доказалъ это своею женитьбою, когда пожертвовалъ для нея всѣми любимыми тогдашними мыслями о своей ученой карьерѣ и не побоялся рискнуть на голодъ. Да, когда было

важное дѣло, рука подавалась. Но вообще, рука эта была далеко отъ нея. Вѣра Павловна устраивала свою мастерскую; если-бы въ чемъ была необходима его помощь, онъ помогалъ бы съ радостью. Но почему-жь онъ почти ничего не дѣлалъ? Онъ только не мѣшалъ, одобрялъ, радовался. У него была своя жизнь, у нея—своя. Теперь не то. Кирсановъ не ждалъ ея требованія, чтобы участвовать во всемъ, что она дѣлала; онъ былъ заинтересованъ столько же, какъ она сама, во всей ея обыденной жизни, какъ и она во всей его жизни. Это было уже совершенно не то отношеніе, какъ съ первымъ мужемъ, и потому она чувствовала у себя новыя средства для дѣятельности, и потому стали въ ней серьезно являться, получать для нея практическую требовательность такія мысли, которыя прежде были только теоретически извѣстны ей и въ сущности не затрогивали ея внутреннюю жизнь: чего нельзя дѣлать, о томъ и не думаешь серьезно.

Вотъ какого рода были эти мысли, которыя теперь стали живо чувствоваться Вѣрою Павловною и служить мотивами для дѣятельности.

X.

„Намъ формально закрыты почти всѣ пути гражданской жизни. Намъ практически закрыты очень многіе,—почти всѣ,—даже изъ тѣхъ путей общественной дѣятельности, которые не загорожены для насъ формальными препятствіями. Изъ всѣхъ сферъ жизни, намъ оставлено тѣсниться только въ одной сферѣ семейной жизни,—быть членами семьи, и только. Кромѣ этого, какія же занятія открыты намъ? Почти только одно, быть гувернантками; да еще развѣ—давать какіе нибудь уроки, которыхъ не захотятъ отнять у насъ мужчины. Намъ тѣсно на этой единственной дорогѣ; мы мѣшаемъ другъ другу, потому что слишкомъ толпимся на ней; она почти не можетъ давать намъ самостоятельности, потому что насъ, предлагающихъ свои услуги, слишкомъ много. Ни одна изъ насъ никому не нужна, все потому же, что насъ слишкомъ много. Кто станетъ дорожить гувернанткою? Только скажите слово, что вы хотите имѣть гувернантку, сбѣгаются десятки и сотни насъ перебивать одна у другой мѣсто.

„Нѣтъ, пока женщины не будутъ стараться о томъ, чтобы разойтись на много дорогъ, женщины не будутъ имѣть самостоятельности. Конечно, пробивать новую дорогу тяжело. Но мое положеніе въ этомъ дѣлѣ особенно выгодно. Мнѣ стыдно было бы не воспользоваться имъ. Мы не приготовлены къ серьезнымъ занятіямъ. Я не знаю, до какой степени нужно имѣть руководителя, чтобы готовиться къ нимъ. Но я знаю, что до какой бы степени ни понадобилась мнѣ его ежедневная помощь—онъ тутъ, со мной. И это не будетъ ему обремененіемъ, это будетъ такъ же пріятно ему, какъ мнѣ.

„Намъ закрыты обычаемъ пути независимой дѣятельности, которые не закрыты закономъ. Но изъ этихъ путей, закрытыхъ только обычаемъ, я могу вступить на какой хочу, если только рѣшусь выдержать первое противорѣчіе обычая. Одинъ изъ нихъ слишкомъ много ближе другихъ для меня. Мой мужъ медикъ. Онъ отдаетъ мнѣ все время, которое у него свободно. Съ такимъ мужемъ, мнѣ легко попытаться, не могу ли я сдѣлаться медикомъ.

„Это было бы очень важно, если-бы явились наконецъ женщины-медики. Онѣ были бы очень полезны для всѣхъ женщинъ. Женщинѣ гораздо легче говорить съ женщиною, чѣмъ съ мужчиною. Сколько предотвращалось бы тогда страданій, смертей, сколько несчастій! Надобно попытаться“.

XI.

Вѣра Павловна кончила разговоръ съ мужемъ тѣмъ, что надѣла шляпу и поѣхала съ нимъ въ гошпиталь испытать свои нервы, — можетъ ли она видѣть кровь, въ состояніи ли будетъ заниматься анатоміею. При положеніи Кирсанова въ гошпиталѣ, конечно, не было никакихъ препятствій этому испытанію.

Я, нисколько не совѣстясь, ужь очень много компрометировалъ Вѣру Павловну со стороны поэтичности; напримѣръ, не скрывалъ того, что она каждый день обѣдала, и вообще съ аппетитомъ, а кромѣ того, по два раза въ день пила чай. Но теперь я дошелъ до такого обстоятельства, что, при всей безстыдной низости моихъ понятій, на меня нападаетъ робость, и думаю я:

„не лучше ли было бы скрыть эту вещь? Что подумаютъ о женщинѣ, которая въ состояніи заниматься медициною?“ Какіе грубые нервы должны быть у нея, какая чорствая душа! Это не женщина, а мясникъ! Но сообразивши, что вѣдь я и не выставляю своихъ дѣйствующихъ лицъ за идеалы совершенства, я успокоиваюсь: пусть судятъ, какъ хотятъ, о грубости натуры Вѣры Павловны, мнѣ какое дѣло? Груба, такъ груба.

Поэтому я хладнокровно говорю, что она нашла очень большую разницу между праздным смотрѣніемъ на вещи и дѣятельною работою надъ ними на пользу себѣ и другимъ.

Я помню, какъ испугался я, двѣнадцатилѣтній ребенокъ, когда меня, никогда еще не видавшаго пожаровъ, разбудилъ слишкомъ сильный шумъ пожарной тревоги. Все небо пламенѣло, раскаленное; по всему городу, большому провинціальному городу, летѣли головни, по всему городу страшный гвалтъ, бѣготня, крикъ. Я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. По счастію, я успѣлъ убѣжать на пожаръ, пользуясь тѣмъ, что всѣ домашніе были въ суматохѣ. Пожаръ былъ вдоль набережной (то есть, просто берега, потому что какая же набережная?). Берегъ былъ уставленъ дровами, лубочнымъ товаромъ. Такіе же мальчишки, какъ я, разбирали и оттаскивали все это подальше отъ горѣвшихъ домовъ; принялся и я,—куда дѣвался весь мой страхъ! я работалъ очень усердно, пока сказали намъ: „довольно, опасность прошла“. Съ той поры, я ужь и зналъ, что если страшно отъ сильнаго пожара, то надобно бѣжать туда и работать, и вовсе не будетъ страшно.

Кто работаетъ, тому некогда ни пугаться, ни чувствовать отвращеніе или брезгливость.

Итакъ, Вѣра Павловна занялась медициною; и, въ этомъ, новомъ у насъ дѣлѣ, она была одною изъ первыхъ женщинъ, которыхъ я зналъ. Послѣ этого она дѣйствительно стала чувствовать себя другимъ человѣкомъ. У ней была мысль: „черезъ нѣсколько лѣтъ, я ужь буду въ самомъ дѣлѣ стоять на своихъ ногахъ“. Это великая мысль. Полнаго счастія нѣтъ безъ полной независимости. Бѣдныя женщины, какъ немногія изъ васъ имѣютъ это счастіе!

XII.

И вотъ, проходитъ годъ; и пройдетъ еще годъ, и еще годъ послѣ свадьбы съ Кирсановымъ, и все такъ же будутъ идти дни Вѣры Павловны, какъ идутъ теперь, черезъ годъ послѣ свадьбы, какъ шли съ самой свадьбы; и много лѣтъ пройдетъ, они будутъ идти все такъ же, если не случится ничего особеннаго; кто знаетъ, что принесетъ будущее? но до той поры, какъ я пишу это, ничего такого не случилось, и дни Вѣры Павловны идутъ все такъ же, какъ шли они тогда, черезъ годъ, черезъ два послѣ свадьбы съ Кирсановымъ.

Послѣ той страшно-компрометирующей вещи, что Вѣра Павловна вздумала и нашла себя способною заниматься медициною, мнѣ ужь легко говорить обо всемъ: все остальное ужь не можетъ такъ ужасно повредить ей во мнѣніи публики. И я долженъ сказать, что и теперь въ Сергіевской, какъ прежде на Васильевскомъ, три грани дня Вѣры Павловны составляютъ: чай утромъ, обѣдъ и вечерній чай; да, она сохранила непоэтическое свойство каждый день обѣдать и два раза пить чай, и находить это пріятнымъ, и вообще она сохранила всѣ свои непоэтическія, и неизящныя, и нехорошаго тона свойства.

И многое другое осталось по прежнему въ это новое спокойное время, какъ было въ прежнее спокойное время. Осталось и раздѣленіе комнатъ на нейтральныя и не нейтральныя; осталось и правило не входить въ не нейтральныя комнаты другъ къ другу безъ разрѣшенія, осталось и правило не повторять вопроса, если на первый вопросъ отвѣчаютъ „не спрашивай“; осталось и то, что такой отвѣтъ заставляетъ совершенно ничего не думать о сдѣланномъ вопросѣ, забыть его: осталось это потому, что осталась увѣренность, что если-бы стоило отвѣчать, то и не понадобилось бы спрашивать, давно все было бы сказано безъ всякаго вопроса, а въ томъ, о чемъ молчатъ, навѣрное нѣтъ ничего любопытнаго. Все это осталось по прежнему въ новое спокойное время, какъ было въ прежнее спокойное время; только въ нынѣшнее новое спокойное время все это нѣсколько измѣнилось, или, пожалуй, не измѣнилось, но все-таки выходитъ

не совсѣмъ то, что въ прежнее время, и жизнь выходитъ вовсе не та.

Напримѣръ, нейтральныя и не нетральныя комнаты строго различаются; но разрѣшеніе на допускъ въ не нейтральныя комнаты установлено разъ навсегда для извѣстнаго времени дня: это потому, что двѣ изъ трехъ граней дня перенесены въ не нейтральныя комнаты; установился обычай пить утренній чай въ ея комнатѣ, вечерній чай въ его комнатѣ; вечерній чай устроивается безъ особыхъ процедуръ; слуга, все тотъ же Степанъ, вноситъ въ комнату Александра самоваръ и приборъ, и только; но съ утреннимъ чаемъ особая манера: Степанъ ставитъ самоваръ и приборъ на столъ къ той нейтральной комнатѣ, которая ближе къ комнатѣ Вѣры Павловны, а говоритъ Александру Матвѣичу, что самоваръ поданъ, то есть, говоритъ, если находитъ Александра Матвѣича въ его кабинетѣ; но если не застаетъ? тогда Степану ужь нѣтъ дѣла извѣщать, пусть сами помнятъ, что пора пить чай. И вотъ, по этому заведенію, ужь установлено правило, что по утру Вѣра Павловна ждетъ мужа безъ доклада, разрѣшается ли ему войти; безъ Саши тутъ нельзя обойтись ей, это всякій разсудитъ, когда сказать, какъ она встаетъ.

Просыпаясь она нѣжится въ своей теплой постелькѣ, ей лѣнь вставать, она и думаетъ, и не думаетъ, и полу-дремлетъ, и не дремлетъ; думаетъ,—это значитъ думать о чемъ-нибудь такомъ, что относится именно къ этому дню, къ этимъ днямъ, что-нибудь по хозяйству, по мастерской, по знакомствамъ, по планамъ, какъ расположить этотъ день, это конечно не дремота; но кромѣ того, есть еще два предмета, года черезъ три послѣ свадьбы, явился и третій, который тутъ въ рукахъ у ней, Митя: онъ „Митя“ конечно, въ честь друга Дмитрія; а два другіе предмета, одинъ — сладкая мысль о занятіи, которое даетъ ей полную самостоятельность въ жизни, другая мысль — Саша, этой мысли даже и нельзя назвать особою мыслію, она прибавляется ко всему, о чемъ думается, потому что онъ участвуетъ во всей ея жизни; а когда эта мысль, эта не особая мысль, а всегдашняя мысль, остается одна въ ея думѣ, — она очень, очень много времени бываетъ одна въ ея думѣ,—тогда, какъ это назвать? дума ли это, или дремота, спится ли ей, или не спится? глаза полузакрыты, на щекахъ легкій румянецъ будто румянецъ сна... да, это дре-

мота. Теперь, видите сами, часто должно пролетать время такъ, что Вѣра Павловна еще не успѣетъ подняться, чтобы взять ванну (это устроено удобно, стоило порядочныхъ хлопотъ: надобно было провести въ ея комнату кранъ отъ крана и отъ котла въ кухнѣ; и правду сказать, довольно много дровъ выходитъ на эту роскошь, но что-жь, это теперь можно было позволить себѣ), да, очень часто Вѣра Павловна успѣваетъ взять ванну и опять прилечь отдохнуть, понѣжиться послѣ нея до появленія Саши, а часто, даже не чаще ли, такъ задумается и за полу-дремлется, что еще не соберется взять ванну, какъ Саша ужь входитъ.

Но какъ хорошо каждый день по утру брать ванну; сначала, вода самая теплая, потомъ теплый кранъ завертывается, открывается кранъ, по которому стекаетъ вода, а кранъ съ холодной водою остается открытъ, и вода въ ваннѣ незамѣтно, незамѣтно свѣжѣетъ, свѣжѣетъ, какъ это хорошо! полчаса, иногда больше, иногда цѣлый часъ не хочется разставаться съ ванною.

И все сама, безъ служанки, и одѣвается сама, — это гораздо лучше. Сама, то есть, когда не продремлетъ срока, а если пропуститъ? тогда ужь нельзя отдѣлаться—да къ чему жь и отдѣлываться?—отъ того, чтобы Саша не исполнялъ должность горничной! Саша ужасно смѣшной! и можетъ быть, даже прикосновеніе руки шепчущей гостьи-пѣвицы не заставитъ появиться въ воображаемомъ дневникѣ слова: „а вѣдь это даже обидно! А во всякомъ случаѣ, милый взялъ на себя неизмѣнную обязанность хозяйничать за утреннимъ чаемъ.

Да и нельзя было бы иначе, Саша совершенно правъ, что этому такъ слѣдовало устроиться, потому что пить утренній чай, то есть почти только сливки, разгоряченные не очень большою прибавкою очень густаго чаю, что пить его въ постели чрезвычайно пріятно. Саша уходитъ за приборомъ,—да, это чаще, чѣмъ то, что онъ прямо входитъ съ чайнымъ приборомъ, — и хозяйничаетъ, а она все нѣжится, и напившись чаю, все еще полулежитъ ужь не въ постелькѣ, а на диванчикѣ, такомъ широкомъ, но, главное достоинство его, такомъ мягкомъ, будто пуховикъ, полу-лежитъ до 10, до 11 часовъ, пока Сашѣ пора отправляться въ госпиталь, или въ клиники, или въ академическую аудиторію, но съ послѣднею чашкою Саша уже взялъ сигару, и кто-нибудь

изъ нихъ напоминаетъ другому: „принимаемся за дѣло“, или „довольно, довольно, теперь за дѣло“, за какое дѣло? а какъ же, урокъ или репетиція по студенчеству Вѣры Павловны: Саша ея репетиторъ по занятіямъ медициною, но еще больше нужна его помощь по приготовленію изъ тѣхъ предметовъ гимназическаго курса для экзамена, заниматься которыми ей одной было бы ужъ слишкомъ скучно; особенно ужасная вещь — это математика; едва ли не еще скучнѣе латинскій языкъ; но нельзя, надобно поскучать надъ ними, впрочемъ, не очень же много: для экзамена, замѣняющаго гимназическій аттестатъ, въ медицинской академіи требуется очень немного; напримѣръ, я не поручусь, что Вѣра Павловна когда нибудь достигнетъ такого совершенства въ латинскомъ языкѣ, чтобы перевести хотя двѣ строки изъ Корнелія Непота, но она ужь умѣетъ разбирать латинскія фразы, попадающіяся въ медицинскихъ книгахъ, потому что это знаніе надобное ей, да и очень не мудреное. Нѣтъ, однакожь, довольно объ этомъ, я ужь вижу, что до невозможности компрометирую Вѣру Павловну: вѣроятно, проница....

XIII.

Отступленіе о синихъ чулкахъ.

— Синій чулокъ! даже до крайности синій чулокъ! Терпѣть не могу синяго чулка! Глупъ и скученъ синій чулокъ! съ азартомъ, но не безъ солидности произноситъ проницательный читатель.

Однако-же, какъ мы съ проницательнымъ читателемъ привязаны другъ къ другу. Онъ разъ обругалъ меня, я два раза выгналъ его въ шею, а все-таки мы съ нимъ не можемъ не обмѣниваться нашими задушевными словами; тайное влеченіе сердецъ, что вы прикажете дѣлать!

— О, проницательный читатель, говорю я ему: — ты правъ, синій чулокъ подлинно глупъ и скученъ, и нѣтъ возможности выносить его. Ты отгадалъ это. Да не отгадалъ ты, *кто* синій чулокъ. Вотъ ты сейчасъ увидишь это, какъ въ зеркалѣ. Синій чулокъ съ безсмысленною аффектаціею самодовольно толкуетъ

о литературныхъ или ученыхъ вещахъ, въ которыхъ ни бельмеса не смыслитъ, и толкуетъ не потому, что въ самомъ дѣлѣ заинтересованъ ими, а для того, чтобы пощеголять своимъ умомъ (котораго ему не случилось получить отъ природы), своими возвышенными стремленіями (которыхъ въ немъ столько же, какъ въ стулѣ, на которомъ онъ сидитъ) и своею образованностью (которой въ немъ столько же, какъ въ попугаѣ). Видишь, чья это грубая образина или прилизанная фигура въ зеркалѣ? твоя, пріятель. Да какую длинную бороду ты ни отпускай, или какъ тщательно ни выбривай ее, все-таки ты несомнѣнно и неоспоримо подлиннѣйшій синій чулокъ, поэтому-то вѣдь я гонялъ тебя въ шею два раза, единственно поэтому, что терпѣть не могу синихъ чулковъ, которыхъ между нашимъ братомъ, мужчинами, въ десять разъ больше, нежели между женщинами.

А кто съ дѣльною цѣлью занимается какимъ нибудь дѣломъ, тотъ, какое бы ни было это дѣло, и въ какомъ бы платьи ни ходилъ этотъ человѣкъ, въ мужскомъ или въ женскомъ, этотъ человѣкъ просто человѣкъ, занимающійся своимъ дѣломъ, и больше ничего.

XIV.

Полезная для проницательнаго читателя бесѣда о синемъ чулкѣ, то есть о немъ, оторвала меня отъ разсказа о томъ, какъ теперь проходитъ день Вѣры Павловны. „Теперь“—это значитъ, когда жь? да когда угодно, съ той поры, какъ она поселилась въ Сергіевской улицѣ, и вотъ до сихъ поръ. А впрочемъ, что-жь и продолжать это описаніе. Развѣ только вообще сказать, что та перемѣна, которая началась въ характерѣ вечера Вѣры Павловны отъ возобновленія знакомства съ Кирсановымъ на Васильевскомъ островѣ, совершенно развилась теперь, что теперь Кирсановы составляютъ центръ уже довольно большаго числа семействъ все молодыхъ семействъ, живущихъ также ладно и счастливо, какъ они, и точно такихъ же по своимъ понятіямъ, какъ они, и что музыка и пѣнье, опера и поэзія, всякія гулянья и танцы наполняютъ всѣ свободные вечера каждаго изъ этихъ семействъ, потому что каждый вечеръ есть какое-нибудь сборище у того

или другаго семейства, или какое-нибудь другое устройство вечера для разныхъ желающихъ. Вообще, на этихъ сборищахъ и всякихъ другихъ препровожденіяхъ времени бываетъ въ наличности на половину всего кружка, и Кирсановы, какъ другіе, на половину вечеровъ, проводятъ въ этомъ шумѣ. Но и объ этомъ нечего говорить, это понятно само собою. Но есть одна вещь, о которой, къ несчастію, слишкомъ многимъ надобно толковать слишкомъ подробно, чтобъ они поняли ее. Каждый, если не самъ испыталъ, то хоть начитался, какая разница для дѣвушки или юноши между тѣмъ вечеромъ, который просто вечеръ, и тѣмъ вечеромъ, на которомъ съ нею ея милый или съ нимъ его милая, между оперою, которую слушаешь и только, и тою оперою, которую слушаешь сидя рядомъ съ тѣмъ или съ тою, въ кого влюбленъ. Очень большая разница. Это извѣстно. Но вотъ что слишкомъ немногими испытано, что очаровательность, которую всему даетъ любовь, вовсе не должна, по настоящему, быть мимолетнымъ явленіемъ въ жизни человѣка, что этотъ яркій свѣтъ жизни не долженъ озарять только эпоху исканія, стремленія, назовемъ хотя такъ: ухаживанія, или сватанія, нѣтъ, что эта эпоха по настоящему должна быть только зарею, милою, прекрасною, но предшественницею дня, въ которомъ несравненно больше и свѣта и теплоты, чѣмъ въ его предшественницѣ, свѣтъ и теплота котораго долго, очень долго, ростутъ, все ростутъ, и особенно теплота очень долго ростетъ, далеко за полдень все еще ростетъ. Прежде было не такъ: когда соединялись любящіе, быстро исчезала поэзія любви. Теперь, у тѣхъ людей, которые называются нынѣшними людьми, вовсе не такъ. Они, когда соединяетъ ихъ любовь, чѣмъ дольше живутъ вмѣстѣ, тѣмъ больше и больше озаряются и согрѣваются ея поэзіею, до той самой поры, поздняго вечера, когда заботы о выростающихъ дѣтяхъ будутъ уже слишкомъ сильно поглощать ихъ мысли. Тогда, забота болѣе сладкая, чѣмъ личное наслажденіе, становится выше его, но до той поры оно все ростетъ. То, что прежніе люди знали только на мимолетные мѣсяцы, нынѣшніе люди сохраняютъ въ себѣ на долгіе, долгіе годы.

Отчего это такъ? А это ужь секретъ; я вамъ, пожалуй, выдамъ его. Хорошій секретъ, славно имъ пользоваться, и не мудрено, только надобно имѣть для этого чистое сердце и честную

душу, да нынѣшнее понятіе о правахъ человѣка, уваженіе къ свободѣ того, съ кѣмъ живешь. Только, — больше и секрета нѣтъ никакого. Смотри на жену, какъ смотрѣлъ на невѣсту, знай, что она каждую минуту имѣетъ право сказать: „я недовольна тобою, прочь отъ меня"; смотри на нее такъ, и она черезъ девять лѣтъ послѣ твоей свадьбы будетъ внушать тебѣ такое же поэтическое чувство, какъ невѣста, нѣтъ, болѣе поэтическое, болѣе идеальное въ хорошемъ смыслѣ слова. Признавая ея свободу также открыто и формально и безъ всякихъ оговорокъ, какъ признаешь свободу твоихъ друзей чувствовать или не чувствовать дружбу къ тебѣ, и тогда, черезъ десять лѣтъ, черезъ двадцать лѣтъ послѣ свадьбы, ты будешь ей такъ же милъ, какъ былъ женихомъ. Такъ живутъ мужья и жены изъ нынѣшнихъ людей. Очень завидно. Но за то же вѣдь они и честны другъ передъ другомъ, они любятъ другъ друга черезъ десять лѣтъ послѣ свадьбы сильнѣе и поэтичнѣе, чѣмъ въ день свадьбы, но за то же вѣдь въ эти десять лѣтъ ни онъ, ни она не дали другъ другу притворнаго поцалуя, не сказали ни одного притворнаго слова. „Ложь не выходила изъ устъ его", сказано про кого-то въ какой-то книгѣ. „Нѣтъ притворства въ сердцѣ его", сказано про кого-то въ какой-то, можетъ быть, въ той же, книгѣ. Читаютъ книгу и думаютъ: „какая изумительная нравственная высота приписывается ему!" Писали книгу и думали: „это мы описываемъ такого человѣка, которому всѣ должны удивляться". Не предвидѣли, кто писалъ книгу, не понимаютъ, кто читаетъ ее, что нынѣшніе люди не принимаютъ въ число своихъ знакомыхъ никого, не имѣющаго такой души, и не имѣютъ недостатка въ знакомыхъ, и не считаютъ своихъ знакомыхъ ничѣмъ больше, какъ просто на просто нынѣшними людьми, хорошими, но очень обыкновенными людьми.

Одного жаль: въ нынѣшнее время, на одного нынѣшняго человѣка все еще приходится цѣлый десятокъ, коли не больше, допотопныхъ людей. Оно, впрочемъ, натурально — допотопному міру имѣть допотопное населеніе.

XV.

— Вотъ мы живемъ съ тобою три года (прежде говорилось: годъ, потомъ: два; потомъ будетъ говориться: четыре года, и

такъ дальше), а все еще мы какъ будто любовники, которые видятся изрѣдка, тайкомъ. Откуда это взяли, Саша, что любовь ослабѣваетъ, когда ничто не мѣшаетъ людямъ вполнѣ принадлежать другъ другу? Эти люди не знали истинной любви. Они знали только эротическое самолюбіе или эротическую фантазію. Настоящая любовь именно съ той поры и начинается, какъ люди начинаютъ жить вмѣстѣ.

— Ужь не на мнѣ ли ты это замѣчаешь?

— На тебѣ я замѣчаю вещь гораздо болѣе любопытную: еще года черезъ три, ты забудешь свою медицину, а еще года черезъ три, разучишься читать, и изъ всѣхъ способностей къ умственной жизни у тебя останется одна — зрѣніе, да и то разучишься видѣть что нибудь, кромѣ меня.

Такіе разговоры не длинны и не часты, но все у нихъ бываютъ такіе разговоры.

— „Да, съ каждымъ годомъ сильнѣе“.

„Знаешь эти сказки про людей, которыя ѣдятъ опіумъ: съ каждымъ годомъ, ихъ страсть ростетъ. Кто разъ узналъ наслажденіе, которое даетъ она, въ томъ она ужь никогда не ослабѣваетъ, а все только усиливается“.

„Да и всѣ сильныя страсти такія же, все развиваются, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе“.

„Пресыщеніе! — страсть не знаетъ пресыщенія, она знаетъ лишь насыщеніе, на нѣсколько часовъ“.

„Пресыщеніе знаетъ только пустая фантазія, а не сердце, не живой дѣйствительный человѣкъ, а испорченный мечтатель, ушедшій изъ жизни въ мечту“.

„Будто мой аппетитъ ослабѣваетъ, будто мой вкусъ тупѣетъ отъ того, что я не голадаю, а каждый день обѣдаю безъ помѣхи и хорошо. Напротивъ, мой вкусъ развивается отъ того, что мой столъ хорошъ. А аппетитъ я потеряю только вмѣстѣ съ жизнью, безъ него нельзя жить“ (это ужь грубый матеріализмъ, замѣчаю я вмѣстѣ съ проницательнымъ читателемъ).

„Развѣ по натурѣ человѣка привязанность ослабляется, а не развивается временемъ? Когда дружба крѣпче и милѣе, черезъ недѣлю, или черезъ годъ, или черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ началась? Надобно только, чтобы друзья сошлись между

собою удачно, чтобы въ самомъ дѣлѣ они годились быть друзьями между собою".

Эти разговоры постоянны, но вовсе не часты. Коротки, и очень не часты. Въ самомъ дѣлѣ, что объ этомъ много и часто говорить?

А вотъ эти и чаще, и длиннѣе.

— Саша, какъ много поддерживаетъ меня твоя любовь. Черезъ нее, я дѣлаюсь самостоятельна, я выхожу изъ всякой зависимости и отъ тебя, — даже отъ тебя. А для тебя что принесла моя любовь?

— Для меня? Не менѣе, чѣмъ для тебя. Это постоянное, сильное, здоровое возбужденіе нервъ, оно необходимо развиваетъ нервную систему (грубый матеріализмъ, замѣчаемъ опять мы съ проницательнымъ читателемъ); поэтому, умственныя и нравственныя силы ростутъ во мнѣ отъ моей любви.

— Да, Саша, я слышу отъ всѣхъ,—сама я плохая свидѣтельница въ этомъ, мои глаза подкуплены, но всѣ видятъ тоже: твои глаза яснѣютъ, твой взглядъ становится сильнѣе и зорче.

— Вѣрочка, что хвалиться или не хвалиться мнѣ передъ тобою? мы одинъ человѣкъ; но это должно въ самомъ дѣлѣ отражаться и въ глазахъ. Моя мысль стала много сильнѣе. Когда я дѣлаю выводы изъ наблюденій, общій обзоръ фактовъ, я теперь въ часъ кончаю то, надъ чѣмъ прежде долженъ былъ думать нѣсколько часовъ. И я могу теперь обнимать мыслью гораздо больше фактовъ, чѣмъ прежде, выводы у меня выходятъ и шире, и полнѣе. Если бы, Вѣрочка, во мнѣ былъ какой нибудь зародышъ геніальности, я съ этимъ чувствомъ сталъ бы великимъ геніемъ. Если-бы отъ природы была во мнѣ сила создать что-нибудь маленькое новое въ наукѣ, я отъ этого чувства пріобрѣлъ бы силу пересоздать науку. Но я родился быть только чернорабочимъ, темнымъ мелкимъ труженникомъ, который разрабатываетъ мелкіе частные вопросы. Такимъ я и былъ безъ тебя. Теперь, ты знаешь, я ужь не то: отъ меня начинаютъ ждать больше, думаютъ, что я переработаю цѣлую большую отрасль науки, все ученіе объ отправленіяхъ нервной системы. И я чувствую, что исполню это ожиданіе. Въ 24 года, у человѣка шире и смѣлѣе новизна взглядовъ, чѣмъ въ 29 лѣтъ (потомъ говорится: въ 30 лѣтъ,

въ 32 года и такъ дальше), но тогда у меня не было этого въ такомъ размѣрѣ, какъ теперь. И я чувствую, что я все еще росту, когда безъ тебя я давно бы ужь пересталъ рости. Да я ужь и не росъ послѣдніе два, три года передъ тѣмъ, какъ мы стали жить вмѣстѣ. Ты возвратила мнѣ свѣжесть первой молодости, силу идти гораздо дальше того, на чемъ я остановился бы, на чемъ я ужь и остановился было безъ тебя.

— А энергія работы, Вѣрочка, развѣ мало значитъ? Страстное возбужденіе силъ вносится и въ трудъ, когда вся жизнь такъ настроена. Ты знаешь, какъ дѣйствуетъ на энергію умственнаго труда кофе, стаканъ вина, то, что даютъ они другимъ на часъ, за которымъ слѣдуетъ разслабленіе, соразмѣрное этому внѣшнему и мимолетному возбужденію, то имѣю я теперь постоянно въ себѣ,—мои нервы сами такъ настроены постоянно, сильно, живо. (Опять, грубый матеріализмъ, замѣчаемъ и проч.).

Эти разговоры чаще и длиннѣе.

„Кто не испытывалъ, какъ возбуждаетъ любовь всѣ силы человѣка, тотъ не знаетъ настоящей любви".

„Любовь въ томъ, чтобы помогать возвышенію и возвышаться".

„У кого безъ нея не было-бы средствъ къ дѣятельности, тому она даетъ ихъ. У кого они есть, тому она даетъ силы пользоваться ими".

„Только тотъ любитъ, кто помогаетъ любимой женщинѣ возвышаться до независимости".

„Только тотъ любитъ, у кого свѣтлѣетъ мысль и укрѣпляются руки отъ любви".

И вотъ эти разговоры очень часты:

— Мой милый, я читаю теперь Боккаччіо (какая безнравственность? замѣчаемъ мы съ проницательнымъ читателемъ:—женщина читаетъ Боккаччіо! это только мы съ нимъ можемъ читать. Но я, кромѣ того, замѣчаю еще вотъ что:—женщина въ пять минутъ услышитъ отъ проницательнаго читателя больше сальностей, очень благоприличныхъ, чѣмъ найдетъ во всемъ Боккаччіо, и ужь конечно не услышитъ отъ него ни одной свѣтлой, свѣжей, чистой мысли, которыхъ у Боккаччіо такъ много):—ты правду говорилъ, мой милый, что у него громадный талантъ.

Нѣкоторые его разсказы надобно, по моему, поставить рядомъ съ лучшими Шекспировскими драмами по глубинѣ и тонкости психологическаго анализа.

— А какъ тебя забавляютъ его комическіе разсказы, въ которыхъ онъ такъ безцеремоненъ?

— Нѣкоторые забавны, но вообще, эти разсказы скучны, какъ всякій слишкомъ грубый фарсъ.

— Но это надобно извинить ему,—вѣдь онъ жилъ за 500 лѣтъ до насъ: то, что намъ кажется слишкомъ сальнымъ, слишкомъ площаднымъ, тогда не считалось неприличіемъ.

— Какъ и многіе наши обычаи, и весь нашъ тонъ будутъ казаться грубы и грязны гораздо меньше, чѣмъ черезъ 500 лѣтъ. Но это не занимательно, я говорю о тѣхъ его разсказахъ, превосходныхъ, въ которыхъ серьезно изображается страстная, высокая любовь. Въ нихъ всего виднѣе его великій талантъ. Но вотъ что я хотѣла сказать, Саша: онъ изображаетъ очень хорошо и сильно, судя по этому, можно сказать, что тогда не знали той нѣги любви, какъ теперь, любовь тогда не чувствовалась такъ сильно, хоть и говорятъ, что это была эпоха самаго полнаго наслажденья любовью. Нѣтъ, какъ можно, они не наслаждались ею и въ половину такъ сильно. Ихъ чувства были слишкомъ поверхностны, ихъ упоеніе еще слишкомъ слабо и слишкомъ мимолетно.

„Сила ощущенія соразмѣрна тому, изъ какой глубины организма оно поднимается. Если оно возбуждается исключительно внѣшнимъ предметомъ, внѣшнимъ поводомъ, оно мимолетно и охватываетъ только одну свою частную сторону жизни. Кто пьетъ только потому, что ему подносятъ стаканъ, тотъ мало смыслитъ вкусъ въ винѣ, оно слишкомъ мало доставляетъ ему удовольствія. Наслажденіе уже гораздо сильнѣе, когда корень его въ воображеніи, когда воображеніе ищетъ предмета и повода къ наслажденію. Тутъ кровь волнуется уже гораздо сильнѣе, и уже замѣтна нѣкоторая теплота въ ней, дающая впечатлѣнію гораздо больше нѣги. Но это еще очень слабо сравнительно съ тѣмъ, когда корень отношеній, соединенныхъ съ наслажденіемъ, находится въ самой глубинѣ нравственной жизни. Тутъ возбужденіе проникаетъ всю нервную систему, волнуетъ ее долго и чрезвычайно сильно. Тутъ теплота проникаетъ всю грудь: это

ужь не одно біеніе сердца, которое возбуждается фантазіею, нѣтъ, вся грудь чувствуетъ чрезвычайную свѣжесть и легкость: это похоже на то, какъ будто измѣняется атмосфера, которою дышитъ человѣкъ, будто воздухъ сталъ гораздо чище и богаче кислородомъ, это ощущеніе въ родѣ того, какое доставляется теплымъ солнечнымъ днемъ, это похоже на то, что чувствуешь, грѣясь на солнцѣ, но разница огромная въ томъ, что свѣжесть и теплота развиваются въ самыхъ нервахъ, прямо воспринимаются ими, безъ всякаго ослабленія своей ласкающей силы посредствующими элементами".

„Я очень довольна, что еще во время бросила эту невыгодную манеру. Это правда: надобно, чтобы обращеніе крови не задерживалось никакими стѣсненіями. Но зачѣмъ послѣ этого такъ восхищаться, что цвѣтъ кожи сталъ нѣжнѣе? это такъ должно быть. И отъ какихъ пустяковъ! пустяки, но какъ это портитъ ногу! чулокъ долженъ держаться самъ, весь, и слегка; линія стала правильна, этотъ перерѣзъ исчезаетъ.

„Это не такъ скоро проходитъ, А вѣдь я только три года носила корсетъ, я бросила его еще до нынѣшней нашей жизни. Но правда, что наши платья все-таки тѣснятъ талію и безъ корсета. Но правда ли, что и это пройдетъ, какъ исправилась нога? Правда, нѣсколько проходитъ,—пройдетъ; какъ я довольна. Какой несносный покрой платья! Давно бы пора понять, что гречанки были умнѣе, платье должно быть широко отъ самыхъ плечъ, какъ одѣвались онѣ. Какъ нашъ покрой платья портитъ нашъ станъ! Но у меня эта линія возстановляется, какъ я рада этому!

— Какъ ты хороша, Вѣрочка!
— Какъ я счастлива, Саша!

И сладкія рѣчи,
Какъ говоръ струй;
Его улыбка
И поцалуй.

Милый другъ! погаси
Поцалуи твои:
И безъ нихъ, при тебѣ
Огнь пылаетъ въ крови,
И безъ нихъ, при тебѣ
Жжетъ румянецъ лицо,
И волнуется грудь,
И блистаютъ глаза,
Словно въ ночи звѣзда.

XVI.

Четвертый сонъ Вѣры Павловны.

И снится Вѣрѣ Павловнѣ сонъ, будто
Доносится до нея знакомый, — о, какой знакомый теперь!— голосъ издали, ближе, ближе,—

Wie herrlich leuchtet
Mir die Natur
Wie glänzt die Sonne!
Wie lacht die Flur!

И видитъ Вѣра Павловна, что это такъ, все такъ...

Золотистымъ отливомъ сіяетъ нива; покрыто цвѣтами поле, развертываются сотни, тысячи цвѣтовъ на кустарникѣ, опоясывающемъ поле, зеленѣетъ и шепчетъ подымающійся за кустарникомъ лѣсъ, и онъ весь пестрѣетъ цвѣтами; ароматъ несется съ нивы, съ луга, изъ кустарника, отъ наполняющихъ лѣсъ цвѣтовъ; порхаютъ по вѣткамъ птицы, и тысячи голосовъ несутся отъ вѣтвей, вмѣстѣ съ ароматомъ; и за нивою, за лугомъ, за кустарникомъ, лѣсомъ, опять виднѣются такія же сіяющія золотомъ нивы, покрытые цвѣтами луга, покрытые цвѣтами кустарники, до дальнихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, озаренныхъ солнцемъ, и надъ ихъ вершинами тамъ и здѣсь, тамъ и здѣсь, свѣтлыя, серебристыя, золотистыя, пурпуровыя, прозрачныя облака своими переливами слегка оттѣняютъ по горизонту яркую лазурь; взошло солнце, радуется и радуетъ природа, льетъ свѣтъ и теплоту, ароматъ и пѣсню, любовь и нѣгу въ грудь, льется пѣсня радости и

нѣги, любви и добра изъ груди— „о, земля! о, нѣга! о, любовь! о, любовь, золотая, прекрасная, какъ утреннія облака надъ вершинами тѣхъ горъ!“

O Erd'! O Sonne!
O Glück! O Lust!
O Lieb', o Liebe,
So goldenschön,
Wie Morgenwolken
Auf jenen Höh'n!

— Теперь ты знаешь меня? Ты знаешь, что я хороша? Но ты еще не знаешь, никто изъ васъ еще не знаетъ меня во всей моей красотѣ. Смотри, что было, что теперь, что будетъ. Слушай и смотри:

Wohl perlet im Glase der purpurne Wien,
Wohl glänzen die Augen der Gäste...

У подошвы горы, на окраинѣ лѣса, среди цвѣтущихъ кустарниковъ высокихъ густыхъ аллей воздвигся дворецъ.

— Идемъ туда.

Онѣ идутъ, летятъ

Роскошный пиръ. Пѣнится въ стаканахъ вино; сіяютъ глаза пирующихъ. Шумъ и шопотъ подъ шумъ, смѣхъ и, тайкомъ, пожатіе руки, и порою украдкой неслышный поцалуй. — „Пѣсню! Пѣсню! Безъ пѣсни не полно веселіе!“ И встаетъ поэтъ. Чело и мысль его озарены вдохновеніемъ, ему говоритъ свои тайны природа, ему раскрываетъ свой смыслъ исторія, и жизнь тысячелѣтій проносится въ его пѣсни рядомъ картинъ.

1.

Звучатъ слова поэта, и возникаетъ картина.

Шатры номадовъ. Вокругъ шатровъ пасутся овцы, лошади, верблюды. Вдали лѣсъ оливъ и смоковницъ. Еще дальше, дальше, на краю горизонта къ сѣверо-западу, двойной хребетъ высокихъ горъ. Вершины горъ покрыты снѣгомъ, склоны ихъ покрыты кедрами. Но стройнѣе кедровъ эти пастухи, стройнѣе пальмъ ихъ жены, и беззаботна ихъ жизнь въ лѣнивой нѣгѣ: у нихъ одно дѣло—любовь, всѣ дни ихъ проходятъ, день за днемъ, въ ласкахъ и пѣсняхъ любви.

— Нѣтъ говоритъ свѣтлая красавица: — это не обо мнѣ. Тогда меня не было. Эта женщина была рабыня. Гдѣ нѣтъ равенства, тамъ нѣтъ меня. Ту царицу звали Астарта. Вотъ она.

Роскошная женщина. На рукахъ и на ногахъ ея тяжелые золотые браслеты; тяжелое ожерелье изъ перловъ и коралловъ, оправленныхъ золотомъ, на ея шеѣ. Ея волоса увлажены мирою. Сладострастіе и раболѣпство въ ея лицѣ, сладострастіе и безсмысліе въ ея глазахъ.

„Повинуйся твоему господину; услаждай лѣнь его въ промежутки набѣговъ: ты должна любить его, потому что онъ купилъ тебя, и если ты не будешь любить его, онъ убьетъ тебя", говоритъ она женщинѣ, лежащей передъ нею во прахѣ.

— Ты видишь, что это не я, говоритъ красавица.

2.

Опять звучатъ вдохновенныя слова поэта. Возникаетъ новая картина.

Городъ. Вдали на сѣверѣ и востокѣ горы; вдали на востокѣ и югѣ, подлѣ на западѣ, море. Дивный городъ. Невелики въ немъ домы, и не роскошны снаружи. Но сколько въ немъ чудныхъ храмовъ! Особенно на холмѣ, куда ведетъ лѣстница съ воротами удивительнаго величія и красоты: весь холмъ занятъ храмами и общественными зданіями, изъ которыхъ каждаго, одного, было-бы довольно нынѣ, чтобы увеличить красоту и славу великолѣпнѣйшей изъ столицъ. Тысячи статуй въ этихъ храмахъ и повсюду въ городѣ, — статуи, изъ которыхъ одной было-бы довольно, чтобы сдѣлать музей, гдѣ стояла бы она, первымъ музеемъ цѣлаго міра. И какъ прекрасенъ народъ, толпящійся на площадяхъ, на улицахъ: каждый изъ этихъ юношей, каждая изъ этихъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ могли-бы служить моделью для статуи. Дѣятельный, живой, веселый народъ, народъ, вся жизнь котораго свѣтла и изящна. Эти домы, нероскошные снаружи,—какое богатство изящества и высокаго умѣнья наслаждаться показываютъ они внутри: на каждую вещь изъ мебели и посуды можно залюбоваться. И всѣ эти люди, такіе прекрасные, такъ умѣющіе понимать красоту, живутъ для любви, для служенія красотѣ. Вотъ изгнанникъ возвращается въ городъ, свер-

гнувшій его власть: онъ возвращается за тѣмъ, чтобы повелѣвать, всѣ это знаютъ. Что-жь ни одна рука не поднимается противъ него? На колесницѣ съ нимъ ѣдетъ, показывая его народу, прося народъ принять его, говоря народу, что она покровительствуетъ ему, женщина чудной красоты даже среди этихъ красавицъ,—и преклоняясь передъ ея красотою, народъ отдаетъ власть надъ собою Пизистрату, ея любимцу: Вотъ судъ; судьи угрюмые старики,—народъ можетъ увлекаться, они не знаютъ увлеченья. Ареопагъ славится безпощадно, строгостью, неумолимымъ нелицепріятіемъ: боги и богини приходили отдавать свои дѣла на его рѣшеніе. И вотъ должна явиться передъ нимъ женщина, которую всѣ считаютъ виновной въ страшныхъ преступленіяхъ: она должна умереть, губительница Аѳинъ, каждый изъ судей уже рѣшилъ это въ душѣ; является передъ ними Аспазія, эта обвиненная, и они всѣ падаютъ передъ нею на землю и говорятъ: ты не можешь быть судима, ты слишкомъ прекрасна! Это ли не царство красоты? это ли не царство любви?

— Нѣтъ, говоритъ свѣтлая красавица:—меня тогда не было. Они поклонялись женщинѣ, но не признавали ее равною себѣ. Они поклонялись ей, но только какъ источнику наслажденій; человѣческаго достоинства они еще не признавали въ ней! Гдѣ нѣтъ уваженія къ женщинѣ, какъ къ человѣку, тамъ нѣтъ меня. Ту царицу звали Афродита. Вотъ она.

На этой царицѣ нѣтъ никакихъ украшеній, — она такъ прекрасна, что ея поклонники не хотѣли, чтобъ она имѣла одежду, ея дивныя формы не должны быть скрыты отъ ихъ восхищенныхъ глазъ.

Что говоритъ она женщинѣ, почти такъ-же прекрасной, какъ сама она, бросающей ѳміамъ на ея алтарь?

„Будь источникомъ наслажденія для мужчины. Онъ господинъ твой. Ты живешь не для себя, а для него“.

И въ ея глазахъ только нѣга физическаго наслажденія. Ея осанка горда, въ ея лицѣ гордость, но гордость только своею физическою красотою. И на какую жизнь обречена была женщина, во время царства ея? Мужчина запиралъ женщину въ гинекей, чтобы никто, кромѣ его, господина, не могъ наслаждаться красотою, ему принадлежащею. У ней не было свободы. Были у нихъ другія женщины, которыя называли себя свободными, но

онѣ продавали наслажденіе своею красотою, онѣ продавали свою свободу. Нѣтъ, и у нихъ не было свободы. Эта царица была полу-рабыня. Гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ счастія, тамъ нѣтъ меня.

3.

Опять звучатъ слова поэта. Возникаетъ новая картина.

Арена передъ замкомъ. Кругомъ амфитеатръ съ блистательной толпою зрителей. На аренѣ рыцари. Надъ ареною, на балконѣ замка сидитъ дѣвушка. Въ ея рукѣ шарфъ. Кто побѣдитъ, тому шарфъ и поцалуй руки ея. Рыцари бьются на смерть. Тоггенбургъ побѣдилъ. „Рыцарь, я люблю васъ какъ сестра, Другой любви не требуйте. Не бьется мое сердце, когда вы приходите,—не бьется оно, когда вы удаляетесь". „Судьба моя рѣшена", говоритъ онъ и плыветъ въ Палестину. По всему христіанству разносится слава его подвиговъ. Но онъ не можетъ жить, не видя царицу души своей. Онъ возвращается, онъ не нашелъ забвенья въ битвахъ. „Не стучитесь, рыцарь: она въ монастырѣ". Онъ строитъ себѣ хижину, изъ оконъ которой, невидимый ей, можетъ видѣть ее, когда она поутру раскрываетъ окно своей кельи. И вся жизнь его—ждать, пока явится она у окна, прекрасная, какъ солнце; нѣтъ у него другой жизни, какъ видѣть царицу души своей, и не было у него другой жизни, пока не изсякла въ немъ жизнь; и когда погасла въ немъ жизнь, онъ сидѣлъ у окна своей хижины и думалъ только одно: увижу ли ее еще?

— Это ужь вовсе, вовсе не обо мнѣ, говоритъ свѣтлая красавица. Онъ любилъ ее, пока не касался къ ней. Когда она становилась его женою, она становилась его подданною; она должна была трепетать его; онъ запиралъ ее; онъ переставалъ любить ее. Онъ охотился, онъ уѣзжалъ на войну, онъ пировалъ съ своими товарищами, онъ насиловалъ своихъ вассалокъ, — жена была брошена, заперта, презрѣна. Ту женщину, которой касался мужчина, этотъ мужчина ужь не любилъ тогда. Нѣтъ, тогда меня не было. Ту царицу звали „Непорочностью". Вотъ она.

Скромная, кроткая, нѣжная, прекрасная,—прекраснѣе Астарты, прекраснѣе самой Афродиты, но задумчивая, грустная, скорбящая. Передъ нею преклоняютъ колѣна, ей подносятъ вѣнки

розъ. „Онъ говоритъ: „Печальна до смертельной скорби душа моя. Мечъ пронзилъ сердце мое. Скорбите и вы. Вы несчастны. Земля—долина плача".

— Нѣтъ, нѣтъ, меня тогда не было, говоритъ свѣтлая красавица.

4.

„Нѣтъ, тѣ царицы были не похожи на меня. Всѣ онѣ еще продолжаютъ царствовать, но царства всѣхъ ихъ падаютъ. Съ рожденіемъ каждой изъ нихъ начинало падать царство прежней. И я родилась только тогда, когда стало падать царство послѣдней изъ нихъ. И съ тѣхъ поръ, какъ я родилась, царства ихъ стали падать быстро, быстро, и они вовсе падутъ, — изъ нихъ слѣдующая не могла замѣнить прежнихъ, и онѣ оставались при ней. Я замѣняю всѣхъ, онѣ исчезнутъ, я одна останусь царствовать надъ всѣмъ міромъ. Но онѣ должны были царствовать прежде меня; безъ ихъ царствъ не могло придти мое.

„Люди были, какъ животныя. Они перестали быть животными, когда мужчина сталъ цѣнить въ женщинѣ красоту. Но женщина слабѣе мужчины силою; а мужчина былъ грубъ. Все тогда рѣшалось силою. Мужчина присвоилъ себѣ женщину, красоту которой сталъ цѣнить. Она стала собственностью его, вещью его. Это царство Астарты.

Когда онъ сталъ болѣе развитъ, онъ сталъ больше прежняго цѣнить красоту, преклонился передъ ея красотою. Но ея сознаніе было еще не развито. Онъ цѣнилъ только въ ней красоту. Она умѣла думать еще только то, что слышала отъ него. Онъ говорилъ, что только онъ человѣкъ, она не человѣкъ, и она еще видѣла въ себѣ только прекрасную драгоцѣнность, принадлежащую ему, человѣкомъ она не считала себя. Это царство Афродиты.

„Но вотъ начало въ ней пробуждаться сознаніе, что и она человѣкъ. Какая скорбь должна была обнять ее, и при самомъ слабомъ появленіи въ ней мысли о своемъ человѣческомъ достоинствѣ! Вѣдь она еще не была признаваема за человѣка. Мужчина еще не хотѣлъ имѣть ее иною подругою себѣ, какъ своею рабынею. И она говорила: я не хочу быть твоею подругою! Тогда страсть къ ней заставляла его умолять и смиряться, и

онъ забывалъ, что не считаетъ ее человѣкомъ, и онъ любилъ ее, недоступную, неприкосновенную, непорочную дѣву. Но лишь только вѣрила она его мольбѣ, лишь только онъ казался ея— горе ей! Она была въ рукахъ его, эти руки были сильнѣе ея рукъ, а онъ былъ грубъ, и онъ обращалъ ее въ свою рабыню и презиралъ ее. Горе ей! Это скорбное царство дѣвы.

„Но шли вѣка; моя сестра, — ты знаешь ее? та, которая раньше меня стала являться тебѣ, дѣлала свое дѣло. Она была всегда, она была прежде всѣхъ, она ужь была, какъ были люди, и всегда работала неутомимо. Тяжелъ былъ ея трудъ, медленъ успѣхъ, но она работала, работала, и росъ успѣхъ. Мужчина становился разумнѣе, женщина тверже и тверже сознавала себя равнымъ ему человѣкомъ, — и пришло время, родилась я.

„Это было недавно, о, это было очень недавно. Ты знаешь ли, кто первый почувствовалъ, что я родилась, и сказалъ это другимъ! Это сказалъ Руссо въ „Новой Элоизѣ“. Въ ней, отъ него люди въ первый разъ услышали обо мнѣ.

„И съ той поры мое царство ростетъ. Еще не надъ многими я царица. Но оно быстро ростетъ, и ты уже предвидишь время, когда я буду царствовать надъ всею землею. Только тогда вполнѣ почувствуютъ люди, какъ я хороша. Теперь тѣ, кто признаетъ мою власть, еще не могутъ повиноваться всей моей волѣ. Они окружены массою непріязненною всей моей волѣ. Масса истерзала бы ихъ, отравила бы ихъ жизнь, если-бъ они знали и исполняли всю мою волю. А мнѣ нужно счастье, я не хочу никакихъ страданій, и я говорю имъ: не дѣлаете того, за что васъ стали бы мучить; знайте мою волю теперь лишь на столько, на сколько можете знать ее безъ вреда себѣ.

— Но я могу знать всю тебя?

— Да, ты можешь. Твое положеніе очень счастливое. Тебѣ нечего бояться. Ты можешь дѣлать все, что захочешь. И если ты будешь знать всю мою волю, отъ тебя моя воля не захочетъ ничего вреднаго тебѣ: тебѣ не нужно желать, ты не будешь желать ничего, за что стали бы мучить тебя незнающіе меня. Ты теперь вполнѣ довольна тѣмъ, что имѣешь; ни о чемъ другомъ ни о комъ другомъ ты не думаешь и не будешь думать. Я могу открыться тебѣ вся.

— Назови же мнѣ себя, ты назвала мнѣ прежнихъ царицъ, себя ты еще никогда не называла мнѣ.

— Ты хочешь, чтобъ я назвала себя? Смотри на меня, слушай меня.

5.

— Смотри на меня, слушай меня. Ты узнаешь ли мой голосъ? Ты узнаешь ли лицо мое? Ты видѣла ли лицо мое?

Да, она еще не видѣла лица ея, вовсе не видѣла ея. Какъ же ей казалось, что она видитъ ее? Вотъ ужь годъ, съ тѣхъ поръ, какъ она говоритъ съ нимъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ смотритъ на нее, цалуетъ ее, она такъ часто видитъ ее, эту свѣтлую красавицу, и красавица не прячется отъ нея, какъ она не прячется отъ него, она вся является ей.

— Нѣтъ, я не видѣла тебя, я не видѣла лица твоего; ты являлась мнѣ, я видѣла тебя, но ты окружена сіяніемъ, я не могла видѣть тебя, я видѣла только, что ты прекраснѣе всѣхъ. Твой голосъ, я слышу его, но я слышу только, что твой голосъ прекраснѣе всѣхъ.

— Смотри же, для тебя, на эту минуту, я уменьшаю сіянье моего ореола, и мой голосъ пусть звучитъ тебѣ на эту минуту безъ очаровательности, которую я всегда даю ему; на минуту я для тебя перестаю быть царицею. Ты видѣла, ты слышала? Ты узнала? Довольно, я опять царица, и уже навсегда царица.

Она опять окружена всѣмъ блескомъ своего сіянія, и опять голосъ ея невыразимо упоителенъ. Но на минуту, когда она переставала быть царицею, чтобы дать узнать себя, неужели это такъ? Неужели это лицо видѣла, неужели этотъ голосъ слышала Вѣра Павловна?

— Да, говоритъ царица:—ты хотѣла знать, кто я, ты узнала. Ты хотѣла узнать мое имя, у меня нѣтъ имени, отдѣльнаго отъ той, которой являюсь я, мое имя — ея имя; ты видѣла, кто я. Нѣтъ ничего выше человѣка, нѣтъ ничего выше женщины. Я та, которой являюсь я, которая любитъ, которая любима.

Да, Вѣра Павловна видѣла: это она сама, это она сама, но богиня. Лицо богини ея самой лицо, это ея живое лицо, черты котораго такъ далеки отъ совершенства, прекраснѣе котораго видитъ она каждый день не одно лицо; это ея лицо, озаренное

сіяніемъ любви, прекраснѣе всѣхъ идеаловъ, завѣщаннымъ намъ скульпторами древности и великими живописцами великаго вѣка живописи, да, это она сама, но озаренная сіяніемъ любви, она, прекраснѣе которой есть сотни лицъ въ Петербургѣ, такомъ бѣдномъ красотою, она прекраснѣе Афродиты Луврской, прекраснѣе доселѣ извѣстныхъ красавицъ.

— Ты видишь себя въ зеркалѣ такою, какая ты сама по себѣ, безъ меня. Во мнѣ ты видишь себя такой, какой видитъ тебя тотъ, кто любитъ тебя. Для него я сливаюсь съ тобою. Для него нѣтъ никого прекраснѣе тебя; для него всѣ идеалы меркнутъ передъ тобою Такъ ли?

Такъ, о, такъ!

6.

„Теперь ты знаешь, кто я; узнай, что я...

„Во мнѣ наслажденіе чувства, которое было въ Астартѣ: она родоначальница всѣхъ насъ другихъ царицъ, смѣнявшихъ ее. Во мнѣ упоеніе созерцаніемъ красоты, которое было въ Афродитѣ. Во мнѣ благоговѣніе передъ чистотою, которое было въ „Непорочности".

„Но во мнѣ все это не такъ, какъ было въ нихъ, а полнѣе, выше, сильнѣе. То, что было въ „Непорочности", соединяется во мнѣ съ тѣмъ, что было въ Астартѣ, и съ тѣмъ, что было въ Афродитѣ. И соединяясь во мнѣ съ другими силами, каждая изъ этихъ силъ становится могущественнѣе и лучше отъ союза. Но больше, еще гораздо больше могущества и прелести дается каждой изъ этихъ силъ во мнѣ тѣмъ новымъ, что есть во мнѣ, чего не было ни въ одной изъ прежнихъ царицъ. Это новое во мнѣ, то, чѣмъ я отличаюсь отъ нихъ, — равноправность любящихъ, равное отношеніе между ними,—какъ людьми, и отъ этого одного новаго все во мнѣ много, о, много прекраснѣе, чѣмъ было въ нихъ.

„Когда мужчина признаетъ равноправность женщины съ собою, онъ отказывается отъ взгляда на нее, какъ на свою принадлежность. Тогда она любитъ его, какъ онъ любитъ ее, только потому, что хочетъ любить, если же она не хочетъ, онъ не имѣетъ никакихъ правъ надъ нею, какъ и она надъ нимъ. Поэтому во мнѣ свобода.

„Отъ равноправности и свободы, и то мое, что было въ прежнихъ царицахъ, получаетъ новый характеръ, высшую прелесть, прелесть, какой не знали до меня, передъ которой ничто все, что знали до меня.

„До меня не знали полнаго наслажденія чувства, потому что безъ свободнаго влеченія обоихъ любящихъ ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ свѣтлаго упоенія. До меня не знали полнаго наслаженія созерцаніемъ красоты, потому что если красота открывается не по свободному влеченію, нѣтъ свѣтлаго упоенія ея созерцаніемъ. Безъ свободнаго влеченія и наслажденіе, и восхищеніемъ мрачны передъ тѣмъ, каковы они во мнѣ.

„Моя непорочность чище той „Непорочности", которая говорила только о чистотѣ тѣла: во мнѣ чистота сердца. Я свободна, потому во мнѣ нѣтъ обмана, нѣтъ притворства: я не скажу слова, котораго не чувствую, я не дамъ поцалуя, въ которомъ нѣтъ симпатіи.

„Но то, что во мнѣ новое, что даетъ высшую прелесть тому, что было въ прежнихъ царицахъ, оно само по себѣ, составляетъ во мнѣ прелесть, которая выше всего. Господинъ стѣсненъ при слугѣ, слуга стѣсненъ передъ господиномъ; только съ равнымъ себѣ вполнѣ свободенъ человѣкъ. Съ низшимъ скучно, только съ равнымъ полное веселье. Вотъ почему до меня и мужчина не зналъ полнаго счастья любви; того, что онъ чувствовалъ до меня, не стоило называть счастьемъ, это было только минутное опьяненіе. А женщина, какъ жалка была до меня женщина! она была тогда подвластнымъ, рабствующимъ лицомъ; она была въ боязни, она до меня слишкомъ мало знала, что такое любовь: гдѣ боязнь, тамъ нѣтъ любви...

„Поэтому, если ты хочешь однимъ словомъ выразить, что такое я, это слово—равноправность. Безъ него наслажденіе тѣломъ, восхищеніе красотою, скучны, мрачны, гадки; безъ него нѣтъ чистоты сердца, есть только обманъ чистотою тѣла. Изъ него, изъ равенства, и свобода во мнѣ, безъ которой нѣтъ меня.

„Я все сказала тебѣ, что ты можешь сказать другимъ, все, что я теперь. Но теперь царство мое еще мало, я еще должна беречь своихъ отъ клеветы незнающихъ меня, я еще не могу высказывать всю мою волю всѣмъ. Я скажу ее всѣмъ, когда мое царство будетъ надъ всѣми людьми, когда всѣ люди будутъ

прекрасны тѣломъ и чисты сердцемъ, тогда я открою имъ всю мою красоту. Но ты, твоя судьба особенно счастлива; тебя я не смущу, тебѣ я не повредy, сказавши, чѣмъ буду я, когда не немногіе, какъ теперь, а всѣ будутъ достойны признавать меня своею царицею. Тебѣ одной я скажу тайны моего будущаго. Клянись молчать и слушай.

8.

. . . . . .

. . . . . .

9.

— О, любовь моя, теперь я знаю всю твою волю; я знаю, что она будетъ; но какъ же она будетъ? Какъ тогда будутъ жить люди?

— Я одна не могу разсказать тебѣ этого, для этого мнѣ нужна помощь моей старшей сестры,—той, которая давно являлась тебѣ. Она моя владычица и слуга моя. Я могу быть только тѣмъ, чѣмъ она дѣлаетъ меня; но она работаетъ для меня. — Сестра, приди на помощь.

Является сестра своихъ сестеръ, невѣста своихъ жениховъ.— Здравствуй, сестра, говоритъ она царицѣ: — здѣсь и ты, сестра? говоритъ она Вѣрѣ Павловнѣ:—ты хочешь видѣть, какъ будутъ жить люди, когда царица, моя воспитанница, будетъ царствовать надъ всѣми?—Смотри.

Зданіе, громадное, громадное зданіе, какихъ теперь лишь по нѣскольку въ самыхъ большихъ столицахъ, — или нѣтъ, теперь ни одного такого! Оно стоитъ среди нивъ и луговъ, садовъ и рощъ. Нивы—это наши хлѣба, только не такіе, какъ у насъ, а густые, густые, изобильные, изобильные. Неужели это пшеница? Кто-жь видѣлъ такіе колосья? Кто-жь видѣлъ такія зерна? Только въ оранжереѣ можно бы теперь выростить такія колосья съ такими зернами. Поля, это наши поля; но такіе цвѣты теперь только въ цвѣтникахъ у насъ. Сады, лимонныя и апельсинныя деревья, персики и абрикосы,—какъ же они растутъ на открытомъ воздухѣ? О, да это колонны вокругъ нихъ, это они открыты

на лѣто; да, это оранжереи, раскрывающіяся на лѣто. Рощи — это наши рощи: дубъ и липа, кленъ и вязь, — да, рощи тѣ-же, какъ теперь; за ними очень заботливый уходъ, нѣтъ въ нихъ ни одного больнаго дерева, но рощи тѣ-же,—только онѣ и остались тѣ-же, какъ теперь. Но это зданіе,—что-жь это, какой оно архитектуры? теперь нѣтъ такой; нѣтъ, ужь есть одинъ намекъ на нее, — дворецъ, который стоитъ на Сайденгамскомъ холмѣ: чугунъ и стекло, чугунъ и стекло, — только. Нѣтъ, не только: это лишь оболочка зданія, это его наружныя стѣны; а тамъ, внутри уже настоящій домъ, громаднѣйшій домъ: онъ покрытъ этимъ чугунно-хрустальнымъ зданіемъ, какъ футляромъ; оно образуетъ вокругъ него широкія галлереи по всѣмъ этажамъ. Какая легкая архитектура этого внутренняго дома, какіе маленькіе простѣнки между окнами, — а окна огромныя, широкія, во всю вышину этажей! его каменныя стѣны — будто рядъ пилястровъ, составляющихъ раму для оконъ, которыя выходятъ на галлерею. Но какіе это полы и потолки? Изъ чего эти двери и рамы оконъ? Что это такое? серебро? платина? да и мебель почти вся такая же,—мебель изъ дерева тутъ лишь капризъ, она только для разнообразія, но изъ чего-жь вся остальная мебель, потолки и полы? „Попробуй подвинуть это кресло“, говоритъ старшая царица. Эта металлическая мебель легче нашей орѣховой. Но что-жь это за металлъ? Ахъ, знаю теперь, Саша показывалъ мнѣ такую дощечку, она была легка, какъ стекло, и теперь ужь есть такіе серьги, брошки; да, Саша говорилъ, что рано или поздно, алюминій замѣнитъ собою дерево, можетъ быть, и камень. Но какъ же все это богато! вездѣ алюминій и алюминій, и всѣ промежутки окэнъ одѣты огромными зеркалами. И какіе ковры на полу! Вотъ въ этомъ залѣ половина пола открыта, тутъ и видно, что онъ изъ алюминія. „Ты видишь, тутъ онъ матовый, чтобы не былъ слишкомъ скользокъ,—тутъ играютъ дѣти, а вмѣстѣ съ ними и большіе; вотъ и въ томъ залѣ полъ тоже безъ ковровъ, — для танцевъ“. И повсюду южныя деревья и цвѣты; весь домъ—громадный зимній садъ.

Но кто же живетъ въ этомъ домѣ, который великолѣпнѣе дворцовъ? „Здѣсь живетъ много, очень много; иди, мы увидимъ ихъ“. Они идутъ на балконъ, выступающій изъ верхняго этажа галлереи. Какъ же Вѣра Павловна не замѣтила прежде? По

этимъ нивамъ разсѣяны группы людей; вездѣ мужчины и женщины, старики, молодые и дѣти вмѣстѣ. Но больше молодыхъ; стариковъ мало, старухъ еще меньше, дѣтей больше, чѣмъ стариковъ, но все-таки не очень много. Больше половины дѣтей осталось дома заниматься хозяйствомъ: они дѣлаютъ почти все по хозяйству, они очень любятъ это; съ ними нѣсколько старухъ. А стариковъ и старухъ очень мало потому, что здѣсь очень поздно становятся ими, здѣсь здоровая и спокойная жизнь; она сохраняетъ свѣжесть". Группы, работающія на нивахъ, почти всѣ поютъ; но какою работою онѣ заняты? Ахъ, это онѣ убираютъ хлѣбъ. Какъ быстро идетъ у нихъ работа! Но еще бы не идти ей быстро, и еще бы не пѣть имъ! Почти все дѣлаютъ за нихъ машины, — и жнутъ, и вяжутъ снопы, и отвозятъ ихъ,— люди почти только ходятъ, ѣздятъ, управляютъ машинами; и какъ они удобно устроили себѣ; день зноенъ, но имъ, конечно, ничего: надъ тою частью нивы, гдѣ они работаютъ, раскинутъ огромный пологъ; какъ подвигается работа, подвигается и онъ,— какъ они устроили себѣ прохладу! Еще бы имъ не быстро и не весело работать, еще бы имъ не пѣть! Этакъ, и я стала бы жать! И все пѣсни, все пѣсни,—незнакомыя, новыя; а вотъ припомнили и нашу; знаю ее:

Будемъ жить съ тобой по пански:
Эти люди намъ друзья,—
Что душѣ твоей угодно,
Все добуду съ ними я...

Но вотъ работа кончена, всѣ идутъ къ зданію. Войдемъ опять въ залъ, посмотримъ, какъ они будутъ обѣдать, говоритъ старшая сестра. Онѣ входятъ въ самый большой изъ огромныхъ залъ. Половина его занята столами, — столы ужь накрыты,— сколько ихъ! Сколько же тутъ будетъ обѣдающихъ? Да человѣкъ тысяча или больше! „здѣсь не всѣ; кому угодно, обѣдаютъ особо, у себя", тѣ старухи, старики, дѣти, которые не выходили въ поле, приготовили все это: „готовить кушанье, заниматься хозяйствомъ, прибирать въ комнатахъ, — это слишкомъ легкая работа для другихъ рукъ, говоритъ старшая сестра: — ею слѣдуетъ заниматься тѣмъ, кто еще не можетъ, или уже не можетъ дѣлать ничего другаго". Великолѣпная сервировка. Все алюминій

и хрусталь; по средней полосѣ широкихъ столовъ разставлены вазы съ цвѣтами, блюда ужь на столѣ, вошли работающіе, всѣ садятся за обѣдъ, и они, и готовившіе обѣдъ. А кто-жь будетъ прислуживать? „Когда? во время стола? зачѣмъ? Вѣдь всего пять, шесть блюдъ: тѣ, которые должны быть горячія, поставлены на такихъ мѣстахъ, что не остынутъ; видишь, въ углубленіяхъ, — это ящики съ кипяткомъ, говоритъ старшая сестра. Ты хорошо живешь, ты любишь хорошій столъ, часто у тебя бываетъ такой обѣдъ? — Нѣсколько разъ въ годъ. „У нихъ это обыкновенный; кому угодно, тотъ имѣетъ лучше, какой угодно, но тогда особый разсчетъ; а кто не требуетъ себѣ особеннаго противъ того, что дѣлается для всѣхъ, съ тѣмъ нѣтъ никакого разсчета. И все такъ: то, что могутъ по средствамъ своей компаніи всѣ, за то нѣтъ разсчетовъ; за каждую особую вещь или прихоть — разсчетъ“.

— Неужели-жь это мы? неужели это наша земля? Я слышала нашу пѣсню, они говорятъ по русски. „Да, ты видишь не въ далекѣ рѣку,—это Ока; эти люди мы, вѣдь съ тобою я русская!“— И ты все это сдѣлала? „Это все сдѣлано для меня, и я одушевляла дѣлать это, я одушевляю совершенствовать это, но дѣлаетъ это вотъ она, моя старшая сестра, она работница, а я только наслаждаюсь“.—И всѣ такъ будутъ жить? „Всѣ, говоритъ старшая сестра: — для всѣхъ вѣчная весна и лѣто, вѣчная радость. Но мы показали тебѣ только конецъ моей половины дня, работы, и начало ея половины;—мы еще посмотримъ на нихъ вечеромъ, черезъ два мѣсяца“.

10.

Цвѣты завяли; листья начинаютъ падать съ деревьевъ; картина становится уныла. „Видишь, на это скучно было бы смотрѣть, тутъ было бы скучно жить, говоритъ младшая сестра:— я такъ не хочу“. Залы пусты, на поляхъ и въ садахъ тоже нѣтъ никого, говоритъ старшая сестра: — я это устроила по волѣ своей сестры царицы“.—Неужели дворецъ въ самомъ дѣлѣ опустѣлъ? „Да вѣдь здѣсь холодно и сыро, зачѣмъ же быть здѣсь? Здѣсь изъ 2,000 человѣкъ осталось теперь десять, двадцать человѣкъ оригиналовъ, которымъ на этотъ разъ показалось пріят-

нымъ разнообразіемъ остаться здѣсь, въ глуши, въ уединеніи, посмотрѣть на сѣверную осень. Черезъ нѣсколько времени, зимою, здѣсь будутъ безпрестанныя смѣны, будутъ пріѣзжать маленькими партіями любители зимнихъ прогулокъ, провести здѣсь нѣсколько дней по зимнему.

— Но гдѣ-жь они теперь? „Да вездѣ, гдѣ тепло и хорошо, говоритъ старшая сестра: — на лѣто, когда здѣсь много работы и хорошо, пріѣзжаетъ сюда множество всякихъ гостей съ юга; мы были въ домѣ, гдѣ вся компанія изъ однѣхъ васъ; но множество домовъ построено для гостей, въ другихъ и разноплеменные гости и хозяева поселяются вмѣстѣ, кому какъ нравится, такую компанію и выбираетъ. Но принимая лѣтомъ множество гостей, помощниковъ въ работѣ, вы сами на 7, 8 плохихъ мѣсяцевъ вашего года уѣзжаете на югъ,—кому куда пріятнѣе. Но есть у васъ на югѣ и особая сторона, куда уѣзжаетъ главная масса ваша. Эта сторона такъ и называется Новая Россія“.—Это гдѣ Одесса и Херсонъ? „Это въ твое время; а теперь смотри, вотъ гдѣ Новая Россія“.

Горы, одѣтыя садами; между горъ узкія долины, широкія равнины. „Эти горы были прежде голыя скалы“, говоритъ старшая сестра. Теперь онѣ покрыты толстымъ слоемъ земли, и на нихъ среди садовъ ростутъ рощи самыхъ высокихъ деревьевъ: внизу во влажныхъ ложбинахъ, плантанціи кофейнаго дерева; выше финиковыя пальмы, смоковницы; виноградники перемѣшаны съ плантаціями сахарнаго тросника; на нивахъ есть и пшеница, но больше рисъ“. Что-жь это за земля? „Поднимемся на минуту повыше, ты увидишь ея границы“. На далекомъ сѣверо-востокѣ двѣ рѣки, которыя сливаются вмѣстѣ прямо на востокѣ отъ того мѣста, съ котораго смотритъ Вѣра Павловна; дальше къ югу, все въ томъ же юго-восточномъ направленіи, длинный и широкій заливъ; на югѣ далеко идетъ земля, расширяясь все больше къ югу между этимъ заливомъ и длиннымъ узкимъ заливомъ, составляющимъ ея западную границу. Между западнымъ узкимъ заливомъ и моремъ, которое очень далеко на сѣверо-западѣ, узкій перешеекъ.—Но мы въ центрѣ пустыни? говоритъ изумленная Вѣра Павловна. „Да, въ центрѣ бывшей пустыни; а теперь, какъ видишь, все пространство съ сѣвера, отъ той большой рѣки на сѣверо-востокѣ, уже обращено въ благодатнѣйшую землю, въ

землю такую же, какою была когда-то и опять стала теперь та полоса по морю на сѣверъ отъ нея, про которую говорилось въ старину, что она „кипитъ молокомъ и медомъ“. Мы не очень далеко, ты видишь, отъ южной границы воздѣланнаго пространства, горная часть полуострова еще остается песчаною безплодною степью, какою былъ въ твое время весь полуостровъ; съ каждымъ годомъ, люди, вы русскіе, все дальше отодвигаете границу пустыни на югъ. Другіе работаютъ въ другихъ странахъ: всѣмъ и много мѣста, и довольно работы, и просторно, и обильно. Да, отъ большой сѣверо-восточной рѣки, все пространство на югъ до половины полуострова зеленѣетъ и цвѣтетъ, по всему пространству стоятъ, какъ на сѣверѣ, громадныя зданія, въ трехъ, въ четырехъ верстахъ другъ отъ друга, будто безсчисленные громадные шахматы на исполинской шахматницѣ. „Спустимся къ одному изъ нихъ“, говоритъ старшая сестра.

Такой же хрустальный громадный домъ, но колонны его бѣлыя. „Онѣ потому изъ алюминія, говоритъ старшая сестра, что здѣсь вѣдь очень тепло, бѣлое меньше разгорячается на солнцѣ, это нѣсколько дороже чугуна, но по здѣшнему удобнѣе“. Но вотъ что они еще придумали: на дальнее разстояніе кругомъ хрустальнаго дворца, идутъ ряды тонкихъ, чрезвычайно высокихъ столбовъ, и на нихъ, высоко надъ дворцомъ, надъ всѣмъ дворцомъ и на полверсты вокругъ него, растянутъ бѣлый пологъ. „Онъ постоянно обрызгивается водою,—говоритъ старшая сестра:—видишь, изъ каждой колонны подымается выше полога маленькій фонтанъ, разлетающійся дождемъ вокругъ, поэтому жить здѣсь прохладно, ты видишь, они измѣняютъ температуру, какъ хотятъ“.—А кому нравится зной и яркое здѣшнее солнце? „Ты видишь, вдали есть павильоны и шатры. Каждый можетъ жить, какъ ему угодно; я къ тому веду, я все для этого только и работаю“.—Значитъ, остались и города для тѣхъ, кому нравится въ городахъ? „Не очень много такихъ людей; городовъ осталось меньше прежняго,—почти только для того, чтобы быть центрами сношеній и перевозки товаровъ, у лучшихъ гаваней, въ другихъ центрахъ сообщеній, но эти города больше и великолѣпнѣе прежнихъ, всѣ туда ѣздятъ на нѣсколько дней для разнообразія; большая часть ихъ жителей безпрестанно смѣняется, бываетъ тамъ для труда, на недолгое время“. — Но кто хочетъ

постояно жить въ нихъ? „Живутъ, какъ вы живете въ своихъ Петербургахъ, Парижахъ, Лондонахъ,—кому-жь какое дѣло? кто станетъ мѣшать? Каждый живи, какъ хочешь; только огромнѣйшее большинство, 99 человѣкъ изъ 100, живутъ такъ, какъ мы съ сестрою показываемъ тебѣ, потому что это имъ пріятнѣе и выгоднѣе. Но иди же во дворецъ, ужь довольно поздній вечеръ, пора смотрѣть на нихъ.

— Но нѣтъ, прежде я хочу же знать, какъ это сдѣлалось? „Что?“—То, что безплодная пустыня обратилась въ плодороднѣйшую землю, гдѣ почти всѣ мы проводимъ двѣ трети нашего года. „Какъ это сдѣлалось? да что-жь тутъ мудренаго? Вѣдь это сдѣлалось не въ одинъ годъ, и не въ десять лѣтъ, я постепенно подвигала дѣло. Съ сѣверо-востока, отъ береговъ большой рѣки, съ сѣверо-запада, отъ прибережья большаго моря,—у нихъ такъ много такихъ сильныхъ машинъ,—возили глину, она связывала песокъ, проводили каналы, устраивали орошеніе, явилась зелень, явилось и больше влаги въ воздухѣ; шли впередъ шагъ за шагомъ, по нѣсколько верстъ, иногда по одной верстѣ въ годъ, какъ и теперь все идутъ больше на югъ, что-жь тутъ особеннаго? Они только стали умны, стали обращать на пользу себѣ громадное количество силъ и средствъ, которыя прежде тратили безъ пользы или и прямо во вредъ себѣ. Не даромъ же я работаю и учу. Трудно было людямъ только понять, что полезно, они были въ твое время еще такими дикарями, такими грубыми, жестокими, безразсудными, но я учила и учила ихъ; а когда они стали понимать, исполнять было уже не трудно. Я не требую ничего труднаго, ты знаешь. Ты кое-что дѣлаешь по моему, для меня,—развѣ это дурно?“—Нѣтъ. „Конечно, нѣтъ. Вспомни же свою мастерскую, развѣ у васъ было много средствъ? развѣ больше, чѣмъ у другихъ?“—Нѣтъ, какія жь у насъ были средства? „А вѣдь твои швеи имѣютъ въ десять разъ больше удобствъ, въ двадцать разъ больше радостей жизни, во сто разъ меньше испытываютъ непріятнаго, чѣмъ другія, съ такими же средствами, какія были у васъ. Ты сама доказала, что и въ твое время люди могутъ жить очень привольно. Нужно только быть разсудительными, умѣть хорошо устроиться, узнать, какъ выгоднѣе употреблять средства“. Такъ, такъ; я это знаю. „Иди же еще посмо-

трѣть немножко, какъ живутъ люди черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ стали понимать то, что давно понимала ты".

11.

Онѣ входятъ въ домъ. Опять такой же громаднѣйшій, великолѣпный залъ. Вечеръ въ полномъ своемъ просторѣ и весельи, прошло ужь три часа послѣ заката солнца. Самая пора веселья. Какъ ярко освѣщенъ залъ, чѣмъ же?—нигдѣ не видно ни канделябровъ, ни люстръ; ахъ, вотъ что! — въ куполѣ зала большая площадка изъ матоваго стекла, черезъ нее льется свѣтъ,—конечно, такой онъ и долженъ быть: совершенно, какъ солнечный, бѣлый, яркій и мягкій,—ну, да, это электрическое освѣщеніе. Въ залѣ около тысячи человѣкъ народа, но въ ней могло бы свободно быть второе больше. „И бываетъ, когда пріѣзжаютъ гости, говоритъ свѣтлая красавица: — бываетъ и больше". — Такъ что жь это? развѣ не балъ? Это развѣ простой будничный вечеръ? „Конечно". — А по нынѣшнему, это былъ бы придворный балъ, такъ роскошна одежда женщинъ; да, другія времена, это видно и по покрою платья. Есть нѣсколько дамъ и въ нашемъ платьѣ, но видно, что онѣ одѣлись такъ для разнообразія, для шутки; да, онѣ дурачатся, шутятъ надъ своимъ костюмомъ; на другихъ другіе, самые разнообразные костюмы, разныхъ восточныхъ и южныхъ покроевъ, всѣ они граціознѣе нашего; но преобладаетъ костюмъ похожій на тотъ, какой носили гречанки въ изящнѣйшее время Аѳинъ—очень легкій и свободный, и на мужчинахъ тоже широкое, длинное платье безъ тальи, что-то въ родѣ мантій и матіевъ, видно, что это обыкновенный домашній костюмъ ихъ, какъ это платье скромно и прекрасно! какъ мягко и изящно обрисовываетъ оно формы, какъ возвышаетъ оно граціозность движеній! И какой оркестръ, болѣе ста артистовъ и артистокъ, но особенно, какой хоръ! „Да, у васъ въ цѣлой Европѣ не было десяти такихъ голосовъ, какихъ ты въ одномъ этомъ залѣ найдешь цѣлую сотню, и въ каждомъ другомъ столько же: образъ жизни не тотъ, очень здоровый и вмѣстѣ изящный, потому и грудь лучше и голосъ лучше", говоритъ свѣтлая царица. Но люди въ оркестрѣ и въ хорѣ безпрестанно мѣняются: одни ухо-

дятъ, другіе становятся на ихъ мѣсто,—они уходятъ танцовать, они приходятъ изъ танцующихъ.

У нихъ вечеръ, будничный обыкновенный вечеръ, они каждый вечеръ такъ веселятся и танцуютъ; но когда же я видѣла такую энергію веселья? но какъ и не имѣть ихъ веселью энергіи, неизвѣстной намъ?—Они по утру наработались. Кто не наработался вдоволь, тотъ не приготовилъ нервъ, чтобы чувствовать полноту веселья. И теперь веселье простыхъ людей, когда имъ удается веселиться, болѣе радостно, живо и свѣжо, чѣмъ наше; но у нашихъ простыхъ людей скудны средства для веселья, а здѣсь средства богаче, нежели у насъ; и веселье нашихъ простыхъ людей смущается воспоминаніемъ неудобствъ и лишеній, бѣдъ и страданій, смущается предчувствіемъ того же впереди,—это мимолетный часъ забытья нужды и горя—а развѣ нужда и горе могутъ быть забыты вполнѣ? развѣ песокъ пустыни не заноситъ? развѣ міазмы болота не заражаютъ и небольшаго клочка хорошей земли съ хорошимъ воздухомъ лежащаго между пустынею и болотомъ? А здѣсь нѣтъ ни воспоминаній, ни опасеній нужды или горя; здѣсь только воспоминанія вольнаго труда въ охоту, довольства, добра и наслажденія, здѣсь и ожиданія только все того же впереди. Какое же сравненіе! И опять: у нашихъ рабочихъ людей нервы только крѣпки, потому способны выдерживать много веселья, но они у нихъ грубы, не воспріимчивы. А здѣсь: нервы и крѣпки, какъ у нашихъ рабочихъ людей, и развиты, впечатлительны, какъ у насъ; приготовленность къ веселью, здоровая, сильная жажда его, какой нѣтъ у насъ, какая дается только могучимъ здоровьемъ и физическимъ трудомъ, въ этихъ людяхъ соединяется со всею тонкостью ощущеній, какая есть въ насъ; они имѣютъ все наше нравственное развитіе вмѣстѣ съ физическимъ развитіемъ крѣпкихъ нашихъ рабочихъ людей: понятно, что ихъ веселье, что ихъ наслажденіе, ихъ страсть,—все живѣе и сильнѣе, шире и сладостнѣе, чѣмъ у насъ. Счастливые люди!

Нѣтъ, теперь еще не знаютъ, что такое настоящее веселье, потому что еще нѣтъ такой жизни, какая нужна для него, и нѣтъ такихъ людей. Только такіе люди могутъ вполнѣ веселиться и знать весь восторгъ наслажденія! Какъ они цвѣтутъ здоровьемъ и силою, какъ стройны и граціозны они, какъ энергичны и вы-

разительны ихъ черты! Всѣ они—счастливые красавцы и красавицы, ведущіе вольную жизнь труда и наслажденія,—счастливцы, счастливцы!

Шумно веселится въ громадномъ залѣ половина ихъ, а гдѣ жь другая половина? „Гдѣ другіе? говоритъ свѣтлая царица:—они вездѣ; многіе въ театрѣ, одни актерами, другіе музыкантами, третьи зрителями, какъ нравится кому; иные разсѣялись по аудиторіямъ, музеямъ, сидятъ въ библіотекѣ, иные въ аллеяхъ сада, иные въ своихъ комнатахъ, или чтобы отдохнуть наединѣ, или, съ своими дѣтьми, но больше, больше всего—это моя тайна. Ты видѣла, въ залѣ, какъ горятъ щеки, какъ блистаютъ глаза; ты видѣла они уходили, они приходили; они уходили—это я увлекла ихъ, здѣсь комната каждаго и каждой — мой пріютъ, въ нихъ мои тайны ненарушимы, занавѣсы дверей, роскошные ковры, поглощающіе звукъ, тамъ тишина, тамъ тайна; они возвращались—это я возвращала ихъ изъ царства моихъ тайнъ на легкое веселье. Здѣсь царствую я.

„Я царствую здѣсь. Здѣсь все для меня! Трудъ—заготовленіе свѣжести чувствъ и силъ для меня, веселье—приготовленіе ко мнѣ, отдыхъ послѣ меня. Здѣсь я — цѣль жизни, здѣсь я — вся жизнь“.

12.

„Въ моей сестрѣ, царицѣ, высшее счастіе жизни, говоритъ старшая сестра: — но ты видишь, здѣсь всякое счастіе, какое кому надобно. Здѣсь всѣ живутъ, какъ лучше кому жить, здѣсь всѣмъ и каждому—полная воля, вольная воля“.

„То, что мы показали тебѣ, не скоро будетъ въ полномъ своемъ развитіи, какое видѣла теперь ты. Смѣнится много поколѣній прежде, чѣмъ вполнѣ осуществится то, что ты предощущаешь. Нѣтъ, не много поколѣній: моя работа идетъ теперь быстро, все быстрѣе съ каждымъ годомъ, но все-таки ты еще не войдешь въ это полное царство моей сестры; по крайней мѣрѣ, ты видѣла его, ты знаешь будущее. Оно свѣтло, оно прекрасно. Говори же всѣмъ: вотъ что въ будущемъ, будущее свѣтло и прекрасно. Любите его, стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее, сколько можете перенести: настолько будетъ свѣтла и добра,

богата радостью и наслажденіемъ ваша жизнь, насколько вы умѣете перенести въ нее изъ будущаго. Стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее все, что можете перенести".

XVII.

Черезъ годъ новая мастерская ужь совершенно устроилась, установилась. Обѣ мастерскія были тѣсно связаны между собою, передавали одна другой заказы, когда одна была завалена ими, а другая имѣла время исполнить ихъ. Между ними былъ текущій счетъ. Размѣръ ихъ средствъ былъ уже достаточенъ, чтобы онѣ могли открыть магазинъ на Невскомъ, если сблизятся между собою еще больше. Устроить это стоило довольно много хлопотъ Вѣрѣ Павловнѣ и Мерцаловой. Хотя ихъ компаніи были дружны, хотя часто одна компанія принимала у себя въ гостяхъ другую, хотя часто онѣ соединялись для поѣздокъ за городъ, но все-таки мысль о солидарности счетовъ двухъ разныхъ предпріятій была мысль новая, которую надобно было долго и много разъяснять. Однако же, выгода имѣть на Невскомъ свой магазинъ была очевидна, и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заботъ о сліяніи двухъ счетоводствъ прихода въ одно, Вѣрѣ Павловнѣ и Мерцаловой удалось достичь этого. На Невскомъ явилась новая вывѣска: „Au bon travail. Magazin des Nouveautées". Съ открытіемъ магазина, дѣла стали развиваться быстрѣе прежняго и становились все выгоднѣе. Мерцалова и Вѣра Павловна уже мечтали въ своихъ разговорахъ, что года черезъ два, вмѣсто двухъ швейныхъ, будетъ четыре, пять, а тамъ скоро и десять, и двадцать.

Мѣсяца черезъ три по открытіи магазина пріѣхалъ къ Кирсанову одинъ отчасти знакомый, а больше незнакомый собратъ его по медицинѣ, много разсказывалъ о разныхъ медицинскихъ казусахъ, всего больше объ удивительныхъ успѣхахъ своей методы врачеванія, состоявшей въ томъ, чтобы класть вдоль по груди и по животу два узенькіе и длинные мѣшечка, наполненные толченымъ льдомъ и завернутые каждый въ четыре салфетки, а въ заключеніе всего сказалъ, что одинъ изъ его знакомыхъ желаетъ познакомиться съ Кирсановымъ.

Кирсановъ исполнилъ желаніе; знакомство было пріятное, былъ разговоръ о многомъ, между прочимъ о магазинѣ. Объяснилъ, что магазинъ открытъ собственно съ торговою цѣлью; долго говорили о вывѣскѣ магазина, хорошо ли, что на вывѣскѣ написано travail, Кирсановъ говорилъ: — что travail значитъ трудъ, Au bon travail — магазинъ, хорошо исполняющій заказы; разсуждали о томъ, не лучше-ли было бы замѣнить такой девизъ фамиліею. Кирсановъ сталъ говорить, что русская фамилія его жены надѣлаетъ коммерческаго убытка; наконецъ, придумалъ такое средство: его жену зовутъ „Вѣра"—по французски вѣра—foi; если-бы на вывѣскѣ можно было написать вмѣсто Au bon travail—A la bonne foi; то не было-ли бы достаточно этого?—Это бы имѣло самый невинный смыслъ—„добросовѣстный магазинъ". и имя хозяйки было бы на вывѣскѣ; разсудивши, увидѣли, что это можно. Кирсановъ съ особеннымъ усердіемъ обращалъ разговоръ на такіе вопросы и вообще успѣвалъ въ этомъ, такъ что возвратился домой очень довольный.

Но во всякомъ случаѣ, Мерцалова и Вѣра Павловна значительно поурѣзали крылья своимъ мечтамъ, и стали заботиться о томъ, чтобы хотя удержаться на мѣстѣ, а ужъ не о томъ, чтобъ идти впередъ.

Такимъ образомъ, по охлажденіи лишняго жара въ Вѣрѣ Павловнѣ и Мерцаловой, швейныя и магазинъ продолжали существовать, не развиваясь, но радуясь уже и тому, что продолжаютъ существовать. Новое знакомство Кирсанова продолжалось и приносило ему много удовольствія. Такъ прошло еще года два или больше, безъ всякихъ особенныхъ происшествій.

XVIII.

Письмо Катерины Васильевны Полозовой.

С.-Петербургъ, 17 августа 1860 г.

Милая Полина, мнѣ такъ понравилась совершенно новая вещь, которую я недавно узнала, и которой теперь сама занимаюсь съ большимъ усердіемъ, что я хочу описать ее тебѣ. Я увѣрена, что ты также заинтересуешься ею. Но главное, ты

сама, быть можетъ, найдешь возможность заняться чѣмъ нибудь подобнымъ. Это такъ пріятно, мой другъ.

Вещь, которую я хочу описать для тебя—швейная; собственно говоря, двѣ швейныя, обѣ устроенныя по одному принципу, женщиною, съ которой познакомилась я всего только двѣ недѣли тому назадъ, но ужь успѣла очень подружиться. Я теперь помогаю ей, съ тѣмъ условіемъ, чтобы она потомъ помогла мнѣ устроить еще такую же швейную. Эта дама Вѣра Павловна Кирсанова, еще молодая, добрая, веселая, совершенно въ моемъ вкусѣ, то-есть, больше похожа на тебя, Полина, чѣмъ на твою Катю, такую смирную: она бойкая и живая госпожа. Случайно услышавъ о ея мастерской,—мнѣ сказывали только объ одной,—я прямо пріѣхала къ ней безъ всякихъ рекомендацій и предложовъ, просто сказала, что я заинтересовалась ея швейною. Мы сошлись съ перваго же раза, тѣмъ больше, что въ Кирсановѣ, ея мужѣ, я нашла того самого доктора Кирсанова, который пять лѣтъ тому назадъ, оказалъ мнѣ, помнишь, такую важную услугу.

Поговоривши со мною съ полчаса и увидѣвъ, что я дѣйствительно сочувствую такимъ вещамъ, Вѣра Павловна повела меня въ свою мастерскую, ту, которою она сама занимается (другую, которая была устроена прежде, взяла на себя одна изъ ея близкихъ знакомыхъ, тоже очень хорошая молодая дама), и я перескажу тебѣ впечатлѣнія моего перваго посѣщенія: онѣ были такъ новы и поразительны, что я тогда же внесла ихъ въ свой дневникъ, который былъ давно брошенъ, но теперь возобновился по особенному обстоятельству, о которомъ, быть можетъ, я разскажу тебѣ черезъ нѣсколько временй. Я очень довольна, что эти впечатлѣнія были тогда записаны мною: теперь я и забыла бы упомянуть о многомъ, что поразило меня тогда, а нынче, только черезъ двѣ недѣли, уже кажется самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, которое иначе и не должно быть. Но чѣмъ обыкновеннѣе становится эта вещь, тѣмъ больше я привязываюсь къ ней, потому что она очень хороша. И такъ, Полина, я начинаю выписку изъ моего дневника, дополняя подробностями, которыя узнала послѣ.

Швейная мастерская,—что же такое увидала я, какъ ты думаешь? Мы остановились у подъѣзда, Вѣра Павловна повела

меня по очень хорошей лѣстницѣ, знаешь, одной изъ тѣхъ лѣстницъ, на которыхъ нерѣдко встрѣчаются швейцары. Мы вошли на третій этажъ, Вѣра Павловна позвонила, и я увидѣла себя въ большомъ залѣ, съ роялемъ, съ порядочною мебелью,—словомъ, залъ имѣлъ такой видъ, какъ будто мы вошли въ квартиру семейства, проживающаго 4 или 5 тысячъ рублей въ годъ.—Это мастерская? И эта одна изъ комнатъ, занимаемыхъ швеями? „Да; это пріемная комната и залъ для вечернихъ собраній; пойдемте по тѣмъ комнатамъ, въ которыхъ собственно живутъ швеи, онѣ теперь въ рабочихъ комнатахъ, и мы никому не помѣшаемъ“.—Вотъ, что увидѣла я, обходя комнаты, и что пояснила мнѣ Вѣра Павловна.

Помѣщеніе мастерской составилось изъ трехъ квартиръ, выходящихъ на одну площадку и обратившихся въ одну квартиру, когда пробили двери изъ одной въ другую. Квартиры эти прежде отдавались за 700, 550 и 425 руб. въ годъ, всего за 1675 руб. Но отдавая всѣ вмѣстѣ по контракту на 5 лѣтъ, хозяинъ дома согласился уступить ихъ за 1250 руб. Всего въ мастерской 21 комната, изъ нихъ 2 очень большія, по 4 окна, одна служитъ пріемною, другая—столовою; въ двухъ другихъ, тоже очень большихъ, работаютъ; въ остальныхъ живутъ. Мы прошли 6 или 7 комнатъ, въ которыхъ живутъ дѣвушки (я все говорю про первое мое посѣщеніе); меблировка этихъ комнатъ тоже очень порядочная· краснаго дерева или орѣховая; въ нѣкоторыхъ есть стоячія зеркала, въ другихъ—очень хорошія трюмо; много креселъ, диванов хорошей работы. Мебель въ разныхъ комнатахъ разная, почти вся она постепенно покупалась по случаямъ, за дешевую цѣну. Эти комнаты. въ которыхъ живутъ, имѣютъ такой видъ, какъ въ квартирахъ чиновничьихъ семействъ средней руки, въ семействахъ старыхъ начальниковъ отдѣленія или молодыхъ столоначальниковъ, которые скоро будутъ начальниками отдѣленія. Въ комнатахъ, которыя побольше, живутъ три дѣвушки, въ одной даже четыре, въ другихъ по двѣ.

Мы вошли въ рабочія комнаты, и дѣвушки, занимавшіяся въ нихъ, тоже показались мнѣ одѣты какъ дочери, сестры, молодыя жены этихъ чиновниковъ: на однѣхъ были шелковыя платья, изъ простенькихъ шелковыхъ матерій, на другихъ барежевыя,

кисейныя. Лица имѣли ту мягкость и нѣжность, которая развивается только отъ жизни въ довольствѣ. Ты можешь представить, какъ это все удивляло меня. Въ рабочихъ комнатахъ мы оставались долго. Я тутъ же познакомилась съ нѣкоторыми изъ дѣвушекъ; Вѣра Павловна сказала цѣль моего посѣщенія; степень ихъ развитія была неодинакова; однѣ говорили уже совершенно языкомъ образованнаго общества, были знакомы съ литературою, какъ наши барышни, имѣли порядочныя понятія и объ исторіи, и о чужихъ земляхъ, и обо всемъ, что составляетъ обыкновенный кругъ понятій барышенъ въ нашемъ обществѣ; двѣ были даже очень начитаны. Другія, не такъ давно поступившія въ мастерскую, были менѣе развиты, но все-таки съ каждою изъ нихъ можно было говорить, какъ съ дѣвушкою, уже имѣющею нѣкоторое образованіе. Вообще, степень развитія соразмѣрна тому, какъ давно которая изъ нихъ живетъ въ мастерской.

Вѣра Павловна занималась дѣлами, иногда подходила ко мнѣ, а я говорила съ дѣвушками, и такимъ образомъ, мы дождались обѣда. Онъ состоитъ, по буднямъ, изъ трехъ блюдъ. Въ тотъ день былъ рисовый супъ, разварная рыба и телятина. Послѣ обѣда на столѣ явились чай и кофе. Обѣдъ былъ настолько хорошъ, что я поѣла со вкусомъ, и не почла бы большимъ лишеніемъ жить на такомъ обѣдѣ.

А ты знаешь, что мой отецъ и теперь имѣетъ хорошаго повара.

Вотъ какое было общее впечатлѣніе моего перваго посѣщенія. Мнѣ сказали и я знала, что я буду въ мастерской, въ которой живутъ швеи, что мнѣ покажутъ комнаты швей; что я буду видѣть швей, что я буду сидѣть за обѣдомъ швей; вмѣсто того, я видѣла квартиры людей не бѣднаго состоянія, соединенныя въ одно помѣщеніе, видѣла дѣвушекъ средняго чиновничьяго или бѣднаго помѣщичьяго круга, была за обѣдомъ, небогатымъ, но удовлетворительнымъ для меня;—что-жь это такое? и какъ же это возможно?

Когда мы возвратились къ Вѣрѣ Павловнѣ, она и ея мужъ объяснили мнѣ, что это вовсе не удивительно. Между прочимъ, Кирсановъ тогда написалъ мнѣ для примѣра небольшой разсчетъ на лоскуткѣ бумаги, который уцѣлѣлъ между страницъ моего дневника. Я перепишу тебѣ его; но прежде еще нѣсколько словъ.

Вмѣсто бѣдности—довольство; вмѣсто грязи—не только чистота, даже нѣкоторая роскошь комнатъ; вмѣсто грубости—порядочная образованность; все это происходитъ отъ двухъ причинъ: съ одной стороны, увеличивается доходъ швей, съ другой—достигается очень большая экономія въ ихъ расходахъ.

Ты понимаешь, отчего онѣ получаютъ больше дохода: онѣ работаютъ за свой собственный счетъ, онѣ сами хозяйки; потому онѣ получаютъ ту долю, которая оставалась бы въ прибыли у хозяйки магазина. Но это не все: работая въ свою собственную пользу и на свой счетъ, онѣ гораздо бережливѣе и на матеріалъ работы, и на время: работа идетъ быстрѣе, и расходовъ на нее меньше.

Понятно, что и въ расходахъ на ихъ жизнь много сбереженій. Онѣ покупаютъ все большими количествами, расплачиваются наличными деньгами, поэтому вещи достаются имъ дешевле, чѣмъ при покупкѣ въ долгъ и по мелочи; вещи выбираются внимательно, съ знаніемъ тольку въ нихъ, со справками, поэтому все покупается не только дешевле, но и лучше, нежели вообще приходится покупать бѣднымъ людямъ.

Кромѣ того, многіе расходы или чрезвычайно уменьшаются, или становятся вовсе ненужны. Подумай, напримѣръ: каждый день ходить въ магазинъ за 2, за 3 версты — сколько изнашивается лишней обуви, лишняго платья отъ этого. Приведу тебѣ самый мелочной примѣръ, но который примѣняется ко всему въ этомъ отношеніи. Если не имѣть дождевого зонтика, это значитъ много терять отъ порчи платья дождемъ. Теперь, слушай слова сказанныя мнѣ Вѣрою Павловною. Простой холщевый зонтикъ, стоитъ, положимъ, 2 руб. Въ мастерской, живетъ 25 швей. На зонтикъ для каждой вышло бы 50 р., та, которая не имѣла бы зонтика, терпѣла бы потери въ платьѣ больше, чѣмъ на 2 руб. Но онѣ живутъ вмѣстѣ; каждая выходитъ изъ дому только когда ей удобно; поэтому не бываетъ того, чтобы въ дурную погоду многія выходили изъ дому. Онѣ нашли, что 5 дождевыхъ зонтиковъ совершенно довольно. Эти зонтики шелковые, хорошіе; они стоятъ по 5 руб. Всего расхода на дождевые зонтики—25 руб., или у каждой швеи—по 1 руб. Ты видишь, что каждая изъ нихъ пользуется хорошею вещью вмѣсто дрянной, и все-таки имѣетъ вдвое меньше расхода на эту вещь. Такъ съ множествомъ мело-

чей, которыя вмѣстѣ составляютъ большую важность. То же съ квартирою, со столомъ. Напримѣръ, этотъ обѣдъ, который я тебѣ описала, обошелся въ 5 руб. 50 коп., или 5 руб. 75 коп., съ хлѣбомъ (но безъ чаю и кофе). А за столомъ было 37 человѣкъ (не считая меня, гостьи, и Вѣры Павловны), правда, въ томъ числѣ нѣсколько дѣтей. 5 руб. 75 коп. на 37 человѣкъ, это составляетъ менѣе 16 коп. на человѣка, менѣе 5 р. въ мѣсяцъ. А Вѣра Павловна говоритъ, что если человѣкъ обѣдаетъ одинъ, онъ на эти деньги не можетъ имѣть почти ничего, кромѣ хлѣба и той дряни, которая продается въ мелочныхъ лавочкахъ. Въ кухмистерской такой обѣдъ (только менѣе чисто приготовленный) стоитъ, по словамъ Вѣры Павловны, 40 коп. сер., — за 30 коп. гораздо хуже. Понятна эта разница: кухмистеръ, готовя обѣдъ на 20 человѣкъ или меньше, долженъ самъ содержаться изъ этихъ денегъ, имѣть квартиру, имѣть прислугу. Здѣсь этихъ лишнихъ расходовъ почти вовсе нѣтъ, или они гораздо меньше. Жалованье двумъ старушкамъ, родственницамъ двухъ швей, вотъ и весь расходъ по содержанію ихъ кухоннаго штата. Теперь тебѣ понятенъ будетъ разсчетъ, который сдѣлалъ мнѣ для примѣра Кирсановъ, когда я была у нихъ въ первый разъ. Написавши его, онъ сказалъ мнѣ:

— Конечно, я не могу сказать вамъ точныхъ цифръ, да и трудно было бы найти ихъ, потому что, вы знаете, у каждаго коммерческаго дѣла, у каждаго магазина, каждой мастерской, свои собственныя пропорціи между разными статьями дохода и расхода, въ каждомъ семействѣ также свои особенныя степени экономности въ дѣланіи расходовъ и особенныя пропорціи между разными статьями ихъ. Я ставлю цифры только для примѣра; но, чтобы счетъ былъ убѣдительнѣе, я ставлю цифры, которыя менѣе дѣйствительной выгодности нашего порядка, сравнительно съ настоящими расходами почти всякаго коммерческаго дѣла и почти всякаго мелкаго, бѣднаго хозяйства.

— Доходъ коммерческаго предпріятія отъ продажи товаровъ, продолжалъ Кирсановъ — распадается на три главныя части: одна идетъ на жалованье рабочимъ; другая—на остальные расходы предпріятія: наемъ помѣщенія, освѣщеніе, матеріалы для работы; третья остается въ прибыль хозяину. Положимъ, выручка раздѣляется между этими частями такъ: на жалованье

рабочимъ — половина выручки, на другіе расходы — четвертая часть; остальная четверть — прибыль. Это значитъ, что если рабочіе получаютъ 100 руб., то на другіе расходы идетъ 50 руб., у хозяйна остается также 50. Посмотримъ сколько получаютъ рабочіе при нашемъ порядкѣ,—Кирсановъ сталъ читать свой билетикъ съ цифрами.

Они получаютъ свою плату	100 р.
Они сами хозяева, потому получаютъ и хозяйскую прибыль	50 „
У нихъ рабочія комнаты помѣщаются при ихъ квартирѣ, поэтому обходится дешевле особой мастерской; они бережливы на матеріалъ; въ этомъ очень большая пропорція сбереженія, я думаю на половину, но мы положимъ. только на третью долю; изъ 50 руб., которые шли бы на эти расходы, они сберегаютъ въ прибыль себѣ еще	16 р. 67 к.
	166 р. 67 к.

— Вотъ, мы ужь набрали, продолжалъ Кирсановъ:—что наши рабочіе получаютъ 166 р. 67 к., когда при другомъ порядкѣ они имѣютъ только 100 р. Но они получаютъ еще больше: работая въ свою пользу, они трудятся усерднѣе, потому успѣшнѣе, быстрѣе; положимъ, когда, при обыкновенномъ плохомъ усердіи, они успѣли бы сдѣлать 5 вещей, въ нашемъ примѣрѣ, 5 платьевъ, они теперь успѣваютъ сдѣлать 6, — эта пропорція слишкомъ мала, но положимъ ее; значитъ въ то время, когда другое предпріятіе заработываетъ 5 руб., наше заработываетъ 6 руб.

Отъ быстроты усердной работы выручка и доходъ увеличиваются на одну пятую долю; отъ 166 руб. 67 коп. пятая доля 33 руб. 33 коп.,— и такъ, еще	33 р. 33 к
къ прежнимъ.	166 р. 67 к.
	200 р.

— Поэтому у нашихъ вдвое больше дохода, чѣмъ у другихъ продолжалъ Кирсановъ. Теперь, какъ употребляется этотъ доходъ. Имѣя вдвое больше средствъ, они употребляютъ ихъ гораздо выгоднѣе. Тутъ выгода двойная, какъ вы знаете: во первыхъ, отъ того, что все покупается оптомъ; положимъ, отъ

этого выигрывается третья доля,—вещи, которыя при мелочной покупкѣ и долгахъ, обошлись бы въ 3 р., обходятся въ 2 руб. На самомъ дѣлѣ выгода больше: возьмемъ въ примѣръ квартиру; еслибъ эти комнаты отдавать въ наемъ углами, тутъ жило бы въ 17 комнатахъ съ 2 окнами, по 3 и по 4 человѣка, — всего положимъ, 55 человѣкъ; въ 2 комнатахъ съ 3 окнами, по 6 человѣкъ и въ 2 съ 4 окнами по 9 человѣкъ, 12 и 18, всего 30 человѣкъ, и 55 въ маленькихъ комнатахъ,—въ цѣлой квартирѣ 85 человѣкъ; каждый платилъ бы по 3 р. 50 к. въ мѣсяцъ, это значитъ, 42 р. въ годъ; и такъ, мелкіе хозяева, промышляющіе отдачею угловъ въ наймы, берутъ за такое помѣщеніе—42 руб. на 85,—3570 руб. Наши имѣютъ эту квартиру за 1250 рублей, почти втрое дешевле. Такъ въ очень многомъ, почти такъ, почти во всемъ. Вѣроятно, я еще не дошелъ бы до истинной пропорціи, если бы положилъ сбереженіе на половину; но я положу его тоже только въ третью долю. Это еще не все. При такомъ устройствѣ жизни, они не имѣютъ нужду дѣлать многихъ расходовъ, или нужно гораздо меньшее количество вещей,—Вѣрочка приводила вамъ въ примѣръ обувь, платье. Положимъ, что отъ этого количества покупаемыхъ вещей сокращается на одну четвертую долю, вмѣсто 4 паръ башмаковъ достаточно 3, или 3 платья носятся столько времени, какъ носились бы 4,—эта пропорція опять слишкомъ мала. Но посмотрите, что выходитъ изъ этихъ пропорцій.

Дешевизна покупки дѣлаетъ, что вещи достаются на одну третью долю сходнѣе,—то есть, положимъ за три вещи платится вмѣсто 3 руб только 2 руб.; но при нашемъ порядкѣ, этими 3 вещами удовлетворяется столько надобностей, сколько при другомъ удовлетворялось бы не менѣе, какъ 4 вещами: это значитъ, что за свои 200 руб. наши швеи имѣютъ столько вещей, столько при другомъ порядкѣ имѣли бы не менѣе, какъ за 300 руб. и что эти вещи при нашемъ порядкѣ доставляютъ ихъ жизни столько удобствъ, сколько при другомъ доставлялось бы суммою не меньше, какъ . . . . . 400 руб.

— Сравните жизнь семейства, расходующаго 1000 руб. въ годъ, съ жизнью такого же семейства, расходующаго 4,000 руб., не правда ли, вы найдете громадную разницу? продолжалъ Кир-

сановъ.—При нашемъ порядкѣ, точно такая же пропорція, если не больше: при немъ получается вдвое больше дохода, и доходъ употребляется вдвое выгоднѣе. Удивительно ли, что вы нашли жизнь нашихъ швей вовсе непохожею на ту, какую ведутъ швеи при обыкновенномъ порядкѣ?

Вотъ какое чудо я увидѣла, другъ мой Полина, и вотъ какъ просто оно объясняется. И я теперь такъ привыкла къ нему, что мнѣ ужъ кажется странно: какъ же я тогда удивлялась ему, какъ же не ожидала, что найду все именно такимъ, какимъ нашла. Напиши, имѣешь ли ты возможность заняться тѣмъ, къ чему я теперь готовлюсь: устройствомъ швейной, или другой мастерской по этому порядку. Это такъ пріятно, Полина. Твоя,

К. Полозова.

P. S. Я совсѣмъ забыла говорить о другой мастерской,—но ужъ такъ и быть, въ другой разъ. Теперь скажу только, что старшая швейная развилась больше и потому во всѣхъ отношеніяхъ выше той, которую я тебѣ описывала. Въ подробностяхъ устройства между ними много разницы, потому что все примѣняется къ обстоятельствамъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Новыя лица и развязка.

I.

Полозова говорила въ письмѣ къ подругѣ, что много обязана была мужу Вѣры Павловны. Чтобы объяснить это, надобно сказать, что за человѣкъ былъ ея отецъ.

Полозовъ былъ отставной ротмистръ или штабъ-ротмистръ; на службѣ, по обычаю стараго тогдашняго вѣка, кутилъ и прокутилъ довольно большое родовое имѣніе. А когда прокутилъ, то остепенился и вышелъ въ отставку, чтобы заняться устройствомъ себѣ новаго состоянія. Собравъ послѣднія крохи, которыя оставались, онъ увидѣлъ у себя тысячъ десять,—по тогдашнему на ассигнаціи,—пустился съ ними въ мелкую хлѣбную торговлю, сталъ брать всякіе маленькіе подряды, хватался за вся-

кое выгодное дѣло, приходившееся по его средствамъ, и лѣтъ черезъ десять имѣлъ изрядный капиталъ. Съ репутаціею такого солиднаго и оборотливаго человѣка, съ чиномъ своимъ и своею извѣстною въ тѣхъ мѣстахъ фамиліею, онъ могъ теперь выбирать какую ему угодно невѣсту изъ купеческихъ дочерей въ двухъ губерніяхъ, въ которыхъ шли его торговыя дѣла, и выбралъ очень основательно,—съ полумилліономъ (все на ассигнаціи) приданаго. Тогда ему было лѣтъ 50, и это было лѣтъ за 20 слишкомъ до того времени, какъ мы видимъ его дочь вошедшею въ дружбу съ Вѣрой Павловною. Приложивши такой большой кушъ къ своимъ прежнимъ деньгамъ, онъ повелъ дѣла уже въ широкомъ размѣрѣ и лѣтъ черезъ десять послѣ того былъ милліонеромъ и на серебро, какъ тогда стали считать. Его жена умерла; она, привычная къ провинціальной жизни, удерживала его отъ переселенія въ Петербургъ; теперь онъ переѣхалъ въ Петербургъ, пошелъ въ гору еще быстрѣе, и лѣтъ еще черезъ десять его считали въ трехъ, четырехъ милліонахъ. И дѣвицы, и вдовы, молодыя и старыя, строили ему куры, но онъ не захотѣлъ жениться во второй разъ,—отчасти потому, что сохранялъ вѣрную привязанность къ памяти жены, а еще больше потому, что не хотѣлъ давать мачиху Катѣ, которую очень любилъ.

Полозовъ шелъ и шелъ въ гору,—имѣлъ бы ужь и не три, четыре милліона, а десятокъ, если-бы занялся откупами, но онъ имѣлъ къ нимъ отвращеніе, и считалъ честными дѣлами только подряды и поставки. Собраты по милліонерству смѣялись надъ такою тонкостью подразличенія, и не были неправы; а онъ, хоть и былъ неправъ, но твердилъ свое: „коммерціею занимаюсь, грабежомъ не хочу богатѣть“. Но вотъ, за годъ или за полтора передъ тѣмъ, какъ дочь его познакомилась съ Вѣрой Павловною, явилось слишкомъ ясное доказательство, что его коммерція мало чѣмъ отличалась отъ откуповъ по сущности дѣла, хоть и много отличалась по его понятію. У него былъ огромный подрядъ, на холстъ ли, на провіантъ ли, на сапожный ли товаръ, не знаю хорошенько, а онъ, становившійся съ каждымъ годомъ упрямѣе и заносчивѣе и отъ лѣтъ, и отъ постоянной удачи, и отъ возрастающаго уваженія къ нему, поссорился съ однимъ нужнымъ человѣкомъ, погорячился, обругалъ, и штука стала вы-

ходить скверная. Сказали ему черезъ недѣлю: „покорись“,—„не хочу“, „лопнешь“,—„а пусть, не хочу“; черезъ мѣсяцъ то же сказали, онъ отвѣчалъ то же, и точно, покориться—не покорился, а лопнуть—лопнулъ. Товаръ былъ забракованъ; кромѣ того, оказались какія-то провинности ли, злонамѣренности ли, и всѣ его три, четыре милліона ухнули, и Полозовъ въ 60 лѣтъ остался нищій. То есть, нищій передъ недавнимъ; но такъ, безъ сравненія съ недавнимъ, онъ жилъ хорошо: у него осталась доля въ какомъ-то стеариновомъ заводѣ, и онъ, не вѣшая носа, сдѣлался управляющимъ этого завода, съ хорошимъ жалованьемъ. Кромѣ того, уцѣлѣло какими-то судьбами нѣсколько десятковъ тысячъ. Если-бы такіе остатки остались у него лѣтъ 15, или хоть 10 тому назадъ, ихъ было бы довольно, чтобы опять подняться въ порядочную гору. Но имѣя за 60 лѣтъ, подниматься ужь тяжело, и Полозовъ разсудилъ, что пробовать такую вещь поздно, не подъ силу. Онъ думалъ теперь только о томъ, чтобы поскорѣе устроить продажу завода, акціи котораго почти не давали дохода, кредита и дѣлъ котораго нельзя было поправить, онъ разсудилъ умно и успѣлъ растолковать другимъ главнымъ акціонерамъ, что скорая продажа одно средство спасти деньги, похороненныя въ акціяхъ. Еще думалъ онъ о томъ, чтобы пристроить замужъ дочь. Но главное — продать заводъ, обратить всѣ деньги въ 5 процентные билеты, которые тогда пошли было въ моду,—и доживать вѣкъ поспокойнѣе, вспоминая о прошломъ величіи, потерю котораго вынесъ онъ бодро, сохранивъ и веселость, и твердость.

II.

Отецъ любилъ Катю, не давалъ ультра-великосвѣтскимъ гувернанткамъ слишкомъ муштровать дѣвушку; „это глупости“, говорилъ онъ про всякія выправки таліи, выправки манеръ, и все тому подобное; и когда Катѣ было 15 лѣтъ, онъ даже согласился съ нею, что можно обойтись ей и безъ англичанки, и безъ француженки. Тутъ Катя и вовсе отдохнула, ей сталъ полный просторъ въ домѣ. А просторъ для нея значилъ тогда то, чтобы ей не мѣшали читать и мечтать. Подругъ у нея было

немного, двѣ, три близкихъ, искателей руки безъ числа; вѣдь одна дочь у Полозова, страшно сказать: 4 милліона!

Но Катя читала и мечтала, а искатели руки оставались въ отчаяніи. А Катѣ ужь было 17 лѣтъ. Такъ; читала и мечтала, и не влюблялась, но только стала она вдругъ худѣть, блѣднѣть, и слегла.

III.

Кирсановъ не занимался практикою, но считалъ себя не въ правѣ отказываться бывать на консиліумахъ. А въ это время,— такъ черезъ годъ послѣ того, какъ онъ сталъ профессоромъ, и за годъ передъ тѣмъ, какъ повѣнчались они съ Вѣрой Павловною, тузы петербургской практики стали ужь очень много приглашать его на консиліумы. Причинъ было двѣ. Первая: оказалось, что, точно, есть на свѣтѣ Клодъ Бернаръ, и живетъ въ Парижѣ. Одинъ изъ тузовъ, ѣздившій неизвѣстно зачѣмъ съ ученою цѣлью въ Парижъ, собственными глазами видѣлъ Клода Бернара, какъ есть живаго Клода Бернара, настоящаго; отрекомендовался ему по чину, званію, орденамъ и знатнымъ своимъ больнымъ, и Клодъ Бернаръ, послушавши его съ полчаса, сказалъ: „напрасно вы пріѣзжали въ Парижъ изучать успѣхи медицины, вамъ не зачѣмъ было выѣзжать для этого изъ Петербурга“; тузъ принялъ это за аттестацію своихъ занятій, и возвратившись въ Петербургъ, произносилъ имя Клода Бернара не менѣе 10 разъ въ сутки, прибавляя къ нему не менѣе 5 разъ: „мой ученый другъ“ или „мой знаменитый товарищъ по наукѣ“. Какъ же послѣ этого было не звать Кирсанова на консиліумы? Нельзя не звать. А вторая причина была еще важнѣе: всѣ тузы видѣли, что Кирсановъ не станетъ отбивать практику, — не только не отбиваетъ, даже по просьбѣ съ насильствованіемъ не беретъ. Извѣстно, что у многихъ практикующихъ тузовъ такое заведеніе: если приближается неизбѣжный, по мнѣнію туза, карачунъ больному, и по злонамѣренному устроенію судьбы нельзя сбыть больнаго съ рукъ ни водами, ни какою другою заграницею, то слѣдуетъ сбыть его на руки другому медику, — и тузъ готовъ тутъ, пожалуй, самъ дать денегъ, только возьми. Кирсановъ и по просьбѣ желающаго бѣжать туза рѣдко бралъ на себя ле-

ченье,—обыкновенно рекомендовалъ своихъ друзей, занимающихся практикою, а себѣ оставлялъ лишь немногіе случаи, интересные въ научномъ отношеніи. Какъ же не приглашать на консиліумы такого собрата, извѣстнаго Клоду Барнару и не отбивающаго практики?

У Полозова — милліонера медикомъ былъ одинъ изъ самыхъ козырныхъ тузовъ, и когда Катерина Васильевна стала опасно больна, консиліумы долго составлялись все изъ тузовъ. Наконецъ, дѣло стало такъ плохо, что тузы рѣшили: пригласить Кирсанова. Дѣйствительно, задача была трудная для тузовъ: нѣтъ никакой болѣзни въ больной, а силы больной быстро падаютъ. Надобно же отыскать болѣзнь; пользовавшій врачъ придумалъ: atrophia nervorum, „прекращеніе питанія нервовъ“; бываетъ ли на свѣтѣ такая болѣзнь или нѣтъ, мнѣ неизвѣстно, но если бываетъ, то ужь и я понимаю, что она должна быть неизлечима, А если, несмотря на неизлечимость, все-таки лечить ее, то пусть лечитъ Кирсановъ или кто другой изъ его пріятелей — наглецовъ мальчишекъ.

И такъ, новый консиліумъ, съ Кирсановымъ. Изслѣдовали, разспрашивали больную; больная отвѣчала съ готовностію, очень спокойно; но Кирсановъ послѣ первыхъ словъ отсталъ отъ нея, и только смотрѣлъ, какъ изслѣдовали и разспрашивали тузы; а когда они намаялись и ее измучили, сколько требуетъ приличіе въ такихъ случаяхъ, и спросили Кирсанова: „вы что находите, Александръ Матвѣичъ?“ онъ сказалъ: „Я не довольно изслѣдовалъ больную. Я останусь здѣсь. Это случай интересный. Если будетъ нужно снова сдѣлать консиліумъ, я скажу Карлу Ѳедорычу — то-есть пользовавшему врачу, который просіялъ восторгомъ спасенія отъ своей atrophia nervorum.

Когда разошлись, Кирсановъ сѣлъ у постели больной. Больная насмѣшливо улыбнулась.

— Жаль, что мы незнакомы съ вами, началъ онъ: — медику нужно довѣріе; а можетъ быть, мнѣ и удастся заслужить ваше. Они не понимаютъ вашей болѣзни, тутъ нужна нѣкоторая догадливость. Слушать вашу грудь, давать вамъ микстуры—совершенно напрасно. Нужно только одно: знать ваше положеніе, и подумать вмѣстѣ, можно ли что-нибудь сдѣлать. Вы будете помогать мнѣ въ этомъ.

Больная молчала.

— Вы не хотите говорить со мною?

Больная молчала.

— Вы, вѣроятно, даже хотите, чтобъ я ушелъ. Я прошу у васъ только десять минутъ. Если черезъ десять минутъ вы будете, какъ теперь, находить, что мое присутствіе безполезно, я уйду. Вамъ извѣстно, что у васъ нѣтъ никакого растройства, кромѣ печали? Вамъ извѣстно, что если это нравственное состояніе ваше продлится, то черезъ двѣ, три недѣли, а можетъ быть, и раньше, васъ нельзя будетъ спасти? а быть можетъ, вы и не проживете двухъ недѣль? У васъ нынѣ еще нѣтъ чахотки, но она очень, очень близка, и въ ваши лѣта, при такихъ условіяхъ, она развивается необыкновенно быстро, можетъ кончиться въ нѣсколько дней.

Больная молчала.

— Вы не отвѣчаете. Но вы остались равнодушны. Значитъ, мои слова не были для васъ новостью. Тѣмъ, что вы молчите, вы отвѣчаете мнѣ „да“. Вы знаете, что сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ почти всякій другой? Онъ пошелъ бы говорить съ вашимъ батюшкою. Быть можетъ, мой разговоръ съ нимъ спасъ бы васъ, но если вамъ этого не угодно, я не сдѣлаю этого. Почему? Я принимаю правило: противъ воли человѣка не слѣдуетъ дѣлать ничего для него; свобода выше всего, даже и жизни. Поэтому, если вамъ не угодно, чтобы я узналъ причину вашего очень опаснаго положенія, я не буду узнавать. Если вы скажете, что вы желаете умереть—я только попрошу васъ объяснить мнѣ причины этого желанія; если онѣ покажутся мнѣ неосновательны, я все-таки не имѣю права мѣшать вамъ; если онѣ покажутся мнѣ основательны, я обязанъ помогать вамъ, и готовъ. Я готовъ дать вамъ ядъ. На этихъ условіяхъ, прошу васъ, скажите мнѣ причину вашей болѣзни.

Больная молчала.

— Вамъ не угодно отвѣчать. Я не имѣю права продолжать разспросовъ. Но я могу просить у васъ дозволенія разсказать вамъ о себѣ самомъ то, что можетъ послужить къ увеличенію довѣрія между нами? Да? Благодарю васъ. Отъ чего бы то ни было, но вы страдаете. Я такъ же. Я страстно люблю женщину,

которая даже не знаетъ, и никогда не должна узнать, что я люблю ее. Жалѣете ли вы меня?

Больная молчала, но слегка улыбнулась печально.

— Вы молчите, но вы не могли скрыть, что эти мои слова нѣсколько больше замѣчены были вами, чѣмъ прежнія. Этого уже довольно: я вижу, что у васъ и у меня одна причина страданія. Вамъ угодно умереть? Мнѣ очень понятно это. Но умирать отъ чахотки—это долго, это тяжело. Я готовъ помочь вамъ умереть, если нельзя помочь ни въ чемъ другомъ, — я говорю, что готовъ дать вамъ ядъ—прекрасный, убивающій быстро, безъ всякихъ страданій. Угодно вамъ на этомъ условіи дать мнѣ средство узнать, дѣйствительно ли ваше положеніе такъ безвыходно, какъ вамъ кажется?

— Вы не обманете? проговорила больная.

— Посмотрите внимательно мнѣ въ глаза,—вы увидите, что не обману.

Больная нѣсколько времени колебалась. — Нѣтъ, все-таки я слишкомъ мало знаю васъ.

— Другой на моемъ мѣстѣ, сталъ бы уже говорить, что чувство, отъ котораго вы страдаете, хорошо. Я еще не скажу этого. Вашъ батюшка знаетъ о немъ? Прошу васъ помнить, что я не буду говорить съ нимъ безъ вашего разрѣшенія.

— Не знаетъ.

— Онъ любитъ васъ?

— Да.

— Какъ вы думаете, что́ я скажу вамъ теперь? Вы говорите, онъ любитъ васъ; я слышалъ, что онъ человѣкъ не глупый. Почему же вы думаете, что напрасно открывать ему ваше чувство, что онъ не согласится? Если-бы препятствіе было только въ бѣдности любимаго вами человѣка, это не удержало бы васъ отъ попытки убѣдить вашего батюшку на согласіе, — такъ я думаю. Значитъ, вы полагаете, что вашъ батюшка слишкомъ дурнаго мнѣнія о немъ, — другой причины вашего молчанія передъ батюшкою не можетъ быть. Такъ?

Больная молчитъ.

— Видно, что я не ошибаюсь. Что я теперь думаю? Вашъ батюшка—человѣкъ опытный въ жизни, знающій людей; вы неопытны; если какой нибудь человѣкъ ему кажется дуренъ, вамъ—

хорошъ, то, по всей вѣроятности, ошибаетесь вы, а не онъ. Вы видите, что я долженъ такъ думать. Хотите знать, почему я говорю вамъ такую непріятную вещь? Я скажу. Вы можете разсердиться на мои слова, почувствовать нелюбовь ко мнѣ за нихъ, но все-таки вы скажете себѣ: онъ говоритъ то, что думаетъ, не притворяется, не хочетъ меня обманывать. Я выигрываю въ вашемъ довѣріи. Правда ли, я говорю съ вами честно?

Больная колебалась, отвѣчать или нѣтъ.—Вы странный человѣкъ, докторъ, проговорила она наконецъ.

— Нѣтъ, не странный, а только не похожій на обманщика. Я прямо сказалъ, какъ думаю. Но это лишь мое предположеніе. Можетъ быть, я и ошибаюсь. Дайте мнѣ возможность узнать это. Назовите мнѣ человѣка, къ которому вы чувствуете расположеніе. Тогда,—но опять, только если вы позволите, — я поговорю о немъ съ вашимъ батюшкою.

— Что же вы скажете ему?

— Онъ близко знаетъ его?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ я скажу ему, чтобы онъ согласился на вашъ бракъ, только съ однимъ условіемъ: назначить время свадьбы не сейчасъ, а черезъ два, три мѣсяца, чтобы вы имѣли время обдумать хладнокровно, не правъ ли вашъ батюшка.

— Онъ не согласится.

— Согласится, по всей вѣроятности. А если нѣтъ, я помогу вамъ, какъ сказалъ.

Кирсановъ долго говорилъ въ этомъ родѣ. Наконецъ, добился того, что больная сказала ему имя и разрѣшила говорить съ ея отцомъ. Но сладить со старикомъ было еще труднѣе, чѣмъ съ нею. Полозовъ очень удивился, услышавъ, что упадокъ силъ его дочери происходитъ отъ безнадежной любви; еще больше удивился, услышавъ, имя человѣка, въ котораго она влюблена, и твердо сказалъ: „пусть лучше умираетъ, чѣмъ выходитъ за него. Смерть ея и для нея, и для меня будетъ меньшее горе“. Дѣло было очень трудное, тѣмъ больше, что Кирсановъ, выслушавъ резоны Полозова, увидѣлъ, что правда дѣйствительно на сторонѣ старика, а не дочери.

IV.

Женихи сотнями увивались за наслѣдницею громаднаго состоянія; но общество, толпившееся за обѣдами и на вечерахъ Полозова, было то общество слишкомъ сомнительнаго типа, слишкомъ сомнительнаго изящества, которое наполняетъ залы всѣхъ подобныхъ Полозову богачей, возвысившихся надъ болѣе или менѣе приличнымъ, не великосвѣтскимъ роднымъ своимъ кругомъ, и не имѣющихъ ни родства, ни связей въ настоящемъ великосвѣтскомъ обществѣ, также болѣе или менѣе приличномъ; они становятся кормителями пройдохъ и фатовъ, совершенно неприличныхъ уже и по внѣшности, не говоря о внутреннихъ достоинствахъ. Поэтому Катерина Васильевна была заинтересована, когда въ числѣ ея поклонниковъ появился настоящій свѣтскій человѣкъ, совершенно хорошаго тона: онъ держалъ себя такъ много изящнѣе всѣхъ другихъ, говорилъ такъ много умнѣе и занимательнѣе ихъ. Отецъ рано замѣтилъ, что она стала показывать ему предпочтеніе передъ остальными, и, человѣкъ дѣльный, рѣшительный, твердый, тотчасъ же, какъ замѣтилъ, объяснился съ дочерью: „другъ мой, Катя, за тобою сильно ухаживаетъ Соловцовъ; остерегайся его: онъ очень дурной человѣкъ, совершенно бездушный человѣкъ; ты съ нимъ была бы такъ несчастна, что я желалъ бы лучше видѣть тебя умершею, чѣмъ его женою, это было бы легче и для меня, и для тебя“ .Катерина Васильевна любила отца, привыкла уважать его мнѣніе; онъ никогда не стѣснялъ ее; она знала, что онъ говоритъ единственно по любви къ ней; а главное, у ней былъ такой характеръ больше думать о желаніи тѣхъ, кто любитъ ее, чѣмъ о своихъ прихотяхъ, она была изъ тѣхъ, которые любятъ говорить своимъ близкимъ: „какъ вы думаете, такъ я и сдѣлаю“. Она отвѣчала отцу: „Соловцовъ мнѣ нравится, но если вы находите, что для меня лучше удаляться отъ него, я такъ сдѣлаю“. Конечно, она не сдѣлала бы и, по своему характеру—не лгать, не сказала бы этого, если-бы любила; но привязанность ея къ Соловцову была еще очень слаба, почти еще вовсе не существовала тогда: онъ былъ только занимательнѣе другихъ для нея. Она стала холодна съ нимъ; и можетъ быть, все обошлось бы

благополучно; но отецъ, по своей горячности, пересолилъ; и очень немного пересолилъ, но ловкому Соловцову было довольно и этого. Онъ видѣлъ, что ему надобно играть роль жертвы, какъ же найти предлогъ, чтобы стать жертвою? Полозовъ разъ какъ-то сказалъ ему колкость, Соловцовъ съ достоинствомъ и печалью въ лицѣ простился съ нимъ, пересталъ бывать. Черезъ недѣлю Катерина Васильевна получила отъ него страстное и чрезвычайно смиренное письмо, въ томъ смыслѣ, что онъ никогда не надѣялся ея взаимности, что для его счастія было довольно только видѣть ее иногда, даже и не говорить съ нею, только видѣть; что онъ жертвуетъ и этимъ счастьемъ, и все-таки счастливъ, и несчастливъ, и тому подобное, и никакихъ ни просьбъ, ни желаній. Онъ даже не просилъ отвѣта. Такія письма продолжали приходить, и наконецъ, подѣйствовали.

Но подѣйствовали они не очень скоро; Катерина Васильевна въ первое время по удаленіи Соловцова вовсе не была ни грустна, ни задумчива, а передъ тѣмъ она уже была холодна съ нимъ, да и такъ спокойно приняла совѣтъ отца остерегаться его. Поэтому, когда, мѣсяца черезъ два, она стала печальна, почему жь бы могъ отецъ сообразить, что тутъ замѣшанъ Соловцовъ, о которомъ онъ ужь и забылъ? — „Ты что-то грустна, Катя". — „Нѣтъ, я ничего; это такъ". Черезъ недѣлю, черезъ двѣ, старикъ ужь спрашиваетъ: „да ты не больна ли, Катя?" — Нѣтъ, ничего".—Еще недѣли черезъ двѣ, старикъ ужь говоритъ:—„Тебѣ надобно лечиться, Катя". Катя начинаетъ лечиться, и старикъ совершенно успокоивается, потому что докторъ не находитъ ничего опаснаго, а такъ только, слабость, нѣкоторое изнуреніе, и очень основательно доказываетъ утомительность образа жизни, какой вела Катерина Васильевна въ эту зиму,—каждый день, вечеръ до двухъ, до трехъ часовъ, а часто и до пяти. Это изнуреніе пройдетъ. Но оно не проходитъ, а увеличивается.

Почему же Катерина Васильевна ничего не говорила отцу?— она была увѣрена, что это было бы напрасно: отецъ тогда сказалъ ей такъ твердно, а онъ не говоритъ даромъ. Онъ не любитъ высказывать о людяхъ мнѣніе, которое не твердо въ немъ; и никогда не согласится на бракъ ея съ человѣкомъ, котораго считаетъ дурнымъ.

И вотъ Катерина Васильевна мечтала, мечтала, читая скром-

ныя, безнадежныя письма Соловцова, и черезъ полгода этого чтенія была ужь на шагъ отъ чахотки. А отецъ ни изъ одного слова ея не могъ замѣтить, что болѣзнь происходитъ отъ дѣла, въ которомъ отчасти виноватъ и онъ: дочь была нѣжна съ нимъ, какъ и прежде. „Ты недовольна чѣмъ-нибудь?“—„Ничѣмъ, папа“—„Ты не огорчена ли чѣмъ-нибудь?“ — „Нѣтъ, папа“. — Да и видно, что нѣтъ; только уныла, но вѣдь это отъ слабости, отъ болѣзни. И докторъ говоритъ: это отъ болѣзни. А отчего болѣзнь? Пока докторъ считалъ болѣзнь пустою, онъ довольствовался порицаніемъ танцевъ и корсетовъ; а когда онъ замѣтилъ опасность, то явилось „прекращеніе питанія нервовъ“, atrophia nervorum.

V.

Но если практикующіе тузы согласились, что у m-lle Полозовой atrophia nervorum, развивавшаяся отъ изнурительнаго образа жизни при природной наклонности къ мечтательности, задумчивости, то Кирсанову нечего было много изслѣдовать больную, чтобы видѣть, что упадокъ силъ происходитъ отъ какой-нибудь нравственной причины. Передъ консиліумомъ пользующій медикъ объяснялъ ему всѣ отношенія больной: семейныхъ огорченій — никакихъ; отецъ и дочь очень хороши между собою. А между тѣмъ, отецъ не знаетъ причины разстройства, потому что пользующій медикъ не знаетъ; что-жь это такое? Но ясно, что у дѣвушки сильный характеръ, если она такъ долго скрывала самое разстройство, и если во все время не дала отцу ни одного случая отгадать его причину; видѣнъ сильный характеръ и въ спокойномъ тонѣ ея отвѣтовъ на консиліумѣ. Нѣтъ въ ней никакихъ слѣдовъ раздраженія, она твердо переноситъ свою судьбу. Кирсановъ увидѣлъ, что такая дѣвушка заслуживаетъ, чтобы заняться ею, — нельзя ли помочь? Вмѣшательство показалось ему необходимо: конечно, такъ или иначе, и безъ него когда-нибудь дѣло разъяснится, но не будетъ ли это поздно? Чахотка очень близка, и тогда никакая заботливость ужь не поможетъ.

Вотъ онъ бился съ больною часа два, и успѣлъ побѣдить ея недовѣрчивость, узналъ, въ чемъ дѣло, и получилъ позволеніе говорить о немъ съ отцомъ.

Старикъ изумился, когда услышалъ отъ Кирсанова, что при-

чина болѣзни его дочери любовь къ Соловцову. Какъ же это? Катя тогда такъ холодно приняла совѣтъ удаляться отъ него, оставалась такъ равнодушна, какъ онъ пересталъ бывать у нихъ. Какъ же она умираетъ отъ любви къ нему? Да и вообще, можно ли умирать отъ любви? Такія экзальтированности не могли казаться правдоподобны человѣку, привыкшему вести исключительно практическую жизнь, смотрѣть на все съ холоднымъ благоразумiемъ. Долго возился съ нимъ Кирсановъ, онъ все говорилъ: „фантазія ребенка, который помучится и забудетъ“. Кирсановъ объяснялъ, объяснялъ, наконецъ растолковалъ ему, что именно потому-то и не забудетъ, а умираетъ, что ребенокъ. Полозовъ уломался, убѣдился, но вмѣсто уступки, ударилъ кулакомъ по столу и сказалъ съ сосредоточенною рѣшимостью: „умретъ, такъ умретъ,—пусть умираетъ; это лучше, чѣмъ чтобы была несчастна. И для меня легче, и для нея легче!“ Тѣ самыя слова, какія были сказаны за полгода дочери. Катерина Васильевна не ошиблась, думая, что напрасно говорить съ нимъ.

— Да почему жь вы такъ упорствуете? Я очень вѣрю, что онъ не хорошій человѣкъ; но неужели же ужь такой дурной, что жизнь съ нимъ хуже смерти?

— Такой. Въ немъ души нѣтъ; она у меня добрая, деликатная, а онъ гадкій развратникъ. И Полозовъ пустился описывать Соловцова, описалъ его такъ, что Кирсановъ не нашелъ, какъ возражать. Да и точно, какъ было не согласиться съ Полозовымъ? Соловцовъ былъ тотъ самый Жанъ, который тогда, передъ сватовствомъ Сторешникова, послѣ оперы, ужиналъ съ нимъ, Сержемъ и Жюли. Это совершенная правда, что порядочной дѣвушкѣ гораздо лучше умереть, чѣмъ сдѣлаться женою такого человѣка. Онъ загрязнитъ, заморозитъ, изъѣстъ своею мерзостью порядочную женщину: гораздо лучше умереть ей.

Кирсановъ задумался на нѣсколько минутъ.—Нѣтъ, потомъ проговорилъ онъ:—что-жь я въ самомъ дѣлѣ поддался вашему увлеченію? Это дѣло безопасное, именно потому, что онъ такъ дуренъ. Она не можетъ этого не увидѣть, только дайте ей время всмотрѣться спокойно. Онъ сталъ настойчиво развивать Полозову свой планъ, который высказываетъ его дочери еще только какъ свое предположеніе, можетъ быть и невѣрное, что она сама откажется отъ любимаго человѣка, если онъ дѣйствительно

дуренъ. Теперь онъ въ этомъ былъ совершенно увѣренъ, потому что любимый человѣкъ былъ очень дуренъ.

— Я не буду говорить вамъ, что бракъ не представляетъ такой страшной важности, если смотрѣть на него хладнокровно: когда жена несчастна, почему-жъ ей не разойтись съ мужемъ? Вы считаете это недозволительнымъ, ваша дочь воспитана въ такихъ же понятіяхъ, для васъ и для нея это дѣйствительно безвозвратная потеря, и прежде, чѣмъ она перевоспитается, она съ такимъ человѣкомъ измучится до смерти, которая хуже, чѣмъ отъ чахотки. Но надобно взять дѣло съ другой стороны. Почему вы не надѣетесь на разсудокъ вашей дочери? Вѣдь она не сумасшедшая? Всегда разсчитывайте на разсудокъ, только давайте ему дѣйствовать свободно, онъ никогда не измѣнитъ въ справедливомъ дѣлѣ. Вы сами виноваты, что связали его въ вашей дочери, развяжите его, и онъ переведетъ ее на вашу сторону, когда правда на вашей сторонѣ. Страсть ослѣпляетъ, когда встрѣчаетъ препятствія; отстраните ихъ, и ваша дочь станетъ благоразумна. Дайте ей свободу любить или не любить, и она увидитъ, стоитъ ли этотъ человѣкъ ея любви. Пусть онъ будетъ ея женихомъ. и черезъ нѣсколько времени она откажетъ ему сама.

Такая манера смотрѣть на вещи была слишкомъ нова для Полозова. Онъ рѣзко отвѣчалъ, что въ такіе вздоры не вѣритъ, что слишкомъ хорошо знаетъ жизнь, что видалъ слишкомъ много примѣровъ безразсудства людей, чтобы полагаться на ихъ разсудокъ; а тѣмъ смѣшнѣе полагаться на разсудокъ 17-лѣтней дѣвочки. Напрасно Кирсановъ возражалъ, что безразсудства дѣлаются только въ двухъ случаяхъ: или съ-горяча, въ минутномъ порывѣ, или когда человѣкъ не имѣетъ свободы, раздражается сопротивленіемъ. Такія понятія были совершенною тарабарщиною для Полозова.—„Она безумная; глупо ввѣрять такому ребенку его судьбу; пусть лучше умретъ“: съ этихъ пунктовъ никакъ нельзя было сбить его.

Конечно, какъ ни тверды мысли человѣка, находящагося въ заблужденіи, но если другой человѣкъ, болѣе развитый, болѣе знающій, лучше понимающій дѣло, будетъ постоянно работать надъ тѣмъ, чтобы вывесть его изъ заблужденія, заблужденіе не устоитъ. Такъ; но сколько времени возьметъ логическая борьб

съ нимъ? Конечно, и нынѣшній разговоръ не останется безъ результата; хотя теперь и незамѣтно никакого вліянія его на Полозова, старикъ все-таки начнетъ задумываться надъ словами Кирсанова — это неизбѣжно; и если продолжать съ нимъ такіе разговоры, онъ одумается. Но онъ гордъ своею опытностью, считаетъ себя не ошибающимся, онъ твердъ и упрямъ; урезонить его словами можно, безъ сомнѣнія, но не скоро. А всякая отсрочка опасна; долгая отсрочка, навѣрное, гибельна; а долгая отсрочка неизбѣжна при методическомъ способѣ разумной борьбы съ нимъ.

Надобно прибѣгнуть къ радикальному средству. Оно рискованно, это правда; но при немъ только рискъ, а безъ него вѣрная гибель. И рискъ въ немъ вовсе не такъ великъ на самомъ дѣлѣ, какъ покажется человѣку, менѣе твердому въ своихъ понятіяхъ о законахъ жизни, чѣмъ онъ, Кирсановъ. Рискъ вовсе не великъ. Но серьезенъ. Изъ всей лоттереи только одинъ билетъ проигрышный. Нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы вынулся онъ, но если вынется? Кто идетъ на рискъ, долженъ быть готовъ не моргнуть, если вынется проигрышъ. Кирсановъ видѣлъ спокойную, молчаливую твердость дѣвушки и былъ увѣренъ въ ней. Но въ правѣ ли онъ подвергать ее риску? Конечно, да? Теперь изъ 100 шансовъ только одинъ, что она не погубитъ въ этомъ дѣлѣ своего здоровья, болѣе половины шансовъ, что она погибнетъ быстро; а тутъ, изъ тысячи шансовъ одинъ будетъ противъ нея. Пусть же она рискуетъ въ лоттерею, повидимому, болѣе страшную, потому что болѣе быструю, но въ сущности несравненно менѣе опасную.

— Хорошо, сказалъ Кирсановъ:—вы не хотите вылечить ее тѣми средствами, которыя въ вашей власти; я буду лечить ее своими. Завтра я соберу опять консиліумъ. .

Возвратившись къ больной, онъ сказалъ ей, что отецъ упрямъ,—упрямѣе, чѣмъ ждалъ онъ, что надобно будетъ дѣйствовать противъ него крутымъ образомъ.

— Нѣтъ, ничто не поможетъ, грустно сказала больная.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Да.

— Вы готовы къ смерти?

— Да.

— Что, если я рѣшусь подвергнуть васъ риску умереть? Я говорилъ вамъ объ этомъ вскользь, чтобы выиграть ваше довѣріе, показать, что я на все согласенъ, что будетъ нужно для васъ; теперь говорю положительно. Что если придется дать вамъ ядъ?

— Я давно вижу, что моя смерть неизбѣжна, что мнѣ осталось жить немного дней.

— А если завтра поутру?

— Тѣмъ лучше. Она говорила совершенно спокойно.

— Когда остается одно спасеніе — призвать себѣ въ опору рѣшимость на смерть, эта опора почти всегда выручитъ. Если скажешь: „уступай, или я умру“ — почти всегда уступятъ; но, знаете, шутить такимъ великимъ принципомъ не слѣдуетъ; да и нельзя унижать своего достоинства, если не уступятъ, то ужь и надобно умереть. Онъ объяснилъ ей планъ, очень понятный ужь и изъ этихъ разсужденій.

VI.

Конечно, въ другихъ такихъ случаяхъ Кирсановъ и не подумалъ бы прибѣгать къ подобному риску. Гораздо проще: увезти дѣвушку изъ дому, и пусть она вѣнчается, съ кѣмъ хочетъ. Но тутъ дѣло запутывалось понятіями дѣвушки и свойствами человѣка, котораго она любила. При своихъ понятіяхъ о неразрывности жены съ мужемъ, она стала бы держаться за дряннаго человѣка, когда бы ужь и увидѣла, что жизнь съ нимъ—мученіе. Соединить ее съ нимъ—хуже чѣмъ убить. Потому и оставалось одно средство — убить, или дать возможность образумиться.

На другой день собрался консиліумъ изъ самыхъ высокихъ знаменитостей великосвѣтской медицинской практики, было цѣлыхъ пять человѣкъ, самыхъ важнѣйшихъ: нельзя, чѣмъ же дѣйствовать на Полозова? Нужно, чтобы приговоръ былъ безапелляціонный въ его глазахъ. Кирсановъ говорилъ, — они важно слушали, что онъ говорилъ, тому всѣ важно поддакнули,—иначе нельзя, потому что, помните, есть на свѣтѣ Клодъ Бернаръ и живетъ въ Парижѣ, да и кромѣ того, Кирсановъ говоритъ такія

вещи, которыхъ—а чертъ бы побралъ этихъ мальчишекъ!—и не поймешь: какъ же не поддакивать?

Кирсановъ сказалъ, что онъ очень внимательно изслѣдовалъ больную и совершенно согласенъ съ Карломъ Ѳедорычемъ, что болѣзнь неизлѣчима; а агонія въ этой болѣзни—мучительна; да и вообще, каждый лишній часъ, проживаемый больною, лишній, часъ страданія; поэтому онъ считаетъ обязанностью консиліума составить опредѣленіе, что, по человѣколюбію, слѣдуетъ прекратить страданія больной пріемомъ морфія, отъ котораго она ужь не проснулась бы. Съ такимъ напутствіемъ, онъ повелъ консиліумъ вновь изслѣдовать больную, чтобы принять отвергнуть это мнѣніе. Консиліумъ изслѣдовалъ, хлопая глазами подъ градомъ, чортъ знаетъ, какихъ, непонятныхъ разъясненій Кирсанова, возвратился въ прежній, далекій отъ комнаты больной, залъ и положилъ: прекратить страданія больной смертельнымъ пріемомъ морфія.

Когда составили опредѣленіе, Кирсановъ позвонилъ слугу и попросилъ его позвать Полозова въ залъ консиліума. Полозовъ вошелъ. Важнѣйшій изъ мудрецовъ, приличнымъ грустно-торжественнымъ языкомъ и величественно-мрачнымъ голосомъ объявилъ ему постановленіе консиліума.

Полозова хватило, какъ обухомъ по лбу. Ждать смерти, хоть скоро, но неизвѣстно, скоро ли, да и навѣрное ли? услышать: черезъ полчаса ея не будетъ въ живыхъ—двѣ вещи совершенно разныя. Кирсановъ смотрѣлъ на Полозова съ напряженнымъ вниманіемъ: онъ былъ совершенно увѣренъ въ эффектѣ, но все-таки дѣло было возбуждающее нервы; минуты двѣ старикъ молчалъ, ошеломленный:—„не надо! Она умираетъ отъ моего упрямства! Я на все согласенъ! Выздоровѣетъ ли она?“—„Конечно“, сказалъ Кирсановъ.

Знаменитости сильно разсердились бы, еслибъ имѣли время разсердиться, то есть, переглянувшись, увидѣть, что, дескать, моимъ товарищамъ тоже, какъ и мнѣ, понятно, что я былъ куклою въ рукахъ этого мальчишки, но Кирсановъ не далъ никому заняться этимъ наблюденіемъ того, „какъ другіе на меня смотрятъ“. Кирсановъ, сказавъ слугѣ, чтобы вывести осѣвшаго Полозова, уже благодарилъ ихъ за проницательность, съ какою они отгадали его намѣреніе, поняли, что причина болѣзни нравствен-

ное страданіе, что нужно запугать упрямца, который иначе дѣйствительно погубилъ бы дочь. Знаменитости разъѣхались, каждая довольная тѣмъ, что ученость и проницательность ея засвидѣтельствована передъ всѣми остальными.

Наскоро давъ имъ аттестацію, Кирсановъ пошелъ сказать больной, что дѣло удалось. Она при первыхъ его словахъ схватила его руку, и онъ едва успѣлъ вырвать, чтобъ она не поцаловала ее. „Но я не скоро пущу къ вамъ вашего батюшку объявить вамъ то же самое, сказалъ онъ:—онъ у меня прежде прослушаетъ лекцію о томъ, какъ ему держать себя“. Онъ сказалъ ей, что онъ будетъ внушать ея отцу, и что не отстанетъ отъ него, пока не внушитъ ему этого основательно.

Потрясенный эффектомъ консиліума, старикъ много осѣлся, и смотрѣлъ на Кирсанова ужь не тѣми глазами, какь вчера, а такими, какъ нѣкогда Марья Алексѣвна на Лопухова, когда Лопуховъ снился ей въ видѣ пошедшаго по откупной части. Вчера Полозову все представлялась натуральная мысль: „я постарше тебя и поопытнѣй, да и нѣтъ никого на свѣтѣ умнѣе меня; а тебя молокососъ и голышъ, мнѣ и подавно не приходится слушать, когда я своимъ умомъ нажилъ 2 милліона (точно, въ сущности было только 2, а не 4)—наживи-ка ты, тогда и говори“, а теперь онъ думалъ:—„экій медвѣдь, какъ поворотилъ; умѣетъ ломать“, и чѣмъ дальше говорилъ онъ съ Кирсановымъ, тѣмъ живѣе рисовалась ему, въ прибавокъ къ медвѣдю, другая картина, старое забытое воспоминаніе изъ гусарской жизни: берейторъ Захарченко сидитъ на „Громобоѣ“ (тогда еще были въ ходу у барышенъ, а отъ нихъ отчасти и между господами кавалерами, военными и статскими, баллады Жуковскаго), и „Громобой“ хорошо вытанцовываетъ подъ Захарченкой, только губы у „Громобоя“ сильно порваны, въ кровь. Полозову было отчасти страшновато слышать, какъ отвѣчаетъ Кирсановъ на его первый вопросъ:

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ дали бы ей смертельный пріемъ?

— Еще бы! разумѣется, совершенно холодно отвѣчалъ Кирсановъ.

„Что за разбойникъ! говоритъ, какъ поваръ о зарѣзанной курицѣ“.—И у васъ достало бы духа?

— Еще бы на это не достало,—что-жь бы я за тряпка былъ!

— Вы страшный человѣкъ! повторялъ Пололовъ.

— Это значитъ, что вы еще не видывали страшныхъ людей, съ снисходительной улыбкой отвѣчалъ Кирсановъ, думая про себя: „показать бы тебѣ Рахметова“.

— Но какъ же вы повертывали всѣхъ этихъ медиковъ!

— Будто трудно повертывать такихъ людей, съ легкою гримасою отвѣчалъ Кирсановъ.

Полозову вспомнился Захарченко, говорящій штабъ-ротмистру Волынову: „этого-то вислоухаго привели мнѣ объѣзжать, ваше благородіе? Зазорно мнѣ на него садиться-то“.

Прекративъ безконечные все тѣ же вопросы Полозова, Кирсановъ началъ внушеніе, какъ ему слѣдуетъ держать себя.— Помните, что человѣкъ можетъ разсуждать только тогда, когда ему совершенно не мѣшаютъ, что онъ не горячится только тогда, когда его не раздражаютъ; что онъ не дорожитъ своими фантазіями только тогда, когда ихъ у него не отнимаютъ, даютъ ему самому разсмотрѣть, хороши ли онѣ. Если Соловцовъ такъ дуренъ, какъ вы описываете,—и я этому совершенно вѣрю,—ваша дочь сама разсмотритъ это; но только когда вы не станете мѣшать, не будете возбуждать въ ней мысли, что вы какъ-нибудь интригуете противъ него, стараетесь разстроить ихъ. Одно ваше слово, враждебное ему, испортитъ дѣло на двѣ недѣли, нѣсколько словъ—навсегда. Вы должны держаться совершенно въ сторонѣ. Направленіе было приправляемо такими доводами: „легко заставить васъ сдѣлать то, чего вы не хотите? а вотъ я заставилъ же; значитъ, понимаю, какъ надо браться за дѣло: такъ ужь повѣрьте, какъ я говорю, такъ и надо дѣлать. Что я говорю, то знаю, вы только слушайтесь“. Съ такими людьми, какъ тогдашній Полозовъ, нельзя иначе дѣйствовать, какъ нахрапомъ, наступая на горло. Полозовъ вымуштровался, обѣщалъ держать себя, какъ ему говорятъ. Но убѣдившись, что Кирсановъ говоритъ дѣло, и что надо его слушаться, Полозовъ все еще не могъ взять въ толкъ, что-жь это за человѣкъ: онъ на его сторонѣ, и вмѣстѣ на сторонѣ дочери; онъ заставляетъ его покориться дочери, и хочетъ, чтобы дочь измѣнила свою волю: какъ примирить это?

— Очень просто, я хочу, чтобы вы не мѣшали ей стать разсудительною, только,

Полозовъ написалъ къ Соловцову записку, въ которой просилъ его пожаловать къ себѣ по очень важному дѣлу; вечеромъ Соловцовъ явился, произвелъ нѣжное, но полное достоинства объясненіе со старикомъ, былъ объявленъ женихомъ, съ тѣмъ, что свадьба черезъ три мѣсяца.

VII.

Кирсановъ не могъ бросить дѣла: надобно было и помогать Катеринѣ Васильевнѣ поскорѣе выйти изъ ослѣпленія, а еще больше надобно было наблюдать за ея отцомъ, поддерживать его въ вѣрности принятому методу невмѣшательства. Но онъ почелъ неудобнымъ быть у Полозовыхъ въ первые дни послѣ кризиса: Катерина Васильевна, конечно, еще находится въ экзальтаціи; если онъ увидитъ (чего и слѣдуетъ непремѣнно ждать)' что женихъ—дрянь, то ужь и его молчаливое недовольство женихомъ, не только прямой отзывъ, принесетъ вредъ, подновитъ экзальтацію. Кирсановъ заѣхалъ недѣли черезъ полторы, и поутру, чтобы не прямо самому искать встрѣчи съ женихомъ, а получить на это согласіе Катерины Васильевны. Катерина Васильевна ужь очень поправилась, была еще очень худа и блѣдна, но совершенно здорова, хоть и хлопоталъ надъ прописываніемъ лекарствъ знаменитый прежній медикъ, которому Кирсановъ опять сдалъ ее, сказавъ:—„лечитесь у него; теперь никакія его снадобья не повредятъ вамъ, хоть бы вы и стали принимать ихъ". Катерина Васильевна встрѣтила Кирсанова съ восторгомъ, но удивленными глазами посмотрѣла на него, когда онъ сказалъ, зачѣмъ пріѣхалъ.

— Вы спасли мнѣ жизнь, — и вамъ нужно мое разрѣшеніе, чтобы бывать у насъ!

— Но мое посѣщеніе при немъ могло бы вамъ показаться попыткою вмѣшательства въ ваши отношенія безъ вашего согласія. Вы знаете мое правило: не дѣлать ничего безъ воли человѣка, въ пользу котораго я хотѣлъ бы дѣйствовать.

Пріѣхавъ на другой или третій день вечеромъ, Кирсановъ

нашелъ жениха точно такимъ, какимъ описывалъ Полозовъ, а Полозова нашелъ удовлетворительнымъ: вышколенный старикъ не мѣшалъ дочери. Кирсановъ просидѣлъ вечеръ, ничѣмъ не показывая своего мнѣнія о женихѣ, и прощаясь съ Катериною Васильевною, не сдѣлалъ никакого намека на то, какъ онъ понравился ему.

Этого было уже довольно, чтобы возбудить ея любопытство и сомнѣніе. На другой день въ ней безпрестанно возобновлялась мысль: „Кирсановъ не сказалъ мнѣ ни слова о немъ. Еслибъ онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе на Кирсанова, Кирсановъ сказалъ бы мнѣ это. Неужели онъ ему не понравился? Что-жь могло не понравиться Кирсанову въ немъ?“ Когда вечеромъ пріѣхалъ женихъ, она всматривалась въ его обращеніе, вдумывалась въ его слова. Она говорила себѣ, зачѣмъ дѣлаетъ это: чтобы доказать себѣ, что Кирсановъ не долженъ былъ, не могъ найти никакихъ недостатковъ въ немъ. Это и было такъ. Но надобность доказывать себѣ, что въ любимомъ человѣкѣ нѣтъ недостатковъ, уже ведетъ къ тому, что они скоро будутъ замѣчены.

Черезъ нѣсколько дней Кирсановъ былъ опять, и опять не сказалъ ей ни слова о томъ, какъ понравился ему женихъ. На этотъ разъ она уже не выдержала, и въ концѣ вечера сказала:— „ваше мнѣніе? что же вы молчите?“

— Я не знаю, угодно ли будетъ вамъ выслушать мое мнѣніе, и не знаю, будетъ ли оно сочтено вами за безпристрастное.

— Онъ вамъ не нравится?

Кирсановъ промолчалъ.

— Онъ вамъ не нравится?

— Я этого не говорилъ.

— Это видно. Почему жь онъ вамъ не нравится?

— Я буду ждать, когда будетъ видно и то, почему онъ мнѣ не нравится.

На слѣдующій вечеръ Катерина Васильевна еще внимательнѣе всматривалась въ Соловцова. „Въ немъ все хорошо; Кирсановъ несправедливъ; но почему жь я не могу замѣтить, что въ немъ не нравится Кирсанову?“ Она досадовала на свое неумѣнье наблюдать, думала: „неужели-жь я такъ проста?“ Въ ней было

возбуждено самолюбіе, въ направленіи, самомъ опасномъ жениху.

Когда Кирсановъ опять пріѣхалъ черезъ нѣсколько дней, онъ уже замѣтилъ возможность дѣйствовать сильнѣе. До сихъ поръ онъ избѣгалъ разговоровъ съ Соловцовымъ, чтобы не встревожить Катерину Васильевну преждевременнымъ вмѣшательствомъ. Теперь онъ сѣлъ къ группѣ, которая была около нея и Соловцова, сталъ заводить разговоръ о вещахъ, по которымъ выказывался бы характеръ Соловцова, вовлекалъ его въ разговоръ. Шелъ разговоръ о богатствѣ, и Катеринѣ Васильевнѣ показалось, что Соловцовъ слишкомъ занятъ мыслями о богатствѣ; шелъ разговоръ о женщинамъ, — ей показалось, что Соловцовъ говоритъ о нихъ слишкомъ легко; шелъ разговоръ о семейной жизни,—она напрасно усиливалась выгнать изъ мысли впечатлѣніе, что можетъ быть женѣ было бы холодно и тяжело жить съ такимъ мужемъ.

Кризисъ произошелъ. Катерина Васильевна долго не могла заснуть, все плакала — отъ досады на себя за то, что обижаетъ Соловцова такими мыслями о немъ. „Нѣтъ, онъ не холодный человѣкъ; онъ не презираетъ женщинъ; онъ любитъ меня, а не мое богатство“. Еслибъ эти возраженія были отвѣтомъ на слова другаго, они упрямо держались бы въ ея умѣ. Но она возражала самой себѣ; а противъ той истины, которую самъ нашелъ, долго не устоишь,—она своя родная; въ ней нельзя заподозрить никакой хитрости. На слѣдующій вечеръ Катерина Васильевна уже сама испытывала Соловцова, какъ вчера испытывалъ его Кирсановъ. Она говорила себѣ, что только хочетъ убѣдиться, что напрасно обижаетъ его, но сама же чувствовала, что въ ней уже недовѣріе къ нему. И опять долго не могла заснуть, но досадовала уже на него: зачѣмъ онъ говорилъ такъ, что не успокоилъ ея сомнѣній, а только подкрѣпилъ ихъ? Досадовала и на себя; но въ этой досадѣ уже ясно проглядывалъ мотивъ: „какъ я могла быть такъ слѣпа?“

Понятно, что черезъ день, черезъ два, она исключительно была занята страхомъ отъ мысли: „скоро я потеряю возможность поправить свою ошибку, если ошибалась въ немъ“.

Когда Кирсановъ пріѣхалъ въ слѣдующій разъ, онъ увидѣлъ, что можетъ говорить съ нею. „Вы доспрашивались моего мнѣнія

о немъ, сказалъ онъ: — оно не такъ важно, какъ ваше, Что *вы* думаете о немъ?"

— Теперь она молчала.

— Я не смѣю допытываться, сказалъ онъ, заговорилъ о другомъ и скоро отошелъ.

Но черезъ полчаса она сама подошла къ нему: — „дайте же мнѣ совѣтъ: вы видите, мои мысли колеблются".

— Зачѣмъ же вамъ нуженъ чужой совѣтъ, когда вы сами знаете, что надобно дѣлать, если мысли колеблются.

— Ждать, пока онѣ перестанутъ колебаться?

— Какъ вы сами знаете.

— Я отложу свадьбу.

— Почему-жь не отложить, когда вы находите это лучшимъ.

— Но какъ онъ приметъ это?

— Когда вы увидите, какъ онъ приметъ это, тогда опять подумайте, что будетъ лучше.

— Но мнѣ тяжело сказать ему это.

— Если такъ, поручите вашему батюшкѣ, чтобъ онъ сказалъ ему это.

— Я не хочу прятаться за другого. Я скажу сама.

— Если чувствуете силу сказать сама, то это, конечно, гораздо лучше.

Разумѣется, съ другими, напримѣръ, съ Вѣрою Павловною, не годилось вести дѣло такъ медленно. Но каждый темпераментъ имѣетъ свои особыя требованія: если горячій человѣкъ раздражается медленною систематичностью, то тихій человѣкъ возмущается крутою рѣзкостью.

Успѣхъ объясненія Катерины Васильевны съ женихомъ превзошелъ надежды Кирсанова, который думалъ, что Соловцовъ съумѣетъ соблюсти разсчетъ, протянетъ дѣло покорностью и кроткими мольбами. Нѣтъ, при всей своей выдержанности, Соловцовъ не сдержалъ себя, увидѣвъ, что огромное богатство ускользаетъ изъ его рукъ, и самъ упустилъ слабые шансы, остававшіеся ему. Онъ разсыпался рѣзкими жалобами на Полозова, котораго назвалъ интригующимъ противъ него; говорилъ Катеринѣ Васильевнѣ, что она даетъ отцу слишкомъ много власти надъ собою, боится его, дѣйствуетъ теперь по его приказанію. А Полозовъ еще не зналъ о рѣшеніи дочери отложить свадьбу;

дочь постоянно чувствовала, что онъ оставляетъ ей полную свободу. Упреки отцу и огорчили ее своею несправедливостью, и оскорбили тѣмъ, что въ нихъ выказывался взглядъ Соловцова на нее, какъ на существо, лишенное воли и характера. „Вы, кажется считаете меня игрушкою въ рукахъ другихъ?“ — „Да“, сказалъ онъ въ раздраженіи.—„Я готовилась умереть, не думая объ отцѣ, и вы не понимаете этого! Съ этой минуты все кончено между нами“, сказала она и быстро ушла изъ комнаты.

VIII.

Послѣ этой исторіи Катерина Васильевна долго была грустна, но грусть ея, развившаяся по этому случаю, относилась уже не къ этому частному случаю. Есть такіе характеры, для которыхъ частный фактъ самъ по себѣ мало интересенъ, служитъ только возбужденіемъ къ общимъ мыслямъ, которыя дѣйствуютъ на нихъ гораздо сильнѣе. Если у такихъ людей умъ замѣчательно силенъ, они становятся преобразователями общихъ идей, а въ старину дѣлались великими философами: Кантъ, Фихте, Гегель не разработали никакого частнаго вопроса, имъ было это скучно. Это, конечно, только о мужчинахъ, у женщинъ вѣдь и не бываетъ сильнаго ума, по нынѣшнему, — имъ, видите ли, природа отказала въ этомъ, какъ отказала кузнецамъ въ нѣжномъ цвѣтѣ лица, портнымъ — въ стройности стана, сапожникамъ — въ тонкомъ обоняніи, — это все природа. Потому и между женщинами не бываетъ людей великаго ума. Люди очень слабаго ума съ такимъ направленіемъ характера бываютъ флегматичны до безчувственности. Люди обыкновеннаго ума бываютъ расположены къ задумчивости, къ тихой жизни, и вообще наклонны мечтать. Это еще не значитъ, что они фантазеры: у многихъ воображеніе слабо, и они люди очень положительные, они просто любятъ тихую задумчивость.

Катерина Васильевна влюбились въ Соловцева за его письма; она умирала отъ любви, основывавшейся только на ея мечтахъ. Ужъ изъ этого видно, что она была тогда настроена очень романически. А шумная жизнь пошлаго общества, наполнявшаго домъ Полозовыхъ, вовсе не располагала къ экзальтированной

идеальности. Значитъ, эта черта происходила изъ собственной ея натуры. Ее давно тяготилъ шумъ; она любила читать и мечтать. Теперь ее стало тяготить и самое богатство, не только шумъ его. Не нужно считать ее за это чувство необыкновенною натурою: оно знакомо всѣмъ богатымъ женщинамъ скромнаго и тихаго характера. Въ ней оно только развилось раньше обыкновеннаго, потому что рано получила она сильный урокъ.

„Кому я могу вѣрить? чему я могу вѣрить?“ спрашивала она себя послѣ исторіи съ Соловцовымъ, и видѣла: никому, ничему. Богатство ея отца притягивало изъ всего города жадность къ деньгамъ, хитрость, обманъ. Она была окружена корыстолюбцами, лжецами, льстецами; каждое слово, которое говорилось ей, было разсчитано по милліонамъ ея отца.

Ея мысли становились все серьёзнѣе. Ее стали занимать общіе вопросы о богатствѣ, которое такъ мѣшало ей, о бѣдности, которая такъ мучитъ другихъ. Отецъ давалъ ей довольно много денегъ на булавки, она, какъ и всякая добрая женщина, помогала бѣднымъ. Но она читала и думала, и стала замѣчать, что такая помощь, которую оказываетъ она, приноситъ гораздо меньше пользы, чѣмъ слѣдовало бы. Она стала видѣть, что слишкомъ много ее обманываютъ притворные или дрянные бѣдняки; что и людямъ, достойнымъ помощи, умѣющимъ пользоваться данными деньгами, эти деньги почти никогда не приносятъ прочной пользы: на время выведутъ ихъ изъ бѣды, а черезъ полгода, черезъ годъ эти люди опять въ такой же бѣдѣ. Она стала думать:—зачѣмъ это богатство, которое такъ портитъ людей? и отчего эта неотступность бѣдности отъ бѣдныхъ? и отчего видитъ она такъ много бѣдныхъ, которые такъ же безразсудны и дурны, какъ богатые?

Она была мечтательница, но мечты ея были тихи, какъ ея характеръ, и въ нихъ было такъ же мало блеска, какъ въ ней самой. Ея любимымъ поэтомъ былъ Жоржъ-Зандъ: но она не воображала себя ни Леліею, ни Индіаною, ни Кавальканти, ни даже Консуэло, она въ своихъ мечтахъ была Жанною, но чаще всего, Женевьевою. Женевьева была ея любимая героиня. Вотъ она ходитъ по полю и собираетъ цвѣты, которые будутъ служить образцами для ея работы, вотъ она встрѣчаетъ Андре,—такія тихія свиданія! вотъ они замѣчаютъ, что любятъ другъ

друга; это были ея мечты, о которыхъ она сама знала, что онѣ только мечты. Но она любила мечтать о томъ, какъ завидна судьба миссъ Найтингель, этой тихой, скромной дѣвушки, о которой никто не знаетъ ничего, о которой нечего знать, кромѣ того, за что она любимица всей Англіи: молода-ли? богата ли она, или бѣдна? счастлива ли она сама, или несчастна? объ этомъ никто не говоритъ, объ этомъ никто не думаетъ, всѣ только благословляютъ дѣвушку, которая была ангеломъ-утѣшителемъ въ англійскихъ гошпиталяхъ Крыма и Скутари, и по окончаніи войны, вернувшись на родину съ сотнями спасенныхъ ею, продолжаетъ заботиться о больныхъ... Это были мечты, исполненія которыхъ желала бы Катерина Васильевна. Дальше мыслей о Женевьевѣ и миссъ Найтингель не уносила ее фантазія. Можно ли сказать, что у ней была фантазія? и можно ли назвать ее мечтательницею?

Женевьева въ шумномъ, пошломъ обществѣ пройдохъ и плохихъ фатовъ, миссъ Найтингель въ праздной роскоши, могла ли она не скучать и не грустить? Потому Катерина Васильевна была едва ли не больше обрадована, чѣмъ огорчена, когда отецъ ея разсорился. Ей было жалко видѣть его, ставшаго старикомъ изъ крѣпкаго, еще не стараго человѣка; было жалко и того, что средства ея помогать другимъ слишкомъ уменьшились; было на первый разъ обидно увидѣть пренебреженіе толпы, извивавшейся и изгибавшейся передъ ея отцомъ и ею. Но было и отрадно, что пошлая, скучная, гадкая толпа покинула ихъ, перестала стѣснять ея жизнь, возмущать ее своею фальшивостью и низостью; ей стало такъ свободно теперь. Явилась и надежда на счастье: „теперь, если въ комъ я найду привязанность, то будетъ привязанность ко мнѣ, а не къ милліонамъ моего отца“.

IX.

Полозову хотѣлось устроить продажу стеариноваго завода, въ которомъ онъ имѣлъ пай и которымъ управлялъ. Черезъ полгода или больше усердныхъ поисковъ, онъ нашелъ покупщика. На визитныхъ карточкахъ покупщика было написано

Charles Beaumont, но произносилось это не Шарль Бомонтъ, какъ прочли бы незнающіе, а Чарльзъ Бьюмонтъ; и натурально что произносилось такъ: покупщикъ былъ агентъ лондонской фирмы Ходчсона, Лотера и К°, по закупкѣ сала и стеарина. Заводъ не могъ идти при жалкомъ финансовомъ и административномъ состояніи своего акціонернаго общества; но въ рукахъ сильной фирмы, онъ долженъ былъ дать большія выгоды: затративъ на него 500—600 тысячъ, она могла разсчитывать на 100,000 руб. дохода. Агентъ былъ человѣкъ добросовѣстный, внимательно осмотрѣлъ заводъ, подробно разобралъ его книги, прежде чѣмъ посовѣтовалъ фирмѣ покупку; потомъ начались переговоры съ обществомъ о продажѣ завода, и тянулись очень долго, по натурѣ нашихъ акціонерныхъ обществъ, съ которыми соскучались бы даже терпѣливые греки, не скучавшіе десять лѣтъ осаждать Трою. А Полозовъ все это время ухаживалъ за агентомъ, по старинной привычкѣ обращенія съ нужными людьми, и все приглашалъ его къ себѣ обѣдать. Агентъ сторонился отъ ухаживаній и долго отказывался отъ обѣдовъ; но однажды, слишкомъ долго засидѣвшись въ переговорахъ съ правленіемъ общества, уставши и проголодавшись, согласился пойти обѣдать къ Полозову, жившему на той же лѣстницѣ.

X.

Чарльзъ Бьюмонтъ, какъ и слѣдуетъ всякому Чарльзу, Джону, Джемсу, Вильяму, не былъ охотникъ пускаться въ интимности и личныя изліянія; но когда его спрашивали, разсказывалъ свою исторію не многословно, но очень отчетливо. Семейство его, говорилъ онъ, было родомъ изъ Канады; точно, въ Канадѣ чуть ли не половину населенія составляютъ потомки французскихъ колонистовъ; его семейство изъ нихъ-то и было, потому-то и фамилія у него была французскаго фасона, да и лицомъ онъ походилъ все-таки скорѣе на француза, чѣмъ на англичанина или янки. Но, продолжалъ онъ, его дѣдъ переѣхалъ изъ окрестностей Квебека въ Нью-Йоркъ; и это бываетъ. Во время этого переселенія, его отецъ былъ еще ребенкомъ. Потомъ, разумѣется, выросъ и сталъ взрослымъ мужчиною; а въ это время, какому-то

богачу и прогрессисту въ сельскомъ хозяйствѣ вздумалось устроить у себя на южномъ берегу Крыма, вмѣсто виноградниковъ, хлопчато-бумажныя плантаціи; онъ и поручилъ кому-то достать ему управляющаго изъ Сѣверной Америки; ему и достали Джемса Бьюмонта, канадскаго уроженца, нью-йоркскаго жителя, то есть, настолько верстъ не видывавшаго хлопчато-бумажныхъ плантацій, насколько мы съ вами, читатель, не видывали изъ своего Петербурга или Курска гору Араратъ; это ужь всегда такъ бываетъ съ подобными прогрессистами. Правда, дѣло нисколько не испортилось отъ совершеннаго незнакомства американскаго управляющаго съ хлопчато-бумажнымъ плантаторствомъ, потому что разводить хлопчато-бумажникъ въ Крыму то же самое, что въ Петдрбургѣ виноградъ. Но когда оказалось это, американскій управляющій былъ отпущенъ съ хлопчато-бумажнаго вѣдомства и попалъ винокуромъ на заводъ въ Тамбовской губерніи, дожилъ тутъ почти весь свой вѣкъ, тутъ прижилъ сына Чарльза, а вскорѣ послѣ того похоронилъ жену. Годамъ къ 65-ти, накопивши нѣсколько денегъ на дряхлые годы, онъ вздумалъ вернуться въ Америку, и вернулся, Чарльзу было тогда лѣтъ 20. Когда отецъ умеръ, Чарльзъ захотѣлъ возвратиться въ Россію, потому что, родившись и проживъ до 20 лѣтъ въ деревнѣ Тамбовской губерніи, чувствовалъ себя русскимъ. Онъ съ отцомъ жилъ въ Нью-Йоркѣ и служилъ клеркомъ въ одной купеческой конторѣ. Когда отецъ умеръ, онъ перешелъ въ нью-йоркскую контору лондонской фирмы Ходчсона, Лотера и К°, зная, что она имѣетъ дѣла съ Петербургомъ и когда успѣлъ хорошо зарекомендовать себя, то и выразилъ желаніе получить мѣсто въ Россіи, объяснивши, что онъ Россію знаетъ, какъ свою родину. Имѣть такого служащаго въ Россіи, разумѣется, было выгодно для фирмы, его перевели въ лондонскую контору на испытаніе, испытали, и вотъ, съ полгода времени до обѣда у Полозова, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ агентомъ фирмы по сальной и стеариновой части, съ жалованьемъ въ 500 фунтовъ. Совершенно своеобразно этой исторіи, Бьюмонтъ, родившійся и до 20-ти лѣтъ жившій въ Тамбовской губерніи, съ однимъ только американцемъ или англичаниномъ на 20 или 50 или и 100 верстъ кругомъ, съ своимъ отцомъ, который цѣлый день былъ на заводѣ, сообразно этой исторіи, Чарльзъ Бьюмонтъ говорилъ по

русски, какъ чистый русскій, а по англійски—бойко, хорошо, но все-таки не совершенно чисто, какъ слѣдуетъ человѣку, уже только въ зрѣлые годы прожившему нѣсколько лѣтъ въ странѣ англійскаго языка.

XI.

Бьюмонтъ увидѣлъ себя за обѣдомъ только втроемъ со старикомъ и очень милою, нѣсколько задумчивою блондинкою, его дочерью.

— Думалъ ли я когда-нибудь, сказалъ за обѣдомъ Полозовъ:—что эти акціи завода будутъ имѣть для меня важность! Тяжело на старости лѣтъ подвергаться такому удару. Еще хорошо, что Катя такъ равнодушно перенесла, что я погубилъ ея состояніе, оно и при моей-то жизни было больше ея, чѣмъ мое: у ея матери былъ капиталъ, у меня мало, конечно, я изъ каждаго рубля сдѣлалъ было двадцать, значитъ, оно съ другой стороны было больше отъ моего труда, чѣмъ по наслѣдству; и много же я трудился! и умѣнье какое нужно было! — старикъ долго разсуждалъ въ этомъ самохвальномъ тонѣ, — потомъ и кровью, а главное, умомъ было нажито, заключилъ онъ, и повторилъ въ заключеніе предисловіе, что такой ударъ тяжело перенести, и что еслибъ еще да Катя этимъ убивалась, то онъ бы, кажется, съ ума сошелъ, но что Катя не только сама не жалѣетъ, а еще и его старика поддерживаетъ.

По американской привычкѣ, не видѣть ничего необыкновеннаго ни въ быстромъ обогащеніи, ни въ раззореніи, или по своему личному характеру, Бьюмонтъ не имѣлъ охоты ни восхититься величіемъ ума, нажившаго было три, четыре милліона, ни скорбѣть о такомъ раззореніи, послѣ котораго еще остались средства держать порядочнаго повара; а между тѣмъ, надобно же было что-нибудь замѣтить въ знакъ сочувствія чему-нибудь изъ длинной рѣчи; потому онъ сказалъ:—„да, это большое облегченіе, когда семейство дружно переноситъ непріятности“.

— Да вы какъ будто сомнительно говорите, Карлъ Яковличъ. Вы думаете, что Катя задумчива, такъ это оттого, что она жалѣетъ о богатствѣ? Нѣтъ, Карлъ Яковличъ, нѣтъ, вы ее напрасно обижаете. У насъ съ ней другое горе: мы съ ней извѣрились въ

людей, сказалъ Полозовъ полу-шутливымъ, полу-серьезнымъ тономъ, какимъ говорятъ о добрыхъ, но неопытныхъ мысляхъ дѣтей опытные старики.

Катерина Васильевна покраснѣла. Ей было непріятно, что отецъ завелъ разговоръ о ея чувствахъ. Но кромѣ отцовской любви, было и другое, извѣстное обстоятельство, по которому отецъ не былъ виноватъ: если не о чемъ говорить, но есть въ комнатѣ кошка или собака, заводится разговоръ о ней; если ни кошки, ни собаки нѣтъ, то о дѣтяхъ. Погода, ужь только третья, крайняя степень безрессурсности.

— Нѣтъ, папа, вы напрасно объясняете мою задумчивость такимъ высокимъ мотивомъ: вы знаете, у меня просто невеселый характеръ, и я скучаю.

— Быть невеселымъ, это какъ кому угодно, сказалъ Бьюмонтъ:—но скучать, по моему мнѣнію, неизвинительно. Скука въ модѣ у нашихъ братьевъ, англичанъ; но мы, американцы, не знаемъ ея Намъ некогда скучать: у насъ слишкомъ много дѣла. Я считаю, мнѣ кажется (поправилъ онъ свой американизмъ), что и русскій народъ долженъ бы видѣть себя въ такомъ положеніи: по моему, у него тоже слишкомъ много дѣла на рукахъ. Но дѣйствительно, я вижу въ русскихъ совершенно противное: они очень расположены хандрить. Сами англичане далеко не выдерживаютъ сравненія съ ними въ этомъ. Англійское общество, ославленное на всю Европу, и въ томъ числѣ на всю Россію, скучнѣйшимъ въ мірѣ, настолько же разговорчивѣе, живѣе, веселѣе русскаго, насколько уступаетъ въ этомъ французскому. И ваши путешественники говорятъ вамъ о скукѣ англійскаго общества! Я не понимаю, гдѣ-жъ у этихъ людей глаза на свое домашнее!

— И русскіе правы, что хандрятъ, сказала Катерина Васильевна:—какое-жъ у нихъ дѣло? имъ нечего дѣлать; они должны сидѣть сложа руки. Укажите мнѣ дѣло, и я вѣроятно не буду скучать.

— Вы хотите найти себѣ дѣло? О, за этимъ не должно быть остановки; вы видите вокругъ себя такое невѣжество, извините, что я такъ отзываюсь о вашей странѣ, о вашей родинѣ, поправилъ онъ свой англицизмъ:—но я самъ въ ней родился и выросъ, считаю ее своею, потому не церемонюсь,—вы видите въ ней турецкое невѣжество, японскую безпомощность. Я ненавижу

вашу родину, потому что люблю ее, какъ свою, скажу я вамъ, подражая вашему поэту. Но въ ней много дѣла.

— Да; но одинъ, а еще болѣе одна, что можетъ сдѣлать?

— Но вѣдь ты дѣлаешь, Катя, сказалъ Полозовъ:—я вамъ выдамъ ея секретъ, Карлъ Яковлевичъ. Она отъ скуки учитъ дѣвочекъ. У нея каждый день бываютъ ея ученицы, и она возится съ ними отъ 10 часовъ до часу, иногда больше.

Бьюмонтъ посмотрѣлъ на Катерину Васильевну съ уваженіемъ:—вотъ это по нашему, по американски, — конечно, подъ американцами я понимаю только сѣверные, свободные штаты; южные хуже всякой Мехики, почти такъ же гадки, какъ Бразилія (Бьюмонтъ былъ яростный аболиціонистъ),—это по нашему; но въ такомъ же случаѣ, зачѣмъ же скучать?

— Развѣ это серьезное дѣло, m-r Бьюмонтъ? это не болѣе, какъ развлеченіе, такъ я думаю; можетъ быть, я ошибаюсь; можетъ быть, вы назовете меня матеріалисткою...

— Вы ждете такого упрека отъ человѣка изъ націи, про которую всѣ утверждаютъ, что единственная цѣль и мысль ея—доллары?

— Вы шутите, но я серьезно боюсь, опасаюсь высказать вамъ мое мнѣніе,—оно можетъ казаться сходно съ тѣмъ, что проповѣдуютъ обскуранты о безполезности просвѣщенія.

„Вотъ какъ!“ подумалъ Бьюмонтъ: „неужели она дошла до этого? это становится интересно?“—Я самъ обскурантъ, сказалъ онъ: — я за безграмотныхъ черныхъ противъ цивилизованныхъ владѣльцевъ ихъ, въ южныхъ штатахъ, — извините, я отвлекся моей американской ненавистью. Но мнѣ очень любопытно услышать ваше мнѣніе.

— Оно очень прозаично, m-r Бьюмонтъ, но меня привела къ нему жизнь. Мнѣ кажется, дѣло, которымъ я занимаюсь, слишкомъ односторонее дѣло, и та сторона, на которую обращено оно, не первая сторона, на которую должны быть обращены заботы людей, желающихъ принести пользу народу. Я думаю такъ: дайте людямъ хлѣбъ, читать они выучатся и сами. Начинать надобно съ хлѣба, иначе мы попусту истратимъ время.

— Почему-жь вы не начинаете съ того, съ чего надобно начинать? сказалъ Бьюмонтъ уже съ нѣкоторымъ одушевленіемъ — Это можно, я знаю примѣры, у насъ въ Америкѣ, прибавилъ онъ.

— Я вамъ сказала: одна что я могу начать? Я не знаю, какъ приняться; и еслибъ знала, гдѣ у меня возможность? Дѣвушка такъ связана во всемъ. Я независима у себя въ комнатѣ. Но что я могу сдѣлать у себя въ комнатѣ? Положить на столъ книжку и учить читать. Куда я могу идти одна? Съ кѣмъ я могу видѣться одна? какое дѣло я могу дѣлать одна?

— Ты, кажется, выставляешь меня деспотомъ, Катя? сказалъ отецъ:—ужь въ этомъ-то я не повиненъ, съ тѣхъ поръ, какъ ты меня такъ проучила.

— Папà, вѣдь я краснѣю этого, я тогда была ребенокъ. Нѣтъ, папà, вы хороши, вы не стѣсняете. Стѣсняетъ общество. Правда, m-r Бьюмонтъ, что дѣвушка въ Америкѣ не такъ связана?

— Да, мы можемъ этимъ гордиться; конечно, и у насъ далеко не то, чему слѣдуетъ быть; но все-таки, какое сравненіе съ вами, европейцами. Все, что разсказываютъ вамъ о свободѣ женщины у насъ, правда.

— Папà, поѣдемъ въ Америку, когда m-r Бьюмонтъ купитъ у тебя заводъ, сказала шутя Катерина Васильевна:—я тамъ буду что нибудь дѣлать. Ахъ, какъ бы я была рада!

— Можно найти дѣло и въ Петербургѣ, сказалъ Бьюмонтъ.

— Укажите.

Бьюмонтъ двѣ, три секунды колебался,—„но зачѣмъ же я и пріѣхалъ сюда? И черезъ кого же лучше узнать?“ подумалъ онъ. Вы не слышали?—есть опытъ примѣненія къ дѣлу тѣхъ принциповъ, которые выработаны въ послѣднее время экономическою наукою: вы знаете ихъ?

— Да, я читала; это, должно быть, очень интересно и полезно. И я могу принять въ этомъ участіе? гдѣ-жъ это найти?

— Это основано г-жею Кирсановою.

— Кто она? ея мужъ медикъ?

— Вы его знаете? И онъ не сказалъ вамъ объ этомъ дѣлѣ?

— Это было давно, онъ тогда еще не былъ женатъ; я была очень больна, — онъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ и спасъ меня. Ахъ, какой это человѣкъ! Похожа на него она?

Но какъ же познакомиться съ Кирсановою? Бьюмонтъ рекомендуетъ Катерину Васильевну Кирсановой?—нѣтъ, Кирсановы даже не слышали его фамиліи; но никакой рекомендаціи не на-

добно: Кирсанова навѣрное будетъ рада встрѣтить такое сочувствіе. Адресъ надобно узнать тамъ, гдѣ служитъ Кирсановъ.

XII

Вотъ какимъ образомъ произошло то, что Полозова познакомилась съ Вѣрой Павловною; она отправилась къ ней на другой же день поутру, и Бьюмонтъ былъ такъ заинтересованъ, что вечеромъ пріѣхалъ узнать, какъ понравилось Катеринѣ Васильевнѣ новое знакомство и новое дѣло.

Катерина Васильевна была очень одушевлена. Грусти—никакихъ слѣдовъ; задумчивость замѣнилась восторгомъ. Она съ энтузіазмомъ разсказывала Бьюмонту, — а вѣдь ужь разсказывала отцу, но отъ одного раза не унялась, о томъ, что видала поутру, и не было конца ея разсказу; да, теперь ея сердце было полно: живое дѣло найдено! Бьюмонъ слушалъ внимательно; но развѣ можно слушать такъ? и она чуть не съ гнѣвомъ сказала: „m-r Бьюмонтъ, я разочаровываюсь въ васъ: неужели это такъ мало дѣйствуетъ на васъ, что вамъ только интересно,—не больше?

— Катерина Васильевна, вы забываете, что я все это видѣлъ у насъ въ Америкѣ; для меня занимательны нѣкоторыя подробности, но само дѣло слишкомъ знакомо мнѣ. Интересъ новизны тутъ могутъ имѣть для меня только личности, которымъ обязано своимъ успѣхомъ это дѣло, новое у васъ. Напримѣръ, что вы можете разсказать мнѣ о m-me Кирсановой?

— Ахъ, Боже мой: разумѣется, она мнѣ чрезвычайно понравилась: она съ такою любовью объясняла мнѣ все.

— Это вы ужь говорили.

— Чего-жь вамъ больше? Что я могу сказать вамъ больше? Неужели жъ мнѣ было до того, чтобы думать о ней, когда у меня передъ глазами было такое дѣло?

— Такъ, сказалъ Бьюмонтъ: — я понимаю, что совершенно забываешь о лицахъ, когда заинтересованъ дѣломъ; однако, что-жъ вы можете сказать мнѣ еще о m-me Кирсановой?

Катерина Васильевна стала собирать всѣ свои воспоминанія о Вѣрѣ Павловнѣ, но въ нихъ только и нашлось первое впечат-

лѣніе, которое сдѣлала на нее Вѣра Павловна; она очень живо описала ея наружность, манеру говорить, все, что бросается въ глаза въ минуту встрѣчи съ новымъ человѣкомъ; но дальше, дальше у нея въ воспоминаніяхъ уже, дѣйствительно, не было почти ничего относящагося къ Вѣрѣ Павловнѣ: мастерская, мастерская, мастерская,—и объясненія Вѣры Павловны о мастерской; эти объясненія она всѣ понимала, но самой Вѣры Павловны во все слѣдующее время, послѣ первыхъ словъ встрѣчи, она ужь не понимала.

— Итакъ, на этотъ разъ я обманулся въ ожиданіи много узнать отъ васъ о m-me Кирсановой; но я не отстану отъ васъ: черезъ нѣсколько дней я опять стану разспрашивать васъ о ней.

— Но почему жь вамъ самому не познакомиться съ нею, если она такъ интересуетъ васъ?

— Мнѣ хочется сдѣлать это; можетъ быть, я и сдѣлаю, Бьюмонъ остановился на минуту.—Я думалъ лучше ли просить васъ, или не просить, кажется, лучше попросить: когда вамъ случится упоминать мою фамилію въ разговорахъ съ ними, не говорите, что я распрашивалъ васъ о ней, или хочу когда-нибудь познакомиться съ ними.

— Но это начинаетъ походить на загадку, m-r Бьюмонтъ, серьёзнымъ тономъ сказала Катерина Васильевна. — Вы хотите черезъ меня разузнать о нихъ, а сами хотите скрываться.

— Да, Катерина Васильевна; какъ вамъ объяснить это?—я опасаюсь знакомиться съ ними.

— Все это странно, m-r Бьюмонтъ.

— Правда. Скажу прямѣе: я опасаюсь, что имъ будетъ это непріятно. Они не слышали моей фамиліи. Но у меня могли быть какія-нибудь столкновенія съ кѣмъ-нибудь изъ людей, близкихъ къ нимъ, или съ ними, это все равно. Словомъ, я долженъ удостовѣриться, пріятно ли было бы имъ познакомиться со мною.

— Все это странно, m-r Бьюмонтъ.

— Я честный человѣкъ, Катерина Васильевна; смѣю васъ увѣрить, что я никогда не захотѣлъ бы компрометировать васъ; мы съ вами видимся только во второй разъ, но я ужь очень уважаю васъ.

— Я также вижу, m-r Бьюмонтъ, что вы порядочный человѣкъ; но...

— Если вы считаете меня порядочнымъ человѣкомъ, вы позволите мнѣ бывать у васъ, чтобы тогда, когда вы достаточно увѣритесь во мнѣ, я могъ опять спросить васъ о Кирсановыхъ. Или, лучше, вы сами заговорите о нихъ, когда вамъ покажется, что вы можете исполнить эту мою просьбу, которую я сдѣлаю теперь, и не буду возобновлять. Вы позволяете?

— Извольте, m-r Бьюмонтъ, сказала Катерина Васильевна, слегка пожавъ плечами.—Но согласитесь, что...

Она опять не хотѣла договорить.

— Что я теперь долженъ внушать вамъ нѣкоторое недовѣріе? Правда. Но я буду ждать, пока оно пройдетъ.

XIII.

Бьюмонтъ сталъ очень часто бывать у Полозовыхъ. „Почему жь? думалъ старикъ: подходящая партія. Конечно, Катя прежде могла бы имѣть не такого жениха. Но вѣдь она и тогда была не интересантка и не честолюбивая. А теперь лучше и желать нельзя“.

Дѣйствительно, Бьюмонтъ былъ подходящая партія. Онъ говорилъ, что думаетъ навсегда остаться въ Россіи, потому что считаетъ ее своею родиною. Онъ человѣкъ основательный: въ 30 лѣтъ, вышедши изъ ничего, имѣетъ хорошее мѣсто. Еслибъ онъ былъ русскій, Полозову было бы пріятно, чтобъ онъ былъ дворянинъ, но къ иностранцамъ это не прилагается, особенно къ французамъ, а къ американцамъ еще меньше: у нихъ въ Америкѣ человѣкъ—нынѣ работникъ у сапожника, или пахарь, завтра генералъ, послѣ завтра президентъ, а тамъ опять конторщикъ или адвокатъ. Это совсѣмъ особый народъ, у нихъ спрашиваютъ о человѣкѣ только по деньгамъ и по уму. „Это и правильнѣе, продолжалъ думать Полозовъ:—я самъ такой человѣкъ. Занялся торговлею, женился на купчихѣ. Деньги главное, и умъ, потому что безъ ума не наживаешь денегъ. А онъ можетъ нажить: сталъ на такую дорогу. Купитъ заводъ, станетъ управляющимъ; потомъ

фирма возьметъ его въ долю. А у нихъ фирмы не такія, какъ у насъ. Тоже и онъ будетъ ворочать милліонами...“

Очень возможно, что не суждено сбыться мечтамъ Полозова о томъ, что его зять будетъ милліонеромъ по коммерческой части, какъ не суждено было сбыться мечтамъ Марьи Алексѣвны о томъ, что ея первый зять пойдетъ по откупной части. Но все-таки, Бьюмонтъ былъ хорошая партія для Катерины Васильевны.

Однако-жь, не ошибался ли Полозовъ, предусматривая себѣ зятя въ Бьюмонтѣ? Если у старика было еще какое-нибудь сомнѣніе въ этомъ, оно исчезло, когда Бьюмонтъ, недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ началъ бывать у нихъ, сказалъ ему, что, можетъ быть, покупка завода задержится на нѣсколько дней; впрочемъ, едва ли отъ этого будетъ задержка: вѣроятно, они и не дожидаясь мистера Лотера не составили бы окончательныхъ условій раньше недѣли, а мистеръ Лотеръ будетъ въ Петербургѣ черезъ четыре дня. „Прежде, когда я не былъ въ личномъ знакомствѣ съ вами, сказалъ Бьюмонтъ, я хотѣлъ кончить дѣло самъ. Теперь это неловко, потому что мы такъ хорошо знакомы. Чтобы не могло возникнуть потомъ никакихъ недоразумѣній, я писалъ объ этомъ фирмѣ, то есть, о томъ, что я во время торговыхъ переговоровъ познакомился съ управляющимъ, у котораго почти весь капиталъ въ акціяхъ завода, я требовалъ, чтобы фирма прислала кого-нибудь заключить вмѣсто меня это дѣло, и вотъ, какъ видите, пріѣдетъ мистеръ Лотеръ“.

Осторожно и умно. А съ тѣмъ вмѣстѣ, ясно показываетъ въ Бьюмонтѣ намѣреніе жениться на Катѣ: простое знакомство не было бы достаточною причиною принимать такую предосторожность.

XIV.

Два, три слѣдующія посѣщенія Бьюмонта начинались довольно холоднымъ пріемомъ со стороны Катерины Васильевны. Она стала, дѣйствительно, нѣсколько недовѣрять этому мало знакомому человѣку, высказавшему загадочное желаніе разузнавать о семействѣ, съ которымъ, по его словамъ, онъ не былъ знакомъ, и однако-же опасался познакомиться, по какой-то неувѣренности, что знакомство съ нимъ будетъ пріятно этому семейству. Но и

въ эти первыя посѣщенія, если Катерина Васильевна недовѣрчиво встрѣчала его, то скоро вовлеклась въ живой разговоръ съ нимъ. Въ прежней ея жизни, до знакомства съ нимъ и съ Кирсановымъ, ей не встрѣчались такіе люди. Онъ такъ сочувствовалъ всему, что ее интересовало, онъ такъ хорошо понималъ ее; даже съ любимыми подругами, впрочемъ, у ней собственно и была только одна подруга, Полина, которая ужь давно переселилась въ Москву, вышедши замужъ за московскаго фабриканта, даже съ Полиною она не говорила такъ легко, какъ съ нимъ.

И онъ,—онъ сначала пріѣзжалъ, очевидно, не для нея, а для того, чтобы узнать черезъ нее о Кирсановой; но съ самаго же начала знакомства, съ той минуты, какъ заговорили они о скукѣ и о средствахъ избѣгать скуки, видно было, что онъ уважаетъ ее, симпатизируетъ ей. При второмъ свиданіи, онъ былъ очень привлеченъ къ ней ея восторгомъ оттого, что нашла себѣ дѣло. Теперь, съ каждымъ новымъ свиданіемъ, его расположеніе къ ней было все виднѣе для нея. Очень скоро между ними установилась самая простая и теплая пріязнь, и черезъ недѣлю Катерина Васильевна уже разсказывала ему о Кирсановыхъ: она была увѣрена, что у этого человѣка не можетъ быть никакой неблагородной мысли.

Правда и то, что когда она заговорила о Кирсановыхъ, онъ остановилъ ее: „зачѣмъ такъ скоро? Вы слишкомъ мало меня знаете“. „Нѣтъ, достаточно, m-r Бьюмонтъ; я вижу, что если вы не хотѣли объяснить мнѣ того, что мнѣ казалось странно въ вашемъ желаніи, то, вѣроятно, вы не имѣли права говорить, мало ли бываетъ тайнъ“. А онъ сказалъ: „у меня, вы видите, ужь нѣтъ прежняго нетерпѣнія знать то, что мнѣ хочется знать о нихъ“.

XV.

Одушевленіе Катерины Васильевны продолжалось, не ослабѣвая, а только переходя въ постоянное, ужь обычное настроеніе духа, бодрое и живое, свѣтлое. И, сколько ей казалось, именно это одушевленіе всего больше привлекало къ ней Бьюмонта. А онъ ужь очень много думалъ о ней,—это было слишкомъ видно.

Послушавъ два, три раза ея разсказы о Кирсановыхъ, онъ въ четвертый разъ уже сказалъ: „я теперь знаю все, что мнѣ было нужно знать. Благодарю васъ“. „Да что-жь вы знаете? я вамъ только еще и говорила, что они очень любятъ другъ друга и совершенно счастливы своими отношеніями“. „Больше мнѣ и не нужно было ничего знать. Впрочемъ, это я всегда зналъ самъ“. И разговоръ перешелъ къ чему-то другому.

Конечно, первая мысль Катерины Васильевны была тогда, при первомъ его вопросѣ о Кирсановой, что онъ влюбленъ въ Вѣру Павловну. Но теперь было слишкомъ видно, что этого вовсе нѣтъ. Сколько теперь знала его Катерина Васильевна, она даже думала, что Бьюмонтъ и не способенъ быть влюбленнымъ. Любить онъ можетъ, это такъ. Но если теперь онъ любитъ кого нибудь, то „меня“, думала Катерина Васильевна.

XVI.

А впрочемъ, любили-ль они другъ друга? Начать хотя съ нея. Былъ одинъ случай, въ которомъ выказалась съ ея стороны заботливость о Бьюмонтѣ, но какъ же и кончился этотъ случай! вовсе не такъ, какъ слѣдовало бы ожидать по началу. Бьюмонтъ заѣзжалъ къ Полозовымъ рѣшительно каждый день, иногда на долго, иногда не надолго, но все-таки каждый день; на этомъ-то и была основана увѣренность Полозова, что онъ хочетъ сватать Катерину Васильевну; другихъ основаній для такой надежды не было. Но вотъ, однажды, прошелъ вечеръ, Бьюмонта нѣтъ. „Вы не знаете, папа, что съ нимъ?“—„Не слышалъ; вѣроятно, ничего, некогда было, только“. Прошелъ и этотъ вечеръ, Бьюмонтъ опять не пріѣзжалъ. На третье утро Катерина Васильевна собралась куда-то ѣхать. „Куда ты, Катя?“ — „Такъ, папа, по своимъ дѣламъ“. Она поѣхала къ Бьюмонту. Онъ сидѣлъ въ пальто съ широкими рукавами и читалъ; поднялъ глаза отъ книги, когда отворилась дверь. „Катерина Васильевна, это вы? очень радъ и благодаренъ вамъ“, тѣмъ самымъ тономъ, какимъ бы встрѣтилъ ея отца; впрочемъ, нѣтъ, гораздо привѣтливѣе.—„Что съ вами, m-r Бьюмонтъ, что вы такъ давно не были?—вы заставили меня тревожиться за васъ, и кромѣ того, заставили соскучиться“. — „Ничего особеннаго, Катерина Васильевна, какъ

видите, здоровъ. Да вы не выкушаете чаю? — видите, я пью". „Пожалуй; да что-жь вы столько дней не были?"—„Петръ, дайте стаканъ. Вы видите, что здоровъ; слѣдовательно, пустяки. Вотъ что: былъ на заводѣ съ мистеромъ Лотеромъ, да объясняя ему что-то, не остерегся, положилъ руки на винтъ, а онъ повернулся и оцарапалъ руку сквозь рукавъ. И нельзя было ни третьяго дня, ни вчера надѣть сюртука".—„Покажите, иначе я буду тревожиться, что это не царапина, а большое поврежденіе". — „Да какое же большое (входитъ Петръ со стаканомъ для Катерины Васильевны), когда я владѣю обѣими руками. А впрочемъ, извольте (отодвигаетъ рукавъ до локтя). „Петръ, выбросьте изъ этой пепельницы и дайте сигарочницу, она въ кабинетѣ на столѣ. Видите, пустяки: кромѣ англійскаго пластыря, ничего не понадобилось".—„Да, но все-таки есть опухоль и краснота".—„Вчера было гораздо больше, а къ завтрему ничего не будетъ". (Петръ, высыпавъ пепелъ и подавъ сигарочницу, уходитъ).—„Не хотѣлъ являться передъ вами раненымъ героемъ". — „Да написали бы, какъ же можно". — „Да вѣдь я тогда думалъ, что надѣну сюртукъ на другой день, то есть третьяго дня; а третьяго дня думалъ, что надѣну вчера, вчера — что нынѣ. Думалъ, не стоитъ тревожить васъ". — „Да, а больше встревожили. Это не хорошо, m-r Бьюмонтъ. А когда вы кончите дѣло съ этою покупкою?"— „Да, вѣроятно, на дняхъ, но все, знаете, проволочка не отъ насъ съ мистеромъ Лотеромъ, а отъ самого общества". — „А что это вы читали?"—„Новый романъ Теккерея. При такомъ талантѣ, и какъ исписался! оттого, что запасъ мыслей скуденъ". „Я ужь читала; дѣйствительно" и т. д., пожалѣли о паденіи Теккерея, поговорили съ полчаса о другихъ вещахъ въ томъ же родѣ. „Однако, мнѣ пора къ Вѣрѣ Павловнѣ, да когда же вы съ ними познакомитесь? очень хорошіе люди". — „А вотъ какъ-нибудь соберусь, попрошу васъ. Очень вамъ благодаренъ, что навѣстили меня. А это ваша лошадь?" — „Да, это моя".—„То-то вашъ батюшка никогда на ней не ѣздитъ. А порядочная лошадь". — „Кажется; я не знаю въ нихъ толку". — „Хорошая лошадь, сударь, рублей 350 стоитъ", сказалъ кучеръ.—„А сколько лѣтъ?"— „Шесть лѣтъ, сударь". — „Поѣдемъ, Захаръ; я усѣлась. До свиданья, m-r Бьюмонтъ. Нынѣ пріѣдете?" — „Едва ли; нѣтъ: — завтра, навѣрное".

XVII.

Такъ ли дѣлаются, такія ли бываютъ посѣщенія влюбленныхъ дѣвушекъ? Не говоря ужь о томъ, что ничего подобнаго никогда не позволитъ себѣ благовоспитанная дѣвушка, но если позволитъ, то ужь, конечно, выйдетъ изъ этого совсѣмъ не то. Если противенъ нравственности поступокъ, сдѣланный Катериною Васильевною, то еще противнѣе всякимъ общепринятымъ понятіямъ объ отношеніяхъ между мужчинами и дѣвушками содержаніе, такъ сказать, этого безнравственнаго поступка. Не ясно ли, что Катерина Васильевна и Бьюмонтъ были не люди, а рыбы, или если люди, то съ рыбьею кровью? Совершенно соотвѣтствовало этому свиданью и то, какъ она вообще обращалась съ нимъ, видя его у себя. „Устала говорить, m-r Бьюмонтъ, говорила она, когда онъ долго засиживался: — оставайтесь съ папа, а я уйду къ себѣ“, и уходила. Онъ иногда отвѣчалъ на это:—„посидите еще съ четверть часа, Катерина Васильевна“.—„Пожалуй“, отвѣчала она въ такихъ случаяхъ; а чаще, онъ отвѣчалъ:—„такъ до свиданья, Катерина Васильевна“.

Что это за люди такіе? желалъ бы я знать, и желалъ бы я знать, не просто ли они хорошіе люди, которымъ никто не мѣшаетъ видѣться, когда и сколько имъ угодно, которымъ никто не мѣшаетъ повѣнчаться, какъ только имъ вздумается, и которымъ поэтому не изъ-за чего бѣсноваться. Но все-таки меня смущаетъ ихъ холодное обращеніе между собою, и не столько за нихъ я стыжусь, сколько за себя: неужели судьба моя, какъ романиста, состоитъ въ томъ, чтобы компрометировать передъ благовоспитанными людьми всѣхъ моихъ героинь и героевъ? Одни изъ нихъ ѣдятъ и пьютъ; другіе не бѣсятся безъ причины: какіе неинтересные люди!

XVIII.

А между тѣмъ, по убѣжденію старика Полозова, дѣло шло къ свадьбѣ,—при такомъ обращеніи предполагаемой невѣсты съ предполагаемымъ женихомъ, шло къ свадьбѣ! И неужели онъ не

слышалъ разговоровъ? Правда, не вѣчно же вертѣлись у него передъ глазами дочь съ предполагаемымъ женихомъ; чаще, чѣмъ въ одной комнатѣ съ нимъ, они сидѣли или ходили въ другой комнатѣ или другихъ комнатахъ; но отъ этого не было никакой разницы въ ихъ разговорахъ. Эти разговоры могли бы въ комъ угодно изъ тонкихъ знатоковъ человѣческаго сердца (такого, какого не бываетъ у людей на самомъ дѣлѣ) отнять всякую надежду увидѣть Катерину Васильевну и Бьюмонта повѣнчавшимися. Не то, чтобъ они вовсе не говорили между собою о чувствахъ, нѣтъ, говорили, какъ и обо всемъ на свѣтѣ, но мало, и это бы еще ничего, что очень мало, но главное, что говорили, и какимъ тономъ! Тонъ былъ возмутителенъ своимъ спокойствіемъ, а содержаніе—ужасно своею крайнею несообразностью ни съ чѣмъ на свѣтѣ. Вотъ, напримѣръ, это было черезъ недѣлю, послѣ визита, за который „очень благодарилъ“ Бьюмонтъ Катерину Васильевну, мѣсяца черезъ два послѣ начала ихъ знакомства; продажа завода была покончена; мистеръ Лотеръ собирался уѣхать на другой день (и уѣхалъ; не ждите, что онъ произведетъ какую нибудь катастрофу; онъ, какъ слѣдуетъ негоціанту, сдѣлалъ коммерческую операцію, объявилъ Бьюмонту, что фирма назначаетъ его управляющимъ завода съ жалованьемъ въ 1000 фунтовъ, чего и слѣдовало ожидать, и больше ничего: какая жь ему надобность вмѣшиваться во что-нибудь, кромѣ коммерціи, сами разсудите), акціонеры, въ томъ числѣ и Полозовъ, завтра же должны были получить (и получили, опять не ждите никакой катастрофы: фирма Ходчсона, Лотера и К° очень солидная) половину денегъ наличными, а другую половину — векселями на 3-хъ мѣсячный срокъ. Полозовъ, въ удовольствіи отъ этого, сидѣлъ за столомъ въ гостиной и пересматривалъ денежныя бумаги, отчасти слушалъ и разговоръ дочери съ Бьюмонтомъ, когда они проходили черезъ гостиную: они ходили вдоль черезъ всѣ четыре комнаты квартиры, бывшія на улицу.

— Если женщина, дѣвушка затруднена предразсудками, говорилъ Бьюмонтъ (не дѣлая уже никакихъ ни англицизмовъ, ни американизмовъ), то и мужчина,—я говорю о порядочномъ человѣкѣ,—подвергается отъ этого большимъ неудобствамъ. Скажите, какъ жениться на дѣвушкѣ, которая не испытала простыхъ жи-

тейскихъ отношеній въ смыслѣ отношеній, которыя возникнутъ отъ ея согласія на предложеніе? Она не можетъ судить, будетъ ли ей нравиться будничная жизнь съ человѣкомъ такого характера, какъ ея женихъ.

— Но если, m-r Бьюмонтъ, ея отношенія къ этому человѣку и до его предложенія имѣли будничный характеръ, это все-таки представляетъ ей и ему нѣкоторую гарантію, что они останутся довольны другъ другомъ.

— Нѣкоторую—да; но все-таки было бы гораздо вѣрнѣе, еслибъ испытаніе было полнѣе и многостороннѣе. Она все-таки не знаетъ по опыту характера отношеній, въ которыя вступаетъ: отъ этого свадьба для нея все-таки страшный рискъ. Такъ для нея; но отъ этого и для порядочнаго человѣка, за котораго она выходитъ, то же. Онъ, вообще, можетъ судить, будетъ ли онъ доволенъ: онъ близко знаетъ женщинъ разнаго характера, онъ испыталъ, какой характеръ лучше для него. Она—нѣтъ.

— Но она могла наблюдать жизнь и характеры въ своемъ семействѣ, въ знакомыхъ семействахъ; она могла много думать.

— Все это прекрасно, но недостаточно. Ничто не можетъ замѣнить личнаго опыта.

— Вы хотите, чтобы замужъ выходили только вдовы? смѣясь сказала Катерина Васильевна.

— Вы выразились очень удачно. Только вдовы. Дѣвушкамъ должно быть запрещено выходить замужъ.

— Это правда, серьёзно сказала Катерина Васильевна.

Полозову сначала было дико слышать такіе разговоры или доли разговоровъ, выпадавшія на его слухъ. Но теперь онъ уже попривыкъ и думалъ:—„что-жь, я самъ человѣкъ безъ предразсудковъ. Я занялся торговлей, женился на купчихѣ“.

На другой день, эта часть разговора,—вѣдь это былъ лишь небольшой эпизодъ въ разговорѣ, шедшемъ вообще вовсе не о томъ, а обо всякихъ другихъ предметахъ,—эта часть вчерашняго разговора продолжалась такимъ образомъ:

— Вы разсказывали мнѣ исторію вашей любви къ Соловцову. Но что это такое? Это было...

— Сядемъ, если для васъ все равно. Я устала ходить.

— Хорошо... ребяческое чувство, которое не даетъ никакой гарантіи. Это годится для того, чтобы шутить, вспоминая, и

грустить, если хотите, потому что здѣсь есть очень прискорбная сторона. Вы спаслись только благодаря особенному, рѣдкому случаю, что дѣло попало въ руки такого человѣка, какъ Александръ.

— Кто?

— Матвѣичъ Кирсановъ, дополнилъ онъ, будто не останавливался на одномъ имени „Александръ“: — безъ Кирсанова, вы погибали отъ чахотки, или отъ негодяя. Можно было вывести изъ этого основательныя мысли о вредѣ положенія, которое занимали вы въ обществѣ. Вы ихъ и вывели. Все это прекрасно, но все это только сдѣлало васъ болѣе разсудительнымъ и хорошимъ человѣкомъ, а еще нисколько не дало вамъ опытности въ различеніи того, какого характера мужъ годится для васъ. Не негодяй, а честный человѣкъ — вотъ только, что могли вы узнать. Прекрасно. Но развѣ всякая порядочная женщина можетъ остаться довольна, какого бы характера ни былъ выбранный ею человѣкъ, лишь бы только былъ честный? Нужно болѣе точное знаніе характеровъ и отношеній, то есть, нужна совершенно другая опытность. Мы вчера рѣшили, что, по вашему выраженію, замужъ должны выходить только вдовы. Какая жь вы вдова? Все это было говорено Бьюмонтомъ съ какимъ то неудовольствіемъ, а послѣднія слова отзывались прямо досадою.

— Это правда, сказала нѣсколько уныло Катерина Васильевна: — но все-таки я не могла же обманывать.

— И не съумѣли бы, потому что нельзя поддѣлаться подъ опытность, когда не имѣешь ея.

— Вы все говорите о недостаточности средствъ у насъ, дѣвушекъ, дѣлать основательный выборъ. Вообще, это совершенная правда. Но бываютъ исключительные случаи, когда для основательности выбора и не нужно такой опытности. Если дѣвушка не такъ молода, она ужь можетъ хорошо знать свой характеръ. Напримѣръ, я свой характеръ знаю, и видно, что онъ ужъ не измѣнится. Мнѣ 22 года. Я знаю, что нужно для моего счастія: жить спокойно, чтобы мнѣ не мѣшали жить тихо, больше ничего.

— Это правда. Это видно.

— И будто такъ трудно видѣть, есть или нѣтъ необходимыя

для этого черты въ характерѣ того или другаго человѣка? Это видно изъ нѣсколькихъ разговоровъ.

— Это правда. Но вы сами сказали, что это исключительный случай. Правило не то.

— Конечно, правило не то. Но, m-r Бьюмонтъ, при условіяхъ нашей жизни, при нашихъ понятіяхъ и нравахъ, нельзя желать для дѣвушки того знанія будничныхъ отношеній, о которомъ мы говоримъ, что безъ него въ большей части случаевъ дѣвушка рискуетъ сдѣлать неосновательный выборъ. Ея положеніе безвыходно при нынѣшнихъ условіяхъ. При нихъ, пусть она будетъ входить въ какія угодно отношенія, это тоже почти ни въ какомъ случаѣ не можетъ дать ей опытности; пользы отъ этого ждать нельзя, а опасность огромная. Дѣвушка легко можетъ въ самомъ дѣлѣ унизиться, научиться дурному обману. Вѣдь она должна будетъ обманывать родныхъ и общество, скрываться отъ нихъ; а отъ этого не далекъ переходъ до обмановъ, дѣйствительно роняющихъ ея характеръ. Очень возможно даже то, что она въ самомъ дѣлѣ станетъ слишкомъ легко смотрѣть на жизнь. А если этого не будетъ, если она останется хороша, то ея сердце будетъ разбито. А между тѣмъ, она все-таки почти ничего не выиграетъ въ будничной опытности, потому что эти отношенія, такія опасныя для ея характера или такія мучительныя для ея сердца, все-таки эффектныя, праздничныя, а не будничныя. Вы видите, что этого никакъ нельзя совѣтовать при нашей жизни.

— Конечно, Катерина Васильевна; но именно потому и дурна наша жизнь.

— Разумѣется, мы въ этомъ согласны.

Что это такое? Не говоря ужь о томъ, что это, чортъ знаетъ, что такое со стороны общихъ понятій, но какой смыслъ это имѣло въ личныхъ отношеніяхъ? Мужчина говоритъ: „я сомнѣваюсь, будете ли вы хорошею женою мнѣ“. А дѣвушка отвѣчаетъ: „нѣтъ, пожалуйста, сдѣлайте мнѣ предложеніе“.—Удивительная наглость! или можетъ быть, это не то? Можетъ быть, мужчина говоритъ: „о томъ, что я съ вами буду счастливъ, нечего мнѣ разсуждать; но будьте осторожны, даже выбирая меня. Вы выбрали,—но я прошу васъ думайте, думайте еще. Это дѣло слишкомъ важное. Даже и мнѣ, хоть я васъ очень люблю, не довѣряйтесь безъ очень строгаго и внимательнаго разбора“. И

можетъ быть, дѣвушка отвѣчаетъ:—„другъ мой, я вижу, что вы думаете не о себѣ, а обо мнѣ. Ваша правда, мы жалкія, насъ обманываютъ, насъ водятъ съ завязанными глазами, чтобы мы обманывались. Но за меня вы не бойтесь: *меня вы* не обманываете. Мое счастье вѣрно. Какъ вы спокойны за себя, такъ и я за себя".

— Я одному удивляюсь, продолжалъ Бьюмонтъ на слѣдующій день (они опять ходили вдоль по комнатамъ, изъ которыхъ въ одной сидѣлъ Полозовъ):—я одному удивляюсь, что при такихъ условіяхъ еще бываютъ счастливые браки.

— Вы говорите такимъ тономъ, будто досадуете на то, что бываютъ счастливые браки, смѣясь отвѣчала Катерина Васильевна; она теперь, какъ замѣтно, часто смѣется, такимъ тихимъ, но веселымъ смѣхомъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, они могутъ наводить на грустныя мысли, вотъ какія: если при такихъ ничтожныхъ средствахъ судить о своихъ потребностяхъ и о характерахъ мужчинъ, дѣвушки все-таки довольно часто умѣютъ дѣлать удачный выборъ, то какую же свѣтлость и здравость женскаго ума показываетъ это! Какимъ вѣрнымъ, сильнымъ, проницательнымъ умомъ одарена женщина отъ природы! И этотъ умъ остается безъ пользы для общества, оно отвергаетъ его, оно подавляетъ его, оно задушаетъ его, а исторія человѣчества пошла бы въ десять разъ быстрѣе, если-бы этотъ умъ не былъ отвергаемъ и убиваемъ, а дѣйствовалъ бы.

— Вы панегиристъ женщинъ, m-r Бьюмонтъ; нельзя ли объяснять это проще,—случаемъ?

— Случай! сколько хотите случаевъ объясняйте случаемъ; но когда случаи многочисленны, вы знаете, кромѣ случайности, которая производитъ часть ихъ, должна быть и какая-нибудь общая причина, отъ которой происходитъ другая часть. Здѣсь нельзя предположить никакой другой общей причины, кромѣ моего объясненія: здравость выбора отъ силы и проницательности ума.

— Вы рѣшительно мистриссъ Бичеръ-Стоу по женскому вопросу, m-r Бьюмонтъ. Та доказываетъ, что негры—самое даровитое изъ всѣхъ племенъ, что они выше бѣлой расы по умственнымъ способностямъ.

— Вы шутите, а я вовсе нѣтъ

— Вы, кажется, сердитесь на меня за то, что я не преклоняюсь передъ женщиною? Но примите въ извиненіе хотя трудность стать на колѣни передъ самой собою.

— Вы шутите, а я серьезно досадую.

— Но не на меня же? Я нисколько не виновата въ томъ, что женщины и дѣвушки не могутъ дѣлать того, что нужно по вашему мнѣнію. Впрочемъ, если хотите, и я скажу вамъ свое серьезное мнѣніе,—только не о женскомъ вопросѣ, я не хочу быть судьею въ своемъ дѣлѣ, а собственно о васъ, m-r Бьюмонтъ. Вы человѣкъ очень сдержаннаго характера, и вы горячитесь, когда говорите объ этомъ. Что изъ этого слѣдуетъ? То, что у васъ должны быть какія-нибудь личныя отношенія къ этому вопросу. Вѣроятно, вы пострадали отъ какой-нибудь ошибки въ выборѣ, сдѣланной дѣвушкою, какъ вы называете, неопытною.

— Можетъ быть, я, можетъ быть, кто нибудь другой, близкій ко мнѣ. Однако, подумайте, Катерина Васильевна. А это я скажу, когда получу отъ васъ отвѣтъ. Я черезъ три дня попрошу у васъ отвѣтъ.

— На вопросъ, который не былъ предложенъ? Но развѣ я такъ мало знаю васъ, чтобы мнѣ нужно было думать три дня? Катерина Васильевна остановилась, положила руку на шею Бьюмонту, нагнула его голову къ себѣ и поцаловала его въ лобъ.

По всѣмъ бывшимъ примѣрамъ, и даже по требованію самой вѣжливости, Бьюмонту слѣдовало бы обнять ее и поцаловать уже въ губы; но онъ не сдѣлалъ этого, а только пожалъ ея руку, опускавшуюся съ его головы. „Такъ, Катерина Васильевна; но все-таки, подумайте“. И они опять пошли.

— Но кто жь вамъ сказалъ, Чарли, что я не думала объ этомъ гораздо больше трехъ дней? отвѣчала она, не выпуская его руки.

— Такъ, конечно, я это видѣлъ; но все-таки, я вамъ скажу теперь,—это уже секретъ; пойдемъ въ ту комнату и сядемъ тамъ, чтобъ онъ не слышалъ.

Конецъ этого начала происходилъ, когда они шли мимо старика; старикъ видѣлъ, что они идутъ подъ руку, чего никогда не бывало, и подумалъ:—„просилъ руки, и она дала слово. Хорошо“.

— Говорите вашъ секретъ, Чарли; отсюда папа не будетъ слышно.

— Это кажется смѣшно, Катерина Васильевна, что я будто все боюсь за васъ; конечно, бояться нечего. Но вы поймите, почему я такъ предостерегаю васъ, когда я вамъ скажу, что у меня былъ примѣръ. Конечно, вы увидите, что мы съ вами можемъ жить. Но ея мнѣ было жаль. Столько страдала, и столько лѣтъ была лишена жизни, какая ей была нужна. Это жалко. Я видѣлъ своими глазами. Гдѣ это было, все равно, положимъ, въ Нью-Йоркѣ, въ Бостонѣ, Филадельфіи,—вы знаете, все равно; она была очень хорошая женщина и считала мужа очень хорошимъ человѣкомъ. Они были чрезвычайно привязаны другъ къ другу. И однакожь, ей пришлось много страдать. Онъ былъ готовъ отдать голову за малѣйшее увеличеніе ея счастья. И все-таки она не могла быть счастлива съ нимъ. Хорошо, что это такъ кончилось. Но это было тяжело для нея. Вы этого не знали, потому я еще не имѣю вашего отвѣта.

— Я могла отъ кого-нибудь слышать этотъ разсказъ?

— Можетъ быть.

— Можетъ быть, отъ нея самой?

— Можетъ быть.

— Я еще не давала тебѣ отвѣта?

— Нѣтъ.

— Ты знаешь его?

— Знаю, сказалъ Бьюмонтъ, и началась обыкновенная сцена, какой слѣдуетъ быть между женихомъ и невѣстою, съ объятіями.

XIX.

На другой день, часа въ три, Катерина Васильевна пріѣхала къ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Я вѣнчаюсь послѣ завтра, Вѣра Павловна, сказала она входя:—и нынѣ вечеромъ привезу къ вамъ своего жениха.

— Конечно, Бьюмонта, отъ котораго вы такъ давно сошли съ ума?

— Я? сходила съ ума? Когда все это было такъ тихо и благоразумно.

— Очень вѣрю, что съ нимъ вы говорили тихо и благоразумно; но со мною—вовсе нѣтъ.

— Будто? это любопытно. Но вотъ что еще любопытнѣе: онъ очень любитъ васъ, васъ обоихъ, но васъ, Вѣра Павловна, еще гораздо больше, чѣмъ Александра Матвѣича.

— Что-жь тутъ любопытнаго? если вы говорили ему обо мнѣ хоть съ тысячною долей того восторга, какъ мнѣ о немъ, то конечно...

— Вы думаете, онъ знаетъ васъ черезъ меня? Вотъ въ томъ и дѣло, что не черезъ меня, а самъ, и гораздо больше, чѣмъ я.

— Вотъ новость! какъ же это?

— Какъ? Я вамъ сейчасъ скажу. Онъ съ самаго перваго дня, какъ пріѣхалъ въ Петербургъ, очень сильно желалъ увидѣться съ вами; но ему казалось, что лучше будетъ, если онъ отложитъ знакомство до той поры, когда пріѣдетъ къ вамъ не одинъ, а съ невѣстою или женою. Ему казалось, что вамъ пріятнѣе будетъ видѣть его съ нею, нежели одного. Вы видите, что наша свадьба произошла изъ желанія познакомиться съ вами.

— Жениться на васъ, чтобы познакомиться со мною!

— На мнѣ! кто жь говорилъ, что на мнѣ онъ женится для васъ? О, нѣтъ, мы съ нимъ вѣнчаемся, конечно не изъ любви къ вамъ. Но развѣ мы съ нимъ знали другъ о другѣ, что мы существуемъ на свѣтѣ, когда онъ ѣхалъ въ Петербургъ? А еслибъ онъ не пріѣхалъ, какъ же мы съ нимъ познакомились бы? А въ Петербургъ онъ ѣхалъ для васъ. Какая жь вы смѣшная!

— Онъ лучше говоритъ по русски, нежели по англійски, говорили вы? съ волненіемъ спросила Вѣра Павловна.

— По русски, какъ я; и по англійски, какъ я.

— Другъ мой, Катенька, какъ же я рада! Вѣра Павловна бросилась обнимать свою гостью. — Саша, иди сюда! Скорѣе, скорѣе!

— Что, Вѣрочка? Здрайствуйте, Катерина Ва....

Онъ не успѣлъ договорить ея имени,—гостья ужь цѣловала его.

— Нынѣ Пасха, Саша; говори же Катенькѣ: воистину воскресе.

— Да что-жь это?

— Садись, она разскажетъ: я и сама еще ничего не знаю порядкомъ. Довольно, нацаловались, — и при мнѣ! Разсказывай, Катенька.

XX.

Вечеромъ, конечно, было еще больше гвалта. Но когда возстановился порядокъ, Бьюмонтъ, по требованію своихъ новыхъ знакомыхъ разсказывая свою жизнь, началъ прямо съ пріѣзда въ Соединенные Штаты. „Какъ только я пріѣхалъ, говорилъ онъ, я сталъ заботиться о томъ, чтобы поскорѣе получить натурализацію. Для этого, надобно было сойтись съ кѣмъ-нибудь,— съ кѣмъ же? конечно съ аболиціонистами. Я написалъ нѣсколько статей въ Tribune о вліяніи крѣпостного права на все общественное устройство Россіи. Это былъ недурной новый аргументъ аболиціонистамъ противъ невольничества въ южныхъ штатахъ, и я сдѣлался гражданиномъ Массачусетса. Вскорѣ по пріѣздѣ, я все черезъ нихъ же, получилъ мѣсто въ конторѣ одного изъ немногихъ большихъ торговыхъ домовъ ихъ партіи въ Нью-Йоркѣ“, далѣе шла та самая исторія, которую мы ужь знаемъ. Значитъ, по крайней мѣрѣ, эта часть біографіи Бьюмонта не подлежитъ сомнѣнію.

XXI.

Въ тотъ же вечеръ условились: обоимъ семействамъ искать квартиръ, которыя были бы рядомъ. Въ ожиданіи того, пока удобныя квартиры отыскались и устроились, Бьюмонты прожили на заводѣ гдѣ, по распоряженію фирмы, была отдѣлана квартира для управляющаго. Это удаленіе за городъ могло считаться соотвѣтствующимъ путешествію, въ которое отправляются молодые по прекрасному англійскому обычаю, распространяющемуся теперь во всей Европѣ.

Когда, мѣсяца черезъ полтора, двѣ удобныя квартиры рядомъ нашлись, и Кирсановы поселились на одной, Бьюмонты на другой, старикъ Полозовъ предпочелъ остаться на заводской квартирѣ, просторъ которой напоминаетъ ему, хотя въ слабой сте-

пени, прежнее его величіе. Пріятно было остаться ему тамъ и потому, что онъ тамъ былъ почетнѣйшимъ лицомъ на три, четыре версты кругомъ: нѣтъ числа признакамъ уваженія, которыми онъ пользовался у своихъ и окрестныхъ приказчиковъ, артельщиковъ и прочей подгородной братіи, менѣе высокой и нѣсколько болѣе высокой заводскихъ и фабричныхъ приказчиковъ по положенію въ обществѣ; и почти нѣтъ мѣры удовольствію, съ какимъ онъ патріархально принималъ эти признаки общаго признаванія его первымъ лицомъ того околодка. Зять почти каждый день поутру пріѣзжалъ на заводъ, почти каждый день пріѣзжала съ мужемъ дочь. На лѣто, они и вовсе переселялись (и переселяются) жить на заводѣ, замѣняющемъ дачу. А въ остальное время года, старикъ, кромѣ того, что принимаетъ по утрамъ дочь и зятя (который такъ и остается сѣверо-амереканцемъ), часто, каждую недѣлю и чаще, имѣетъ наслажденіе принимать у себя гостей, пріѣзжающихъ на вечеръ съ Катериною Васильевною и ея мужемъ,—иногда только Кирсановыхъ, съ нѣсколькими молодыми людьми,—иногда общество болѣе многочисленное: заводъ служитъ обыкновенно цѣлью частныхъ загородныхъ прогулокъ Кирсановскаго и Бьюмонтскаго кружка. Полозовъ очень доволенъ каждымъ такимъ нашествіемъ гостей, да и какъ же иначе? ему принадлежитъ роль хозяина, не лишенная патріархальной почтенности.

XXII.

Каждое изъ двухъ семействъ живетъ по своему, какъ больше нравится которому. Въ обыкновенные дни, на одной половинѣ больше шума, на другой больше тишины. Видятся какъ родные, иной день и не десять разъ, но каждый разъ на одну, на двѣ минуты; иной день, почти цѣлый день одна изъ половинъ пуста, ея населеніе на другой половинѣ. Это все, какъ случится. И когда бываютъ сборища гостей, опять тоже, какъ случится: иногда двери между квартирами остаются заперты, потому что двери, соединяющія залъ одной съ гостиною другой, вообще заперты, а постоянно отперта только дверь между комнатою Вѣры Павловны и Катерины Васильевны,—и такъ, иногда двери, которыми соединяются пріемныя комнаты, остаются заперты; это, когда

компанія не велика. А когда вечеръ многолюденъ, эти двери отворяются, и тогда ужь гостямъ неизвѣстно, у кого они въ гостяхъ, у Вѣры Павловны, или у Катерины Васильевны; да и хозяйки плохо разбираютъ это. Можно развѣ сдѣлать такое различіе: молодежь, когда сидитъ, то сидитъ болѣе на половинѣ Катерины Васильевны, когда не сидитъ, то болѣе на половинѣ Вѣры Павловны. Но вѣдь молодежь нельзя считать за гостей,— это свои люди, и Вѣра Павловна безъ церемоніи гоняетъ ихъ къ Катеринѣ Васильевнѣ: „мнѣ вы надоѣли, господа; ступайте къ Катенькѣ, ей вы никогда не надоѣдите". „И отчего вы съ ней смирнѣе, чѣмъ со мной? Кажется, я постарше". „И не безпокойтесь, мы больше любимъ ее, чѣмъ васъ". „Катенька, за что они больше любятъ тебя, чѣмъ меня?" „Отъ меня меньше достается имъ, чѣмъ отъ тебя". „Да, Катерина Васильевна обращается съ нами, какъ съ людьми солидными, и мы сами за то солидны съ ней". Не дуренъ былъ эффектъ выдумки, которая повторялась довольно часто въ прошлую зиму въ домашнемъ кругу, когда собиралась только одна молодежь и самые близкіе знакомые: оба рояля съ обѣихъ половинъ сдвигались вмѣстѣ; молодежь бросала жребій и раздѣлялась на два хора, заставляла своихъ покровительницъ сѣсть одну за одинъ, другую за другой рояль, лицомъ одна прямо противъ другой; каждый хоръ становился за своею примадонною, и въ одно время пѣли, Вѣра Павловна съ своимъ хоромъ: „La donna e mobile", а Катерина Васильевна съ своимъ хоромъ „Давно отвергнутый тобою", или, Вѣра Павловна, съ своимъ хоромъ, какую нибудь пѣсню Лизетты изъ Беранже, а Катерина Васильевна, съ своимъ хоромъ, „Пѣсню Еремушкѣ". Въ нынѣшнюю зиму, вошло въ моду другое: бывшія примадонны общими силами передѣлали на свои нравы „Споръ двухъ греческихъ философовъ объ изящномъ"; начинается такъ: Катерина Васильевна, взводя глаза къ небу и томно вздыхая, говоритъ: „Божественный Шиллеръ, упоеніе души моей!" Вѣра Павловна съ достоинствомъ возражаетъ: „Но прюнелевые ботинки магазина Королева такъ же прекрасны",—и подвигаетъ впередъ ногу. Кто изъ молодежи засмѣется при этомъ состязаніи, ставится въ уголъ; подъ конецъ состязанія, изъ 10, 12 человѣкъ остаются только двое, трое, слушающіе не изъ угловъ. Но непомѣрный восторгъ производится тѣмъ, когда обманомъ

приведутъ къ этой сценѣ Бьюмонта и отправляютъ его въ уголъ.

Что еще? Швейныя, продолжая сживаться, продолжаютъ существовать; ихъ теперь ужь три; Катерина Васильевна давно устроила свою, теперь много замѣняетъ Вѣру Павловну въ ея швейной, а скоро и вовсе должна будетъ замѣнить, потому что въ нынѣшнемъ году Вѣра Павловна, — простите ее, — дѣйствительно будетъ держать экзаменъ на медика, и тогда ей ужь вовсе некогда будетъ заниматься швейною. „Жаль, что нѣтъ возможности развиваться этимъ швейнымъ: какъ онѣ стали бы развиваться“, говоритъ иногда Вѣра Павловна. Катерина Васильевна ничего не отвѣчаетъ на это, только въ глазахъ ея сверкаетъ злое выраженіе. „Какая ты горячая, Катя; ты хуже меня, говоритъ Вѣра Павловна. А хорошо, что у твоего отца все-таки что нибудь есть; это очень хорошо“. „Да, Вѣрочка, это хорошо; все-таки спокойнѣе за сына“, (слѣдовательно, у нея есть сынъ). „Впрочемъ, Катя, ты меня заставила, не знаю, о чемъ думать. Мы проживемъ тихо и спокойно“. Катерина Васильевна молчитъ.—„Да, Катя, ну, для меня скажи: да“. Катерина Васильевна смѣется. „Это не зависитъ отъ моего „да“ или „нѣтъ“, а потому, въ удовольствіе тебѣ скажу: да, мы проживемъ спокойно“.

И въ самомъ дѣлѣ, они всѣ живутъ спокойно. Живутъ ладно и дружно, и тихо и шумно, и весело и дѣльно. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мой разсказъ о нихъ былъ конченъ, нѣтъ. Они всѣ четверо еще люди молодые, дѣятельные; и если ихъ жизнь устроилась ладно и дружно, хорошо и прочно, то отъ этого она нимало не перестала быть интересною, далеко нѣтъ, и я еще имѣю разсказать о нихъ много, и ручаюсь, что продолженіе моего разсказа о нихъ будетъ гораздо любопытнѣе того, что я разсказывалъ о нихъ до сихъ поръ.

XXIII.

Они живутъ весело и дружно, работаютъ и отдыхаютъ, и наслаждаются жизнью, и смотрятъ на будущее, если не безъ заботъ, то съ твердою и совершенно основательной увѣренностью, что чѣмъ дальше, тѣмъ лучше будетъ. Такъ прошло у нихъ время третьяго года и прошлаго года, такъ идетъ у нихъ и

нынѣшній годъ, и зима нынѣшняго года ужь почти проходила, снѣгъ начиналъ таять, и Вѣра Павловна спрашивала: „да будетъ ли еще хоть одинъ морозный день, чтобы хоть еще разъ устроить зимній пикникъ?“ и никто не могъ отвѣчать на ея вопросъ, только день проходилъ за днемъ, все съ оттепелью, и съ каждымъ днемъ вѣроятность зимняго пикника уменьшалась. Но вотъ, наконецъ! когда ужь была потеряна надежда, выпалъ снѣгъ, совершенно зимній, и не съ оттепелью, а съ хорошенькимъ, легкимъ морозомъ; небо свѣтлое, вечеръ будетъ отличный— пикникъ, пикникъ! на скоро, собирать другихъ некогда, — маленькій безъ приглашеній.

Вечеромъ покатились двое саней. Одни сани катились съ болтовней и шутками; но другія сани были ужь изъ рукъ вонъ: только выѣхали за городъ, запѣли во весь голосъ, и что запѣли!

. . . . . .

Выходила молода
За новыя ворота,
За новыя кленовыя,
За рѣшетчатыя:
— „Родный батюшка грозенъ
„И немилостивъ ко мнѣ:
„Не велитъ поздно гулять,
„Съ холостымъ парнемъ играть.
„Я не слушаю отца,
„Распотѣшу молодца...“

. . . . . .

Нечего сказать, отыскали пѣсню! Да это ли только? то ѣдутъ шагомъ, отстаютъ на четверть версты, и вдругъ пускаются въ-скачь, обгоняютъ съ крикомъ и гиканьемъ, и когда обгоняютъ, бросаютъ снѣжками въ веселыя, но не буйныя сани. Небуйныя сани, послѣ двухъ, трехъ такихъ обидъ, рѣшились защищаться. Пропустивши впередъ буйныя сани, нахватали сами пригоршни молодого снѣга, осторожно нахватали, такъ что буйныя сани не замѣтили. Вотъ буйныя сани опять поѣхали шагомъ, отстали, а не буйныя сани ѣдутъ коварно, не показали, обгоняя, никакого вида, что запаслись оружіемъ; вотъ буйныя сани опять несутся на нихъ съ гвалтомъ и гиканьемъ, не буйныя сани приготови-

лись дать отличный отпоръ сюрпризомъ, но что это? буйныя сани берутъ вправо, черезъ канавку, имъ все нипочемъ, — проносятся мимо въ пяти саженяхъ: „да, это она догадалась, схватила возжи сама, стоитъ и правитъ“, говорятъ небуйныя сани: — „нѣтъ, нѣтъ, догонимъ! отмстимъ!“ Отчаянная скачка Догонятъ или не догонятъ? — „Догонимъ!“ съ восторгомъ говорятъ небуйныя сани, — „нѣтъ“, съ отчаяніемъ говорятъ они, „догонимъ“, съ новымъ восторгомъ. — „Догонятъ!“ съ отчаяніемъ говорятъ буйныя сани, „не догонятъ!“ съ восторгомъ говорятъ они.—Догонятъ или не догонятъ?

На небуйныхъ саняхъ сидѣли Кирсановы и Бьюмонты; на буйныхъ четыре человѣка молодежи и одна дама, и отъ нея-то все буйство буйныхъ саней.

— Здравствуйте, mesdames и messieurs, мы очень, очень рады снова видѣть васъ, говоритъ она съ площадки заводскаго подъѣзда:—господа, помогите же дамамъ выйти изъ саней, прибавляетъ она, обращаясь къ своимъ путникамъ.

Скорѣе, скорѣе въ комнаты! морозъ нарумянилъ всѣхъ!

— Здравствуйте, старикашка! да онъ у васъ вовсе еще не старикъ! Катерина Васильевна, что это вы наговорили мнѣ про него, будто онъ старикъ? онъ еще будетъ волочиться за мною. Будете, милый старикашка? говоритъ дама буйныхъ саней.

— Буду, говоритъ Полозовъ, уже очарованный тѣмъ, что она ласково погладила его сѣдые бакенбарды.

— Дѣти, позволяете ему волочиться за мною?

— Позволяемъ, говоритъ одинъ изъ молодежи.—Нѣтъ, нѣтъ! говорятъ трое другихъ.

Но что-жь это дама буйныхъ саней вся въ черномъ? Трауръ это, или капризъ?

— Однако, я устала, говоритъ она и бросается на турецкій диванъ, идущій во всю длину одной стѣны зала.—Дѣти, больше подушекъ! да не мнѣ одной! и другія дамы, я думаю устали.

— Да, вы и насъ измучили, говоритъ Катерина Васильевна.

— Какъ меня разбила скачка за вами по ухабамъ! говоритъ Вѣра Павловна.

— Хорошо, что до завода оставалась только одна верста: говоритъ Катерина Васильевна.

Обѣ опускаются на диванъ и подушки въ изнеможеніи.

— Вы недогадливыя! да вы вѣрно мало ѣздили въ-скачь? Вы бы встали, какъ я; тогда ухабы—ничего.

— Даже и мы порядочно устали, говоритъ за себя и за Бьюмонта Кирсановъ. Они садятся подлѣ своихъ женъ. Кирсановъ обнялъ Вѣру Павловну; Бьюмонтъ взялъ руку Катерины Васильевны. Идиллическая картина. Пріятно видѣть счастливые браки. Но по лицу дамы въ траурѣ пробѣжала тѣнь, на одинъ мигъ, такъ что никто не замѣтилъ, кромѣ одного изъ ея молодыхъ спутниковъ; онъ отошелъ къ окну и сталъ всматриваться въ арабески, слегка набросанные морозомъ на стеклѣ.

— Mesdames, ваши исторіи очень любопытны, но я ничего хорошенько не слышала, знаю только, что онѣ и трогательны, и забавны, и кончаются счастливо, я люблю это. А гдѣ же старикашка?

— Онъ хозяйничаетъ, приготовляетъ закуску; это его всегда занимаетъ, сказала Катерина Васильевна.

— Ну, Богъ съ нимъ въ такомъ случаѣ. Разскажите же, пожалуйста. Только коротко; я люблю, чтобы разсказывали коротко.

— Я буду разсказывать очень коротко, сказала Вѣра Павловна: начинается съ меня; когда дойдетъ очередь до другихъ, пусть они разсказываютъ. Но я предупреждаю васъ, въ концѣ моей исторіи есть секреты.

— Что-жь, тогда, мы прогонимъ этихъ господъ. Или, не прогнать ли ихъ теперь же?

— Нѣтъ, теперь они могутъ слушать.

Вѣра Павловна начала свою исторію.

. . . . . .

— Ха, ха, ха! Эта милая Жюли! Я ее очень люблю! И бросается на колѣна, и бранится, и держитъ себя безъ всякаго приличія! Милая!

. . . . . .

— Браво, Вѣра Павловна! „брошусь въ окно!“ браво, господа! дама въ траурѣ захлопала въ ладоши. По этой командѣ, молодежь оглушительно зааплодировала и закричала „браво“ и „ура“.

. . . . . .

— Что съ вами? Что съ вами? съ испугомъ сказала Катерина Васильевна черезъ двѣ, три минуты.

— Нѣтъ, ничего, это такъ; дайте воды, не безпокойтесь, Мосоловъ ужь несетъ. Благодарю, Мосоловъ; она взяла воду, принесенную тѣмъ молодымъ ея спутникомъ, который прежде отходилъ къ окну:—видите, какъ я его выучила, все впередъ знаетъ. Теперь совершенно прошло. Продолжайте, пожалуйста; я слушаю.

— Нѣтъ, я устала, сказала она минутъ черезъ пять, спокойно вставая съ дивана. — Мнѣ надобно отдохнуть, уснуть часъ, полтора. Видите, я безъ церемоніи, ухожу. Пойдемъ же, Мосоловъ, искать старикашку, онъ насъ уложитъ.

— Позвольте, отчего жь мнѣ не заняться этимъ? сказала Катерина Васильевна.

— Стоитъ ли безпокоиться?

— Вы насъ покидаете?—сказалъ одинъ изъ молодежи, принимая трагическую позу:—если-бы мы предвидѣли это, мы взяли бы съ собою кинжалы. А теперь намъ нечѣмъ заколоться.

— Подадутъ закуску, заколемся вилками! съ восторгомъ неожиданнаго спасенія произнесъ другой.

— О, нѣтъ, я не хочу, чтобы преждевременно погибала надежда отечества, съ такою же торжественностью произнесла дама въ траурѣ:—утѣшьтесь, дѣти мои. Мосоловъ, подушку, которая поменьше, на столъ! Мосоловъ положилъ подушку на столъ. Дама въ траурѣ стала у стола въ величественной позѣ и медленно опустила руку на подушку.

Молодежь приложилась къ рукѣ.

Катерина Васильевна пошла укладывать уставшую гостью.

— Бѣдная! проговорили въ одинъ голосъ, когда онѣ ушли изъ зала, всѣ трое остальные, бывшіе въ небуйныхъ саняхъ.

— Молодецъ она! проговорили трое молодыхъ людей.

— То-то жь! самодовольно сказалъ Мосоловъ.

— Ты давно съ нею знакомъ?

— Года три.

— А его хорошо знаешь?

— Хорошо. Вы не безпокойтесь, пожалуйста, прибавилъ онъ, обращаясь къ ѣхавшимъ на небуйныхъ саняхъ:—это только отъ того, что она устала.

Вѣра Павловна сомнительно переглянулась съ мужемъ и Бьюмонтомъ и покачала головой.

— Разсказывайте! устала! сказалъ Кирсановъ.

— Увѣряю васъ. Устала, только. Уснетъ, и все пройдетъ, равнодушно-успокоительнымъ тономъ повторилъ Мосоловъ.

Минутъ черезъ десять Катерина Васильевна возвратилась.

— Что? спросили шесть голосовъ. Мосоловъ не спрашивалъ.

— Легла спать и ужь задремала, теперь, вѣроятно, уже спитъ.

— Вѣдь я жь вамъ говорилъ, сказалъ Мосоловъ.—Пустяки.

— Все-таки бѣдная! сказала Катерина Васильевна.—Будемъ при ней врознь. Мы съ тобою, Вѣрочка, а Чарли съ Сашею.

— Но все-таки это нисколько не должно стѣснять насъ, сказалъ Мосоловъ:—мы можемъ пѣть, танцовать, кричать; она, спитъ очень крѣпко.

Если спитъ, если пустяки, то что жь, въ самомъ дѣлѣ? Разстраивающее впечатлѣніе, на четверть часа произведенное дамою въ траурѣ, прошло, исчезло, забылось,—не совсѣмъ, но почти. Вечеръ безъ нея понемножку направлялся, направлялся на путь всѣхъ прежнихъ вечеровъ въ этомъ родѣ и вовсе направился, пошелъ весело.

Весело, но не вполнѣ. По крайней мѣрѣ, дамы разъ пять шесть переглядывались между собою съ тяжелою встревоженностью. Раза два Вѣра Павловна украдкою шепнула мужу: „Саша, что, если случится со мною?“ Кирсановъ въ первый разъ не нашелся, что сказать; во второй нашелся: „Нѣтъ, Вѣрочка, съ тобою этого не можетъ случиться“. „Не можетъ? Ты увѣренъ?„—„Да“. И Катерина Васильевна раза два шепнула украдкою мужу: „со мной этого не можетъ быть, Чарли?“ Въ первый разъ Бьюмонтъ только улыбнулся, не весело и не успокоительно; во второй тоже нашелся: „по всей вѣроятности, не можетъ; по всей вѣроятности“.

Но это были только мимолетные отголоски, да и то лишь сначала. А вообще, вечеръ шелъ весело, черезъ полчаса ужь и вовсе весело. Болтали, играли, пѣли. Она спитъ крѣпко, увѣряетъ Мосоловъ и подаетъ примѣръ. Да и нельзя помѣшать, въ

самомъ дѣлѣ: комната, въ которой она улеглась, очень далеко отъ зала, черезъ три комнаты, корридоръ, лѣстницу и потомъ опять комнату, на совершенно другой половинѣ квартиры.

И такъ, вечеръ совершенно поправился.

Молодежь, по обыкновенію, то присоединялась къ остальнымъ, то отдѣлялась, то вся, то не вся; раза два отдѣлялся къ ней Бьюмонтъ; раза два отбивала ее всю отъ него и отъ серьёзнаго разговора Вѣра Павловна.

Болтали много, очень много; и разсуждали всей кампаніею, но не очень много.

Сидѣли всѣ вмѣстѣ.

— Ну, что-жь однако въ результатѣ: хорошо или дурно? спросилъ тотъ изъ молодежи, который принималъ трагическую позу.

— Болѣе дурно, чѣмъ хорошо, сказала Вѣра Павловна.

— Почему жь, Вѣрочка? сказала Катерина Васильевна.

— Во всякомъ случаѣ, безъ этого жизнь не обходится, сказалъ Бьюмонтъ.

— Вещь неизбѣжная, подтвердилъ Кирсановъ.

Отлично дурно, слѣдовательно отлично, рѣшилъ спрашивавшій.

Остальные трое его товарищей кивнули головами и сказали: „браво, Никитинъ“.

Молодежь сидѣла въ сторонѣ.

— Я его не зналъ, Никитинъ; а ты, кажется, зналъ? спросилъ Мосоловъ.

— Я тогда былъ мальчишкою. Видалъ.

А какъ теперь тебѣ кажется, по воспоминанью, правду они говорятъ? не прикрашиваютъ по дружбѣ?

— Нѣтъ.

— И послѣ того, его не видѣли?

— Нѣтъ. Впрочемъ, вѣдь Бьюмонтъ тогда былъ въ Америкѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Карлъ Яковличъ, пожалуйста, на минуту. Вы не встрѣчались въ Америкѣ съ тѣмъ русскимъ, о которомъ они говорили?

— Нѣтъ.

— Пора бы ему вернуться.

— Да.

— Какая фантазія пришла мнѣ въ голову, сказалъ Никитинъ:—вотъ бы пара съ нею.

— Господа, идите кто-нибудь пѣть со мною, сказала Вѣра Павловна:—даже двое охотниковъ? Тѣмъ лучше.

Остались Мосоловъ и Никитинъ.

— Я тебѣ могу показать любопытную вещь, Никитинъ, сказалъ Мосоловъ.—Какъ ты думаешь, она спитъ.

— Нѣтъ.

— Только не говори. Ей можешь потомъ сказать, когда познакомишься побольше. Другимъ—никому. Она не любитъ.

Окна квартиры были низко.

— Вотъ, конечно, это окно, гдѣ огонь? Мосоловъ посмотрѣлъ.—Оно. Видишь.

Дама въ траурѣ сидѣла пододвинувъ кресла къ столу. Лѣвою рукою она облокотилась на столъ; кисть руки поддерживала нѣсколько наклоненную голову, закрывая високъ и часть волосъ. Правая рука лежала на столѣ, и пальцы ея приподымались и опускались машинально, будто наигрывая какой-то мотивъ. Лицо дамы имѣло неподвижное выраженіе задумчивости, печальной, но больше суровой. Брови слегка сдвигались и раздвигались, сдвигались и раздвигались.

— И все время такъ, Мосоловъ?

— Видишь. Однако иди, а то простудимся. И то ужь четверть часа стоимъ.

— Какой ты безчувственный! сказалъ Никитинъ, пристально посмотрѣвъ на глаза товарища, когда проходили мимо ревербера черезъ переднюю.

— Причувствовался, братецъ. Это тебѣ въ первой.

Подавали закуску.

— А славная должна быть водка, сказалъ Никитинъ: — да какая же крѣпкая! Духъ захватываетъ!

— Эхъ, дѣвчонка! и глаза покраснѣли! сказалъ Мосоловъ.

Всѣ принялись стыдить Никитина. „Это только отъ того, что я поперхнулся, а то я могу пить“, оправдывался онъ. Стали

справляться, сколько часовъ. Только еще одиннадцать, съ полчаса можно еще поболтать, успѣемъ.

Черезъ полчаса Катерина Васильевна пошла будить даму въ траурѣ. Дама встрѣтила ее на порогѣ, потягиваясь послѣ сна.

— Хорошо вздремнули?

— Отлично.

— И какъ чувствуете себя?

— Превосходно. Я жь вамъ говорила, что пустяки: устала, потому что много дурачилась. Теперь буду солиднѣе.

Но нѣтъ, не удалось ей быть солидною. Черезъ пять минутъ она уже очаровывала Полозова и командовала молодежью, и барабанила маршъ или что-то въ этомъ родѣ черенками двухъ вилокъ по столу. Но торопила ѣхать, а другіе, которымъ ужь стало совсѣмъ весело отъ ея возобновлявшагося буйства, не спѣшили.

— Готовы лошади? спросила она, вставая изъ-за закуски.

— Нѣтъ еще, только велѣли запрягать.

— Несносные! Но если такъ Вѣра Павловна, спойте мнѣ что-нибудь: мнѣ говорили, у васъ хорошій голосъ.

Вѣра Павловна пропѣла что-то.

— Я васъ буду часто просить пѣть, сказала дама въ траурѣ.

— Теперь вы, теперь вы! пристали къ ней всѣ.

Но не успѣли пристать, какъ она уже сѣла за рояль.

— Пожалуй, только вѣдь я не умѣю пѣть, но это мнѣ не остановка, мнѣ ничто не остановка! но, mesdames и messieurs, я пою вовсе не для васъ, я пою только для дѣтей. Дѣти мои, не смѣйтесь надъ матерью! — а сама брала аккорды, подбирая аккомпаниментъ: — дѣти не смѣть смѣяться, потому что я буду пѣть съ чувствомъ. И стараясь выводить ноты какъ можно визгливѣе, она запѣла:

Стонетъ сизый...

Молодежь фыркнула при такой неожиданности, и остальная компанія засмѣялась, и сама пѣвица не удержалась отъ взрыва смѣха, но подавивъ его, съ удвоенною визгливостью продолжала:

... голубочекъ
Стонетъ онъ и день и ночь:
Его миленькій дружо...

но на этомъ словѣ голосъ ея въ самомъ дѣлѣ задрожалъ и оборвался. „Не выходитъ — и прекрасно, что не выходитъ, это не должно выходить — выйдетъ другое, получше; слушайте, дѣти мои, наставленіе матери: не влюбляйтесь, и знайте, что вы не должны жениться“. Она запѣла сильнымъ, полнымъ контральто:

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ;
Сладко любить ихъ—завидная доля!
Но,—

это „но“ глупо, дѣти,—

Но веселѣй молодецкая воля.

не въ томъ возраженіе, — это возраженіе глупо,—но вы знаете, потому:

Не женися, молодецъ!
Слушайся меня!

Дальше, дѣти, глупость; и это, пожалуй, глупость: можно, дѣти, и влюбляться можно, и жениться можно, только съ разборомъ, и безъ обмана, безъ обмана, дѣти. Я вамъ спою про себя, какъ я выходила замужъ, романсъ старый, но вѣдь и я старуха. Я сижу на балконѣ, въ нашемъ замкѣ Дальтонѣ, вѣдь я шотландка, такая бѣленькая, бѣлокурая; подлѣ лѣсъ и рѣка, Брингалъ; къ балкону, конечно, тайкомъ, подходитъ мой женихъ; онъ бѣдный, а я богатая, дочь барона, лорда; но я его очень люблю, и я ему пою:

Красивъ Брингала брегъ крутой
И зеленъ лѣсъ кругомъ:
Мнѣ съ другомъ тамъ пріютъ дневной

потому что я знаю, днемъ онъ прячется, и каждый день мѣняетъ свой пріютъ,—

Милѣй, чѣмъ отчій домъ;

впрочемъ, отчій-то домъ былъ не слишкомъ милъ и въ самомъ дѣлѣ. Такъ я пою ему: я уйду съ тобою. Какъ вы думаете, что онъ мнѣ отвѣчаетъ?

„Ты хочешь, дѣва, быть моей,
Забыть свой родъ и санъ.

потому что вѣдь я знатная,—

Но прежде отгадать съумѣй,
Какой мнѣ жребій данъ.

Ты охотникъ? говорю я. „Нѣтъ“. — Ты браконьеръ? — „Почти угадала“, говоритъ онъ,—

Какъ мы соберемся, дѣти тьмы,

Потому что вѣдь мы съ вами, дѣти mesdames и messieurs, очень дурные люди,—

То должно намъ, повѣрь,
Забыть, кто прежде были мы,
Забыть, кто мы теперь.

Поетъ онъ. — Давно отгадала, говорю я:—ты разбойникъ; что-жь, это правда, онъ разбойникъ, — да? онъ разбойникъ. Что-жь отвѣчаетъ онъ, господа? „видишь, говоритъ, я плохой женихъ тебѣ:

О дѣва, другъ недобрый я;
Глухихъ лѣсовъ жилецъ;

совершенная правда, глухихъ лѣсовъ, потому, говоритъ, не ходи со мною,

Опасна будетъ жизнь моя,

потому что вѣдь въ глухихъ лѣсахъ звѣри,—

Печаленъ мой конецъ,—

это не правда, дѣти, не будетъ печаленъ, но тогда я думала, и онъ думалъ; но все-таки я отвѣчаю свое:

Красивъ Брингала брегъ крутой
И зеленъ лѣсъ кругомъ;
Мнѣ съ другомъ тамъ пріютъ дневной
Милѣй, чѣмъ отчій домъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, такъ было. Значитъ, мнѣ и нельзя жалѣть: мнѣ было сказано, на что я иду. *Такъ* можно жениться и любить, дѣти: безъ обмана; и умѣйте выбирать.

Мѣсяцъ встаетъ
И тихъ и спокоенъ;
А юноша—воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ;
И дѣва ему говоритъ:
„Мой милый, смѣлѣе
Ввѣряйся ты року!“—

въ такихъ можно влюбляться, на такихъ можно жениться.

(„—Забудь, что я тебѣ говорила, Саша, слушай ее!—шепчетъ одна и жметъ руку. Зачѣмъ я не говорила тебѣ этого? теперь буду говорить“, шепчетъ другая).

—такихъ любить разрѣшаю и благословляю, дѣти:

Мой милый, смѣлѣе
Ввѣряйся ты року!

совсѣмъ развеселилась я съ вами,—а гдѣ веселье, тамъ надобно пить,

Гей, шинкарочка моя,
Насыпь меду и вина,—

медъ только потому, что изъ пѣсни слова не выкинешь,—шампанское осталось? да?—отлично!—откупоривайте.

Гей, шинкарочка моя,
Насыпь меду й вина,
Та щобъ моя головонька
Веселонька була!

кто шинкарка? я шинкарка:

А у шинкарки черны бривки
Кованы подкивки!

она вскочила, провела рукой по бровямъ и притопнула каблуками,—

— Налила, готово!—mesdames и messieurs, и старикашка, и дѣти,—берите, щобъ головоньки веселонки були!

— За шинкарку! за шинкарку!

— Благодарю! пью свое здоровье, и она опять была за роялемъ и пѣла:

Да разлетится горе въ прахъ!

и разлетится,—

И въ обновленныя сердца
Да снидетъ радость безъ конца,—

такъ и будетъ,—это видно:

Черный страхъ бѣжитъ какъ тѣнь
Отъ лучей, несущихъ день;
Свѣтъ, тепло и ароматъ
Быстро гонятъ тьму и хладъ;
Запахъ тлѣнья все слабѣй
Запахъ розы все слышнѣй ..

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Перемѣна декорацій.

— Въ Пассажъ! сказала дама въ траурѣ, только теперь она была уже не въ траурѣ: яркое розовое платье, розовая шляпа, бѣлая мантилья, въ рукѣ букетъ. Ѣхала она не одна съ Мосоловымъ; Мосоловъ съ Никитинымъ сидѣли на передней лавочкѣ коляски, на козлахъ торчалъ еще третій юноша; а рядомъ съ дамою сидѣлъ мужчина лѣтъ тридцати. Сколько лѣтъ было дамѣ? неужели 25, какъ она говорила, а не 20? Но это дѣло ея совѣсти, если прибавляетъ.

— Да, мой милый, я два года ждала этого дня, больше двухъ лѣтъ; въ то время, какъ познакомилась вотъ съ нимъ (она указала глазами на Никитина), я еще только предчувствовала, но нельзя сказать, чтобы ждала; тогда была еще только надежда, но скоро явилась и увѣренность.

— Позвольте, позвольте! говоритъ читатель, — и не одинъ проницательный, а всякій читатель, приходя въ остолбенѣніе по мѣрѣ того, какъ соображаетъ: — слишкомъ черезъ два года послѣ того, какъ познакомилась съ Никитинымъ?

— Такъ, отвѣчаю я.

— Да вѣдь она познакомилась съ Никитинымъ тогда же, какъ съ Кирсановыми и Бьюмонтами, на этомъ пикникѣ, бывшемъ въ концѣ нынѣшней зимы?

— Совершенная правда, отвѣчаю я.

— Такъ что-жь это такое? вы начинаете разсказывать о 1865 годѣ?

— Такъ.

— Да можно ли это, помилуйте!

— Почему жь нельзя, если я знаю?

— Полноте, кто же станетъ васъ слушать!

— Неужели вамъ не угодно?

— За кого вы меня принимаете?—Конечно, нѣтъ.

— Если вамъ теперь не угодно слушать, я разумѣется, долженъ отложить продолженіе моего разсказа до того времени, когда вамъ угодно будетъ его слушать. Надѣюсь дождаться этого довольно скоро.

4 апрѣля 1863

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. П. КАРБАСНИКОВА.

С.-Петербургъ, 1) Литейный пр., № 46; 2) внутри Гостиннаго двора, кладовая № 21. **Москва**, Моховая улица, д. Баженова. **Варшава**, Новый Свѣтъ, № 67. **Вильна**, Большая ул., д. Гордона

находятся на складѣ слѣдующія сочиненія

Н. Г. Чернышевскаго.

ОЧЕРКИ ГОГОЛЕВСКАГО ПЕРІОДА

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(„Современникъ“ 1855—1856 гг.)

изданіе 1893 года.

ЗАМѢТКИ

О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ 1856—1862 гг.

(„Современникъ“ 1856—1862 гг.)

— Замѣтки о журналахъ. — «Время». — Новыя повѣсти. — Сочиненія Грановскаго. — Полемическія красоты. — Въ изъявленіе признательности. —

изданіе 1894 года.

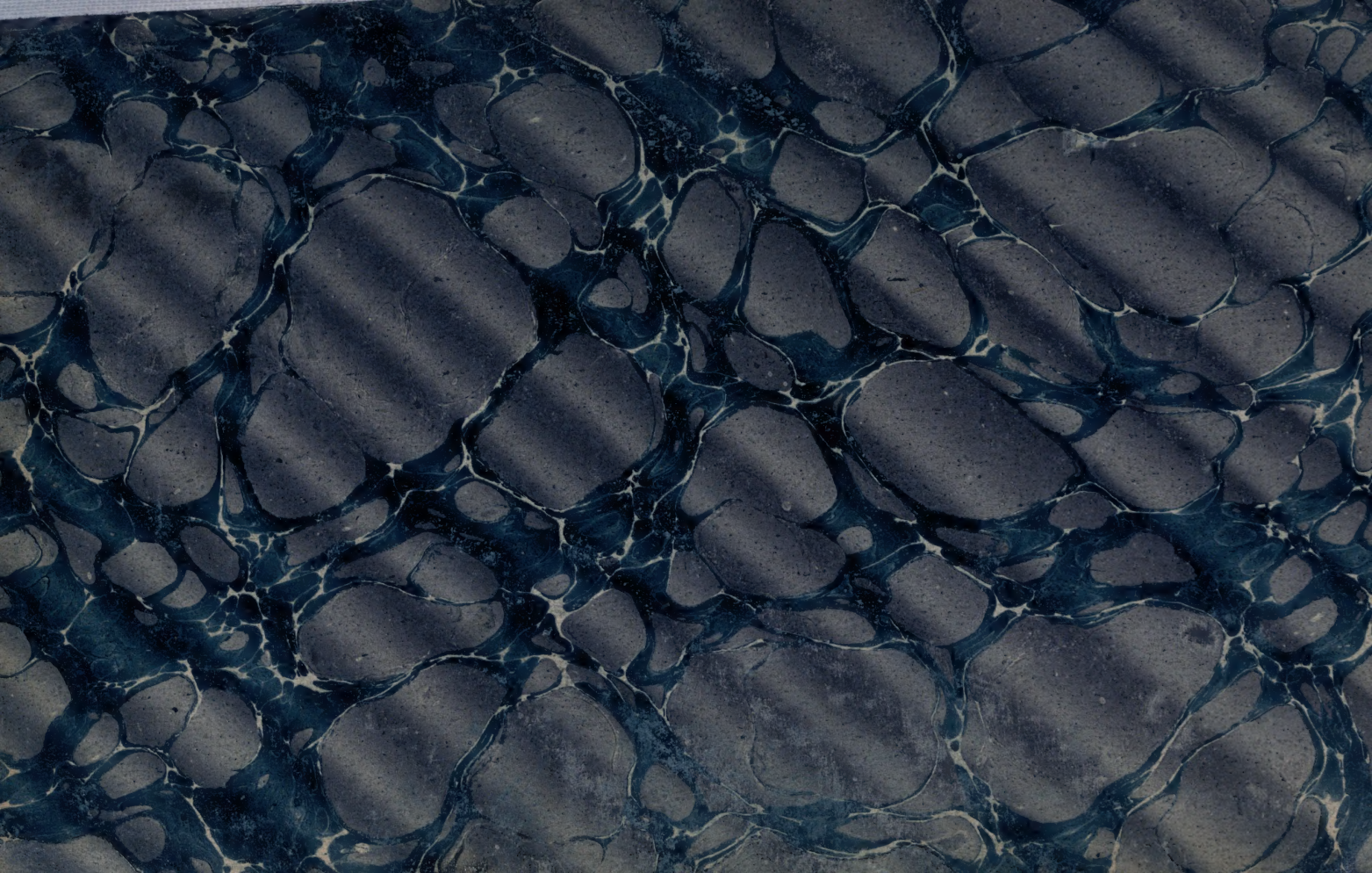
СТАТЬИ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ

(„Современникъ“ 1857—1859 гг.)

изданіе 1905 года.

Цѣна по 2 руб. за каждый томъ безъ пересылки.

Дозв. ценз. Спб. 14 марта 1905 г. Тип. В. А. Тиханова Сад. 27.



PG
3321
C6C4
1905

Chernyshevskii, Nikolai
Gavrilovich
Chto delat'?

24.
28 p

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY